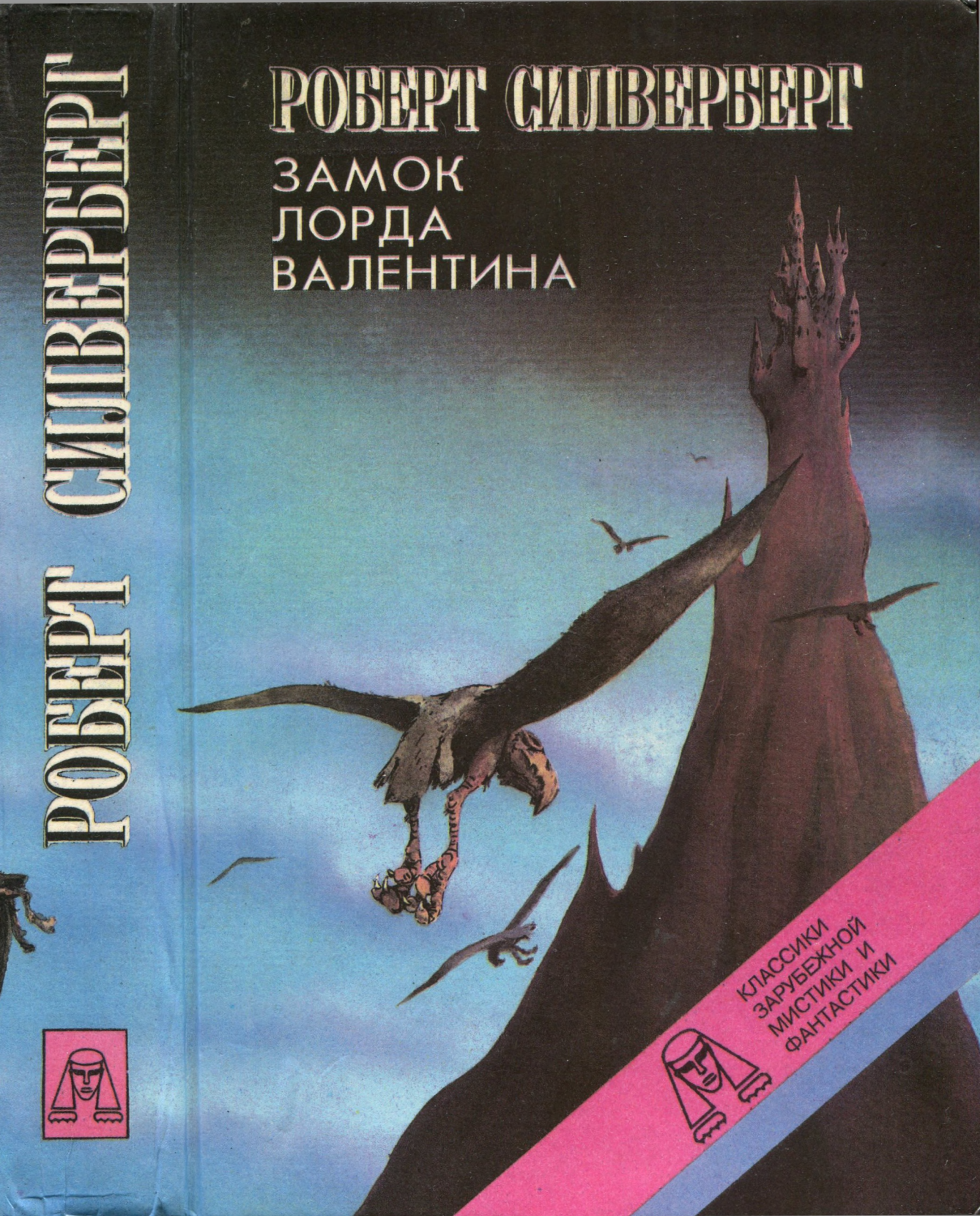
РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

КЛАССИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ МИСТИКИ И ФАНТАСТИКИ

КЛАССИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ МИСТИКИ И ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

фантастические романы

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

СМЯДЫНЬ

АДА
1993

ББК 84.7
С 96

Художник А. Штыхин

Силверберг Р.

С 96 Замок лорда Валентина. Хроники Маджипура. Фантастические романы. Пер. с англ. Кн. изд-во "Смядынь". "Ада". 1993. 576 с.

ISBN 5-7794-0107-1

Властитель гигантской планеты Маджипур был лишен власти не в результате захвата трона, а весьма необычным способом: его сознание (душу) заговорщики переместили в тело какого-то погибшего несчастного, а в его "пустую скорлупу трансплантировали душу" узурпатора — таков основной конфликт романа "Замок Лорда Валентина", полного фантастических приключений и мистических загадок.

Фантастические романы Роберта Силверберга не однажды удостаивались в США самых престижных литературных премий. Сам автор долгое время был президентом ассоциации американских писателей-фантастов. В его романах уживаются представители всех миров и рас, образуя особую цивилизацию, которую нам даже трудно представить. Путешествие по такой стране-планете Маджипуру предстает в своеобразном сплаве реальности, фантастики и волшебства. Это мир ни на что не похожий и все-таки пронизанный в итоге человеческими чувствами — любовью, страхами, сомнениями, властолюбием. Это занимательное и вместе с тем познавательное и поучительное чтение, надолго остающееся в памяти.

Некоторые разночтения в именах и названиях в первом и втором романах объясняются разными переводами.

ISBN 5-7794-0107-1

С $\frac{4703040100}{\text{ОЕ } 0/03/-93}$ без объявл.

© Художественное оформление
"Ада", 1993

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

Часть первая

КНИГА КОРОЛЯ СНОВ

Глава 1

После долгого дня пути в золотой дымке влажного тепла, которая собиралась над Валентином, как легкая мокрая шерсть, он пришел к большому выступу обнажившегося белого камня, возвышавшегося над городом Пидруд. Пидруд был провинциальной столицей, пышной и величественной.

Это был самый большой город, который Валентин видел с..? Ну, самый большой город за долгое время странствий, во всяком случае.

Здесь он остановился, сел на край мягкого, крошившегося белого гребня, погрузив обутые в сапоги ноги в хлопья осыпавшегося камня, и посмотрел вниз на Пидруд, моргая, словно только что проснулся.

В этот летний день до сумерек оставалось еще несколько часов, и солнце висело высоко на юго-западе за Пидрудом, над Великим Морем. "Отдохну здесь некоторое время, — подумал Валентин, а потом спущусь в Пидруд и найду место для ночлега".

Отдыхая, он услышал, что сзади, с более высокой части гребня катятся камешки. Он неторопливо оглянулся. Появился погонщик, мальчик с соломенного цвета волосами и веснушчатым лицом, ведший вереницу из пятнадцати верховых животных вниз по горной тропе.

— Эй! — окликнул мальчик Валентина. — Куда направляешься?

— В Пидруд. А ты?

— Тоже. Веду этих животных на рынок, а эта работа вызывает жажду. У тебя есть вино?

— Немного, — сказал Валентин.

Он похлопал по фляжке на бедре, где более воинственный человек носил бы оружие.

— Дай мне выпить, а я разрешу тебе въехать верхом в город со мной.

— Договорились, — сказал Валентин.

Когда мальчик спешился и спустился по выступу, Валентин предложил ему флягу.

Мальчику было не больше четырнадцати-пятнадцати лет. Он был мал ростом для своего возраста, но широкогруд и мускулист. Он едва доставал до локтя Валентина, высокого,

репкого мужчины среднего веса, с широкими плечами и ольшими руками.

Мальчик покрутил фляжку, принюхался со знанием дела, добрительно кивнул, сделал большой глоток и вздохнул.

— Глотал пыль всю дорогу до Фалкинкина! Жара чертовская — прямо душит! Еще один сухой час — и я стал бы пойником.

Он вернул фляжку Валентину.

— Ты живешь в городе?

Валентин нахмурился.

— Нет.

— Значит, приехал на фестиваль?

— Какой фестиваль?

— А ты не знаешь?

Валентин покачал головой. Он чувствовал иронию в светых, насмешливых глазах мальчика, и это его смущало.

— Я путешествовал и не следил за новостями. А что, сейас в Пидруде ожидается фестиваль?

— На этой неделе, — сказал мальчик. — Начало в Звездый День. Большой парад, цирк, королевское торжество. Помотри вниз. Разве не видишь даже отсюда, как он входит город?

Валентин проследил за вытянутой рукой мальчика, укаывавшей на южный угол Пидруда, но увидел только скопение зеленых черепичных крыш и лабиринт древних улиц, ыстроенных без всякого плана. Он снова покачал головой.

— Вон там, — нетерпеливо сказал мальчик, — внизу, у гаани. Видишь корабли? Пять потрясающих кораблей с короевским знаменем на мачтах. А вот процессия, идущая через орота Дракона, чтобы войти на Черное Шоссе. Наверное, то его колесница идет теперь мимо Арки Снов. Неужели не идишь? Может, у тебя плохо с глазами?

— Я не знаю города, — мягко сказал Валентин. — Ну да, вижу гавань и пять кораблей.

— Хорошо. Теперь смотри чуть правее. Видишь большие аменные ворота и широкое шоссе, ведущее к ним? А это — еремониальная арка...

— Да, теперь я вижу.

— И его знамя над колесницей?

— Чье знамя? Ты прости, что я такой бестолковый, но...

— Чье? Как чье? Знамя Лорда Валентина! Колесница Лора Валентина! По улицам Пидруда идут телохранители Лора Валентина. Разве ты не знаешь, что прибыл Корональ?

— Нет.

— А фестиваль? С чего бы ему быть летом, как не для то, чтобы приветствовать Короналя?

Валентин улыбнулся.

— Я путешествовал и не следил за новостями. Хочешь еще вина?

— Там мало осталось, — сказал мальчик.

— Пей. В Пидруде я куплю еще.

Он протянул мальчику фляжку и повернулся к городу, пробежав глазами по склону через лесные окрестности и в другую сторону, к воде и к большим кораблям, к знаменам, к маршировавшим воинам, к колеснице Короналя. Наверное, это был великий момент в истории Пидруда, потому что Корональ правит из далекого Горного Замка на другой стороне моря, так далеко, что и он, и Замок стали почти легендарными в мире Маджипура. Коронали Маджипура нечасто бывали на западном континенте. Но Валентина почему-то не трогало присутствие внизу его сиятельного тезки.

Корональ здесь, и я здесь, думал он, и ему придется ночевать в какой-нибудь копне сена, а потом будет большой фестиваль. Ну и что? Ему было даже стыдно, что он так спокоен перед восторгом мальчика. Это было невежливо, и он сказал:

— Прости меня, я так мало знаю о том, что произошло в мире за эти несколько месяцев. Почему Корональ здесь?

— Он совершает Большое шествие по всему королевству, чтобы отметить свой приход к власти. Понимаешь, это новая власть. Лорд Валентин всего два года на троне. Он брат умершего Лорда Вориакса. Ты знаешь, что Лорд Вориакс умер, и что Лорд Валентин стал нашим Короналем?

— Я слышал, — неопределенно ответил Валентин.

— Ну так вот, он в Пидруде. Он объезжает королевство с того момента, как получил замок. Он был целый месяц на юге, в лесных провинциях, а третьего дня приплыл в Пидруд. Ночью он войдет в город, и несколько дней здесь будет фестиваль, еда и выпивка для всех, игры, танцы, удовольствия, большой рынок, где я продам этих животных за хорошую цену. Потом он поедет через весь континент Зимрол от столицы к столице, а это столько тысяч миль, что у меня голова болит думать об этом, а с восточного берега он отплывет обратно в Алханрол, в Горный Замок, и никто из нас не увидит его еще лет двадцать, а то и больше. Хорошее это дело быть Короналем!

Мальчик засмеялся.

— Отличное было вино. Меня зовут Шанамир. А тебя?

— Валентин.

— Валентин. Замечательное имя!

— Обычное, по-моему.

— Поставь впереди Лорд — и будешь Короналем!

— Это не так просто. Да и зачем мне быть Короналем?

— Власть, — сказал Шанамир.

Широко открыв глаза, он сказал:

— Хорошая одежда, еда, вино, драгоценности, дворцы, женщины...

— Ответственность, — сумрачно сказал Валентин, — время. Ты думаешь, Короналю нечего больше делать, как только пить золотое вино и ходить в процессиях? Ты думаешь, он приплыл сюда только для своего удовольствия?

Мальчик задумался.

— Может быть, и нет.

— Он правит миллиардами людей на такой огромной территории, какую мы даже представить себе не можем. На его плечах лежит многое: проводить декреты Понтифакса, поддерживать порядок и справедливость по всей планете — мне даже подумать об этом страшно, мальчик. Он следит, чтобы мир не скатился в хаос. Я не завидую ему. Пусть делает свое дело.

Шанамир, помолчав, сказал:

— А ты не так глуп, Валентин, как я подумал сначала.

— Значит, ты думал, что я дурак?

— Ну, простоватый, легкого ума. Ты взрослый мужчина, а о некоторых вещах знаешь так мало, что я, вдвое моложе тебя, должен тебе объяснять. Но я, как видно, недооценивал тебя. Ну, поехали в Пидруд?

Глава 2

Валентин мог сесть на любое животное из тех, что мальчик вел на рынок, но все они казались ему одинаковыми, так что он только сделал вид, что выбирает, и, выбрав одно наугад, легко сел в естественное седло животного. Сидеть было удобно, потому что эти животные специально выводились в течение тысячелетий из древних искусственных животных, созданных с помощью магии. Они были сильны, неутомимы, терпеливы, могли есть что угодно. Искусство их было давно утрачено, но теперь они размножались сами, как настоящие животные, и без них передвигаться по Маджипуру было бы весьма медленным делом.

Дорога на Пидруд примерно с милю шла вдоль высокого гребня, а затем внезапно резко спускалась на прибрежную равнину.

Валентин дал мальчику полную возможность болтать, и Шанамир рассказывал, что до округа, где он живет, два с половиной дня пути, что там он, его отец и братья выращивают животных для продажи на рынке Пидруда и прилично живут на это, что ему тринадцать лет, и он о себе высокого мне-

ния, что он никогда не бывал за пределами провинции, столицей которой является Пидруд, но когда-нибудь он пройдет по всему Маджипуру, совершит паломничество на Остров Сна и преклонит колена перед Леди, пересечет Внутреннее Море до Алханрола, дойдет до подъема к Горному Замку, пройдет на юг, может быть, даже в сожженную солнцем голую область Короля Снов. Нельзя быть молодым и здоровым в мире, наполненном чудесами, если не видишь всего его стороны.

— А ты, Валентин, кто такой, откуда и куда идешь? — спросил он вдруг.

Валентин был захвачен врасплох. Убаюканный болтовней мальчика и мерным, приятным ходом животного, спускавшегося по извилистой тропе, он не был готов к вопросу. Он сказал только:

— Я из восточных провинций. Дальше Пидруда пока не планировал ничего. Останусь здесь, если не будет причины уйти.

— Зачем ты идешь?

— А почему мне не идти?

— Ах, — сказал Шанамир, — ладно. Я узнаю уклончивый ответ, когда слышу его. Ты младший сын герцога в Ни-Мойе или Цилиплоке, ты навел на кого-то нехороший сон, тебя поймали на этом, и твой отец дал тебе кошелек с деньгами и отправил в путь. Правильно?

— Точно, — сказал Валентин, подмигнув.

— Ты нагружен реалами и кронами и устроишься в Пидруде, как принц, и будешь пить и плясать, пока не истратишь последнюю монетку, а затем наймешь морской корабль и поплывешь в Алханрол и возьмешь с собой меня как своего оруженосца. Так, или нет?

— Точно, мой друг. За исключением денег. Эту часть твоей фантазии я не предусмотрел.

— Но хоть какие-то деньги у тебя есть? — спросил Шанамир уже более серьезно. — Ты ведь не нищий? В Пидруде очень строги к нищим. Там не разрешают никакого бродяжничества.

— У меня есть несколько монет, — сказал Валентин. — Их хватит, на время фестиваля, а там увидим.

— Если ты пойдешь в море, возьми меня с собой, Валентин.

— Если пойду — возьму.

Теперь они уже наполовину спустились со склона. Пидруд лежал в глубокой чаше вдоль берега, окруженный низкими холмами. Лишь в одном месте холмы прерывались, пропуская океан, который образовал здесь великолепную бухту. Когда поздним вечером Валентин и Шанамир спустились к морю, они почувствовали береговой ветер, холодный,

снимающий жару. Белый туман тянулся к берегу с запада, воздух имел резкий привкус соли и был сейчас насыщен влагой, всего несколько часов назад омывающей рыб и морских драконов.

Валентин был потрясен размерами города, лежавшего перед ним. Он не мог вспомнить, видел ли он когда-либо город больше этого. Но он, в сущности, не только это, а очень многое не мог вспомнить.

Это был край континента. Весь Зимрол лежал за спиной Валентина, и он знал только, что прошел его из конца в конец, от одного из восточных портов — Ни-Мойи или Пилиплока. Но он знал, что он достаточно молод, хотя и сомневался, можно ли пройти такой путь пешком за целую жизнь. Он не помнил, чтобы у него были какие-нибудь верховые животные, если не считать того, на котором он ехал сегодня. С другой стороны, он вроде бы умел ездить верхом и уверенно сел в широкое седло животного, и это доказывало, что он, как видно, все же проехал часть пути. Но это все неважно. Он здесь и не чувствует усталости. Раз уж он каким-то образом прибыл в Пидруд, в Пидруде он и останется, пока не будет причин идти дальше. У него не было жажды Шанамира к путешествиям.

Мир был так велик — подумать страшно: три больших континента, два огромных океана, пространство, которое можно было представить лишь во сне. Говорят, Лорд Валентин Корональ жил в замке, построенном восемь тысяч лет назад, и комнат в нем строилось по пять каждый год, и стоял этот Замок на такой высокой Горе, что она пронзила небо. Ее колоссальные пики имели тридцать миль в высоту, и на ее склонах было пятьдесят городов, таких же больших, как Пидруд. Такое просто нельзя было себе представить. Мир был слишком огромен, слишком стар, слишком населен, чтобы человек мог себе это представить. "Я буду жить в этом городе, — думал Валентин, — найду способ заплатить за пищу и ночлег и буду счастлив".

— У тебя, естественно, не заказана постель в гостинице? — сказал Шанамир.

— Об этом стоило бы подумать.

— В городе сейчас все гостиницы забиты, потому что фестиваль и Корональ здесь. Где ты будешь спать, Валентин?

— Где-нибудь. Под деревом. На куче песка. В общественном парке. Вот, направо, кажется, парк с высокими деревьями.

— Ты помнишь, что я тебе говорил насчет бродяг? Тебя найдут и посадят под замок на месяц, а затем заставят подметать навоз, а плата такова, что ты будешь заниматься этим до конца дней.

— Во всяком случае, подметание навоза — работа постоянная, — сказал Валентин.

Но Шанамир не засмеялся.

— Есть гостиница, где останавливаются продавцы верховых животных, мы как-нибудь устроим тебя там. Ну, что бы ты делал без меня?

— Ты ведь не веришь, что я стал бы подметальщиком навоза.

Мальчик коснулся уха животного, остановил его и пристально посмотрел на Валентина.

— Что ты собираешься делать, Валентин? Я тебя не понимаю. То ли ты дурак, то ли просто самый беспечный человек в Маджипуре.

— Я и сам хотел бы это знать, — сказал Валентин.

У подножия гребня дорога соединялась с шоссе, которое шло вниз с севера и поворачивало на запад к Пидруду. Новая дорога, широкая и прямая, шла по цветущей долине, где по бокам стояли низкие белые мемориальные доски с двойным гербом Понтифакса и Короналя — Лабиринтом и горящей звездой. Дорога была вымощена гладким голубовато-серым материалом, слегка пружинившим, без единого изъяна.

Она вероятно была дорогой великой древности, как множество других прекрасных вещей в этом мире. Животные шли без устали. Поскольку они были синтетическими, они почти не чувствовали усталости и могли пройти от Пидруда до Пилиплока без отдыха и без жалоб. Время от времени Шанамир оглядывался назад, проверяя, не отстал ли кто, поскольку животные не были связаны, но все они шли точно на своих местах друг за другом, почти уткнув морды в хвосты передних, вдоль края шоссе.

Солнце уже приняло бронзовый вечерний оттенок, и город был совсем близко.

Эта часть дороги сама по себе представляла потрясающее зрелище. С обеих сторон ее росли благородные деревья, в тридцать раз превышавшие рост человека. В их мощных кронах блестели черно-зеленые листья, острые, как кинжалы. Из этих листьев выглядывали гроздья цветов, красные с желтым. Они сияли, как маяки.

— Что это за деревья? — спросил Валентин.

— Огненные пальмы, — ответил Шанамир. — Они растут только вблизи побережья и цветут всего одну неделю в году. Пидруд славится ими. Зимой с них падают кислые ягоды. Из них делают крепкое вино. Вечером попробуешь.

— Корональ выбрал подходящее время для приезда.

— Я думаю, не случайно.

Двойной ряд блестящих деревьев тянулся до открытых полей, за которыми виднелись первые загородные виллы. Дальше шла грубая пригородная дорога с более скромными домами, затем пыльная зона маленьких фабрик и, наконец, древняя стена самого Пидруда высотой в два раза меньше огненных пальм, продырявленная остроконечной аркой с архаически выглядевшими строениями.

— Ворота Фалкинкина, — возвестил Шанамир, — восточный вход в Пидруд. Мы входим в столицу. Одиннадцать миллионов душ, Валентин. Здесь можно найти все расы Маджипура, не только людей, а всех: скандары, хорты, лимены, и все прочие. Говорят, есть даже небольшая группа Изменяющих Форму.

— Кто это?

— Древняя раса, первоначальные.

— Мы называем их еще как-то, — неуверенно сказал Валентин. — Метаморфы, кажется?

— Да. Это то же самое. Я слышал, что на востоке их называют именно так. У тебя странный акцент. Ты знаешь об этом?

— Не страннее твоего, дружище?

Шанамир засмеялся.

— Мне твой акцент кажется странным, а у меня его вообще нет. Ты как-то странно выговариваешь слова. Мы зовем их метаморфы, — передразнил он. — Вот как это у тебя звучит. Так говорят в Ни-Мойе?

Валентин засмеялся.

— Я боюсь этих Изменяющих Форму, — сказал Шанамир, — метаморфов. Без них планета, наверное, была бы счастливее. Шныряют вокруг, имитируют других, творят зло. Я бы хотел, чтобы они оставались на своей территории.

— Их много здесь?

— Много. Говорят, что они есть в каждом городе. Замышляют неведомо какие неприятности для всех нас.

Шанамир наклонился к Валентину, схватил его за руку и строго посмотрел ему в лицо.

— Их можно встретить где угодно, скажем, сидящих на гребне горы в жаркий полдень и гуляющих по Пидруду.

— Значит, ты считаешь меня метаморфом в другом обличье?

Шанамир хихикнул.

— Докажи, что ты не метаморф!

Валентин искал какой-нибудь способ продемонстрировать свою подлинную сущность, но не нашел, скроил страшную гримасу, растянул щеки, словно они были резиновыми, свернул рот в сторону и выкатил глаза.

— Вот мое настоящее лицо, — сказал он. — Ты разоблачил меня!

Оба засмеялись и проехали через ворота Фалкинкина в город Пидруд.

За воротами все казалось еще более старинным. Дома были выстроены в любопытном угловатом стиле, горбатые стены направлены наружу и выше крытых черепицей крыш, а сама черепица была растрескавшаяся, расколотая, усеянная тяжелыми пучками низкой травы с мясистыми листьями, растущими в трещинах.

Над городом висел тяжелый слой тумана, под ним было темно и холодно. Почти в каждом окне горел свет.

Главное Шоссе все сужалось, пока наконец Шанамир не повел своих животных по совсем узкой, но все еще идеально прямой улице. Множество улиц отходило от нее во все стороны.

Улицы были полны народа. Всякая толпа была чем-то неприятна Валентину. Он не мог вспомнить, бывало ли когда-нибудь вокруг него так много людей, почти вплотную проходивших мимо него, толкавшихся, перебегавших дорогу. Это была толпа носильщиков, торговцев, моряков, мелких разносчиков, людей с холмов, вроде Шанамира, привозивших на рынок животных или продукты, туристов в нарядных плащах с яркими вышивками и вездесущих ребятишек под ногами. Фестиваль в Пидруде!

С верхних этажей зданий через улицу тянулись ярко-зеленые флаги с гербом горящей звезды и ярко-зеленой надписью, приветствовавшей приезд Лорда Валентина Короналя в самую большую западную метрополию.

— Далеко еще до гостиницы? — спросил Валентин.

— На полпути через город. Ты проголодался?

— Чуть-чуть. Может, даже больше.

Шанамир подал сигнал животным, и они послушно отправились в тупичок между двумя аркадами, где Шанамир их и оставил. Затем он указал на крошечный грязный ларек на другой стороне улицы.

Над горящими углями висели нанизанные на вертел сосиски. Продавец был лимен, приземистый, с молотообразной головой, с рябой черно-серой кожей и тремя глазами, сверкающими, как угли. Мальчик объяснил жестами, и лимен подал им два вертела с сосисками и налил светло-янтарного пива.

Валентин достал монету и положил на стойку. Это была толстая, яркая, блестящая монета, а лимен посмотрел на нее так, словно Валентин предложил ему скорпиона.

Шанамир поспешно схватил монету, вернул ее Валентину и положил на стойку свою — четырехугольную, медную, с

треугольной дыркой в середине. Затем они пошли со своим обедом в тупичок.

— Я сделал что-то не так? — спросил Валентин.

— За эту твою монету можно купить самого лимена со всеми его сосисками и месячным запасом пива! Где ты ее взял?

— Из своего кошелька.

— У тебя есть еще такие?

— Наверное, — сказал Валентин.

Он осмотрел монету. На одной стороне ее было изображение старика, худого и морщинистого, а на другой — лицо молодое и мужественное.

Монета была достоинством в пятьдесят реалов.

Значит, она была слишком ценной, чтобы давать ее где попало? Что можно на нее купить?

— Пять моих животных, — сказал Шанамир. — Жить целый год, как принц, поехать в Алханрол и вернуться обратно. Многим из нас надо работать за нее несколько месяцев. Ты совсем не представляешь ценности вещей?

— Похоже, что так, — сказал Валентин, глядя вниз.

— Эти сосиски стоят десять весовых единиц. Сто весовых единиц — крона, десять крон — реал, а эта монета — пятьдесят реалов. Теперь понял? Я разменяю ее для тебя на рынке, а пока держи ее при себе. Это честный город, здесь более или менее безопасно, но с кошельком, набитым такими монетами, ты искушаешь судьбу. Почему ты мне не сказал, что у тебя целое состояние?

Валентин развел руками.

— Потому что не знал, я полагаю. Странная какая-то простота у тебя, Валентин. Я чувствую себя перед тобой мужчиной, хотя я еще мальчик. Ты вообще что-нибудь знаешь? Ты знаешь хоть, сколько тебе лет? Допивай пиво и поедем дальше.

Валентин кивнул. Сто весовых единиц — крона, десять крон — реал. Он задумался, как ответить Шанамиру насчет возраста.

Двадцать восемь? Тридцать два? Он не имел представления. Что сказать? Тридцать два, — решил он. — Это хорошо звучит. Да, мне тридцать два года, и десять крон — это реал, а блестящая монета, где изображены старик и юноша, ценится в пятьдесят реалов.

Глава 3

Дорога в гостиницу Шанамира шла прямо через центр Пидруда, через кварталы, где даже в этот поздний час было

полно возбужденного народа. Валентин спросил, не из-за визита ли это Короналя, но Шанамир ответил, что нет, что город всегда такой, поскольку он главный порт на западном побережье Зимрола. Отсюда корабли уходят во все главные порты Маджипура, не только в обе стороны вдоль побережья, но и через Внутреннее Море в далекое путешествие к Алханролу, занимающее большую часть года. Когда Валентин думал о всем Маджипуре целиком, он чувствовал, как его давит тяжесть мира, его абсолютная масса, хотя он сознавал, что это глупо, потому что Маджипур — свет и воздушное пространство, гигантский пузырь на планете, огромный, но без видимой субстанции, где человек всегда чувствует себя на поверхности, всегда плывет. Откуда же это чувство тяжести, откуда эти моменты необоснованного страха? Он быстро привел себя в хорошее настроение.

Скоро он ляжет спать, а утром будут новые чудеса.

— Пересечем золотую площадь, — сказал Шанамир, — и пойдем по портовой дороге, ведущей к пирсам, а наша гостиница в десяти минутах ходьбы. Площадь тебя ошеломит.

И Валентин увидел огромное четырехугольное пространство, на котором могли бы проводить учения две армии, со всех сторон застроенное громадными зданиями, широкие плоские фасады которых были инкрустированы потрясающими узорами из золотых листьев, так что при вечернем освещении громадные башни сверкали не менее ярко, чем огненные пальмы.

Но оказалось, что сегодня пересечь площадь нельзя: в сотне шагов от восточного входа она была перегорожена толстым витым шнуром из красного плюща, за которым стояли отряды в униформе телохранителей Короналя, чопорные, бесстрастные, сложившие руки на груди зеленых с золотом камзолов. Шанамир спрыгнул со спины животного и быстро заговорил с торговцем-разносчиком. Вернувшись, он угрюмо сказал:

— Все полностью загорожено. Да пошлет им Король Снов мучительный сон в эту ночь!

— Что случилось?

— Корональ поместился в главном дворце. Это самое большое здание с зубчатыми золотыми завитками на стенах на той стороне площади. Никто не должен проходить близко. Мы не можем даже обогнуть площадь по внутреннему краю, потому что там масса народа, желающего хоть мельком увидеть Лорда Валентина. Так что обходить придется кругом, это займет час времени, если не больше. Ну, ладно, спать — это не главное, я думаю. Смотри, вот он!

Шанамир показал на высокий балкон на фасаде главного дворца. На нем появились фигуры. На таком расстоянии они казались не больше мышей, но мышей с достоинством и значительностью, одетых в роскошные одежды. Фигур было пятеро и центральная была наверняка Короналем.

Шанамир вытянулся и встал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Валентин сумел рассмотреть немногое: темноволосый человек, кажется, с бородкой, в тяжелом белом меховом плаще поверх зеленого или светло-синего камзола. Корональ стоял у перил балкона, протянув руки к толпе, которая изображала растопыренными пальцами символ горящей звезды, и снова и снова выкрикивала его имя:

— Валентин! Валентин!

Шанамир, стоя рядом с Валентином, тоже кричал:

— Валентин! Лорд Валентин!

Валентин почувствовал дрожь отвращения.

— Подумать только! — бормотал он. — Вопят, словно само Божество спустилось пообедать в Пидруде. Он же только человек, не так ли? Когда его кишки полны, он опорожняет их, верно?

Шанамир был шокирован.

— Он Корональ!

— Он для меня ничто, как и я для него — меньше, чем ничто.

— Он правит, следит за справедливостью, он отгоняет хаос. Ты сам говорил это. Это заслуживает уважения.

— Уважения — да, но не поклонения.

— В поклонении королю нет ничего нового. Мой отец рассказывал мне о старых временах. Короли существовали всегда, еще на Старой Земле, и я готов держать пари, что им поклонялись куда более дурным образом, чем сегодня я.

— И одни были уничтожены собственными рабами, другие отравлены своими министрами, третьи задушены женами, были и свергнутые народом, которому они, якобы, служили, и всех их скоро забывали.

Валентин почувствовал в себе странный жар злости и с отвращением сплюнул.

— А множество стран на Старой Земле обходилось вообще без королей. Зачем они нам на Маджипуре, эти экспансивные Коронали, страшный старый Пантифакс, прячущийся в своем Лабиринте, посланец скверных снов из Суврейла? Нет, Шанамир, может быть, я и глуп, но все это для меня не имеет никакого смысла. Это безумие! Эти восторженные вопли! Я уверен, что такого восторга не бывает, когда по улицам проезжает мэр Пидруда!

— Нам нужны короли, — настаивал Шанамир. — Этот мир слишком велик, чтобы управляться одними мэрами. Нам нужны великие и могучие символы, монархи, почти равные богам, чтобы держать все в порядке. Смотри!

Мальчик указал на балкон.

— Видишь маленькую фигурку в белом плаще? Это Корональ Маджипура. Неужели ты не чувствуешь трепета, когда видишь его?

— Никакого.

— И ты не взволнован, зная, что в этом мире столько миллиардов людей и только один Корональ, и что сегодня ты видишь его собственными глазами, а больше никогда не увидишь? Ты не чувствуешь благоговения?

— Нет.

— Странный ты человек, Валентин. Я никогда не встречал другого такого. Как может быть, чтобы человека не трогало лицезрение Короналя?

— Как видишь, — сказал Валентин.

Он слегка пожал плечами.

— Давай уйдем отсюда. Я устал от этой толпы. Где гостиница?

Обходить площадь было долгим делом, потому что все улицы шли к ней, а параллельных ей было мало. Валентин и Шанамир шли все расширяющимися кругами, в то же время пытаясь держаться западного направления, а цепочка животных безмятежно постукивала копытами следом за ними. Наконец они вышли из квартала отелей и богатых магазинов в район складов и добрались до захудалой гостиницы с покосившимися черными балками и обтрепанной соломенной крышей, со стойлами на заднем дворе. Шанамир устроил своих животных и пошел через двор к жилью хозяина гостиницы, оставив Валентина одного. Валентин ждал довольно долго. Ему казалось, что даже здесь он слышит приглушенные расстоянием крики: Валентин, Лорд Валентин!

Но эти звуки его имени для него ничего не значили, потому что это было имя другого человека.

Шанамир вернулся, легко и быстро пробежав через двор.

— Все устроено. Дай мне какую-нибудь монету.

— Пятьдесят?

— Мельче, много мельче, что-нибудь вроде полукроны.

Валентин достал монеты, рассортировал их при тусклом свете лампы и протянул несколько потертых монет Шанамиру.

— За ночлег? — спросил он.

— Взятка сторожу, — ответил Шанамир. — Спальные места сегодня трудно найти. Появление лишнего человека оз-

ачает уменьшение мест, и если кто-то сосчитает головы и ожалуется, сторож нас выкинет. Иди за мной и молчи.

Они вошли в дом. Там пахло соленым воздухом и плеенью. За столом сидел жирный хорт с серым лицом, похоий на огромную жабу, и складывал узоры из игральных нуров. Он поднял глаза.

Шанамир положил перед ним монеты, и хорт чуть замето двинул головой. Дальше шла длинная узкая комната без кон, освещенная красноватым светом от трех висевших в азных местах ламп. Во всю длину комнаты на полу рядами ежали матрасы, и почти все были заняты.

— Сюда, — сказал Шанамир.

Он слегка подтолкнул один матрас носком сапога, быстро нял верхнюю одежду и лег, оставив место Валентину.

— Приятного сна, — сказал он.

— И тебе тоже, — ответил Валентин.

Он разделся и лег рядом. Отдаленные крики все еще звуали в его ушах, а может и в мозгу. Это его удивило, это мого отразиться на ночном сне, а за ним следовало внимательо следить, чтобы понять его значение, но сначала надо репко уснуть, он слишком изможден. А утром? Новый день. Ничего не случится. Ничего.

Глава 4

Сновидения пришли где-то среди ночи.

Валентин следил за их развитием как бы со стороны, как го учили с детства. Они, эти сны имели большое значение, ни были посланиями сил, правящих миром, и направляли кизнь человека. Они отклоняли опасность, потому что были ыражением глубочайшей истины. Валентин увидел себя дущим по обширной пурпурной равнине под зловещим урпурным небом и гигантским янтарным солнцем. Он был дин, лицо его было истощенным, с ввалившимися глазами. Он шел, а земля перед ним расступалась, зияющие щели бы и внутри ярко-оранжевыми, из них выскакивали какие-то ущества, как детские игрушки из коробки, визгливо смеясь над ним и быстро прятались в трещины, когда те закрывались.

Вот и все. Неполный сон, поскольку он ни о чем не рассказывал, не имел рисунка конфликтов и решения. Это был олько образ, странная сцена, кусочек большой картины, которая еще не явилась ему. Валентин даже не мог сказать, ем послан этот сон — благословенной Леди с Острова Снов ли злобным Королем Снов.

Он лежал, едва проснувшись, обдумывая некоторое время этот сон, и наконец решил не придавать ему большого значения.

Он чувствовал себя как-то странно отдаленным от своего внутреннего "я" — будто он вообще не существовал до вчерашнего дня, и даже мудрость сна теперь от него была скрыта.

Он снова уснул, и ничто не тревожило его, кроме недолгого, но шумного дождя, и снов он больше не видел. Его разбудил свет, теплый золотисто-зеленый свет, лившийся с дальнего конца узкого длинного холла. Дверь была открыта. Шанамира не было. Кроме Валентина, в комнате спали еще двое.

Валентин встал, потянулся, размял руки и ноги, оделся, умылся над раковиной у стены и вышел во двор, чувствуя себя бодрым, энергичным, готовым ко всему, что принесет ему день. Утренний воздух был плотным и влажным, но теплым и ярким, и ночной туман исчез. С чистого неба лился жар летнего солнца. Во дворе росли три больших вьющихся лозы, по одной на каждой стене. Их искривленные стволы были шире человеческой талии, глянцевитые лопатообразные листья имели глубокий бронзовый оттенок, а молодая поросль была светло-красная. Лозы были усыпаны ярко-розовыми цветами, похожими на маленькие трубы, но, кроме цветов, на них были также и созревающие плоды — тяжелые бело-голубые ягоды, блестевшие от влаги. Валентин сорвал одну ягоду и съел. Она была сладкой, с привкусом молодого вина.

Он съел вторую, потянулся за третьей, но передумал.

Обойдя двор, он заглянул в стойла и увидел животных Шанамира, спокойно жевавших солому, но самого Шанамира не было, наверное, убежал по делам. До Валентина донесся запах жареной рыбы, и он сразу почувствовал голод. Он открыл расшатанную дверь и оказался в кухне, где маленький усталый человек готовил завтрак для дюжины постояльцев различных рас. Он без интереса посмотрел на Валентина.

— Я опоздал? — мягко спросил Валентин.

— Садись. Рыба и пиво. Тридцать весовых единиц.

Валентин нашел монету в полкроны и положил на плиту. Повар дал ему несколько медяков сдачи и бросил второй кусок рыбного филе на сковородку. Валентин сел у стены. Несколько завтракавших собрались уходить. Стройная гибкая женщина задержалась перед Валентином.

— Пиво в этом кувшине, — сказала она. — Обслуживай себя сам.

— Спасибо, — сказал Валентин, но она уже вышла.

Он налил полную кружку. Пиво было грубое, с резким привкусом. Через минуту он получил рыбу, вкусную, зажаренную до хруста. Он быстро съел ее.

— Еще, — сказал он повару.

Тот мрачно посмотрел на него, но уступил.

Валентин заметил, что сидевший за соседним столиком хорт, толстый, с раздутым лицом, пепельной рябой кожей и большими выпуклыми глазами, внимательно разглядывает его. Это странное разглядывание было неприятно Валентину. Через некоторое время он снова взглянул на хорта.

Тот моргнул и быстро отвел глаза.

Через несколько минут хорт повернулся к Валентину и спросил:

— Только что прибыл?

— Ночью.

— Надолго?

— До конца фестиваля, во всяком случае, — ответил Валентин.

В этом хорте явно было что-то такое, что инстинктивно не нравилось Валентину. Может быть, просто его внешний вид, поскольку Валентин находил хортов непривлекательными, грубыми и надменными созданиями. Конечно, это было нехорошо, ведь хорты не виноваты, что они так выглядят, и люди, наверное, им тоже казались существами с отвратительно гладкой кожей.

Скорее всего Валентину не нравилось вторжение в его жизнь — разглядывание, вопросы. А может, и то, что хорт был слишком размалеван оранжевой краской. Но так или иначе, он вызывал у Валентина чувство тошноты и беспокойства.

Но ему было стыдно за такие предрассудки и не хотелось казаться необщительным, поэтому он заставил себя улыбнуться и сказать:

— Меня зовут Валентин. Я из Ни-Мойи.

— Далеко заехал, — сказал хорт, шумно прожевывая пищу.

— Ты здесь живешь?

— К югу от Пидруда. Меня зовут Виноркис.

Он нервно резал пищу, а через минуту снова переключил внимание на Валентина, пристально уставившись на него своими рыбьими глазами.

— Ты путешествуешь с этим мальчиком?

— Нет. Я встретился с ним на пути в Пидруд.

Хорт кивнул.

— После фестиваля вернешься в Ни-Мойю?

Поток вопросов начал надоедать, но Валентину не хотелось показаться невежливым.

— Еще не знаю, — сказал он.

— Значит, думаешь здесь остаться?

Валентин пожал плечами.

— Я вообще ничего не планирую.

— М-м-м, — сказал хорт, — хороший образ жизни.

Из-за гнусавой интонации хорта трудно было понять, одобрял ли он это или саркастически осуждал. Но Валентина это мало беспокоило. Он уже достаточно сказал и решил замолчать. У хорта, по-видимому, хватило ума не говорить больше ничего. Он покончил с завтраком, со скрипом отодвинул стул и неуклюже, как все хорты, поплелся к двери, сказав:

— Иди теперь на рыночную площадь и оглядись там.

Валентин вышел во двор, где шла странная игра. У дальней стены стояли восемь фигур и перебрасывались кинжалами. Шестеро были скандарами, крупными косматыми существами с четырьмя руками и грубой серой кожей, а двое — людьми.

Валентин видел их за завтраком, когда вошел в кухню — стройная, гладкая темноволосая женщина и худой мужчина со строгим взглядом, удивительно белой кожей и длинными белыми волосами. Кинжалы летали с ошеломляющей быстротой, сверкая в утреннем солнце, все лица были зловеще сосредоточенны. Никто ни разу не уронил кинжала, никто не схватил его за острие, и Валентин не мог сосчитать, сколько кинжалов участвовало в игре. Все руки были заняты, и все больше оружия летало в воздухе. Он подумал, что это тренируются жонглеры, готовясь к выступлению на фестивале.

Скандары, четверорукие и тяжеловесные, проявляли чудеса координации, но мужчина и женщина не уступали им и жонглировали столь же искусно. Валентин стоял на безопасном расстоянии, очарованный этим зрелищем.

Затем один скандар хрюкнул:

— Хоп!

Рисунок сменился: шесть чужаков начали бросать кинжалы только друг другу, удваивая и утраивая интенсивность, а двое людей отошли в сторону. Девушка ухмыльнулась Валентину:

— Эй, давай с нами!

— Что?

— Играть с нами!

Глаза ее лукаво блеснули.

— Опасная, я бы сказал, игра.

— Все хорошие игры опасны. Лови!

Она без предупреждения бросила ему кинжал.

— Как тебя зовут, парень?

— Валентин, — выдохнул он.

Он отчаянно схватил кинжал за рукоятку, когда тот пролетел мимо его уха.

— Хорошо схватил, — сказал беловолосый. — А ну-ка этот!

Он тоже метнул кинжал. Валентин засмеялся, схватил его чуть менее неуклюже и встал, держа по кинжалу в каждой руке.

Скандары, полностью игнорируя эту сцену, методично продолжали игру.

— Верни бросок, — сказала девушка.

Валентин нахмурился и бросил слишком осторожно, глупо боясь задеть ее. Кинжал описал слабую дугу и упал к ногам девушки.

— Мог бы бросить лучше, — насмешливо сказала она.

— Прости.

Он бросил другой кинжал с большей силой. Она спокойно поймала его, выхватила еще один у беловолосого и бросила их один за другим Валентину. Думать не было времени — и он схватил оба.

Пот выступил на лбу, но он вошел в ритм.

— Давай, — сказала она.

Он бросил ей один, второй, поймал от беловолосого третий и послал его в воздух, но к нему уже летели один и второй.

Хорошо бы это были игровые, пустые кинжалы, но он знал, что это не так, и стоял, волнуясь. Это занятие требовало автоматизма, заставляло тело сосредоточиться. Встречая подлетающий кинжал, надо было уверенно отправлять другой.

Валентин двигался равномерно, ловил, бросал, ловил, бросал, и все время один кинжал летел к нему, а другой улетал от него.

Валентин понял, что настоящий жонглер должен пользоваться обеими руками одновременно, но он не был жонглером, так что ухитрялся только координировать хватку и делать бросок. Он подумал, скоро ли произойдет неизбежный промах, и он будет ранен. Жонглеры смеялись и убыстряли темп. Он тоже смеялся и бросал и ловил еще добрых три минуты, пока не почувствовал, что его рефлекс слабеет от напряжения. Пора было остановиться.

Он хватал и намеренно бросал наземь каждый из кинжалов, пока все три не легли у его ног, а затем наклонился над ними, тяжело дыша.

Оба жонглера-человека аплодировали.

Скандары не прекращали чудовищное кружение кинжалов. Но вот один из них крикнул:

— Хоп!

Секстет чужаков, не сказав ни слова, двинулся прочь в направлении спальных помещений.

Молодая женщина подошла к Валентину.

— Я — Карабелла, — сказала она.

Она была не выше Шанамира и совсем молодая. В ее маленьком мускулистом теле была неукротимая жизненная сила. На ней был плотно облегающий светло-зеленый камзол и брюки, а на горле — тройная нитка полированных раковин. Глаза были такие же темные, как и волосы. Она улыбалась тепло и приветливо.

— Ты раньше жонглировал, друг? — спросила она.

— Никогда, — ответил Валентин.

Он вытер лоб.

— Хитрый спорт. Удивляюсь, как я не порезался.

— Никогда не жонглировал? — закричал беловолосый. — Только природная ловкость и больше ничего?

— Полагаю, что именно так, — сказал Валентин.

Он пожал плечами.

— Можно ли этому поверить? — спросил беловолосый.

— Думаю, что можно, — сказала Карабелла. — Он хорошо сбит, но не в форме. Ты же видел, как его руки двигаются чуточку нервно, чуточку жадно, а не ждут, когда рукоятка окажется в нужном месте. А еще броски? Поспешно дикие. Ни один из тренированных не мог бы так легко имитировать неуклюжесть, и зачем? У этого Валентина хороший глаз, Слит, но он сказал правду. Он никогда не занимался с кинжалами.

— Глаза у него больше, чем хороши, — пробурчал Слит, а его проворству можно позавидовать. У него дар.

— Откуда ты? — спросила Карабелла.

— С востока, — уклончиво ответил Валентин.

— Я так и думала. Ты говоришь как-то странно. Ты из Велатиса или из Кантора?

— Из тех краев.

Отсутствие уточнения не ускользнуло от Карабеллы и Слита. Они переглянулись.

Валентин подумал, что, вероятно, это отец и дочь. Но, пожалуй, нет. Слит вовсе не так стар, как это показалось с первого взгляда.

Он был средних лет.

Белизна кожи и волос делала его старше. Он был крепким, подтянутым, с тонкими губами и короткой остроконеч-

ой бородкой. От уха до подбородка шел рубец, теперь уже ледный.

— А мы с юга, — сказала Карабелла. Я из Тил-Онона, а Слит из Нарабала.

— Вы приехали выступать на фестивале Короналя?

— Именно. Только что наняты труппой Залзана Кавола, кандара, чтобы помочь им выполнить недавний указ Короаля насчет найма людей. А ты? Что привело тебя в Пидруд?

— Фестиваль, — сказал Валентин.

— Хочешь найти работу?

— Просто посмотреть на игры и парад.

Слит понимающе засмеялся.

— Не стесняйся, друг. Нет ничего особенного в том, чтобы родавать животных на рынке. Мы видели, как ты приехал ними и мальчиком прошлой ночью.

— Нет, я только вчера встретился с молодым погонщиком, огда подходил к городу. Это его животные. Я просто приел с ним в гостиницу, потому что я здесь чужой. И у меня ет никакого товара.

В дверях показался один из скандаров, гигантского роста, аза в полтора выше Валентина, страшно неуклюжий, с тяелой жестокой челюстью и узкими желтыми глазами. Его етыре руки свисали до самых колен, кисти были похожи на ромадные корзины.

— Идите в дом! — резко крикнул он.

Слит поклонился и поспешно ушел. Карабелла помедлиа, улыбаясь Валентину.

— Ты очень необычный, — сказала она. — Ты не врешь, но правды не говоришь. Я думаю, ты и сам мало чего знаешь собственной душе. Но ты мне нравишься. От тебя исходит вет, Валентин? Свет невинности, простоты, тепла и еще чео-то — не пойму.

Она почти робко коснулась двумя пальцами его руки.

— Да, ты мне нравишься. Может быть, мы снова будем онглировать.

Она побежала вслед за Слитом.

Глава 5

Он был один. Шанамира не было и следа. Он очень хотел ы провести день с жонглерами и с Карабеллой, но надеять я на это не приходилось. Было утро. У него не было никаого плана, и это смущало его, но не очень. Перед ним лежал ля осмотра весь Пидруд.

Он пошел по извилистым улицам, полным зелени. Пышые лианы и деревья с толстыми поникшими ветвями росли

везде, радуясь влажному теплу солнечного воздуха. Издалека доносились звуки музыки, если скрипучую и бухавшую мелодию можно было считать репетицией к большому параду.

Речка пенившейся воды бежала по сточной канаве, дикая живность Пидруда резвилась в ней — минтоны, часоточные собаки и маленькие шипоносые дроли. Битком набитый город, где все и вся, даже бездомные животные имели какие-то важные дела и торопились их сделать. Все, кроме Валентина, который шел бесцельно, не выбирая дороги. Он останавливался, чтобы заглянуть в темную лавочку с гирляндами образчиков тканей или в какой-то склад пряностей, в ухоженный элегантный сад с цветами всевозможных оттенков, зажатый между двумя высокими узкими зданиями.

Прохожие смотрели на него, как на чудо, потому что он мог себе позволить спокойно гулять.

На одной улице он остановился посмотреть на детей, разыгрывавших что-то вроде пантомимы. Мальчик с повязкой золотистой ткани на лбу стоял в центре и делал угрожающие жесты, а остальные танцевали вокруг него, делая вид, что боятся, и пели:

Старый король Снов
Сидит на троне.
Он никогда не спит,
Он никогда не бывает один.
Старый Король Снов
Приходит ночью.
Если ты плохо себя вел,
Он приносит тебе страх.
У старого Короля Снов
Каменное сердце.
Он никогда не спит,
Он никогда не бывает один.

Когда дети заметили, что Валентин за ними наблюдает, они повернулись к нему и стали гримасничать, указывая на него. Он засмеялся и пошел дальше.

В середине утра он был в порту.

Длинные пирсы уходили далеко в гавань, где царила лихорадочная активность. Докеры четырех или пяти рас разгружали корабли, пришедшие из двадцати портов всех трех континентов. Здесь было много крика и яростной маневренности, когда мимо проносились огромные тюки.

Валентин следил за этим с пристани, когда вдруг почувствовал резкий удар между лопатками. Обернувшись, увидел толстомордого хорта, размахивавшего руками и показывавшего на пирс.

— Давай туда, — сказал он. — Нам нужно еще шестеро для работы на суврейлском корабле!

— Но я не...

— Быстро! Пошевеливайся!

Ладно. Валентин не был расположен спорить. Он пошел на пирс и присоединился к группе грузчиков, которые ревели и рычали, спуская вниз скот. Валентин тоже ревел и рычал с ними до тех пор, пока животные, длинномордые годовалые блавы, не оказались на пути к скотным дворам или к бойням. Затем он быстро ускользнул и пошел по набережной до пустого пирса.

Там он постоял несколько минут, глядя на бронзово-зеленое, белопенное море, словно пытался рассмотреть за горизонтом Алханрол и его Горный Замок, поднявшийся к небесам.

Разумеется, Алханрол не был виден отсюда, за десятки тысяч миль, через пространство такого широкого океана, что между берегами двух континентов могла бы разместиться какая-нибудь планета. Валентин посмотрел под ноги и задумался о том, что лежит на той стороне планеты, если считать по прямой. Он подумал, что вероятно это западная половина Алханрола.

География была для него туманной и запутанной. Ему казалось, что он забыл очень многое из того, что учил в школе, и теперь старался вспомнить хоть что-то. Возможно, он теперь находился как раз напротив — по диаметру через планету — убежища Понтифакса, страшного Лабиринта. А может быть, и это вполне вероятно, прямо под ногами Валентина лежит Остров Снов, где живет ласковая Леди, жрецы и жрицы которой вечно поют, посылая благословенные послания всем спящим мира. Валентин с трудом мог поверить, что такие места существуют, что в мире есть такие персонажи и такие силы, как Понтифакс, Леди Острова, Король Снов и даже Корональ, хотя он, Валентин, лишь несколько часов назад видел Короналя своими глазами. Эти властелины казались нереальными. Реальностью были доки Пидруда, гостиница, где Валентин спал, жареная рыба, жонглеры, мальчик Шанамир и его животные, а все остальное было фантазией, миражом.

Стало жарко, влажность усилилась, хотя с моря дул приятный ветерок. Валентин опять проголодался. На краю набережной он купил за пару медяков полоски голубой рыбы, маринованной, в горячем пряном соусе. Он запил ее чашей пальмового вина поразительного золотого цвета и на вкус более обжигающего, чем соус. Затем он решил вернуться в гостиницу, но понял, что не знает ни названия гостиницы, ни

улицы, помнит лишь, что она недалеко от портового квартала. Невелика потеря, если он и не найдет гостиницы: все его имущество было при нем. Но он никого не знал в Пидруде, кроме Шанамира и жонглеров, и ему не хотелось так скоро расстаться с ними.

Он пошел обратно и быстро запутался в лабиринте одинаковых улочек и переулков.

Он три раза проходил мимо гостиниц, но среди них не было той, которая ему была нужна. Время шло, было уже часа два дня. Валентин понял, что так и не найдет гостиницу и ему стало грустно, когда он думал о Карабелле, о прикосновении ее пальцев, о быстроте ее рук, когда она бросала ножи, о блеске ее темных глаз. Но что пропало — то пропало, подумал он. И что пользы оплакивать потерянное. Придется искать новую гостиницу и новых друзей, пока не стемнело.

Он повернул за угол и оказался на рынке.

Это было обширное огороженное пространство, почти такое же огромное, как и Золотая площадь, только здесь не было дворцов с башнями и отелей с золотыми фасадами, а лишь бесконечные ряды крытых черепицей навесов, открытых скотных дворов и лавчонок. Здесь были все ароматы и все зловония мира, и выставленная для продажи половина мировой продукции. Валентин очарованно окунулся в этот мир. Под навесами на громадных крюках висели туши мяса. Другие навесы занимали мешки с пряностями.

В одном загоне были поразительные птицы-прядильщики, поднимавшиеся выше скандаров на своих несуразных ярких ногах. Они клевали и лягали друг друга. В другом были цистерны с блестящими змеями, свивавшимися и изгибавшимися, как потоки злобного пламени. Вот место для общественных писцов, которые писали за неграмотных, а тут — менялы, быстро обменивавшие деньги дюжины миров, а здесь ряд совершенно одинаковых ларьков с сосисками, и в каждом — вроде бы одинаковые лимены крутили вертела над дымившимися углями.

Тут и предсказатели судьбы, и колдуны, и жонглеры, только не те, кого знал Валентин, и сидевшие на корточках рассказчики, рассказывавшие за несколько медяков о сложных и малопонятных приключениях Лорда Стиамота, знаменитого Короналя, жившего восемь тысяч лет назад, деяния которого стали мифом. Валентин слушал минут пять, но не уловил смысла рассказа, который приводил в такое восхищение пятнадцать бездельников. Он пошел дальше мимо балаганчика, где золотоглазый аруон наигрывал на серебряной флейте несложную мелодию, чтобы очаровать какое-то трехголовое существо в плетеной корзине, мимо ухмы-

ляющегося мальчишки лет десяти, зазывавшего играть в раковины и бусы, мимо ряда разносчиков, продававших флаги с изображением звезды Короналя, мимо факира, подвешенного над чаном с каким-то мерзким горячим маслом, мимо ряда толкователей снов, мимо переводчиков, продавцов драгоценностей, и, наконец, повернув за угол, дошел до скотного двора, где продавались верховые животные.

Сильные пурпурные животные спокойно и равнодушно смотрели на все, что происходило вокруг.

Здесь было что-то вроде аукциона, но Валентин решил, что разобраться в этом так же трудно, как и в легенде о Лорде Стиамоте. Продавцы и покупатели стояли двумя длинными рядами друг к другу лицом и делали рубящие жесты по запястьям, гримасничали, постукивали сжатыми кулаками и делали внезапный рывок локтем назад. Не произносилось ни одного слова, однако общение было на высоте, потому что писцы, стоявшие сзади, все время записывали акты продажи. Акт записи подтверждался отпечатками пальцев, окунутых в зеленые чернила, и торопливые писцы привязывали бирку со штампом Лабиринта Понтифакса к бедрам то одного, то другого животного. Идя вдоль линии аукциона, Валентин наконец нашел Шанамира, который яростно стучал кулаками, сучил локтями и рубил покупателя по запястью. Через минуту все было кончено, и мальчик выскочил из ряда с радостным воплем. Он схватил Валентина за руку и в восторге завертелся вокруг него.

— Все продал! И за высокую цену!

Он держал пачку расписок, которые дал ему писец.

— Пойдем со мной в казначейство, а потом будем играть! Ты рано встал?

— Наверное, поздно. Гостиница была почти пустой.

— Я не хотел будить тебя. Ты храпел, как блав. Что ты делал?

— Главным образом, осматривал порт. Я пытался вернуться в гостиницу и случайно наткнулся на рыночную площадь. Мне повезло, что я тебя нашел.

— Еще десять минут — и ты потерял бы меня, — сказал Шанамир. — Вот сюда.

Он сжал запястье Валентина и потянул его в длинную светлую аркаду, где писцы за решеткой меняли расписки на деньги.

— Давай твою полсотню, — шепнул он. — Я ее разменяю.

Валентин отдал толстую блестящую монету и отошел в сторону, в то время как мальчик встал в очередь. Через несколько минут Шанамир вернулся.

— Это твои, — сказал он.

Он высыпал в раскрытый кошелек Валентина целый ливень — несколько монет по пять реалов и множество крон.

— А это мои, — добавил он.

Он лукаво улыбнулся, показывая три больших монеты по пятьдесят реалов, вроде той, которую он только что разменял для Валентина. Он положил их в пояс под камзолом.

— Выгодное путешествие! Во время фестиваля все быстро тратят свои деньги. Теперь пошли в гостиницу и отпразднуем это фляжкой пальмового вина за мой счет!

Гостиница, как оказалось, была всего в пятнадцати минутах ходьбы от рынка.

Как только они вышли на улицу, Валентин сразу узнал ее. Он подозревал, что просто прошел мимо нее. Но теперь это было неважно, он здесь, вместе с Шанамиром. Мальчик свободно вздохнул, избавившись от своих животных, и радовался цене, полученной за них. Он болтал о том, что будет делать в Пидруде, прежде чем вернется домой: танцы, игры, выпивка, представления.

Когда они сидели в таверне за вином, появились Слит и Карабелла.

— Можно сесть с вами? — спросил Слит.

Валентин сказал Шанамиру:

— Это жонглеры из труппы скандаров, которая будет участвовать в параде. Я познакомился с ними утром.

Он представил их друг другу. Жонглеры сели, и Шанамир предложил им вина.

— Ты был на рынке? — спросил Слит.

— Был и все сделал за хорошую цену.

— А теперь что? — спросила Карабелла.

— Побуду несколько дней на фестивале, — сказал мальчик, — а потом, наверное, домой, в Фалкинкин.

Он приуныл, подумав об этом.

— А ты?

Карабелла взглянула на Валентина.

— Какие у тебя планы?

— Посмотреть фестиваль.

— А потом?

— Там видно будет.

Вино кончилось. Слит резко махнул рукой и появилась вторая фляжка. Ее щедро разлили по кругу. Валентин чувствовал покалывание на языке от жгучей жидкости и легкое головокружение.

— А ты не хотел бы стать жонглером и войти в нашу труппу? — спросила Карабелла.

Валентин испугался.

— Я же не умею!

— У тебя природные способности, — сказал Слит, — только нет тренировки. Это мы с Карабеллой тебе устроим. Ты быстро научишься, могу поклясться.

— Я буду путешествовать с вами, вести жизнь бродячего артиста и ходить из города в город?

— Точно.

Валентин взглянул через стол на Шанамира. Глаза мальчика сияли. Валентин почти физически ощущал его возбуждение и зависть.

— Но с какой стати? — спросил Валентин. — Зачем приглашать чужеземца, новичка, ничего не умеющего?

Карабелла сделала знак Слиту, и тот быстро вышел из-за стола.

— Залзан Кавол объяснит, — сказала она. — Это не каприз, а необходимость. Нам не хватает рук, Валентин, и ты нам нужен. К тому же, тебе больше нечего делать здесь. Ты ведь в этом городе случайно. Мы предлагаем тебе сотрудничество и заработок.

Через минуту Слит вернулся с гигантом скандаром. Залзан Кавол был внушающей почтение фигурой, массивной, высоченной. Он с трудом сел на сидение, оно угрожающе затрещало под его весом. Скандары пришли из какого-то далекого продуваемого ветрами ледяного мира, и хотя они жили на Маджипуре уже тысячу лет, работая на тяжелых работах, требовавших большой силы и необычайной остроты глаза, они всегда выглядели злобными и недовольными теплым климатом Маджипура.

Может быть, дело было в их облике, думал Валентин, он считал скандаров неприятным и унылым племенем.

Скандар налил себе выпивки двумя внутренними руками, а другую пару рук раскинул через стол, словно хотел захватить его в собственность. Грубым грохочущим голосом он сказал:

— Я видел, как ты утром кидал ножи со Слитом и Карабеллой. Ты можешь нам пригодиться.

— Каким образом?

— Мне нужен третий жонглер-человек, и быстро. Ты знаешь новый приказ Короналя о выступающих на публике?

Валентин улыбнулся и пожал плечами.

— Это глупо и бессмысленно, — сказал Залзан, — но Корональ молод и, думаю, пускает стрелы куда попало. Был приказ, что во всех артистических труппах, состоящих более чем из трех индивидуумов, одна треть должна быть из граждан Маджипура человеческой расы. И этот приказ вступает в силу в этом месяце.

— Такой указ, — сказала Карабелла, — не даст ничего, кроме межрасовой розни на планете, где множество рас тысячелетиями жили мирно.

Залзан Кавол нахмурился.

— Тем не менее, указ существует. Наверное какие-нибудь шакалы в замке наплели этому Лорду Валентину, что другие расы слишком многочисленные, что люди Маджипура голодают, когда мы работаем. Глупость опасная. В обычное время никто и внимания бы не обратил на такой указ, но тут фестиваль в честь Короналя, и если мы хотим получить разрешение на выступление, должны повиноваться правилам, пусть даже идиотским. Я и мои братья много лет зарабатываем хлеб жонглерством, и это не вредило ни одному человеку, но теперь мы должны пополнить труппу. Я нашел в Пидруде Слита и Карабеллу и включил их в нашу программу. Через четыре дня мы участвуем в параде и мне нужен третий человек. Хочешь стать нашим учеником, Валентин?

— Но разве можно научиться жонглировать за четыре дня?

— Ты будешь просто учеником, — сказал скандар. — Мы найдем тебе какое-нибудь дело на параде, чтобы ты не осрамил ни себя, ни нас. Насколько я понимаю, закон не требует, чтобы все члены труппы имели равную ответственность или умение. Главное — чтобы трое были людьми.

— А после фестиваля?

— Пойдешь с нами.

— Вы обо мне ничего не знаете, а приглашаете меня разделить вашу жизнь.

— Я ничего о тебе не знаю и не хочу знать. Мне нужен жонглер твоей расы. Я буду оплачивать твое помещение и стол, и кроме того, платить тебе десять крон в неделю. Согласен?

Глаза Карабеллы странно вспыхнули, как будто она говорила о том, что он мог бы получить больше. Но деньги для него мало что значили.

Ему достаточно было иметь пищу и место, и он будет со Слитом и Карабеллой, с двумя из троих людей, которых он знал в этом городе и — как он понял со смущением — во всем мире. Потому что прошлое было для него пустым местом. У него были какие-то смутные представления о родителях, о кузенах и сестрах, о детстве где-то на востоке Зимрола, о школе и путешествиях, но все это казалось ему нереальным, не имело плоти и сути. И в будущем тоже была пустота. Эти жонглеры обещали наполнить ее. Но только...

— Одно условие, — сказал он.

— Какое? — спросил Залзан Кавол с недовольным видом.

Валентин кивнул на Шанамира.

— Я думаю, что этому парнишке надоело разводить жи-ных, и он наверное хочет путешествовать. Я прошу, чтобы принял его в свою труппу...

— Валентин! — вскричал мальчик.

— Как грума или слугу, или даже как жонглера, если он ожет, — продолжал Валентин. — Если он хочет быть с на-, прими его вместе со мной. Примешь?

Залзан Кавол помолчал, как бы прикидывая, и откуда-то глубины его громоздкого тела вырвался рычащий звук. тем он спросил Шанамира:

— Ты хочешь присоединиться к нам?

— Еще бы!

— Этого я и боялся, — угрюмо сказал скандар. — Значит, шено. Мы нанимаем вас обоих за тринадцать крон в неде-о плюс ночлег и еда. Идет?

— Идет! — крикнул Шанамир.

Залзан Кавол одолел остатки пальмового вина.

— Значит, Карабелла, возьми этого иноземца во двор и на-инай делать из него жонглера. А ты, парень, пойдешь со ной. Я хочу, чтобы ты посмотрел на наших животных.

Глава 6

Они вышли. Карабелла побежала за снаряжением. Вален-ин любовался ее изящными движениями и представлял, как грают гибкие мышцы под ее одеждой. Слит сорвал белую году и кинул ее в рот.

— Что это? — спросил Валентин.

Слит бросил ему ягоду.

— Токка. В Нарабале, откуда она родом, лозы токки про-астают за одно утро и к вечеру достигают высоты дома. Іравда, в Нарабале благодатная почва и на заре каждый ень дождь. Еще?

— Пожалуйста.

Быстрым движением кисти Слит бросил ягоду. Жест был ле заметным, но эффектным. Слит был человеком эконо-ичным, без единой унции лишней плоти, с точными жеста-и, с сухим, хорошо поставленным голосом.

— Жуй семена, — посоветовал он. — Они усиливают му-ественность.

Он легко усмехнулся.

Карабелла вернулась с многоцветными резиновыми мяча-и, которыми она по дороге жонглировала, не сбиваясь с ша-а. Она бросила один мяч Валентину, три — Слиту, а три ос-авила себе.

— А ножи? — спросил Валентин.

— Ножи для выступлений. А сегодня мы займемся основами, — сказал Слит, — философией искусства. Ножи будут отвлекать.

— Как это — философией?

— Ты думаешь, что жонглирование — просто трюк? — обиженно спросил Слит. — Развлечение для зевак? Средство выколотить пару крон на провинциальном карнавале? Все так, но прежде всего — это образ жизни, друг, кредо, образец для поклонения.

— И род поэзии, — сказала Карабелла.

Слит кивнул.

— Да, и поэзия тоже, и математика. Жонглирование учит расчету, контролю, равновесию, чувству движений. Тут беззвучная музыка. Но превыше всего — дисциплина. Я говорю вычурно?

— Может, звучит и вычурно, — сказала Карабелла, — но все, что он сказал — правда.

Она озорно блеснула глазами.

— Ты готов начать?

Валентин кивнул.

— Сначала успокойся, — сказал Слит, — очисти мозги от всех ненужных мыслей и расчетов. Войди в центр своего существа и держи себя просто.

Валентин прочно встал на ноги, сделал три глубоких вдоха, расправил плечи, чтобы не чувствовать болтающихся рук и замер в ожидании.

— Я думаю, — сказала Карабелла, — что этот человек живет большую часть времени в центре своего "я". А может, он без центра и поэтому не может отойти далеко?

— Ты готов? — спросил Слит.

— Готов.

— Мы будем учить тебя основам по одному приему за один раз. Жонглирование — это серия отдельных мелких движений в быстрой последовательности, что создает впечатление постоянного и одновременного потока. Одновременность — иллюзия, когда ты жонглируешь и даже когда не жонглируешь. Все события происходят на одном дыхании.

Слит улыбнулся. Он, казалось, говорил с расстояния во много тысяч миль.

— Закрой глаза, Валентин. Ориентация в пространстве и времени очень важна. Думай, где ты, где находишься по отношению к миру.

Валентин представил себе Маджипур, могучий шар, висящий в пространстве, половина его, если не больше, по-

глощена Великим Океаном. Валентин видел себя, крепко стоящего на краю Зимрола. Море было позади, континент развернулся перед ним, на Внутреннем Море была точка — Остров Сна, — а дальше — Алханрол и громадная выпуклость Горного Замка, и солнце, желтое с бронзово-зеленым оттенком, посылающее обжигающие лучи на пыльный Суврейл и на тропики и греющее все остальное, и луны где-то далеко, и еще дальше — звезды и другие миры, откуда пришли скандары, хорты, лимены и все прочие, и даже тот мир, откуда эмигрировал народ Валентина четырнадцать тысяч лет назад — Старая Земля, маленькая голубая планета, абсурдно крохотная по сравнению с Маджипуром, она очень далеко, почти забыта где-то в другом конце Вселенной. Валентин вернулся через звезды обратно в мир, на этот континент, в эту гостиницу, в этот двор, на этот маленький клочок влажной плодородной земли, в которую вросли его сапоги, — и сказал Слиту, что он готов.

Слит и Карабелла стояли, согнув руки, прижав локти к бокам, раскрыв ладони, в правой — мяч. Валентин встал в ту же позу.

— Представь, — сказал Слит, — что у тебя на руках поднос с драгоценными камнями. Если ты будешь двигать плечами или локтями, поднимать или опускать кисти рук, камни рассыпятся. Понятно? Секрет жонглирования в том, чтобы тело двигалось как можно меньше. Двигаются вещи, ты управляешь ими, но сам остаешься неподвижным.

Мяч Слита неожиданно перелетел из правой руки в левую, хотя тело Слита оставалось неподвижным. Мяч Карабеллы сделал то же. Валентин, подражая им, перебросил мяч из одной руки в другую, чувствуя усилие при движении.

Карабелла сказала:

— Слишком сильно пользуешься запястьем и локтем. Раскрой ладонь, расставь пальцы. Ты выпускаешь пойманную птицу. Так. Рука раскрыта, птица летит вверх.

— Совсем не применять запястье? — спросил Валентин.

— Чуть-чуть и незаметно. Толчок исходит от ладони. Вот так.

Валентин попробовал. Минимальное движение предплечья вверх, мимолетное сжатие запястья, толчок в центре ладони и из центра самого существа Валентина.

Мяч перелетел в согнутую левую ладонь.

— Так, — сказал Слит, — еще раз.

Еще раз, и еще, и еще. Пятнадцать минут все трое перекидывали мяч из одной руки в другую. Они заставляли Валентина посылать мяч по почти неизменяющейся дуге перед лицом и не позволяли ни поднимать, ни поворачивать голо-

ву, чтобы следить за мячом. Руки ждут, мяч летает. Через какое-то время Валентин стал делать это автоматически. Из стойла вышел Шанамир и растерянно уставился на целеустремленные броски, а затем поплелся прочь. Валентин не останавливался. Пусть это перебрасывание мяча мало походило на жонглирование, но в данный момент это было событие, и он целиком отдался ему.

Потом он заметил, что Слит и Карабелла перестали перекидывать мяч, что он один действует как машина.

— Лови, — сказал Слит.

Он бросил ему только что сорванную ягоду токка.

Валентин поймал ее в промежутке между бросками мяча и держал, как бы думая, не следует ли жонглировать и ею, но Слит жестом пояснил, что ягоду нужно съесть — это его награда, премия.

Карабелла бросила ему второй мяч в левую руку, а третий — в правую, рядом с первым.

— У тебя большие руки, — сказала она, — тебе будет легко. Следи за мной и делай так же.

Она стала перебрасывать мяч из руки в руку, ловя его в корзинку, составленную из трех пальцев, а два других мяча держала в каждой ладони. Валентин стал подражать ей. Хватать мяч с полной ладонью было трудно, но не очень, и скоро он стал действовать безошибочно.

— Теперь, — сказал Слит, — пойдет начало искусства. Мы делаем обмен. Так.

Один мяч пролетел по дуге на уровне лица из правой руки Слита в левую. Пока мяч летел, Слит приготовил ему место в левой руке, бросив мяч, который был в ней, по более низкой дуге и под летящим мячом в правую руку. Маневр казался довольно простым — быстрый взаимный переброс, но когда Валентин попытался это сделать, мячи столкнулись и отлетели в сторону. Карабелла с улыбкой поймала и вернула их Валентину. Он попытался еще раз, но с тем же успехом, и Карабелла показала ему, как бросать первый мяч, чтобы он упал на левую ладонь, в то время как другой мяч пойдет внутри траектории первого, когда Валентин бросает его вправо. Валентин сделал несколько попыток, чтобы усвоить это. Он несколько раз промахнулся, хватая мяч, а глаза его метались во все стороны. Слит тем временем выполнял обмен за обменом, Карабелла натаскивала Валентина в двойном броске. Казалось, это длилось много часов, а может, так оно и было.

Когда Валентину удалось это сделать, он почувствовал усталость, но прошел через нее к состоянию полной гармо-

ии и осознал, что мог бы бросать мячи таким образом це-ый месяц, не уставая и не роняя.

Вдруг он заметил, что Слит жонглирует всеми тремя мя-ами сразу.

— Делай то же и ты, — сказала Карабелла. — Это только ажется невозможным.

Легкость, с которой он сделал бросок, удивила не только го самого, но и Слита. Карабелла захлопала, а Слит одоб-ительно хмыкнул.

Валентин интуитивно бросил третий мяч, пока второй ле-ел из левой руки в правую. Он схватил второй и снова бро-ил, и дальше так и пошло: бросок, захват, бросок — захват. Мяч все время был в воздухе, другой падал в его руку, а тре-ий ждал, когда его бросят.

Валентин сделал это три, четыре, пять раз, прежде чем осознал трудность того, что сделал, и сразу же нарушил син-ронность: мячи столкнулись и покатились по двору.

— У тебя талант, — пробормотал Слит, — явный талант.

Валентин был смущен столкновением мячей, но это не имело значения по сравнению с тем фактом, что он сумел с ервой попытки жонглировать тремя мячами. Он подобрал их и начал снова, а Слит стоял против него и продолжал се-ию бросков, которую так и не прерывал.

Подражая стойке и синхронности Слита, Валентин начал росать, уронил два мяча, поднял, бормоча извинения, начал нова и на этот раз уже не останавливался.

Пять, шесть, семь чередований, десять, а затем он потерял чет, потому что это уже был постоянный процесс. Его со-нание как бы раздвоилось: одна часть следила за точностью правильностью бросков и захватов, а другая управляла злетом и падением мячей и быстро рассчитывала скорость, гол и темп броска. Сканирующая часть его мозга тут же пе-едавала информацию другой части, управлявшей бросками захватами. Время, казалось, длилось и распадалось на бес-онечно мелкие отрезки, однако, как ни парадоксально, он е чувствовал их последовательности. Три мяча как бы фик-ировались на своих местах: один все время в воздухе, два ругих — в руках, хотя в каждый момент эти положения за-имали разные мячи, но это уже было несущественно.

Валентин не двигался, не бросал, не ловил, он только на-людал за потоком, а поток этот застыл вне времени и про-транства. Теперь Валентин понял секрет искусства. Он ступил в бесконечность своим расщепленным сознанием, он бъединил их.

Он шел к внутренней природе движения и понял, что дви-кение — иллюзия, а последовательность — ошибка воспри-

ятия. Руки его действовали в настоящем, глаза изучали будущее, и не было больше ничего, кроме этого настоящего мига.

Когда дух Валентина взошел к высотам экзальтации, он почувствовал еле заметной вспышкой сознания, что он не стоит на месте, а каким-то образом двигается вперед, магически притягиваемый вращающимися по орбите мячами, которые чуть отдалились от него. Они отступали через двор с каждой серией бросков, и он теперь снова ощущал, что это серийность, а не бесконечный, безостановочный континуум, и ему приходилось двигаться все быстрее, чтобы держать шаг с ними, и в конце концов он буквально бежал, пошатываясь вокруг двора. Слит и Карабелла отскочили. Наконец мячи совершенно отошли от него, хотя он сделал последний отчаянный рывок к ним, и запрыгали по двору в разных направлениях.

Валентин, задохнувшись, упал на колени. Он услышал смех своих инструкторов и тоже засмеялся.

— Что случилось? — спросил он наконец. — Я начал так хорошо, но затем...

— Мелкие ошибки накапливаются, — сказала Карабелла. — Ты увлекся и бросил мяч чуть-чуть правее, потянулся вперед, чтобы поймать его, и в результате следующий бросок был еще более неправильным, и так шло до тех пор, пока мячи не отошли от тебя. Ты стал охотиться за ними, но в конце концов преследование стало невозможным. Такое случается вначале со всеми. Не думай об этом.

— Подними мячи, — сказал Слит. — Через четыре дня ты будешь жонглировать перед Короналем.

Глава 7

Он тренировался часами, работая всего с тремя мячами, но делал это до тех пор, пока раз десять не проник в бесконечность, переходя от скуки к экстазу и обратно, так что сама скука стала экстазом. Одежда промокла от пота и прилипла к телу. Даже когда пошел обычный для Пидруда короткий легкий дождь, Валентин продолжал перекидывать мячи. Дождь кончился и уступил место сумеркам. Вечернее солнце закрылось легким туманом, а Валентин продолжал тренироваться.

Безумная интенсивность переполняла его.

Он смутно видел фигуры, шедшие по двору — Слита, Карабеллы, скандаров, Шанамира, незнакомцев, приходивших и уходивших, но не обращал на них внимания.

Он был пустым сосудом, который наполнялся этим искусством, этой тайной, и не смел остановиться, боясь, что потеряет это и снова будет выжатым и пустым.

Затем кто-то подошел к нему, и он вдруг оказался с пустыми руками. Это Слит перехватил мячи один за другим, когда они были в воздухе.

Какое-то время руки Валентина еще продолжали двигаться в заданном ритме, глаза были сфокусированы только на плоскости, через которую летали мячи.

— Выпей это, — мягко сказала Карабелла.

Она поднесла к его губам стакан. Это было пальмовое вино. Валентин выпил его, как воду. Карабелла подала второй стакан.

— У тебя изумительный дар, — сказала она. — Не только координации, но и сосредоточенности. Ты прямо испугал нас, Валентин, когда не мог остановиться.

— В Звездный День ты будешь лучшим из нас, — сказал Слит. — Сам Корональ выберет тебя, чтобы похвалить. Эй, Залзан, что скажешь?

— Я скажу, что он весь мокрый, и ему надо переодеться, — прогромыхал скандар.

Он протянул Слиту несколько монет.

— Сходи на базар и купи ему подходящую одежду, пока ларьки не закрылись. Карабелла, отведи его в очиститель. Через полчаса будем есть.

— Пойдем, — сказала Карабелла.

Она провела ошалевшего Валентина через двор и спальни и дальше.

К боковой стене здания был пристроен грубый, открытый сверху очиститель.

— Животное! — сердито сказала она. — Не позволил себе похвалить тебя. Я знаю, что хвалить вообще не в его привычках, но ты произвел на него впечатление.

— На Залзана Кавола?

— Да. Он был поражен. Но разве он может хвалить человека? У тебя всего две руки! Ну, и вообще хвалить не в его стиле. Сюда. Раздевайся.

Она быстро разделась, и он сделал то же, бросив мокрую одежду на землю. В ярком лунном свете он видел наготу Карабеллы и весь сжался. Тело ее было стройным, гибким, почти мальчишеским, если не считать маленьких грудей и неожиданной выпуклости бедер ниже узкой талии. Под кожей виднелись хорошо развитые мускулы. На крепкой ягодице был вытатуирован цветок, красным и зеленым.

Она подвела Валентина под очиститель, и они стояли рядом, пока вибрация снимала с них пот и грязь. Затем они го-

лые вернулись в спальни, где Карабелла достала для себя чистые брюки из мягкой серой ткани и камзол. Вскоре вернулся Слит и принес Валентину новую одежду: темно-зеленый камзол с алой отделкой, плотные брюки и темно-синий, почти черный, легкий плащ. Этот костюм был куда более элегантным, чем тот, который Валентин скинул. Надев его, Валентин почувствовал себя как бы выше рангом и нарочито высокомерно пошел за Слитом и Карабеллой на кухню.

На обед было тушеное мясо, обильно смоченное пальмовым вином. Шесть скандаров сели за один конец стола, а четверо людей — за другой. Разговора почти не было.

Поев, Залзан Кавол и его братья встали, не говоря ни слова, и вышли. .

— Мы их чем-то обидели? — спросил Валентин.

— Это их обычная вежливость, — ответила Карабелла.

Хорт Виноркис, заговоривший с Валентином за завтраком, перешел комнату и навис над плечом Валентина, пристально глядя вниз своими рыбьими глазами. Очевидно, у него была такая привычка. Валентин неохотно улыбнулся.

— Я видел, как ты жонглировал сегодня во дворе. Очень здорово.

— Спасибо.

— Это твое хобби?

— Именно. Никогда раньше этим не занимался. Но скандары, похоже, взяли меня в свою труппу.

На хорта это произвело впечатление.

— Вот как? И ты пойдешь с ними?

— Похоже на то.

— А куда?

— Не имею представления. Это еще не решено. Но куда бы они ни пошли — для меня все одинаково хорошо.

— Ах, свободная жизнь, — сказал Виноркис. — Я и сам хотел бы этого. Может, скандары наймут и меня тоже?

— Ты умеешь жонглировать?

— Я могу вести счета. Я жонглирую цифрами.

Виноркис захохотал и сердечно хлопнул Валентина по спине.

— Тебе это нравится? Ну, спокойной ночи!

— Кто это? — спросила Карабелла, когда хорт вышел.

— Я встретился с ним сегодня утром за завтраком. Это местный торговец, кажется.

Она нахмурилась.

— Мне он что-то не нравится. Впрочем, хортов мало кто любит. Безобразные существа.

Она грациозно встала.

— Пошли?

В эту ночь он опять спал крепко. Казалось бы, после событий дня, ему должно было бы присниться жонглирование, но нет: он снова оказался на пурпурной равнине — смущающий признак, ибо маджипурцы с детства знали, что повторяющиеся сны имеют исключительно важное значение, чаще всего плохое. Леди редко посылает повторяющиеся сны, но Король часто практикует это. И опять сон был фрагментарным. В небе парили насмехающиеся лица. Водовороты пурпурного песка кружились на тропе.

Из земли вырастали шипы. Все содержало угрозу, дурное предзнаменование. Но сон не имел ни действующих лиц, ни событий.

Он только предвещал зловещее.

Мир сна уступил место миру рассвета.

На этот раз Валентин проснулся первым.

Шанамир рядом блаженно посапывал.

Слит свернулся, как змея, в дальнем конце. Рядом с ним Карабелла улыбалась во сне.

Скандары, видимо, спали в другой комнате, из чужаков здесь были только два глыбообразных хорта и трио вруонов, свернувшихся в трудноразличимый клубок рук и ног.

Валентин достал из чемоданчика Карабеллы три мяча и вышел в туманный рассвет еще более отточить свою расцветающую ловкость.

Слит, появившийся часом позже, застал его за этим занятием и всплеснул руками.

— У тебя прямо страсть, друг! Ты жонглируешь как одержимый. Но не утомляйся чрезмерно. Сегодня мы будем учить тебя более сложным вещам.

Утренний урок состоял из вариаций основного положения. Теперь Валентин упражнялся в трюках: как бросать мячи, чтобы один все время был в воздухе, и он овладел ими, добившись за полдня контроля над техникой, хотя Карабелла говорила, что это требует многих дней практики.

Его заставляли ходить, бегать, поворачиваться и даже прыгать. Он жонглировал тремя мячами, поднимаясь и спускаясь по лестнице, жонглировал, присев на корточки, жонглировал, стоя на одной ноге, как важная птица с болот Зимра, жонглировал, опускаясь на колени. Теперь он был абсолютно уверен в гармонии глаза и руки, а все то, что делало остальное его тело, никак не влияло на жонглирование.

Днем Слит учил его новым хитростям: бросать мяч из-за спины, из-под ноги, жонглировать со скрещенными руками. Карабелла учила его бросать мяч в стену и мягко переводить его возвращение в полет, и как посылать мяч из одной руки в другую и тут же отправлять его обратно тыльной стороной

кисти, вместо того, чтобы ловить и бросать. Все это он быстро усвоил. Карабелла и Слит не осыпали его комплиментами — постоянно хвалить не годится, — но он замечал, как часто они изумленно переглядывались, и это было ему приятно.

Скандары жонглировали в другой части двора, репетируя то, что они покажут на параде, — чудеса с серпами, ножами и горящими факелами. Валентин мельком взглянул на них и восхитился работой этих четвероруких существ, но в основном он был сосредоточен на собственной тренировке.

Так прошел Морской День. На четвертый день его стали учить жонглировать дубинками вместо мячей. Это было сложно, потому что, хотя принципы были в основном те же, дубинки были больше и менее удобны, и Валентину приходилось бросать их выше, чтобы иметь время сделать захват.

Он начал с одной дубинки, перебрасывая ее из руки в руку. Карабелла указывала, как держать дубинку, как бросать и ловить, и он делал, как она говорила, и скоро все усвоил.

— Теперь, — сказала она, — возьми в левую руку два мяча, в правую — дубинку.

Сначала его смущала разница в массе и скорости, но недолго, и после этого были две дубинки в правой руке и один мяч в левой, а к вечеру четвертого дня он уже работал с тремя дубинками и, хотя запястья болели, а глаза стягивало от напряжения, он работал не желая и не имея возможности остановиться.

Вечером он спросил:

— Когда я научусь перебрасываться дубинками с другими жонглерами?

Карабелла улыбнулась.

— Позднее, после парада, когда мы пойдем на восток через деревни.

— Я мог бы сделать это и сейчас.

— Сейчас не время. Ты показал чудеса, но есть границы того, что ты можешь усвоить за три дня. Если бы мы стали жонглировать на параде с новичком, нам пришлось бы опуститься до твоего уровня, а Короналю это не понравится.

Он признал справедливость ее слов, однако мечтал о том времени, когда примет участие во взаимной игре жонглеров, будет перебрасываться с ними дубинками, ножами или факелами как член единого многочисленного общества.

Ночью четвертого дня субтропического лета Пидруда, где короткие ливни были правилом, и утром пятого дня двор был мокрым, как губка, и трудным для ног. Но небо было чистое, солнце яркое и жаркое.

Шанамир, болтавшийся в городе во время тренировок Валентина, рассказывал, что подготовка к великому параду дет полным ходом.

— Повсюду ленты и флаги, — говорил он. Он стоял на безпасном расстоянии, когда Валентин с утра начал разминку тремя дубинками.

— Знамена с горящей звездой выставили вдоль дороги от орот Фалкинкина до Ворот Дракона. А от Дракона вдоль сего порта, как я слышал, на много миль украшения, даже олотые ткани и зеленая роспись на дороге. Говорят, все это тоит не одну тысячу реалов.

— А кто платит? — спросил Валентин.

— Как кто? Народ Пидруда, — сказал мальчик.

Он был удивлен.

— Кто же еще? Ни-Мойя? Велатис?

— Я бы сказал — пусть Корональ и платит за свой фестиаль.

— Чьими же деньгами он будет платить? Налогом со всего ира? Зачем бы городам Алханрола платить за фестиваль в имроле? Кроме того, это честь — принимать Короналя! Пидуд охотно платит. Послушай, как ты умудряешься бросать убинку и хватать ее в то же самое время и той же рукой?

— Бросок делаю раньше, дружище, но только чуть-чуть. Смотри внимательно.

— Я смотрю и все-таки не могу представить себе этого.

— Когда у нас будет время, когда кончится парад, я поажу тебе, как это делается.

— Куда мы пойдем отсюда?

— Не знаю. Карабелла говорила, что на восток. Мы пойдем любое место, где будут ярмарки, карнавалы или фестивали. И где наймут жонглеров.

— Я тоже стану жонглером, Валентин?

— Если захочешь. Я думал, что ты хочешь идти в море.

— Я действительно хочу путешествовать, — сказал Шанамир, — но не обязательно по морю. Я не хочу возвращаться Фалкинкин. Восемнадцать часов в день в стойлах, в заботе животных — нет, это не для меня, хватит! Ты знаешь, в ту очь, когда я покинул дом, я видел во сне, что научился леать. Это был сон от Леди, Валентин, я сразу понял, а полет значает, что я пойду туда, куда надеялся. Когда ты сказал алзану Каволу, чтобы он взял и меня, если хочет иметь в руппе тебя, я затрясся. Я думал... я чувствовал все...

Он овладел собой.

— Валентин, я хочу быть таким же хорошим жонглером, ак ты.

— Я не такой хороший. Я только начинающий.

Однако самоуверенность Валентина возросла, и он стал бросать дубинки по более низким дугам, в какой-то мере рисуясь.

— Не могу поверить, что ты научился этому за два дня.

— Слит и Карабелла хорошие инструкторы.

— Я никогда не видел, чтобы кто-то чему-то научился так быстро, — сказал Шанамир. — У тебя, наверное, мозг особенный. Бьюсь об заклад, что ты был какой-то важной особой, пока не стал бродяжничать. Ты выглядишь таким добродушным, таким простым, однако...

— Скрытые глубины, — дружелюбно сказал Валентин.

Он попытался бросить дубинку из-за спины, и она треснула его по левому локтю. Все три дубинки упали на мокрую землю, а он морщился и потирал ушибленное место.

— Мастер-жонглер, — сказал он. — Видал? Обычно требуется несколько недель, чтобы научиться так бить свои локти!

— Ты это сделал, чтобы сменить тему разговора, — серьезно сказал Шанамир.

Глава 8

Было утро Звездного Дня, дня парада, дня Короналя, первый день великого фестиваля Пидруда, а Валентин спал, свернувшись, и видел спокойный сон: пышная зелень холмов, прозрачные озера с голубыми и желтыми водяными цветами. Его разбудили пальцы, воткнувшиеся ему в ребро. Он сел, моргая и что-то бормоча. Было темно. До рассвета было еще далеко. Над ним нагнулась Карабелла. Он ощущал ее кошачью грацию, запах крема от ее кожи, слышал ее легкий смех.

— Почему так рано? — спросил он.

— Чтобы занять хорошее место, когда Корональ пойдет мимо. Поторопись. Все уже готовы.

Он нехотя встал. Запястья ныли от жонглирования дубинками. Он раскинул руки и потряс расслабленными кистями. Карабелла усмехнулась, взяла его руки в свои и посмотрела на него.

— Ты будешь великолепно жонглировать сегодня, — тихо сказала она.

— Надеюсь.

— В этом нет никаких сомнений, Валентин. Что бы ты ни делал, все у тебя выходит отлично. Это соответствует твоей личности.

— А ты знаешь, что я за личность?

— Конечно, знаю. Наверное, даже лучше тебя самого. Валентин, можешь сказать, какая разница между сном и явью?

Он нахмурился.

— Не понял.

— Я иногда думаю, что для тебя то и другое одинаково, что ты живешь во сне, или спишь в жизни. Но вообще-то я так не думаю, и Слит тоже. Ты околдовал его, а Слита нелегко околдовать. Он везде бывал, многое видел, однако он постоянно говорит о тебе, пытается понять тебя, заглянуть в твой мозг.

— Не думал, что я так интересен. По-моему, я скучный.

Ее глаза блеснули.

— Ну, давай одевайся и поешь перед парадом. Утром мы увидим, как проедет Корональ, днем у нас представление, а ночью...

— Да? Что ночью?

— Ночью мы будем праздновать! — крикнула она.

И выскочила за дверь.

Туманным утром труппа жонглеров направилась к забронированному для них Залзаном Каволом месту на Главном Шоссе.

Путь Короналя начинался от Золотой площади, где он остановился на ночь, шел к востоку по изогнутому бульвару, ведущему к одним из второстепенных городских ворот, и кругом к Главному Шоссе, по которому Валентин и Шанамир въехали в Пидруд и где стояли в два ряда огненные пальмы в цвету, а оттуда через ворота Фалкинкина обратно в город, через него по Портовой Дороге к Арке Снов и из Ворот Дракона в Порт, где на краю бухты был построен главный стадион Пидруда. Так что парад был, в сущности, двойной: сначала Корональ проходит перед народом, а потом народ проходит перед Короналем. Парад будет продолжаться весь день и ночь, вероятно до зари солнечного дня.

Поскольку жонглеры были частью королевского развлечения, им необходимо было занять место где-то вблизи порта, иначе они не смогут вовремя пройти через переполненный город и попасть на стадион для выступления. Залзан Кавол сумел выбрать для них место возле Арки Снов, но это означало, что они потратят большую часть дня в ожидании, когда парад подойдет к ним. Но тут уж ничего не поделаешь. Они шли пешком по диагонали через окраинные улицы и наконец появились в нижнем конце Портовой Дороги. Как и говорил Шанамир, город был обильно украшен, загроможден орнаментами, знаменами и свисавшими со всех домов светильниками. Сама дорога была заново раскрашена в цвета Короналя — в блестящий ярко-зеленый с золотой окантовкой.

В этот ранний час дорога была уже забита зрителями, но в толпе быстро образовалась место, когда появились скандары-жонглеры, и Залзан Кавол показал пачку билетов. Люди Маджипура, как правило, вежливы, миролюбивы и сговорчивы.

К тому же, кое-кто здесь остерегался связываться с шестью угрюмыми скандарами.

И вот — ожидание. Утро было теплое, скоро стало жарко. Валентину ничего не оставалось, как стоять и ждать, надеясь на пустое шоссе и на богато украшенный черный полированный камень Арки Снов. Карабелла была прижата к Валентину слева, Шанамир — справа. Время тянулось бесконечно. Разговоры быстро затихали. Минутным отвлечением явилась удивительная фраза, которую Валентин выхватил из разговора позади себя:

— Не понимаю всех этих приветствий. Я ему ни капли не верю.

Валентин прислушался. Двое зрителей — гейрогов, судя по голосам — говорили о новом Коронале, и отнюдь не благожелательно.

— Он издает слишком много указов, если хочешь знать мое мнение. То одно регулирует, то другое. Этого вовсе не нужно.

— Он хочет показать, что он работает, — примирительно ответил другой.

— Нет! При Лорде Вориаксе, а до него при Лорде Малиборе все шло хорошо и без этих дурацких правил. Это признак неуверенности, я считаю.

— Тихо! Сегодня особый день, об этом говорить не следует.

— Если хочешь знать, парень, он еще не уверен, что он действительно Корональ, вот он и обращает наше внимание на себя. Вот так я думаю.

— А я тебя не спрашиваю, — раздраженно ответил второй.

— И еще одно. Имперские надзиратели все внезапно слетели с мест. Чего он хочет? Насадить свою полицию, чтобы шпионили для Короналя? А зачем? Что он ищет?

— Если он найдет что-то, то тебя первого притянут. Заткнешься ты или нет?

— Я никакого вреда не делаю, — возразил первый. — Видишь, я держу знамя с горящей звездой, как все прочие. Разве я не лояльный гражданин? Но мне не нравится, как идут дела. Граждане имеют право заботиться о благе государства? Если нам что-то не нравится, мы должны говорить об этом. Это же в наших традициях, верно? Если мы сейчас позволим

хоть мелкое злоупотребление, кто знает, как обернется дело через пять лет?

Интересно, думал Валентин, при всех этих диких приветствиях и размахиваниях руками, отнюдь не все так уж обожают нового Короналя и восхищаются им. Хотелось бы знать, много ли таких, кто выказывает энтузиазм просто из страха или личного интереса?

Гейроги замолчали. Валентин прислушался к другим разговорам, но ничего интересного не услышал. Время снова еле ползло. Валентин перевел внимание на Арку и смотрел на нее, пока не запомнил всех ее украшений, резных изображений древних сил Маджипура, героев далекого туманного прошлого, генералов давнишней войны с метаморфами, Короналей, предшествовавших легендарному Стиамоту, древних Понтифаксов, благословенных Леди. Эта Арка, по словам Шанамира, была древнейшей и самой святой в Пидруде, ей девять тысяч лет, она была вырезана из блоков Велатисского мрамора и противостояла всем климатическим воздействиям. Пройти под ней означало стать под защиту Леди и в течение месяца получать полезные сны.

Утро оживляли слухи о продвижении Короналя через Пидруд. Корональ, как говорили, вышел с Золотой площади, направился к воротам Фалкинкина, там остановился, чтобы разбросать две пригоршни пятиконовых монет в кварталах, населенных преимущественно хортами и вруонами, затем утешил плакавшего ребенка, помолился у гробницы своего брата Лорда Вориакса, нашел, что слишком жарко и удалился отдохнуть... Корональ, Корональ, Корональ! Сегодня все внимание было обращено к нему. Валентин размышлял: что это за жизнь — все время делать такие громадные выезды, улыбаться, махать руками, раздавать монеты, участвовать в бесконечном безвкусном спектакле, показывать себя в вечном параде то в одном, то в другом городе, демонстрировать в одном физическом теле всю правительственную власть, принимать все эти славословия и почести, и при этом еще ухитряться держать бразды правления. А вообще, надо ли их держать? Система была такой древней, что, наверное, все шло само собой.

Понтифакс, старый и по традиции скрытый от посторонних глаз в таинственном Лабиринте где-то в центральной части Алханрола, издавал декреты, которыми управлялась планета, а его наследник и приемный сын Корональ правил как исполнитель и первый министр с вершины Горного Замка в то время, когда не предпринимал церемониальных походов вроде теперешнего. И не были ли они оба только символами величия? Мир был спокойным, приветливым, весе-

лым, как казалось Валентину, хотя нельзя сомневаться, что есть и темные стороны, спрятанные где-то, иначе почему Король Снов бросает вызов авторитету благословенной Леди? Эти правители, эта конституционная помпезность, эта экспансия и смятение чувств — разве это не пережиток далекой эры, когда все это, возможно, и было необходимо? А что может иметь значение сейчас?

Жить, дышать свежим воздухом, есть, пить, спокойно спать, а остальное — пустяки.

— Корональ едет! — закричал кто-то.

Так уже кричали десять раз в течение прошедшего часа, но Короналя все не было.

Но сейчас, как раз в полдень, похоже, что он и в самом деле был близко.

Ему предшествовали приветственные крики — далекий рев, похожий на морской прибой. Когда рев стал громче, на шоссе появились герольды на быстрых животных, они неслись почти галопом, время от времени издавая губами трубные звуки: наверное, губы их потом будут болеть от усталости. Затем появились на низкой, быстро плывшей моторизованной платформе несколько сот личных телохранителей Короналя в зеленой с золотом униформе — специально отобранный отряд мужчин и женщин различных рас, сливки Маджипура. Они стояли навытяжку на борту своей платформы и выглядели, по мнению Валентина, весьма достойно, хотя и чуточку глупо.

Но вот показалась колесница Короналя.

Она тоже была моторизованной и плыла на высоте нескольких футов над мостовой.

Щедро украшенная блестящей тканью и толстыми белыми квадратами из чего-то вроде меха редких животных, она выглядела величественно и богато. На ней разместилось полдюжины высших чинов Пидруда и провинции — мэры, герцоги и тому подобные, все в парадных мантиях, и среди них на возвышении, благосклонно протягивая руки к зрителям по обе стороны шоссе, стоял Лорд Валентин Корональ, второй сиятельный властелин Маджипура и, поскольку его приемный имперский отец Понтифакс держался отчужденно и простые смертные никогда его не видели — может быть, истинное воплощение авторитета, которое только могло быть на этой планете.

— Валентин! — кричали вокруг. — Лорд Валентин!

Валентин рассматривал своего королевского тезку так же внимательно, как перед этим — изображения на древней черной Арке Снов. Этот Корональ был импозантной фигурой: человек роста выше среднего, с властным видом, с сильными

плечами и длинными крепкими руками. Кожа его имела оливковый оттенок, черные волосы закрывали уши, подбородок окаймляла коротко подстриженная черная бородка.

В ответ на гром приветствий Лорд Валентин грациозно поворачивался то в одну, то в другую сторону, слегка склоняя голову и простирая руки в воздух. Платформа быстро проплывала мимо того места, где стояли Валентин и жонглеры, и как раз в этот момент Корональ повернулся к ним и на миг глаза Валентина и Лорда встретились. Между ними как бы возник контакт, проскочила искра. Корональ улыбнулся сияющей улыбкой, темные глаза таили ослепительные вспышки, парадная одежда, казалось, имела собственную жизнь, власть и цель, а Валентин стоял, прикованный к месту, захваченный колдовством имперского могущества.

На секунду он понял благоговение Шанамира, благоговение всех присутствующих перед принцем. Да, Лорд Валентин был всего лишь человеком, ему нужно было опорожнять мочевой пузырь и наполнять брюхо, он спал ночью и просыпался утром, зевая, как и всякий другой, он пачкал пеленки, когда был младенцем, но все-таки он был в священных кругах, он жил в Горном Замке, он был сыном Лорда Острова и приемным сыном Понтифакса Тивироса. Как и его брат, покойный Вориакс, он прожил большую часть жизни у основ власти, ему была дана тяжесть управления всем этим колоссальным миром с великим множеством людей. Такое существование, думал Валентин, меняет человека, ставит его отдельно от других, дает ему ауру и отчуждение. Когда колесница проплыла мимо, Валентин заметил эту ауру, и она смирила его.

Затем колесница прошла, этот миг исчез, и Лорд Валентин отодвинулся, все еще улыбаясь, простирая руки, грациозно кивая и глядя своим вспыхивающим взглядом на горожан, но Валентин уже не ощущал присутствия мощи. Наоборот, он неизвестно почему почувствовал себя обманутым.

— Пошли скорее, — проворчал Залзан Кавол, — нам пора быть на стадионе.

Весь Пидруд, кроме больных и заключенных, стоял вдоль линии парада. Прилегавшие улицы были пусты.

Через пятнадцать минут жонглеры были в порту, а еще через десять подошли к стадиону. Здесь уже начала собираться толпа. Тысячи людей давились на пристанях позади стадиона, чтобы еще раз увидеть Короналя, когда он прибудет.

Скандары построились клином и сильно врезались в толпу, Валентин, Слит, Карабелла и Шанамир шли в кильватере.

Участники представления должны были собраться в отгороженной задней части стадиона у самой воды. Здесь уже толкались сотни артистов. Тут были гиганты-гладиаторы с Кайвана, перед которыми даже скандары выглядели хрупкими, труппы акробатов, в нетерпении лезших друг другу на плечи, абсолютно нагая балетная труппа, три оркестра странных инопланетных инструментов, дрессировщики, удерживавшие на привязи морских зверей невероятных размеров и ярости, всевозможные уроды: мужчина весом в тысячу фунтов, женщина одиннадцати футов ростом и тонкая, как бамбуковая палка, двухголовый вруон, три близнеца лимена, соединенные по талии полосой страшной сине-серой плоти, кто-то, чье лицо было похоже на топор, а нижняя часть тела — на колесо, и много всяких других. У Валентина закружилась голова от вида, звуков и запахов этого неприятного скопления.

Обезумевшие писцы с муниципальными бляхами старались выстроить всех в правильную процессию. Какой-то порядок марша в самом деле существовал. Залзан Кавол отдал писцу документы и взамен получил номер, указывающий место его труппы в строю, но отыскать соседей по ряду было уже их заботой, и дело это оказалось непростым, поскольку все в огороженном пространстве находились в непрерывном движении, и найти номера было все равно что навесить ярлыки на морские волны.

Все-таки жонглеры нашли свое место между труппой акробатов и оркестром.

После этого все остановились и они несколько часов стояли тоже. Артистам предлагалось освежающее. Слуги ходили по рядам, разнося кусочки жареного на вертеле мяса и стаканчики зеленого или золотистого вина, не требуя платы. Но от жаркого и душного воздуха, от испарений стольких тел многих рас и метаболизма Валентин чувствовал дурноту. Через час, думал он, я буду жонглировать перед Короналем. Как странно это звучит! Хорошо, что Карабелла была рядом, веселая, жизнерадостная, всегда улыбающаяся, неутомимо энергичная.

— Да избавит нас бог от повторения этого в будущем, — шепнула она.

Наконец у Ворот Стадиона началось какое-то движение, как будто повернули кран, и вихревой поток вытянул первых артистов из огороженного участка. Валентин встал на цыпочки, но так и не увидел, что случилось. Прошел почти час, прежде чем волна движения дошла до их места. Теперь вся линия плавно двинулась вперед.

Со стадиона доносились звуки музыки, рев животных, смех, аплодисменты, оркестр, стоявший перед труппой Залзана, уже готовился выйти. Он состоял из двадцати музыкантов трех не человеческих рас.

Их инструменты были незнакомы Валентину.

Все они были очень изящны, но звук был крайне неприятным. Но вот последний музыкант исчез за большими двойными Воротами Стадиона, и официальный распорядитель важно шагнул вперед, загородив проход жонглерам.

— Залзан Кавол и его труппа! — объявил он.

— Мы здесь, — сказал Залзан Кавол.

— Ждите сигнала. Когда выйдете, следуйте за музыкантами в процессии слева вокруг стадиона. Не начинайте представления, пока не пройдете мимо большого зеленого флага с эмблемой Короналя. Дойдя до павильона Короналя, сделайте почтительный поклон и стойте на месте шестьдесят секунд, показывая свое искусство, а потом двинетесь дальше, до дальних ворот и сразу же выходите со стадиона. При выходе получите вознаграждение. Все понятно?

— Вполне, — сказал Залзан.

Скандар повернулся к своей труппе.

До сих пор он был резким и грубым, а тут вдруг обернулся другой стороной: он протянул три руки своим братьям и обменялся с ними рукопожатием, и на его губах появилась почти любезная улыбка. Затем он притянул к себе Валентина и сказал так ласково, насколько это возможно для скандара:

— Ты быстро научился и показываешь признаки мастерства. Я взял тебя только для удобства, но теперь рад, что ты с нами.

— Благодарю тебя, — торжественно ответил Валентин.

— Не каждый день мы жонглируем перед властителями Маджипура, — продолжал Залзан Кавол.

Он обнял Слита и Карабеллу.

— Пусть это будет нашим самым лучшим выступлением!

— Жонглеры! — пролаял распорядитель.

Скандар сделал жест, и труппа пошла через массивные двойные ворота.

Слит и Карабелла шли впереди, жонглируя пятью ножами. Они обменивались ими в быстром, постоянно меняющемся рисунке. За ними несколько поодаль шел Валентин, жонглируя тремя дубинками с напряженной интенсивностью. Следом шли шесть братьев-скандаров, которые пользовались двадцатью четырьмя руками, чтобы наполнить воздух самой разнообразной смесью летающих предметов. Шанамир за-

ключал шествие, как господин. Он ничего не делал, просто служил человеком-точкой.

Карабелла была энергична и неуемна.

Она прыгала, щелкала каблуками, хлопала в ладони, но ни разу не сбила такт, а рядом с ней Слит, быстрый, как удар кнута, собранный, динамичный, представлял собой прямо источник энергии, когда выхватывал ножи из воздуха и возвращал их партнерше. Всегда спокойный, экономящий движения Слит позволил себе немыслимый прыжок, пока мягкий воздух Маджипура держал ножи наверху необходимую долю секунды.

Они обошли вокруг стадиона, держа ритм по скрипучему визгу флейт и труб шедшего перед ними оркестра. Обширная толпа уже устала от чередования выступлений и едва реагировала, но это не имело значения: жонглеры были преданы своему искусству, и им сейчас не было дела до потных лиц, едва видимых на далеких сидениях.

Валентин придумал номер вчера, практиковался сам и фантастически преуспел в этом деле. Об этом никто не знал, потому что для новичка это было рискованно, а королевское представление — не место для риска. Однако он думал, что королевское представление — самое подходящее место, чтобы человек сделал все, что может.

Итак, он взял две дубинки в правую руку и швырнул их вверх. Он тут же услышал удивленное ворчание Залзана:

— Эй!

Но думать об этом у Валентина уже не было времени, поскольку дубинки спускались, и он бросил дубинку из левой руки между ними на двойную высоту. Он ловко поймал падавшие дубинки в руки, бросил из правой вверх и поймал ту, которая вернулась из двойного полета, а затем с полной уверенностью занялся знакомым каскадом дубинок, не глядя по сторонам и следуя за Карабеллой и Слитом по периметру громадного стадиона.

Оркестры, акробаты, танцоры, дрессированные животные, жонглеры впереди и сзади, тысячи пустых лиц, украшенные лентами аркады вельмож — ничего этого Валентин не видел, разве что подсознательно. Бросок и захват, бросок и захват, вперед и вперед, пока не увидел краем глаза блестящие зеленые с золотом флаги по бокам Королевского павильона. Он повернул лицо к Короналю.

Это был трудный момент, потому что пришлось делить внимание: следить за полетом дубинок и искать взгляд Лорда Валентина.

Он нашел его в середине павильона. Он жаждал второго толчка обмена энергией, второй искры контакта с ищущими

глазами Короналя. Он бросал дубинки автоматически точно, каждая взлетала на определенную высоту и по дуге опускалась между большим пальцем и остальными, пока он искал лицо Короналя. На этот раз толчка энергии не было, потому что Корональ был рассеян и вообще не видел жонглера.

Он скучно смотрел мимо на какое-то другое действие, то ли на животных, то ли на голые зады танцоров, то ли вообще не видел ничего. Валентин настойчиво отсчитывал положенные ему шестьдесят секунд, и в конце этой минуты ему показалось, что Корональ мельком взглянул на него, но и только.

Валентин двинулся дальше. Карабелла и Слит уже подходили к выходу. Валентин обернулся и сердечно улыбнулся скандарам, которые шли под танцующим балдахином из топоров, горящих факелов, серпов, молотков и фруктов, добавляя один предмет за другим к тому множеству, которое кружилось над ними.

Валентин шел впереди по своей собственной орбите, вперед и через ворота. Проходя во внешний мир, он держал свои дубинки в руках. И снова, отойдя от Короналя, он почувствовал упадок, усталость и пустоту, словно Лорд Валентин не излучал энергию, а отнимал ее у других, создавая иллюзию яркой блистающей ауры, а когда люди отходили от него, они испытывали ощущение потери. К тому же, представление закончилось. Момент славы Валентина ушел, и никто его, похоже, не заметил, кроме Залзана Кавола, который смотрел на него угрюмо и раздраженно.

— Кто научил тебя этому двойному броску? — спросил он, едва выйдя за ворота.

— Никто, — сказал Валентин. — Я сам придумал.

— А если бы ты уронил дубинки?

— Но я не уронил их!

— Нашел место для трюков, — пробормотал скандар.

Он несколько смягчился.

— Но я должен признать, что ты держался хорошо.

От другого распорядителя он получил кошелек с деньгами, высыпал их в две внешние руки и быстро пересчитал. Большую часть он сложил в карман, но по одной монете бросил братьям, потом Слиту и Карабелле и после некоторого раздумья бросил по меньшей монетке Валентину и Шанамиру.

Валентин заметил, что он и Шанамир получили по полкроны, а остальные по кроне. Но какая разница? В его кошельке еще звенело несколько крон, а премия, пусть и небольшая, была неожиданной. Он истратит ее сегодня на крепкое вино и пряную рыбу.

Долгий день кончился. С моря поднялся туман и принес в Пидруд ранние сумерки. На стадионе все еще длилось представление. Бедный Кораль, — думал Валентин, — ему придется сидеть там до ночи.

Карабелла стиснула его запястье.

— Пошли, — шепнула она повелительно. — Наша работа кончена, теперь мы будем праздновать.

Глава 9

Она выскочила из толпы, и Валентин, после некоторого замешательства, последовал за ней. Его три дубинки, подвешенные к поясу, колотили его по бедрам. Он подумал было, что потерял Карабеллу, но она снова появилась. Она бежала широкими прыжками, время от времени оборачиваясь и маня его за собой. Валентин догнал ее на спуске к бухте. Буксиры привели в гавань барки с тонкими бревнами, уложенными замысловатыми фигурами для костров.

Хотя ночь еще не наступила, некоторые костры были уже зажжены и горели холодным зеленым огнем, почти не давая дыма.

В течение дня весь город обратился в игровую площадку. Карнавальные ларьки выросли, как поганки после дождя. Гуляки в странных костюмах катались по набережным. Везде слышалась музыка, смех и лихорадочное возбуждение. По мере усиления темноты зажигались новые огни, и бухта стала морем цветного света. С востока появилось нечто вроде фейерверка: высоко вверх взлетела сверкающая ракета и рассыпалась слепящими потоками над крышами самых высоких зданий Пидруда.

Возбуждение Карабеллы захватило и Валентина. Взявшись за руки, они без устали шли через город от ларька к ларьку, разбрасывая монеты...

Много было игорных ларьков, где сбивали шарами кукол или крушили какую-нибудь тщательно сбалансированную конструкцию.

Карабелла, с ее глазами и рукой жонглера, выигрывала почти в каждой такой игре, а Валентин, хотя и менее ловкий, тоже брал свою долю призов.

В некоторых ларьках призом были кружки вина и куски мяса, в других они получали не нужных им животных или знамена с эмблемой Кораля. Они их тут же оставляли. Но мясо ели, глотали вино и по мере приближения ночи становились все более веселыми.

— Сюда! — крикнула Карабелла.

Они присоединились к танцу вруонов, гейрогов и пьяных хортов — скачущему круговому танцу, в котором, казалось, нет никаких правил. Они прыгали с чужаками довольно долго. Когда хорт обнял Карабеллу, она в ответ обняла его так крепко, что ее маленькие сильные пальцы глубоко вошли в его жирную кожу, а когда женщина-гейрог вся в змеиных локонах и со множеством болтавшихся грудей прижалась к Валентину, он принял ее поцелуй и вернул его ей с большим энтузиазмом, чем сам предполагал.

Затем они пошли дальше, в открытый театр, где угловатые куклы в стилизованно-резких движениях разыгрывали драму, потом на арену, где за несколько весовых единиц посмотрели на морских драконов, плававших кругами в сияющей цистерне, а оттуда — в сад одушевленных растений с южного побережья Алханрола, существ со щупальцами и высоких дрожащих резиноподобных колонн с удивительными глазами на вершине.

— Время кормления через полчаса, — сказал сторож.

Карабелла не захотела остаться, и они на буксире нырнули в сгущавшуюся темноту.

Снова взрывались фейерверки, теперь куда более эффектные на фоне ночи. Это была тройная горящая звезда, за ней — изображение Лорда Валентина на небе, а потом ослепительный блеск зеленого, красного и голубого, рисующий форму Лабиринта, заслоненного лицом старого Понтифакса, Тивераса, а через минуту цвета пропали, новый взрыв бросил простыню огня через все небо, и из нее выступили любимые всеми черты великой Королевской Матери, Леди Острова Снов, с любовью смотревшей на Пидруд. Вид ее так глубоко подействовал на Валентина, что он готов был преклонить колени и заплакать. Но в толпе не было для этого места. Леди растаяла в темноте. Валентин взял руку Карабеллы и крепко сжал ее.

— Мне нужно еще вина, — прошептал он.

— Подожди. Сейчас будет еще одно изображение.

И действительно. Еще ракета, еще взрыв красок, на этот раз грубых желтых и красных, и на них — лицо с тяжелой нижней челюстью и угрюмыми глазами, лицо четвертой силы Маджипура, самой темной и самой надменной фигуры в иерархии — Короля Снов, Симонана Барджазеда. Толпа затихла, потому что Король Снов не был другом никому, хотя все признавали его власть, поскольку он приносил несчастье и страшную кару.

Затем они пошли за вином. Рука Валентина дрожала, когда он быстро опрокинул две кружки. Карабелла смотрела на него сосредоточенно. Пальцы ее играли на крепком его за-

пястье, но она ни о чем не спрашивала, и свое вино оставила нетронутым.

Следующая дверь, открывшаяся перед ними, была дверью в музей восковых фигур. Он был сделан в форме Лабиринта. Войдя внутрь, нелегко было выйти, и они дали служителю три медяка, чтобы он сопровождал их. Из тьмы выступали герои королевства. Они были как живые. Они двигались и даже говорили на архаических диалектах. Один высокий воин назвал себя Лордом Стиамотом, победителем метаморфов. Здесь была легендарная Леди Тийн, его мать, Леди-воин, которая лично возглавляла защиту Острова Снов, когда его осаждали аборигены. Затем появилась фигура, назвавшаяся Дворном, первым Понтифаксом. Он был также далек по времени от Стиамота, как сам Стиамот от теперешнего Короналя. Рядом с ним стоял Динатак Барджазед, первый Король Снов, персонаж куда менее древний. Чем глубже проникали в Лабиринт Карабелла и Валентин, тем больше было хозяев власти, разумно подобранный ассортимент Понтифаксов, Леди и Короналей, великие правители Конфалум и Престимион, Понтифакс Ариох и, наконец, последняя фигура — румяный мужчина лет сорока, черноволосый и темноглазый, в туго облегающей черной одежде.

Ему не было нужды называть себя, потому что это был Лорд Вориакс, последний Корональ, брат Лорда Валентина, погибший два года назад по глупой случайности на охоте. Он правил всего восемь лет. Изображение поклонилось, протянуло руки и воскликнуло:

— Оплакивайте меня, братья и сестры, потому что я погиб раньше времени, и мое падение было тем сильнее, потому что я упал с такой высоты. Я был Лордом Вориаксом. Задумайтесь о моей судьбе!

Карабелла вздрогнула.

— Мрачное место и мрачный конец. Уйдем отсюда.

Она снова повела его по праздничным улицам через игорные холлы и ярко освещенные павильоны, мимо обеденных столов и домов радости, нигде не останавливаясь, перелетая, как птица, с места на место, пока наконец они не свернули за угол и не оказались в темноте, за пределами всеобщего веселья. Они пошли дальше в тишину деревьев и аромат цветов. Это был парк.

— Пойдем, — прошептала Карабелла.

Она взяла Валентина за руку.

Они вышли на залитую лунным светом поляну, где деревья сплелись вершинами.

Рука Валентина мягко скользнула вокруг тонкой талии Карабеллы. Дневное тепло задержалось под этими сплетен-

ными кронами, от влажной земли поднимался сладкий аромат громадных, больше головы скандара, цветов. Фестиваль и все его хаотическое возбуждение, казалось, отодвинулись на десять тысяч миль.

— Здесь мы и остановимся, — сказала Карабелла.

Подчеркнуто рыцарски он расстелил свой плащ. Она села, потянула к себе Валентина и быстро оказалась в его объятиях. Они лежали в укрытии между двумя густыми кустами. Где-то неподалеку бежал ручей.

На бедре Карабеллы висела маленькая карманная арфа искусной работы. Она сняла ее, сыграла короткое мелодичное вступление и запела:

Моя любовь прекрасна, как весна,
И так же нежна, как ночь.
Моя любовь сладка, как запретный плод,
Моя любовь чиста и светла.
Она мне дороже всех богатств мира,
Всех драгоценных камней моря,
Дороже всего Горного Замка.

— Красивая песня, — прошептал Валентин, — и у тебя прекрасный голос.

— А ты поешь? — спросила она.

— Ну, наверное.

Она протянула ему арфу.

— Теперь спой ты что-нибудь твое любимое.

Он растерянно повертел в руках маленький инструмент и сказал:

— Я не знаю никаких песен.

— Никаких? Ты должен знать хоть что-нибудь!

— Похоже, что все они ушли из моей головы.

Она улыбнулась и взяла арфу.

— Я научу тебя, только не сейчас.

— Нет, не сейчас.

Он коснулся ее губ. Она засмеялась и крепче обняла его. Глаза его привыкли к темноте, и он ясно видел ее маленькое острое лицо, яркие озорные глаза, блестящие растрепанные волосы. Он было подался назад от того, что могло случиться, смутно опасаясь, что придется брать на себя какие-то обязательства, но затем отбросил страх. Была фестивальная ночь, и они хотели друг друга. Он вспомнил, как она стояла обнаженная под очистителем: мышцы и кости, только и мяса, что на бедрах и на ягодицах, плотный сгусток энергии. Он видел, что она дрожит не от холода, не от ночной сырости. Он гладил ее руки, лицо, мускулистые плечи, маленькие сферы грудей.

Их тела двигались в нужном ритме, как будто они уже несколько месяцев были любовниками и хорошо сработались.

Потом он в полудреме лежал в ее объятиях и слушал, как колотится его сердце.

— Мы останемся ночевать здесь, — прошептала она, — в эту ночь нас никто не потревожит.

Она погладила его лоб, отвела от глаз его мягкие желтые волосы и легко поцеловала в кончик носа. Она была ласкова и игрива, как котенок. Все ее томное возбуждение ушло, сгорело в пламени страсти, а он был потрясен, оглушен и растерян. Да, для него это был внезапный, острый экстаз. Но в момент этого экстаза он смотрел через ворота ярчайшего света в таинственную область без цвета, формы и субстанции и рискованно качался на краю этого неведомого, прежде чем скатиться обратно в реальный мир.

Он не мог говорить. Не было подходящих слов. Он не предполагал, что акт любви вызовет такую дезориентацию. Карабелла, как видно, чувствовала его беспокойство, потому что молчала, только обнимала его, нежно покачивала, положила его голову к себе на грудь и тихо запела.

Он постепенно заснул.

Пришли сны-образы, грубые и страшные. Он опять был в знакомой унылой пурпурной равнине. Те же насмешливые лица смотрели на него с пурпурного неба, но на этот раз он был не один. Перед ним маячило темное лицо и тяжелое, давящее физическое присутствие, и Валентин знал, что это его брат, хотя в жестоком сиянии янтарного солнца он не мог рассмотреть черты лица. Сон проходил на фоне печальной низкой плачущей ноты мыслей и музыки, которая указывала на сон опасный, угрожающий, смертельный.

Двое мужчин встретились в страшной дуэли, из которой только один мог выйти живым.

— Брат! — закричал Валентин.

Он был в ужасе и смятении. Он дергался и извивался и как бы плыл по поверхности сна и на миг воспарил было над ней. Но его тренировка была заложена в нем слишком глубоко, и он знал, что человек не может летать во сне, не отбрасывает сны, испугавшись чего-то, он полностью входит в них и принимает их руководство, он встречается во сне с немыслимым, и уклониться от этого означает неминуемую конфронтацию и гибель человека наяву.

Валентин сознательно вернулся снова на границу между сном и бодрствованием и опять почувствовал вокруг злобное присутствие врага, брата.

Оба они были вооружены, но не одинаково, потому что у Валентина была плохая рапира, а у его брата — массивная сабля. Со всей ловкостью и проворством Валентин отчаянно пытался провести свою шпагу мимо парирований брата, но это было невозможно: тот все время парировал медленными, тяжелыми ударами, и слабое лезвие Валентина отскакивало в сторону, неумолимо тянуло его самого назад по грубой, изрытой дороге.

Над головой кружились стервятники.

С неба слышалась шипящая песня смерти.

Скоро должна пролиться кровь, и жизнь вернется к источнику.

Шаг за шагом Валентин отступал, зная, что сзади него овраг, и дальнейшее отступление невозможно. Рука болела, глаза устали, во рту скрипел песок, силы были на исходе. Назад...

— Брат! — крикнул он.

Он был в отчаянии.

— Во имя бога...

В ответ на его мольбу послышались грубый смех и непристойная брань. Сабля взвилась и опустилась. Валентин поднял лезвие. Тело его онемело, когда металл ударил о металл и его легкое оружие переломилось. В ту же минуту он зацепился ногой о застрявшую в песке корягу и тяжело упал на землю, в переплетение колючих стелющихся веток. Гигантский человек с саблей встал над ним, заслонив солнце, закрыв собой небо. Песня смерти приняла тембр убийственно визгливой интонации, стервятники устремились вниз.

Спящий Валентин стонал и вздрагивал.

Он снова повернулся и прижался к Карабелле, набираясь от нее тепла, потому что его окутал страшный холод смертельного сна. Так легко было проснуться теперь, уйти от ужаса и насилия этих образов, выплыть в безопасность на берега сознания.

Но нет, жестокая дисциплина толкала его снова в кошмар. Гигантская фигура захохотала. Сабля поднялась.

Мир под упавшим телом Валентина качался и крошился. Он направил свой дух к Леди и ждал смертельного удара.

Но удар сабли оказался неудачным: оружие с глухим стуком вонзилось глубоко в песок. Текстура и упор сна изменились. Валентин не слышал больше шипящего плача песни смерти, и все перевернулось. В него неожиданно влились источники энергии, и он вскочил на ноги.

Брат дергал саблю, пытаясь вытащить ее из земли, а Валентин каблуком загнал ее еще глубже.

Он бросился на противника с голыми руками.

Теперь уже Валентин командовал дуэлью, а струсивший брат, отступая под ливнем ударов, упал на колени и рычал, как раненый медведь, качая окровавленной головой. Он принимал удары, не пытаясь защищаться и только бормотал: брат, брат... когда Валентин опрокинул его в песок.

Он лежал неподвижно, а Валентин стоял над ним. Пусть скорее настанет утро и освободит меня от сна, молился он.

Он понял, что еще темно. Прижав руки к груди, он вздрогнул. Безумные образы, фрагментарные, но мощные, проплывали в его смятенном мозгу.

Карабелла задумчиво смотрела на него.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

— Я видел сон.

— Ты три раза кричал. Я подумала, что тебе надо проснуться. Тяжелый сон?

— Да.

— Как ты сейчас?

— Растерян, ошеломлен.

— Расскажи мне твой сон.

Это была интимная просьба. Но разве они не любовники? Разве они не вместе ушли в мир сна, партнеры в ночных поисках?

— Я видел, что дрался со своим братом, — хрипло сказал он. — Мы сражались на шпагах в жаркой голой пустыне, он уже был готов убить меня, но я в последний момент поднялся с земли и убил его ударами кулаков.

Ее глаза горели в темноте, как у тигрицы.

— Ты всегда видишь такие страшные сны?

— Нет. Но...

— Да?

— Дело не только в насилии. У меня нет брата!

Она засмеялась.

— А ты хочешь, чтобы сон полностью соответствовал реальности? Валентин, где ты учился? У снов истина лежит глубже, чем в реальности. Брат твоего сна может быть кем угодно: Залзаном Каволом, Слитом, твоим отцом, Лордом Валентином, Понтифаксом Тиверасом, даже мной. Ты же знаешь, что сны, за исключением специально посланных, все трансформируют.

— Я знаю. Но что означает этот сон, Карабелла? Дуэль с братом, почти убит им, и вдруг сам убил...

— Ты хочешь, чтобы я истолковала твой сон? — удивленно спросила она.

— Да. Он для меня ничего не несет, кроме страха и тайны.

– Да, ты был очень напуган. Ты обливался потом и кри-. Но мучительные сны в своем большинстве что-то откры-от. Растолкуй его сам.
– У меня нет брата...
– Я же сказала тебе, что это неважно.
– Что ж, я воюю против самого себя? Не понимаю. Врагов ня нет.
– Может быть, твой отец? – намекнула она.
Он задумался. Отец? Он старался представить себе лицо, орое можно было бы дать человеку с саблей, но не смог.
– Я не помню его.
– Он умер, когда ты был маленьким?
– Наверное.
Валентин покачал головой, в которой началась странная льсация.
– Я не помню. Я вижу высокого человека с темной боро-й, темноглазого...
– Как его зовут? Когда он умер?
Валентин вновь покачал головой. Карабелла наклонилась, ла его за руку и тихо спросила:
– Где ты родился?
– На востоке.
– Да, ты говорил. Но где, в каком городе, в какой провин-и?
– В Ни-Мойе? – вопросительно произнес Валентин.
– Ты спрашиваешь или отвечаешь?
– В Ни-Мойе, – повторил он. – Большой дом, сад, непо-леку река. Да, я вижу себя там, купаюсь в реке, охочусь герцогском лесу. Может, я видел это во сне? Или читал о-то, или мне об этом рассказывали?
– Как зовут твою мать?
Он открыл рот, но ничего не сказал.
– Она тоже умерла молодой?
– Гальяра, – неуверенно сказал он. – Да, Гальяра.
– Приятное имя. Расскажи, какая она.
– Она...
Он запнулся.
– Золотые волосы, как у меня, гладкая кожа, глаза... это к трудно, Карабелла...
– Ты дрожишь.
– Да.
– Иди сюда.
Она притянула его к себе. Она была намного меньше его, казалась гораздо сильнее сейчас, и ему было так уютно ее близости.
– Ты ничего не помнишь, Валентин?

— Ничего.

— Ты не помнишь, где родился, откуда пришел, как выглядели твои родители, не помнишь даже, где ты был в прошлый Звездный День? Твои сны не могут руководить тобой, потому что ты ничего не можешь объяснить.

Ее пальцы осторожно, но твердо начали ощупывать его череп.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Смотрю, не было ли повреждений на твоей голове. Удар по голове может отбить память.

— Есть что-нибудь?

— Ни рубца, ни шишки. Ничего. Но это еще ничего не значит. Это могло случиться давно. Когда взойдет солнце, посмотрим еще раз.

— Мне нравится, когда твои руки касаются меня.

— А мне нравится касаться тебя.

Он спокойно лежал рядом с ней. Слова, сказанные ими, теперь сильно тревожили его. Другие люди, думал он, помнят свое детство и юность, знают имена родителей и место рождения, а у меня нет ничего, кроме неопределенных набросков, тонких, ненадежных воспоминаний, покрывающих колодец пустоты. Он знал, что там пустота, и не захотел заглядывать в нее. Но Карабелла заставила его это сделать. Он думал, почему он не похож на других, почему его воспоминания не имеют субстанции? Может, он действительно получил удар по голове, или просто у него такой тупой мозг, что не может даже удержать отпечатков опыта, и он, годами бродил по Маджипуру, и при каждом новом наступлении дня вчерашний стирался?

Они так и не уснули больше в эту ночь.

К утру они снова любили друг друга, молча, как-то целенаправленно, совсем не так, как раньше. Затем они умылись в маленьком холодном ручье и пошли через город в гостиницу. По улицам все еще шатались гуляки с затуманенными глазами, когда над Пидрудом поднялось яркое солнце.

Глава 10

По совету Карабеллы Валентин взял в поверенные Слита и рассказал ему о своем сне и про последовавший за ним разговор. Беловолосый жонглер внимательно слушал, не перебивая, и выглядел очень торжественно. Когда Валентин закончил, Слит сказал:

— Тебе надо поговорить с толкователем снов. Послание слишком сильно, чтобы им пренебречь.

— Значит, ты думаешь, что это послание?

— Скорее всего.

— От короля?

— Возможно. Жди и будь осторожен. Король никогда не посылает единичного послания.

— Оно могло быть и от Леди, — сказала Карабелла. — Жестокость не должна обманывать нас. Когда нужно, Леди посылает и такие сны.

— А некоторые сны, — сказал Слит, — приходят не от Леди и не от Короля, а из глубин нашего сознания.

Он улыбнулся.

— Но без посторонней помощи ничего сказать нельзя. Иди к толкователю снов, Валентин.

— А может ли толкователь снов помочь мне обрести память?

— Толкователь или колдун могут. Но, если сны не основаны на твоем прошлом, это ничего не даст.

— Кроме того, — сказала Карабелла, — такой сильный сон нельзя оставлять без исследования. Ты отвечаешь за него. Если сон требует действия, а ты его не предпримешь...

Она пожала плечами.

— Твой дух ответит за это, и быстро. Ищи толкователя, Валентин.

— Я надеялся, — сказал Валентин Слиту, — что ты разбираешься в таких вещах.

— Я жонглер, а не толкователь.

— А можешь ты порекомендовать мне кого-нибудь в Пидруде?

— Мы скоро уйдем из Пидруда. Подожди несколько дней. У тебя будут еще сны, и ты их передашь толкователю.

— Хотел бы я знать, действительно ли это было послание? — сказал Валентин. — И от кого? Какое дело Королю Снов до такого бродяги, как я? Вряд ли это от Короля. При двадцати миллиардах жителей Маджипура может ли Король найти время для каждого, кроме как по самому важному делу?

— В Суврейле, — сказал Слит, — во дворце Короля Снов есть громадные машины, которые сканируют весь наш мир и каждую ночь шлют послания в мозг миллионов людей. Кто знает, как выбираются эти миллионы? Когда мы были детьми, нам говорили об этом, и я знаю, что это правда: прежде, чем мы оставим этот мир, мы, по крайней мере, один раз ощутим прикосновение Короля Снов к нашему духу — все мы, без исключения, я знаю, потому что со мной это было.

— С тобой?

— И не один раз.

Слит коснулся своих белых волос.

— Ты думаешь, я родился беловолосым? Однажды я спал в гамаке в джунглях на Нарабале. Тогда я еще не был жонглером. Король пришел ко мне во сне и дал приказ моей душе, и когда я проснулся, волосы у меня стали белыми. Мне было тогда двадцать три года.

— Какой приказ?

— Чтобы черные волосы за одну ночь стали белыми, — сказал Слит.

Он явно не хотел продолжать разговор.

Он встал и посмотрел на утреннее небо.

— Я думаю, мы достаточно поговорили, друг. На фестивале еще есть возможность заработать кроны. Хочешь, я научу тебя нескольким новым трюкам, пока Залзан не послал нас работать?

Валентин кивнул. Слит взял мячи и дубинки и вышел во двор.

— Смотри, — сказал Слит.

Он встал вплотную за спиной Карабеллы. Она держала два мяча в правой руке, а он — один в левой, и они начали перебрасывать мячи друг другу.

— Это, — сказал Слит, — вещь довольно простая даже для новичка, но выглядит чрезвычайно сложной.

Они сразу же вошли в ритм, легко перекидывая мячи вперед и назад, как одно существо с четырьмя ногами и жонглировавшими руками.

Да, это действительно выглядит трудным, думал Валентин.

— Подай нам дубинки, — сказал Слит.

Валентин быстрыми, резкими бросками перекинул дубинки по одной в правую руку Карабеллы, и она по порядку работала одной, другой, третьей, до тех пор, пока мячи и дубинки стали летать от нее к Слиту и от Слита к ней головокружительным каскадом. Валентин знал по собственному опыту, как трудно работать со многими предметами. В следующие несколько недель в его диапазоне должно быть пять мячей, как он надеялся. Четыре дубинки можно освоить достаточно быстро, но управлять тремя мячами и тремя дубинками одновременно и так прекрасно их координировать — это подвиг, который поражал и восхищал его. К удивлению Валентина, тут примешивалась еще и ревность: Слит стоял вплотную к Карабелле и составлял с ней как бы единый организм, а ведь всего несколько часов назад она лежала с Валентином в парке Пидруда.

— Попробуй, — сказал Слит.

Он отошел.

Карабелла повернулась лицом к Валентину.

Они работали только тремя мячами.

Сначала Валентину было трудно рассчитывать высоту и силу броска, и он иной раз бросал мяч за пределы досягаемости Карабеллы, но через десять минут привык, а через пятнадцать они работали так гладко, словно делали это не один год. Слит подбодрял их аплодисментами.

Появился скандар — не Залзан Кавол, а его брат Ирфон, который даже для скандара казался суровым и холодным.

— Вы готовы? — проворчал он.

После обеда труппа должна была выступать в частном парке одного богатого торговца, который принимал у себя герцога провинции.

Карабелла и Валентин показали свою новую работу полужонглирования. Скандары делали нечто яркое и сверкающее из тарелок, хрустальных стаканчиков и кухонных мисок, а в заключение Слит вышел жонглировать с завязанными глазами.

— Разве это может быть? — потрясенно спросил Валентин.

— Смотри! — ответила Карабелла.

Валентин смотрел, но кроме него смотрели очень немногие, потому что был солнечный день после безумного Звездного Дня, и господа, заказавшие представление, были усталыми и пресыщенными. Им уже надоело мастерство музыкантов, акробатов и жонглеров, которых они наняли.

Слит выступил вперед с тремя дубинками, встал твердо и уверенно, постоял минуту, слегка склонив голову набок, словно прислушиваясь к ветру, дувшему между мирами, затем глубоко вздохнул и начал работать.

Залзан Кавол загудел.

— Двадцать лет практики, Лорды и Леди Пидруда! Тут нужен острейший слух! Он слышит шелест дубинок в воздухе, когда они летят из одной руки в другую.

Валентин удивлялся, как даже самый тонкий слух может уловить что-то в гуле разговоров, звоне тарелок и громогласном рекламировании Залзана Кавола, но Слит не сделал ни одной ошибки. Было заметно, что такое жонглирование трудно даже для него: обычно он был спокоен, как машина, но сейчас его руки двигались необычайно резко, когда ловили кружившуюся почти вне пределов досягаемости дубинку, хватали ее с отчаянной торопливостью. И все-таки жонглировал он замечательно.

Казалось, что в его голове была карта, где указывалось местонахождение каждой летевшей дубинки, и рука тянулась как раз туда, куда могла упасть дубинка, и находила ее именно там, где надо. Он сделал десять, пятнадцать, двадцать обменов, затем прижал все три дубинки к груди, сорвал

повязку с глаз и низко поклонился. Раздались жидкие аплодисменты. Карабелла подошла и обняла Слита, Валентин шлепнул его по плечу, и труппа сошла с эстрады.

В комнате для артистов Слит дрожал от напряжения и вытирал пот со лба.

— Они обратили внимание? — спросил он Карабеллу, — они хоть что-то видели?

— Некоторые, — мягко ответила она.

Слит плюнул.

— Свиньи! Сами не умеют комнату перейти, а сидят и болтают, когда артист...

Валентин не видел еще Слита в таком настроении. Жонглирование вслепую плохо сказывается на нервах, думал он. Он обнял Слита за плечи.

— Какая важность? — сказал он серьезно. — Ты показал высокий класс мастерства. Ты был превосходен.

— Не совсем, — угрюмо сказал Слит. — Синхронность...

— Отличная, — настаивал Валентин. — Ты полностью овладел мастерством. Ты был величественен. Какое тебе дело, что говорят или делают пьяные торговцы? Ты владеешь искусством для их души, или для себя?

Слит слабо улыбнулся.

— Слепое жонглирование глубоко врезается в душу.

— Мне очень жаль видеть тебя в таком горе, мой друг.

— Пройдет. Мне уже лучше.

— Ты сам себе придумал эту боль. Я скажу тебе еще раз: ты был великолепен, а все остальное не имеет значения.

Он повернулся к Шанамиру.

— Сбегай на кухню, нет ли там для нас мяса и хлеба. Слит работал очень тяжело, ему нужно подкрепление. Одного пальмового вина недостаточно.

Слит уже не выглядел напряженным и злым, а только усталым. Он протянул руку Валентину.

— У тебя теплая и добрая душа, Валентин. Твой дух мягкий и жизнерадостный.

— Твоя боль ранила меня.

— Впредь буду сдерживать свой гнев, — сказал Слит. — Но ты прав: мы жонглируем для себя, а эти все — недостойны внимания. Мне не следовало забывать об этом.

Валентин еще два раза видел слепое жонглирование в Пидруде. Еще два раза он наблюдал, как Слит, напряженный и вдохновенный, сходил с подмостков. Валентин понимал, что усталость Слита не зависела от внимания зрителей: это была адски тяжелая работа, вот и все. Валентин старался, как мог, успокоить его. Ему было приятно служить таким образом другому.

Еще два раза Валентин видел темные сны. Один раз к нему явился Понтифакс и позвал его в Лабиринт, и когда он вошел туда, там было множество проходов и непонятных улиц, а изображение тощего старого Тивераса плыло перед ним, ведя его в центр. Наконец он достиг какой-то внутренней части громадного Лабиринта. Понтифакс вдруг исчез, и Валентин остался один на один в пустоте холодного зеленого света; все опоры исчезли, и он бесконечно долго падал к центру Маджипура. В другую ночь Корональ, ехавший на своей колеснице через Пидруд, поманил его и предложил сыграть в игорном ларьке, и они метали диск и сбивали отметки и выиграли связку беловатых пальцевых суставов, а когда Валентин спросил, чьи это кости, Лорд Валентин засмеялся, дернул себя за густую черную бороду, устремил на Валентина вспыхивающие глаза и сказал:

— Посмотри на свои руки.

Валентин увидел, что у него нет пальцев, просто розовые обрубки на запястьях.

Валентин снова поделился этим со Слитом и Карабеллой, и они опять не дали никакого толкования, а лишь повторили свой совет обратиться к какой-нибудь жрице мира снова, как только они уйдут из Пидруда.

Отъезд был неминуем. Фестиваль закончился, кораблей Короналя в гавани уже не было, дороги были забиты отъезжающими, так как люди из провинций возвращались по домам. Залзан Кавол торопил свою труппу закончить все дела в Пидруде, чтобы двинуться в путь в Морской День после полудня.

Это известие почему-то опечалило Шанамира. Валентин заметил настроение мальчика.

— Я думал, ты хочешь ехать дальше. Тебе не хочется оставлять город?

Шанамир покачал головой.

— Я ушел бы отсюда хоть сейчас.

— Тогда в чем же дело?

— Прошлой ночью я видел во сне отца и братьев.

Валентин улыбнулся.

— Еще не выехал из провинции, а уже тоскуешь по дому?

— Не тоскую, — мрачно сказал мальчик, — они лежали на дороге связанные, а я вел группу животных. Они кричали мне, чтобы я помог им, а я ехал прямо на них, на их беспомощные тела. Тут и без толкователя ясно, что означает этот сон.

— Значит, на тебе вина, что ты бросил свои обязанности и дом?

— Вина? Да. Деньги! — сказал Шанамир.

В его голосе слышалось раздражение мужчины, объясняющего что-то тупому ребенку. Он похлопал себя по талии.

— Деньги, Валентин. У меня тут около ста шестидесяти реалов от продажи животных. Разве ты забыл? Это целое состояние. Их хватит, чтобы моей семье прожить весь этот год и часть следующего! Они там ждут моего возвращения с этими деньгами.

— А разве ты не собирался отдать им эти деньги?

— Но меня же нанял Залзан Кавол! Что, если его путь лежит в другую сторону? Если я повезу деньги домой, я потом не найду вас, когда вы будете странствовать по Зимроду. А если я пойду с жонглерами, я украду деньги моего отца, на которые он рассчитывает и в которых нуждается. Понял?

— Это решается довольно просто, — сказал Валентин. — Фалкинкин далеко отсюда?

— Дня два, если ехать быстро, три — если обычно.

— Это близко. Я уверен, что Залзан еще не установил точно наш путь. Я поговорю с ним прямо сейчас. Для него все равно, куда мы пойдем. Я попрошу его пойти отсюда по Фалкинкинской дороге. Когда мы будем близко от фермы твоего отца, ты удерешь ночью, отдашь деньги кому-нибудь из братьев и до рассвета вернешься к нам. Тогда на тебе не будет вины, и ты свободно пойдешь по нашему пути.

Шанамир округлил глаза.

— Ты думаешь, что сможешь уговорить этого скандара?

— Посмотрим.

— Он разозлится и швырнет тебя на землю, если ты его о чем-нибудь попросишь. Он не любит вмешательства в его планы, как и ты не позволил бы стаду блавов решать твои дела.

— Я поговорю с ним, — сказал Валентин, — и увидим. У меня есть основания считать, что Залзан Кавол вовсе не такой грубый, каким хочет себя показать. Где он?

— Осматривает свой фургон, готовит его для путешествия. Ты знаешь, где стоит фургон?

— Знаю.

Жонглеры ездили по городам в отличном фургоне, который сейчас был припаркован за несколько кварталов от гостиницы, поскольку был слишком широк, чтобы его можно было провезти по этим узким улицам. Это был импозантный, дорогой экипаж, благородный и величественный, отлично сработанный мастерами одной из внутренних провинций. В основе его была длинная рама из легких, упругих деревянных крыльев, искусно разрезанных на широкие выгнутые дугой полосы, склеенные бесцветным душистым клеем, с эластичными прутьями из южных болот. Эту элегантную ар-

матуру покрывали листы выдубленной кожи стиков, натянутой и прошитой толстыми желтыми волокнами из хрящеватых тел.

Подойдя к фургону, Валентин увидел Ирфона Кавола и другого скандара, Гейбора Херна. Они старательно смазывали гусеницы фургона, в то время как изнутри доносились яростные крики, такие громкие, что фургон, казалось, качался.

— Где ваш брат? — спросил Валентин.

Гейбор Херн угрюмо мотнул головой в сторону фургона.

— Неподходящий момент, чтобы входить туда.

— У меня дело.

— У него тоже дело, — сказал Ирфон Кавол, — с воровatым маленьким колдуном, которому мы платили, чтобы он вел нас по провинциям, и который отказался от работы как раз тогда, когда мы собираемся уехать из Пидруда. Войди, если хочешь, но ты пожалеешь об этом.

Злобные крики в фургоне перешли в вопли. Дверь неожиданно распахнулась, и оттуда выскочила крошечная фигурка иссохшего старого вруона, маленького, как кукла, существа в легких перьях, с клейкими щупальцами-членами, тускло-зеленой кожей и громадными золотыми глазами, в которых сейчас горел страх. На угловатой щеке возле клюва-рта виднелось пятно желтой крови.

Через секунду в дверях показался Залзан Кавол. Его мех раздулся от гнева, широкие, похожие на корзины руки бессильно размахивали в воздухе. Он крикнул братьям:

— Хватайте его! Не дайте ему уйти!

Ирфон и Гейбор тяжело поднялись и загородили дорогу вруону. Маленькое существо, пойманное в ловушку, в панике остановилось, крутнулось, ткнулось в колени Валентина.

— Лорд, — бормотал он, — защити меня!

Он вцепился в Валентина.

— Он обезумел и убьет меня!

— Держи его, Валентин, — сказал Залзан Кавол.

Он шагнул вперед.

Валентин толкнул испуганного вруона за себя, твердо смотря в лицо Залзана Кавола.

— Умерь свой характер, если можешь. Если ты убьешь вруона, мы все застрянем в Пидруде навеки.

— Я не хочу его убивать, — рявкнул Залзан Кавол. — У меня нет аппетита к многолетним отвратительным посланиям.

Вруон сказал дрожащим голосом:

— Он не хочет меня убивать, он хочет только ударить меня со всей силой о стену.

— Из-за чего ссора? Может, я могу стать посредником?

Залзан нахмурился.

— Этот спор тебя не касается, Валентин. Убирайся отсюда.

— Мне лучше не уходить, пока ты не успокоишься.

Глаза Залзана Кавола вспыхнули. Он подошел к Валентину настолько близко, что тот чувствовал обостренный злобный запах грубой шерсти скандара. Залзан все еще кипел от злости. Вполне возможно, подумал Валентин, что он швырнет о стену нас обоих. Ирфон и Гейбор держались в стороне. Возможно, они никогда еще не видели, чтобы их брату оказывали неповиновение. Некоторое время все молчали. Руки Залзана Кавола конвульсивно сжимались, но он оставался на месте. Наконец он сказал:

— Этот вруон — колдун Стифон Делиамбер, которого я нанял, чтобы он показывал мне внутренние дороги и охранял меня от хитростей Изменяющих Форму. Всю эту неделю он праздновал в Пидруде за мой счет, а теперь, когда нам пора ехать, он говорит, чтобы я искал другого проводника, что он потерял интерес к странствиям. Так ты понимаешь выполнение контракта, колдун?

Вруон ответил:

— Я стар и слаб, мое колдовство утрачивает силу, и мне кажется, что я иногда забываю дорогу. Но если ты все еще хочешь, я буду сопровождать тебя, как раньше, Залзан Кавол.

Скандар был ошеломлен.

— Что?

— Я передумал, — вежливо сказал Стифон Делиамбер.

Он выпустил ноги Валентина и вышел вперед. Он сгибал и разгибал свои бесконечные руки, как бы стряхивая с них страшное напряжение.

— Я выполню условия контракта.

Залзан Кавол растерянно сказал:

— Всего полчаса назад ты клялся, что останешься в Пидруде, игнорировал все мои просьбы и даже угрозы и привел меня в такую ярость, что я готов был растереть тебя в порошок — на свою беду, как и на твою, потому что мертвые колдуны оказывают плохую услугу, и Король Снов страшно покарал бы меня за это, но ты все равно упрямился, отказывался от контракта, а теперь ты вдруг все переиграл!

— Да.

— Не будешь ли ты так любезен сказать, почему?

— Причин нет, — ответил вруон, — кроме разве того, что этот молодой человек мне понравился, я восхищен его мужеством, добротой и теплом его души, и раз он едет с тобой, я тоже поеду, только из-за него и не по каким-то другим

причинам. Это удовлетворяет твое любопытство, Залзан Кавол?

Скандар заворчал, плюнул в раздражении и яростно потряс второй парой рук.

На миг показалось, что он снова взорвется неуправляемой злостью, но с величайшим трудом он сдержался.

Наконец он сказал:

— Уходи с моих глаз, колдун, пока я не размазал тебя по стене. И, да хранит божество твою жизнь, если ты не будешь здесь сегодня после обеда, чтобы ехать с нами.

— Во второй час после полудня, — сказал Стифон Делиамбер. — Я буду точен, Залзан Кавол.

Обращаясь к Валентину, он добавил:

— Я полагаю, что ты мой защитник. Я в долгу перед тобой и расплачусь скорее, чем ты думаешь.

Вруон быстро исчез.

Помолчав, Залзан Кавол сказал:

— С твоей стороны глупо было вставать между нами, Валентин, могло плохо кончиться.

— Я знаю.

— А если бы я изувечил вас обоих?

— Я чувствовал, что ты сумеешь сдержать свой гнев. Я был прав?

Залзан Кавол выдал стандарный эквивалент улыбки.

— Я сдержал свою злость, это верно, но только потому, что был поражен твоим нахальством, и мое удивление остановило меня. Еще минута, и если бы колдун продолжал...

— Но он согласился соблюдать контракт, — сказал Валентин.

— Это верно. Полагаю, что я тоже у тебя в долгу. Нового гида трудно найти и это задержало бы нас на несколько дней. Так что я благодарю тебя, — закончил Залзан с неуклюжей любезностью.

— Значит, между нами существует долг?

Скандар внезапно выпрямился с подозрением.

— Так что же?

— Мне нужна небольшая милость с твоей стороны. Если я оказал тебе услугу, не могу ли я попросить об ответе?

— Дальше, — ледяным голосом сказал Залзан Кавол.

Валентин сделал глубокий вдох.

— Речь о мальчике Шанамире из Фалкинкина. Прежде чем идти с нами, он должен выполнить важное поручение. Это дело семейной чести.

— Пусть едет в Фалкинкин, а потом догоняет нас.

— Он боится, что не найдет нас, если теперь уйдет.

— Чего же ты хочешь, Валентин?

— Устрой так, чтобы наш путь прошел в нескольких часах езды от дома мальчика.

Залзан злобно посмотрел на Валентина и холодно сказал:

— Сначала я услышал от своего гида, что мой контракт ничего не стоит, потом ученик жонглера остановил мои действия, а теперь меня просят планировать путешествие в угоду семейной чести грума! На что же это похоже?

— Если у тебя нет важного ангажемента, — сказал Валентин, — то Фалкинкин всего в двух-трех днях пути на север, и мальчик...

— Хватит! — закричал Залзан Кавол. — Наша дорога на Фалкинкин. И больше никаких поблажек. Теперь убирайся. Ирфон, Херн, фургон готов?

Глава 11

Фургон труппы Залзана Кавола был также роскошен внутри, как и снаружи.

Пол был из темных досок ночного дерева, отполированных до блеска и подогнанных друг к другу с большим искусством. В задней части в пассажирском отделении со сводчатого потолка свисали нитки с сухими семенами и кисточками, стены с замысловатой резьбой были покрыты портьерами из узорчатого меха, полосами тонкой ткани. Помещение способно было вместить пять или шесть скандаров, хотя им было там не слишком просторно.

Среднюю часть фургона занимал склад для личных вещей, чемоданов, тюков и жонглерского оборудования, а в передней части на высокой открытой платформе находилось сидение водителя, достаточно широкое для двух скандаров или для трех человек.

Хотя фургон был громадный и роскошный, пригодный для герцога и даже для Короналя, он был достаточно легок, чтобы плыть на вертикальной колонне теплого воздуха, генерируемый магнитными роторами, крутившимися в его чреве. Когда они крутились, фургон поднимался примерно на фут над землей, и его легко было вести с помощью упряжки животных.

К полудню они погрузили в фургон свое имущество и отправились в гостиницу обедать. Валентин опешил, увидев, что рядом с Залзаном Каволом усаживается хорт Виноркис с намазанными оранжевой краской усами. Скандар стукнул по столу, требуя внимания, и объявил:

— Познакомьтесь с нашим новым дорожным управляющим. Это Виноркис. Он будет помогать мне вести книги, смотреть за нашим имуществом и управлять всеми хозяйственными делами, которые доселе были на мне.

— Ох! — прошептала Карабелла. — Он нанял хорта, этого страшилу, который всю неделю пялился на нас!

Виноркис улыбнулся призрачной хортской улыбкой, показав тройной ряд жевательных хрящей, и осмотрел всех выпученными глазами.

Валентин сказал:

— Значит, ты решил присоединиться к нам? А я думал, что ты шутил насчет жонглирования цифрами.

— Всем известно, что хорты никогда не шутят, — серьезно сказал Виноркис и с завыванием захохотал.

— А что будет с твоей торговлей?

— Я весь товар целиком продал на рынке, — ответил хорт. И подумал о тебе, не знающем, где ты будешь завтра, и не заботящемся об этом. И я позавидовал тебе и спросил себя — ты так и будешь всю жизнь торговать шкурами хейгусов или попробуешь какое-нибудь готовое дело, например, жизнь путешественника? Тогда я и предложил свои услуги Залзану Каволу, когда услышал, что ему нужен помощник. И вот я здесь!

— Ты здесь, — мрачно сказала Карабелла. — Добро пожаловать!

После плотной еды стали готовиться к отъезду. Шанамир вывел из стойла квартет животных Залзана и ласково разговаривал с ними, пока скандары запрягали их. Залзан Кавол взял вожжи, его брат Хейрод сел рядом с ним, а Стифон Делиамбер прижался с краю. Шанамир на собственном верховом животном ехал сбоку. Валентин забрался в пассажирское купе вместе с Карабеллой, Слитом, Виноркисом и четырьмя скандарами.

— Гей! — крикнул Залзан Кавол.

Фургон двинулся через Ворота Фалкинкина к Главному Шоссе, по которому неделю назад, в Лунный День, Валентин вошел в Пидруд.

Летняя жара тяжело висела над прибрежной равниной, воздух был плотным и влажным.

Прекрасные цветы огненных пальм начали уже вянуть, и дорога была усыпана опавшими лепестками, как малиновым снегом. В фургоне было несколько окон из прочных листов кожи стика, отличного качества, тщательно подогнанных, абсолютно прозрачных, и в удивительно торжественной тишине Валентин смотрел, как исчезает Пидруд. Громадный город с одиннадцатью миллионами жителей, где он жонглировал перед Короналем, пил незнакомое вино, ел пряную пищу и провел фестивальную ночь в объятиях черноволосой Карабеллы.

Сейчас перед ним лежала открытая дорога, и кто знает, что ждет путешественников, какие приключения?

У него не было планов, и он был открыт всем ветрам. Он жаждал снова жонглировать, осваивать новое искусство, перестать считаться учеником и участвовать с Карабеллой и Слитом в самых замысловатых маневрах, может быть, даже работать с самими скандарами. Слит говорил ему, что жонглировать со скандарами может только мастер, потому что их четыре руки дают им неоспоримое преимущество перед человеком. Но Валентин видел, как Слит и Карабелла перебрасывались со скандарами, и когда-нибудь, возможно, то же самое сделает и он. Высокое честолюбие, — подумал он. Чего больше мог он желать, чем быть достойным жонглером.

— Ты вдруг стал выглядеть таким счастливым, Валентин, — сказала Карабелла.

— Я?

— Ты лучишься как солнце. От тебя исходят потоки света.

— Эту иллюзию создают желтые волосы, — сказал он добродушно.

— Нет. Внезапная улыбка...

Он накрыл ее руку своей.

— Я думал о дороге впереди, о свободной, приятной жизни. Идти по Зимроду, останавливаться для представлений, изучать новые трюки. Я хочу стать самым лучшим жонглером-человеком в Маджипуре.

— У тебя для этого неплохие шансы, — сказал Слит, — огромные природные способности. Тебе нужна только тренировка.

— В этом я рассчитываю на тебя и Карабеллу.

Карабелла тихо сказала:

— А пока ты думал о жонглировании, я думала о тебе.

— И я думал о тебе, — шепнул он, наклонившись, — но стеснялся сказать это громко.

Дорога шла вверх, на большое плато.

Фургон поднимался медленно. Местами повороты были такими резкими, что фургон запросто мог перевернуться, но Залзан Кавол был таким же искусным водителем, как и жонглером, и аккуратно обводил экипаж вокруг каждого угла. Скоро они были на вершине гребня. Пидруд отсюда казался картой себя самого — плоский, укороченный, зажатый побережьем. Воздух был суше, но не холоднее, а предзакатное солнце испускало иссушающие лучи.

В эту ночь они остановились в пыльной деревушке на Фалкинкинской дороге.

Едва Валентин улегся на соломенный матрац, пришел тревожный сон. Валентин снова находился среди властителей Маджипура. В одном конце громадного холла с крашеным полом сидел на троне Понтифакс, а на другом — Корональ.

В потолке сиял страшный глаз света, как маленькое солнце, испускавший безжалостное белое сияние. Валентин нес какое-то послание от Леди Острова, но не знал, кому его отдать — Понтифаксу или Короналю, и к какой бы силе он ни приближался, она отступала в бесконечность. Всю ночь он ходил взад и вперед по холодному скользкому полу, умоляюще протягивая руки то к одной силе, то к другой, но властители уплывали.

На следующую ночь в городке неподалеку от Фалкинкина он снова увидел во сне Понтифакса и Короналя. Сон был очень сложным и запутанным, и Валентин сохранил в памяти только отпечаток грозных королевских персонажей, громадных помпезных собраний и отсутствие общения. Он проснулся с ощущением глубокого и болезненного недовольства. Он явно получал сны великого значения, но интерпретировать их не мог.

— Они преследуют тебя и не оставят в покое, — сказала утром Карабелла. — Похоже, что ты связан с властью неразрывными узами. Неестественно постоянно видеть во сне таких могущественных особ. Я уверен, что это послания.

Валентин кивнул.

— В жаркий день мне кажется, что я чувствую холодное давление Короля Снов на мои мысли, а когда я закрываю глаза, его пальцы входят в мою душу.

В глазах Карабеллы вспыхнула тревога.

— Ты уверен, что это его послания?

— Нет, не уверен, но думаю...

— Может быть, Леди...

— Леди посылает добрые, мягкие сны, — сказал Валентин, — а эти, я опасаюсь, от Короля Снов. Но что он от меня хочет? Какое преступление я совершил?

Она нахмурилась.

— В Фалкинкине сходи, как обещал, к толкователю.

— Да, я повидаюсь с кем-нибудь из них.

В разговор неожиданно вмешался Стифон Делиамбер:

— Не могу ли я рекомендовать?

Валентин не заметил, как подошел маленький колдун-вруон, и с удивлением посмотрел вниз.

— Извини, — не смущаясь сказал колдун, — я подслушал случайно. Ты думаешь, что тебя тревожили послания?

— Эти сны ничем иным не могут быть.

— Ты уверен?

— Я ни в чем не уверен, даже в собственном имени, или в твоем, или какой сегодня день недели.

— Послания редко бывают двусмысленными. Когда говорит Король или Леди, мы знаем точно, — сказал Делиамбер.

Валентин покачал головой.

— Мой мозг затуманен в эти дни. Я ни в чем не уверен. Но эти сны раздражают меня. Мне нужен ответ, хотя даже не знаю, как сформулировать вопрос.

Вроун потянулся вверх, чтобы взять руку Валентина одним из своих тонких, хитро переплетенных щупальцев.

— Поверь мне. Твой мозг, может быть, и затуманен, но мой — нет, и я отчетливо вижу тебя. Мое имя Делиамбер, твое — Валентин. Сегодня пятый день девятой недели лета, и в Фалкинкине есть толковательница снов Тизана, она мой друг и союзница. Она поможет тебе найти правильный путь. Иди к ней и скажи, что я шлю ей приветствия и любовь. Для тебя настало время освобождения от злых чар, Валентин.

— От каких чар?

— Иди к Тизане, — твердо сказал Делиамбер.

Валентин нашел Залзана Кавола, который разговаривал с кем-то из городка. Он как раз закончил беседу и повернулся к Валентину.

— Я прошу разрешения, — сказал Валентин, — провести ночь Звездного Дня в Фалкинкине.

— Это тоже дело семейной чести?

— Личное дело. Можно?

Скандар пожал всеми четырьмя плечами.

— Что-то в тебе странное, беспокоящее меня. Делай, как хочешь. Завтра мы даем представление на ярмарке. Спи, где хочешь, но рано утром в Солнечный День будь готов. Ладно?

Глава 12

По сравнению с громадным расползающимся Пидрудом Фалкинкин ничего особенного не представлял, но и не был незначительным местным центром, служащим метрополией для большого сельского округа.

В Фалкинкине жили, наверное, три четверти миллиона, и впятеро больше в округе. Темп жизни Фалкинкина, как заметил Валентин, отличался от темпа Пидруда. Может быть, дело было в том, что он располагался на сухом, жарком плато, а не вдоль влажного побережья, но народ здесь двигался более осмотрительно, неторопливо, более флегматично.

В Звездный День мальчик Шанамир скрылся с глаз. Он побывал ночью на ферме своего отца, расположенной в нескольких часах ходьбы от города, и, как он утром сказал Валентину, оставил деньги, заработанные в Пидруде; и записку, сообщающую, что он уходит искать приключений и мудрости. Он ухитрился удрать, никем не замеченный, но не был уверен, что отец так легко отнесется к потере ловких и

полезных рабочих рук, и боялся, как бы муниципальные прокторы не стали искать его, поэтому он решил на время пребывания в Фалкинкине прятаться в фургоне. Валентин объяснил это Залзану Каволу, и тот со своим обычным хмурым видом согласился.

После полудня жонглеры вышли на ярмарку в городке. Впереди шли Слит и Карабелла. Он бил в барабан, она звенела тамбурином и весело пела:

Не жалейте реала, не жалейте кроны,
Добрые люди, проходите и садитесь,
Изумительная легкость
Приходите и смотрите
На наше жонглерство!
Не жалейте дюйма, не жалейте мили,
Добрые люди, вы будете улыбаться.
Чашка и соусник, мяч и стул
Легко танцуют в воздухе!
Не жалейте минуты, не жалейте дня,
Мы отгоним от вас ваши заботы!
Немного времени, потраченная монета
Принесут вам радость и удивление!

Но легкость и удивление были далеки от Валентина в этот день, и он жонглировал слабо. Его извели тревожные сны в течение многих ночей, а кроме того, была вспышка самонадеянности, которая привела к промаху. Он дважды ронял дубинки, но Слит научил его делать вид, что так и должно быть, и публика, похоже, простила. Но простить самого себя было труднее. Он мрачно заполз в винный ларек, в то время как подмостки заняли скандары.

Он издали смотрел на их работу. Шесть громадных волосатых созданий сплетали свои двадцать четыре руки в точном, без изъянов рисунке. Каждый жонглировал семью ножами, постоянно бросая и ловя другие. Это производило захватывающее впечатление, зрители замирали, в то время как обмен острым оружием продолжался. Мирные горожане Фалкинкина были очарованы.

Следя за скандарами, Валентин все больше жалел о собственном неудачном выступлении. После Пидруда он мечтал снова выступить перед публикой, руки его тянулись к мячам и дубинкам, а когда настал его час, он работал так неуклюже. Ну, ладно, неважно. Будут другие площади, другие ярмарки. Год за годом труппа будет обходить Зимрод, и он, Валентин, еще блеснет, ослепит зрителей, они станут вызывать Валентина-жонглера, будут требовать еще и еще, и сам Залзан Кавол почернеет от зависти. Король жонглеров, да,

монарх, король бродячих артистов! А почему бы и нет? У него талант.

Валентин улыбнулся. Его дурное настроение пропало то ли от вина, то ли от его природных добрых мыслей. Он занялся этим искусством всего неделю назад, а посмотрите, чего он уже достиг! Кто знает, какие чудеса глаза и руки он представит через год-два?

К нему подошел Стифон Делиамбер.

— Тизану найдешь на улице Продавцов Воды, — сказал маленький колдун. — Она ждет тебя.

— Значит, ты говорил обо мне?

— Нет.

— Но если она ждет меня... а, это — колдовство?

— Вроде того, — сказал вроун.

Он подергал членами, что означало пожатие плечами.

— Иди к ней скорее.

Валентин кивнул. Скандары закончили выступление и теперь Слит с Карабеллой демонстрировали однорукое жонглирование. Как они элегантно двигаются вместе, — думал Валентин, — как они спокойны, уверены друг в друге, и как она красива. Валентин и Карабелла не были близки после фестивальной ночи, хотя иногда и спали бок о бок. Вот уже неделя, как он сторонился ее, хотя от нее исходили только тепло и поддержка. Сны высушивали и отвлекали его. Сейчас к Тизане за толкованием, а завтра, может быть, снова обнять Карабеллу...

— Улица Продавцов Воды? — спросил он Делиамбера. — Отлично. На ее жилище есть какой-нибудь знак?

— Спросишь, — ответил Делиамбер.

К вечеру, когда Валентин вышел, из-за фургона появился Винорикс.

— На ночь глядя в город?

— По делу, — ответил Валентин.

— Компании не желаешь?

Валентин промолчал.

Хорт хрипло засмеялся.

— Мы можем вместе пройти по тавернам. Я бы не прочь удрать на несколько часов от всего этого жонглерства.

— Есть дела, которые каждый должен делать сам, — неохотно ответил Валентин.

Винорикс внимательно посмотрел на него.

— Это не по-дружески.

— Извини, но у меня дело именно такое: я должен сделать его один. И будь уверен, я не пойду шляться по тавернам.

Хорт пожал плечами.

— Ладно. Пусть так, мне все равно. Я просто хотел помочь тебе повеселиться, показать город, сводить в мои любимые места.

— В другой раз, — быстро сказал Валентин.

Он пошел в Фалкинкин.

Найти улицу Продавцов Воды оказалось несложно: город был построен по плану, в нем не было средневековой путаницы переулков, как в Пидруде, и на всех основных перекрестках висели ясные и понятные карты города, но найти дом толковательницы снов Тизаны оказалось делом более долгим, потому что улица была длинная, а прохожие, к которым обращался Валентин, просто указывали через плечо на север.

Он шел и шел, но наконец, добрался до маленького серого дома с грубой гонтовой крышей в жилом квартале далеко от рыночной площади. На его видевшей виды двери было изображено два символа власти — скрещенные молнии Короля Снов и треугольник в треугольнике — эмблема Леди Острова Снов.

Тизана была крепкой женщиной старше среднего возраста, необычно высокая и тяжеловесная, с широким строгим лицом и внимательными глазами. Распущенные, черные с белыми прядями волосы лежали на спине. Выступавшие из серого комбинезона голые руки были мощными и сильными. Она выглядела особой большой силы и мудрости.

Она приветствовала Валентина, назвав его по имени, и пригласила в дом.

— Я принес тебе, как ты уже вероятно знаешь, привет и любовь от Стифона Делиамбера, — сказал он.

Толковательница серьезно кивнула.

— Да, он послал известие заранее, шельма! Но я ценю его любовь, несмотря на все его фокусы. Передай ему от меня то же самое.

В маленькой темной комнате она задернула шторы и зажгла три толстые красные свечи и какую-то курительницу. Обстановки в комнате почти не было: только ворсистый тканый ковер в серых и черных тонах, почтенный деревянный стол, на котором горели свечи, и высокий шкаф античного стиля. Делая эти приготовления, она сказала:

— Я знаю Делиамбера почти сорок лет, можешь себе представить: мы встретились в начале правления Тивераса на фестивале в Пилиплоке, когда в город приехал новый Корональ Лорд Малибор, который потом утонул, охотясь на морских драконов. Маленький вруон и тогда уже был хитрецом. Мы стояли на улице, приветствуя Лорда Малибора, и Делиамбер сказал, что он, Лорд, умрет раньше Понтифакса, и сказал так уверенно, как если бы кто-то предсказал дождь,

когда дует южный ветер. Страшное дело — говорить так, и я сказала ему об этом. И вот что удивительно: Корональ умер, а Понтифакс живет и живет. Сколько же ему теперь лет? Сто? Сто двадцать?

— Не имею представления, — ответил Валентин.

— Он очень стар. Он долгое время был Короналем, прежде чем вошел в Лабиринт. И после него уже было три Короналя, представляешь? Интересно, переживет ли он и Лорда Валентина?

Ее глаза остановились на Валентине.

— Полагаю, что Делиамбер знает и это. Выпьешь вина со мной?

— Да, — ответил Валентин.

Он чувствовал себя неловко от ее непонятного обхождения и от ощущения, что она сообщила ему о нем больше, чем он знал сам.

Тизана достала резной каменный графин и щедро налила в два стаканчика, но не пальмового вина Пидруда, а более темного, густого, сладкого с привкусом мяты, имбиря и еще чего-то. Он быстро сделал глоток, затем другой, а через секунду она небрежно сказала:

— Кстати, в нем наркотик.

— Наркотик? Зачем?

— Для толкования.

— А! Ну, да.

Его неосведомленность смущала.

Он нахмурился и уставился на стаканчик. Вино было темно-красное, почти пурпурное и отражало его искаженное светом лицо. Интересно, что это за процедура? Предложат ли ему рассказать о своих снах? Посмотрим. Он быстрыми глотками допил вино, и старая женщина немедленно вылила ему свое вино, которого едва коснулась.

— Сколько времени прошло с последнего толкования? — спросила она.

— Боюсь, что очень много.

— Очевидно. Пора тебе дать мне гонорар. Ты найдешь, что цена теперь несколько выше той, которую ты помнишь.

— Это было так давно...

— ...что ты забыл. Сейчас я прошу десять крон. Новые налоги и прочие неприятности. Во времена Лорда Вориакса цена была пять крон, а когда я только начинала толковать сны, при Лорде Малиборе, я брала две или две с половиной. Для тебя это дорого?

Это было его недельное жалование у Залзана Кавола, не считая стола и ночлега, но он пришел в Пидруд с полным кошельком, не зная, как и почему. Там было около шестидеся-

ти реалов, и осталось еще много. Он дал толковательнице реал, и она небрежно бросила его в зеленую фарфоровую чашку на столе. Он зевнул. Она пристально смотрела на него. Он выпил, она тоже, и снова наполнила стакан.

Мозг его затуманился.

Хотя ночь еще только наступала, он почти засыпал.

— Иди теперь к сонному ковру, — сказала она.

Она погасила две свечи из трех.

Затем она сняла свой комбинезон и осталась нагой.

Этого он не ожидал. Неужели толкование снов заключает в себя какой-то сексуальный контакт? С этой старухой? Правда, сейчас она не казалась старой: ее тело было на добрых двадцать лет моложе лица, конечно, не девичье, но еще крепкое, пышное, без складок, с тяжелыми грудями и крепкими гладкими бедрами. Может, эти толковательницы нечто вроде священных проституток? — думал Валентин.

Она сделала ему знак раздеться, и он снял одежду. Они легли на толстый, мягкий ковер, и она обняла Валентина, но в этом не было абсолютно ничего эротического: объятия были материнскими, все поглощающими. Он расслабился. Голова лежала на ее мягкой, теплой груди, и ему очень хотелось спать. От нее исходил сильный и острый приятный аромат сучковатых игольчатых деревьев, которые растут на высоких пиках севера как раз под линией снега. Это был чистый и острый запах.

Она тихо сказала:

— В королевстве снов только речь скажет правду. Не бойся, потому что мы отплываем туда вместе.

Валентин закрыл глаза.

Высокие пики как раз под линией снега. Ветер дует между скал, но Валентину совершенно не холодно, хотя он идет босой по сухой каменистой земле. Перед ним дорога, наклонная тропа с уступами, с широкими серыми плитами, составляющими лестницу. Она спускается в покрытую туманом долину. Валентин без колебаний начал спускаться. Он знал, что это еще не сон, а только прелюдия, что он только начал свое путешествие и пока еще находится на пороге сна. Он спускался и проходил мимо поднимавшихся по лестнице фигур, знакомых ему по недавним снам.

Понтифакс Тиверас с пергаментной кожей и высохшим лицом поднимается, слегка пошатываясь, на дрожащих ногах, Лорд Валентин Корональ идет размеренным, широким шагом, покойный Лорд Вориакс безмятежно плывет прямо над ступенями, великий воин — Корональ Лорд Стиамот из восьмитысячелетнего прошлого размахивает мощным посохом, на конце которого крутятся яростные молнии, а это, ка-

жется, Понтифакс Ариок, который отказался от Лабиринта, объявил себя женщиной и стал Леди Острова Снов. Вот великий правитель Лорд Канфалум и столь же великий Лорд Престимион, его наследник, под их правлением Маджипур достиг вершин богатства и силы. А потом шли Залзан Кавол с колдуном Делиамбером позади, Карабелла, нагая, ореховокоричневая, брызжущая неиссякаемой энергией, и задыхающийся Винорикс, и Слит, жонглирующий по пути огненными шарами, и Шанамир, и лимен-торговец сосисками, и нежная Леди Острова, и снова старый Понтифакс, и Корональ, и музыканты, и двадцать хортов, несущих на золотых носилках Короля Снов, страшного Симонана Барджазеда. Чем ниже, тем туман становится гуще, и Валентин дышит короткими, болезненными вдохами, словно он не спускается с высоты, а наоборот, все время поднимается, с трудом прокладывая себе путь над линией игольчатых деревьев в голых гранитных щитах высоких гор, идя босиком по обжигающим полосам снега, запеленутый в серое одеяло тумана, который закрывает от него весь Маджипур.

В небе слышна теперь благородная строгая музыка. Ансамбли духовых инструментов играют торжественные и печальные мелодии, полагающиеся при церемонии одевания Короналя. И в самом деле, Валентина одевают: десяток согнувшихся слуг возлагают на него официальную мантию и звездную корону. Но он качает головой, отталкивает слуг, своими руками снимает корону и протягивает ее своему брату, тому, у которого сабля, срывает с себя нарядную одежду и раздает ее по кускам беднякам, которые обматывают ими ноги, и во все провинции Маджипура идет слово, что он отказывается от своего высокого назначения и от власти. И снова он на каменных ступенях, спускается с горы и ищет долину туманов в недостижимой дали.

— Почему ты идешь вниз? — спросила Карабелла.

Она загородила ему дорогу. Он не ответил, а когда маленький Делиамбер указал наверх, он смиренно пожал плечами и стал вновь подниматься среди блестящих красных и голубых цветов, по золотой траве между высокими кедрами. Он чувствовал, что поднимается, опускается и вновь поднимается на необычный пик, к самому Горному Замку, который уходит на тридцать миль в небо, и его целью было это смущающее, превосходящее все, когда-либо существовавшее, сооружение на вершине Горы, место, где жил Корональ, Замок, который назывался Замком Лорда Валентина, а раньше Замком Лорда Вориакса, а еще раньше Замком Лорда Малибора, а до этого другими именами тех великих, которые правили из него. Каждый вносил свой вклад в строительство

Замка и давал ему свое имя, пока жил в нем, каждый, начиная с Лорда Стиамота, первого жителя Горного Замка — он построил скромную башню, от которой пошло все остальное. Я снова овладею замком, — сказал Валентин, — я буду жить в нем. Но что это? Тысячи работников разбирали огромное сооружение. Работа шла полным ходом, все внешние крылья были уже отделены; опоры и арки, построенные Лордом Вориаксом, зал трофеев Лорда Малибора и огромная библиотека, которую построил Тиверас, пока был Короналем, и многое другое стали теперь грудами камня; рабочие пробивались внутрь к более древним крыльям, к садам Лорда Конфалума, оружейной Лорда Деккерета, к сводчатому архиву Лорда Престимиона, уничтожая все, как саранча на полях.

— Подождите! — кричал Валентин. — Не делайте этого! Я вернулся, я снова надену свою мантию и корону!

Но разрушение продолжалось, казалось, что Замок был сделан из песка и прибой ворвался в него, а нежный голос сказал: — Поздно, слишком поздно! Дозорная башня Лорда Ариока исчезла, и парапеты Лорда Тимина исчезли, и обсерватория Лорда Киннокена со всей аппаратурой тоже.

И вся Замковая Гора дрожала и качалась, поскольку снос Замка нарушил ее равновесие, и настала страшная вечная ночь, и зловещие звезды корчились в небе, и механизмы, отводившие космический холод от вершины Горного Замка, сломались, и теплый воздух ушел к лунам, и Валентин стоял среди этого разрушения и начинавшегося хаоса, протянув в темноту растопыренные пальцы.

Следующее, что он увидел, был утренний свет. Валентин моргнул и сел, гадая, в гостинице ли он, и что с ним сделали ночью, и почему он лежит голый на толстом ковре в теплой странной комнате, и старая женщина ходит тут и готовит чай.

Да, это толковательница снов, и это Фалкинкин, улица Продавцов Воды...

Нагота смущала его. Он встал и быстро оделся.

— Выпей это, — сказала Тизана, — а я приготовлю что-нибудь на завтрак, раз ты окончательно проснулся.

Он с подозрением взглянул на кружку, которую она ему протягивала.

— Это только чай, — сказала она, — и ничего больше. Время для снотворного давно прошло.

Валентин выпил. В голове у него было какое-то оцепенение, словно он напился до беспамятства и теперь расплачивался за это. Он помнил, что всю ночь ему снились странные сны, но у него не было того болезненного состояния духа, с которым он просыпался раньше, а только это оцепенение,

странное внутреннее спокойствие, почти пустота. Может быть, это результат посещения Тизаны?

Он так мало знал, он был как ребенок, выпущенный в этот обширный и сложный мир.

Они ели молча. Тизана, казалось, изучала Валентина, глядя через стол.

Ночью, до того как наркотик начал свое действие, она была куда более разговорчивой, а теперь она выглядела подавленной, задумчивой, почти отсутствующей, как будто ей было необходимо отделиться от него, пока она готовилась истолковать его сон.

Вымыв посуду, она спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Внутренне спокоен.

— Хорошо. Это очень важно. Уходить от толкователя снов в тревоге — напрасная трата денег. Но я не сомневаюсь: у тебя сильный дух.

— Да?

— Сильнее, чем я думала. Превратности, которые раздавили бы обычного человека, на тебя не повлияли. Ты не обращаешь внимания на бедствия и спокойно смотришь в лицо опасности.

— Ты говоришь очень общо.

— Я оракул, а оракулы никогда не бывают чересчур специфичными.

— Мои сны посланы? Что ты можешь мне сказать?

Она задумалась.

— Я не вполне уверена.

— Но ты же разделила их со мной! Разве ты не можешь сразу понять, от кого сон — от Леди или от Короля?

— Тихо, тихо. Все не так просто. Твои сны не от Леди, это я знаю.

— Но если это послания, то значит они от Короля?

— Трудно сказать. В какой-то мере аура Короля присутствует, это верно, но не аура посланий. Я знаю, тебе это трудно понять, но и мне тоже. Я уверена, что Король Снов следит за твоими действиями и связан с тобой, но, по-моему, он не входил в твой сон. Это сбивает меня с толку.

— Ты когда-нибудь встречалась с чем-то похожим?

— Нет, никогда.

— Значит, это и есть толкование? Еще больше таинственности и вопросов без ответа.

— Ты еще не получил толкование.

— Прости, что я так нетерпелив.

— Не стоит извиняться. Дай мне руку, и я совершу толкование.

Она протянула к нему через стол руки и крепко взяла его. После долгого молчания она сказала:

— Ты упал с высокого места и теперь должен возвратиться туда снова.

— С высокого?

Валентин ухмыльнулся.

— С высочайшего.

— Высочайшее место на Маджипуре — Горный Замок, — шутливо сказал он. — Не туда ли я должен забраться?

— Да, туда.

— Уж очень высокий подъем ты мне предлагаешь. Я потрачу всю жизнь, чтобы добраться до Горы и подняться.

— Тем не менее, Лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю.

Он опешил, когда она применила этот королевский титул, а потом засмеялся этой грубой шутке.

— Лорд Валентин! Не слишком ли много чести для меня, мадам Тизана? Не Лорд Валентин, а просто Валентин, Валентин-жонглер и только, новичок в труппе Залзана Кавола, скандара.

Она спокойно сказала, не сводя с него глаз:

— Прошу прощения. Я не хотела тебя обидеть.

— Это не может обидеть меня. Но, пожалуйста, не давай мне королевских титулов. Для меня вполне достаточно жонглерской жизни, даже если мои сны иногда летают выше.

Ее взгляд не дрогнул.

— Хочешь еще чаю?

— Я обещал скандару вернуться рано утром, так что мне пора идти. Что еще ты можешь мне сказать?

— Толкование окончено, — сказала Тизана.

Это было неожиданно. Он ждал интерпретаций, анализа, советов, а получил только...

— Я упал с высоты и должен подняться обратно. И это все, что ты можешь мне сказать за реал?

— В наше время все дорожает, — сказала она беззлобно. — Ты считаешь себя обманутым?

— Отнюдь. В какой-то мере это было ..... для меня.

— Сказано вежливо, но не от души. Однако, ты действительно получил здесь кое-что ценное. Со временем это станет ясно для тебя.

Она встала, Валентин тоже.

Вокруг нее была аура доверия и силы.

— Я желаю тебе счастливого пути и безопасного подъема.

Глава 13

Когда он вернулся от Тизаны, первым его приветствовал Стифон Делиамбер. Тихим ранним утром маленький вруон занимался возле фургона чем-то вроде жонглирования какими-то кристаллическими черепками с ледяным блеском, но это было колдовское жонглирование, потому что Делиамбер лишь делал вид, что бросает и ловит, а на самом деле черепки двигались силой его мысли. Он стоял под блестящим каскадом, и сверкавшие кусочки вились над ним по кругу, как венок яркого света и оставались наверху, хотя Делиамбер не касался их.

Когда Валентин подошел, вруон махнул кончиком щупальца, и прозрачные осколки тут же собрались в плотный ком.

Делиамбер ловко выхватил его из воздуха и показал Валентину.

— Куски храмового здания из Долорна, города гейрогов, который расположен в нескольких днях пути отсюда к востоку. Это город магической красоты. Ты бывал там?

Загадки ночи, проведенной у толковательницы снов, еще тяжело давили, и Валентин не разделял пристрастия Делиамбера к разговорам с раннего утра.

Он пожал плечами и сказал:

— Не помню.

— Запомнил бы, если бы был. Это город света, город застывшей поэзии!

Вруон щелкнул клювом, что означало улыбку.

— Возможно, ты не можешь вспомнить. Я полагаю, что не можешь: у тебя слишком многое утеряно. Но ты довольно быстро снова будешь там.

— Как — снова? Я никогда там не был.

— Если ты когда-то был там, то будешь там снова, когда мы туда приедем. Если же нет — то нет. Но если бы ты и не хотел этого — Долорн наша следующая остановка.

Озорные глаза Делиамбера пронизывали Валентина.

— Я вижу, ты многое узнал от Тизаны.

— Пропусти меня, Делиамбер.

— Она прекрасна, не так ли?

Валентин пытался пройти мимо.

— Ничего я не узнал, зря потратил вечер.

— О, нет. Время никогда не тратится зря. Дай руку, Валентин.

Сухое упругое щупальце обвилось вокруг пальцев Валентина.

— Я знаю хорошо: время никогда не проходит зря. Куда бы мы ни пошли, что бы ни делали, все это воспитывает, даже если мы не сразу познаем урок.

— Тизана сказала мне примерно то же самое, когда я уходил, — угрюмо пробормотал Валентин. — Но что я узнал? Я снова видел во сне Короналей и Понтифаксов, я поднимался и спускался по горным тропам. Толковательница глупо пошутила над моим именем. Лучше бы я этот реал потратил на вино. Нет, я ничего не достиг.

Он попытался освободить руку, но вруон удержал ее с неожиданной силой. У Валентина было странное ощущение, что через его мозг прокатываются аккорды печальной музыки, и где-то под поверхностью его сознания мелькнуло и исчезло изображение чего-то вроде морского дракона, но он не мог рассмотреть его. Значение ускользнуло от него.

Ну и пусть. Он боялся узнать, что там шевелилось. Темная, непонятная тревога захлестнула его душу. На минуту ему показалось, что дракон в глубинах его существа поднялся и поплыл вверх через мрак его затуманенной памяти к уровню сознания. Это испугало Валентина. Страшное, угрожающее знание скрывалось в нем и теперь грозило вырваться. Он сопротивлялся, боролся.

Он видел, что маленький Делиамбер пытался дать ему необходимую силу, но Валентин не хотел этого. Он грубо вырвал руку и, спотыкаясь, пошел к фургону скандаров.

Сердце колотилось, в висках стучало, голова кружилась. Сделав несколько неуверенных шагов, он повернулся и сердито спросил:

— Что ты со мной сделал?

— Я просто дотронулся до твоей руки.

— И причинил мне сильную боль!

— Я дал тебе доступ к твоей собственной боли, — спокойно ответил Делиамбер, — больше ничего. Ты несешь в себе боль, но ты ее не чувствовал, а она старается проснуться в тебе, и предупредить это нельзя.

— Я хочу предупредить это.

— У тебя нет иного выбора. Борьба уже началась.

Валентин покачал головой.

— Я не хочу ни боли, ни борьбы. Вчера я был так счастлив.

— И был счастлив, когда видел сны?

— Эти сны скоро кончатся. Они, видимо, предназначались кому-то другому.

— Ты так думаешь?

Валентин помолчал.

— Я хочу, чтобы мне позволили быть тем, кем мне хочется.

— А именно?

— Странствующим жонглером, свободным человеком. Зачем ты мучаешь меня, Делиамбер?

— Я был бы рад, если бы стал жонглером, — мягко сказал вруон. — Я не хочу огорчать тебя. Но желания человека часто имеют мало связи с тем, что ему предначертано на великом свитке.

— Я буду мастером-жонглером, — сказал Валентин, — не больше и не меньше.

— Я желаю тебе того же, — любезно сказал Делиамбер.

Он ушел.

Валентин медленно вздохнул. Все его тело было напряжено, и он опустился на землю. Тревога не оставляла его. Мучительные сны, корчащиеся драконы в душе, знаки и предзнаменования...

Карабелла вышла из фургона и стояла над Валентином, пока он пытался расслабиться.

— Давай, я помогу, — сказала она.

Ее сильные пальцы проникли глубоко в скованные мышцы его шеи и спины. Под ее руками напряжение уменьшилось, но настроение осталось мрачным.

— Толкование не помогло тебе? — тихо спросила она.

— Нет.

— Ты можешь рассказать о нем?

— Пожалуй, нет.

— Как хочешь.

Но она явно ждала. Глаза ее были встревоженными, в них было тепло и сочувствие.

— Я почти не понял того, что говорила мне эта женщина, — сказал он, — и не хочу рассказывать об этом.

— А когда захочешь, Валентин, я здесь. Когда почувствуешь необходимость сказать кому-то...

— Не сейчас. А может, никогда.

Он почувствовал, что она тянется к нему, желая облегчить боль его души, как сняла напряжение тела. Он чувствовал, что ее захлестывает любовь к нему, и он сказал запинаясь:

— Толковательница сказала мне...

— Да?

Нет, говорить о таких вещах означало дать им реальность, а они нереальны, абсолютно фантастичны.

— Она сказала бессмыслицу. Это не стоит обсуждения.

Глаза их встретились, и он отвел свои.

— Ты можешь понять? — резко сказал он. — Чокнутая старуха наговорила мне кучу вздора, и я не хочу обсуждать это ни с тобой, ни с кем-либо другим. Толкование было сделано для меня, и я не собираюсь делиться им.

Он увидел смятение на ее лице. В другое время он проболтался бы, но сейчас сказал уже совсем другим тоном:

— Принеси мячи, Карабелла.

— Сейчас?

— Да.

— Но...

— Я хочу, чтобы ты научила меня обмену между жонглерами. — Я прошу тебя принести мячи, — повторил он настойчиво.

Она кивнула, поднялась по ступенькам фургона и тут же вернулась с мячами.

Они отошли в сторону на открытое место.

Карабелла бросила ему три мяча и нахмурилась.

— В чем дело? — спросил он.

— Плохая идея — осваивать новую технику, когда мозг встревожен.

— Это меня успокоит. Давай попробуем.

— Как хочешь.

Она начала жонглировать тремя мячами для разминки. Валентин стал делать то же, но руки его были холодными, пальцы не слушались, ему трудно было делать даже самые простые упражнения, и он то и дело ронял мячи. Карабелла ничего не говорила и продолжала жонглировать, в то время как он выпускал преждевременно один каскад за другим. Раздражение его росло. Она молчала, но ее молчание, ее взгляд и даже ее поза говорили сильнее слов. Валентин безнадежно пытался поймать ритм. Ты упал с высокого места, — слышал он слова толковательницы — и теперь должен добраться туда снова... Он прикусил губу. Как он может сосредоточиться, когда в его мозг вторгается такой ужас. Рука и глаз, — думал он, — все остальное забудь. Тем не менее, Лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю... нет!

Руки его тряслись, пальцы были, как сосульки. Он сделал неправильное движение, мячи разлетелись в стороны.

— Пожалуйста, Валентин, — ласково сказала Карабелла.

— Принеси дубинки.

— Это будет еще хуже. Ты хочешь сломать палец?

— Дай дубинки.

Пожав плечами, она собрала мячи и ушла в фургон. Появился Слит, зевнул, кивнул Валентину. Начиналось утро. Вышел один из скандаров и полез под фургон исправлять что-то.

Вышла Карабелла с шестью дубинками. За ней шел Шанамир. Он на ходу поздоровался с Валентином и побежал кормить животных. Валентин взял дубинки.

Чувствуя на себе спокойные глаза Слита, он встал в позу, бросил одну дубинку вверх, промахнулся в захвате. Никто

ничего не сказал. Ему удалось последовательно кидать три дубинки, но не более тридцати секунд, а затем они упали, и одна чувствительно ударила его по ноге. Валентин перехватил взгляд Делиамбера, наблюдавшего издали, и снова поднял дубинки. Карабелла, стоя напротив, терпеливо жонглировала своими дубинками и намеренно не смотрела на Валентина. Он подобрал дубинки, начал снова, уронил две, еще раз начал и неудачно подвернул большой палец. Он попытался сделать вид, что все в порядке, снова поднял дубинки, но тут подошел Слит и слегка взял Валентина за запястье.

— Не надо, — сказал он. — Отдай мне дубинки.

— Я хочу практиковаться.

— Жонглирование не терапия. Ты чем-то расстроен, и это отражается на твоем расчете времени. Если ты будешь продолжать, ты на несколько недель выйдешь из строя.

Валентин пытался вырвать руки, но Слит держал их с удивительной силой. Карабелла спокойно жонглировала в нескольких шагах от них. Через минуту Валентин сдался. Пожав плечами, он отдал дубинки Слиту, и тот унес их в фургон.

Через минуту вышел Залзан Кавол и прогудел:

— Все в фургон! Поехали!

Глава 14

Дорога к городу гейрогов Долорну вела их на восток через мирную фермерскую местность, зеленую и плодородную под сиянием летнего солнца. Как и большинство мест на Маджипуре, эта местность была плотно населена. Разумное планирование создало большие сельскохозяйственные зоны, окаймленные полосками-городами, так что фургон весь день ехал через фермы, через город, и опять через фермы и города. Здесь, в Ущелье Долориэ, расположенном ниже Фалкинкина, климат особенно благоприятствовал земледелию. Все росло круглый год. Сейчас, например, было время уборки желтых клубней стаджи, из которой делали хлеб, и посадки таких фруктов, как пайк и глин.

Красота ландшафта рассеяла сумрачное настроение Валентина. Он постепенно перестал думать о своих снах и позволил себе радоваться бесконечному ряду чудес планеты Маджипура. Черные тонкие стволы деревьев пайк, посаженных строгим и сложным геометрическим узором, покачивались на горизонте. Бригады фермеров двигались через поля, как вражеская армия, выкапывая тяжелые клубни. Фургон спокойно шел то по району озер и ручьев, то по травянистой равнине.

В середине дня они прибыли в особенно красивое место — в один из многих лесных заповедников. На воротах висела светившаяся зеленая табличка с надписью: заповедник полых деревьев.

Здесь расположена замечательная девственная полоса полых деревьев Долорна.

Эти деревья выделяют газ, который легче воздуха, и он поддерживает верхние ветви.

Достигнув зрелости, стволы и корневая система атрофируются, а ветви становятся эпифитными и почти целиком зависят от питающей их атмосферы. Иногда в очень старом возрасте дерево полностью порывает контакт с почвой и плывет искать новую колонию. Полые деревья имеются в Зимроде и в Алханроле, но последнее время их стало мало. Эта роща посажена для народа Маджипура по официальному декрету двенадцатого Понтифакса Конфалума Короналем Лордом Престимионом.

Жонглеры молча шли пешком по лесной дороге в течение нескольких минут, но не видели ничего необычного. Затем шедшая впереди Карабелла пролезла через заросли густого сине-черного кустарника и вскрикнула в изумлении. Валентин побежал к ней. Она застыла в восхищении.

Всюду росли полые деревья на разных стадиях развития. Молодые, не выше Делиамбера, выглядели на редкость неуклюжими кустами с толстыми вздутыми ветвями необычного серебряного оттенка, которые выходили узлами из коротких толстых стволов. У деревьев высотой в пятнадцать-двадцать футов стволы начинали утончаться, ветви надувались, а у более старых деревьев стволы совсем съеживались и выглядели веревками-оттяжками, крепившими плавающие кроны к грунту. Кроны плавали высоко, покачиваясь на легком ветру, безлистные, распухшие, с раздутыми ветвями.

Серебряный цвет молодых деревьев с возрастом становился блестящим и прозрачным, так что деревья казались стеклянными и ярко сверкали на солнце. Даже Залзана Кавола, похоже, поразила красота деревьев и их необычность. Он подошел к самому высокому и осторожно, почти благоговейно обхватил пальцами узкий ствол.

Валентин подумал, что скандар хочет сломать его и пустить дерево лететь, как воздушный змей, но нет, Залзан просто измерил толщину ствола и тут же отошел, бормоча что-то.

Они довольно долго ходили среди полых деревьев, разглядывали поросли, смотрели на стадии роста, постепенное сужение стволов и утолщение веток. Деревья были без листьев и, наверное, не имели и цветов.

Трудно было поверить, что это вообще растения, настолько они казались стеклянными. Это было магическое место. Дурное настроение Валентина ушло окончательно.

Стоит ли задумываться, когда кругом такая красота?

— Лови! — крикнула Карабелла.

Она заметила перемены в нем, сбегала за мячами и теперь бросила ему три мяча. Он легко вошел в основной ритм.

Карабелла стояла в нескольких шагах от него. Три-четыре минуты они жонглировали независимо друг от друга, но потом вошли в симметричную фазу и стали работать в одном ритме. Теперь они жонглировали, зеркально отражая друг друга, и Валентин почувствовал, как с каждым циклом бросков на него нисходит все более глубокое спокойствие. Он покачивался и напевал. Деревья бросали на него отраженный свет. Мир был тих и ясен.

— Когда я скажу, — спокойно сказала Карабелла, — бросай мяч из правой руки в мою левую на точно такую же высоту, как себе. Раз, два, три... пас!

На пас он бросил ей мяч, а она ему. Он сумел поймать его, не сбиваясь с ритма и продолжая отсчитывать время, чтобы бросить снова.

Сначала это было трудно, труднее всего, что он делал до сих пор, однако после нескольких пасов он уже делал это без боязни, и обмен пошел так гладко, будто они практиковались несколько месяцев.

Валентин понимал, что это необычно, что никто не овладевает таким сложным маневром с первой попытки, но, как и раньше, он поместил себя в область, где не существовало ничего, кроме руки и глаза, и летающих мячей, и промах стал не только невозможным, но и немыслим.

— Эй! — крикнул Слит. — Идите сюда!

Он тоже жонглировал. Валентин был недоволен таким усложнением задачи, но заставил себя остаться в автоматическом режиме — бросать, когда кажется нужным, хватать то, что пришло, и все время держать оставшиеся мячи в движении.

Когда Слит и Карабелла начали обмен мячами, Валентин смог включиться и поймал мяч Слита.

— Раз-два, раз-два, — считал Слит.

Он занял положение между Валентином и Карабеллой и сделал себя ведущим. Он поочередно бросал им мячи, и долго ритм оставался неименным, но затем так ускорился, что Валентин уже не мог успевать за ними. В воздух вдруг взлетели десятки мячей — по крайней мере так казалось — и Валентин поспешно хватал их, роняя и наконец со смехом повалился на теплую траву.

— Значит, есть все-таки предел твоей ловкости? — шутливо спросил Слит. — А то я уже начал думать, что ты вообще не смертный.

Валентин рассмеялся.

— Боюсь, что достаточно смертный.

— Обедать! — крикнул Делиамбер.

Он приглядывал за котелком с тушеным мясом, подвешенным на треноге над огнем.

Скандары, занимавшиеся практикой в другой части рощи, появились как из-под земли, и тут же принялись накладывать себе еду.

Винорикс также поторопился наполнить свою тарелку. Валентин и Карабелла были последними, но это их не огорчило. Валентин покрылся честным потом после хорошо выполненной работы, кровь стучала в голове, и его долгая ночь с необъяснимыми снами казалась далеко, как что-то навсегда оставленное в Фалкинкине.

Весь день фургон спешил на восток.

Теперь это была явно гейрогская страна, населенная почти исключительно гладкоголовой змееподобной расой. Когда настала ночь, труппа была все еще на полпути от Долорна, где Залзан Кавол добился какого-то театрального ангажемента. Делиамбер сообщил, что неподалеку есть гостиница, и они поехали туда.

— Раздели со мной постель, — сказала Валентину Карабелла.

В коридоре они встретили Делиамбера, который остановился, коснулся их руки кончиком щупальца и пробормотал:

— Приятных снов.

— Приятных снов, — автоматически ответила Карабелла.

Валентин не дал обычного ответа, потому что прикосновение колдовской плоти вруона вызвало шевеление дракона в его душе, и он снова стал беспокойным и серьезным, каким был до посещения чудесной рощи. Можно было подумать, что Делиамбер стал врагом спокойствия Валентина, возрождал в нем необъяснимый страх и неуверенность, против которых у Валентина не было защиты.

— Пошли, — хрипло сказал он Карабелле.

— Спешишь?

Она засмеялась легким звенящим смехом, но смех тут же замер, когда она взглянула в лицо Валентина.

— Валентин, что с тобой? В чем дело?

— Ничего.

— Ничего?

— Разве я не могу поддаться настроению, как всякий человек?

— Когда твое лицо вот так меняется, кажется, будто тени заслоняют солнце, и так неожиданно...

— Что-то в Делиамбере, — сказал Валентин, — озадачивает и тревожит меня. Когда он коснулся меня...

— Делиамбер безвреден. Он лукав, как все колдуны, особенно вруонские и маленькие. В очень маленьком народе всегда темное лукавство. Но тебе нечего бояться Делиамбера.

— Правда?

Он закрыл дверь и обнял Карабеллу.

— Правда, — сказала она. — Тебе не нужно бояться никого, Валентин. Ты с первого взгляда нравишься всем. В мире нет никого, кто повредил бы тебе.

— Хотел бы я этому поверить, — сказал он.

Она потянула его в постель.

Он целовал ее сначала нежно, потом более крепко, и скоро их тела сплелись.

Он не был близок с ней больше недели и ждал с упоением и желанием. Но инцидент в коридоре украл его желание, оставил его отстраненным, и это удивляло и расстраивало его. Карабелла, вероятно, чувствовала его холодность, но не обращала внимания, потому что ее энергичное тело искало его страсти. Он вынудил себя ответить и скоро был почти так же пылок, как и она, но как бы стоял в стороне от собственных ощущений, был только зрителем их любви.

Все быстро кончилось, и стало темно, хотя лунный свет проникал в окно и бросал холодный свет на их лица.

— Приятных снов, — прошептала она.

— Приятных снов, — ответил он.

Она уснула почти сразу, а он лежал рядом с ее теплым телом, и спать ему не хотелось. Через некоторое время он отодвинулся, лег в любимую позу — на спину, сложив руки на груди, — но сон не приходил, только легкая дремота. Он считал блавов, представляя себя жонглирующим со Слитом и Карабеллой, пытался расслабиться, но ничего не помогало. Он приподнялся на локте и посмотрел на Карабеллу.

Она видела сон. На ее щеке подрагивали мышцы, глаза двигались под закрытыми веками, грудь поднималась и опускалась в резком ритме. Она прижала пальцы к губам и бормотала что-то непонятное.

Ее худощавое тело казалось таким красивым, что Валентину захотелось погладить прохладное бедро, слегка прикоснуться губами к маленьким твердым соскам, но мешать человеку, видящему сон, было грубостью, непростительным нарушением приличий. Так что он ограничился тем, что смотрел на нее и любил издали.

Карабелла в ужасе вскрикнула. Глаза ее открылись, но ничего не видели. Это был знак послания. По ее телу пробегала дрожь. Она, еще спящая и видящая сон, повернулась к Валентину. Она стонала и всхлипывала, и он обнял ее, чтобы успокоить, защитить ее от тьмы духа, и наконец ярость сна ушла, и тело ее расслабилось, обмякло.

Она еще некоторое время лежала не шевелясь, как будто думая о своем сне, боролась с ним и пыталась вывести его в область яви. Вдруг она села и прижала руки к губам. Глаза ее были дикими и остекленевшими.

— Милорд! — прошептала она.

Она отодвинулась от него, отползла, как краб, на край постели, одной рукой прикрывая грудь, а другой лицо. Губы ее дрожали. Валентин потянулся к ней, она в ужасе отпрянула и свалилась на пол, где испуганно съежилась, пытаясь скрыть свою наготу.

— Карабелла, — растерянно сказал Валентин.

Она подняла на него глаза.

— Милорд, пожалуйста, оставь меня.

Она опустила голову и сделала пальцами обеих рук знак горящей звезды, жест повиновения, который делают только перед Короналем.

Глава 15

Думая, что может быть не ей, а ему приснился сон, который все еще продолжается, Валентин встал, увидел одежду Карабеллы, брошенную на его вещи. Она скорчилась в стороне, ошеломленная и дрожавшая. Он хотел успокоить ее, но она отскочила и согнулась еще ниже.

— В чем дело? — спросил он. — Что случилось?

— Я видела во сне, что ты...

Она запнулась.

— Так реально, так страшно...

— Расскажи. Я растолкую твой сон, если смогу.

— Его незачем толковать. Он говорит сам за себя.

Она снова сделала ему знак горящей звезды и продолжала тихо, спокойно, без интонации:

— Я видела во сне, что ты истинный Корональ Лорд Валентин, что у тебя похитили власть и память, поместили в другое тело и выпустили неподалеку от Пидруда, чтобы ты скитался и жил в праздности, в то время как кто-то другой правит вместо тебя.

Валентин почувствовал себя на краю бездны, и земля сыпалась под его ногами.

— Это было послание? — спросил он.

— Да. Я не знаю от кого — от Леди или от Короля, но это не мой сон, он был как-то помещен в мой мозг со стороны. Я видела тебя, Лорд...

— Перестань называть меня так.

— Ты стоял на вершине Замка на Горе лицом к лицу с другим Лордом Валентином, с тем черноволосым, перед которым мы жонглировали, а потом ты спустился с горы, чтобы ехать в великой процессии по всем странам, и когда ты был на юге, в моем родном городе Тил-Омоне, тебе дали наркотик, усыпили, пересадили в это тело и выбросили тебя. Не было никого мудрее тебя, но у тебя колдовством отняли силы. А я касалась тебя, Лорд, я делила с тобой ложе и была неосторожна в выражениях. Как я теперь получу прощение, Лорд?

— Карабелла!

Она дрожала от страха.

— Взгляни на меня, Карабелла.

Она покачала головой. Он встал перед ней на колени и коснулся рукой ее подбородка. Она вздрогнула, как будто он обжег ее кислотой. Тело ее застыло в напряжении. Он снова дотронулся до нее.

— Подними голову, — ласково сказал он, — и посмотри на меня.

Она медленно и робко подняла голову и смотрела на него, как на солнце, боясь его ярости.

— Я Валентин-жонглер, и больше ничего.

— Нет, Лорд.

— Корональ черноволосый, а у меня золотистые волосы.

— Умоляю тебя, Лорд, оставь меня в покое. Я боюсь тебя.

— Ты боишься странствующего жонглера?

— Того, какой ты сейчас, я не боюсь. Ты мой друг, и я тебя люблю. Я боюсь того, кем ты был, Лорд. Ты был рядом с Понтифаксом и пил королевское вино. Ты ходил по громадным залам Горного Замка, ты знал полнейшую власть над миром. Это был истинный сон, Лорд, он был отчетлив и ясен, как наяву, и не может быть никаких сомнений, что это — послание. Ты настоящий Корональ, а я касалась твоего тела, и ты касался моего, а это святотатство — чтобы такая простая женщина, как я, подходила к Короналю так близко. За это я умру.

Валентин улыбнулся.

— Даже если я и был когда-то Короналем, дорогая, то в другом теле, а в этом, которое ты обнимала ночью, ничего святого нет. Но я никогда не был Короналем.

Она пристально посмотрела на него. Голос ее уже дрожал меньше, когда она сказала:

— Ты ничего не помнишь о своей жизни до Пидруда. Ты не мог назвать имени своего отца, а когда говорил о своем детстве в Ни-Мойе, ты сам не верил этому, а имя матери ты придумал. Скажешь, это неправда?

Валентин кивнул.

— Шанамир рассказал мне, что у тебя в кошельке было много денег, но ты не имел представления о их ценности и хотел расплатиться с продавцом сосисок монетой в пятьдесят реалов. Правда?

Валентин опять кивнул.

— Получается, что ты жил, никогда не пользуясь деньгами. Ты так мало знаешь, Валентин, тебя надо учить, как ребенка.

— Да, с моей памятью что-то случилось, но это еще не делает меня Короналем.

— Все — как ты жонглируешь, как способен ко всему, чего захочешь, как ты ходишь, как ты держишься, свет, который исходит от тебя, — все говорит о том, что ты рожден для власти. Как только ты у нас появился, мы считали, что ты изгнанный принц или герцог. Но мой сон не оставляет сомнений, Лорд...

Лицо ее побелело. На минуту она преодолела страх, но теперь снова задрожала. А страх был заразителен, потому что Валентин тоже начал испытывать его. Мороз прошел по коже. Правда ли это? Неужели он был Короналем и касался Тивераса в Лабиринте и в Горном Замке? Он снова слышал голос толковательницы снов Тизаны: — Ты упал с высокого места и теперь должен возвратиться туда снова, — говорила она. Это невозможно, немыслимо. Тем не менее, говорила она, этот подъем ждет тебя, Лорд Валентин, и не я его тебе предлагаю. Это нереально, невозможно.

Да еще эти его сны, этот брат, который хотел убить его, и которого он сам убил, и Коронали, и Понтифаксы, проходившие по комнатам его души, и все прочее.

Могло ли это быть? Нет, невозможно.

— Ты не должна бояться меня, Карабелла, — сказал он.

Она вздрогнула. Он потянулся к ней, но она отшатнулась с криком:

— Нет, не трогай меня, милорд!

— Пусть я был когда-то Короналем, хоть это звучит странно и глупо, но теперь ведь я не Корональ и не в его теле, так что все, что было между нами, не святотатство. Теперь я Валентин-жонглер, кем бы я ни был в прошлом.

— Ты не понимаешь, милорд.

— Я понимаю, что Корональ такой же человек, как и все прочие, только ответственности у него больше, но ничего ма-

гического вокруг него нет, и бояться можно только его власти, а у меня власти нет, даже если и была.

— Нет, — сказала она, — Короналя коснулась высшая благодать, и она никогда не уйдет от него.

— Короналем может быть любой, если получит надлежащее воспитание и правильное направление ума. Короналями не родятся. Короналями бывали из всех районов Маджипура, из всех слоев населения.

— Милорд, ты не понимаешь. Быть Короналем значит коснуться благодати. Ты правил, ты был в Горном Замке, и ты был в одном ряду с Лордом Стиамотом, Лордом Декретом и Лордом Престимионом, ты брат Лорда Вориакса, ты сын Леди Острова. Как я могу считать тебя обыкновенным человеком? Как я могу не бояться тебя?

Он растерянно уставился на нее. Он вспомнил, что прошло через его мозг, когда он стоял на улице и смотрел на Лорда Валентина Короналя и чувствовал себя в присутствии благодати и мощи, и понял, что быть Короналем — значит, быть вдали от всех, быть личностью, властвующей над двадцатью миллиардами, несущей в себе энергию тысячелетних знаменитых властителей, личностью, предназначенной в свое время уйти в Лабиринт и нести власть Понтифакса. Все это было ему непонятно, это переполняло, затягивало его и ошеломляло.

— Но ведь не надо бояться его, Валентина, впадать в благоговейный страх перед его воображенным величием. Он Валентин-жонглер, и только.

Карабелла рыдала. Еще немного — и она впадет в истерику. У вруона наверняка есть что-нибудь от этого.

— Подожди, — сказал Валентин, — я сейчас вернусь. Я попрошу у Делиамбера успокаивающего для тебя.

Он вышел в коридор, гадая, где комната колдуна. Все двери были закрыты.

Он хотел было стучать наугад, надеясь, что не наткнется на Залзана Кавола, но сухой голос сказал откуда-то из темноты:

— Ты плохо спал?

— Делиамбер?

— Я рядом с тобой.

Валентин, щурясь, вгляделся. Вруон сидел в коридоре, скрестив щупальца в позе медитации. Потом он встал.

— Я подумал, что ты скоро будешь искать меня, — сказал он.

— У Карабеллы было послание! Ей нужно лекарство, чтобы успокоить ее дух. У тебя есть?

— Лекарства нет. Это можно сделать прикосновением. Пойдем.

Маленький вруон быстро прошел по коридору в комнату. Карабелла не двигалась, по-прежнему скорчившись у постели, обернув вокруг себя одежду. Делиамбер подошел к ней, осторожно обвил щупальцами ее плечи, и ее мышцы расслабились. В комнате слышалось ее тяжелое дыхание. Через минуту она подняла глаза, уже более спокойная, но все еще растерянная, и жестом показала на Валентина.

— Я видела во сне, что он был...

— Я знаю, — сказал Делиамбер.

— Это неправда, — быстро сказал Валентин. — Я только жонглер.

— Сейчас ты только жонглер, — мягко сказал Делиамбер.

— Ты тоже веришь в этот вздор?

— Это было ясно с самого начала, когда ты встал между скандаром и мной. Это жест Короналя, — сказал я себе, и я читал в твоей душе...

— Что?!

— Профессиональный трюк. Я читал в твоей душе и видел, что с тобой сделали.

— Но это невероятно! — протестовал Валентин. — Взять из человеческого тела разум, пересадить его в другое тело, а разум из другого — в это...

— Почему невозможно? — сказал Делиамбер. — Я думаю, можно. Из Суврейла дошли слухи, что при дворе Короля Снов изучают это искусство. Говорят, что уже несколько лет производятся странные эксперименты.

Валентин угрюмо смотрел на свои руки.

— Не может быть.

— Я тоже так думал, когда впервые услышал, но потом поразмыслил, что и я знаю множество секретов почти такого же высокого колдовства, а ведь я всего лишь младший колдун. Семена такого искусства существовали очень давно. Может быть, какой-нибудь волшебник Суврейла сумел наконец прорастить эти семена. На твоем месте, Валентин, я бы не стал отбрасывать эту возможность.

— Обмен телами? — растерянно сказал Валентин. — Значит, это не мое тело. Чье же оно?

— Кто знает? Какой-нибудь неудачник погиб от несчастного случая, или утонул, или подавился куском мяса, или по глупости съел ядовитый гриб. В любом случае он умер, оставив тело целым, и сразу же был унесен в какое-то тайное место, где в его пустой каркас трансплантировали душу Короналя, а кто-то другой, простившись с собственным телом, влез в пустую скорлупу Короналя, вероятно, удержав там

многое из личной памяти Короналя и объединив со своей, и теперь правит как истинный монарх.

— Я не могу принять это за реальность, — упрямо твердил Валентин.

— Однако, когда я заглянул в твою душу, то увидел, что все было именно так, как я тебе описал. Я почувствовал немалый страх — в моей работе не часто встретишь Короналей или наткнешься на такое явное великое предательство — и я некоторое время размышлял, не разумнее ли мне забыть об этом, но понял, что не смогу, что до конца своих дней я буду видеть чудовищные сны, если забуду то, что узнал. Я сказал себе, что очень многое в мире нуждается в исправлении, и я должен, по божественной воле, участвовать в этом. Теперь это началось.

— Ничего подобного не было.

— Предположим, для примера, что было, — настаивал Делиамбер, — допустим, на тебя напали в Тил-Омоне, выкинули из твоего тела и посадили на трон узурпатора. Предположим, что это так. Что ты будешь делать?

— Ничего.

— Как это — ничего?

— Абсолютно ничего, — убежденно сказал Валентин. — Пусть тот, кто хочет быть Короналем, и будет им. Я думаю, что власть — это болезнь, а желание править — безумие. Пусть я когда-то жил в Горном Замке, но теперь меня там нет и ничто не заставляет меня вернуться туда. Я жонглер, от добра добра не ищут, и я счастлив. А Корональ счастлив? А Понтифакс? Если меня вышвырнули оттуда, то я считаю, что мне повезло. Я бы не хотел снова взваливать на себя этот груз.

— Но тебе было предназначено бремя власти.

— Предназначено?

Валентин засмеялся.

— С тем же успехом можно сказать, что мне было предназначено быть Короналем лишь недолгое время, а затем уступить место более достойному. К власти рвется только чокнутый, а я в здравом уме. Правление — это груз и тяжелая работа. Я не принимаю этого.

— Примешь, — сказал Делиамбер. — Тебя изменили, ты не был самим собой. Но тот, кто однажды был Короналем, остается им навсегда. Ты поправишься и вновь станешь самим собой, Лорд Валентин.

— Не употребляй этого титула!

— Он снова станет твоим, — сказал Делиамбер.

Валентин сердито отверг это предложение. Он взглянул на Карабеллу: она спала на полу. Валентин осторожно под-

нял ее, положил на постель и прикрыл одеялом, а затем сказал Делиамберу:

— Уже поздно, и за этот вечер было сказано много всяких глупостей. У меня от этих разговоров трещит голова. Сделай мне то, что ты сделал для Карабеллы, колдун, и дай мне уснуть. И не говори мне больше об ответственности, которая никогда не лежала на мне и не ляжет. Завтра у нас выступление, и я хочу как следует отдохнуть.

— Прекрасно, ложись в постель.

Валентин лег рядом с Карабеллой.

Вруон коснулся его сначала слегка, потом с большей силой, и мозг Валентина заволокло туманом. Сон опустился на него легко, как плотное белое облако.

Ему было хорошо. Он охотно отпустил свое сознание.

Ночью ему снился сон, и сон этот был облачен в яркий блеск, что безошибочно говорило о послании, и был очень живым.

Он шел по грубой и страшной пурпурной равнине, на которой так часто бывал в прошлых сновидениях, но теперь он знал, что эта равнина не из области фантазии, а находится на далеком континенте Суврейл под неприкрытым сиянием обнаженного солнца, и трещины на почве, — шрамы лета, когда высыхает всякая влага. Безобразно скрученные растения со вздутыми сероватыми листьями вяло лежали на земле, а другие, колючие, со страшными угловатыми сочленениями, тянулись вверх. Валентин быстро шел по жаре под безжалостным ветром. От сухости трескалась кожа. Он торопился во дворец Короля Снов, куда его наняли для представления.

Дворец был уже близко: зловещее, тускло-черное, все в ажурных башенках и зубчатых портиках здание, такое же колючее и отталкивающее, как и растения в пустыне.

Оно куда больше было похоже на тюрьму, чем на дворец, по крайней мере, снаружи.

Внутри же оно было совсем другим: богатое, спокойное, роскошное, с фонтанами во внутренних двориках, с мягкими драпировками, с ароматом цветов в воздухе.

Слуги поклонились, отвели Валентина во внутренние комнаты, сняли с него пропыленную одежду, вымыли его, обтерли мягкими полотенцами, одели в свежую, элегантную одежду и драгоценный плащ, подали холодный шербет, ледяное вино в серебряной чаше, кусочки незнакомого, очень вкусного мяса, и, наконец, отвели в громадный сводчатый тронный зал Короля Снов.

Валентин издали увидел его на троне: Симонан Барджазед, злобная и непредсказуемая сила, посылавшая из своей

продуваемой ветрами пустыни страшные послания по всему Маджипуру. Это был тяжеловесный мужчина, безбородый, с двойным подбородком, с глубоко сидящими глазами, обведенными темными кругами. Его коротко остриженную голову окружала золотая диадема власти — усиливавший мысли аппарат, изобретенный Барджазедом тысячу лет назад. Слева от Симонана сидел его сын Кристоф, такой же мясистый, как отец, а справа — сын Минакс, наследник, тощий и отталкивающий, темнокожий и остролицый, словно обточенный ветрами пустыни.

Король Снов жестом приказал Валентину начинать.

Валентин жонглировал пятнадцатью ножами — тонкими блестящими стилетами, которые проткнули бы его руки насквозь, если бы упали неправильно, но он легко управлял ими и жонглировал так, как могли бы Слит или Залзан Кавол, виртуозно демонстрируя ловкость. Он стоял неподвижно, делая чуть заметные движения ладонями и запястьями, и ножи стремительно взлетали, сверкая, как бриллиантовые, пролетали по дуге и падали точно в его ожидавшие пальцы, снова взлетали и падали, и дуга, которую они описывали, обрела постоянную форму. Это был уже не каскад, а начало горящей звезды — эмблемы Короналя.

Лезвия, летавшие в воздухе, указывали в разные стороны. Вдруг, когда Валентин приблизился к апофеозу своего представления, ножи замерли на спуске и остановились как раз над его пальцами, не опустившись.

Из-за трона вышел нахмуренный, с жестким взглядом Барджазед, третий сын Короля Снов, шагнул к Валентину, легким небрежным жестом смахнул горящую звезду из ножей в полу своей мантии.

Король Снов насмешливо улыбнулся.

— Ты отличный жонглер, Лорд Валентин. Наконец-то ты нашел себе подходящее занятие.

— Я Корональ Маджипура, — ответил Валентин.

— Был. Теперь ты бродяга и больше ни на что не годен.

— Лентяй, — сказал Минакс Барджазед.

— Трус, — сказал Кристоф.

— Увиливающий от обязанностей, — сказал Доминик Барджазед.

— Твой ранг утрачен, — сказал Король Снов, — твоя должность вакантна. Уходи или жонглируй, Валентин—жонглер. Уходи, лодырь. Проваливай, бродяга.

— Я Корональ Маджипура, — твердо повторил Валентин.

— Ты больше не Корональ, — возразил Король Снов.

Он коснулся руками диадемы на лбу, и Валентин пошатнулся, будто земля разверзлась под ним и упал, а когда сно-

а поднял глаза, увидел, что Доминик Барджазед одет в зееный камзол и горностаевую мантию Короналя, и лицо его тало лицом Лорда Валентина, и тело стало телом Лорда Валентина, а из жонглерских ножей, отобранных у Валентина, н сделал звездную Корону Короналя, и его отец Симонан арджазед возложил ее на его голову.

— Видишь? — крикнул Король Снов.

— Власть переходит к более достойному. Уходи, жонглер, бирайся!

Валентин вылетел в пурпурную пустыню и увидел злобые песчаные смерчи, шедшие к нему с юга. Он пытался убеать от них, но они подступили со всех сторон.

Он кричал:

— Я Лорд Валентин Корональ!

Но его голос терялся в ветре, и песок скрипел на зубах. Он кричал:

— Это измена, узурпация власти!

Но его крика никто не слышал. Он повернулся к дворцу ороля Снов, но дворца не было видно и раздиравшее щущение потери переполнило Валентина.

Он проснулся.

Карабелла спокойно лежала рядом. В комнату вливался ервый бледный свет зари.

Хотя сон был чудовищным, послание самое что ни на есть ловещее, Валентин был абсолютно спокоен.

Еще совсем недавно он пытался отрицать истину, но теерь ее нельзя было отбросить, какой бы странной и фантатической она ни казалась. В другом теле он был когда-то ороналем Маджипура, но у него каким-то образом украли ело и личность.

Могло ли это быть?

Сон такой важности едва ли можно было игнорировать.

Он рылся в глубинах мозга, пытаясь найти воспоминания власти, о церемониях на горе, о блеске королевской власти, вкусе ответственности.

Ничего не было, он жонглер и только.

Он не помнил ничего о своей жизни до Пидруда, словно н родился на холме за минуту до встречи с погонщиком Ланамиром, родился с деньгами в кошельке, фляжкой красого вина на бедре и обрывками фальшивой памяти в мозгу.

А если это правда, если он действительно был Коронаем?

Что ж, тогда он должен ради блага Маджипура сбросить зурпатора и потребовать свои законные права. Это его обяанность.

Но эта идея абсурдна, она давит на грудь и сушит горло.

Скинуть черноволосого человека, который с помпой проехал по Пидруду?

Как это можно сделать?

Как можно даже подойти к Короналю, чтобы столкнуть его с насеста?

Может, такое и бывало когда-то, но это не значит, что это можно повторить, да еще кто будет это делать — бродячий жонглер, легкомысленный молодой человек, который не чувствует настоятельной потребности совершить невозможное.

Кроме того, Валентин не находил в себе наклонностей к правлению.

Если он действительно был Короналем, должен же он был в свое время учиться на Горе Замка методам использования власти? Но теперь в нем не осталось ни следа этих знаний.

Какой из него монарх, если в его голове нет желания власти?

И все же...

Он взглянул на Карабеллу.

Глаза ее были открыты, она следила за ним.

Благоговейный страх в ней все еще оставался, но ужаса больше не было.

— Что ты будешь делать, Лорд?

— Раз и навсегда — зови меня Валентином.

— Если ты приказываешь...

— Приказываю.

— Скажи, Валентин, что ты будешь делать?

— Работать со скандарами, — ответил он, — продолжать жонглировать, совершенствовать мастерство, внимательно следить за снами, выжидать, стараться понять. Что еще я могу делать, Карабелла?

Он легко дотронулся до ее руки.

Карабелла на секунду сжалась, но потом положила свою руку на его. Он улыбнулся.

— Что еще я могу сделать, Карабелла?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА МЕТАМОРФОВ

Глава 1

Гейрогский город Долорн был чудом архитектуры, городом застывшего блеска.

Он тянулся на двести миль вверх и вниз по ущелью Долорна. Хотя город покрывал такое огромное пространство, в нем преобладали вертикали: громадные сияющие башни фантастической конструкции, но строго выдержанные в материале, поднимались, как острые клыки из мягкой, богатой гипсом почвы. Единственным одобряемым в Долорне строительным материалом являлся местный камень, легкий, воздушный кальцит высокого отражательного свойства, сверкающий, как кристалл, даже, как бриллиант. Из него жители Долорна строили свои высокие островерхие здания, украшали их балконами, парапетами, громадными пламеневшими опорами с парившими консолями, сталактитами и сталагмитами, кружевными мостами, перекинутыми высоко над улицей, колоннадами и куполами, навесами и пагодами.

Жонглерская труппа Залзана Кавола вошла в город ровно в полдень, когда солнце стояло над головой, и на стенах титанических башен танцевали потоки как бы белого пламени. У Валентина захватило дух от удивления. Какой удивительный показ света и формы!

Долорн насчитывал четырнадцать миллионов жителей и считался крупным городом на Маджипуре, но не из крупнейших.

На континенте Алханрол, как говорили Валентину, город такой величины не представлял ничего особенного. Даже здесь, на самом пасторальном континенте Зимрол были такие же и еще большие города.

Но Валентин подумал, что конечно, ни один из них не мог сравниться с Долорном по красоте. Долорн был холодным и огненным одновременно. Его сверкавшие шпили настойчиво привлекали внимание, как холодная неотразимая музыка, как пронизывающие звуки мощного органа, прокатывающиеся через мрак космоса.

— Сельской гостиницы здесь нет! — радостно крикнула Карабелла. — Мы будем жить в отеле с тонкими простынями и мягкими подушками!

— Неужели Залзан Кавол так расщедрится? — спросил Валентин.

— А куда ему деться? Долорн предлагает только роскошное жилье. Если мы ночуем здесь, то либо на улице, либо, как герцоги. Середины нет.

— Спать, как короли? — сказал Валентин. — А почему бы и нет?

Утром перед уходом из гостиницы он взял с Карабеллы клятву никому не говорить о ночных событиях — ни Слиту, ни скандарам, ни даже толкователю снов, если Карабелле вдруг понадобится встреча с таковым. Он потребовал, чтобы она поклялась именами Леди. Понтифакса и Короналя. Он требовал также, чтобы она обращалась с ним, как если бы он всегда был, есть и будет странствующим жонглером Валентином. Требуя клятвы, Валентин говорил с силой и достоинством Короналя, так что бледная Карабелла, стоя на коленях и дрожа, боялась его, как если бы на нем была Звездная Корона. Он же чувствовал себя в какой-то степени обманщиком, поскольку отнюдь не был убежден, что странные сны прошлой ночью придали ему цену.

Но все же снами нельзя было пренебрегать и следовало принять меры. Он даже взял клятву с Делиамбера, хотя сомневался, можно ли верить вруону и колдуну, но Делиамбер, похоже, совершенно искренне поклялся хранить тайну.

— Кто еще знает об этих делах? — спросил Делиамбер.

— Только Карабелла, но я ее связал такой же клятвой.

— Ты ничего не говорил хорту?

— Винориксу? Ни слова. Почему ты спрашиваешь?

— Уж очень он внимательно следит за тобой и задает слишком много вопросов. Не люблю я его.

Валентин пожал плечами.

— Хортов трудно любить. Но чего ты опасаешься?

— Он хорошо закрывает свой мозг, и аура у него темная. Держись от него подальше, Валентин, иначе он принесет тебе беду.

Жонглеры проехали по широким сверкавшим улицам до отеля. Их вел Делиамбер, у которого, похоже, была в голове карта любого уголка Маджипура. Фургон остановился перед башней громадной высоты и поразительно фантастической архитектуры, с минаретами и сводчатыми арками, с сиявшими восьмиугольными окнами. Выйдя из фургона, Валентин остановился и, раскрыв рот, с трепетом оглядел.

— Ты выглядишь так, словно тебя ударили по голове, — ворчливо сказал Залзан Кавол. — Никогда не видел Долорна?

Валентин сделал уклончивый жест.

Его дырявая память ничего не знала о Долорне. Никто, хоть раз видевший этот город, не мог бы забыть о нем? Он спросил:

— Есть ли что-либо более замечательное во всем Маджипуре?

— Да, — ответил скандар. — Миска горячего супа, кружка крепкого вина, шипящее на открытом огне жаркое. Ты не можешь есть прекрасную архитектуру. Даже сам Горный Замок не имеет никакой цены для голодного человека.

Залзан Кавол фыркнул, довольный собой, и, подняв багаж, шагнул в отель.

Валентин смущенно сказал:

— Я ведь говорил только о красоте городов!

Тилкар, обычно самый молчаливый из скандаров, сказал:

— Залзан Кавол восхищается Долорном куда больше, чем ты думаешь, но никогда в этом не признается.

— Он высказывает восхищение только перед Пилиплоком, где мы родились, — вставил Рейбор Херн. — Ему кажется нелояльным сказать доброе слово о любом другом месте.

— Ша-ша! — сказал Ирфон Кавол. — Вот он!

Их старший брат появился в дверях.

— Ну? — крикнул он. — Долго вы будете стоять? Через полчаса репетиция!

Его желтые глаза сверкали, как у лесного зверя. Он заворчал, сжав четыре кулака, и снова исчез.

Странный хозяин, — думал Валентин. Где-то глубоко под грубой шкурой находится цивилизованная и даже, кто знает, — добрая личность. Но Залзан Кавол изо всех сил старался быть грубым.

Жонглеров пригласили выступить в непрерывном цирке Долорна, городском увеселении, работавшем круглосуточно. В этом городе и окружающей провинции спали не по ночам, а по сезонам, по два-три месяца, в основном зимой, а когда бодрствовали, неутомимо требовали развлечений.

По словам Делиамбера, они хорошо платили, а в этой части Маджипура никогда не бывало избытка странствующих артистов.

Когда труппа собралась на послеобеденную репетицию, Залзан Кавол объявил, что они выступают после полуночи, с четырех до шести.

Валентин расстроился: он особенно ждал в эту ночь руководства, которое мог дать ему сон после прошлых тяжелых открытий. Но можно ли ждать полезных снов, если самые подходящие для этого часы он проведет на эстраде?

— Мы можем лечь спать пораньше, — заметила Карабелла. — Сны приходят в любой час. Или, может, тебе назначено время послания?

Это было нахальное замечание для той, которая еще недавно трепетала перед Валентином. Он улыбнулся, показывая, что не обижен — он заметил тень сомнения, мелькнувшую за ее насмешливостью, — и сказал:

— Я могу вообще не уснуть, зная, что придется встать так рано.

— Пусть Делиамбер коснется тебя, как в прошлую ночь, — посоветовала Карабелла.

— Я предпочитаю сам найти способ заснуть, — ответил он.

Так он и сделал после дневных занятий и приличного ужина в отеле.

Он занял отдельную комнату и до того, как лечь в постель на прохладные тонкие простыни, годящиеся, как говорила Карабелла, и для герцога, поручил свой дух Леди Острова и молил ее о послании. Такое разрешалось и часто делалось, но не всегда давало результаты. Теперь ему больше всего нужна была помощь Леди. Если он был свергнутым Короналем, тогда она была его матерью как по плоти, так и по духу, и могла подтвердить его личность и направить на поиск.

Засыпая, он старался вызвать зрительный образ Леди и ее Острова, дотянуться через тысячи миль до нее и сотворить мост, какую-то искру сознания через эту безмерную брешь, чтобы Леди могла иметь контакт с ним. Ему препятствовали пробелы в памяти. Считалось, что каждый взрослый маджипурец знает черты лица Леди и географию Острова также хорошо, как лицо своей матери и предместья своего города, но искалеченный мозг Валентина представлял собой пустоту, которую надо было заполнять воображением, да еще наугад. Как она выглядела в ту ночь в фейерверке над Пидрудом? Круглое улыбающееся лицо, длинные густые волосы. Очень хорошо. А дальше? Предположим, что волосы черные и блестящие, черные, как и у ее сыновей Лорда Валентина и покойного Лорда Вориакса. Глаза карие, теплые, живые, губы полные, щеки слегка впалые, в уголках глаз тонкая сетка морщин. Величавая, крепкая женщина. Она прогуливается по саду между пышных цветущих кустов, желтых тонигалий и эльдеронов, пурпурных тухлей, всего богатства тропической растительности. Она останавливается, чтобы сорвать цветок и воткнуть его в волосы, идет дальше, по белым мраморным плитам, петляющим между кустами, появляется на широком каменном патио на склоне того холма, где живет, и смотрит вниз на террасы, ступенями спу-

скающиеся к морю. Она смотрит на запад, на далекий Зимрол, закрывает глаза и думает о своем потерянном, брошенном в странствии сыне, который сейчас в городе гейрогов. Она собирает силы и посылает нежное послание надежды и поддержку Валентину, изгнанному в Долорн.

Валентин погрузился в глубокий сон, и Леди пришла. Он встретился с ней не на склоне холма под ее садом, а в каком-то пустом городе в пустынной стране, в развалинах среди разрушенных непогодой колонн из песчаника и разбитых алтарей. Они вошли с противоположных сторон в полуразрушенный форум под призрачным светом луны. Лицо Леди было скрыто под вуалью. Он узнал ее по тяжелым кольцам черных волос и по аромату цветка эльдерона, воткнутого в них. Он знал, что это Леди Острова, но хотел видеть ее улыбку, чтобы согреть свой дух в этом унылом месте. Он хотел видеть ее ласковые глаза.

— Мать? — спросил он неуверенно. — Мать, я Валентин! Разве ты не узнаешь меня? Посмотри на меня!

Она, как призрак, проплыла мимо него и исчезла между двумя разбитыми колоннами, разрисованными сценами деяний великих Короналей.

— Мать! — позвал он.

Сон кончился. Валентин старался вернуть его, но не мог. Он проснулся и уставился в темноту, желая увидеть еще раз это закрытое лицо и понять его значение. Она не узнала его. Значит, он настолько изменился, что даже родная мать не может узнать его в этом теле? А может, он никогда и не был ее сыном, так что она и не может узнать его? Ответа не было. Если дух черноволосого Лорда Валентина был внедрен в тело Валентина-блондина, а Леди Острова не подала знака, что знает об этом, то он был так же далек от понимания, как и в то время, когда засыпал.

Он снова уснул. Почти тотчас же на его плечо легла рука и трясла его, пока он не проснулся. Это была Карабелла.

— Два часа, — сказала она. — Залзан Кавол хочет, чтобы через полчаса мы были в фургоне. Был сон?

— Незавершенный. А у тебя?

— Я не спала. По-моему, это разумнее. В отдельные ночи лучше не спать.

Она застенчиво спросила, когда он одевался.

— Я снова буду делить с тобой комнату, Валентин?

— Ты хочешь этого?

— Я поклялась обращаться с тобой, как раньше, до того, как я узнала... о, Валентин, я так испугалась! Но мы снова будем товарищами и любовниками завтра ночью!

— А если я Корональ?

— Прошу тебя, не задавай таких вопросов.

— И все же?

— Ты приказал мне звать тебя Валентином и смотреть на тебя, как на Валентина. Так я и буду делать, если ты мне позволишь.

— Ты веришь, что я Корональ?

— Да, — прошептала она.

— И больше не боишься?

— Только чуточку. Но ты все еще кажешься мне обычным человеком.

— Хорошо.

— У меня был целый день, чтобы привыкнуть. И я дала клятву. Я должна думать о тебе как о Валентине. Я клялась в этом всеми силами.

Она ехидно засмеялась.

— Я клялась именем Короналя, что притворюсь, будто ты не Корональ, и я должна быть верной своей клятве и обращаться с тобой обычно и звать тебя Валентином, и не бояться, и вести себя так, словно ничего не изменилось. Значит, я могу прийти к тебе ночью?

— Да.

— Я люблю тебя, Валентин.

Он притянул ее к себе.

— Спасибо, что ты преодолела свой страх. Я тоже люблю тебя, Карабелла.

— Залзан Кавол будет в ярости, если мы опоздаем, — сказала она.

Глава 2

Непрерывный цирк помещался в здании совсем другого типа, чем большинство домов Долорна: громадный, плоский, без всяких украшений барабан, абсолютно круглый. Он был не более девяноста футов высотой, но занимал большое пространство на восточной окраине города. Внутри центральное место занимала эстрада, а вокруг шли ряды сидений, ярус за ярусом поднимавшиеся концентрическими кругами к потолку.

Там могли поместиться тысячи, а может, и сотни тысяч зрителей. Валентин был ошеломлен, увидев, что в столь поздний час цирк был почти полон. Разглядеть зрителей было трудно, потому что освещение сцены било в глаза, но все-таки он заметил громадное количество народа, сидевшего или развалившегося на сидениях. Почти все были гейрогами, хотя кое-где Валентин видел хортов, вруонов и людей. На Маджипуре не было места, целиком населенного одной расой:

древние указы правительства, восходившие к самым ранним дням трудного расселения не человеческих рас, запрещали такую концентрацию, за исключением резервации метаморфов, но гейроги были особенно склонны к кланам и группировались в Долорне и в его округе выше законного максимума.

Гейроги были теплокровными и млекопитающими, но кое-какие черты рептилий делали их неприятными для большинства других рас: быстро мелькавшие красные языки, блестящая серая чешуйчатая кожа плотной консистенции, холодные немигающие зеленые глаза. Волосы их были похожи на медуз: черные мясистые пряди не лежали на месте, а изгибались и свивались в кольца. Их кисло-сладкий запах тоже не очаровывал ноздри негейрогов.

Валентин взошел с труппой на эстраду в подавленном настроении. Час был неподходящий: циклы тела были нарушены, и хотя он спал достаточно, ему совершенно не хотелось сейчас бодрствовать. Он снова нес на себе груз непонятного сна. Леди его отвергла, он не сумел войти с ней в контакт. Что это значило? Когда он был только Валентином-жонглером, значение сна было не так уж важно для него: каждый день имел свою тропу, и Валентин заботился лишь об увеличении ловкости руки и глаза, но теперь эти неясные и тревожные разоблачения посетили его, и он вынужден был обдумывать свои дальнейшие поступки. Ему это очень не нравилось. Он уже вкусил ностальгическую печаль по добрым старым временам двухнедельной давности, когда он пришел в Пидруд в счастливой бесцельности.

Требования искусства быстро оторвали его от размышлений. Здесь, под ярким светом не время было думать о чем-либо, кроме работы.

Эстрада была громадной, и на ней одновременно происходило многое. Вруонские маги включали в свою работу плывущие разноцветные потоки света и клубы зеленого и красного дыма. Вдали дрессировщики показывали дюжину стоявших на хвостах толстых змей. Ослепительные танцоры с гротескно-тощими телами делали резкие прыжки.

Несколько маленьких оркестров в разных местах эстрады играли резкие, трубно звучащие мелодии, любимые гейрогами. Был акробат с одним пальцем, ходившая по проволоке женщина, левитатор, трио стеклодувов, делавших вокруг себя клетку, глотатель живых угрей, взвод неистовых клоунов, и многое другое. Публика, развалившаяся в полутьме, легко следила за всеми, потому что громадная сцена медленно вращалась, делая полный оборот за час или два, так что каж-

дая группа выступавших поочередно проходила перед всеми зрителями.

— Все это плавает в озере ртути, — прошептал Слит. — За этот металл можно купить три провинции.

При такой конкуренции на глазах наблюдателей жонглеры выступали с самыми искусными трюками, а это означало, что новичок был исключен. Он бросал свои дубинки и лишь изредка получал от других нож или факел. Карабелла танцевала на серебряном шаре диаметром в два фута, который описывал неправильные круги при ее движениях, а она в это время жонглировала пятью ослепительно яркими зелеными шарами. Слит встал на ходули, поднялся выше скандаров — крошечная фигурка где-то наверху — и спокойно перекладывал из руки в руку три громадных, красных с черными крапинками яйца моликана, которые купил вечером на рынке. Если бы он уронил яйцо с такой высоты, брызги были бы замечены и это было бы безмерным унижением, но поскольку Слит никогда ничего не ронял, то не уронил и в эту ночь. Что касается шести скандаров, то они выстроились спиной друг к другу с горящими факелами. В тщательно скоординированное время каждый бросал факел через плечо своему брату на противоположной стороне звезды. Обмен шел с поразительной точностью. Траектории летевших факелов были безупречно рассчитаны, чтобы создать замечательные перекрещивающиеся световые узоры, и ни одного волоска на шкуре скандаров не опалилось, когда они наугад выхватывали из воздуха горящий факел, брошенный им невидимым партнером.

Они прошли два оборота сцены, выступая по получасу с пятью минутами отдыха в центральной шахте прямо под эстрадой, где собирались сотни отдыхающих артистов. Валентину хотелось сделать что-нибудь более заметное, но Залзан Кавол запретил.

— Ты еще не готов, — сказал он, — хотя для новичка работаешь отлично.

Настало утро, когда труппе, наконец, позволили оставить сцену.

Оплата была почасовая, а время определялось по счетчикам реакции, помещенным под сидениями зрителей. За счетчиками наблюдали гейроги в будке под сценой. Некоторые выступавшие оставались на эстраде лишь несколько минут, а потом общая скука или презрение изгоняли их, но Залзан Кавол и его команда, которым было гарантировано два часа работы, оставались на эстраде четыре часа. Их могли бы оставить еще на час, но братья Залзана, собравшиеся вокруг него для краткого, но интенсивного спора, отговорили его.

— Жадность доведет его до беды, — сказала Карабелла. — Не думает ли он, что эти факелы можно бросать бесконечно, пока кто-то не промажет? Даже скандары иногда устают.

— Только не Залзан Кавол, — сказал Валентин.

— Это верно, он, как машина, но его братья — простые смертные. У Роворна начал расползаться расчет времени. Я очень рада, что у них хватило духу остановить Кавола.

Она улыбнулась.

— Я тоже чертовски устала.

Жонглеры так понравились Долорну, что их наняли еще на четыре дня. Залзан Кавол ликовал — гейроги хорошо платили — и дал всем по пять крон.

Валентин думал, что все это хорошо, но ему не хотелось надолго оставаться у гейрогов. На третий день его охватило нетерпение.

— Ты очень хочешь ехать дальше, — сказал Делиамбер утвердительно.

Валентин кивнул.

— Я, кажется, вижу призрак своей дороги.

— На Остров?

— Зачем тебе надо разгова́ривать с людьми, — шутя сказал Валентин, — если ты все видишь в их мозгу?

— На этот раз я не проникал в мозг. Твое следующее движение и так ясно.

— Да, надо идти к Леди. Кто, кроме нее, скажет мне правду?

— Ты все еще сомневаешься?

— У меня нет доказательств, кроме снов.

— Которые говорят истинную правду.

— Да, — сказал Валентин, — но сны могут быть притчей, метафорой или фантазией. Глупо принимать их буквально, без подтверждения. А Леди может подтвердить, я надеюсь. Далеко этот Остров, колдун?

Делиамбер прикрыл золотые глаза.

— Тысячи миль, — сказал он. — Примерно пятую часть пути мы пройдем через Зимрол, на восток через Кантор или Велатис, вокруг территории метаморфов, затем, возможно, на речном судне через Ни-Мойю до Пилиплока, а оттуда до Острова ходят корабли пилигримов.

— Сколько времени это займет?

— Добраться до Пилиплока? Нашим теперешним ходом около пятидесяти лет. Идти с жонглерами, останавливаться то тут, то там на неделю...

— А если я пойду один?

— Вероятно, месяцев шесть. Путешествие по реке быстрее, по суше много дольше. Будь у нас воздушные корабли, как

в других мирах, дело заняло бы один-два дня, но у нас на Маджипуре нет многого, чем пользуются другие народы.

— Шесть месяцев?

Валентин нахмурился.

— А сколько будет стоить нанять экипаж и проводника?

— Примерно двадцать реалов. Тебе придется долго жонглировать, чтобы заработать столько.

— Хорошо, вот я в Пилиплоке. Что дальше?

— Ты оплачиваешь проезд до Острова. На путешествие нужно несколько недель. Добравшись туда, ты поселишься на самой нижней террасе и начнешь подъем.

— Какой подъем?

— Ясное дело, молитвы, очищение, посвящение. Ты будешь переходить с одной террасы на другую, пока не достигнешь террасы поклонения — порога внутреннего храма. Ты ничего об этом не знаешь?

— Делиамбер, в мой мозг вмешивались.

— Да, правильно.

— Внутренний храм. Потом?

— Теперь ты посвящен. Ты служишь Леди, как прислужник. Если хочешь получить аудиенцию, должен следовать особым ритуалам и ждать приглашающего сна.

— Сколько же времени займет весь этот процесс — террасы, посвящение, служба, ожидание сна?

— По-разному. Иногда пять лет, и десять, а может быть — вечность. У Леди нет времени для каждого пилигрима.

— А нет более прямого пути для получения аудиенции?

Делиамбер издал кашляющий звук, изображавший смех.

— Какой? Стучать в храмовую дверь и кричать, что, измененный сын Леди требует, чтобы его впустили?

— А почему бы и нет?

— Террасы Острова оборудованы фильтрами, не допускающими таких вещей. Легких путей общения с Леди нет, и это не зря. Так что ты можешь потратить на это много лет.

— Я найду путь. Я достигну ее мозга, если буду на Острове, и буду кричать, и смогу убедить ее вызвать меня. Может быть.

— Может быть.

— С твоей помощью это можно сделать.

— Так я и думал, что ты к этому придешь, — сухо сказал Делиамбер.

— У тебя есть способность к посланиям. Мы могли бы добраться если не до самой Леди, то подойти достаточно близко. Шаг за шагом мы будем подтягиваться ближе, обрезая бесконечный процесс...

— Возможно, это удастся, — сказал Делиамбер. — А ты уверен, что я захочу разделить с тобой это паломничество?

Валентин некоторое время молча смотрел на вруона.

— Уверен, — сказал он наконец. — Ты прикидываешься, будто не хочешь, но ты сам изобретал всевозможные мотивы, чтобы послать меня на Остров. Ведь я прав, Делиамбер?

— Ах, вот что!

— Я прав?

— Если ты решил ехать на Остров, Валентин, я на твоей стороне. Но ты твердо решил?

— Почти.

— Когда решение не твердое, то нет эффективности, — сказал Делиамбер.

— Много тысяч миль. Годы ожидания. Тяжкий труд и интриги. Почему же я все-таки хочу сделать это, Делиамбер?

— Потому что ты Кородаль и должен быть им снова.

— Первое, может, и правда, хотя я сильно сомневаюсь в этом, но второе под вопросом.

Делиамбер хитро посмотрел на него.

— Ты предпочитаешь жить под правлением узурпатора?

— А что мне Кородаль и его правление? Он на другом конце мира, в Горном Замке, а я странствующий жонглер.

Валентин вытянул пальцы и разглядывал их, словно никогда не видел.

— Я избавлю себя от многих усилий, если останусь с Залзаном Каволом и позволю другому, кто бы он ни был, сидеть на троне. Может, он мудр и узурпировал власть справедливо? Какая польза Маджипуру, если я проделаю всю эту работу только для того, чтобы сесть на трон? Ох, Делиамбер, разве это по-королевски звучит, когда я говорю такие вещи? Есть ли у меня стремление к власти?

— Мы с тобой уже говорили об этом. На тебя было оказано давление, милорд.

— Пусть так. Но моя королевская природа, если она была, полностью исчезла. Это стремление к власт...

— Ты уже дважды употребил эту фразу, — сказал Делиамбер. — Стремление тут ни при чем. Истинный король вовсе не стремится к власти: ответственность стремится к нему и захватывает его, и владеет им. Этот Кородаль новый, он еще мало что сделал, если не считать великих процессий, а народ уже ворчит по поводу его декретов. А ты спрашиваешь, мудр ли он и справедлив ли. Никакой узурпатор не может быть справедливым. Он преступник, он правит с чувством вины, преступный страх грызет его во сне, и настанет время, когда этот страх отравит его и сделает тираном. Можешь ли ты сомневаться в этом? Он отстранит всех, кто уг-

рожает ему, он будет убивать, если понадобится. Яд, текущий в его жилах, войдет в жизнь самой планеты, поразит всех жителей. А ты, сидя здесь и разглядывая свои пальцы, не будешь считать себя ответственным за это? Как ты можешь говорить об избавлении от этих усилий? Как будто тебе наплевать, кто у нас король. Это очень важно, милорд, кто король. Ты был выбран и обучен этому, а не случайно туда попал. Может, ты думаешь, что Короналем может быть любой?

— Думаю, да. Судьба выбирает наугад.

Делиамбер резко засмеялся.

— Возможно, девять тысяч лет назад так оно и было. Это династия, милорд.

— Династия?

— Именно. Со времен Лорда Ариока, если не раньше, Короналей выбирали из небольшой группы семей, не более чем из сотни кланов, живших на Горе Замка и бывших членами правительства. Следующий Корональ обучался заранее, но кто он — знали только он сам и немногие советники. Выбирались также двое или трое на замену. Но теперь все это нарушено, теперь туда проложил путь захватчик. Ничего, кроме зла, от этого не будет.

— А может, узурпатор просто наследник, которому надоело ждать?

— Нет, — сказал Делиамбер, — этого не может быть. Никто из тех, кто обучался заранее, не мог бы свергнуть законного посвященного принца, и к тому же, зачем ему рядиться под Лорда Валентина, если у него другое имя?

— Согласен.

— Согласись также и с тем, что тот тип в горном замке не имеет ни права, ни квалификации на пребывание там, и его следует выкинуть, а сделать это можешь только ты.

Валентин вздохнул.

— Ты требуешь от меня великих свершений.

— Великих свершений требует история, — сказал Делиамбер. — В тысячах миров, на протяжении многих тысячелетий история требовала, чтобы разумные существа сделали выбор между порядком и анархией, между созиданием и разрушением, между разумным и неразумным. И силы порядка, созидания и разума всегда фокусировались на одном лидере — короле, президенте, председателе, первом министре, генералиссимусе — называй, как хочешь, одним словом, монархе. Здесь, у нас — Корональ, или более точно, Корональ правит как голос Понтифакса, бывшего ранее Короналем, и это, милорд, очень важное дело, кому быть Короналем, а кому не быть.

— Да, — сказал Валентин, — возможно.

— Ты слишком долго мотаешься от "да" в "возможно". Но в конце концов ты будешь правителем. Ты совершишь паломничество на Остров и с благословления Леди пойдешь к Замку на Горе и займешь свое законное место.

— Твои слова наполняют меня ужасом. Если я когда-то правил, если я когда-то обучался этому, то все это сгорело в моем мозгу.

— Ужас пройдет. По прошествии времени твой мозг будет восстановлен.

— Время идет, а мы торчим в Долорне и развлекаем гейрогов.

— Это ненадолго. Мы пойдем на восток, милорд, поверь мне.

В уверенности Делиамбера было что-то заразительное. Колебания и неуверенность Валентина на время исчезли. Но как только Делиамбер ушел, Валентин погрузился в неприятные размышления о тяжелой реальности. Может ли он нанять пару верховых животных и завтра же уехать с Делиамбером в Пилиплок? А как же Карабелла, которая вдруг сделалась необходимой ему? Бросить ее в Долорне?

А Шанамир? Мальчик привязан к Валентину, а не к скандарам, и Валентин не может его оставить. А расходы? Четверым ехать почти через весь Зимрол? Пища, ночлег, транспорт, корабль пилигримов до Острова и жизнь там, пока он не придумает, как получить доступ к Леди? Делиамбер считает, что Валентину одному понадобится двадцать реалов на дорогу до Пилиплока, а четверым, а то и пятерым, если добавится Слит, потребуется сотня реалов, если не больше. А до нижней террасы — сто пятьдесят. Он заглянул в свой кошелек. Из тех денег, которые он имел при себе, появившись в Пидруде, оставалось чуть больше шестидесяти реалов, плюс один-два реала, заработанных в труппе. Этого не хватит. Он знал, что Карабелла почти без денег. Шанамир вернул семье сто шестьдесят реалов, вырученных за животных, а Делиамбер, если бы имел какие-то ценности, не стал бы на старости лет таскаться по стране по контракту с кучей грубых скандаров.

— Так что же делать? Остается ждать и надеяться, что Залзан Кавол выбрал в основном восточную дорогу. Нужно беречь свою Корону и ждать, когда настанет момент идти к Леди.

Глава 3

Через несколько дней после того, как они уехали из Долорна с распухшими от щедрости гейрогов кошельками, Валентин отвел Залзана Кавола в сторону и спросил, в каком направлении они поедут. Был теплый день, а здесь, на восточном склоне ущелья, где они остановились на обед, все заволокло пурпурным туманом, потому что к северу отсюда были россыпи скувва-песка, и ветры все время поднимали его вверх.

Залзан Кавол был недоволен и раздражен этой погодой. Его серый мох, покрасневший от капель тумана, сбился, и он старался его расчесать. Валентин понял, что сейчас не самый подходящий момент для разговора, но отступать было уже поздно.

— Кто из нас хозяин труппы, Валентин? — спросил Залзан.

— Ты, конечно.

— Тогда с какой стати ты пытаешься управлять мной?

— Я?

— В Пидруде ты просил меня ехать сначала в Фалкинкин для соблюдения фамильной чести нашего погонщика, а я, кстати, помню, как ты заставил меня нанять этого мальчишку, хотя он не жонглер и никогда им не будет. Я согласился на твои просьбы, сам не знаю почему. Потом ты вмешался в мою ссору с вруоном...

— Мое вмешательство оказалось полезным, — уточнил Валентин. — Как ты сам потом признал.

— Правильно. Но вмешательство само по себе мне не нравится. Ты понимаешь, я хозяин этой труппы?

Валентин слегка пожал плечами.

— Никто с этим не спорит.

— Но ты понимаешь это? Мои братья понимают. Они знают, что у тебя может быть только одна голова — другое дело у су-сухирисов, но мы говорим не о них — и здесь голова — я, от меня идут все планы и инструкции, от меня одного.

Залзан Кавол улыбнулся.

— Тирания? Нет, просто эффективность. Жонглеры не могут быть демократами, Валентин. Управлять должен только один мозг, иначе настанет хаос. Так чего опять ты от меня хочешь?

— Знать направление дороги, и только.

Залзан Кавол сказал с едва сдерживаемой злостью:

— Зачем? Ты работаешь у нас. Ты идешь туда, куда идем мы. Твое любопытство неуместно.

— Мне так не кажется. Одна дорога для меня более полезна, чем другая.

— Полезна тебе? У тебя свои планы? Ты мне об этом не говорил!

— Я говорю это сейчас.

— Каковы же твои планы?

Валентин сделал глубокий вздох.

— В конечном счете сделать паломничество на Остров, посвятить себя Леди. Поскольку корабли паломников отплывают из Пилиплока, а между нами и Пилиплоком лежит весь Димрол, мне важно знать, не собираешься ли ты идти в другом направлении, в Велатис, или может, обратно в Тил-Омон или Нарабал, вместо...

— Ты уволен, — ледяным тоном сказал Залзан Кавол.

Валентин остолбенел.

— Что?

— Хватит. Мой брат Ирфон даст тебе десять крон на устройство. Я хочу, чтобы через час тебя не было.

У Валентина запылали щеки.

— Это совершенно неправильно! Я же только спросил...

— Ты только спросил. И в Пидруде ты только просил, и в Фалкинкине ты просил, и через неделю в Мазадоне ты будешь только просить. Ты нарушаешь мое спокойствие. А это зачеркивает то, что ты обещаешь как жонглер. Кроме того, ты нелоялен.

— В чем? По отношению к кому?

— Ты нанялся к нам, но тайно решил воспользоваться нами как транспортом, который доставит тебя в Пилиплок. Твои обязательства по отношению к нам неискренни. Я называю это предательством.

— Когда я нанимался к тебе, у меня не было на уме ничего, кроме путешествия с твоей труппой, куда бы вы ни пошли, но все изменилось, и теперь у меня есть причины для паломничества.

— А почему ты допустил, чтобы все изменилось? Где твое чувство долга по отношению к твоим нанимателям и учителям?

— Разве я нанялся к тебе на всю жизнь? — спросил Валентин. — Разве это предательство, — обнаружить, что есть более важная цель, чем завтрашнее представление?

— Разбрасывание энергии заставляет меня избавиться от тебя. Я хочу, чтобы ты каждый день и каждый час думал о жонглировании, а не о том, когда ты отплывешь с пирса Долибор в паломничество.

— Никакого разбрасывания энергии не будет. Когда я жонглирую, я жонглирую. Когда мы доедем до Пилиплока, я уйду из труппы, но до тех пор...

— Хватит, — сказал Залзан Кавол. — Уходи. Иди сам в Пилиплок и плыви на Остров. Счастливого пути. Мне ты больше не нужен.

Скандар выглядел вполне серьезно.

Он тяжело повернулся и пошел прочь.

Валентин дрожал от напряжения и тревоги.

Мысль о том, чтобы сейчас идти в Пилиплок одному, приводила его в ужас.

Кроме того, он чувствовал себя частью труппы даже в большей степени, чем сам предполагал, членом сплоченной команды, от которой он теперь насильственно отрезан. Только не сейчас, не теперь, когда он мог оставаться с Карабеллой, со Слитом, со скандарами, которых он не любил, но уважал, продолжал совершенствоваться, одновременно двигаясь на восток, к странной судьбе, которую Делиамбер, похоже, выдумал для него.

— Подожди! — окликнул он скандара. — А как же закон?

Залзан Кавол оглянулся через плечо,

— Какой закон?

— Который требует, чтобы ты держал трех жонглеров-людей в своей труппе.

— Я найму на твое место погонщика, — ответил Залзан, — и научу его, хотя бы тому, чему он сможет.

Он двинулся дальше.

Валентин стоял как пришибленный.

Его разговор с Залзаном шел в рощице невысоких растений с золотыми листьями. Видимо, растения эти были психосентизаторами, потому что он заметил, как они свернули свои замысловатые листья во время ссоры и теперь сморщились и почернели на десять футов вокруг Валентина.

Он дотронулся до листка, безжизненного и как бы опаленного. Валентин был смущен, что стал виновником этой гибели.

— Что случилось? — спросил Шанамир.

Он внезапно появился и с изумлением смотрел на увядшие листья.

— Я слышал крики. Скандар...

— Он выгнал меня, — рассеянно сказал Валентин, — за то, что я спросил его, куда мы направляемся дальше, и что со временем намерен отправиться в паломничество на Остров и хотел бы знать, будет ли наша дорога соответствовать моей цели.

Шанамир разинул рот.

— Ты хочешь совершить паломничество? Никогда не думал!

— Я недавно решил.

— Ну, тогда мы пойдем вместе, — вскричал мальчик. — Верно? Пойдем, упакуем вещи, украдем пару животных у этих скандаров и сразу уедем.

— Ты так решил?

— Конечно.

— До Пилиплока много тысяч миль. Ни ты, ни я не знаем дороги.

— Почему? Вот смотри, мы идем в Кантор, там садимся на речное судно до Ни-Мойи, а оттуда вниз по Зимру берегом, а в Пилиплоке покупаем место на корабле пилигримов... Что-то не так, Валентин?

— Мое место с этим народом. Они учили меня ремеслу. Я...

Валентин смущенно замолчал. Кто он? Ученик жонглера или ссыльный Корональ?

Какова была его цель — путешествовать с этими грубыми скандарами, ну, и с Карабеллой и Слитом тоже, или воспользоваться ими, чтобы скорее попасть на Остров, а затем с помощью Леди в Горный Замок? Он сам запутался...

— Деньги? — сказал Шанамир. — Это тебя беспокоит? У тебя было больше пятидесяти реалов в Пидруде. Сколько-нибудь, наверное, осталось. У меня есть несколько крон. Если понадобится, ты можешь подработать жонглером на речном судне, а я могу ухаживать за животными...

— Куда это ты собираешься ехать? — спросила Карабелла.

Она неожиданно появилась рядом.

— Что случилось с этими скандарами? Здесь была ссора?

Валентин коротко рассказал ей о разговоре с Залзаном Каволом.

Она молча слушала, прижав руки к губам. Когда он закончил, она бросилась, как стрела, в том направлении, куда ушел Залзан Кавол, так и не сказав ни слова.

— Карабелла! — позвал Валентин, но она уже исчезла.

— Пусть бежит, — сказал Шанамир. — Мы можем уйти через полчаса, а к ночи будем уже далеко. Иди, складывай вещи, а я возьму двух животных и проведу их через лес к маленькому озеру, мимо которого мы ехали, а ты встретишь меня в роще капустных деревьев.

Шанамир нетерпеливо махал руками.

— Поторапливайся! Я пойду за животными, пока скандаров нет, а то они могут вернуться в любую минуту.

Шанамир исчез в лесу, а Валентин стоял неподвижно. Уйти так вот, сразу? А Карабелла. Даже не проститься? А Делиамбер? А Слит? Валентин пошел к фургону, чтобы собрать свое имущество, но остановился, неуверенно обрывая мертвые листья бедных растений-сеситивов, как будто бы мог, сломав увядшие стебли, тут же вызвать новый рост. По-

степенно он заставил себя увидеть светлую сторону дела. Останься он с жонглерами, он на долгое время отсрочил бы столкновение с реальностью. Если во всем, что начало возникать, есть какая-то истина, то Карабелла в любом случае не могла быть частью этой реальности. Итак, значит, ему надлежит отбросить все опасения и страх, и направиться в Пилиплок, а потом на корабль паломников. Иди, говорил он себе, шевелись, собирай вещи. Шанамир будет ждать с животными. Но двинуться с места не мог.

Прибежала раскрасневшаяся Карабелла.

— Все улажено, — сказала она, — я напустила на него Делиамбера. Ты знаешь разные его штучки — то одно, то другое — прикосновение щупальца, — обычное колдовство. Ну, и Залзан передумал. Или мы передумали за него.

Валентин даже испугался интенсивности чувства доверия.

— Я могу остаться?

— Да, если пойдешь к нему и попросишь прощения.

— За что?

— Это неважно.

Она усмехнулась.

— Он считает себя обиженным, но почему — одно божество знает? Его мех мокрый, нос холодный. Кто его знает? Он же скандар, у него довольно дикие представления о том, что можно требовать от человека. Ты разозлил его, вот он тебя и выгнал. Попроси его вежливо взять тебя обратно, и он возьмет. Иди...

— Но...

— Что? Теперь ты будешь злиться? Ты хочешь, чтобы тебя приняли, или нет?

— Конечно, хочу.

— Тогда иди.

Она потянула его за руку, чтобы сдвинуть с места, пока он стоял в нерешительности, но, видимо, вспомнила что-то, потому что выпустила руку и отступила, как бы готовая преклонить колени и сделать знак горящей звезды.

— Пожалуйста, — тихо сказала она, — пойди к нему, Валентин. Вдруг он опять передумает? Если ты уйдешь из труппы, я тоже уйду, а мне этого не хочется. Иди, прошу тебя.

— Хорошо, — сказал Валентин.

Она повела его из мокрой от тумана земле к фургону. Залзан Кавол угрюмо сидел на ступеньках, завернувшись в плащ.

Валентин подошел к нему и сказал:

— Я не хотел рассердить тебя. Я прошу простить меня.

Залзан издал низкий рычащий звук, почти за порогом слышимости.

— Ты мне надоел, — сказал он. — Почему я должен прощать тебя? Отныне будешь говорить со мной только тогда, когда я обращусь к тебе. Понял?

— Понял.

— И больше не пробуй влиять на наш выбор пути.

— Понял.

— Если ты снова разозлишь меня, ты будешь уволен без выходного пособия и уйдешь с моих глаз через десять минут, где бы мы ни находились, даже если мы раскинем лагерь в резервации метаморфов, и хоть среди ночи. Понял?

— Понял, — сказал Валентин.

Он думал, нужно ли ему наклониться и поцеловать волосатые пальцы скандара в знак повиновения. Карабелла, стоя рядом, затаила дыхание, как будто ждала какого-то взрыва со стороны власти Маджипура, выпрашивающей прощение у странствующего жонглера-скандара.

Залзан Кавол презрительно посмотрел на Валентина, как посмотрел бы на поданную ему рыбу сомнительной свежести, и кисло сказал:

— Я не обязан снабжать своих работников информацией, которая их не касается, но я скажу тебе, что Пилиплок — мой родной город, и я возвращаюсь туда время от времени, и намерен по возможности сделать это и теперь. Скоро ли — зависит от наших ангажементов. Но знай, что наша дорога лежит в основном на восток, хотя возможны отклонения, поскольку нам надо зарабатывать на жизнь. Надеюсь, ты доволен. Когда мы дойдем до Пилиплока, можешь уйти из труппы, если у тебя все еще будет намерение совершить паломничество. Но если ты будешь уговаривать кого-либо из членов труппы, кроме мальчишки-погонщика, я обращусь в суд при дворе Короналя и буду преследовать тебя судебным порядком. Понятно.

— Понятно, — сказал Валентин.

Он сомневался, что мог бы честно договориться со скандаром об этом пункте.

— И, наконец, — сказал Залзан, — прошу тебя помнить, что ты получаешь приличное количество крон в неделю, не считая расходов и премий за выступление в нашей труппе. Если я замечу, что ты забиваешь себе голову мыслями о паломничестве, о Леди и ее слугах, или еще о чем-то вместо того, чтобы думать о работе, я откажусь держать тебя. В последние несколько дней ты, кажется, не в состоянии хорошо работать, Валентин. Мне нужны в труппе три жонглера-человека, но не обязательно те, которые у меня сейчас. Понял?

— Понял.

— Ну, ступай.

Когда они отошли, Карабелла сказала:

— Тебе было все это очень неприятно?

— Так же, как и Залзану Каволу.

— Он просто волосатое животное.

— Нет, — сказал Валентин серьезно. — Он чувствующее существо, равное нам в гражданском отношении, и никогда не говори о нем иначе. Он только кажется животным.

Валентин засмеялся. Через минуту Карабелла засмеялась тоже. Он продолжал:

— Когда имеешь дело с существами, страшно чувствительными к вопросам чести и гордости, наверное, самое разумное — приспособиться к их нуждам, особенно, когда эти существа восьми футов ростом и платят вам жалование. В этом смысле Залзан мне больше нужен, чем я ему.

— А паломничество? Ты действительно хочешь его совершить? Когда ты решил это?

— В Долорне после разговора с Делиамбером. Есть кое-какие вопросы, мне нужны ответы, а помочь мне может только Леди Острова. Я пойду к ней, по крайней мере, попытаюсь. Но все это в будущем, и я обещал Залзану Каволу не думать об этом.

Он взял ее за руку.

— Спасибо, Карабелла, что уладила это дело. Я вовсе не был готов к увольнению из труппы и к разлуке с тобой, когда так недавно нашел тебя.

— А почему ты думаешь, что потерял бы меня?

Он улыбнулся.

— Спасибо тебе и за это тоже. А теперь мне надо пойти в рощу и сказать Шанамиру, чтобы он вернул животных, которых он украл для нас.

Глава 4

В следующие несколько дней ландшафт стал совершенно незнакомым, и Валентин еще раз порадовался, что они с Шанамиром не поехали одни.

Местность между Долорном и следующим большим городом Мазадоном была относительно мало населенной. Большую часть округи, по словам Делиамбера, занимал королевский лесной заповедник. Залзану Каволу это было непривычно, потому что жонглерам нет работы ни в лесных заповедниках, ни, что более важно, на низинной болотистой фермерской земле, засеянной в основном падди-рисом и плантациями зерен лусавендра. Но выбора не было, прихо-

дилось ехать по главному шоссе, поскольку ни к северу, ни к югу ничего более обещающего не было.

Они ехали почти все время под моросящим дождем через деревни и фермы, а иногда через посадки забавных толстоствольных капустных деревьев, низких, с массивными белыми площадками, растущими прямо из коры. Но ближе к мазадонскому лесному заповеднику капустные деревья уступали место густым зарослям поющих папоротников с желтыми вайями, которые издавали пронзительные нестройные звуки, когда к ним приближались. Это было бы еще не так скверно — немелодичная песня папоротника имела некоторое очарование, как думал Валентин, но в глубине папоротников жили надоедливые существа, куда более неприятные, чем растения — маленькие зубчатокрылые грызуны даймы, взлетавшие вверх всякий раз, когда фургон задевал за поющий папоротник. Даймы были с мизинец длиной и покрыты красивым золотым мехом. Они взлетали в огромном количестве и вились роем, время от времени кусаясь крошечными, но эффективными зубками.

Толстокожие, покрытые мехом скандары, сидевшие впереди на водительском месте, не обращали на них внимания, только отмахивались, когда те подбирались слишком близко, но обычно спокойная упряжка животных раздражалась и несколько раз сбивалась с хода. Шанамир, посланный успокоить животных, получил с полдюжины болезненных укусов, а когда возвращался обратно, с ним вместе влетело множество даймов. Слита укусили в щеку, возле глаза, а у Валентина, сразу же атакованного разозленными созданиями, оказались искусанными все руки.

Карабелла методично уничтожала даймов стилетом, используя жонглерское искусство. Она действовала целеустремленно и ловко, но прошло по крайней мере полчаса, пока она убила всех.

Проехав территорию даймов и поющих кустарников, путешественники вошли в район весьма любопытного вида: широкие открытые луга, на которых торчали сотни черных гранитных игл высотой футов восемьдесят — естественных обелисков, оставленных каким-то неизвестным геологическим событием. Для Валентина это было место тихой красоты, для Залзана Кавола — еще одно место, через которое надо быстро проехать, чтобы попасть на следующий фестиваль, где могли нанять жонглеров, для Делиамбера это место было угрожающим. Вруон наклонился, внимательно вглядываясь в обелиски через окно фургона.

— Остановись, — сказал он наконец Залзану.

— В чем дело?

— Я хочу кое-что проверить. Выпусти меня.

Залзан Кавол, нетерпеливо ворча, натянул поводья. Делиамбер вылез из фургона, пошел скользящей вруонской походкой к странным каменным формациям и исчез среди них, время от времени появляясь на сцене, когда зигзагами переходил от одного шпиля к другому.

Вернулся он хмурым и озабоченным.

— Посмотрите, — сказал он и указал вперед.

— Видите лианы, протянутые от одного камня к другому, а от другого к третьему, и так далее? По ним ползают какие-то маленькие существа.

Валентин различил только сетку из тонких блестящих красных линий высоко на шпилях, футах в сорока или пятидесяти над землей. Да, верно, с полдюжины обезьяноподобных животных переходили, как акробаты, от обелиска к обелиску, свободно повиснув на руках и ногах.

— Это похоже на сеть птицеядной лианы, — недоуменно сказал Залзан Кавол.

— Это она и есть, — сказал Делиамбер.

— А почему они не прилипли к ней? Что это за животина?

— Это лесные братья, — ответил вруон. — Ты знаешь о них?

— Расскажи.

— Беспокойное, дикое племя родом из центрального Зимрола, их редко встретишь так далеко к западу. Метаморфы охотятся на них — то ли для еды, то ли ради спорта, точно не знаю. У них есть разум, но низшего порядка, несколько выше, чем у собак и дролей, но ниже, чем у цивилизованного народа. Их боги — двикка-деревья. У них нечто вроде племенной структуры, они умеют делать отравленные стрелы и причиняют неприятности путникам. Их пот содержит энзим, делающий их невосприимчивыми к липкости птицеядной лианы, и они пользуются лианами для своих целей.

— Если они станут надоедать нам, — сказал Залзан, — мы уничтожим их. Поехали!

Миновав район обелисков, путешественники в этот день больше не видели следов лесных братьев. На следующий день, углубившись в лесной заповедник, они дошли до рощи поистине колоссальных деревьев.

Вруонский колдун сказал, что это и есть двикка-деревья, священные для лесных братьев.

— Это объясняет присутствие лесных братьев так недалеко от территории метаморфов, — сказал Делиамбер. — Видимо это мигрирующая группа, идущая на запад.

Двикка-деревья были потрясающими.

Их было пять, и они стояли далеко в стороне от других деревьев. Диаметр ствола с ярко-красной корой был больше, чем продольные оси фургона.

Хотя деревья были не особенно высокими — не более ста футов — их мощные ветви, каждая толщиной в ствол обычного дерева, тянулись на такое расстояние, что под ними могли укрыться целые армии. На побегах толщиной с бедро скандара росли листья, черные, кожистые, с дом величиной. Они тяжело свисали вниз, бросая непроницаемую тьму. На каждой ветви висели по два-три гигантских желтоватых плода в виде неправильных шаров двенадцати-пятнадцати футов в ширину. Один плод, похоже, недавно упал, вероятно в дождливый день, когда земля была мягкой, и своим весом продавил ее, так что лежал теперь в неглубоком кратере. Он треснул, и в массе алой мякоти было множество крупных многогранных черных семян.

Валентин понимал, почему эти деревья были богами лесных братьев: они были монархами растительного царства, величественными, повелевающими. Он и сам склонен был опуститься на колени перед ними.

— Плод очень вкусный, — сказал Делиамбер, — и безвреден как для человека, так и для многих других.

— А для скандаров? — спросил Залзан.

— И для скандаров.

Залзан Кавол засмеялся.

— Попробуем. Ирфоп, Тилкар, соберите нам этих фруктов.

Делиамбер нервно сказал:

— Талисманы лесных братьев лежали в земле перед каждым деревом. Лесные братья были здесь недавно и могут вернуться. Если они обнаружат, что мы оскверняем рощу, они нападут на нас, а их стрелы смертельны.

— Слит, Карабелла, встаньте слева на страже. Валентин, Шанамир, Виноркис — с другой стороны, крикните, если увидите одну из этих обезьян, — приказал Залзан Кавол.

Он махнул своим братьям.

— Собирайте плоды. Херн, мы с тобой будем охранять отсюда. Колдун, останься с нами.

Залзан Кавол взял со стойки пару энергометов и дал один Херну.

Делиамбер неодобрительно пробормотал:

— Они приходят, как призраки, появляются неожиданно...

— Заткнись! — сказал Залзан.

Валентин занял наблюдательный пост в пятидесяти ярдах от фургона и внимательно смотрел за последним двикка-деревом в темном таинственном лесу. В любую минуту он мог ждать смертельную стрелу.

Ощущение было не из приятных. Ирфон и Тилкар с большой плетеной корзиной подходили к упавшему плоду, останавливаясь через каждые несколько шагов и оглядываясь по сторонам. Дойдя до плода, они осторожно обошли его кругом.

— Что, если лесные братья уже сидят позади этой штуковины? — сказал Шанамир. — Вдруг Тилкар наткнется на них...

Откуда-то рядом с плодом вырвалось ужасное восклицание и рев, как от оскорбленного биддака, которому чем-то помешали. Ирфон Кавол испуганно отскочил назад и бросился к фургону, а следом за ним — столь же перепуганный Тилкар.

— Скоты! — кричал яростный голос. — Свиньи и отцы свиней! Вы хотели изнасиловать женщину, спокойно обедавшую? Я научу вас, как нападать! Я вас так отмечу, что вы никогда больше не захотите насиловать! Оставайтесь на месте, волосатые звери! Стойте, говорю!

Из-за плода двикка вышла самая громадная женщина, какую Валентин когда-либо видел. Она было под пару этим деревьям и отлично соответствовала их масштабу.

Рост ее был не менее семи футов, а гигантское тело представляло гору плоти на крепких, как столбы, ногах. Одета она была в плотную блузу и серые кожаные брюки. Блуза была расстегнута почти до талии и обнажала громадные шары грудей размером с голову мужчины. На голове у нее была копна оранжевых кудрей, пронзительно-голубые глаза сверкали. Она держала в руке внушительных размеров вибрационный меч и размахивала им с такой силой, что Валентин, стоя в сотне футов, чувствовал движение ветра. Ее щеки и груди были выпачканы алым соком плода двикка.

Она шла громадными шагами к фургону, вопя о насилии и требуя мести.

— Кто это? — спросил Залзан Кавол.

Валентин еще ни разу не видел его таким растерянным. Он посмотрел на братьев.

— Что вы ей сделали?

— Мы не коснулись ее, — сказал Ирфон. — Мы смотрели, нет ли лесных братьев, Тилкар неожиданно наткнулся на нее, споткнулся и схватился за ее руку, чтобы удержаться на ногах.

— Ты сказал, что вы не коснулись ее, — рявкнул Залзан Кавол.

— Не коснулись в том смысле. Это была просто случайность. Он споткнулся.

— Сделай что-нибудь, — быстро сказал Залзан, обращаясь к Делиамберу, потому что великанша была уже рядом.

Вруон, выглядевший бледным и угрюмым, встал перед фургоном и поднял щупальца к явлению, возвышавшемуся над ним.

— Мир, — спокойно сказал он великанше. — Мы не хотим сделать тебе зла.

Говоря это, он делал магические жесты, вызывая пацифистские чары, что выражалось слабым синеватым светом в воздухе перед ним. Громадная женщина, видимо, восприняла их, потому что остановилась в двух-трех футах от фургона. Она угрюмо опустила вибрационный меч, затем подтянула блузу спереди и кое-как застегнула ее. Оглядев скандаров, она указала на Ирфона и Тилкара и сказала громовым голосом:

— Что вы собирались со мной сделать?

Делиамбер ответил:

— Они просто пошли за плодами двикка-дерева. Видишь корзину, которая у них в руках?

— Мы же не знали, что ты там, — промямлил Тилкар. — Мы обходили плод, чтобы проверить, нет ли там лесных братьев, вот и все.

— И навалились на меня как придурки, и изнасиловали бы, если бы я была безоружной, так?

— Я оступился, — настаивал Тилкар. — У меня не было намерения приставать к тебе. Я боялся лесных братьев, а когда встретился с особой таких размеров...

— Что? Ты опять оскорбляешь меня?

Тилкар глубоко вздохнул.

— Я хочу сказать... я не ожидал... когда я... когда ты...

— Мы не думали, — сказал Ирфон.

Валентин, с интересом наблюдавший за этой сценой, вышел вперед и сказал:

— Если бы они замышляли изнасилование, разве стали бы они делать это при нас? Мы тут одной с тобой расы и не потерпели бы этого.

Он указал на Карабеллу.

— Эта женщина также свирепа в своих обычаях, как и ты в своих, миледи. Будь уверена, что если бы эти скандары попытались нанести тебе какое-то оскорбление она бы не допустила этого. Это было просто недоразумение, только и всего. Опусти свое оружие и чувствуй себя в безопасности.

Великаншу, видимо, смягчили вежливость и шарм Валентина. Она медленно укрепила оружие на бедре.

— Кто ты? — ворчливо спросила она. — И зачем вы пришли сюда?

— Меня зовут Валентин, и мы странствующие жонглеры, а этот скандар — Залзан Кавол хозяин нашей труппы.

— Я — Лизамон Холтен, — отрекомендовалась гигантша, — я нанимаюсь телохранительницей и воином, хотя в последнее время это случается редко.

— Мы тратим время, — сказал Залзан. — Мы поедем дальше, если ты простила нас.

Лизамон Холтен энергично кивнула.

— Продолжайте свой путь. Но вы знаете, что это опасная территория?

— Лесные братья? — спросил Валентин.

— Да. Они повсюду. Леса кишат ими.

— А ты не боишься их? — спросил Делиамбер.

— Я говорю на их языке, — ответила Лизамон, — и у меня честный договор с ними. Не думаешь ли ты, что иначе я рискнула бы чавкать над плодом двикка? Может, я и жирная, но не глупая, маленький колдун.

Она уставилась на Залзана Кавола.

— Куда вы едете?

— В Мазадон, — ответил скандар.

— В Мазадон? — что вам там делать?

— Мы надеемся получить там работу.

— Ничего вы там не получите. Я только что из Мазадона. Герцог недавно умер и во всей провинции объявлен трехдневный траур. Может, вы будете жонглировать на похоронах?

Лицо Залзана Кавола потемнело.

— Нет работы в Мазадоне? Нет во всей провинции? А мы так стремились туда! Мы и так без заработка с самого Долорна. Что будем делать?

Лизамон выплюнула кусок мякоти плода.

— Это уже не моя печаль. Но вы в любом случае не попадете в Мазадон.

— Это почему?

— Лесные братья блокировали дорогу в пяти милях отсюда. Они требуют с проезжающих дань или что-то такое же абсурдное. Они не пропустят вас. Хорошо, если не убьют сразу.

— Пропустят! — воскликнул Залзан.

Женщина-воин пожала плечами.

— Без меня не пропустят.

— А ты здесь при чем?

— Я же тебе сказала, что говорю на их языке. Я могу купить вам проход. Интересуешься? Пяти реалов хватит.

— А зачем лесным братьям деньги? — спросил скандар.

— Не им, — беззаботно ответила она. — Пять реалов для меня. А я им предложу другие вещи. Договорились?

— Абсурд. Пять реалов — это целое состояние.

— Я не торгуюсь, — твердо сказала она. — Честь моей профессии не позволяет этого. Удачи тебе в пути.

Она холодно оглядела Ирфона и Тилкара.

— Если хотите, можете взять с собой немного плодов двикка. Но лучше не жуйте их, когда встретитесь с лесными братьями.

Она повернулась с большим достоинством и пошла к большому плоду под деревом.

Подняв меч, она отрубила три больших куска и презрительно толкнула их к двум скандарам, которые смущенно положили их в корзину.

— Все в фургон! — сказал Залзан Кавол. — До Мазадона долгий путь.

— Далеко не уедешь, — сказала Лизамон. Она захохотала. — Ты скоро вернешься сюда, если останешься жив!

Глава 5

Отравленные стрелы лесных братьев весьма заботили Валентина на протяжении следующих нескольких миль. Неожиданная и страшная смерть не привлекала его, а лес был густым и таинственным, с какой-то первобытной растительностью: папоротниковые деревья с серебряными споровыми ножками, стеклянного вида конские хвосты в десять футов высотой, усаженные кучами грибов, бледных, с коричневыми впадинами. В таком странном месте могло случиться что угодно, и скорее всего, случится.

Но сок плода двикка сильно снижал напряженность. Винорикс разрезал громадный кусок на ломтики и передавал их по кругу. Плод был исключительно сладким и зернистым, таял во рту, и какие-то алкалоиды, содержавшиеся в нем, проникали через кровь в мозг быстрее самого крепкого вина. Валентин почувствовал тепло и веселость. Он вернулся в пассажирскую кабину, одной рукой обнял Карабеллу, а другой Шанамира. Впереди Залзан Кавол расслабился явно больше, чем следовало, и шел рядом с фургоном веселым шагом, отбросив свою обычную суровую осторожность. Даже замкнутый Слит стал напевать песенку.

Вдруг фургон остановился так неожиданно, что Слит ткнулся вперед и чуть не упал на Валентина. А кусок плода шлепнулся Валентину в лицо. Смеясь и моргая, Валентин вытер лицо и увидел, что все собрались в передней части

фургона и что-то разглядывают между сидевшими на водительском месте скандарами.

— Что там? — спросил он.

— Птицеядная лиана, — печально сказал Винорикс, — блокирует дорогу. Великанша сказала правду.

Действительно, толстая крепкая красная лиана тянулась от одного папоротникового дерева к другому под десятком углов, образуя прочную и упругую сетку, широкую и толстую. Лес по краям дороги был здесь абсолютно непроходимым, а дорога перегорожена лианой. Фургон пройти не мог.

— А разрезать ее можно? — спросил Валентин.

Залзан Кавол ответил:

— Мы сделали бы это энергометами за пять минут. Но посмотри.

— Лесные братья, — тихо сказала Карабелла.

Они были повсюду, толпились в лесу, свисали с каждого дерева, хотя держались на расстоянии примерно ста ярдов от фургона. Вблизи они казались менее похожими на обезьян, а больше на дикарей разумной расы. Это были маленькие голые существа с голубовато-серой кожей и тонкими членами. Узкие вытянутые головы не имели волос, лбы были скошены, удлиненные шеи тонкие и хрупкие, худые костлявые тела — с вдавленной грудью. И у мужчин, и у женщин свисали с бедра тростниковые трубки для метания стрел. Лесные братья указывали на фургон и переговаривались слегка шипящими и свистящими звуками.

— Что будем делать? — спросил Залзан Кавол у Делиамбера?

— Надо нанять женщину-воина.

— Никогда!

— В таком случае, — сказал вруон, — готовься сидеть в фургоне до конца дней, или вернемся в Долорн и поищем другую дорогу.

— Мы могли бы договориться с ними, — сказал скандар. — Иди туда, колдун. Поговори с ними хоть на обезьяньем языке, или на вруонском, — лишь бы сработало. Скажи им, что у нас важное дело в Мазадоне, что мы должны дать представление на похоронах герцога и, если они нас задержат, их строго накажут.

— Скажи это сам, — спокойно ответил Делиамбер.

— Я?

— Любой из нас, выйдя из фургона, рискует получить стрелу. Я уступаю эту честь тебе. Может, их пленят твои размеры, и они будут приветствовать тебя как своего Короля, но смотри — не ошибись.

Залзан Кавол сверкнул глазами.

— Ты отказываешься?

— Мертвый колдун, — сказал Делиамбер, — вряд ли пригодится тебе в качестве проводника. Я кое-что знаю об этих созданиях. Они непредсказуемы и весьма опасны. В нашем контракте не сказано, что я должен рисковать жизнью ради тебя.

Залзан негодующе фыркнул, но закрыл дверцу фургона.

Положение стало безвыходным. Лесные братья начали спускаться с деревьев, но оставались на почтительном расстоянии от фургона. Некоторые прыгали и плясали на дороге и хрипели без слов и мелодии. Это пение напоминало жужжание громадных насекомых.

Ирфон Кавол сказал:

— Дать по ним из энергомета и разбросать их. Сеть сжечь недолго. А затем...

— А затем они пойдут за нами через лес и забросают нас стрелами, как только мы высунем нос, — сказал Залзан. — Нет. Их тут, наверное, тысячи. Они нас видят, а мы их нет. Силой мы ничего с ними не сделаем.

Скандар угрюмо доедал последний кусок плода. Несколько минут он сидел молча, хмурился, время от времени грозил кулаком маленьким существам, блокировавшим дорогу, и наконец с горечью сказал:

— До Мазадона еще несколько дней пути, а та женщина сказала, что работы там нет. Может, поедем в Бургкас или даже в Тагобар, колдун? Конечно, пройдут недели, прежде чем мы заработаем пару крон, но и здесь мы сидим, пойманные в ловушку маленькими обезьянами с отравленными стрелами. Валентин!

— Да? — отозвался Валентин, вздрогнув.

— Я хочу, чтобы ты выскользнул из фургона через заднее окно и вернулся к той женщине-воину. Предложи ей три реала, чтобы она вывела нас отсюда.

— Ты это серьезно? — спросил Валентин.

Карабелла, чуть задыхаясь сказала:

— Нет! Вместо него пойду я!

— Это еще что? — раздраженно спросил Залзан Кавол.

— Валентин легко заблудится, он не найдет...

— Вздор, — сказал скандар.

Он неторопливо махнул рукой.

— Дорога прямая. Валентин силен и проворен. И это опасное дело. Твой талант слишком ценен, чтобы рисковать им, Карабелла. Пойдет Валентин.

— Не ходи, — прошептал Шанамир.

Валентин колебался. Ему не очень нравилась идея оставить относительную безопасность фургона и идти пешком одному по лесу, кишащему опасными существами.

Но кто-то должен был это сделать — не медлительные, тяжеловесные скандары, не косолапый хорт. Для Залзана Валентин был самым малоценным членом труппы. Наверное, так оно и есть. Скорей всего, он и для себя не представляет ценности. Валентин сказал:

— Женщина-воин назвала цену в пять реалов.

— Предложи ей три.

— А если она откажется? Она же сказала, что торговаться ниже ее достоинства.

— Три, — сказал Залзан. — Пять реалов — огромная сумма. Заплатить три — и так достаточно глупо.

— Ты хочешь, чтобы я бежал несколько миль по опасному лесу и предложил человеку неподходящую цену за работу, которая нам необходима?

— Ты отказываешься?

— Нашел дурака, — сказал Валентин. — Если я рискую жизнью, то ради достижения цели. Дай мне пять реалов для этой женщины.

— Приведи ее сюда, — сказал Залзан Кавол, — и я с ней поговорю.

— Приведи сам, — ответил Валентин.

Залзан Кавол задумался. Карабелла, напряженная и бледная, качала головой.

Слит взглядом советовал Валентину держаться своей позиции. Шанамир, раскрасневшись и дрожа, казалось, готов был взорваться от злости. Валентин подумал, что на этот раз слишком сильно задел вспыльчивый характер скандара.

Мех Залзана топорщился, спазмы ярости сжимали могучие мышцы. Он, похоже, с великим трудом сдерживал себя.

Без сомнения, демонстрация независимости Валентина довела скандара почти до точки кипения, но в его глазах была искра расчета, словно он взвешивал открытый вызов Валентина и необходимость иметь у себя на службе такого человека. Может быть, он даже спрашивал себя, не глупо ли сейчас экономить.

После долгого тяжелого молчания Залзан с шипением вздохнул и хмуро полез за кошельком. Он мрачно отсчитал пять блестящих монет по одному реалу.

— Вот, — проворчал он. — Торопись.

— Я пойду быстро, как смогу.

— Бежать трудно, — сказал Залзан Кавол. — Может быть, выйдешь на дорогу и спросишь лесных братьев, нельзя ли

выпрячь одного из наших животных? Тогда поедешь с комфортом.

— Лучше я побегу, — сказал Валентин.

Он начал открывать заднее окно.

Плечи его зудели в ожидании удара стрелы, когда он вылезал. Но удара не последовало, и скоро он уже легко бежал по дороге. Лес, который выглядел так зловеще из фургона, сейчас казался менее страшным, растительность была незнакомой, но вроде не угрожающей. Его длинные ноги двигались размеренно, сердце работало без перебоев.

Бег расслаблял, почти гипнотизировал, как жонглирование.

Он бежал долго, не считая времени и расстояния, пока не подумал, что отбежал уже достаточно далеко. Но не пробежал ли он мимо деревьев двикка? Не свернул ли он с дороги? Нет, вряд ли. Он снова бежал, пока не увидел гигантские деревья с упавшими у самого ствола плодами.

Великанши нигде не было. Он окликал ее, заглядывал за плоды двикка, обошел всю рощу. Нигде никого. В отчаянии он решил бежать дальше, к Долорну, и, может быть, найти ее там, но теперь он почувствовал, как протестуют мышцы ног, как сильно стучит сердце. Нет, сейчас он не может бежать.

Тут он увидел неподалеку, в нескольких сотнях ярдов холм, — что-то крупное, с широкой спиной и толстыми ногами — вполне подходящий холм, чтобы назвать его Лизамон Холтен. Он пошел туда.

Почва резко понижалась к иззубренному утесу. Валентин заглянул через него.

Из леса бежал ручей и, ударяясь об утес, падал в каменный бассейн футах в сорока внизу. Рядом с этим бассейном лежала, греясь после купания, Лизамон Холтен. Она лежала вниз лицом, ее меч лежал рядом.

Валентин с почтением посмотрел на ее широкие мускулистые плечи, мощные руки, массивные колонны ног, обширные полушария зада.

Он окликнул ее. Она тут же перевернулась и села, оглядываясь вокруг.

— Я наверху, — сказал он.

Она посмотрела наверх, и он скромно отвернулся, но она только посмеялась над этим, встала и неторопливо оделась.

— Это ты, — сказала она вежливо, — Валентин. Можешь спуститься сюда. Я тебя не боюсь.

— Я знаю, что ты не любишь, когда мешают твоему отдыху, — мягко сказал Валентин.

Он спустился по каменным ступеням.

Когда он был рядом, она уже была в брюках и натягивала блузу на мощные груди.

— Мы попали в засаду, — сказал он.

— Ясное дело.

— Нам нужно в Мазадон. Скандар послал меня нанять тебя.

Он протянул пять реалов.

— Ты поможешь нам?

Она посмотрела на блестящие монеты на его ладони.

— Цена семь с половиной.

— Ты же говорила пять.

— То было раньше.

— Скандар дал мне только пять, чтобы заплатить тебе.

Она пожала плечами и начала расстегивать блузу.

— В таком случае, я буду продолжать принимать солнечную ванну. Можешь остаться или уходить, как хочешь, но держись на расстоянии.

Валентин спокойно сказал:

— Когда скандар пытался сбить цену, ты отказалась торговаться, сказав, что честь твоей профессии не позволяет этого. Мои понятия о чести требуют, чтобы я держался цены, которую запросил.

Она поднесла руки к губам и захохотала так оглушительно, что он опасался, как бы его не отнесло прочь. Рядом с ней он чувствовал себя игрушкой: ее вес превосходил его больше чем на сто фунтов, а ростом она была по крайней мере на голову выше.

— Какой ты храбрый или какой глупый! Я могу уничтожить тебя одним шлепком, а ты стоишь тут и распространяешься насчет недостатка чести?

— Я не думаю, что ты повредишь мне.

Она с новым интересом посмотрела на него.

— Может, и нет. Но ты рискуешь, парень. Я легко обижаюсь и иногда, если дам волю своему характеру, приношу ущерба больше, чем намеревалась.

— Давай сделаем так. Нам надо в Мазадон, а отозвать лесных братьев можешь только ты. Скандар заплатит пять реалов, но не больше.

Валентин положил пять монет на камень и поклонился.

— У меня есть немного своих денег, и я добавлю их к твоему гонорару.

Он достал кошелек, вынул из него один реал, второй, полреала, положил их рядом с пятью на камень и с надеждой поднял глаза на Лизамон.

— Пяти будет достаточно, — сказала она.

Она взяла монеты Залзана Кавола, оставив деньги Валентина и стала подниматься по тропе.

— Где твое животное? — спросила она, отвязав свое.

— Я пришел пешком.

— Пешком? Ты бежал всю дорогу?

Она уставилась на него.

— Ты очень честный работник! Видимо он хорошо платит тебе, если ты соглашаешься на такое дело и так рискуешь?

— Нет, не слишком.

— Конечно, так я и думала, ну, ладно, садись позади меня. Эта скотина даже и не заметит увеличения веса.

Она села на животное. Оно, хотя и было рослым для своей породы, стало сразу же казаться карликом. Валентин после некоторого колебания сел позади Лизамон и обхватил ее за талию. При всем ее объеме в ней совершенно не было жира: ее бедра были мускулисты и крепки.

Животное легким галопом вышло из рощи и побежало по дороге. Фургон, когда они доехали до него, был все еще плотно закрыт, а лесные братья плясали вокруг деревьев позади блокады.

Они спешились. Лизамон бесстрастно подошла к фургону и окликнула кого-то из лесных братьев дребезжащим голосом. С деревьев донесся такой же ответ.

Она снова окликнула. Ей снова ответили.

Затем последовало лихорадочное совещание с короткими увещеваниями и возражениями. Она повернулась к Валентину.

— Они откроют вам ворота, но за плату.

— Сколько?

— Не деньгами — услугой.

— Какую услугу мы можем оказать лесным братьям?

— Я сказала им, что вы жонглеры и объяснила, что это значит. Вы должны дать им представление, и тогда они вас пропустят. В противном случае они намерены убить вас и играть вашими костями, но не сегодня, потому что сегодня у лесных братьев праздник, а в этот день они не убивают. Я советую вам выступить для них, но это должны решить вы сами.

Затем она добавила:

— Яд, которым они пользуются, действует не очень быстро.

Глава 6

Залзан Кавол пришел в негодование: выступать перед обезьянами, да еще бесплатно? Но Делиамбер сказал ему,

что лесные братья все-таки выше по шкале эволюции. Слит заметил, что они сегодня не практиковались, и тренировка им необходима, а Ирфон Кавол решил вопрос, сказав, что это не свободное представление, а плата за проход через часть леса, которой управляют эти существа. В любом случае выбора у них не было.

Так что они вышли из фургона с дубинками и серпами, но без факелов, поскольку Делиамбер предупредил, что факелы могут напугать лесных братьев и подвигнуть их на непредсказуемые действия. Они нашли хорошо расчищенное место и начали жонглировать.

Лесные братья жадно следили за ними. Сотни и сотни выходили из леса, усаживались на корточки вдоль дороги, кусали пальцы и тонкие гибкие хвосты и переговаривались. Скандары обменивались серпами, ножами, дубинками и топориками, Валентин поодаль крутил дубинки, Слит и Карабелла выступали отлично и элегантно.

Прошел час, другой, солнце начало клониться в сторону Пидруда, а лесные братья все смотрели, а жонглеры работали, но сеть все еще перегораживала дорогу.

— Мы должны работать всю ночь? — спросил Залзан Кавол.

— Молчи, — сказал Делиамбер. — Не оскорбляй их. Наши жизни в их руках.

Жонглеры воспользовались случаем, чтобы отрепетировать новые трюки. Скандары оттачивали количество перехватов, выхватывая броски друг у друга, и это выглядело комично из-за их размеров и силы. Валентин работал со Слитом и Карабеллой в обмене дубинками. Затем Слит стал быстро перебрасываться с Валентином, в то время как сначала Карабелла, а потом Шанамир бесстрашно кувыркались между ними. Они работали уже три часа.

— Эти лесные братья получили от нас представление на пять реалов, — ворчал Залзан. — Когда этому будет конец?

— Вы очень ловко жонглируете, — заметила великанша. — Они очень довольны, и я тоже.

— Хорошо тебе радоваться, — сказал сухо Залзан Кавол.

Наступали сумерки. Видимо, приход темноты изменил настроение лесных братьев, потому что они вдруг потеряли интерес к представлению. Пятеро из них вышли вперед и стали обрывать сеть. Их маленькие с острыми пальцами руки легко справлялись с лианами, хотя любой другой безнадежно запутался бы в них. Не прошло и пяти минут, как путь был свободен, а лесные братья растаяли в темноте леса.

— У вас есть вино? — спросила великанша.

Жонглеры в это время собрали свой инвентарь и приготовились к отъезду.

— Наблюдение за вашим представлением вызвало у меня страшную жажду.

Залзан Кавол начал было жаловаться, что запасов остается мало, но он опоздал: Карабелла, остро взглянув на хозяина, достала флягу. Женщина-воин опрокинула ее и осушила одним хорошим глотком.

Она вытерла губы рукавом и рыгнула.

— Неплохое, — сказала она. — Долорнское?

— Эти гейроги хоть и змеи, а в выпивке понимают толк. В Мазадоне вы такого не найдете.

Залзан Кавол спросил:

— Ты говорила — траур три недели?

— Не меньше. Желтые траурные полотнища на всех дверях.

— Каким образом умер герцог? — спросил Слит.

Великанша пожала плечами.

— Одни говорят, что его напугало до смерти послание Короля, другие — что он подавился полупрожаренным мясом, а другие — что он перетрудился с тремя наложницами. Да и какое кому дело? Он умер, об этом спорить не приходится, а все остальное — мелочи.

— И работы там не будет? — сказал Залзан Кавол.

— Нет ничего до Тагобара и дальше.

— Столько времени без заработка, — пробормотал скандар.

— Да, тебе не повезло, — сказала великанша. — Но я знаю, где вы найдете хороший заработок: как раз за Тагобаром.

— Да, — сказал Залзан Кавол, — в Канторе, я полагаю.

— В Канторе? Нет, там сейчас голодное время. Этим летом у них был плохой урожай, торговцы прижали кредит, и вряд ли там есть деньги, чтобы тратить их на представления. Нет, я говорю об Илиривойне.

— Что? — вскричал Слит, как пораженный стрелой.

Валентин пытался вспомнить, о чем речь, и спросил Карабеллу:

— Где это?

— Это юго-восточная часть Кантора.

— Но юго-восток Кантора — территория метаморфов.

— Именно.

Тяжелые черты Залзана Кавола оживились.

— Какую работу мы там можем получить?

— В следующем месяце у Изменяющих Форму фестиваль, — ответила Холтен.

— Там будут танцы урожая, всяческие состязания и празднества. Я слышала, что иногда труппы из имперских провинций приходят в резервацию и во время фестиваля зарабатывают хорошие деньги. Изменяющие Форму легко смотрят на имперские деньги и быстро тратят их.

— Действительно? — спросил Залзан Кавол.

Холодный свет жадности играл на его лице.

— Я тоже слышал об этом, только очень давно. Но мне никогда не случалось проверить, так ли это.

— Проверяй без меня! — вдруг закричал Слит.

Скандар взглянул на него.

— Что?

Слит выглядел страшно напряженным, как будто весь вечер жонглировал вслепую. Губы его побледнели, глаза неестественно светились.

— Если ты пойдешь в Илиривойн, — сказал он, — я ухожу.

— А я напомню тебе о нашем контракте, — сказал Залзан Кавол.

— Это не имеет значения. Никто не заставит меня идти с тобой на территорию метаморфов. Имперские законы там не имеют силы, и наш контракт аннулируется, как только мы войдем в резервацию. Я не люблю Изменяющих Форму и отказываюсь рисковать жизнью и душой в их провинции.

— Мы поговорим об этом позднее, Слит.

— Мой ответ будет таким же.

Залзан Кавол оглядел всех.

— Хватит. Мы потеряли много времени. Спасибо тебе за помощь, — холодно обратился он к великанше.

— Желаю тебе выгодной поездки, — сказала она.

Она отправилась в лес.

Поскольку они потеряли много времени из-за блокирования дороги, Залзан Кавол решил, вопреки обычной практике, ехать ночью. Валентин, полностью выдохшийся от бега и жонглирования и чувствовавший себя, как в тумане, от фруктов двикка, уснул, сидя в задней части фургона, и проспал до самого утра. Едва проснувшись, он услышал ожесточенный спор насчет путешествия на территорию метаморфов. Делиамбер уверял, что слухи об опасности сильно преувеличены, Карабелла заметила, что Залзан Кавол предъявит иск Слиту, если тот откажется выполнить условия контракта, а Слит настаивал с почти истерической убежденностью, что он боится метаморфов и не подойдет к ним ближе, чем на тысячу миль. Шанамир и Виноркис тоже выражали страх перед Изменяющими Форму и говорили, что они угрюмы, лживы и опасны.

Окончательно проснувшись, Валентин обнаружил, что его голова покоится на коленях Карабеллы. В фургон лился яркий солнечный свет. Они стояли в каком-то большом приятном парке с широкими серо-голубыми деревьями. Все было окружено низкими округлыми холмами.

— Где мы? — спросил Валентин.

— В окрестностях Мазадона. Скандар гнал, как сумасшедший, всю ночь, — ответила Карабелла.

Она рассмеялась.

— А ты спал, как убитый.

Снаружи в нескольких ярдах от фургона Залзан Кавол и Слит затеяли жаркий спор.

Маленький беловолосый человек, казалось распух от ярости. Он ходил взад и вперед, бил кулаками, кричал, топал ногами, один раз чуть не бросился на скандара, который, как ни странно, был спокоен и терпелив. Он стоял, сложив все четыре руки, смотрел сверху вниз на Слита и лишь изредка бросал холодную реплику.

Карабелла повернулась к Делиамберу.

— Это продолжается уже слишком долго, колдун. Ты не можешь вмешаться, чтобы Слит не сказал чего-нибудь по-настоящему грубого?

Вруон выглядел меланхолично.

— Ужас Слита перед метаморфами переходит границы разумного. Может быть, это связано с посланием Короля, которое он когда-то получил в Нарабале, когда его волосы поседели за одну ночь, а может, и нет. В любом случае для него разумнее всего уйти из труппы, каковы бы ни были последствия.

— Но он нам нужен!

— А если он думает, что в Илиривойне его ждут страшные вещи, можем ли мы просить его превозмочь страх?

— Может быть, я смогу успокоить его? — сказал Валентин.

Он встал, но как раз в эту минуту в фургон влетел Слит с темным, застывшим лицом. Не говоря ни слова, маленький жонглер начал кидать в мешок свое имущество, а затем выскочил из фургона и пошел к холмам на север, по-прежнему разъяренный, не обращая внимания на Залзана Кавола.

Все растерянно следили за ним. Никто не сделал попытки догнать его, пока он не скрылся из виду. Тогда Карабелла сказала:

— Я пойду за ним. Я уговорю его.

Она побежала к холмам.

Залзан Кавол окликнул ее, но она не ответила. Скандар, покачав головой, вызвал всех из фургона.

— Куда она пошла? — спросил он.

— Она попытается привести Слита обратно, — сказал Валентин.

— Это бесполезно. Слит решил уйти из труппы. Я постараюсь, чтобы он пожалел об этом. Валентин, теперь на тебя падает больше ответственности, и я добавляю к твоему жалованию пять крон в неделю. Правильно?

Валентин кивнул. Он думал о спокойном, ровном поведении Слита в труппе и чувствовал горечь потери.

Скандар продолжал:

— Делиамбер, я, как ты уже догадался, решил искать работу у метаморфов. Ты знаешь дорогу до Илиривойна?

— Я никогда там не был, — ответил вруон, — но я знаю, где он.

— Какой путь самый близкий?

— Отсюда до Кантора, я думаю, затем на восток миль четыреста на речном судне и от Вирфа на юг в резервацию. Дорога неважная, но достаточно широкая для фургона, как мне кажется. Я буду изучать ее.

— Сколько времени займет дорога?

— Вероятно, месяц, если не будет задержек.

— Как раз к фестивалю метаморфов, — сказал Залзан Кавол. — Прекрасно! А какие задержки ты имеешь в виду?

— Обычные, — сказал Делиамбер. — Стихийные бедствия, поломки фургона, местные неприятности, преступные вмешательства. В центре континента далеко не такой порядок, как на побережье. Путешествие в этих местах связано с риском.

— Уж будь уверен! — раздался знакомый голос. — Тебе нужна защита!

Между ними неожиданно появилась великанша Холтен. Она выглядела отдохнувшей, словно бы и не ехала верхом всю ночь, да и ее животное выглядело хорошо.

Залзан Кавол удивленно спросил:

— Как ты здесь очутилась?

— Тропой через лес. Я хоть и большая, но не такая, как твой фургон, и могу проехать по задворкам. Ты едешь в Илиривойн?

— Да, — сказал скандар.

— Хорошо. Я так и знала. Я поехала за тобой, чтобы предложить свои услуги. Я без работы, а ты едешь в опасные места — логическое партнерство. Я проведу тебя безопасно в Илиривойн, гарантирую!

— Твои гонорары слишком высоки для нас.

Она усмехнулась.

— Ты думаешь, я всегда беру пять реалов за мелкую работу вроде той? Я запросила много, потому что вы меня ра-

зозлили, налетев, когда я вкушала пищу. Я проведу тебя в Илиривойн за пять реалов, независимо от затраченного на это времени.

— Три, — сухо сказал Залзан Кавол.

— Ты ничему не научился!

Великанша плюнула под ноги скандара.

— Я не торгуюсь. Иди в Илиривойн один, без меня, и удачи тебе. Только я в ней сомневаюсь.

Она подмигнула Валентину.

— А где еще двое?

— Слит отказался идти в Илиривойн. Он со скандалом ушел отсюда десять минут назад.

— Я не порицаю его. А женщина?

— Она пошла за ним, чтобы уговорить его вернуться.

Валентин указал на тропу, петлявшую между холмами.

— Туда?

— Да, между теми двумя холмами.

— В рощу плотоядных растений?

В голосе великанши звучало недоверие.

— В какую рощу? — переспросил Валентин.

— Плотоядные здесь? — тут же спросил Делиамбер.

— Для них отведен парк, — ответила она. — Но у подножия холмов висят предупреждающие знаки. Они пошли вверх по этой тропе пешком? Да защитит их божество!

— Его пусть хоть дважды съедят, — раздраженно сказал Залзан Кавол, — но она мне нужна.

— И мне тоже, — сказал Валентин. Он повернулся к женщине-воину.

— Может быть, если мы поедем за ними, мы догоним их до того, как они попадут в рощу?

— Твой хозяин не хочет принять мои услуги.

— Пять реалов, — сказал Залзан Кавол. — Отсюда до Илиривойна?

— Шесть, — холодно ответила она.

— Хорошо, шесть. Только приведи их обратно. Хотя бы ее.

— Да, — с отвращением сказала она, — вы — народ бесчувственный, но я без работы, так что мы стоим друг друга. Возьми одно из этих животных, — сказала она Валентину, — и следуй за мной.

— Ты хочешь взять его? — спросил Залзан Кавол. — Тогда в моей труппе вообще не останется людей!

— Я приведу его обратно, — ответила она, — а если повезет, то и тех двоих тоже.

Она взобралась на свое животное.

— Поехали!

Глава 7

Тропа к холмам шла под уклон. Голубовато-серая трава выглядела бархатной. Трудно было поверить, что в этом прекрасном парке живет нечто угрожающее.

Когда они доехали до места, где тропа начинала резко подниматься вверх, Холтен хмыкнула и указала на деревянный столбик, воткнутый в землю. Рядом с ним, полускрытый травой, лежал упавший знак.

Валентин увидел надпись на нем крупными красными буквами. Опасность! За холмы пешком не ходить!

Слит, будучи в ярости, не обратил внимания на знак, а Карабелла, видимо, очень спешила и тоже не видела надписи или пренебрегла ею.

Тропа круто поднималась, и за холмами уже не было травы, а только лес.

Великанша, ехавшая впереди, направила животное в таинственный влажный подлесок, где деревья со стройными, ребристыми стволами росли с большими интервалами.

— Смотри, вот плотоядные растения, — сказала великанша. — Отвратительная штука! Будь я хранителем этой планеты, я бы выжгла их всех, но наши Коронали считают себя любителями природы и сохраняют эти растения в королевских парках. Молись, чтобы у твоих друзей хватило ума держаться от них подальше.

На открытых местах между деревьями росли бесстебельные растения колоссальных размеров. Их листья четырехпяти дюймов шириной и восемнадцати футов длиной, зазубренные по краям, с металлическим блеском, образовывали свободные розетки. В центре каждой зияла глубокая чаша в фут диаметром, наполненная ядовитой по виду жидкостью, из которой торчали в сложном порядке какие-то органы, похожие на острые зубы, и что-то еще, частично затопленное — возможно, мелкие цветы.

— Это плотоядные растения, — сказала великанша. — Земля здесь пронизана их охотничьими усами, которые ощущают присутствие мелких животных, захватывают их и несут ко рту. Вот смотри.

Она направила свое животное к ближайшему растению. Они были еще футах в двадцати, а из гнилостной земли уже показалось что-то вроде живого кнута. Оно выскочило со страшным щелканьем и мгновенно обвилось вокруг задней ноги животного, как раз над копытом. Животное, спокойное, как всегда, обнюхало ус, начавший усиливать давление и пытавшийся тянуть жертву к раскрытой пасти в центре розетки. Женщина-воин достала вибрационный меч, наклони-

лась и быстро перерезала ус. Он отлетел в сторону, но тут же десяток других полезли из земли со всех сторон растения.

— Им не хватает силы затащить крупное животное в свои челюсти, но оно не может освободиться, слабеет и умирает, и тогда растение по частям подтягивает его. Оно, если схватит животное, то этого мяса ему хватит на год.

Валентин вздрогнул. Карабелла в этом странном лесу! Это ужасное растение навеки заглушит ее нежный голос! Ее быстрые руки, ее блестящие глаза... нет!

При одной мысли об этом дрожь прошла по его телу.

— Как же мы найдем их? — спросил он. — Может быть, уже поздно...

— Выкрикивай их имена, — сказала великанша. — Они, наверное, недалеко.

— Карабелла! — отчаянно закричал Валентин. — Слит!

Через секунду он услышал слабый ответный крик, но великанша услышала раньше и уже двинулась вперед. Валентин увидел вдали Слита, он стоял на одном колене, которое глубоко погрузилось в землю и удерживало его на месте, хотя усы пытались тащить его за другую ногу. Позади него пригнулась Карабелла и крепко держала его. Повсюду вокруг них щелкали и свивались в кольца усы соседних плотоядных растений. В руке Слита был нож, которым он тщетно пилил мощный кабель, державший его, на мягкой почве был след, показывавший, что Слита уже проволокли на четыре или пять футов к ожидающей пасти.

В борьбе за жизнь он терял дюйм за дюймом.

— Помогите! — кричала Карабелла.

Ударом меча великанша разрубила ус, державший Слита. Он развернулся, откинулся назад и заметил, что ус другого растения готовится схватить его за горло.

Он с ловкостью акробата откатился в сторону, избежав захвата, и встал на ноги. Женщина-воин схватила его поперек груди, подняла и быстро посадила позади себя. Валентин подъехал к Карабелле, которая, трясясь, стояла на безопасном месте между двумя рядами хлеставших в воздухе усов, и тоже втащил ее на спину своего животного. Она вцепилась в Валентина так крепко, что у него затрещали ребра. Он повернулся и обнял ее, нежно поглаживая. Его захлестнуло чувство облегчения. Он до сих пор не сознавал, как много она значила для него, а теперь не думал ни о чем, только бы с ней все было в порядке. Ужас оставил ее, но она все еще дрожала.

— Еще минута, — прошептала она, — и Слит погиб бы. Я чувствовала, как он скользит к этому растению. А как здесь очутилась великанша?

— Она проехала через лес каким-то коротким путем. Залзан Кавол нанял ее, чтобы она защищала нас на пути в Илиривойн.

— Она уже отработала свой гонорар, — сказала Карабелла.

— За мной! — приказала женщина-воин.

Она выбрала безопасную дорогу из этой рощи, но и ее животное было дважды схвачено за ногу, а животное Валентина — один раз. Каждый раз великанша перерубала ус, и скоро они оказались на пути к фургону. Скандары громко приветствовали их.

Залзан Кавол оглядел Слита.

— Ты выбрал неудачный путь для ухода, — заметил он.

— Не более неудачный, чем тот, который выбрал ты, — покачал головой Слит. — Прошу извинить меня. Я пойду пешком в Мазадон и поищу работу.

— Подожди, — сказал Валентин.

Слит вопросительно взглянул на него.

— Давай поговорим. Пройдемся.

Валентин обнял за плечи маленького жонглера и отвел его в сторону, пока Залзан Кавол не вызвал у Слита новый приступ гнева.

Слит был напряжен и насторожен.

— В чем дело, Валентин?

— Я способствовал тому, чтобы Залзан Кавол нанял великаншу, иначе ты бы уже стал лакомым кусочком для плотоядного растения.

— Спасибо тебе.

— Я хочу от тебя большего, — сказал Валентин. — Ты, можно сказать, обязан мне жизнью.

— Пожалуй.

— Я прошу, чтобы ты взял обратно свой отказ от работы.

Глаза Слита загорелись.

— Ты не знаешь, чего просишь!

— Метаморфы чуждые и несимпатичные существа, это верно. Но Делиамбер говорит, что они не так уж опасны, как обычно считается. Останься в труппе, Слит.

— Ты думаешь, я капризный лодырь?

— Отнюдь. Но нелогичен — возможно.

Слит покачал головой.

— Однажды мне было послание от Короля, где метаморфы отвели мене страшный удел. Человек должен слушаться та-

их посланий. Я не желаю и близко подходить к месту, где ивут эти создания.

— Послания не всегда несут буквальный смысл.

— Согласен. Но часто бывает и так. Я видел во сне, будто меня есть жена, которую я люблю больше даже, чем свое скусство. Она жонглировала со мной, как Карабелла, толь-о гораздо ближе, настолько созвучно с моим ритмом, что ы как бы составляли единое целое.

На исцарапанном лице Слита выступил пот, он запнулся, ак бы не в силах продолжать, но через минуту заговорил.

— Я увидел во сне, как метаморфы пришли и украли эту ою жену и подсунули мне женщину из своего народа, поделанную так ловко, что я не заметил разницы. Дальше я ви-ел, что мы выступали перед Короналем, перед Лордом Маибором, который правил тогда и вскоре утонул, и наше онглирование было великолепным. Это была такая гармоия, равной которой я не встречал в жизни, а Корональ уготил нас хорошим мясом и вином, дал нам спальню, обитую елком. Я обнял свою жену и стал ласкать ее, и она изменилась в моих объятиях. В моей постели лежала женщина-етаморф, страшное существо с шершавой серой кожей, с рящами вместо зубов, с грязными лужами вместо глаз, и го существо целовало меня и прижималось ко мне. С тех ор я не касался тела женщины, боясь, чтобы такое существо не попало в мои объятия наяву. Я никому не рассказывал б этом, и я не могу вынести мысли о том, чтобы ехать в Ілиривойн и оказаться в окружении этих созданий с изменяющимися лицами и телами.

Душа Валентина была полна сострадания. Он молча сжал лечи Слита, как будто мог одной только своей силой уничожить воспоминание об ужасном кошмаре, изувечившим ушу жонглера. Затем он выпустил его и сказал:

— Это поистине ужасный сон. Но нас учили пользоваться ашими снами, а не позволять им уничтожать нас.

— Этим сном я не могу пользоваться, мой друг. Но он преупреждает меня, чтобы я не приближался к метаморфам.

— Ты принимаешь его слишком прямолинейно. Нет ли в ем чего-то иного? Ты не говорил с толкователем снов, Слит?

— По-моему, нет необходимости.

— А меня ты вынуждал искать толкователя, когда я в Іидруде видел во сне странные вещи! Я отлично помню твои лова о том, что Король никогда не посылает простых посла-ий.

Слит иронически улыбнулся.

— Все мы мастера лечить других, но не себя. Во всяком случае, теперь поздно говорить о сне пятнадцатилетней давности, теперь я его пленник.

— Освободись!

— Как?

— Когда ребенок видит во сне, что падает, и в страхе просыпается, что говорят ему родители? Что сон о падении не следует принимать всерьез, потому что во сне никто не получает реального ушиба, или скажут, что ребенок должен быть благодарен за падение во сне, потому что такой сон — к добру, говорят о мощи и силе, что ребенок не падал, а летел к тому месту, где он чему-то мог бы научиться, если бы не испугался и не стряхнул с себя мир сна. Верно?

— Ребенок должен быть благодарен за такой сон, — сказал Слит.

— Вот именно. И так со всеми дурными снами. Мы не должны бояться, — говорят они нам, — а должны быть благодарными за мудрость сна и действовать по нему.

— Так говорят дети. Часто дети даже лучше управляют снами, чем взрослые. Я помню, как ты кричал и всхлипывал во сне, Валентин.

— Я пытаюсь узнать что-то из моих снов, как бы темны они ни были.

— Чего ты хочешь от меня, Валентин?

— Чтобы ты ехал с нами.

— Зачем это тебе?

— Ты принадлежишь к нашей труппе. Мы держимся тобой, а без тебя развалимся.

— Скандары — мастера жонглирования. Человеку трудно состязаться с ними. Карабелла и я в труппе по тем же причинам, что и ты — чтобы выполнить дурацкий закон. Вы будете получать свою плату, останусь я, или уйду.

— Но я учусь у тебя.

— Будешь учиться у Карабеллы. Она так же ловка, как я, и к тому же у вас любовь, и кто знает, может быть, ты будешь работать лучше меня. И храни тебя божество потерять Карабеллу в Илиривойне!

— Этого я не боюсь, — ответил Валентин.

Он протянул руку Слиту.

— Я хочу иметь тебя рядом.

— Почему?

— Я дорожу тобой.

— И я дорожу тобой, Валентин, но мне очень тяжело идти туда, куда Залзан Кавол хочет вести нас. Почему ты так настаиваешь, ведь ты знаешь, как я страдаю?

— Ты можешь излечиться от этих страданий, если не поедешь в Илиривойн и увидишь, что метаморфы всего лишь безвредные дикари.

— Я могу жить с моей болью, — сказал Слит. — Цена за излечение, по-моему, слишком высока.

— Мы можем жить с самыми страшными ранами. Но почему не пытаемся залечить их?

— Ты чего-то не договариваешь, Валентин.

Валентин медленно перевел дух.

— Верно.

— Что же?

После некоторого колебания Валентин спросил:

— Слит, я фигурировал в твоих снах после нашей встречи в Пидруде?

— Да.

— Как именно?

— Разве это имеет значение?

— Не видел ли ты во сне, что я необычен для Маджипура, что я более силен и властен, чем сам предполагаю?

— С первой же нашей встречи мне сказали об этом твоя осанка и манера держаться. Об этом же говорили и твоя феноменальная ловкость, с какой ты учился нашему искусству, и содержание твоих снов, которыми ты поделился со мной.

— Кем я был в тех снах, Слит?

— Персона мощи и благородства, обманом скинутая со своего высокого положения, может быть, принц, герцог.

— А не выше?

Слит облизал пересохшие губы.

— Да, возможно выше. Чего ты добиваешься от меня, Валентин?

— Чтобы ты сопровождал меня в Илиривойн и дальше.

— Ты хочешь сказать, что виденное мною во сне — правда?

— Это я еще должен узнать, — сказал Валентин. — Но я думаю, что это правда. Это должно быть правдой. Послания говорили мне, что все это так и есть.

— Милорд, — прошептал Слит.

— Возможно.

Слит ошеломленно посмотрел на него и опустился на колени. Валентин быстро поднял его.

— Этого не надо, — сказал он. — Могут увидеть. Я не хочу никого посвящать в это. Кроме того, остается большая область сомнений. Ты не должен вставать передо мной на колени, делать пальцами символ горящей звезды или что-то вроде этого, поскольку я сам еще не вполне уверен в истине.

— Милорд...

— Я остаюсь Валентином-жонглером.

— Мне страшно, милорд. Сегодня я был в двух шагах от ужасной смерти, но сейчас мне еще страшнее стоять здесь и разговаривать об этих вещах.

— Зови меня Валентином.

— Как я смею?

— Ты звал меня Валентином всего пять минут назад.

— То было раньше.

— Ничего не изменилось, Слит.

— Все изменилось, милорд.

Валентин тяжело вздохнул. Он чувствовал себя самозванцем, мошенником, обманывающим Слита, но это, похоже, было совершенно необходимо.

— Если все изменилось, значит, ты должен следовать за мной по моему приказу в Илиривойн?

— Я должен, — растерянно сказал Слит.

— Никакого вреда от метаморфов тебе не будет. Ты уйдешь из их местности излеченный от той боли, которая гложет тебя. Можешь ты поверить этому, Слит?

— Я боюсь туда идти.

— Ты нужен мне в пути, — сказал Валентин. — И не по моему выбору Илиривойн становится частью путешествия. Я прошу тебя идти со мной.

Слит склонил голову.

— Я должен, милорд.

— Прошу тебя, Слит, звать меня Валентином и не оказывать мне перед другими больше уважения, чем ты оказывал мне вчера.

— Как пожелаешь, — ответил Слит.

— Валентин!

— Валентин, — неохотно сказал Слит. — Как желаешь, Валентин.

— Пошли.

Он повел Слита к труппе. Залзан Кавол, как обычно, нетерпеливо расхаживал взад и вперед. Его братья готовили фургон к отъезду. Валентин сказал скандару:

— Я уговорил Слита. Он поедет с нами в Илиривойн.

Залзан Кавол недоверчиво посмотрел на него.

— Как тебе это удалось?

— Да, — сказал Виноркис, — что ты ему сказал?

— Это долго объяснять, — сказал Валентин, весело улыбаясь.

Глава 8

Теперь они ехали быстрее. Весь длинный день фургон двигался по шоссе, а иной захватывал и вечер. Великанша

Холтен ехала рядом с фургоном. Ее животное, несмотря на выносливость, больше нуждалось в отдыхе, чем те, которые тянули фургон, так что иногда она при удобном случае отставала. Нести ее громадную тушу было нелегким делом для любого животного.

Они ехали от города к городу через скучную провинцию. Там были очень скромные полоски зелени — только чтобы соблюсти букву закона. Эта провинция Мазадона была местом, где миллионы жителей занимались торговлей, поскольку Мазадон был воротами всего северо-западного Зимрола для восточных товаров и главным перевалочным пунктом для сухопутных перевозок товаров Пидруда и Тил-Омона, идущих на восток. Они быстро проехали через множество городов, через сам Мазадон, через Бургкас и Тагобар, которые все были тихими и печальными по случаю траура. Всюду болтались желтые полосы ткани — знак скорби. Валентин считал, что это тяжелое дело — закрыть всю провинцию из-за смерти герцога. Что будет делать этот народ, думал он, когда умрет Понтифакс? Как они реагировали на преждевременную смерть Короналя Лорда Вориакса два года назад?

Возможно, конечно, что они относились к смерти местного герцога более серьезно, потому что он был фигурой осязаемой, реальной, жившей среди них, в то время как для народа Зимрола, отделенного тысячами миль от Горного Замка и Лабиринта, власти Маджипура казались более чем абстрактными, мифическими, легендарными, нематериальными. На такой громадной планете центральное правительство не могло бы править с реальной эффективностью, оно лишь осуществляло символический контроль. Валентин подозревал, что стабильность Маджипура в основном зависит от герцогов провинций и муниципальных мэров, внедрявших и поддерживавших указы имперского правительства при условии, что они могут действовать на своих территориях по своему усмотрению.

Как же такой договор может поддерживаться, если Корональ — не посвященный и помазанный принц, а узурпатор, лишенный милости божества, благодаря которой держится столь хрупкая социальная конструкция? — спрашивал он себя.

Он все больше задумывался над такими вопросами в долгие, спокойные, монотонные часы путешествия к востоку. Такие мысли удивляли его самого своей серьезностью, потому что он уже привык к простоте решений, начиная с первых дней в Пидруде, а теперь чувствовал постепенное обогащение и растущую сложность своего мыслительного про-

цесса, как будто чары, наложенные на него, изнашивались и становились тоньше, и его истинный интеллект пробивался сквозь них.

Если это так, значит, подобная магия действительно лежала на нем, как уверяли его постепенно формировавшиеся гипотезы.

Его сомнения таяли с каждым днем, но все-таки он не был уверен.

Во сне он часто теперь видел себя у власти. Однажды он, а не Залзан Кавол руководил труппой жонглеров, в другой раз он в одежде принца председательствовал на каком-то высоком совете метаморфов, которые казались ему странными туманными призраками, не умеющими удержать какую-либо форму дольше минуты. В следующую ночь он увидел себя на рыночной площади в Тагобаре, отправляющим правосудие для торговцев одеждой и продавцов браслетов.

— Вот видишь, — сказала Карабелла, — все сны говорят о власти и величии.

— Власть? Величие? Сидеть на бочке и разбирать дела продавцов льна и хлопка?

— Сны многое трансформируют. Эти видения — метафоры высшего порядка.

Валентин улыбнулся, но согласился с такой интерпретацией.

Однажды ночью, когда они были неподалеку от города Кантора, к нему пришло наиболее ясное видение его предполагаемой прошлой жизни. Он был в комнате с панелями из самых красивых и редких сортов дерева, сверкающими полосами симотана, банникова и темного болотного красного дерева. Он сидел за остроугольным палисандровым столом и подписывал документы.

Направо был герб горящей звезды, рядом находились послушные секретари. Громадное закругленное окно напротив выходило в открытое воздушное пространство, как если бы под ним, окном, находился титанический склон Горы Замка.

Фантазия или беглый фрагмент похороненного прошлого, которое пытается освободиться и всплывает во сне, чтобы приблизиться к поверхности сознательной части его мозга? Он описал кабинет и стол Карабелле и Делиамберу, надеясь, что они знают, как выглядит в реальности кабинет Короналя, но они имели об этом представления не больше, чем о том, что подают на завтрак Понтифаксу. Вруон спросил Валентина, каким он осознавал себя, когда сидел за палисандровым столом: золотоволосым, как Валентин — жонглер, или брюнетом, как Корональ, когда шествовал через Пидруд и западные провинции.

— Темноволосым, — тут же ответил Валентин.

Он нахмурился.

— Ведь я сидел за столом и не видел себя. Однако...

— Во сне мы часто видим себя своими глазами, — сказала Карабелла.

— Может, я был блондином, и брюнетом, сначала одним, потом другим. Переход ускользает от меня. Сначала один, потом другой?

— Да, — сказал Делиамбер.

После многодневного утомительного путешествия они доехали почти до Кантора.

Этот главный город северной части центрального Зимрола располагался на изрезанной местности, прерываемой озерами, высокими холмами и темными непроходимыми лесами. Дорога, выбранная Делиамбером, вела фургон через юго-западные предместья города, называемые Горячим Кантором, потому что здесь были громадные шипящие гейзеры и широкое розовое озеро, зловеще булькавшее и пузырившееся, и фумаролы, из которых каждые пять минут вылетали облака зеленоватого газа, сопровождаемые рыгающим звуком и глубоким подземным стоном. Небо здесь было тяжелым от густых облаков цвета потускневшего жемчуга, и хотя в стране был еще конец лета, резкий пронзительный ветер с севера был по-осеннему холодным.

Горячий Кантор отделяла от собственно города река Зимр, самая большая в Зимроле. Когда путешественники вышли к ней, фургон после старинных узких улиц внезапно оказался на широкой эспланаде, ведущей к мосту Кантора. Валентин был удивлен.

— В чем дело? — спросила Карабелла.

— Река... я никогда не думал, что есть такие большие реки.

— Ты не видел рек?

— Нет никакого сравнения с Пидрудом. А до Пидруда я ничего не помню.

— Нигде нет реки, сравнимой с Зимром, — сказал Слит. — Не мешай ему удивляться, Карабелла.

Всюду, насколько мог видеть Валентин, темные воды Зимра достигали горизонта. Река была в этом месте так широка, что больше походила на бухту.

Он едва мог разглядеть квадратные башни Кантора на другом берегу. Восемь или десять мощных мостов перекидывались через реку. Они были так велики, что Валентин удивлялся, как их удалось построить.

Тот, который находился прямо перед ним, мост Кантора, был шириной в четыре шоссе. Петлявшие арки поднимались и опускались, и снова поднимались громадными скачками от

берега к берегу. Чуть ниже по реке был мост совершенно иной конструкции: тяжелое кирпичное ложе покоилось на поразительно высоких мостовых быках, а вверх по течению был мост, как бы стеклянный, и он весь искрился. Делиамбер сказал:

— Это мост Короналя, направо мост Понтифакса, а дальше вниз — мост снов. Все они древние и знаменитые.

— Но зачем строить мосты там, где река так широка? — недоумевающе спросил Валентин.

— Здесь одна из самых узких точек, — ответил Делиамбер.

Длина Зимра, по словам вруона, достигала семи тысяч миль. Он начинался на северо-западе Долорна в устье Рифта и шел в юго-восточном направлении через весь верхний Зимрол к прибрежному городу Пилиплоку на Внутреннем море. Эта счастливая река, судоходная по всей длине, стремительно неслась, извиваясь, как змея. На ее берегах стояли сотни богатых городов, главных внутренних портов, самым западным из которых был Кантор. На дальнем конце Кантора, едва видимые в облачном небе, тянулись с северо-востока зазубренные пики его границ — девять громадных гор, на чьих холодных склонах жили племена грубых мужественных охотников. Этот народ часто бывал в Канторе, меняя шкуры и мясо на промышленные товары.

В эту ночь в Канторе Валентин увидел во сне, что входит в Лабиринт для совещания с Понтифаксом.

Сон был резкий, до боли отчетливый.

Валентин стоял под жестоким зимним солнцем на голой равнине и видел перед собой храм без крыши с ровными белыми стенами, которые, как сказал ему Делиамбер, были воротами в Лабиринт. С ним были вроун и великанша, и Карабелла тоже — все в защитных очках. Но когда Валентин ступил на голую гладкую платформу между белыми стенами, он оказался один. Дорогу ему преградило существо зловещего и ужасного вида и чуждой формы жизни. Оно не принадлежало ни к одной из человеческих форм жизни, издавна поселившихся на Маджипуре, оно не было ни лименом, ни гейрогом, ни вруоном, ни скандаром, ни хортом, ни су-сухирисом, а было чем-то таинственным и тревожащим — мускулистое толсторукое существо с красной кожей, тупым куполом головы и сверкающими желтыми глазами, горевшими почти нестерпимой злобой. Низким звучным голосом существо спросило Валентина, какое у него дело к Понтифаксу.

— Нужно починить мост Кантора, — ответил Валентин. — Заниматься такими вещами — древняя обязанность Понтифакса.

Желтоглазое создание засмеялось.

— Ты думаешь, Понтифаксу есть до этого дело?

— Я обязан просить его помощи.

— Хорошо, иди.

Страж портала поклонился с ядовитой вежливостью и посторонился. Как только Валентин прошел мимо него, существо холодно рыкнуло и захлопнуло за Валентином ворота. Отступление было невозможным.

Перед Валентином тянулся узкий винтовой коридор, залитый слепящим белым светом.

Много часов Валентин спускался по спиральной дороге. Затем стены коридора расширились, и Валентин оказался в другом бескрышном храме из белого камня, а может быть, перед тем же самым, поскольку краснокожее существо снова преградило ему путь, ворча с необъяснимой злобой.

— Вот Понтифакс.

Валентин заглянул в темную комнату и увидел имперского правителя Маджипура на троне, одетого в черное и алое, в королевской тиаре.

Валентин увидел, что Понтифакс Маджипура был многоруким и многоногим чудовищем с человеческим лицом, но с крыльями дракона, и он, сидя на троне, визжал и ревел, как безумный. Страшные свистящие звуки слетали с его губ, и несло от Понтифакса ужасной вонью, и черные кожистые крылья сильно махали в воздухе, обдавая Валентина холодным ветром.

— Ваше величество, — сказал Валентин, поклонившись.

— Ваше Лордство, — поправил Понтифакс.

Он захохотал, потянулся к Валентину и подтащил к себе. Валентин оказался на троне, а Понтифакс, смеясь безумным смехом, полетел в ярко освещенный коридор, хлопая крыльями и вереща, пока не исчез из виду.

Валентин проснулся мокрым от пота в объятиях Карабеллы. Она выглядела испуганной, словно ужасы его сна были ясны для нее, и она обнимала его, не говоря ни слова, пока он не осознал, что проснулся. Она нежно погладила его.

— Ты три раза кричал, — сказала она.

— Бывают случаи, — сказал он, — когда во сне устаешь больше, чем наяву.

Он выпил немного вина.

— Мои сны — тяжелый труд, Карабелла.

— Многое в твоей душе ищет выхода, милорд.

Он положил голову ей на грудь.

— Я молюсь о том, чтобы стать мудрее.

Глава 9

В Канторе Залзан Кавол купил места для труппы на речном судне, идущем к Ни-Мойе и Пилиплоку. Они должны были спуститься по реке до небольшого города Вирф, который был воротами на территорию метаморфов.

Валентин сожалел, что вынужден был сойти с судна в Вирфе, когда он легко мог за десять или пятнадцать реалов проплыть весь путь до Пилиплока и сесть на корабль до Острова Снов. В конце концов, главным местом его назначения была не резервация Изменяющих Форму, а Остров Снов, Остров Леди, где он, может быть, найдет подтверждение мучившим его видениям. Но пока это не могло осуществиться.

Нельзя спорить с судьбой, — думал Валентин. Те далекие события двигались с сознательной скоростью, и к какой-то окончательной, хотя и не всегда понятной цели. Он уже не был веселым и простодушным, свободным человеком Пидруда, и хотя не вполне сознавал, кем он был и кем становится, у него было ясное чувство внутреннего перехода. Границы исчезали и не возникали вновь. Он видел себя актером в какой-то большой и запутанной драме, завершающие сцены которой отстояли еще далеко в пространстве и времени.

Речное судно было гротескным и фантастическим сооружением, хотя и не лишенным некоторой красоты. Океанские корабли, вроде тех, что в порту Пидруда, были крепкими и изящными, потому что они должны были проходить тысячи миль между гаванями. Речное же судно было приземистым и широким, более напоминавшим плавучую платформу, чем корабль. Как бы компенсируя его неэлегантность, строители украсили его огромным прямым мостиком, увенчанным тремя носовыми фигурами, раскрашенными красным и зеленым. На корме была надстройка в несколько этажей, где жили пассажиры. Нижние палубы содержали грузовые камеры, обеденные залы, каюты третьего класса, машинное отделение, откуда торчали две гигантские дымовые трубы, изогнутые и напоминающие дьявольские рога. Весь каркас корабля был деревянным — на Маджипуре мало металла, а камень нежелателен для использования на море, и плотники изощрялись чуть ли не на каждом квадратном футе поверхности, украшая ее резьбой, панелями, выступами и тому подобным.

В ожидании отплытия, Валентин, Карабелла и Делиамбер обошли палубу и встретили граждан множества областей и всех рас Маджипура: пограничных жителей с гор за Кантором, гейрогов в пышных нарядах, жителей влажных южных стран в прохладной белой одежде, путешественников в ро-

скошных красных и зеленых одеждах, типичных, по словам Карабеллы, для западного Алханрола, и многих других. Вездесущие лимены продавали неизменные сосиски, навязчивые хорты в судовой униформе важно расхаживали вокруг, давая информацию и советы тем, кто просил и кто не просил.

Семья су-сухирисов в прозрачной золотой одежде бросалась в глаза своими двухголовыми телами и надменными манерами. Они проплывали сквозь толпу, как посланцы мира сна, и все автоматически расступались перед ними. И была на палубе маленькая группа метаморфов.

Первым увидел их Делиамбер. Маленький вруон щелкнул клювом и коснулся руки Валентина.

— Видишь их? Будем надеяться, что Слит не видит.

— Где? — спросил Валентин.

— У поручней стоят отдельно. Они в своей естественной форме.

Валентин посмотрел. Их было пятеро, видимо, мужчина, женщина и трое малышей.

Это были стройные, угловатые, длинноногие существа. Взрослые были выше Валентина и выглядели хрупкими и непрочными, с зеленовато-желтой кожей, лица их были близки к человеческим по конструкции, но скулы были острые, как лезвия, губы почти отсутствовали, нос был меньше, а косо поставленные глаза, длинные и узкие, не имели зрачков.

Валентин не мог решить, как держат себя метаморфы — надменно или скромно, но было ясно, что они рассматривают себя на этом корабле, как на враждебной территории: аборигены древней расы, потомки тех, кто владел Маджипуром до прихода новых, рожденных на земле поселенцев, четырнадцать тысяч лет назад. Он не мог отвести от них глаз.

— А каким образом происходит изменение формы? — спросил он.

— Кости у них не соединяются, как у большинства других рас, — ответил Делиамбер. — Под мускульным давлением они сдвигаются и образуют новый рисунок, кроме того, в их коже есть имитирующие клетки, позволяющие изменять цвет и текстуру. Есть и другие приспособления. Взрослый метаморф может измениться почти мгновенно.

— А зачем им это?

— Кто знает? Вполне возможно, что они не понимают, зачем в этом мире расы, не умеющие изменять форму. Вероятно, это имеет для них какую-то ценность.

— Они слабы, — кисло сказала Карабелла, — если при таких возможностях у них отняли их планету.

— Изменять форму — ответил Делиамбер, — еще недостаточно для защиты, от людей путешествующих со звезды на звезду, чтобы украсть чей-то дом.

Метаморфы околдовали Валентина. Они представлялись ему артефактами далекой истории, археологическими реликтами, выжившими с того времени, когда здесь не было ни людей, ни скандаров, ни вруонов, и только один этот хрупкий зеленый народ бродил по колоссальной планете. До того как пришли поселенцы — по существу — завоеватели. Как давно это было! Ему очень хотелось увидеть, как они трансформируются: скажем, в скандара или лимена. Но они по-прежнему стояли спокойно.

Из толпы внезапно появился возбужденный Шанамир, схватил Валентина за руку и выпалил:

— Ты знаешь, кто с нами на борту? Я слышал разговор грузчиков. Целая семья Изменяющих...

— Тише, — остановил его Валентин. — Вон они.

Мальчик взглянул и вздрогнул.

— Они чешуйчатые.

— Где Слит?

— Он на мостике с Залзаном Каволом. Они добиваются разрешения на представление вечером. Если он их увидит...

— Рано или поздно он с ними встретится, — прошептал Валентин.

Он обратился к Делиамберу:

— Они часто появляются вне резервации?

— Они живут повсюду, но всегда в небольшом количестве и очень редко в собственной форме. В Пидруде, говорят, их одиннадцать, в Фалкинкине — шесть, в Долорне — девять...

— В иной форме?

— Да, в виде гейрогов, хортов или людей — где как удобнее.

Метаморфы решили уйти с палубы. Они шли с большим достоинством, но, в противоположность су-сухирисам, без всякой надменности. Наоборот, они как бы хотели стать невидимыми.

— Они живут на своей территории по своему желанию или по принуждению?

— И то, и другое, я думаю. Когда Лорд Стиамот победил их, он вынудил их уйти из Алханрола. Но Зимрол был тогда слабо заселен, в основном, на побережье, и их пустили вглубь страны. Они выбрали территорию между Зимром и южными горами, где подступы можно было легко контролировать, и поселились там, а теперь уже стало традицией, что метаморфы живут только на этой территории, если не считать тех немногих, которые живут в других городах. Но я не

знаю, имеют ли эти традиции силу закона. Да они наверняка не обращают внимания на указы из Лабиринта или Горного Замка.

— Если имперский закон так мало для них значит, то мы, может быть, рискуем, направляясь в Илиривойн?

Делиамбер засмеялся.

— Дни, когда метаморфы нападали на пришельцев только из любви к мести, давно прошли, как меня уверяют. Это скучный и угрюмый народ, но он не станет вредить нам, и мы, скорей всего, уйдем из их страны невредимыми и нагруженными монетой, которую так любит Залзан Кавол. А вот и он сам.

Появился самодовольно выглядевший скандар со Слитом.

— Мы договорились о представлении, — объявил он. — Пятьдесят крон за час работы сразу после обеда! Ну, мы покажем им наши простейшие трюки. Для чего нам лезть из кожи, пока мы не в Илиривойне?

— Нет, — сказал Валентин, — мы должны показать все самое лучшее.

Он твердо посмотрел на Слита.

— На борту этого судна группа метаморфов. Они могут рассказать в Илиривойне о нашем высоком мастерстве.

— Разумное возражение, — сказал Залзан Кавол.

Слит был испуган и подавлен. Ноздри его дрожали, губы сжались. Он делал левой рукой священные знаки. Валентин повернулся к нему и сказал, понизив голос:

— Начинается процесс излечения. Жонглируй для них вечером, как для придворных Понтифакса.

— Они мои враги! — хрипло сказал Слит.

— Эти — нет. Они не из твоего сна. Те нанесли тебе вред. И это было давно.

— Мне тяжело быть с ними на одном корабле.

— Ничего не поделаешь, — сказал Валентин. — И их только пятеро. Малая доза — хорошая практика для встречи, которая ждет нас в Илиривойне.

— Илиривойн...

— Нам не избежать этого. Ты обещал мне, Слит...

Слит некоторое время молча смотрел на Валентина.

— Да, милорд, — прошептал он.

Они разыскали спокойное место под палубой и поработали с дубинками. Казалось, их роли странно переменились, потому что Валентин жонглировал безупречно, а Слит неумело, как новичок, то и дело роняя дубинки и ушибая пальцы. Но через несколько минут его мастерство взяло верх.

Дубинки мелькали в воздухе. Слит обменивался ими с Валентином таким сложным рисунком, что Валентин задох-

нулся и в конце концов попросил Слита остановиться и вернуться к более удобным каскадам.

В этот вечер на палубе было дано представление — первое после импровизированного выступления перед лесными братьями. Залзан Кавол задал программу, которую они еще никогда не выполняли на публике. Жонглеры разделились на три группы по трое: Слит, Карабелла и Валентин; Залзан Кавол, Тилкар и Гейбор Херн; Хайрод Кавол, Руворн и Ирфон Кавол — и начали одновременный тройной обмен в одном и том же ритме. Одна группа скандаров жонглировала ножами, другая — горящими факелами, а люди — серебряными дубинками.

Это было одним из самых трудных упражнений на ловкость, которое выполнял Валентин. Симметрия работы требовала совершенства. Уронить одно орудие из девяти означало разрушить весь эффект. Валентин был самым слабым звеном, но, тем не менее, от него зависел успех этого выступления.

Он не уронил ни одной дубинки, и когда жонглеры закончили ливнем высоких бросков и небрежных захватов, раздались бурные аплодисменты. Кланяясь, Валентин заметил, что семья метаморфов сидела в первых рядах. Он искоса смотрел на Слита, который кланялся.

Сойдя с подмостков, Слит сказал:

— Я увидел их, когда мы начали, и тут же забыл. Понимаешь, забыл, Валентин!

Он засмеялся.

— Они ничуть не похожи на то создание, которое я видел во сне.

Глава 10

В эту ночь труппа спала в сыром, переполненном трюме корабля, Валентин был зажат между Шанамиром и великаншей на тонкой подстилке на полу, и близкое соседство женщины-воина, казалось, гарантировало, что уснуть Валентину не удастся, потому что ее храп напоминал жестокое, настойчивое жужжание, а еще более отвлекал его страх, что ее огромное тело может повернуться и раздавить его. Несколько раз она наваливалась на него, и ему нелегко было освободиться. Но скоро она затихла, и он уснул.

Во сне он был Короналем, Лордом Валентином с оливковой кожей и черной бородой. Он снова сидел в Горном Замке, владея печатями власти, а затем оказался в южном городе, влажном тропическом месте с гигантскими лианами и яркими красными цветами. Он знал, что это город Тил-Омон в дальнем конце Зимрола, и он ждал там большого пира, ко-

торый давался в его честь. За столом был и другой высокий гость — Доминик Барджазед, второй сын Короля Снов.

Доминик Барджазед наливал вино в честь Короналя, провозглашал тосты, выкрикивал здравицу и предсказывал достойное и славное правление, могущее встать в один ряд с правлением Лорда Стиамота, Лорда Престимона и Лорда Конфалума. Лорд Валентин пил и смеялся, предлагал тосты за хозяина — мэра Тил-Омона, и за герцога провинции, за Симонана Барджазеда, Короля Снов, и за Понтифакса Тивераса, за Леди Острова, свою мать, и его стакан наполнялся снова и снова янтарным вином, и красным, и голубым южным.

Наконец он уже не мог больше пить, пошел в спальню и мгновенно заснул. Подошли люди из окружения Доминика, завернули Короналя в шелковые простыни и унесли куда-то, и он не мог оказать сопротивления, ибо ему казалось, что его руки и ноги не повинуются ему, как если бы это был сон во сне. Валентин увидел себя на столе в тайной комнате, и теперь волосы его были желтыми, кожа белой, а у Доминика Барджазеда было лицо Короналя.

— Увезите его в какой-нибудь город на дальнем севере, — сказал мнимый Лорд Валентин, — и выпустите его там, пусть идет, куда хочет.

Сон продолжался, но Валентин почувствовал, что задыхается, проснулся и обнаружил, что женщина-воин положила свою бычью руку поперек его лица.

С некоторым усилием он освободился, но сон уже не вернулся.

Утром он никому не сказал об этом сне. Он решил, что пора начать хранить ночную информацию про себя, потому что всем будет страшно прикасаться к Властителю государства. Он уже второй раз видел во сне, что его как Короналя вытеснил Доминик Барджазед, а Карабелла несколько недель назад видела, что неизвестные враги споили Валентина и украли его личность.

Все эти сны могли быть и фантазией, но Валентин был склонен теперь сомневаться в этом. Слишком крепка была их конструкция, слишком часто повторялись внутренние структуры.

А если Барджазед теперь носит Звездную Корону, что тогда?

Пидрудский Валентин пожал бы плечами, сказав, что ему до этого нет никакого дела. Но Валентин, плывущий сейчас из Кантора в Вирф, смотрел на вещи более рассудительно. В этом мире был баланс власти, тщательно поддерживаемый в течение многих тысячелетий, начиная со времен Лорда

Стиамота, а то и раньше, с каких-нибудь забытых ныне правителей Маджипура в первых столетиях после переселения. В этой системе недоступный Понтифакс правил посредством сильного и динамичного Короналя, выбранного им самим, лица, известного как Король Снов, который выполнял приказы правительства и наказывал нарушителей закона, входя в мозг спящих. А Леди Острова, матерь Короналя, распространяла любовь и мудрость. Это была мощная система, иначе она не удержалась бы в тысячелетиях. При ней Маджипур был счастливой и процветающей планетой, подвластной, конечно, хрупкостям плоти и капризам природы, но в основном свободной от конфликтов и страданий. А что, если Барджазед королевской крови, столкнувший законного Короналя, вмешается в этот предписанный божеством баланс? Какой вред будет нанесен общественному здоровью, общественному спокойствию?

А что скажут о павшем Коронале, который покорился судьбе и оставил узурпатора безнаказанным? Это отречение, а было ли когда-нибудь в истории Маджипура, чтобы Корональ отрекся? Не стал ли он, Валентин, таким образом сообщником Доминика Барджазеда?

Его последние колебания исчезли.

Валентину-жонглеру казалось смешным и странным, когда до него дошли первые намеки на то, что он истинный Лорд Валентин Корональ. Тогда это казалось абсурдным фарсом. Теперь — нет. Текстура его снов придала им вес достоверности. Случилась чудовищная вещь. До него только теперь дошел истинный смысл этого. Его задачей было исправить все без дальнейших колебаний.

Но как? Идти на гору в костюме жонглера и требовать Горный Замок?

Он спокойно провел утро, не намекнув никому о своих мыслях. По большей части он стоял у поручней, глядя на далекий берег. Безмерность реки превосходила его понимание. В некоторых местах она была так широка, что земли не было видно, а в других, там, где Валентин видел берег, он оказывался островом, тоже огромным, а между островами и берегом реки были целые мили воды. Течение было быстрое, и большое речное судно легко неслось к востоку.

День был ясный, вода рябила и сверкала на солнце, но после полудня пошел легкий дождь. Затем дождь усилился, и жонглерам пришлось отменить второе представление к великому неудовольствию Залзана Кавола. Все сгрудились под крышей.

Этой ночью Валентин постарался лечь рядом с Карабеллой, а великаншу оставить соревноваться в храпе со сканда-

рами. Он жадно ожидал новых разоблачающих снов, но то, что он видел, было бесполезным — обычные бесформенные обрывки, фантазии и хаос, безымянные улицы, незнакомые лица, яркий свет и кричащие цвета, абсурдные споры, бессвязные разговоры, несфокусированные образы. А утром судно прибыло в порт Вирф на южном берегу реки.

Глава 11

— Провинция метаморфов, — сказал Стифон Делиамбер, — называется Пьюрифайн, от имени, которым зовут себя метаморфы на своем языке — пьюривары. На севере она граничит с предместьями Вирфа, на западе — с откосом Велатиса, на юге — с горной цепью Гонгар, а на востоке — с рекой Стейч, главным притоком Зимра. Я хорошо представляю себе каждую из этих границ, хотя никогда не был в самом Пьюрифайне. Попасть туда трудно, потому что откос Велатиса — стена в милю высотой и в триста миль длиной. Гонгары трудны и там частые грозы. Стейч — дикая, неуправляемая река со множеством быстрин и водоворотов. Единственный рациональный путь — через Вирф и через ворота Пьюрифайна.

Теперь жонглеры были всего в нескольких милях от этого входа и стремились как можно скорее оставить за собой скучный торговый город Вирф. Дождь был не сильным, но надоедающим и бесконечным. Побережье не представляло интереса — песчаная почва и густые заросли карликовых деревьев с бледно-зеленой корой и узкими, дрожащими листьями. В фургоне почти не разговаривали. Слит, казалось, погрузился в размышления. Карабелла в центре кабины жонглировала тремя красными мячами, скандары, те, кто не вел фургон, занялись какой-то хитрой игрой костяными палочками и связками усов дроля. Шанамир дремал, Виноркис уткнулся в свой журнал, Делиамбер поддерживал себя чарами с помощью крошечных свечей и других колдовских штук, а великанша Холтен, чтобы не мокнуть под дождем, привязала свое животное к тем, что тянули фургон, а сама храпела теперь, как морской дракон, время от времени просыпаясь, чтобы глотнуть дешевого серого вина, купленного ею в Вирфе.

Валентин сидел в углу у окна и думал о Горе-Замке. Интересно, на что она похожа, эта Гора в тридцать миль высотой, единственная каменная колонна, поднимающаяся, как колоссальная башня, в темную ночь космоса? Если откос Велатиса в милю высотой был, по словам Делиамбера, неприступной стеной, какой же барьер представляет собой башня

в тридцать раз выше? Какую тень отбрасывает гора, когда восходит солнце? Темные полосы бегут по всему Алханролу? А как же города на ее величественных склонах получают тепло и воздух для дыхания? Валентин слышал, что какие-то машины древних вырабатывают тепло и свет и свежий воздух, чудесные машины давно забытой технологической эры, существовавшей тысячелетия назад, когда ремесла, привезенные с земли, были широко распространены здесь.

Но он не понимал, как работают такие машины, как не понимал и того, какие силы действуют на инструменты памяти его собственного мозга, чтобы сказать ему: эта женщина — Карабелла, а тот мужчина — Слит. Он думал также о высочайших областях Горы-Замка, о здании в сорок тысяч комнат на ее вершине, теперь замке Лорда Валентина, а не так давно — замке Лорда Вориакса. Замок Лорда Валентина! Существует ли это место реально, или и Замок, и Гора — сказки, выдумка? Замок Лорда Валентина! Он представил себе его на вершине горы — яркий мазок цвета всего в несколько молекул толщиной, каким он, возможно, кажется по сравнению с этой немыслимой величиной, мазок неправильной формы на боку вершины — сотни комнат по одну сторону, сотни по другую; грозди громадных комнат растянулись, как псевдоподии, над ними внутренние дворики и галереи и в самой глубине — Корональ во всем своем величии, чернобородый Лорд Валентин. Хотя, правда, сейчас Короналя там нет. Он, вероятно, все еще объезжает свое королевство.

Я жил когда-то на этой горе, — думал Валентин, жил в Замке. Что я делал, когда был Короналем, каковы были мои обязанности? Все было непостижимо, и все же в нем крепло убеждение, а в призрачных обрывках памяти, проносившихся через его мозг, появились плотность и субстанция. Он знал теперь, что родился не в Ни-Мойе у реки, как говорили ему вложенные в него мнимые воспоминания, а в одном из пятидесяти городов, расположенных высоко на горе, почти у границы самого Замка, и что он воспитывался в королевской касте, среди тех, из кого выбирали принцев, что его детство и юность было счастливыми.

Он все еще не мог вспомнить своего отца, который наверняка был принцем королевства, а о матери помнил только, что у нее были черные волосы и смуглая кожа, как у него самого когда-то. И — память вдруг пробилась из ниоткуда — однажды она долго целовала его и плакала, а потом сказала, что вместо утонувшего Лорда Малибора Короналем выбрали Вориакса, и теперь она должна стать Леди Острова.

Правда ли это, или он вообразил себе это сейчас? Подсчитывая, Валентин подумал, что ему было, вероятно, двадцать два года, когда к власти пришел Вориакс.

Могла ли мать целовать его, могла ли плакать, становясь Леди Острова? Скорее, она должна была радоваться, что она и ее старший сын станут правителями Маджипура. Плакала и радовалась одновременно — возможно и так.

Валентин покачал головой. Придворные сцены, исторические моменты — найдет ли он когда-нибудь доступ к ним, или все так и останется под запретом, наложенным на него теми, кто украл его прошлое?

Вдалеке раздался страшный взрыв, глухой подземный удар, привлекший внимание всех в фургоне. Он продолжался несколько минут, а затем постепенно затих.

— Что это? — вскричал Слит.

Он выхватил из стойки энергомет.

— Тихо, — сказал Делиамбер. — Это звук Пьюрифайнского фонтана. Мы приближаемся к границе.

— Что это за фонтан? — спросил Валентин.

— Подожди и увидишь.

Через несколько минут фургон остановился. Залзан Кавол повернулся на водительском сидении и крикнул:

— Где вруон? Эй, колдун, дорога заблокирована!

— Мы в воротах Пьюрифайна, — сказал Делиамбер.

Дорогу перегораживала баррикада из блестящих желтых каменных колод, оплетенных яркой изумрудной веревкой. Слева был сторожевой пост, где находились два хорта в серой с зеленым официальной форме.

Они приказали всем выйти из фургона под дождь, хотя сами были под навесом.

— Куда? — спросил он.

— В Илиривойн, участвовать в фестивале Изменяющих Форму. Мы жонглеры, — сказал Залзан Кавол.

— У вас есть разрешение? — спросил другой.

— Такого разрешения не требовалось, — сказал Делиамбер.

— Ты ошибаешься. По указу Лорда Валентина Короналя, изданному больше месяца назад, никто из граждан Маджипура не может входить на территорию метаморфов не иначе как по законному делу.

— У нас законное дело, — возразил Залзан Кавол.

— Тогда вы должны иметь разрешение.

— Но мы не знали, что оно нужно! — протестовал скандар.

Хортам это было безразлично. Они, похоже, готовы были заняться другими делами.

Залзан Кавол посмотрел на Виноркиса, как бы надеясь, что тот сможет повлиять на своих собратьев, но хорт только пожал плечами. Залзан посмотрел на Делиамбера и сказал:

— Колдун, в твои обязанности входит предупреждать меня о таких вещах.

Вруон пожал плечами.

— Даже колдуны не могут знать об изменениях законов, особенно, когда они путешествуют по заповедным лесам.

Эта идея, казалось, зажгла радостную вспышку в глазах Слита. Отсрочка этой метаморфской авантюры! Но Залзан Кавол начал злиться. Лизамон Холтен потянулась к своему вибрационному мечу. Валентин застыл, увидев это, и быстро сказал Залзану:

— Хорты не всегда неподкупны.

— Хорошая мысль, — пробормотал скандар.

Он вытащил кошелек. Внимание хортов тут же заострилось. Валентин решил, что это действительно правильная тактика.

— Может, я найду необходимый документ, — сказал Залзан Кавол.

Достав из кошелька две монеты по кроне, он схватил хортов за жирные руки и прижал к их ладоням по монете, самодовольно улыбаясь. Хорты обменялись взглядами и бросили деньги на землю.

— Крона? — прошептала Карабелла. — Неужели он думает купить их за крону?

— Подкуп офицера имперского правительства — серьезное преступление, — сказал старший хорт. — Вы будете арестованы и предстанете перед судом в Вирфе. Оставайтесь в своем фургоне до прихода эскорта.

Залзан Кавол повернулся, начал что-то говорить Валентину, сердито махнул Делиамберу и тихо заговорил по-скандарски с братьями. Лизамон снова взялась за меч, Валентин пришел в отчаяние: через минуту здесь будет два мертвых хорта, а жонглеры станут беглыми преступниками у самого Пьюрифайна.

Это не ускорит его путь к Леди Острова.

— Сделай что-нибудь скорее, — шепнул он Делиамберу.

Вруонский колдун уже двинулся вперед.

Он поднял деньги и снова протянул их хортам, сказав:

— Простите, но вы кажется уронили эти монеты.

Он сунул их в руки хортам и в то же время на секунду слегка обвил концами щупальцев их запястья.

Когда он выпустил их руки, младший хорт сказал:

— Ваша виза действительна только на три недели. Уйдете из Пьюрифайна через эти же ворота. Другие выходы вам запрещены.

— И к тому же очень опасны, — добавил другой.

Он махнул невидимым стражам, и те растащили баррикаду в стороны, освободив таким образом дорогу.

Когда все вошли в фургон, Залзан Кавол яростно сказал Валентину:

— В будущем не давай мне неправильных советов! А ты, Делиамбер, должен знать, как улаживать такие дела! Это могло сильно задержать нас и лишить дохода.

— Если бы ты подкупал их реалами, а не кронами, — сказала Карабелла тихо, чтобы скандар не слышал, — все было бы проще.

— Неважно, — сказал Делиамбер. — Нас пропустили, верно? Всего лишь немного колдовства, и дешевле, чем подкуп.

— Ох, уж эти новые законы! — начал Слит. — Такое множество указов!

— Новый Корональ, — сказала Лизамон, — хочет показать свою власть. Все они такие. То один указ, то другой, а старый Понтифакс со всем соглашается. Один такой указ лишил меня работы. Вы знаете это?

— Вот как? — спросил Валентин.

— Я была телохранителем торговца в Мазадоне, который очень боялся завистливых конкурентов. Лорд Валентин назначил новый налог за личных телохранителей на всех господ ниже благородного ранга в размере моего годового жалования, и мой хозяин, отсохни его уши, через неделю уволил меня. Два года работала — и прощай, Лизамон, спасибо тебе, получи бутылку лучшего бренди как прощальный подарок! Сегодня я защищаю его презренную жизнь, а завтра я — недоступная роскошь, и все благодаря лорду Валентину! Как вы думаете, не он ли убил брата?

— Придержи язык! — рявкнул Слит. — Такие вещи в Маджипуре не делаются!

Но она упорствовала:

— Несчастный случай на охоте, как же! А старый Малибор утонул на рыбалке? Чего бы нашим Короналям так неожиданно и странно умирать? Раньше никогда не случалось ничего подобного! Они становились Понтифаксами, уходили в Лабиринт и жили чуть ли не вечно, а теперь Малибора съели морские драконы, а Вориакса нечаянно прихлопнули в лесу. Я думаю, наверное, там, на Горе-Замке все рвутся к власти!

— Хватит, — сказал Слит.

Он был недоволен этим разговором.

— Как только избирают нового Короналя, для всех остальных принцев кончается надежда на выдвижение. Вот если Корональ умрет, они снова соберутся на выборы. Когда Вориакс помер, и стал править этот самый Валентин...

— Заткнись! — крикнул Слит.

Он встал в полный рост, едва достигая груди женщины-воина. Глаза его горели.

Она держалась непринужденно, но рука ее потянулась к мечу. Тут вмешался Валентин.

— Она не хотела оскорбить Короналя, — спокойно сказал он. — Она много выпила, и вино развязало ей язык.

Он повернулся к Лизамон.

— Прости его, ладно? Моему другу тяжело в этой части света, ты ведь знаешь.

Второй взрыв, в пять раз громче и в пятьдесят раз ужаснее того, который был полчаса назад, прервал спор. Животные лягались и визжали, фургон накренился.

Залзан Кавол сыпал яростными проклятиями со своего водительского места.

— Фонтан Пьюрифайна, — объявил Делиамбер, — одно из великих зрелищ Маджипура. Стоит посмотреть, как он выбрасывает воду.

Валентин и Карабелла выскочили из фургона, за ними остальные. Они оказались на открытом месте, где лес мелких деревьев с зелеными стволами образовывал нечто вроде естественного амфитеатра, тянувшегося на полмили по шоссе. В дальнем конце взрывался гейзер, но такой, что по сравнению с ним гейзер Горячего Кантора выглядел как мелкая рыбешка против морского дракона. Это была колонна пенившейся воды выше самых высоких башен Долорна, белый столб высотой в пятьсот-шестьсот футов, если не больше, вырывавшийся из земли с непостижимой силой. В верхней части, где он разделялся на множество потоков, разлетавшихся во все стороны, сиял таинственный свет всех цветов радуги, окружая колонну как бы разноцветной бахромой. Теплые брызги наполняли воздух.

Извержение все продолжалось — невероятный объем воды со столь же невероятной силой устремлялся в небо. Валентин чувствовал, как все его тело пронизывают подземные силы, работавшие тут. Он смотрел с благоговейным ужасом и ощутил почти шок, когда действие закончилось, колонна стала уменьшаться и, наконец, исчезла совсем, оставив после себя лишь капельки теплой влаги.

— Каждые тридцать минут, — сообщил Делиамбер. — Говорят, что с тех пор, как метаморфы живут в Маджипуре,

этот гейзер ни разу не опоздал с выбросом ни на минуту. Это их священное место. Понятно? Вон пришли паломники.

Слит перевел дух и сделал священные знаки. Валентин положил руку на его плечо. В самом деле, неподалеку у придорожной гробницы собралось с десяток метаморфов. Они смотрели на путешественников, как показалось Валентину, не слишком дружелюбно. Некоторые аборигены, стоявшие впереди, поспешно спрятались, а когда появились снова, то выглядели на удивление расплывчато и неопределенно. Но это было еще не все. Они начали изменяться. У одного выросли пушечные ядра грудей, как у Лизамон, у другого — четыре косматых скандарских руки, третий имитировал белые волосы Слита.

Они испустили любопытный тонкий звук, возможно, их эквивалент смеха, а затем вся группа убежала в лес.

Валентин не выпускал плеча Слита, пока не почувствовал, что напряжение оставило тело маленького жонглера. Тогда он со смехом сказал:

— Хороший трюк! Вот бы нам, скажем, вырастить дополнительные руки во время представления. Как ты думаешь?

— Я хотел бы быть в Нарабале, — ответил Слит, — или в Пилиплоке, или еще где-нибудь, только подальше отсюда.

— А я — в Фалкинкине. Кормил бы своих животных, — сказал бледный и трясущийся Шанамир.

— Они не сделают нам ничего плохого, — сказал Валентин. — Для нас это просто интересный опыт, и мы его никогда не забудем.

Он широко улыбнулся, но никто не ответил на его улыбку, даже Карабелла, всегда такая жизнерадостная. Сам Залзан Кавол выглядел необычно смущенным, словно думал, разумно ли было следовать за своими любимыми реалами в провинцию метаморфов. Валентин не мог одним своим оптимизмом успокоить спутников. Он взглянул на Делиамбера.

— Далеко до Илиривойна?

— Он где-то впереди, — ответил вруон. — Не представляю, как далеко. Когда придем, тогда и придем.

Ответ отнюдь не был ободряющим.

Глава 12

Местность была первобытная, дикая — аванпост времен начала цивилизации и захвата Маджипура.

Изменяющие Форму жили в дождливой лесной стране, где ежедневные ливни очищали воздух и давали буйный рост зелени.

С севера приходили частые грозы через природную трубу, образованную откосом Велатиса и Гонгарами, а когда влажный воздух поднимался к крутым склонам предгорья Гонгар, шли мелкие дожди, просачивающиеся через легкую губчатую почву. Деревья были высокими, со стройными стволами, и образовывали наверху густые навесы, потому что сети лиан связывали вместе их вершины. Темная листва блестела, отполированная дождем. Через прогалины в лесу Валентин видел вдалеке зеленые, окутанные туманом горы. Дикой жизни здесь было мало, по крайней мере, на виду. Иногда проползала красная с желтым змея. Изредка они видели красную с алым птицу или зубастого, с паутинными крыльями брауна, пролетавших над головой, а один раз испуганный белантон осторожно прошмыгнул перед фургоном и скрылся в лесу, стуча острыми копытцами и в панике размахивая задранным кверху пушистым хвостом. Вероятно лесные братья прятались тут, поскольку попалось несколько рощиц деревьев двикка. Не было сомнения, что ручьи были полны рыбы и рептилий. Почва была испещрена норками насекомых и грызунов фантастической формы и окраски, а каждое из бесчисленных маленьких озер содержало, как говорили, собственное подводное чудовище, которое по ночам выплывало для охоты на любую дичь, оказавшуюся в пределах досягаемости.

Но ни одно из этих существ не появилось, когда фургон быстро шел к югу по узкой неровной лесной дороге.

Не видно было и самих пьюриваров, хотя время от времени попадались тропы, ведущие в джунгли, несколько грубо сплетенных хижин в стороне от дороги или маленькая группа пилигримов, направлявшихся к гробнице у фонтана. Делиамбер сказал, что этот народ живет охотой и рыболовством, сбором диких плодов и орехов и частично земледелием. Возможно, когда-то их цивилизация была более развитой, если судить по обнаруженным в Алханроле развалинам больших каменных городов, которые относились к ранним пьюриварским временам задолго до появления здесь звездных кораблей, хотя, по словам Делиамбера, некоторые историки считали, что это развалины древних человеческих поселений, основанных и уничтоженных в бурный допонтифакский период двенадцать или тринадцать тысяч лет назад. Во всяком случае, метаморфы, если и имели когда-то более сложный образ жизни, теперь предпочитали стать лесными жителями. Регресс это или прогресс — Валентин не мог определить.

Часам к трем дня звук Пьюрифайнского фонтана уже не был слышен, и лес стал редким и более населенным. На до-

роге не было никаких дорожных знаков, но она вдруг разветвилась. Залзан Кавол посмотрел на Делиамбера, а тот на Лизамон.

— Лопни моя печенка, если я знаю, — прогудела великанша. — Двигайтесь наугад. Пятьдесят на пятьдесят за то, что мы попадем в Илиривойн.

У Делиамбера была лучшая идея.

Он опустился на колени в грязь, чтобы бросить разведочные чары. Он достал из мешка пару кубиков колдовских курений. Прикрыв их плащом от дождя, он поджег их. Пошел светло-коричневый дым. Делиамбер стал вдыхать его, делая щупальцами замысловатые кривые.

Женщина-воин фыркнула:

— Все это обман. Повертит руками и скажет наобум. Пятьдесят на пятьдесят за Илиривойн.

— Налево, — сказал Делиамбер.

Вероятно, колдовство все-таки помогло, так как очень быстро возникли признаки обитания метаморфов.

Это были уже не одиночные хижины, а группы плетеных жилищ, примерно по десятку через каждую сотню ярдов, а затем даже чаще. Пешеходов тоже было много, в основном местные ребятишки, несшие легкий груз в укрепленных на голове ремнях. Многие останавливались, смотрели на фургон, указывали пальцами и что-то говорили сквозь зубы.

Наконец приехали к большому поселку.

Дорога была полна детьми и взрослыми метаморфами, и жилищ было множество. Дети составляли беспорядочную команду. Видимо они практиковались в трансформации и принимали множество форм, в основном очень странных: один выпустил ноги, похожие на ходули, у другого были щупальца, как у вруона, но свисавшие почти до земли, третий превратил свое тело в шарообразную массу на крошечных отростках.

— Кто устраивает цирк, мы или они? — спросил Слит. — Меня тошнит от этого народа.

— Успокойся, — мягко сказал Валентин.

— Я думаю, — угрюмо сказала Карабелла, — что у них немало темных развлечений. Смотрите!

Прямо перед ними на краю дороги стояла дюжина клеток. Группа носильщиков, видимо, только что поставила их и отдыхала. Сквозь прутья клеток просовывались маленькие руки с длинными пальцами. Мучительно скрутились приспособленные для хватания хвосты. Когда фургон проезжал мимо, Валентин увидел, что в клетках полно лесных братьев, запертых по трое-четверо в каждую. Их несли в Илиривойн. Зачем? Для еды или для мучений во время фестиваля?

Валентин содрогнулся.

— Постойте! — закричал Шанамир, когда они ехали мимо последней клетки? — А в ней кто?

Последняя клетка была больше других, и в ней сидел не лесной брат, а какой-то другой пленник, существо явно разумное, высокое и странное, с темно-синей кожей, алыми и отчаянными пурпурными глазами необыкновенного размера и яркости и широким тонкогубым ртом. Его одежда из красивой зеленой ткани была разорвана и покрыта темными пятнами — вероятно, кровью.

Существо со страшной силой вцепилось в решетку и хрипло, со страшным незнакомым акцентом звало жонглеров на помощь.

Фургон проехал дальше.

Похолодев, Валентин сказал Делиамберу:

— Это существо не из Маджипура!

— Верно, — сказал Делиамбер. — Я таких никогда не видел.

— Я однажды видела, — сказала Лизамон. — Это пришелец с планеты неподалеку отсюда. Я забыла название.

— Но что здесь делают инопланетяне? — спросила Карабелла. — Межзвездные полеты редки в наше время, и лишь очень немногие корабли приходят на Маджипур.

— Что-то все-таки делается, — ответил Делиамбер. — Мы не совсем отрезаны от звездных путей, хотя и считаемся задворками в межпланетной торговле.

— Спятили вы, что ли? — взорвался Слит. — Сидят, беседуют о межпланетной торговле, а цивилизованное существо в клетке зовет на помощь, потому что его, скорее всего, зажарят и съедят на метаморфском фестивале! А мы и внимания не обращаем на его крики и едем себе в их город!

Он бросился к скандарам-водителям.

Валентин, боясь скандала, побежал за ним.

Слит схватил Залзана Кавола.

— Ты видел это? Ты слышал? Инопланетянин в клетке!

— Ну? — сказал Залзан Кавол, не оборачиваясь.

— Тебе наплевать на его крики?

— Это не наше дело, — спокойно ответил скандар. — Как мы можем освобождать пленников независимого народа? У них, несомненно, были причины арестовать это существо.

— Причины? Да, конечно: приготовить из него обед! Мы попадем в следующий горшок. Я прошу тебя вернуться и...

— Это невозможно.

— По крайней мере хоть спроси его, за что его посадили. Залзан Кавол, мы, возможно, едем прямиком к своей смерти, а ты так мечтаешь добраться до Илиривойна, что едешь ми-

мо того, кому, может быть, что-то известно о здешних делах, и он в такой беде!

— Слит говорит мудро, — заметил Валентин.

— Прекрасно!

Залзан Кавол фыркнул и остановил фургон.

— Иди, Валентин, узнай, но быстрее.

— Я пойду с ним, — сказал Слит.

— Оставайся здесь. Если ему нужен телохранитель, пусть возьмет великаншу.

Это имело смысл. Валентин подозвал Лизамон, и они пошли обратно к клеткам.

Лесные братья тут же подняли страшный вой и затрясли решетки. Носильщики, как заметил Валентин, вооруженные короткими, внушительно выглядевшими копьями то ли из рога, то ли из полированного дерева, неторопливо выстроились в ряд на дороге, не давая Валентину и Лизамон подойти к большой клетке. Один метаморф, явный лидер, выступил вперед и с угрожающим спокойствием ждал вопросов.

— Он говорит на нашем языке? — спросил великаншу Валентин.

— Вероятно. Попробуй.

— Мы странствующие жонглеры, — громко и отчетливо сказал Валентин. — Мы едем выступать на вашем фестивале в Илиривойне. Далеко ли мы от него?

Метаморф, на голову выше Валентина, но куда более хлипкий, казалось, развеселился, но холодно ответил:

— Вы в Илиривойне.

От метаморфа исходил слабый запах, кислый, но не противный. Его странно скошенные глаза были пугающе невыразительны. Валентин спросил:

— К кому мы должны обратиться по поводу выступления?

— Всех иностранцев, появляющихся в Илиривойне, встречает Данипьюр. Вы найдете ее в служебном доме.

Холодные манеры метаморфа смущали.

Валентин сказал:

— Мы видим в этой большой клетке необычное существо. Могу я спросить, почему оно там?

— Это наказание.

— Преступник?

— Так сказано, — рассеянно ответил метаморф. — Разве это вас касается?

— Мы чужие в вашей стране. Если здесь иностранцев сажают в клетки, мы, пожалуй, предпочтем искать работу в другом месте.

На лице метаморфа мелькнула искра каких-то эмоций — презрения, насмешки?

— Чего вам бояться? Разве вы преступники?

— Нет.

— Тогда вас не посадят в клетку. Выразите почтение Данипьюр и с дальнейшими вопросами обращайтесь к ней, а у меня важные дела.

Валентин посмотрел на Лизамон. Та пожала плечами. Ничего не оставалось, как вернуться обратно.

Носильщики подняли клетки и укрепили их на шестах, положенных на плечи. Из большой клетки неслась крик ярости и отчаяния.

Глава 13

Илиривойн был чем-то средним между городом и деревней, унылым скоплением множества низких, как бы временных строений из легкого дерева, стоявших вдоль кривых незамощенных улиц, которые, казалось, уходили далеко в лес. Все выглядело временным, как будто Илиривойн обосновался здесь всего год-два назад, а через несколько лет перейдет в какой-то другой округ. Палки-фетиши с привязанными к ним яркими лоскутами и кусочками меха, воткнутые почти перед каждым домом, видимо, объявляли о фестивале. Кроме того, на улицах были устроены помосты для представлений, или, как с дрожью подумал Валентин, для каких-то темных племенных ритуалов. Найти служебный дом и Данипьюр оказалось просто. Главная улица выходила на широкую площадь, ограниченную с трех сторон маленькими куполообразными зданиями с узорчатыми плетеными крышами, а с четвертой стороны стояло одно большое трехэтажное здание. Перед ним был ухоженный садик с толстостебельным серым кустарником. Залзан Кавол остановил фургон на свободном месте рядом с площадью.

— Пойдем со мной, — сказал он Делиамберу. — Посмотрим, что удастся устроить.

Они недолго пробыли в служебном доме.

Когда они вышли, с ними была величественная метаморфская женщина — явно Данипьюр.

Все трое остановились у садика, оживленно беседуя. Данипьюр что-то уточняла, Залзан Кавол то кивал, то отрицательно качал головой. Делиамбер, такой крошечный между этими высокими существами, делал изящные дипломатические жесты примирения. Наконец Залзан и вруон вернулись в фургон. Настроение скандара заметно улучшилось.

— Мы приехали как раз вовремя, — сказал он. — Но они не дадут нам ни пищи, ни жилья, потому что в Илиривойне нет гостиниц. Ну, и есть некоторые зоны в городе, куда мы

не можем входить. В других местах меня встречали более радушно. Но иной раз, я полагаю, может случиться и так.

Толпы молчаливых метаморфских ребятишек провожали фургон, когда он двинулся к месту позади площади, где можно было припарковаться. Вечером они провели репетицию, и хотя Лизамон старалась изо всех сил отогнать юных метаморфов, они пролезли между деревьями и кустами и глазели на жонглеров. Валентину это действовало на нервы, и не одному ему. Слит был напряжен и необычно неловок, и даже Залзан Кавол, мастер из мастеров, впервые на памяти Валентина уронил дубинку.

Смущало молчание детей. Они стояли, как белоглазые статуи — отдаленные зрители, вытягивающие энергию и ничего не дающие взамен. Но еще больше смущали их метаморфические фокусы, их манера переходить из одной формы в другую также случайно и непреднамеренно, как человеческий ребенок сует палец в рот. Видимо, их мимикрия имела цель, потому что принимаемые ими формы представляли грубое подобие жонглеров, как это делали взрослые метаморфы у Пьюрифайнского фонтана.

Дети очень недолго держали форму — у них еще не хватало умения, но в паузах Валентин видел, как они создали себе золотистые волосы, как у него, белые, как у Слита, и черные, как у Карабеллы, и стали похожими на многоруких медведей, как скандары. Потом пытались имитировать лица, индивидуальное выражение, и все это в искаженной, отнюдь не льстящей манере.

В эту ночь путешественники все втиснулись в фургон, вплотную друг к другу.

Всю ночь шел дождь. Валентин почти не спал. Иногда он впадал в легкую дремоту, но быстро просыпался. Где-то среди ночи он все-таки уснул по-настоящему и увидел сон, смутный и несвязный: метаморфы вели пленников — лесных братьев и синекожего чужака — по дороге к Пьюрифайнскому фонтану, который возвышался над всем миром, как колоссальная белая гора.

Незадолго до восхода солнца Слит потряс его за плечо и разбудил. Валентин сел, протирая глаза.

— В чем дело?

— Выйдем. Надо поговорить.

— Но еще темно!

— Ничего. Пойдем.

Валентин зевнул, потянулся и встал.

Они осторожно перешагнули через Карабеллу и Шанамира, обошли одного из скандаров и вышли из фургона. Дождь

прекратился, но было темно и холодно, и от земли поднимался противный туман.

— У меня было послание, — сказал Слит, — я думаю, от Леди.

— Какое?

— Насчет синекожего в клетке, которого они назвали преступником. Во сне он пришел ко мне и сказал, что он не преступник, а путешественник, по ошибке зашедший на территорию метаморфов, и его схватили, потому что у них обычай во время фестиваля приносить иностранцев в жертву Пьюрифайнскому фонтану. Я видел, как это делается. Жертву связывают по рукам и ногам и бросают в бассейн фонтана, а когда происходит взрыв, жертва взлетает в небо.

Валентина пробрала дрожь, но не от холодного тумана.

— Я видел во сне нечто похожее, — сказал он.

— Кроме того, — сказал Слит, — нам тоже грозит опасность. А если мы освободим чужака, он нам поможет. Если же мы оставим его умирать, то и сами не уйдем отсюда живыми. Ты знаешь, Валентин, что я боюсь этих Изменяющих Форму, но в этом сне было что-то новое. Он пришел с посланием. Его нельзя отбросить, посчитав его страхами глупого Слита.

— Что ты хочешь делать?

— Освободить чужака.

— А если он преступник? — с тревогой спросил Валентин. — Какое право мы имеем вмешиваться в правосудие пьюриваров?

— Право послания, — ответил Слит. — А те лесные братья тоже преступники? Я тоже видел их во сне, брошенных в фонтан. Мы среди дикарей, Валентин.

— Нет, они не дикари, просто чуждая раса, и ее пути не похожи на пути Маджипура.

— Я твердо решил спасти синекожего. Если ты не поможешь мне, я сделаю это один.

— Сейчас?

— А когда же? Сейчас темно, тихо. Я открою клетку, и он убежит.

— Ты думаешь, клетку не охраняют? Нет, Слит, подожди. Сейчас это неразумно. Ты поставишь под удар всех нас. Я попытаюсь разузнать об этом пленнике — за что его посадили и что его ждет. Если они намереваются принести его в жертву, они сделают это в конце фестиваля. У нас еще есть время.

— Но послание было сейчас, — сказал Слит.

— Я видел во сне нечто подобное.

— Но это было не послание?

— Нет, но его достаточно, чтобы считать твой сон истиной. Я помогу тебе, Слит, но не сейчас. Сейчас не время.

Слит выглядел беспокойным. Он уже мысленно видел дорогу к клеткам, и возражения Валентина расстроили его.

— Слит!

— Да?

— Послушай меня. Сейчас не время. Подожди.

Валентин твердо смотрел на жонглера. Тот посмотрел на него также твердо, но сопротивление его было быстро сломлено, и он опустил глаза.

— Слушаюсь, милорд, — спокойно сказал он.

В течение дня Валентин попытался получить информацию о пленнике, но безуспешно. Одиннадцать клеток с лесными братьями находились на площади напротив служебного дома в три яруса, а клетка с чужаком стояла на самом верху, высоко над землей. Клетки охраняли пьюривары с копьями.

Валентин хотел было подойти, но уже на середине площади его остановили.

— Вам запрещено входить сюда, — сказал ему метаморф.

Лесные братья яростно колотили по решетке. Синекожий выкрикивал слова с таким акцентом, что Валентин с трудом понимал. Чужак кричал:

— Беги, дурак, пока они не убили и тебя!

Но, может быть, тут сработало воображение. Стражники держали плотный кордон вокруг клеток. Валентин повернул обратно. Он спрашивал о клетках у детей, но они смотрели на него холодными пустыми глазами, упорно молчали, имитировали его золотистые волосы и затем разбегались, как от демона.

Все утро в Илиривойн шли метаморфы из далеких лесных поселков. Они несли с собой всевозможные декоративные предметы: плетения, флаги, драпировки, украшенные зеркалами стойки, шесты, покрытые резными мистическими рунами.

Все, казалось, знали, что им надлежит делать, и все были очень заняты. Дождя не было.

Интересно, — думал Валентин, — каким колдовством пьюривары обеспечили себе для праздника редкий сухой день? Или это просто совпадение?

Часа в три дня началось празднество. Небольшие группы музыкантов играли отрывистые, резкие мелодии в эксцентричном ритме, а масса метаморфов танцевала медленный величественный танец переплетающегося узора, двигаясь, как во сне.

На некоторых улицах шли состязания в беге, судьи стояли вдоль улиц и затевали споры, когда бегуны проносились

мимо. Ларьки, видимо, выстроенные ночью, торговали супом, тушеным и жареным мясом, напитками.

Валентин чувствовал себя незваным гостем. Ему даже хотелось извиниться перед метаморфами, что он затесался к ним в их праздничные дни. Но никто, кроме детей, не обращал на него никакого внимания, а дети явно видели в нем диковинку, привезенную для развлечения. Пугливые малыши выглядывали отовсюду, старались имитировать его, Слита и других, но близко не подходили.

Залзан Кавол назначил вечером репетицию позади фургона. Валентин пришел одним из первых, радуясь возможности уйти с переполненных улиц. Он нашел только Слита и двух скандаров.

Ему показалось, что Залзан Кавол как-то странно посмотрел на него. Во внимании скандара было что-то новое и тревожащее. Через несколько минут смущенный Валентин спросил:

— Что-то неладно?

— Что может быть неладно?

— Ты выглядишь недовольным.

— Я? Ничего подобного. Сон, только и всего. Я думаю о сне, который видел прошлой ночью.

— Ты видел синекожего пленника?

Залзан Кавол растерялся.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что и я его видел, и Слит.

— Мой сон не имел ничего общего с синекожим, — ответил скандар, — и я не желаю говорить об этом сне. Все это были глупости, больше ничего.

Залзан Кавол отошел, взял полную охапку ножей и начал жонглировать.

Валентин пожал плечами. Он никогда не задумывался, видят ли скандары сны, в особенности тревожащие. Хотя, конечно, они граждане Маджипура и разделяют все обычаи здешнего населения, так что и у них должны быть полные жизни сны, как у всех, с посланиями от Короля и Леди, заблуждениями и прозрениями как у людей, и наверное, прочих рас. Но вот что интересно: Залзан Кавол всегда так следил за эмоциями, так неохотно показывал свою суть, кроме жадности, нетерпения и раздражения, а тут вдруг задумался над сном.

А бывают ли у м е т а м о р ф о в сны со значением, посланиями и прочим?

Репетиция прошла хорошо. Затем жонглеры легко и не очень сытно пообедали фруктами и ягодами, собранными Лизамон в лесу, и запили их остатками вина, привезенного

ими из Кантора. На улицах Илиривойна уже зажглись фейерверки, отовсюду лилась нестройная музыка. Валентин думал, что представление состоится на площади, но нет: метаморфы в каких-то вроде бы жреческих костюмах проводили жонглеров в совершенно другую часть города, на большое овальное пространство, уже окруженное сотнями, а то и тысячами ожидающих зрителей. Залзан Кавол и его братья тщательно обошли всю площадку, проверяя, нет ли ям или неровностей, могущих помешать их работе. Обычно Слит участвовал в этом, но сейчас, как вдруг заметил Валентин, он исчез после репетиции. Неужели у него не хватило терпения, и он решил сделать что-то без него?

Валентин собрался было пойти на поиски, но в это время появился Слит, чуть запыхавшись.

— Я был на площади, — тихо сказал он. — Клетки еще там, но большая часть стражников, видимо, сбежала на танцы. Я сумел перекинуться парой слов с пленником, прежде чем меня отогнали.

— И что?

— Он сказал, что в полночь его принесут в жертву фонтану, — точно, как в моем сне. А завтра ночью то же самое сделают и с нами.

— Да?..

— Клянусь именем Леди, — сказал Слит.

Его глаза сверлили Валентина.

— Я пришел сюда, милорд, только по твоему приказу. Ты уверял, что никакого вреда нам не будет.

— Твои опасения казались нереальными.

— А теперь?

— Я начинаю пересматривать свое мнение, — ответил Валентин. — Но мы уйдем из Илиривойна живыми и невредимыми. Я обещаю тебе это. После представления я поговорю с Залзаном, а потом посоветуюсь с Делиамбером.

— Я был бы счастлив уехать отсюда как можно скорее.

— Метаморфы сегодня вечером празднуют и пьют. Чем позднее мы уедем, тем менее вероятно, что они заметят это, и вряд ли сумеют преследовать нас, даже если захотят. Да разве Залзан Кавол согласится отменить представление из-за слухов об опасности? Мы выполним свою работу, а потом займемся собственными делами. Что ты на это скажешь?

— Я в твоем распоряжении, милорд, — ответил Слит.

Глава 14

Представление было замечательное, и никто не был в лучшей форме, чем Слит.

Он исполнял свое слепое жонглирование и делал это безупречно. Скандары перекидывались факелами, Карабелла работала на катающемся шаре, Валентин жонглировал, танцуя, прыгая, приседая. Метаморфы сидели вокруг концентрическими кругами, говорили мало, совсем не аплодировали, но смотрели с неослабевающим вниманием.

Работать в такой аудитории было тяжело, даже хуже, чем на репетиции, потому что теперь у них были тысячи зрителей, никак не реагирующих на выступление.

Они сидели, как статуи — такими же были и дети во время репетиции — не высказывали ни одобрения, ни осуждения, а лишь что-то вроде безразличия.

Затем метаморфы вдруг стали воспроизводить действия жонглеров, но в странной, искаженной форме.

По двое, по трое они выходили вперед, вставали в центр круга всего в нескольких ярдах от жонглеров и быстро меняли формы: шестеро стали похожими на скандаров, один на Карабеллу, один на Слита, а один принял вид высокого золотоволосого Валентина. В этих превращениях не было ничего от игры: Валентин видел явную, насмешливую угрозу, а, посмотрев на не участвовавших в представлении членов труппы, увидел, что Делиамбер делает тревожные жесты щупальцами, Виноркис хмурится, а Лизамон переступает с ноги на ногу, как бы готовясь к бою.

Залзан Кавол тоже выглядел расстроенным.

— Продолжайте, — сказал он отрывисто. — Мы здесь для того, чтобы работать.

— По-моему, — сказал Валентин, — мы здесь для того, чтобы развлекать их, но необязательно представлением.

— Неважно. Мы артисты и будем продолжать.

Он дал сигнал и начал с братьями головокружительный обмен множеством острых и опасных предметов. Слит, помедлив, схватил несколько дубинок и стал каскадом бросать их. Карабелла тоже. У Валентина похолодели руки, он явно не хотел работать.

Девять метаморфов неподалеку от них тоже начали жонглировать. Это было искаженное, как во сне, жонглирование, без настоящего искусства или ловкости, насмешка, пародия, больше ничего. Они держали в руках толстые плоды, куски дерева и другие обычные предметы и перебрасывали их из руки в руку, по-детски пародируя жонглеров, все время роняя предметы даже в самых простых ситуациях, и быстро наклонялись, чтобы поднять их. Это представление заинтересовало зрителей куда больше, чем то, что делали настоящие жонглеры. Теперь зрители гудели — может, это была форма аплодисментов? — ритмично покачивались и хло-

пали руками по коленям, а некоторые трансформировались в страшные чередующиеся формы то человека, то хорта, то су-сухириса, то жонглеров, то еще кого-то.

В одном месте Валентин увидел сразу шесть или семь грубых своих копий.

Выступать в таком отвлекающем кругу стало невозможным, но жонглеры угрюмо работали еще несколько минут, ошибаясь, роняя дубинки, портя давно знакомые комбинации. Гудение метаморфов становилось все сильнее.

— Смотрите! — вдруг закричала Карабелла.

Она указала на одного из псевдожонглеров, который изображал Валентина.

Валентин посмотрел и задохнулся от изумления.

Действия метаморфа превосходили всякое понимание, ошеломляли и приводили в ужас. Метаморф начал колебаться между двумя формами. Одна изображала Валентина-жонглера, высокого, широкоплечего, большерукого, золотоволосого молодого человека, а вторая была Лордом Валентином Короналем.

Изменение происходило почти мгновенно, как вспышка света. Одну секунду Валентин видел перед собой своего двойника, а в следующий миг — чернобородого Короналя с жесткими глазами, властным лицом, который тут же исчезал, снова заменяясь простым жонглером. Гудение толпы стало громче: метаморфы одобряли шоу. Валентин... Лорд Валентин... Валентин... Лорд...

Смотря на это, Валентин чувствовал, что спина его леденеет, волосы шевелятся, колени дрожат. Эта странная пантомима имела безошибочный смысл. Если Валентин хотел получить подтверждение всему тому, что прошло через него за это время, начиная с Пидруда, то теперь он это подтверждение получил здесь, в этом лесном городе, среди этого первобытного народа.

Он смотрел на собственное лицо.

Он смотрел в лицо Короналя.

Остальные восемь "жонглеров" прыгали в кошмарном танце, высоко задирая ноги, размахивая фальшивыми скандарскими руками и хлопая себя по бедрам. Волосы лже-Слита и лже-Карабеллы развевались на ночном ветру, и только фигура лже-Валентина оставалась неподвижной, хотя лицо изменялось. Затем и это кончилось. Девять метаморфов стояли в центре круга, протягивая руки к публике, которая вскочила на ноги и начала дикий танец.

Представление кончилось. Метаморфы, продолжая танцевать, уходили в ночь, к ларькам и развлечениям своего фестиваля.

Ошеломленный Валентин медленно повернулся и увидел застывшие лица своих товарищей. Челюсть Залзана Кавола отвисла, руки болтались. Его братья сгрудились за ним в страхе и шоке. Слит был страшно бледен, лицо Карабеллы, наоборот, пылало лихорадочным румянцем.

Валентин протянул к ним руки. Залзан Кавол растерянно подался вперед и остановился в нескольких шагах от Валентина.

Он моргал, облизывая губы, и ему, казалось, трудно было заставить себя заговорить.

Наконец он сказал слабым, не своим голосом:

— Милорд...

Он и его братья неуверенно и неловко опустились на колени. Залзан трясущимися руками сделал знак горящей звезды, его братья сделали тоже. Слит, Карабелла, Виноркис, Делиамбер тоже встали на колени. Испуганный Шанамир, разинув рот, смотрел на Валентина, как бы парализованный увиденным, но затем медленно склонился к земле.

— Вы что, спятили все? — закричала Лизамон.

— На колени! — хрипло приказал Слит. — Ты видела это, женщина! Он — Корональ! На колени!

— Корональ! — в смущении проговорила она.

Валентин протянул к ним руки успокаивающим и благославляющим жестом. Они боялись его и того, что только что происходило.

Он и сам испугался, но его страх быстро прошел, сменившись силой, убеждением, уверенностью. Само небо, казалось, крикнуло, что он Лорд Валентин, который был Короналем на Горе Замка, и что он снова будет в Замке, если станет сражаться за это. В него хлынула страсть к власти. Даже здесь, в этой дождливой, далекой охотничьей стране, в ее обветшалом древнем городе, с еще потным от жонглирования телом в обычной грубой одежде, Валентин чувствовал себя тем, кем был когда-то. И хотя он не понял, какая метаморфоза произошла с ним, он больше не сомневался в реальности посланий, полученных во сне. Он не чувствовал ни вины, ни стыда, когда принимал знаки почтения от своих прежних компаньонов.

— Встаньте, — сказал он мягко. — Все встаньте. Нам надо уезжать отсюда. Шанамир — запрягай животных, Залзан Кавол — готовь фургон. Всем вооружиться энергометами, кто умеет с ними обращаться, жонглерскими ножами и всем, чем можно. Пригляди за этим, Слит.

Залзан Кавол с трудом сказал:

— Милорд, во всем этом привкус сна. Подумать только, что все это время я путешествовал с... подумать только, я грубо разговаривал...

— Потом, — сказал Валентин. — Сейчас нет времени обсуждать эти вопросы.

Он повернулся к Лизамон, которая разговаривала сама с собой, шевелила губами, жестикулировала, что-то себе объясняла и обсуждала невероятные события. Спокойным сильным голосом Валентин сказал:

— Ты нанималась только привести нас в Илиривойн. Мне понадобится твоя сила, когда мы будем уходить. Ты останешься с нами и дальше?

— Они сделали тебе знак горящей звезды, — бормотала она. — Они все встали на колени, а метаморфы...

— Я был раньше Лордом Валентином из Горного Замка. Прими это, поверь этому, королевство попало в опасные руки. Останься рядом со мной, Лизамон, когда я поеду на восток, чтобы восстановить справедливость.

Она прижала громадную мясистую руку ко рту и ошеломленно смотрела на Валентина, затем стала сгибаться в почтительном поклоне, но он покачал головой, взял ее за локоть и не дал встать на колени.

— Сейчас этого не нужно, — сказал он. — Пойдем отсюда!

Они собрали свой инвентарь и быстро пошли на другой конец города к фургону. Шанамир и Карабелла ушли раньше и теперь были уже далеко. Скандары шли одной шеренгой, земля дрожала под ними. Валентин ни разу не видел, чтобы они шли так быстро. Он и Слит буквально бежали за ними. Кривоногий медлительный Виноркис изо всех сил старался держаться рядом. Позади всех шла Лизамон Холтен. Она подхватила Делиамбера и несла его на сгибе левой руки, а в правой держала обнаженный вибромеч.

Приближаясь к фургону, Слит спросил Валентина:

— Мы освободим пленника?

— Да.

Валентин поманил к себе Лизамон. Она спустила Делиамбера на землю и пошла за Валентином.

Под предводительством Слита они побежали к площади. К облегчению Валентина, она была почти пуста, лишь горстка стражников стояла на посту. Двенадцать клеток все еще находились тут, поставленные в три яруса, на самом верху клетка с синекожим. Не дав стражникам опомниться, Лизамон схватила сразу двоих и швырнула чуть ли не на середину площади.

— Не отнимай жизнь, — предупредил ее Валентин.

Слит с ловкостью обезьяны взобрался наверх и начал резать толстые прутья, удерживавшие дверь клетки. Валентин натягивал прут, а Слит пилящими движениями ножа резал. Через минуту лопнули последние волокна, и Валентин открыл дверь.

Чужак выбрался из клетки, разминая затекшие ноги, и вопросительно посмотрел на своих избавителей.

— Пойдем с нами, — сказал Валентин. — Наш фургон недалеко, за площадью. Ты понимаешь?

— Понимаю, — сказал чужак.

Голос его был глубоким, звучным, с резким щелканьем на каждом слоге. Ничего не сказав, он спрыгнул на землю, где Лизамон закончила дело с метаморфами и аккуратно укладывала их в кучу.

Валентин стал резать крепления на ближайшей клетке с лесными братьями. Маленькие руки просунулись через решетку и скоро существа вышли наружу.

Валентин перешел к следующей. Слит уже спустился вниз.

— Минутку, — окликнул его Валентин. — Работа еще не закончена.

Слит вытащил нож и принялся за дело. Через минуту-другую все клетки были открыты, и десятки лесных братьев скрылись в ночи.

На пути к фургону Слит спросил:

— Зачем ты это сделал?

— А почему бы и нет? — ответил Валентин. — Они тоже хотят жить.

Шанамир и скандары подготовили фургон, животные были впряжены, роторы крутились. Последней пришла Лизамон. Она захлопнула за собой дверь и крикнула Залзану Каволу, и тот немедленно пустился в путь.

И как раз вовремя: появилось с полдюжины метаморфов, — они бросились вдогонку, крича и жестикулируя. Залзан Кавол прибавил скорость.

Преследователи скоро остановились и скрылись из виду, когда фургон въехал во тьму джунглей.

Слит беспокойно оглядывался.

— Как вы думаете, они все еще преследуют нас?

— Не догонят, — сказала Лизамон. — Они путешествуют только пешком. Мы в безопасности.

— Ты уверена? — спросил Слит. — А если они пройдут каким-то боковым путем и перехватят нас?

— Не тревожься заранее, — сказала Лизамон. — Мы едем быстро.

Она вздрогнула.

— Не дай нам, божество, еще раз увидеть Илиривойн!

Все замолчали. Фургон быстро двигался вперед.

Валентин сидел чуть поодаль от остальных. Это было неизбежно, но огорчало его, потому что он все еще был больше Валентином, чем Лордом, и ему странно и неприятно было ставить себя выше друзей. Но ничего не поделаешь. Карабелла и Слит, узнавшие о нем частным образом, согласились держать это в секрете. Делиамбер, узнавший правду раньше самого Валентина, никогда открыто не показывал этого, но остальных, может, и подозревавших, что Валентин не простой странник, ошеломило открытое признание его ранга в гротескном выступлении метаморфов. Они смотрели на него молча, застыв в неестественных позах, как бы боясь шевельнуться в присутствии Короналя. Но как полагается вести себя в присутствии правителя Маджипура? Нельзя же все время делать перед ним знак горящей звезды!

Валентину этот жест вообще казался абсурдным: растопыренные пальцы — и только.

Его растущее чувство собственной значимости, видимо, не исключало сомнений.

Чужак назвал себя Коном из Кайнимора, относительно близкой к Маджипуру планеты. Он был сумрачен и задумчив, и находилсч в состоянии гнева и отчаянии, что выражалось, как казалось Валентину, в форме его рта, тоне голоса и главным образом в пристальном взгляде его необычных пурпурных глаз. Конечно, он мог судить со своей, человеческой точки зрения, об этом чуждом существе, а по мнению жителей Кайнимора, Кон, возможно, веселый и приятный тип. Но сомнительно.

Кон приехал на Маджипур два года назад по делу, суть которого не стал объяснять.

Это была, как он с горечью сказал, величайшая ошибка в его жизни, потому что он растратил на Маджипурские развлечения все деньги, по глупости отплыл в Зимрол, не зная, что на этом континенте нет космопорта, откуда он мог бы отправиться на родную планету, и сделал еще большую глупость, зайдя на территорию метаморфов, где предполагал поправить свои денежные дела какой-нибудь торговлей, а метаморфы схватили его, посадили в клетку и держали в ней много недель, чтобы в главную ночь фестиваля принести в жертву фонтану.

— Может, это было и к лучшему, — сказал он. — Один быстрый удар воды — и всем странствиям конец. Я устал от Маджипура. Если мне суждено умереть здесь, я предпочел бы умереть скорее.

— Прости нас, что мы освободили тебя, — ядовито сказала Карабелла.

— Нет, я не хочу быть неблагодарным, — только...

Кон сделал паузу.

— Мне тяжело здесь, и на Кайниморе тоже. Есть ли во вселенной место, где жизнь не означает страдание?

— А чем она плоха? — спросила Карабелла. — Мы находим ее вполне терпимой. Даже самая плохая жизнь лучше смерти.

Она рассмеялась.

— Ты всегда такой угрюмый?

Чужак пожал плечами.

— Если ты счастлива, я могу этому позавидовать. Я нахожу существование тяжелым и жизнь бессмысленной. Но это слишком мрачные мысли для того, кто только что был освобожден. Я благодарен вам за помощь. Кто вы, как попали в Пьюрифайн и куда теперь едете?

— Мы жонглеры, — сказал Валентин.

Кон остро посмотрел на остальных.

— Мы приехали в эту провинцию, думая, что здесь найдем работу. Если нам удастся удрать отсюда, мы поедем в Ни-Мойю и вниз по реке в Пилиплок.

— А оттуда?

Валентин сделал неопределенный жест.

— Кое-кто из нас хочет совершить паломничество на Остров Снов. Ты знаешь о нем? Куда хотят ехать другие — не могу сказать.

— Мне надо добраться до Алханрола, — сказал Кон. — Это моя единственная надежда попасть домой, поскольку с этого континента это сделать невозможно. Может быть, в Пилиплоке я сумею устроить себе переезд через море. Могу ли я ехать с вами?

— Конечно.

— Но у меня нет денег.

— Понятно, — сказал Валентин. — Но это не имеет значения.

Фургон быстро продвигался вперед. Снова пошел дождь. В темноте леса опасность могла подстерегать со всех сторон, но, как ни странно, всем было легче оттого, что в темноте ничего не видно, и фургон ехал без задержки.

Примерно через час Валентин увидел, что перед ним стоит Виноркис, тяжело дыша, как пойманная рыба, и весь дрожит.

— Милорд, — тихо сказал он.

Валентин кивнул хорту.

— Ты расстроен, Виноркис?

— Милорд, могу ли я сказать... я должен сделать страшное признание...

Слит открыл глаза и сурово посмотрел на Виноркиса. Валентин сделал знак Слиту.

— Милорд, — сказал Виноркис.

Он остановился и начал снова:

— Милорд, в Пидруде ко мне пришел человек и сказал, что в гостинице поселился высокий блондин, иностранец, и что он совершил страшное преступление. Этот человек предложил мне целый кошелек крон, чтобы я держался ближе к вам, куда бы вы ни пошли, и сообщал о действиях имперским прокторам каждые несколько дней.

— Шпион? — рявкнул Слит.

Он схватился за кинжал на бедре.

— Кто этот человек, который нанял тебя? — спокойно спросил Валентин.

Хорт покачал головой.

— Кто-то из службы Короналя, судя по одежде. Имени его я не знаю.

— И ты передавал эти рапорты? — спросил Валентин.

— Да, милорд, — прошептал Виноркис. — В каждом городе. Через некоторое время я уже перестал верить, что ты, как мне сказали, преступник, потому что ты вежливый, ласковый, у тебя добрая душа, но я взял их деньги, и мне давали еще за каждый рапорт...

— Позволь мне тут же убить его, — резко сказал Слит.

— Убийства не будет, — сказал Валентин, — ни сейчас, ни позже.

— Он опасен, милорд.

— Нет, теперь уже нет.

— Я никогда не доверял ему, — сказал Слит, — и Карабелла, и Делиамбер. Не потому, что он хорт, а из-за его вечных хитростей, намеков, слежки, из-за его вопросов, из-за того, что он отовсюду тянул информацию.

— Я прошу простить меня, — сказал Виноркис. — Я же не знал, кого предаю, милорд.

— Ты веришь ему? — спросил Слит.

— Да, — ответил Валентин. — Почему бы и нет? Он не знал, кто я, и я сам не знал этого. Ему велели следить за блондином и информировать правительство. Что плохого он сделал? Он думал, что служит Короналю. За его лояльность нельзя платить кинжалом, Слит.

— Милорд, ты иной раз бываешь чересчур наивным, — сказал Слит.

— Наверное, но не в данном случае. Мы много выиграем, простив его, и ничего не выиграем, если убьем.

Валентин обернулся к хорту.

— Я прощаю тебя, Виноркис. Прошу только, чтобы ты был так же предан истинному Короналю, как был предан по отношению к фальшивому.

— Клянусь, милорд.

— Хорошо. Теперь иди спать и не бойся ничего.

Виноркис сделал знак горящей звезды, попятился и сел в средней части кабины рядом с двумя скандарами.

— Все-таки это неразумно, милорд. А если он будет по-прежнему шпионить? — спросил Слит.

— Кому он будет доносить в этих джунглях?

— А когда мы выйдем отсюда?

— Я думаю, что ему можно верить, — сказал Валентин. — Я понимаю, что это признание могло быть двойной хитростью, усыпляющей любые наши подозрения. Я не так наивен, как ты думаешь, Слит. Поручаю тебе приглядывать за ним, когда мы снова будем в цивилизованном мире. Но я думаю, ты сам признаешь, что его раскаяние искреннее. Я сделаю его полезным для себя.

— Как, милорд?

— Шпион может привести нас к другим шпионам. Пусть Виноркис поддерживает контакт с имперскими агентами, а!?

Слит осклабился.

— Я понял, что ты имеешь в виду, милорд.

Валентин улыбнулся, и они замолчали.

Валентин думал, что ужас и раскаяние Виноркиса были искренними и сказали многое ему, о чем он должен был знать. Ведь если Кораль платит большие деньги за слежку за каким-то бродягой от Пидруда до Илиривойна, так значит этот бродяга что-то значит. Но самое главное, исповедь Виноркиса подтверждала все, что Валентин узнал о себе. Если для пересадки его из одного тела в другое использовалась новая и недостаточно проверенная техника, заговорщики не знали, насколько долгим будет его беспамятство, потому и не рискнули пустить Короналя бродить по стране без наблюдения.

Значит, рядом был шпион, и вероятно, не один, и была угроза немедленных действий, если до узурпатора дойдут сведения, что к Валентину возвращается память. Интересно было бы знать, насколько тщательно имперские силы выслеживают его, и где именно на его пути в Алханрол они находятся.

За окнами фургона стоял ночной мрак.

Делиамбер и Лизамон бесконечно совещались с Залзаном Каволом по поводу дороги.

Второе большое поселение метаморфов — Авандройн, находилось где-то к юго-востоку от Илиривойна в ущелье между двумя большими горами, и дорога, по которой они ехали, похоже, вела туда. Конечно, вряд ли было разумно лезть в другой метаморфский город.

Туда наверняка уже дошел слух об освобождении пленников и отъезде фургона.

Еще опаснее было ехать назад, к Пьюрифайнскому фонтану.

Валентин не спал, бесконечно воспроизводя в памяти пантомиму метаморфов. Она была похожа на сон, не будучи сном. Валентин стоял достаточно близко, чтобы дотронуться до своего двойника, и отчетливо видел быстрые смены выражения лица. Метаморфы знали истину лучше, чем он сам. Может, они читают мысли, как иногда Делиамбер?

Что они чувствовали, зная, что рядом с ними свергнутый Корональ? Конечно, не страх и благоговение. Коронали для них ничего не значили, они были всего лишь символом их падения тысячи лет назад. Наверное, им было даже смешно, что наследник Лорда Стиамота бросает дубинки на их фестивале и забавляет их всякими трюками.

Корональ не в роскошном Горном Замке, а в их собственном грязном лесном поселке!

Как странно, — думал Валентин, — как похоже на сон!

Глава 15

К утру показались громадные округлые горы с широким перевалом между ними.

Квандроин, видимо, был недалеко, Залзан Кавол с уважением, какого никогда не показывал раньше, подошел посоветоваться с Валентином: остаться в лесу на весь день, а ночью попытаться миновать поселок, или рискнуть пройти днем?

Валентин не привык к лидерству. Он задумался, пытаясь выглядеть дальновидным и рассудительным.

— Если мы поедем днем, мы слишком бросимся в глаза. Если же мы потратим весь день, отсиживаясь тут, мы дадим им время приготовиться к нападению.

— Ночью, — сказал Слит, — в Илиривойне снова фестиваль, и здесь, наверное, тоже. Пока они развлекаются, мы можем проскользнуть мимо, а днем у нас не будет ни одного шанса.

— Я согласна, — сказала Лизамон.

Валентин оглядел всех.

— Карабелла?

— Если мы будем ждать, мы дадим время захватить нас. Я за то, чтобы ехать сейчас.

— Делиамбер?

Вруон деликатно сложил вместе кончики щупальцев.

— Ехать. Вокруг Авандройна и назад к Вирфу. Там, конечно, есть вторая дорога из Авандройна к фонтану.

— Да, — сказал Валентин. — Я согласен с Карабеллой и Делиамбером. А ты?

Залзан Кавол нахмурился.

— Я бы сказал, пусть колдун заставит наш фургон лететь и доставит нас к ночи в Ни-Мойю. Или же — продолжать путь, не ожидая.

— Да будет так, — сказал Валентин, словно это было его собственное решение. — Когда дойдем до Авандройна, пошлем разведчиков поискать обходную дорогу.

Они поехали. Дождь на некоторое время прекратился, а когда пошел снова, то был уже не дождем, а тропическим ливнем.

Тяжелая канонада капель со злобной силой стучала по крыше фургона. Валентин приветствовал этот дождь. Может, метаморфы будут сидеть по домам и не заметят их?

Вот уже показались окраины города, разбросанные плетеные хижины. Дорога все время разветвлялась. Каждый раз Делиамберу предлагалось угадывать, куда свернуть, и в конце концов они поняли, что близки к Авандройну. Лизамон и Слит поехали на разведку и через час вернулись с хорошими вестями: одна из двух дорог ведет прямо к центру Авандройна, где полным ходом идут приготовления к фестивалю, а другая тянется на север, обходит весь город и идет через какое-то подобие Ферсорского округа к дальним склонам гор.

Они выбрали северную дорогу и без всяких инцидентов миновали район Авандройна.

Ближе к вечеру они спустились по горному проходу и въехали на широкую, густо заросшую лесом равнину, которая отмечала западный периметр метаморфской территории. Залзан Кавол гнал фургон вперед, останавливаясь лишь по настойчивому требованию Шанамира, утверждавшего, что животным абсолютно необходим отдых и корм. Хотя они и были искусственного происхождения и практически не утомлялись, но и они время от времени нуждались в отдыхе. Скандар соглашался неохотно. У него, казалось, была навязчивая идея как можно скорее уехать из Пьюрифайна.

В сумерках, когда они ехали под дождем по грубой неровной местности, внезапно пришла беда.

Валентин сидел в средней части кабины с Делиамбером и Карабеллой, Хейрод Кавол и Гейбор Херн правили, а остальные спали. Вдруг впереди раздался грохот и треск, фургон резко остановился.

— Дерево упало, — крикнул Хейрод. — Дорога перегорожена.

Залзан Кавол пробормотал проклятие и тычком разбудил Лизамон. Валентин ничего не видел, кроме зелени. Крона какого-то лесного гиганта целиком заблокировала дорогу. Нужны были часы, а то и дни, чтобы ее очистить. Скандары с энергометами на плечах вышли проверить. Валентин пошел за ними. Быстро темнело.

Дул порывистый ветер, и струи дождя неслись почти горизонтально в лицо.

— Примемся за работу, — проворчал Залзан Кавол.

Он с досадой покачал головой.

— Тилкар, начинай рубить отсюда. Говорю, руби большие боковые ветви...

— Можно сделать по-другому, — сказал Валентин. — Вернемся и поищем другую развилку.

Идея удивила Залзана Кавола, словно скандар в жизни не додумался бы до такого решения.

Он помялся.

— Да, — сказал он наконец, — это имеет смысл. Если...

Но тут второе дерево, еще больше первого, упало на землю в сотне ярдов позади.

Фургон оказался в западне.

Валентин первый сообразил, что случилось.

— Все в фургон! Засада! — кричал он.

Но было уже поздно. Из темноты леса выскочила толпа метаморфов и молча врезалась в них. Залзан Кавол испустил яростный вопль и открыл огонь из энергомета.

Два метаморфа упали, страшно обгоревшие.

В то же время Хейрод Кавол приглушенно вскрикнул и упал. Боевое копье пронзило его шею. Тилкар, пораженный в грудь, упал тоже.

Задняя часть фургона внезапно вспыхнула. Те, кто был внутри, поспешно выскочили. Впереди была Лизамон с поднятым вибромечом. На Валентина напал метаморф с его лицом. Валентин пинком отшвырнул его, а другого прикончил единственным своим оружием — ножом. Как это было странно — нанести рану! Он с какой-то жуткой очарованностью смотрел, как полилась жидкость бронзового оттенка.

Метаморф-Валентин напал снова, нацелившись когтями в глаза. Валентин увернулся, изогнулся и ударил. Лезвие вошло глубоко, и метаморф качнулся назад, хватаясь за грудь.

Валентин затрепетал в шоке, но только на миг, и тут же повернулся к следующему метаморфу.

Сражаться и убивать было для него новым делом, и он выполнял его, скрепя сердце. Быть мягким сейчас означало верную смерть. Он бил и резал.

Позади он услышал голос Карабеллы:

— Как ты?

— Держусь, — буркнул он.

Залзан Кавол, увидев свой великолепный фургон в огне, зарычал, схватил одного метаморфа поперек тела и швырнул его в пламя. Двое других бросились на него, но другой скандар схватил их и сломал, как прутья, двумя парами рук. В яростной схватке Валентин мельком увидел Карабеллу, боровшуюся с метаморфом. Она прижала его к земле сильными натренированными руками, а Слит, яростный мститель, бил его сапогами с дикой яростью.

Фургон горел. Лес был полон метаморфов, ночь быстро надвигалась, лил дождь, а фургон горел.

Когда жар усилился, центр битвы переместился с дороги к лесу, и дело стало еще более тягостным, потому что в темноте трудно было отличить друзей от врагов.

Метаморфские штучки с изменением формы добавляли сложности, хотя в ярости сражения они не могли долго удерживать трансформацию, и те, кто казались Шанамиром, Слитом или Залзаном, быстро принимали обычный вид.

Валентин сражался отчаянно. Он был мокрым от собственного пота и метаморфской крови, и сердце его билось мощными толчками. Задыхаясь и пыхтя, не останавливаясь ни на миг, он пробивался сквозь гущу врагов с таким азартом, который удивлял его самого. Удар ножом... еще удар...

Метаморфы имели лишь простейшие виды оружия, и хотя их было много, вскоре их ряды поредели. Лизамон своим вибромечом производила страшное разрушение. Она держала его обеими руками и рубила, как ветви деревьев, так и руки метаморфов. Уцелевшие скандары посылали вокруг энергозаряды, сожгли с полдюжины деревьев и усыпали землю трупами метаморфов. Слит калечил и убивал, как бы мстя за всю боль, которую, как он думал, причинили ему метаморфы. Кон и Винорикс тоже сражались со страстной энергией.

Битва кончилась так же внезапно, как и началась. При свете пожарища Валентин повсюду видел мертвых метаморфов. Между ними лежали два убитых скандара. У Лизамон была кровоточащая, но неглубокая рана на бедре. Слит потерял половину своего камзола и получил несколько мелких порезов. У Шанамира были царапины на щеке.

Валентин тоже чувствовал незначительные царапины и ссадины, и руки его болели от усталости, но серьезных повреждений не было. А где же Делиамбер?

Вруонского колдуна не было.

Встревоженный Валентин повернулся к Карабелле.

— Вруон остался в фургоне?

— По-моему, мы все вышли, когда он загорелся.

Валентин нахмурился. В лесной тишине были слышны только шипение и треск пожара.

— Делиамбер! — закричал Валентин. — Делиамбер, где ты?

— Я здесь, — ответил высокий голос сверху.

Валентин поднял голову и увидел колдуна, крепко уцепившегося за сук футах в пятнадцати над землей.

— Война не входит в мои таланты, — вежливо объяснил Делиамбер.

Он раскачался и упал прямо на руки Лизамон.

— Что мы будем теперь делать? — спросила Карабелла.

Валентин понял, что она спрашивает именно его. Он командовал. Залзан Кавол, стоявший на коленях возле мертвых братьев, выглядел совершенно убитым: он скорбил об их гибели и потере своего драгоценного фургона.

Валентин сказал:

— У нас нет иного выбора, как пробиваться через лес. Если мы пойдем по главной дороге, то опять встретимся с метаморфами. Шанамир, что с животными?

— Они мертвые.

Мальчик чуть не плакал:

— Все до единого. Метаморфы...

— Значит, пешком в долгое путешествие. Делиамбер, как ты думаешь, далеко ли до реки Стейч?

— Я думаю, несколько дней пути. Но мы не знаем точного направления.

— Пойдем по склону, — сказал Слит. — Реки не могут течь в гору. Пойдем на восток, и нам обязательно повезет.

— Если на нашем пути не встанут горы, — заметил Делиамбер.

— Мы найдем реку, — твердо сказал Валентин. — Стейч впадает в Зимр у Ни-Мойи, правильно?

— Да, — сказал Делиамбер, — но течение очень бурное.

— Придется рискнуть. Скорее всего, я думаю, надо построить плот. Пошли. Если мы задержимся здесь, на нас снова нападут.

Из фургона ничего не удалось спасти — ни одежды, ни еды, ни жонглерского инвентаря, пропало все, кроме того, что было на них, когда они выскочили навстречу засаде. Для Валентина это была небольшая потеря, но для других, осо-

бенно для скандаров — бедствие. Фургон был долгое время их домом.

Очень трудно было увести Залзана Кавола от этого места. Он как бы застыл, не в силах покинуть тела братьев и руины фургона. Валентин ласково уговаривал его. Несколько метаморфов, говорил он, могли удрать и вернуться с подкреплением, оставаться здесь опасно.

Они быстро вырыли в мягкой почве могилы и положили в них тела Тилкара и Хейрода, а затем в сгустившейся тьме, под непрерывным дождем пошли в восточном, как они думали, направлении.

Они шли больше часа, пока не стало так темно, что ничего не было видно.

Пришлось остановиться и ждать, тесно прижавшись друг к другу, до восхода солнца. С первыми лучами они встали, озябшие и неотдохнувшие, и пошли дальше через лес.

Дождь наконец прекратился. Лес стал менее густым, но иногда встречались быстрые ручьи, которые приходилось осторожно обходить. В одном из них Карабелла оступилась, упала и была выловлена Лизамон Холтен, а в другом Шанамира понесло течением, но Кон подхватил мальчика.

Они шли до полудня, остановились на час-два, поели корней и ягод, а затем продвигались дальше, пока не наступила темнота.

Так прошло еще два дня.

На третий день они нашли рощу двикка-деревьев — восемь толстых гигантов с висевшими на них громадными плодами.

— Еда! — завопил Залзан Кавол.

— Священная для лесных братьев, — сказала Лизамон. — Будь осторожен!

Изголодавшийся скандар, тем не менее, уже собирался свалить энергометом одно из громадных деревьев, но Валентин резко сказал:

— Нет! Я запрещаю!

Залзан Кавол недоверчиво уставился на него. На миг взыграла старая привычка командовать, и он посмотрел так свирепо, словно собирался ударить Валентина, но сдержался.

— Смотри, — сказал Валентин.

Из-за каждого дерева были видны лесные братья, вооруженные духовыми трубками.

Увидев, как обезьяноподобные существа окружают их, Валентин уже почти смирился со смертью. Но только на миг.

Он снова воспрянул духом и сказал Лизамон:

— Спроси их, не могут ли они дать нам еды и проводить нас. Если они потребуют плату, я думаю мы можем жонглировать для них камнями или кусочками плодов.

Женщина-воин, вдвое выше лесных братьев, подошла к ним и долго разговаривала с ними. Вернулась она с улыбкой.

— Они знают, что мы освободили их братьев в Илиривойне.

— Значит, мы спасены! — закричал Шанамир.

— В этом лесу новости распространяются очень быстро, — заметил Валентин.

— Мы их гости, — продолжала Лизамон. — Они накормят нас и проводят.

В эту ночь путники досыта наелись двикка-плодами и другими лесными деликатесами и впервые после засады искренне смеялись. Лесные братья исполнили для них род танца с обезьяньими прыжками, а Слит, Карабелла и Валентин ответили им жонглированием, используя лесной материал.

Потом Валентин крепко и спокойно заснул.

Во сне он летад и видел себя парящим над Горой Замка.

Утром отряд лесных братьев повел их в трехчасовое путешествие к реке Стейч и там распрощался с ними щебечущими криками.

Вид реки был угрюмый.

Широкая, хотя и не такая, как могучий Зимр, она бежала на север с поразительной скоростью и так энергично, что во многих местах проламывала собственное каменное ложе. То тут, то там над водой поднимались страшные камни, а вдали виднелись пороги.

Сооружение плотов заняло полтора дня.

Они рубили молодые деревья, росшие на берегу, обтесывали их ножами и острыми камнями, связывали лианами. Плоты получились не слишком элегантные, но прочные.

Их было три: один для четырех скандаров, другой для Кона, Виноркиса, Лизамон и Слита, а третий заняли Валентин, Шанамир, Делиамбер и Карабелла.

— Мы, вероятно, разойдемся, когда поплывем вниз по реке, — сказал Слит. — Давайте договоримся, где мы встретимся в Ни-Мойе.

— Сейч и Зимр, — сказал Делиамбер, — сходятся в месте, называемом Ниссиморн. Там широкая песчаная бухта. Давайте встретимся в бухте Ниссиморн.

— Хорошо, — сказал Валентин.

Он обрезал лиану, удерживавшую плот у берега, и они понеслись по реке.

Первый день прошел без приключений.

Были пороги, но не высокие, и плоты благополучно миновали их. Карабелла ловко управляла плотом и умело обходила случайные каменные выступы.

Через некоторое время плоты стали отдаляться друг от друга. Плот Валентина попал в быстрину и обогнал два других плота. Утром он напрасно ждал их и наконец решил плыть дальше по самому быстрому участку, тревожась всякий раз при виде белой воды на порогах. К концу второго дня плыть стало труднее.

Земля, похоже, понижалась, и река, следуя линии спуска, ныряла и неслась изо всех сил. Валентин начал беспокоиться, нет ли впереди водопада. У них не было ни карт, ни заметок об опасных местах, они неслись наугад. Оставалось лишь верить в удачу, в то, что эта бурная вода донесет их живыми до Ни-Мойи.

А потом? На речном судне до Пилиплока, на корабле паломником на Остров Снов, каким-нибудь способом добиться встречи с Леди, а дальше? Как человек может требовать трона Короналя, если его лицо не похоже на лицо Лорда Валентина, законного правителя? Невозможно. Наверное, лучше остаться в лесу, руководить своим маленьким отрядом. Они с достаточной готовностью приняли его за того, кем он себя считал, но кроме них в этом мире миллиарды жителей, в этой обширной империи гигантские города, лежащие далеко за горизонтом.

Как он сможет убедить всех, что он, Валентин-жонглер, был...

Нет, это глупо. Никогда, с тех пор как он появился в Пидруде, лишенный памяти и прошлого, он не чувствовал необходимости править людьми. Если он стал командовать этой маленькой группой, то больше из-за упущений Залзана Кавола, чем по собственному желанию. Однако, он командовал, пусть деликатно и ощупью.

Так и будет, когда он пойдет через Маджипур. Он будет делать один шаг за другим и делать то, что покажется правильным и нужным. Возможно, Леди станет направлять его, и если божество пожелает, он в один прекрасный день снова будет на Горе Замка. Пусть это не часть великого плана — что ж, все равно приемлемо.

Бояться нечего. Будущее покажет...

— Валентин! — закричала Карабелла.

Река как бы выпустила гигантские каменные зубы. Повсюду торчали камни и пенились чудовищные водовороты, а впереди — явный спуск, где Стейч прыгал в пространство и с ревом несся по ступеням в долину далеко внизу. Валентин схватился за шест, но шест уже не мог помочь ему: он

застрял между двумя каменными зубами и вырвался из рук. Тут же раздался скрежещий звук, когда плот ударился о камни, повернулся под прямым углом к курсу и разломился. Валентина кинуло в холодный поток и понесло, как щепку. Он схватил Карабеллу за руку, но течение тут же вырвало у него девушку, и накрыло его с головой.

Задыхаясь, Валентин старался поднять голову. Когда это ему удалось, он уже был далеко внизу по реке.

Сломанного плота не было видно.

— Карабелла! — кричал он. — Шанамир! Делиамбер!

Он кричал до хрипоты, но грохот воды на порогах настолько покрывал его голос, что он сам себя не слышал. Страшное ощущение боли и потери леденило мозг. Неужели пропали все его друзья, его возлюбленная, хитрый маленький вруон, умный, дерзкий мальчик Шанамир — всех в один миг взяла смерть? Нет, не может быть!

Это ощущение было страшнее, чем все еще нереальное для него дело — быть Короналем, выкинутым из Замка. Тут дорогие ему существа из плоти и крови, а там — лишь титул и власть. Он, не переставая кричал, в то время как река тащила его.

Он цеплялся за камни, пытаясь удержаться, но теперь он был в середине порогов, о которые разбивалось течение. Измученный, полупарализованный, Валентин перестал бороться, и его понесло вниз по гигантской речной лестнице, как игрушку. Он прижал колени к груди, а руками защищал голову, чтобы избежать смертельного удара.

Сила реки потрясла. Итак, — думал Валентин, здесь конец приключений Валентина с Маджипура, бывшего Короналя, а теперь странствующего жонглера. Его разнесут на куски безличные и равнодушные силы природы. Он поручил себя Леди, которую считал своей матерью, и покатился вниз, со страшной силой ударяясь обо что-то, считая, что это конец. Но конца еще не было, он снова получил страшный удар в ребра, выбивший из него воздух, и, видимо, потерял на некоторое время сознание, потому что больше не чувствовал боли.

Затем он обнаружил, что лежит на усыпанной галькой мели в спокойной части реки. Ему казалось, что его целыми часами трясли в гигантском стаканчике для игральных костей, а потом бросили, как ненужное и бесполезное существо. Тело болело, легкие, казалось, были наполнены водой. Он дрожал, тело его покрылось гусиной кожей. Он был один под безоблачным небом, на краю каких-то необитаемых мест, вдали от цивилизации, а его друзья, возможно, лежали мертвыми на камнях.

Но он жив. Это ясно. Избитый, беспомощный, скорбящий, потерянный, но живой.

Значит, приключение не кончилось.

Медленно, с бесконечным усилием Валентин поднялся с отмели и поплелся на берег. Там он с трудом поднялся на широкую плоскую скалу, онемевшими пальцами снял с себя одежду и растянулся под теплым ласковым солнцем. Он смотрел на реку в надежде увидеть плывущую Карабеллу или Шанамира с колдуном на плече.

Никого не было. Но это не означало, что их нет в живых, как он себя уверял. Их могло выбросить дальше по берегу. Он решил остаться здесь на некоторое время, а потом идти искать остальных.

Если же он их не найдет, то отправится дальше к Ни-Мойе, к Пилиплоку, к Острову Леди, вперед, к Замку на Горе, или куда там еще понадобится.

Вперед, вперед, вперед...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КНИГА ОСТРОВА СНОВ

Глава 1

Валентину казалось, что он долгие месяцы и годы лежит голый на теплой плоской скале в каменистой бухте, куда выбросила его неуправляемая река Стейч. Солнечные лучи обволакивали его туманным золотым нимбом, и он говорил себе, что оно подлечит его синяки, ушибы и ссадины, если он так долго будет лежать. Он смутно сознавал, что надо было встать, позаботиться о крове и поискать своих спутников, но у него едва хватило сил повернуться с одного бока на другой. Он понимал, что Корональ Маджипура не должен вести себя таким образом. Такое снисхождение к своим слабостям простительно купцу, хозяину таверны или даже жонглеру, но не тому, у кого есть претензии к власти: на нем лежит бремя долга. Он сказал себе, что сейчас встанет, оденется и пойдет на север по берегу, пока не отыщет тех, кто сможет помочь ему завоевать его утерянное положение.

Вставай, Валентин! Однако он оставался на месте. Корональ он, или нет, он растерял всю свою энергию, когда летел через пороги. Лежа здесь, он сознавал безмерность Маджипура, многие тысячи миль его протяженности, планеты достаточно обширной, чтобы на ней могли жить удобно двадцать миллиардов жителей, планеты с громадными городами и удивительными парками, лесными заповедниками, священными районами и сельскохозяйственными территориями, и ему казалось, что если он все-таки встанет, ему придется покрыть все это колоссальное пространство пешком, шагая и шагая вперед. Похоже, что проще остаться здесь.

Что-то слегка щекотало его спину легко, но настойчиво. Он не обратил на это внимание.

— Валентин!

Он не отозвался.

Щекотание возобновилось. И только тогда его отупевший от усталости мозг ощутил, что кто-то назвал его имя.

Значит, кто-то из его спутников все-таки жив. В его душу хлынула радость.

Собрав остатки энергии, он поднял голову и увидел крошечную фигурку стоявшего перед ним Делиамбера. Вруонский колдун собирался окликнуть его в третий раз.

— Ты жив? — вскричал Валентин.

— По-видимому. Ты тоже более или менее живой.

— А Карабелла? Шанамир?

– Я их не видел.

– Этого я и боялся, – тупо пробормотал Валентин.

Он закрыл глаза, и на него снова навалился груз отчаяния.

– Пойдем, – сказал Делиамбер. – Нам предстоит долгое путешествие.

– Я знаю, поэтому и не хочу вставать.

– Ты ранен?

– Не думаю. Но я хочу отдохнуть, Делиамбер, отдыхать сто лет.

Щупальца колдуна коснулись тела Валентина, ощупывая его.

– Серьезных повреждений нет, – пробормотал вруон. – Большая часть тела в порядке.

– Но многое – нет, – неразборчиво прошептал Валентин. – А как ты?

– Вруоны хорошие пловцы, даже такие старики, как я. Я невредим. Мы пойдем дальше, Валентин.

– Позднее.

– Вот, значит, как Корональ...

– Нет, – сказал Валентин. – Корональ Маджипура не поплыл бы по порогам Стейча на связанном лианами плоту. Корональ не шлялся бы по диким местам много дней, не спал бы под дождем и не питался бы одними ягодами и орехами. Корональ...

– Корональ не позволил бы своим приближенным видеть себя в состоянии отупения и вялости, – резко сказал Делиамбер. – А один из приближенных уже идет сюда.

Валентин заморгал и сел. К ним шла широким шагом Лизамон Холтен. Она выглядела слегка в беспорядке – одежда в лохмотьях, гигантское тело во многих местах покрыто синяками, но шагала она уверенно, и голос ее, когда она окликнула их, звучал, как всегда.

– Эй! Вы живы?

– Думаю, что да, – ответил Валентин. – Ты видела кого-нибудь из наших?

– В полумиле отсюда Карабелла и мальчик.

Валентин воспрянул духом.

– С ними все в порядке?

– С ней, во всяком случае.

– А с Шанамиром?

– Он не хочет просыпаться. Она послала меня искать колдуна. Я нашла его скорее чем предполагала. Фу, ну и река! Этот плот удрал так быстро, что...

Валентин потянулся за одеждой.

Она была еще мокрой, и он снова уронил ее на камни.

— Мы сейчас же пойдем к Шанамиру. Ты ничего не знаешь о других?

— Я их не видела. Я упала в воду, а когда выплыла, никого не было.

— А скандары?

— Вообще никаких признаков. Колдун, как, по-твоему, где мы?

— Далеко от любого места, — ответил вруон. — Во всяком случае, от метаморфских банд мы далеко. Давай, веди нас к мальчику.

Лизамон посадила Делиамбера на плечо и пошла обратно по берегу, а Валентин вяло ковылял сзади, перекинув влажную одежду через руку. Спустя некоторое время они дошли до Карабеллы и Шанамира, которые устроились в маленькой бухте с ярким белым песком. Вокруг были толстые ярко-красные стебли речного тростника. Карабелла, хотя и усталая, в одной кожаной юбке, вроде была в довольно хорошей форме. Шанамир же был без сознания, дышал слабо и медленно, и его кожа имела странный темный оттенок.

— О, Валентин!! — вскрикнула Карабелла.

Она бросилась к нему.

— Я видела, как тебя унесло, а потом... О, я думала, что никогда больше не увижу тебя!

Он прижал ее к себе.

— Я тоже так думал, любимая.

— Ты ранен?

— Ничего существенного. А ты?

— Меня бросало, трясло и крутило, так что я даже не могла вспомнить своего имени. Потом я вдруг очутилась в спокойной воде и поплыла к берегу. Там был Шанамир, только он не хотел просыпаться. Из-под тростника вылезла Лизамон и сказала, что пойдет искать Делиамбера и... Он придет в себя, колдун?

— Сейчас, — сказал Делиамбер.

Он приложил кончики щупальцев к груди и ко лбу мальчика, как бы передавая ему энергию. Шанамир пробурчал что-то и пошевелился. Глаза его то открывались, то закрывались. Он начал что-то хрипло говорить, но Делиамбер велел ему молчать и лежать спокойно, чтобы силы вновь вернулись к нему.

Двинуться в путь в этот день нечего было и думать. Валентин и Карабелла соорудили шалаш из тростника, Лизамон собрала скудный обед из фруктов и молодых побегов пипины. Затем они молча сидели у реки, глядя на прекрасный закат.

Утром все чувствовали себя способными действовать. Шанамир казался здоровым. Лечение Делиамбера и природная сопротивляемость мальчика невзгодам вернули ему жизненные силы.

Починив, насколько было возможно, свою рваную одежду, они пошли на север, сначала по берегу, а дальше — через лес, примыкавший к реке. Воздух здесь был мягким, а солнце, пробивавшееся сквозь кроны деревьев, давало усталым путникам тепло.

Через три часа Валентин уловил запах, весьма напоминавший жареную рыбу. Он поспешил туда, глотая слюну, готовый купить, выпросить, а при необходимости и украсть немного этой рыбы, поскольку он уже забыл, когда последний раз ел настоящую пищу. Скатившись по откосу, он увидел три фигуры, сидевшие у костра. Заслонив глаза от яркого солнца, Валентин разглядел, что одна из фигур была плотным человеком с бледной кожей и белыми волосами, другая — синекожее существо, а третья — хорт.

— Слит! — закричал Валентин. — Кон! Виноркис!

Они спокойно смотрели, как он бежал к ним, а затем Слит небрежно протянул ему прут с насаженным на него куском речной рыбы.

— Закуси немножко, — любезно сказал Слит.

Валентин был изумлен.

— Как вы очутились так далеко от нас? Как вы поймали рыбу? Как вы смогли разжечь костер? Что...

— Рыба остынет, — сказал Кон. — Сначала ешь. Вопросы потом.

Валентин поспешно взял кусок. Он никогда не ел ничего вкуснее. Обернувшись, он крикнул своим спутникам, чтобы они скорее спускались. Но те уже бежали — Шанамир, гикая и подскакивая на бегу, Карабелла, а за ними топала Лизамон с Делиамбером на плече.

— Рыбы хватит на всех! — объявил Слит.

Они поймали по крайней мере дюжину рыб, которые теперь печально кружились в глубокой каменной выемке с водой. Кон вытаскивал их и потрошил, Слит быстро жарил на костре и передавал друзьям, а те жадно ели.

Слит рассказал, что когда плот разломился, они все вцепились в один обломок и ухитрились висеть на нем, пока их несло по порогам вниз. Они смутно помнили, что видели отмель, куда выбросило Валентина, но самого его не заметили, когда их протащило мимо еще на несколько миль, где они, наконец, смогли остановиться и подплыть к берегу.

Слит сказал, что Кон ловил рыбу голыми руками, что он в жизни не видел таких проворных рук и думает, что из Ко-

на вышел бы первоклассный жонглер. При этих словах Кон усмехнулся. Валентин впервые увидел улыбку на этом угрюмом лице.

— А костер? — спросила Карабелла. — Вы зажгли его, щелкнув пальцами?

— Пробовали, — спокойно ответил Слит, — но это тяжелая работа, так что мы пошли в рыбацкую деревню за поворотом и попросили огонька.

— Рыбаки? — удивленно спросил Валентин.

— Поселение лименов, — сказал Слит. — Видимо, они не знают, что назначение их расы — торговать сосисками в западных городах. Они дали нам кров на ночь и согласились довезти до Ни-Мойи, чтобы мы могли ждать своих друзей в бухте Ниссиморн.

Он улыбнулся.

— Я полагаю, что теперь нам нужно нанять две лодки.

— Мы недалеко от Ни-Мойи? — спросил Делиамбер.

— Два часа на лодке, как мне сказали, до места слияния рек.

Мир вдруг показался Валентину не столь уж огромным, и работа, ждавшая его, не совсем непреодолимой. Он снова ел настоящую пищу, знал, что поблизости есть дружественный поселок, что скоро он уйдет из этих мест. Все это ободряло. Теперь его мучило только одно: судьба Залзана Кавола и трех его оставшихся собратьев.

Поселок лименов был совсем небольшим: примерно пятьсот душ невысокого, плосколового, темнокожего народа. Ряд их ярких глаз смотрел на путешественников без особого любопытства. Они жили в скромных тростниковых хижинах у реки, выращивали в маленьких садиках злаки в дополнение к тому, что приносил им их флот грубых рыбачьих лодок. Диалект их был трудным, но Слит, похоже, умел общаться с ними и сумел не только нанять вторую лодку, но и купил за пару крон одежду для Карабеллы и Лизамон.

Часа в два дня они с командой из четырех молчаливых лименов отплыли в Ни-Мойю.

Течение было быстрое, но порогов мало, и обе лодки быстро скользили вдоль более населенного побережья.

Река расширялась и успокаивалась.

Побережье здесь было ровным и открытым, за поселками по обоим берегам наверняка были города с многотысячным населением.

Впереди лежало главное водохранилище, уходящее к горизонту, словно открытое море.

— Река Зимр, — объявил лимен, рулевой на лодке Валентина. — Стейч здесь кончается. Налево бухта Ниссиморн.

Валентин увидел громадный полумесяц берега, ограниченный густой рощей пальм необычно перекошенной формы. Когда лодка подплыла ближе, Валентин с изумлением увидел на берегу плот из грубо обтесанных бревен. Рядом с плотом сидели четыре четверорукие фигуры.

Скандары дожидались.

Глава 2

Залзан Кавол не видел ничего экстраординарного в их путешествии. Его плот прошел через пороги. Он и его братья отталкивались от них шестами, ударялись, конечно, но не слишком, и доплыли до бухты Ниссиморн, где и остановились, гадая, что задержало остальных членов группы.

Скандару не приходило в голову, что другие плоты могли разбиться, тем более, что он по пути не видел никаких обломков.

— У вас были затруднения? — спросил он с искренним недоумением.

— Небольшие, — коротко ответил Валентин. — Раз уж мы все собрались, хорошо бы эту ночь поспать в настоящем жилище.

Они продолжили путешествие и достигли маста великого слияния Стейча и Зимра. Вода была настолько широка, что Валентину не верилось — неужели это всего лишь место встречи двух рек. В городке Ниссиморн они расстались с лименами и сели на паром, который перевез их на другую сторону Ни-Мойи, самого крупного города в Зимроле.

В нем жили тридцать миллионов. У Ни-Мойи река Зимр делала изгиб, резко поворачивая с востока на юго-запад.

Как раз здесь и образовался мегаполис.

Он тянулся на сотни миль по обеим сторонам реки и нескольких притоков, впадавших в нее с севера. Валентин и его спутники сначала увидели южные предместья, жилые районы, вторгавшиеся с юга в сельскохозяйственную территорию, которая тянулась до долины Стейча. Основная городская зона располагалась на северном берегу, сначала виднелись только ярусы башен, спускавшихся к реке. Паромы ходили по всем направлениям, связывая бесчисленное множество прибрежных городков. Путешествие на пароме заняло несколько часов, и уже начало смеркаться, когда стала видна собственно Ни-Мойя.

Город производил магическое впечатление. Его огни приветливо искрились на фоне заросших лесом зеленых холмов. Гигантские пальцы пирсов вонзались в реку, а в гавани выстроился длинный шлейф больших и малых судов. Пидруд,

казавшийся Валентину в первые дни его странствий таким могучим, казался карликом против этого города.

Только скандары, Кон и Делиамбер видели Ни-Мойю раньше. Делиамбер рассказывал о чудесах города: паутинной галерее, торговой аркаде в милю длиной, поднятой над землей на почти невидимых кабелях, о зоопарке сказочных зверей с редчайшей фауной Маджипура. Эти животные, почти исчезнувшие с развитием цивилизации, бродили здесь в почти родственной им местной среде, о хрустальном бульваре, сверкающей улице с вращающимися рефлекторами, о большом базаре — пятнадцатимильных, похожих на Лабиринт проходах, где размещалось неисчислимое множество крошечных лавок под длинными навесами из пронзительно-желтой искрящейся ткани, о музее миров, палате колдовства, о герцогском дворце, про который говорили, что он уступает только Замку Лорда Валентина, и о многом другом. Валентину казалось, что все это больше похоже на миф, сказку, чем на реальный город. Но они, наверное, ничего из этих чудес не увидят. Городской оркестр в тысячу инструментов, плавучие рестораны, искусственные птицы с драгоценными камнями вместо глаз и все прочее подождет до того дня — если он когда-то настанет — когда Валентин вернется в Ни-Мойю в качестве Короналя.

Когда паром приблизился к городу, Валентин созвал своих друзей и сказал:

— Пора нам установить личный курс каждого. Я намерен ехать в Пилиплок, а оттуда на Остров. Я очень ценю наше давнее содружество и хотел бы сохранить его дальше, но не могу предложить вам ничего, кроме бесконечного путешествия и возможности преждевременной смерти. Моя надежда на успех слаба, а препятствия огромны. Хочет кто-нибудь из вас пойти со мной?

— Хоть на другой конец света! — крикнул Шанамир.

— И я, — одновременно сказали Слит и Виноркис.

— Неужели ты сомневаешься во мне? — спросила Карабелла.

Валентин улыбнулся и посмотрел на Делиамбера. Тот сказал:

— На карту поставлена святость королевства. Как я могу не пойти за истинным Короналем, куда бы он ни приказал?

— Для меня это тайна, — сказала Лизамон. — Я не понимаю, как Короналя могли вытряхнуть из его же собственного тела. Но у меня нет другой работы, Валентин, и я пойду с тобой.

— Благодарю вас всех, — сказал Валентин, — и еще раз отблагодарю, когда мы будем в зале Горного Замка.

— А скандары нужны тебе, милорд? — спросил Залзан Кавол.

Валентин не ожидал этого.

— Вы хотите идти с нами?

— Наш фургон пропал, наше братство разбила смерть, мы лишились нашего жонглерского оборудования. Меня паломничество не привлекает, но я и мои братья пойдем за тобой на Остров, если ты пожелаешь взять нас.

— Я хочу, чтобы вы все были со мной, Залзан Кавол. Есть ли при дворце должность королевского жонглера? Я обещаю ее тебе.

— Спасибо, милорд, — серьезно ответил скандар.

— Есть еще один доброволец, — сказал Кон.

— Ты тоже? — удивленно спросил Валентин.

Суровый чужак ответил:

— Мне мало дела до того, кто Корональ на планете, где я сижу на мели, но мне очень важно вести себя достойно. Только благодаря тебе я не умер в Пьюрифайне. Я обязан тебе жизнью и буду помогать, чем смогу.

Валентин покачал головой.

— Мы сделали для тебя только то, что сделало бы любое цивилизованное существо. Никакого долга не существует.

— Я смотрю на это иначе, — сказал кон. — Кроме того, моя жизнь была серой. Я оставил свой родной Кайнимор без важных причин и приехал сюда, здесь жил глупо и чуть не поплатился жизнью, так почему бы мне не продолжить в том же духе? Я присоединяюсь к твоему делу, буду считать его своим и, может быть, со временем поверю в него, а если умру за твои королевские права, это будет всего лишь уплата долга. Своей смертью я расплачусь со вселенной за плохо проведенную жизнь. Ты принимаешь меня?

— От всего сердца, — сказал Валентин.

Паром громко гудел и мягко шел к причалу.

Они остановились на ночь в самом дешевом портовом отеле, чистом, но голом, с добела вымытыми каменными стенами и общими ваннами, и скромно, но сытно пообедали в гостинице. Валентин предложил объединить фонды и поручить их Залзану Каволу и Шанамиру, поскольку они лучше всех знали цену деньгам и умели их расходовать. У самого Валентина еще оставались деньги из тех, что он имел в Пидруде, а Залзан Кавол извлек из потайного кармана кучу десятиреаловых монет. Всего этого должно было хватить на дорогу до Острова.

Утром они сели на речное судно, такое же, как то, которое везло их из Кантора в Вирф, и отправились в Пилиплок, большой порт в устье Зимра.

Они проехали весь Зимрол, но от восточного побережья их все еще отделяло несколько тысяч миль. По широкой полосе Зимра судно шло быстро и безмятежно. Конечно, оно то и дело останавливалось в бесчисленных городах, даже в едва заметных поселениях, где, тем не менее, были свои пристани, набережные, пальмы, весело раскрашенные склады, базары и пассажиры с билетами, жаждавшие подняться на борт и тут же торопиться дальше. Слит выстругал жонглерские дубинки из выпрошенных у команды кусков дерева, Карабелла где-то разыскала мячи, а скандары, пообедав, преспокойно зажали в ладонях пустые блюда и улизнули с ними, так что труппа постепенно обзаводилась оборудованием для работы, а на третий день они заработали несколько лишних крон, выступив на палубе. Залзан Кавол понемногу вернул себе прежнюю грубоватость и самоуверенность, поскольку снова выступал, но все же оставался удивительно покладистым, и дух его ходил на цыпочках в ситуациях, которые раньше вызвали бы шторм ярости.

Здесь была родная территория четырех скандаров. Они родились в Пилиплоке и начинали свою карьеру, обходя города громадной провинции, шедшей вверх по реке и в глубь страны на тысячу миль от побережья. Им было приятно видеть знакомую местность, рыжеватые холмы, суетливые городки с деревянными зданиями, и Залзан Кавол начал рассказывать о своей прежней работе здесь, об успехах и неудачах — последние тоже бывали, правда, редко — о споре с импрессарио, в результате которого он ушел искать счастья на другой конец Зимрола. Валентин подозревал, что тут было замешано насилие, может быть, даже столкновение с законом, но спрашивать не стал.

Однажды ночью, подвыпив, скандары даже ударились в пение — впервые на памяти Валентина. Песня была мрачная и унылая, в минорном ключе.

Темное мое сердце,
Темен мой страх,
Туман в моих глазах,
Наполненных слезами.
Смерть и горе,
Смерть и горе
Следуют за нами,
Куда бы мы ни пошли.
Далеко те земли,
Где я привык бродить,
Далеко холмы
И ручьи родные.
Смерть и горе

Смерть и горе,
Следуют за нами,
Куда бы мы ни пошли.
Моря драконов,
Земли страданий.
Я не увижу больше
Родного дома.

Песня была невероятно печальной, и огромные скандары выглядели так абсурдно, когда пели, покачиваясь, что Валентин и Карабелла чуть было не рассмеялись, но уже при втором куплете Валентин почувствовал, что песня трогает его, потому что в ней были реальные чувства, ведь скандары действительно встретились со смертью и горем, и хотя сейчас они близко от своего дома, большую часть жизни они провели вдали от него. Возможно, — думал Валентин, — скандарам вообще трудно и тяжело на Маджипуре, таким грубым лохматым созданиям трудно двигаться в теплом воздухе среди более мелких, гладкокожих существ.

Лето кончалось, и в восточном Зимроле начинался сухой сезон, когда дули южные ветры, растительность засыпала до весенних дождей, настроение, как говорит Залзан Кавол, ухудшалось, и нередко случались преступления. Валентину этот район показался менее интересным, чем джунгли средней части континента или субтропики дальнего запада, изобиловавшие красками, но через несколько дней, после более пристального наблюдения он решил, что эти места обладают некой суровой красотой, сдержанной и строгой, совсем не похожей на буйную пышность запада. Но все равно, он обрадовался, когда после многих дней путешествия по этой бесконечной реке, Залзан Кавол объявил, что видны окраины Пилиплока.

Глава 3

Пилиплок был почти так же стар и почти так же велик, как его двойник Пидруд на другом краю континента, но на этом сходство кончалось. Пидруд строился без плана, как попало накручивал улицы и бульвары, а Пилиплок с незапамятных времен возводился с жесткой, почти маниакальной точностью.

Он занимал большой мыс на южном берегу устья Зимра. В том месте, где река впадала во Внутреннее море, она была непомерной ширины — шестьдесят или семьдесят миль. Она несла с собой все наносы и обломки, собранные на протяжении семи тысяч миль ее быстрого течения с дальнего северо-запада, и этот ее груз придавал зелено-голубым водам

океана темный оттенок, тянувшийся, как говорили, на сотни миль. Северный мыс устья реки был меловым утесом в милю высотой и многомильной длины. Эту ослепительно блестевшую белую стену видно было даже из Пилиплока в ясную погоду. Этот мыс никак нельзя было использовать для гавани, там никогда не было поселений, и он считался святым заповедником. Там жили удалившиеся от мира поклонники Леди, и к ним в течение сотен лет никто не вторгался. Пилиплок — другое дело. Город с одиннадцатью миллионами жителей расходился радиусами от своей великолепной природной гавани.

Серии изогнутых поясов пересекали эти радиусы: внутренние — торговые, затем промышленные зоны и зоны отдыха, на внешних линиях — жилые кварталы, резко разграниченные по уровню богатства и в меньшей степени — по расовым признакам. В Пилиплоке была сильная концентрация скандаров. Валентину казалось, что каждый третий в районе порта принадлежит к народу Залзана Кавола, и было несколько странно видеть сразу так много четвероруких гигантов. Здесь жило множество надменных аристократических двухголовых су-сухирисов, торговцев предметами роскоши, дорогими тканями, драгоценностями и редчайшими ручными изделиями мастеров со всей провинции. Воздух был свежим и сухим. Почувствовав на лице упорный горячий южный ветер, Валентин понял, что имел в виду Залзан Кавол, говоря о раздражении, которое вызывал этот ветер.

— Он когда-нибудь прекращается? — спросил он.

— С первыми днями весны, — ответил Залзан Кавол.

Валентин надеялся к тому времени быть где-нибудь в другом месте. Но возникла проблема. Он пошел с Залзаном на Шконибор-пирс на восточной окраине гавани Пилиплока договориться о переезде на Остров. Много месяцев Валентин мечтал очутиться в этом городе, на этом пирсе, представлял себе нечто волшебное — широкие перспективы, поразительную архитектуру — и был немало разочарован, обнаружив, что основное место, где собирались паломники — обшарпанная, обветшалая постройка с облупившейся зеленой краской и хлопающими на ветру рваными флагами.

Дальше — хуже. Пирс казался пустым.

Залзан Кавол нашел расписание отплытия, висевшее в темном углу, в билетной кассе. Корабли паломников отплывали на Остров раз в месяц, кроме осени, когда дули неблагоприятные ветры. Последний в этом сезоне корабль отчалил неделю назад, а следующий будет через три месяца.

— Три месяца! — воскликнул Валентин. — Что мы будем делать в Пилиплоке эти три месяца? Жонглировать? Побираться? Воровать? Прочти расписание еще раз, Залзан!

— Оно скажет то же самое, — ответил скандар и поморщился.

— Я поставлю на Пилиплок против любого места, но я не люблю сезона ветра. Вот не повезло!

— В этом сезоне вообще нет никаких кораблей? — спросил Валентин.

— Только драконские.

— Что это такое?

— Рыбачьи суда. Охота на морских драконов, которые в это время года идут косяком для спаривания, и их легко взять. Драконских судов сейчас полно, но что нам это даст?

— Далеко ли они выходят в море? — спросил Валентин.

— Как пойдет лов. Иногда они идут до архипелага Родмент, если драконы собираются к востоку.

— Где это?

— Это длинная цепь островов, — ответил Делиамбер, — далеко во Внутреннем море, примерно на полпути отсюда до Острова Снов.

— Они обитаемые?

— Очень плотно.

— Хорошо. Значит, между островами есть торговля. Что, если нам нанять такой корабль, чтобы он довез до архипелага, а там договориться с местным капитаном о доставке нас на Остров?

— Можно попробовать, — сказал Делиамбер.

— Нет такого правила, чтобы все пилигримы плыли обязательно на пилигримском корабле?

— Нет, насколько я знаю.

— Рыбачьи суда не будут связываться с пассажирами, — возразил Залзан Кавол. — Они никогда не заключают таких сделок.

— Может, несколько реалов поднимут интерес?

Скандар сомневался.

— Не имею представления. Но ремесло у них прибыльное, пассажиров они станут рассматривать как помеху, а то и как дурную примету. И они не согласятся тащиться с нами на архипелаг, если след драконов лежит в стороне от островов. Да и мы не можем быть уверены, что кто-то с архипелага захочет везти нас дальше.

— Кто знает, — сказал Валентин, — может быть, все легко устроится. Деньги у нас есть, и я лучше потрачу их на морских капитанов, чем проем и проживу их за три месяца в Пилиплоке. Где можно найти этих охотников за драконами?

Целая секция порта тянулась на три или четыре мили и стояла особняком, пирс за пирсом, а в гавани стояли десятки больших деревянных кораблей, готовых к только что начавшемуся охотничьему сезону.

Все эти корабли были одной конструкции и выглядели, как показалось Валентину, угрюмыми и зловещими: страшно раздутые в боках, с причудливыми трезубцовыми мачтами, ужасающим зубастым изображением на носу и длинным хвостом на корме. По бокам судна украшали нарисованные красным и желтым глаза, ряды хищных белых зубов. Высокие верхние палубы щетинились куполами для гарпунеров и громадными лебедками с сетями. Платформы, где разрубалась добыча, были покрыты пятнами крови. Валентин счел бы неуместным ехать на мирный священный Остров Снов на таком корабле-убийце, но выбора не было.

Но и этот путь скоро стал казаться сомнительным. Они шли от корабля к кораблю, от причала к причалу, капитаны без интереса слушали их и тут же отказывали. Говорил в основном Залзан Кавол, потому что капитаны по большей части были скандарами и могли к нему отнестись любезнее. Но и его убеждения не действовали.

— Вы будете отвлекать команду, — сказал первый капитан. — Будете путаться между снастями, потом у вас будет морская болезнь, и вам понадобятся особые услуги...

— Мы не берем пассажиров, — сказал второй. — Это не по правилам...

— Архипелаг не в той стороне, куда мы собираемся плыть, — сказал третий.

— Я верю, — сказал четвертый, — что если драконское судно выходит в море с чужаками на борту, оно не вернется в Пилиплок. Я предпочитаю не проверять этой приметы.

— Пилигримы меня не касаются, — сказал пятый. — Пусть Леди, если хочет, переносит вас на Остров, а на моем корабле вам нечего делать.

Шестой тоже отказался, добавив, что ни один капитан не возьмет их.

То же сказал и седьмой. Восьмой, услышав, что группа сухопутных шляется по докам, вообще отказался разговаривать.

Девятый капитан, старый седой скандар с потускневшим мехом и без зубов, оказался более любезным, хотя и не пожелал дать им места на своем корабле. Но зато он дал совет:

— На пирсе Престимиона вы найдете капитана Гарцвела с "Бренгалина". У Гарцвела было несколько неудачных плаваний, и всем известно, что с деньгами у него туго. Я слышал на днях в таверне, что он пытался сделать заем на ремонт

своей посудины. Может быть, доход с пассажиров будет ему сейчас кстати.

— А где этот пирс Престимиона? — спросил Залзан Кавол.

— Самый последний, за Деккеретом и Кинникеном, как раз к западу от утильного склада.

Утильный склад, похоже, самое подходящее место для "Бренгалина", — подумал Валентин, когда через час увидел судно капитана Гарцвела. Оно выглядело почти готовым для того, чтобы пустить его на дрова. Когда-то у него, видимо, был проломлен корпус, но ремонт был сделан плохо, и один борт страшно покосился.

Нарисованные по ватерлинии глаза и зубы потеряли свой блеск, носовое изображение перекосилось, хвостовые зубья были отломаны футов на десять — может быть сильным ударом дракона, мачты тоже заметно укоротились. Команда, лениво поглядывая на посетителей, занималась без большой эффективности смолением и плетением веревок и латанием парусов.

Капитан Гарцвел выглядел столь же потрепанным и изношенным, как и его корабль.

Он был скандаром, но карликом — с одним глазом и с обрубком вместо левой внешней руки.

Мех его был тусклым и грубым, плечи сгорблены, весь его вид говорил об усталости и бедах.

Но он тут же просветлел, когда Залзан Кавол заговорил о пассажирах до архипелага.

— Сколько вас?

— Двенадцать. Четыре скандара, хорт, вруон, пятеро людей и один чужак.

— Все пилигримы?

— Да.

Гарцвел быстро сделал знак Леди и сказал:

— Ты знаешь, что на драконском корабле иметь пассажиров не полагается. Но я обязан вознаградить Леди за ее милости в прошлом, и я сделаю исключение. Плата вперед?

— Конечно, — сказал Залзан.

Валентин вздохнул свободно. Это было жалкое ободранное судно, а Гарцвел, наверное, третьесортный навигатор, страдающий от неудач или от неумения, но он хочет взять их, единственный из всех.

Гарцвел назвал цену и ждал с явным напряжением. Он запросил меньше половины того, что они безуспешно предлагали другим капитанам, но Залзан Кавол, торговавшийся по привычке и из гордости, предложил на три реала меньше. Гарцвел, заметно приунывший, скинул полтора реала, Залзан Кавол намеревался выторговать еще несколько крон, но

Валентин, пожалев несчастного капитана, быстро прервал торг, сказав:

— Договорились. Когда отплываем?

— Через три дня, — сказал Гарцвел.

— В действительности вышло через четыре. Гарцвел неопределенно говорил о каком-то мелком ремонте, под которым, как обнаружил Валентин, имелось в виду устранение самых серьезных дыр. Раньше капитан не мог этого сделать. По слухам, которые Лизамон собрала в портовых тавернах, Гарцвел пытался заложить часть будущего улова, чтобы нанять плотников, но желающих не нашел. Лизамон сказала, что у него плохая репутация: недальновидный, невезучий, с плохо оплачиваемой командой. Однажды он упустил целый косяк морских драконов и вернулся в Пилиплок с пустыми трюмами, в другой раз потерял руку, потому что принял еще живого маленького дракона за мертвого, а в последнем плавании получил от разъяренного дракона удар по корпусу корабля и чуть не пошел ко дну.

— Наверное, лучше бы нам вплавь добираться до Острова, — закончила Лизамон.

— А может, мы принесем нашему капитану удачу, — сказал Валентин.

Слит засмеялся.

— Если бы человек мог попасть на трон только благодаря оптимизму, милорд, ты к зимнему дню был бы уже в Замке.

Валентин тоже рассмеялся. Но после бедствий в Пьюрифайне он слегка опасался, что принесет своим друзьям новые беды на борту этого злосчастного корабля. Ведь они шли за ним, в сущности, из-за одной веры, из-за свидетельства снов, колдовства и загадочного представления метаморфов. Ему будет очень больно, если он принесет им новую беду! Однако Валентин чувствовал большую симпатию ко всеми оплеванному безрукому Гарцвелу.

Такой неудачливый моряк — как раз подходящий кормчий для еще более незадачливого Короналя, который ухитрился за одну ночь потерять трон, память и личность!

Накануне отплытия Виноркис отвел Валентина в сторону и встревоженно сообщил:

— Милорд, за нами следят.

— Откуда ты знаешь?

Хорт улыбнулся и расправил клювом оранжевые усы.

— Тот, кто занимается мелким шпионажем, всегда узнает других, подобных себе. Я обратил внимание на седого скандара, слоняющегося возле доков в последние дни и спрашивающего ребят Гарцвела. Один из корабельных плотников

сказал мне, что этот скандар интересовался пассажирами Гарцвела и их маршрутом.

Валентин почувствовал беспокойство.

— А я надеялся, что мы сбили их со следа в джунглях!

— Они очевидно снова обнаружили нас в Ни-Мойе, милорд.

— Тогда постараемся еще раз отделаться от них на архипелаге и надо быть внимательными, чтобы на пути не встретились другие шпионы. Спасибо, Виноркис.

— Не нужно благодарности, милорд. Это мой долг.

Когда корабль двинулся в путь, дул сильный южный ветер. Во время посадки Виноркис искал глазами любопытного скандара, но того нигде не было видно. Он сделал свою работу, — предположил Валентин, — а дальнейшее наблюдение будет вести другой информатор.

Они держали путь на юго-восток: драконские корабли привыкли идти против вечного враждебного ветра по всей территории. Это была изматывающая работа, но ее нельзя было избежать, потому что морские драконы могли быть пойманы только в этом сезоне. "Бренгалин" имел дополнительный мощный двигатель, но от него было мало проку, поскольку на Маджипуре было мало горючего.

Неуклюже, но величественно "Бренгалин" повернулся боком к ветру и двинулся из гавани Пилиплока в открытое море.

Это было самое маленькое море Маджипура, Внутреннее море, отделявшее восточный Зимрол от западного Алханрола.

Пять тысяч миль от берега до берега не пустяк, однако Внутреннее море было просто лужей по сравнению с Великим Океаном, который занимал большую часть другого полушария и был недоступен для навигаторов — бессчетные тысячи миль открытой воды. Внутреннее море было более человеческим по размеру и в середине между континентами прерывалось Островом Снов, достаточно большим, чтобы на планете меньшего размера считаться континентом, а также несколькими цепями других островов.

Морские драконы бесконечно мигрировали между двумя океанами. Они шли вокруг планеты годами, даже десятилетиями. Наверное, десяток их больших стад жил в океане, постоянно путешествуя с запада на восток. Каждое лето одно стадо шло через Великий Океан мимо южного побережья Зимрола к Пилиплоку.

Тогда охота на них запрещалась, потому что в это время в стаде бывало множество стельных самок. К осени рождались молодые драконы, стадо приходило в продуваемые вет-

ром воды между Пилиплоком и Островом Снов, и начиналась ежегодная охота. Из Пилиплока выходило громадное количество судов. Стада теряли как старых, так и молодых драконов, а оставшиеся в живых возвращались в тропики, огибали длинный Стоенцар — мыс Алханрола и направлялись на восток к Великому Океану, где плавали без помех, пока не наступало время снова огибать Пилиплок.

Из всех животных Маджипура морские драконы были наиболее огромными. Рождались они крошечными, не более пяти-шести футов длиной, но росли всю жизнь, а жизнь их была долгой, и никто никогда не знал ее продолжительности. Гарцвел, пригласивший пассажиров пользоваться его столом, оказался весьма разговорчивым — ведь его тревоги остались позади — и без конца рассказывал легенды о стадах морских драконов. Один, пойманный в царствование Лорда Малибора, имел в длину сто девяносто футов, а другой — во времена Конфалума — двести сорок футов. Во времена, когда Понтифаксом был Престимион, а Короналем — Лорд Деккерет, был пойман морской дракон в двести футов, но чемпионом, как говорил Гарцвел, был дракон, нахально появившийся почти у входа в гавань Пилиплока при Лорде Кинникене: тот, по уверению надежных свидетелей, был длиной в триста пятнадцать футов. Он ушел невредимым, потому что весь флот кораблей находился далеко в море. Это чудовище так и назвали — дракон Лорда Кинникена. Говорили, что он появлялся несколько раз в последующие столетия. Последний раз его видели при Лорде Вориаксе, но никто не бросил в него гарпун, потому что он имел среди охотников зловещую репутацию.

— Теперь, он наверное пятьсот футов в длину, — закончил Гарцвел, — и я молюсь, чтобы честь измерить его выпала кому-нибудь другому, если этот дракон вернется в наши воды.

Валентин видел маленьких драконов, убитых, выпотрошенных и высушенных, продававшихся на рынках по всему Зимролу, и однажды попробовал их мясо, темное, жесткое, с резким привкусом. Так приготовлялись драконы меньше десяти футов длиной. Мясо более крупных — до пятидесяти футов — разрубалось и продавалось свежим на восточном побережье Зимрола: на далекие от моря рынки оно не поступало из-за трудностей транспортировки. Драконы свыше пятидесяти футов были слишком старые для еды, но из них вытапливали жир для различных целей.

Кости морских драконов всех размеров использовались в строительстве, потому что имели крепость стали, а добывались куда легче, яйца же драконов, сотни фунтов которых находили в брюхе взрослых самок, имели медицинскую цен-

ность. Драконья кожа, драконьи плавники — все шло в дело, ничего не выбрасывалось.

Предлагая гостям фляжку голубоватой жидкости, Гарцвел говорил:

— Это, например, драконье молоко. В Ни-Мойе или Канторе за такую фляжку дают десять крон. Попробуйте.

Лизамон недоверчиво потянула в себя жидкость и тут же выплюнула на пол.

— Драконье молоко или драконья моча? — спросила она.

Капитан холодно улыбнулся.

— То, что ты выплюнула, в Долорне стоило бы тебе не меньше кроны, и ты еще считала бы, что тебе повезло.

Он протянул фляжку Слиту, а поскольку тот отказался — Валентину. После минутного колебания Валентин смочил в ней губы.

— Горькое, — сказал он, — и вкус затхлый, но не так, чтобы совсем ужасный. Как оно действует?

Скандар хлопнул себя по бедрам.

— Возбуждает, — прогудел он, — гонит соки, разогревает кровь, удлиняет жизнь.

Он указал на Залзана Кавола, который, не спрашивая, сделал большой глоток.

— Видите? Скандары знают! Мужчину из Пилиплока не нужно уговаривать выпить это!

— Драконье молоко? — спросила Карабелла. — Разве они млекопитающие?

— Да. Яйца созревают внутри, а детеныши родятся живыми, по десять-двенадцать в помете. На брюхе самки ряды сосков. Тебе кажется удивительным — молоко из драконов?

— Я думала, что драконы — рептилии, — сказала Карабелла, — а рептилии не дают молока.

— Лучше подумай, что драконы — это драконы. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, — ответила она. — Мои соки не нуждаются в подхлестывании.

Обеды в капитанской каюте были, по мнению Валентина, самой интересной частью путешествия. Гарцвел был добродушным в большей мере, чем все скандары, и держал хороший стол с вином, мясом и рыбой разных сортов, включая и драконье мясо. Но корабль его скрипел и трещал, был неудачно построен и плохо оборудован, а команда из дюжины скандаров и ассортимента хортов и людей была необщительной и часто откровенно враждебной. Эти охотники за драконами явно были гордой и сдержанной компанией, даже на таком нищенском судне, как "Бренгалин", и злились на присутствие чужих.

Только один Гарцвел был гостеприимен. Он явно был благодарен пассажирам, поскольку они дали ему возможность отправить корабль в море.

Теперь они были далеко от земли, в невыразительной области, где бледно-голубой океан сливается с таким же небом, стирая всякое ощущение места и направления. Курс лежал на юго-восток, и чем дальше они отходили от Пилиплока, тем теплее становился ветер. Теперь он был жарким и сухим.

— Мы называем ветер нашим посланником, — сказал Гарцвел, — потому что он дует прямо из Суврейла. Это маленький подарок Короля Снов, такой же замечательный, как и все его дары.

Море было пустым: ни островов, ни дрейфующих обломков, никаких признаков чего-либо, даже драконов. Это говорило о том, что драконы плыли далеко от побережья, как это иногда случалось, и грелись в тропических водах ближе к архипелагу.

Драконы показались через неделю. Гарцвел предсказал их появление на день раньше, увидев во сне, что они рядом.

— Все капитаны видят во сне драконов, — объяснил он. — Наши мозги созвучны, и мы чувствуем, когда души драконов приближаются к нам. Есть одна женщина-капитан, у которой не хватает зубов, ее зовут Гидраг. Она видит драконов во сне за неделю, а иногда и раньше. Иди прямо на них, и они всегда там. Я не такой способный, чувствую самое большое за день. Но таких, как Гидраг, больше нет. Я делаю, что могу. Мы увидим драконов через десять-двенадцать часов, это я гарантирую.

Валентин мало верил в это, но в середине дня дозорный на мачте завопил:

— Эй! Драконы идут!

Великое множество драконов — сорок, пятьдесят, а то и больше, шли прямо перед носом "Бренгалина". Толстобрюхие неграциозные животные, широкие в поперечнике, как сам корабль, с длинными толстыми шеями, тяжелыми треугольными головами, короткими хвостами, заканчивающимися яркими плавниками, и выступающими костяными гребнями во всю длину сильно выгнутой спины. Самой странной чертой их были крылья — по сути, украшение, потому что такое громадное существо просто не могло подняться в воздух, но выглядели они настоящими крыльями, темными, как у летучей мыши. Они исходили из массивных наростов под шеей дракона и достигали половины длины его тела. У большей части драконов крылья были сложены, но некоторые полностью развернули их и двигались с поразительной скоростью.

В основном тут были молодые драконы, от двенадцати до пятидесяти футов длиной, много было новорожденных, шестифутовых, свободно плескавшихся или державшихся за соски матерей. Но среди этой мелочи было несколько чудовищ, сонных, наполовину погруженных в воду. Их спинные гребни поднимались над водой, как холмы на плавучем острове.

Они были невообразимо грузными. Трудно было судить об их полной величине, так как их задняя часть была глубоко в воде, но выглядели они, по крайней мере, не меньше корабля. Валентин, проходя по палубе с капитаном, спросил:

— Нет ли здесь драконов Лорда Кинникена?

Капитан снисходительно усмехнулся.

— Ну, дракон Кинникена наверное втрое больше этих. Нет, даже еще больше. Эти едва ли достигают ста пятидесяти футов. Я видел куда крупнее.

Валентин пытался представить себе дракона втрое больше самого крупного из наблюдаемых, но не мог. Это все равно что представить себе визуально всю Гору Замка: человек просто не может этого сделать.

Корабль двинулся вперед для охоты.

Вся операция была точно скоординирована. Были спущены лодки, на носу каждый скандар с острогой. Лодки спокойно проплывали мимо кормящих самок. Скандар пронзил одну с левого борта, другую — с правого, выбирая матерей таким образом, чтобы не вызвать полной гибели всех малышей.

Молодые били хвостами по лодкам. Когда лодки вернулись к кораблю, были спущены сети для подъема добычи. Только взяв с десяток молодых драконов, охотники принялись за большую игру. Лодки были втянуты наверх, а гарпунер, громадный скандар с синей полосой через грудь, где мех был содран много лет назад, занял место в куполе. Он не спеша выбрал оружие, закрепил его в катапульте, а Гарцвел в это время маневрировал кораблем, чтобы дать гарпунеру возможность сделать точный удар по выбранной жертве. Гарпунер прицелился. Драконы беззаботно плыли. Блеснуло древко выпущенного гарпуна, он вонзился почти до половины в выпуклое плечо девяностофутового дракона, и море сразу ожило.

Раненый дракон со страшной яростью хлестал по воде хвостом и развернутыми крыльями, как бы желая взлететь в небо и утащить с собой "Бренгалин". При первом его крике матери-драконы распустили крылья, собрали под них своих детенышей и стали удаляться, мощно колотя хвостами, в то время как крупнейшие в стаде, настоящие чудовища, просто

скрылись из виду, уйдя в глубину. Осталось с десяток полувзрослых драконов, знавших, что случилась какая-то беда, но не понимавших, как реагировать. Они плавали широкими кругами вокруг раненого товарища, полуразвернув крылья и слегка хлопая ими по воде. Тем временем гарпунер в полном спокойствии выбрал оружие и бросил второй, а затем третий гарпун в жертву.

— Лодки! — закричал Гарцвел. — Сети!

Началась страшная процедура. Снова спустили лодки, и охотники строем двинулись к кольцу встревоженных драконов, бросая в воду гранаты, которые взрывались с глухим буханьем, распространяя толстый слой ярко-желтой краски. Взрывы и, видимо, краска привели оставшихся драконов в неописуемый ужас. Они быстро скрылись из виду, дико хлопая хвостами и крыльями.

Осталась только жертва, живая, но крепко удерживаемая. Она тоже поплыла, таща за собой всю массу "Бренгалина". Дракон заметно терял силы. Лодочники своими гранатами старались заставить дракона плыть к кораблю. Одновременно была закинута громадная сеть, она раскрылась и снова сомкнулась, как только дракон запутался в ее ячейках.

— Лебедки! — заорал Гарцвел.

Сеть потащили из воды.

Дракон бился. Его громадный вес заставил корабль опасно накрениться, гарпунер в куполе схватил катапульту всеми четырьмя руками и с яростным воплем пустил гарпун. Послышался ответный звук — глухой, агонизирующий. Гарпун вонзился в голову дракона как раз позади громадных, как тарелки, зеленых глаз. Мощные крылья последний раз страшно ударили уже по воздуху.

Остальное уже было мясницким делом.

Лебедки сделали свою работу, дракон лежал на платформе, началась разделка.

Валентин некоторое время следил за кровавым зрелищем, но потом ушел вниз, а когда через несколько часов вернулся, на палубе лежал чистый, как музейный экспонат, скелет дракона, и охотники разбирали его.

— Ты почему такой хмурый? — спросила Карабелла.

— Не могу оценить это искусство, — ответил Валентин.

Ему казалось, что Гарцвел мог бы целиком набить большой трюм корабля этим косяком драконов. Однако, капитан взял только несколько малышей и одного взрослого, и то не самого крупного, а остальным дал уйти. Залзан Кавол объяснил, что была взята норма, предписанная Короналями прошлых столетий. Стадо можно сократить, но не уничтожать. Если корабль вернется из плавания перегруженным, его про-

верят и капитана могут строго наказать. Кроме того, было важно быстро поднять пойманных драконов на борт, пока не появились хищники, и как можно скорее разделать: команда, охотящаяся с чрезмерной жадностью, не сможет управиться с добычей достаточно эффективно и прибыльно.

Первая сезонная удача несколько смягчила команду Гарцвела. Они кивали пассажирам, даже иногда улыбались, работу же выполняли радостно. Их угрюмое молчание исчезло, они смеялись, шутили и пели на палубе.

Лорд Малибор был красив и смел
И любил бурное море.
Лорд Малибор спустился с гор,
Чтобы охотиться на драконов.
Лорд Малибор построил корабль
Прекрасный на вид,
С украшенными золотом парусами
И мачтами из слоновой кости.

Валентин и Карабелла прислушались.

Карабелла быстро подхватила несложную мелодию и стала наигрывать ее на своей маленькой арфе.

Лорд Малибор стоял у руля
И смотрел на тяжелые волны.
Он плыл в поисках дракона,
Дракона смелого и злого.
Лорд Малибор бросил клич.
Голос его звенел и гудел:
Я хочу встречи и битвы
С тобой, король драконов.
Я слышу, милорд, — крикнул дракон
И поплыл через море.
Он был двенадцати миль длиной,
Три в ширину и две в толщину.

— Смотри, — сказала Карабелла, — там Залзан Кавол.

Валентин посмотрел. Скандар стоял у поручней, сложив руки и хмурился.

Похоже песня ему не нравилась. Что это с ним?

Лорд Малибор стоял на палубе
И сражался смело и доблестно.
В тот день кровь текла ручьем
И тяжелы были удары.
Но драконьи короли хитры и коварны
И редко оказываются побежденными.
И Лорд Малибор, при всей своей силе,
В конце концов был съеден.
Все моряки, охотники на драконов,
Прислушайтесь к этой грустной были!

Несмотря на вашу удачу и ловкость,
Вы можете стать пищей дракона.

Валентин засмеялся и хлопнул в ладоши. Залзан Кавол, полный негодования, немедленно подошел к нему.

— Милорд, как ты терпишь такое непочтительное...

— Потише насчет милорда, — сказал ему Валентин. — А почему непочтительное?

— Неуважение к страшной трагедии! Неуважение к покойному Коропалю!

— Залзан Кавол, — мягко сказал Валентин, — неужто ты такой почитатель респектабельности?

— Я знаю, что правильно и что неправильно, милорд. Насмехаться над смертью Лорда Малибора — это...

— Полегче, дружище!

Валентин положил руку на локоть скандара.

— Лорд Малибор давно умер, теперь ему безразлично все. А я с удовольствием послушаю песню. Если я не оскорблен, что же тогда с тобой?

Залзан Кавол продолжал ворчать:

— Позволь мне сказать, милорд, ты еще не вполне усвоил свое положение. На твоем месте я запретил бы этим рыбакам петь эти песни в твоем присутствии.

Валентин широко улыбнулся.

— А какое им дело до моего присутствия? Я всего лишь пассажир. Если бы я высказал что-либо подобное, меня тут же выкинули за борт, и я тоже стал бы драконьей пищей. Подумай об этом, Залзан, и успокойся, друг. Глупая матросская песня, только и всего.

— Но ... — прошептал Залзан Кавол.

Он отошел.

— Он все принимает всерьез.

Карабелла засмеялась.

— Да, — согласился Валентин. — Милая, окажи мне услугу: когда моряки закончат работу, отведи в сторону одного — вон хоть того, рыжебородого, пусть он научит тебя словам этой песни. А потом ты научишь меня. Может быть, Залзан Кавол улыбнется, если я сам спою ее?

Прошла неделя, прежде чем они снова увидели драконов. За это время песенку выучили не только Валентин и Карабелла, но и Лизамон Холтен с удовольствием распевала ее своим хриплым баритоном. Но Залзан Кавол по-прежнему хмурился и недовольно фыркал, слыша ее.

Второй косяк драконов был больше первого, и Гарцвел разрешил взять примерно две дюжины маленьких, одного среднего и одного большого, по крайней мере в сто тридцать футов. Так что в следующие несколько дней у всех были по-

лны руки работой. Палуба стала пурпурной от крови, а кости и крылья лежали по всему кораблю, пока команда рассортировывала все это по размерам и уносила вниз. На капитанский стол были поданы деликатесы из самых вкусных частей дракона, и Гарцвел выставил бочонки вина, наличие которых никак нельзя было предположить у капитана, находившегося на грани банкротства.

— Пилиплокское золотое, — сказал он, наливая щедрой рукой. — Я хранил его для особого случая, а сейчас, без сомнения, как раз такой случай. Вы принесли мне большую удачу.

— Твои товарищи-капитаны не обрадуются, услышав это, — сказал Валентин. — Мы легко могли бы отплыть с ними, если бы они знали, что мы приносим счастье.

— Их потери — наш выигрыш. За ваше паломничество, друзья! — крикнул капитан.

Теперь они шли в более спокойных водах. Жаркий ветер с Суврейла стих здесь, вблизи тропиков, и подул более приятный, более влажный бриз с юга-запада, с далекого мыса Стоенцар на Алханроле. Вода была глубокого зеленого оттенка, носилось множество морских птиц, под самой поверхностью воды мелькали ярко окрашенные рыбы — пища драконов. Родмент-архипелаг был уже недалеко. Гарцвел предложил закончить здесь свой лов: "Бренгалин" мог вместить еще несколько больших драконов, пару средних и штук сорок маленьких.

Затем он решил высадить пассажиров и вернуться в Пилиплок для распродажи добычи.

— Драконы! — закричал дозорный.

Это был громадный косяк, из нескольких сотен драконов. Повсюду из воды высовывались горбатые спины. Два дня "Бренгалин" шел среди них и поработал на славу. На горизонте виднелись другие корабли. Но они держались далеко, потому что правила запрещали вторгаться на чужую территорию.

Гарцвел прямо сиял от удачи. Он сам часто спускался с командой лодочников, что Валентину казалось необычным, а однажды даже вошел в купол работать с гарпуном. Корабль теперь осел ниже ватерлинии под грузом драконьего мяса.

На третий день драконы все еще были здесь: резня их не тревожила, и они не спешили уходить.

— Еще одного большого, — сказал Гарцвел, — и идем к островам.

В качестве последней мишени он выбрал восьмидесяти футового дракона.

Валентин устал, даже больше чем устал от этой резни, и когда охотник послал третий гарпун, он отвернулся и прошел в дальний конец палубы, где нашел Слита. Они встали у поручней и смотрели на восток.

— Как ты думаешь, можно отсюда увидеть архипелаг? — спросил Валентин. — Я уже соскучился по твердой земле, и мне опротивел запах крови.

— У меня хорошие глаза, милорд, но до островов еще два дня пути. Даже мое зрение имеет границы...

Он вдруг задохнулся.

— Милорд!

— Что случилось?

— К нам плывет остров, милорд!

Валентин посмотрел вдаль, но не сразу сориентировался: утреннее солнце ярко светило в глаза. Но вот и он увидел: из воды высунулась зубчатая драконья спина, а под ней смутно виднелось нечто невероятного объема.

— Дракон Лорда Кинникена! — срывающимся голосом сказал Валентин. — Он идет прямо на нас!

Глава 4

Может быть, это действительно был дракон Кинникена, а может, другой, не столь громадный, но он был достаточно велик, длиннее "Бренгалина". Он шел на них, как таран, без колебаний — то ли ангел смерти, то ли другая немыслимая сила, неизвестно, — но масса его была бесспорно чудовищной.

— Где Гарцвел? — заорал Слит. — К оружию.

Валентин засмеялся.

— Можно ли остановить гарпуном эту мчащуюся гору, Слит? Ты хорошо плаваешь?

Большая часть охотников была занята добычей, но кое-кто оглянулся, и на палубе закипела бешеная деятельность. Гарпунер повернулся кругом и уже стоял с оружием в руках. Другие бросились к соседним куполам. Валентин, ища взглядом Карабеллу и других, увидел кинувшегося к рулю Гарцвела. Лицо скандара было мертвенно-бледным, глаза безумные, словно он увидел послание смерти.

— Спустить лодки! — закричал кто-то.

Лебедки завертелись. Все дико метались от страха. Один хорт с почерневшими от ужаса глазами погрозил Валентину кулаком и грубо схватил его за руку.

— Это ты навел его на нас! Ни одного из вас нельзя было пускать на борт!

Откуда-то возникла Лизамон и отшвырнула хорта, а затем обвила Валентина могучими руками, как бы защищая его от любого нападения.

— Знаешь, а ведь хорт прав, — спокойно сказал Валентин, — мы приносим беду. Сначала Залзан Кавол потерял фургон, теперь этот несчастный Гарцвел терпит...

Раздался страшный удар, когда атакующий дракон врезался в борт.

Корабль накренился и тут же качнулся в другую сторону. Страшная дрожь сотрясала его обшивку. Второй удар крыльями по корпусу, третий — и "Брангалин" подскочил.

— Пробоина! — отчаянно закричал кто-то.

Все предметы катались по палубе. Громадный котел сорвался с креплений и сбил трех матросов, ящик с топорами перевернулся. Корабль продолжал раскачиваться.

Валентин оглянулся и увидел громадного дракона, чудовище плавало кругом, готовясь к новой атаке.

В целенаправленности его убийственных действий уже не было никаких сомнений.

Дракон ударил. "Брангалин" страшно закачался. Валентин задыхался — руки Лизамон чуть не раздавили его. Он не видел никого из своих, не знал, живы ли они.

Корабль явно погибал. Слышно было, как в трюм заливается вода, хвост дракона поднялся над палубой и снова опустился. Все растворилось в хаосе. Валентин почувствовал, что куда-то летит.

Он плавно вознесся, затем опустился и погрузился в воду.

Он попал во что-то весьма похожее на водоворот, его закрутило и потащило вниз. В голове звенели слова баллады о Лорде Малиборе, это правда, что Корональ, увлекшийся охотой на драконов, десять лет назад вышел в море на самом красивом в Пилиплоке корабле и не вернулся. Корабль пропал со всей командой. Никто не знал, что случилось, но по обрывочным воспоминаниям Валентина, правительство говорило о неожиданном шторме.

Валентин подумал, что там, вполне возможно, был этот самый зверь-убийца, мститель.

И вот теперь второй Корональ, наследник Малибора, встретился с ним.

Валентина затягивало в глубину, и он перестал думать о приливах и отливах удачи.

Он боролся за каждый вздох, кашлял, выплевывал воду и снова глотал ее, а затем его накрыла тьма.

С тех пор как Валентин утратил свое прошлое и оказался возле Пидруда, он никогда не задумывался о философии смерти.

Ему хватало жизненных проблем. Он смутно вспоминал, как учили в школе, что души возвращаются к божественному источнику в тот последний момент, когда происходит высвобождение жизненной энергии, и идут по мосту прощания, которым управляет Понтифакс. Но правда это, или нет, есть ли мир по ту сторону жизни и каков он, Валентин никогда не задумывался. Однако теперь он пришел в себя в таком странном месте, которое превосходило всякое воображение самых мудрых мыслителей, и невольно подумал: может он в загробной жизни? Гигантское помещение с толстыми влажными розовыми стенами, потолок местами высокий, сводчатый, поддерживаемый мощными колоннами, а местами понижающийся почти до пола. В этой комнате помещалось две полусферы, испускавшие слабый голубой свет. Воздух был скверный, насыщенный паром, с резким горьким привкусом, крайне неприятным.

Валентин лежал на мокрой скользкой поверхности, грубой, с глубокими складками, все время подрагивавшими. Под рукой чувствовались какие-то конвульсии глубоко внутри. Текстура пола не напоминала Валентину ничего из его жизненного опыта, а слабое, но заметное движение где-то внутри наводило на мысль, что место, куда попал Валентин, не мир после смерти, а просто галлюцинация.

Валентин осторожно встал. Одежда была мокрой, один сапог он где-то потерял, на губах чувствовался привкус соли. Он был потрясен и изумлен. Стоять на этой непрерывно дрожащей поверхности было трудно. Оглядевшись, он увидел что-то вроде слабо сиявшей растительности, мясистой, слизистой, произраставшей из пола. Она тоже все время изгибалась от внутреннего движения. Пройдя между двумя колоннами и через участок, где пол почти сходился с потолком, он увидел нечто вроде пруда с зеленоватой жидкостью. За ним ничего не было видно из-за тумана.

Он подошел к пруду. Очень странно: там были сотни ярких рыб, он видел их в море накануне, но они не плавали, они были мертвы и разлагались, мясо отваливалось от костей, а внизу под водой был толстый, в несколько футов ковер из таких же костей.

Позади вдруг послышался рев. Валентин повернулся. Стены комнаты пришли в движение, подались назад, в понижавшейся части потолка появилось большое отверстие, и из него хлынул поток воды, затопив Валентина до бедер. Он едва успел добраться до колонны и обхватить ее руками, в то время как вода хлынула с потрясающей силой. Валентин устоял, хотя были моменты, когда он думал, что его снесет.

Затем поток прекратился, вода вошла в щели, образовавшиеся в полу, остались только рыбы. Пол начал содрогаться, отчаянно бившиеся рыбы покатились к зеленоватому пруду. Попав туда, они быстро перестали двигаться.

И вдруг Валентин понял.

Он не умер, и он — в брюхе дракона.

Валентин захохотал, откинув голову назад, хотя было отнюдь не до смеха. Но еще что оставалось делать? Кричать? Ругаться? Громадное животное одним глотком втянуло в себя Короналя Маджипура, как мелкую рыбешку. Но он был слишком велик, чтобы его отправили в тот переваривавший пруд, поэтому он сидит на полу драконьего желудка. А что дальше? Поселиться здесь до конца дней и обедать сырой рыбой из улова дракона?

— Комедия, — думал Валентин.

Но это была и трагедия, потому что все остальные, вероятно, погибли при крушении "Бренгалина". Валентин скорбел теперь только о них. Навеки умолк звонкий голос Карабеллы, пропала навсегда удивительная ловкость рук и глаз Слита, скандары больше не наполнят воздух множеством ножей, факелов, кончилась, едва начавшись, жизнь Шанамира.

Валентин не мог вынести этих мыслей. Он освободил мозг от скорби, боли и чувства утраты и снова захохотал, протягивая руки к стене этой странной комнаты.

— Это замок Лорда Валентина! — крикнул он. — Тронный зал! Я приглашаю всех отобедать со мной в большом тронном зале!

Из темной дали послышался голос:

— Клянусь своими кишками, я принимаю это приглашение!

Валентин изумился сверх всякой меры.

— Лизамон?

— Нет, Понтифакс Тиверас и его косоглазый дядя! Это ты Валентин?

— Да. Кто вы? Где вы?

— В глотке этого вонючего дракона! А ты где?

— Недалеко от тебя! Но я тебя не вижу!

— Стой, — предложила она, — стой на месте и пой, а я постараюсь дойти до тебя.

Валентин запел как можно громче:

Лорд Малибор был красив и смел
И любил бурное море...

Снова раздался ревущий звук, гигантская глотка животного вновь открылась, чтобы впустить морскую воду и кучу рыбы.

Снова Валентин ухватился за колонну, когда поток ударил его.

— О, во имя божества, держись, Валентин! — закричала Лизамон.

Валентин изо всех сил прижимался к столбу. Лизамон откуда-то окликнула его и потребовала, чтобы он продолжал петь. Валентин повиновался. Он слышал, как она подхватывала балладу, пробираясь через замысловатые драконьи внутренности, и наконец увидел ее в слабом свете. Оба улыбались друг другу, потом засмеялись и обнялись.

Увидев ее, он вспомнил тех, кого наверняка не было в живых. Это снова вызвало боль и стыд. Он закусил губу и отвернулся.

— Ты что, милорд? — растерянно спросила она.

— Остались только мы с тобой, Лизамон.

— Да, но хвала божеству и за это!

— Но остальные были бы живы, если бы не последовали за мной...

Она схватила его за руку.

— Милорд, не грусти: ты не вернешь их к жизни, если они умерли!

— Я знаю, но...

— Мы спасены. Если мы потеряли друзей, это печально, но в том не твоя вина. Они пошли за тобой по своей воле, верно? И если пришло их время, то оно пришло, и с этим ничего не поделаешь. Горюй о них, милорд, но радуйся, что мы спасены.

— Да, скорбь не вернет их к жизни. Но что будет с нами? Сможем ли мы долго просуществовать здесь, Лизамон?

— Достаточно для того, чтобы вырваться на свободу.

Она вынула из ножен вибромеч.

— Ты думаешь, мы сможем прорубить окно в брюхе дракона и выйти наружу? — ошеломленно спросил он.

— А почему бы и нет?

— Как только ты дотронешься этой штукой до его плоти, он нырнет на дно. Здесь мы в большей безопасности, чем под водой в пяти милях глубины.

— В самое тяжкое время тебе говорили, что ты оптимист, — возразила она. — Где же теперь твой оптимизм? Дракон живет на поверхности. Он будет метаться, но не нырять. А если мы очутимся на пять миль ниже поверхности, это, по крайней мере, будет быстрая смерть. Ты все равно не сможешь вечно дышать этой вонью и гулять в рыбьем брюхе.

Лизамон коснулась мечом боковой стенки. Толстая влажная плоть слегка вздрогнула, но не отпрянула.

— Видишь? У него нет нервов, — сказала Лизамон.

Она ввела оружие чуть глубже и повернула.

— Здесь только дрожь и сокращение.

Она продолжала углубляться.

— Как ты думаешь, он никого больше не проглотил, кроме нас?

— Я слышал только твой голос.

— И я слышала только твой. Ну и чудище! Я пыталась удержать тебя, когда нас перекинуло за борт, но потом меня ударило и я выпустила тебя. Но мы все-таки попали в одно и то же место.

Она уже проделала дыру в фут глубиной и еще два в ширину на боку драконьего желудка.

Дракон, казалось, вовсе не замечал этого.

— Пока я режу, сходи посмотри, нет ли кого-нибудь еще. Только не уходи далеко!

— Я буду осторожен.

Он пошел вдоль стенок желудка, звал, но ответа не получил. Тем временем Лизамон уже глубоко врубилась в тело дракона.

Повсюду были навалены куски мяса, а сама она была забрызгана кровью.

— Как по-твоему, далеко до конца? — спросил он.

— Полмили.

— Ну да?

Она засмеялась.

— Я думаю, десять-пятнадцать футов. Давай, очищай отверстие за мной. Эта мясная куча растет быстро, я не успеваю ее откидывать.

Чувствуя себя мясником и совсем не радуясь этому, Валентин стал хватать куски и отбрасывать их подальше. Он вздрогнул в ужасе, когда увидел, что сокращение желудка смело куски к пищеварительному тракту. Но, похоже тут годились любые протеины.

Все глубже проникали они в брюшную стенку дракона. Валентин вдруг оглянулся. — Отверстие за нами закрывается!

— Зверь, живущий вечно, должен уметь залечивать раны, — ответила Лизамон.

Валентин с беспокойством следил, с какой поразительной скоростью заживлялась рана, нарастала новая плоть. Что если их закупорит в этой нише?

Лизамон стала заметно уставать, а нора закрывалась почти с той же скоростью, с какой она рубила.

— Не знаю, смогу ли я... — прошептала она.

— Дай мне меч.

— Ты с ним не справишься.

Она засмеялась и с яростью вернулась к своему занятию, изрыгая проклятия по адресу драконьей плоти, росшей вокруг нее.

— Здесь мясо другое, плотнее. Может, этот слой мышц под кожей...

Вдруг на них хлынула вода.

— Пробились! — закричала Лизамон.

Она повернулась, схватила Валентина, как куклу, и толкнула вперед в отверстие в боку дракона, продолжая крепко держать его за бедра. Он едва успел набрать в легкие воздух, прежде чем очутился в зеленых объятиях океана.

Лизамон выскочила сразу за ним, держа его теперь за лодыжку, а потом за руку, и они метнулись вверх.

Им казалось, что они очень долго добирались до поверхности. Голова Валентина болела, ребра разламывались, грудь горела.

Он выскочил на чистый воздух и вяло поплыл, усталый, дрожащий, стараясь отдышаться, Лизамон плыла рядом. Их грело прекрасное яркое солнце.

Он был жив и невредим, он освободился от дракона и плыл где-то во Внутреннем море в сотнях миль от берега.

Глава 5

Когда первые минуты изнеможения прошли, Валентин поднял голову и огляделся.

Дракон еще был виден в нескольких сотнях ярдов, но казался спокойным и медленно плыл в противоположном направлении. "Бренгалина" не было и следа, только разбросанные обломки, и больше ничего.

Они подплыли к большому обломку и легли на него. Долгое время они молчали.

Наконец Валентин спросил:

— Плывем к архипелагу, или прямо к Острову Снов?

— Плыть — тяжелая работа, милорд. Нам бы сесть на спину дракона.

— А как им управлять?

— Дергать за крылья.

— Сомневаюсь. Во всяком случае, в драконьем брюхе нам подавали свежую рыбу каждые несколько минут.

— И гостиница большая, — поддержала Лизамон, — только плохо проветривалась. По-моему, здесь лучше.

— Но мы не сможем долго плыть.

Она странно посмотрела на него.

— Ты сомневаешься, что нас спасут?

— В данном случае это разумное сомнение.

— Мне было предсказано, во сне от Леди, — сказала она, — что смерть придет ко мне в сухом месте, когда я буду совсем старой. Я еще молодая, и это место наименее сухое во всем Маджипуре, за исключением океана. Бояться нечего. Раз я не погибну, не погибнешь и ты.

— Хороший вывод, — сказал Валентин. — Что будем делать?

— Ты умеешь составлять послание, милорд?

— Я Корональ, а не Король Снов.

— Любой мозг может достичь другого, если его умело направлять. Ты думаешь, такие способности только у Короналя и Леди? Маленький колдун Делиамбер проводит такие опыты ночью, и Гарцвел говорил, что он во сне разговаривал с драконами, а ты...

— Но я еще не пришел в себя, Лизамон, то, что осталось от моего мозга, не сможет составить послания.

— Пошли послание по воде Леди, своей матери, или ее людям на Острове, или народу архипелага. У тебя есть сила. Я глупая — я умею только размахивать мечом, а твой мозг, милорд, высоко ценился в замке, и теперь, когда нам необходимо... сделай это, Лорд Валентин! Зови на помощь, и помощь придет!

Валентин был настроен скептически.

Он мало знал об общении во сне, хотя он и предполагал, что оно, вероятно, связывало всю планету.

Да, часто бывало, что мозг призывал мозг, и, конечно, были силы Острова и посланные с Суврейла прямые сообщения с каким-то механическим усилением, но сейчас, когда он дрейфует здесь, в океане, на куске дерева, и его тело и одежда запятнаны плотью и кровью гигантского зверя, а дух так истощен от неожиданных бедствий, что даже его пресловутая вера в удачу и чудо дала крен, — как может он надеяться вызвать помощь через такую бездну?

Он закрыл глаза и попытался сконцентрировать энергию мозга в одной точке в глубине черепа. Он представлял себе яркую искру света, скрытый луч, который можно бросить вдаль. Но все было бесполезно. Он вдруг обнаружил, что думает о каком-то зубастом создании, которое скоро начнет хватать его болтавшиеся в воде ноги.

Он со страхом подумал, что если и сможет послать сообщение, то не дальше, чем в мозг дракона, разрушившего "Бренгалин" и убившего всех его обитателей, и тогда дракон вернется и закончит свою работу. Но он все-таки попытается. Несмотря на сомнения, он обязан сделать это для Лизамон Холтен. Он напряг свою волю и постарался сделать что-то для передачи такого послания.

Он делал эти попытки до самого вечера. Быстро наступила темнота, и вода странно засветилась призрачным зеленоватым светом. Они боялись уснуть одновременно, чтобы не соскользнуть с обломка и не потеряться, поэтому установили дежурство. Когда настала очередь Валентина бодрствовать, он с трудом удерживался от сна и боялся, что потеряет сознание. Время от времени он пытался послать сообщение, но ничего не получалось.

Мы пропадем, — думал он.

К утру он спал. Во сне он старался добраться своим мозгом до далеких людей, а потом скатился в еще более глубокий сон.

Его разбудило прикосновение руки Лизамон к его плечу.

— Милорд!

Он открыл глаза.

— Мы спасены, милорд!

— Что?

— Лодка, милорд. Видишь, на востоке?

Он тяжело поднял голову. Да, к ним приближалась лодка. Весла блестели на солнце.

Он подумал, что это галлюцинация, иллюзия, мираж.

Но лодка подошла. Чьи-то руки подняли его и осторожно положили, кто-то поднес к его губам фляжку с холодным питьем, вином или водой — он не понял. С него сняли мокрую грязную одежду и завернули во что-то сухое и чистое. Чужие, двое мужчин и женщина с гривой рыжеватых волос — оба в незнакомой одежде. Он слышал как Лизамон разговаривала с ними, но слова уплывали, и он не вникал в их смысл.

Неужели он вызвал этих спасителей своей передачей мысли? Кто они? Ангелы, духи?

Валентин лежал, полностью изнуренный.

Он подумал, не сказать ли потихоньку Лизамон, чтобы она не упоминала о его истинной личности, но даже на это у него не хватило сил. Он надеялся на ее здравый смысл. Не станет же она говорить, что он Корональ Маджипура, и что их проглотил дракон, но они прорубили выход. Для этих людей это было бы венцом невероятного. Валентин слабо улыбнулся и уплыл в сон без сновидений.

Он проснулся в веселой солнечной комнате с окнами на широкий золотой пляж.

На него серьезно и сосредоточенно смотрела Карабелла.

— Милорд, — тихо сказала она, — ты меня слышишь?

— Это сон?

— Это остров Мардиджил в архипелаге, — сказала она. — Тебя подобрали вчера в океане, тебя и Лизамон. Островные

рыбаки искали в море выживших, поскольку корабль затонул.

— Кто еще остался в живых? — быстро спросил Валентин.

— Делиамбер и Залзан Кавол здесь. Местные жители сказали, что Кон, Шанамир, Виноркис и какие-то скандары — не знаю, наши или нет — подобраны рыбаками соседнего острова. Некоторые охотники на драконов спаслись на своих лодках и тоже добрались до островов.

— А Слит? Что с ним?

— О нем я ничего не знаю, но поиски продолжаются. Может быть, он на другом острове. Их здесь много. Божество до сих пор хранило нас, наверное, и теперь не раскидает в разные стороны.

Она улыбалась.

— Лизамон рассказала невероятную историю, как вас обоих проглотил громадный дракон, и вы прорубили выход вибромечом. Островитянам очень понравилось. Они считают, что это самая замечательная сказка после легенды о Лорде Стиамоте...

— Так оно и было... — сказал Валентин.

— Что, милорд?

— Спой мне ту песню, которую ты пела в Пидруде в ночь фестиваля.

Она улыбнулась и тронула струны арфы.

Моя любовь прекрасна, как весна,
И нежна, как ночь...

Он обнял ее за плечи, и они пошли дальше по берегу. Здесь было изумительно хорошо, тепло и спокойно. Многоцветные птицы сидели на ветвях невысоких деревьев, а кристально чистое прозрачное море лизало песок. Воздух был полон аромата незнакомых цветов. Вдали слышались смех и музыка. Велико искушение, — думал Валентин, — бросить все фантазии о Горном Замке и навсегда остаться на Мардиджиле, выходить на рассвете на рыбачьей лодке, а все остальное время валяться под жарким солнцем.

Но об этом не могло быть и речи. Залзан Кавол и Делиамбер, здоровые и хорошо отдохнувшие после морских испытаний, явились днем к нему и тут же заговорили о дальнейшем путешествии.

Залзан Кавол, как всегда бережливый, имел деньги при себе, когда "Бренгалин" затонул, так что, по крайней мере, половина их богатства была спасена, даже если Шанамир потерял остальное. Скандар выложил блестящие монеты.

— С этим, — сказал он, — мы можем нанять лодку до Острова. Я говорил с нашими хозяевами. Этот архипелаг в девятьсот миль длиной. Он состоит из трех тысяч островов. Из

их больше восьмисот обитаемы. Здесь никто не берется ойти весь путь до Острова, но за несколько реалов мы мо-ем нанять большой тримаран до Родмент Грон, нахо-ящийся примерно в середине цепи островов, а там мы, воз-ожно, найдем транспорт на оставшийся путь.

— Когда отплываем? — спросил Валентин.

— Как только все соберемся, — ответил Делиамбер, — мне азали, что кое-кто из наших уже на пути сюда с ближай-его острова.

— Кто?

— Кон, Винорксис и Шанамир, — сказал Залзан Кавол, и ои братья Ирфон и Роворн. С ними капитан Гарцвел. Гай-р Херн утонул, я видел его гибель: его ударило балкой. А Слите ничего не известно.

Валентин коснулся руки скандара.

— Я скорблю о твоей утрате.

Залзан Кавол хорошо владел собой.

— Давай лучше порадуемся за тех, кто остался жив, ми-рд, — спокойно ответил он.

Ближе к вечеру пришла лодка с соседнего острова. Все ижившие начали обниматься. Только Гарцвел стоял в сто-не, оцепеневший и растерянный, потирая обрубок руки. н, казалось был в шоке.

Валентин протянул ему руку, но Гарцвел упал на колени, снулся лбом песка и дрожащими руками сделал знак го-щей звезды.

— Милорд, — шептал он, — милорд...

Валентин недовольно оглянулся.

— Кто проболтался.

Все молчали. Потом Шанамир испуганно сказал:

— Я, милорд. Я не хотел ничего плохого. Скандар так пе-живал потерю своего корабля... Я хотел утешить его и ска-л, кто был его пассажиром, и объяснил, что капитан вой-т в историю Маджипура через твое путешествие с ним. о было до того, как мы узнали, что ты жив. Милорд, я не тел ничего плохого!

Губы мальчика дрожали.

Валентин кивнул.

— Ничего плохого нет. Я прощаю тебя.

Тем временем испуганный драконий капитан скорчился у г Валентина.

— Встань, Гарцвел, иначе я не могу с тобой разговаривать

— Милорд...

— Вставай. Ну, пожалуйста, встань!

Скандар ошалело посмотрел на Валентина.

— Ты сказал — пожалуйста?

Валентин засмеялся.

— Я вероятно забыл уроки власти. Ладно. Встань! Я приказываю!

Гарцвел, дрожа, поднялся. У него был жалкий вид, у этого маленького трехрукого скандара с потускневшим, запачканным песком мехом.

— Я принес тебе несчастье, а тебе только этого не хватало! Прими мои извинения. Если судьба снова улыбнется мне, я исправлю беду, постигшую тебя. Я обещаю. Что ты думаешь делать сейчас? Соберешь свою команду и вернешься в Пилиплок?

Гарцвел с несчастным видом покачал головой.

— Я не могу вернуться. У меня нет корабля, нет репутации, нет денег. Я потерял все и никогда не восстановлю потерянное. Мои люди свободны от контракта с тех пор, как "Бренгалин" затонул. Теперь я один и разорен.

— Тогда пойдем с нами на Остров Леди, Гарцвел.

— Как, милорд?

— Мы не можем оставаться здесь. Я думаю, островитяне предпочли бы не иметь лишних поселенцев, и здешний климат не годится для скандаров. Я думаю, драконий охотник не сможет стать рыбаком. Он будет страдать каждый раз, забрасывая сеть. Поедем с нами. Если мы не уйдем дальше острова, ты, может быть, найдешь успокоение в служении Леди. Если же мы пойдем дальше, тебе будет оказана честь, когда мы поднимемся на Гору Замка. Что скажешь?

— Мне страшно быть рядом с тобой, милорд.

— Разве я такой страшный? Разве у меня драконья пасть? Посмотри на других. Что-то они не зеленеют от страха.

Валентин хлопнул капитана по плечу и повернулся к Залзану Каволу.

— Никто не заменит тебе погибшего брата, но я дам тебе компаньона твоей расы. А теперь давайте готовиться к отъезду. До Острова еще много дней пути.

Через час Залзан Кавол договорился, что утром их повезут на восток. В этот вечер гостеприимные островитяне устроили роскошный пир с холодным зеленым вином, сладкими сочными фруктами и изысканным свежим мясом морского дракона. От этого последнего блюда Валентина стало тошнить, и он хотел было уже отодвинуть его в сторону, но увидел, что Лизамон жует так, словно ей вовек уже не видать мяса.

В качестве упражнения в самоконтроле, он тоже решился проглотить кусок. Вкус был так неотразим, что он сразу же отказался от всех неприятных мыслей, связанных с морским драконом.

Пока они ели, солнце село и быстро стемнело, как всегда в тропиках. По небу пошли дрожащие тона янтарного, фиолетового, красного и золотого. Да, благословенные острова, — думал Валентин, — исключительно радостное место, даже для этой планеты, где большинство мест — счастливые и полны жизни. Население было в основном однородное — красивый, длинноногий народ человеческой расы, с густыми золотистыми волосами и гладкой, медового цвета кожей. Встречались, правда, и вруоны и даже гейроги, а Делиамбер сказал, что на других островах народ разных рас.

По его словам, островитяне не соприкасаются с континентами, живут своей жизнью и мало что знают о делах большого мира.

Когда Валентин спросил одну из хозяек, проезжал ли мимо них Лорд Валентин Корональ во время вояжа по Зимролу, она посмотрела на него и простодушно спросила:

— А разве Корональ не Лорд Вориакс?

— Нет. Я слышал, что он умер два года назад, — сказал кто-то из островитян.

Это было воспринято за столом как новость.

Эту ночь Карабелла провела с Валентином. Они долго стояли на веранде, глядя на яркое белое отражение лунного света, шедшее через море к далекому Пилиплоку. Валентин думал о морских драконах, пасущихся в этом море, о чудовище, в брюхе которого он побывал, о двух своих пропавших товарищах — Гайборе Херне и Слите.

Какое длинное путешествие, — думал он, вспоминая Пидруд, Долорн, Мазадон, Илиривойн, Ни-Мойю, бегство через лес, пороги Стейча, холодность Пилиплокских драконских капитанов, взгляд дракона, крушившего судно бедняги Гарцвела. Великое путешествие, многие тысячи миль, и сколько их еще осталось пройти, прежде чем он получит ответы на вопросы, томившие его душу.

Карабелла прислонилась к нему и молчала. Ее отношение к нему все время менялось, и теперь стало смесью страха и любви, уважения и непочтительности, потому что она принимала и почитала его как Короналя, но не забывала о его простоте, наивности, неведении — качествах, которые он до сих пор не утратил. В смысле повседневных отношений с миром она была куда компетентнее и опытнее, и это обращало ее взгляд на него, она видела в нем нечто пугающее и одновременно детское. Он понимал это и не видел выхода. Хотя фрагменты его прежнего "я" и воспитания с каждым днем возвращались, но большая часть его прежней личности все еще оставалась недоступной, поэтому он до сих пор во многом был Валентином-простодушным, Валентином-скиталь-

цем, Валентином-жонглером. Темная фигура Лорда Валентина, которым он был когда-то и, может быть, станет вновь, была скрыта глубоко в его разуме. Он считал, что Карабелла лучше него найдет выход из затруднительного положения.

— О чем ты думаешь, Валентин? — спросила она наконец.

— О Слите. Мне очень не хватает его.

— Он вернется. Мы найдем его на каком-нибудь острове.

— Хотел бы надеяться.

Валентин обнял ее за плечи.

— Я думаю обо всем, что случилось, и о том, что еще может случиться. Я иду, как через мир снов, Карабелла.

— Кто скажет, что в сущности есть сон, а что нет? Мы идем, как велит нам божество, и не задаем вопросов, потому что на них нет ответов. Ты понимаешь, что я имею в виду? Конечно, есть вопросы и есть ответы: я могу ответить тебе, какой сегодня день, или что было у нас на обед, но ведь это не те вопросы и не те ответы.

— Я тоже так думаю, — сказал Валентин.

Глава 6

Залзан Кавол нанял самое большое рыбачье судно на острове — чудесный бирюзовый тримаран под названием "Гордость Мардиджила". Он гордо поднимался на пятьдесят футов на трех гладких корпусах, а его безупречной белизны паруса были окантованы ярко-красным, что придавало им радостный, праздничный вид. Его капитан был пожилой человек, один из самых процветающих рыбаков острова. Его звали Гриджитор. Он был высоким и крепким, с волосами до пояса и загорелой оливковой кожей. Он был среди тех, кто спас Залзана Кавола и Делиамбера, когда до острова дошли первые известия о тонущем корабле. У него было пять человек команды — все его сыновья и дочери, такие же крепкие и красивые, как он сам.

Их путь лежал сначала на Бурбонт, всего в получасе плавания, а затем в пролив, связывающий два внешних острова с остальными. Морское дно здесь было из чистого белого песка, и солнечный свет легко проникал в глубины, где виднелись подводные жители — быстрые крабы, большие омары и зловещие песчаные угри.

Один раз даже пронесся маленький морской дракон, слишком близко подобравшийся к земле и явно смущенный этим. Одна из дочерей капитана настаивала, чтобы погнаться за ним, но капитан отмахнулся, сказав, что их дело — быстрее доставить пассажиров на Родмент Грон.

Они плыли все утро, миновали еще три острова и в полдень стали на якорь для завтрака. Двое сыновей капитана прыгнули за борт и быстро, почти не промахиваясь, били острогами рыбу и ракообразных. Гриджитор сам приготовил мясо, замариновал в пряном соусе кубики сырой рыбы и щедро налил пряного зеленого вина. Делиамбер, почти ничего не евший, уселся на верхушке внешнего корпуса и напряженно смотрел на север. Валентин заметил его и хотел подойти, но Карабелла удержала его:

— Он в трансе. Не мешай ему.

После завтрака они на несколько минут задержались с отплытием, пока маленький вруон не спустился со своего места.

— Я послал сигнал вперед, — сказал он, — и несу вам хорошую новость: Слит жив!

— Вот это действительно хорошая новость! — воскликнул Валентин. — Где он?

— На острове в этой группе, — ответил Делиамбер.

Он неопределенно махнул щупальцами.

— С ним кое-кто из команды Гарцвела.

— Скажи, какой остров, и мы пойдем туда, — сказал Гриджитор.

— Он имеет форму кольца, открытого с одной стороны, а в середине — вода. Люди там темнокожие, с длинными курчавыми волосами, в ушах серьги.

— Кангрисорн, — тут же сказала дочь Гриджитора.

Отец кивнул.

— Верно. Поднять якорь!

До Кангрисорна был час пути по ветру.

Он лежал несколько в стороне от отмеченной на карте дороги. Это был один из десятка маленьких атоллов.

Видимо, его редко посещали люди с Марджидила, потому что еще до того, как тримаран вошел в гавань, местные ребятишки выплыли в лодках посмотреть на чужаков. Они были черные, красивые, волосы черны до синевы. Смеясь и размахивая руками, они проводили тримаран ко входу в лагуну, а там уже сидел у воды Слит, обгоревший на солнце и в лохмотьях, но невредимый. Он жонглировал пятью или шестью шариками из белого коралла, развлекая публику, состоящую из нескольких десятков островитян и пяти членов команды Гарцвела — четверых людей и одного хорта.

Гарцвел, похоже, боялся встречи со своими бывшими людьми. С утра он как бы воспрянул духом, но теперь стал напряженным и замкнутым, когда тримаран входил в лагуну. Карабелла первая побежала по мелкой воде, чтобы об-

нять Слита, Валентин шел следом. Гарцвел держался позади и не поднимал глаз.

— Как вы нашли нас? — спросил Слит.

Валентин показал на Делиамбера.

— Через колдовство, конечно. Ну, как ты тут?

— Я думал, что сдохну от морской болезни, но дня через два поправился. А ты? Я видел, как тебя утянуло под воду, и решил, что все кончено.

— Произошла страшная история. Я расскажу тебе потом, — сказал Валентин. — Главное — мы опять все вместе, Слит!

Затем он печально добавил:

— Все, кроме Гайбора Херна. Он погиб. Но мы взяли в спутники Гарцвела. Иди сюда, Гарцвел. Разве ты не рад снова увидеть своих ребят?

Гарцвел невнятно пробормотал что-то, глядя в пространство, чтобы не встречаться взглядом с ними. Валентин понял ситуацию и обернулся к бывшим членам команды, собираясь просить их не держать зла на капитана за бедствие, неподвластное контролю смертного, и отшатнулся, увидев, что все пятеро упали к его ногам.

Слит удрученно сказал:

— Я думал, что ты умер, милорд, и не мог удержаться, чтобы не рассказать им твою историю.

— Понятно, — сказал Валентин. — Новости распространяются быстрее, чем я бы хотел, несмотря на все наши клятвенные заверения. Что ж, это простительно, Слит.

— Он снова обернулся к морякам.

— Встать. Не надо ползать по песку — это никому не нужно.

Все встали. Они не могли скрыть своего недовольства Гарцвелом, который не сказал им о присутствии Короналя. Но ведь он и сам до поры до времени не знал об этом.

Валентин быстро выяснил, что двое — один человек и хорт хотят остаться на острове и со временем найти возможность вернуться в Пилиплок. Остальные трое просили разрешения сопровождать его. В их числе были две женщины — Панделон, плотник, и Корделин, парусный мастер. Мужчина, Тизи, был лебедочником. Валентин согласился взять их и принял их клятву в верности.

Церемония эта будила в нем смутное недовольство, однако он уже начал привыкать к атрибутам власти.

Гриджитор и его дети не обратили внимания на эту процедуру. И очень хорошо: пока Валентин не увидится с Леди, он не хотел, чтобы всюду стало известно о возвращении к нему памяти. Он все еще не было уверен в своей стратегии

и в своих силах. К тому же, если он объявит о своем существовании, это привлечет внимание теперешнего Короналя, который вряд ли будет спокойно смотреть, как претендент на трон идет к Замку на Горе.

После многих дней путешествия мимо мелких, благословенных солнцем островов, тримаран вошел в обширную гавань Родмент Грон. Этот гористый Остров был главным в архипелаге по величине, с населением в пять с половиной миллионов душ. По обе стороны гавани раскинулись, как крылья, два города-двойника. Склоны центрального пика Острова тоже были густо заселены.

Деревянные дома поднимались ярусами почти до середины пика. За последней линией домов склоны густо поросли лесом, а на самом верху поднималось перо тонкого белого дыма, потому что Родмент Грон был действующим вулканом. Последнее извержение, как сказал Гриджитор, было лет пятьдесят назад. Но при взгляде на безупречные дома и неповрежденный лес в это с трудом верилось.

Отсюда "Гордость Мардиджила" собралась вернуться домой. Гриджитор устроил своих пассажиров на еще более элегантный тримаран "Королева Родмента", который должен был отвезти их на Остров Снов. Шкипером тримарана была некая Наморинта, женщина царственной осанки, с длинными прямыми волосами, белыми, как у Слита, и с гладким молодым лицом. Манеры ее были утонченными и насмешливыми. Она внимательно изучала пассажиров, как бы стараясь установить, что толкнуло эту разнородную группу на внесезонное паломничество, но сказала только:

— Если вам на Острове откажут, я привезу вас обратно на Родмент Грон, но это будет вам стоить дополнительной оплаты.

— А на Острове часто отказывают пилигримам? — спросил Валентин.

— В подходящее время — нет. Но пилигримские корабли осенью не ходят, как вы, наверное, знаете. Может случиться, что там не готовы принять вас.

— Мы пришли издалека и без больших затруднений, — небрежно сказал Валентин.

Он услышал, как фыркнула Карабелла и кашлянул Слит.

— Я уверен, что мы не встретим препятствий, больших, чем те, которые мы уже преодолели.

— Я восхищаюсь вашей решимостью, — ответила Наморинта.

Она подала сигнал команде готовиться к отплытию.

Архипелаг в своей восточной части двигался несколько на север, и острова здесь были совсем не похожи на Мардид-

жил и его соседей. В основном это были вершины затонувшей горной цепи, а не плоские платформы на коралловой основе. Валентин подумал, что эта часть была когда-то длинным концом мыса, отходившего от юго-западного угла Острова Снов, но в давние времена была поглощена Внутренним морем.

Над водой находились только самые высокие пики, а между восточным островом архипелага и берегом Острова лежали сотни миль открытого пространства — страшное путешествие для тримарана, даже и столь хорошо оснащенного, как судно Наморинты.

Однако обошлось без происшествий.

Они останавливались в четырех портах пополнить запасы воды и пищи, и, наконец, вошли в пролив, отделявший архипелаг от Острова Снов. Пролив был широким, но мелким, богатый морской жизнью. Здесь были безвредные чудища — громадные шаровидные создания, называемые вольвантами. Они крепились к камням на дне и питались планктоном, процеживая его через жабры.

Они покачивались на глубине нескольких футов под водой, шарообразные мешки пятидесяти футов в поперечнике.

На второй день "Королева Родмента" спустила пять лодок, и рыбаки оторвали от камня вольванта, вынесли на поверхность, разрезали и сняли кожу, которую потом нарезали кусочками и разложили на палубе.

Валентин ужаснулся. Ему чем-то нравились вольванты.

Когда я снова стану Короналем, — думал он, — я запрещу убийство этих безвредных тварей.

Затем он спросил себя, можно ли издавать законы, основанные только на личной симпатии, не изучив факты. Он спросил Наморинту, что делают с кожей вольвантов.

— Это лекарство для стариков, кровь которых плохо течет в жилах, — ответила она. — Одного вольванта хватит для больных всех островов на год, а то и больше. То, что ты сейчас видел — редкое событие.

— Когда я снова стану Короналем, — опять думал Валентин, — в воздержусь от суждений, пока не узнаю истины, если такое вообще возможно.

Тем не менее, вольванты вызывали в нем странные эмоции, и он вздохнул с облегчением, когда тримаран вышел из их зоны в холодную голубую воду, окружавшую Остров Снов.

Глава 7

Теперь Остров Снов был ясно виден на востоке и с каждым часом заметно увеличивался. Валентин видел его только во сне и в воображении. Эти видения ни на чем не основывались, однако его воображаемая и каким-то образом укрепившаяся в воспоминаниях реальность еще держалась в мозгу, и он вовсе не был готов к действительности.

Остров был огромен. Это неудивительно для громадной планеты, где многое соответствовало планетарным измерениям.

Однако Валентина сбила с толку мысль, что Остров обязательно должен соответствовать его цели. Он предполагал, что Остров раза в два-три больше Родмент Грона, теперь же он видел, что Остров обвивал весь горизонт и на этом расстоянии казался не меньше побережья Зимрола, каким оно выглядело в двух днях пути от Пилиплока. Это был Остров, который нельзя было сравнить ни с Зимролом, ни с Алханролом и Суврейлом. Он потому только не назывался континентом, что те были огромны, а он просто очень большим.

Остров был ослепительным. Он был окружен чистыми меловыми утесами, ярко сиявшими на солнце. Они составляли стену в сотню футов высотой и, вероятно, столько же миль в длину по западной стороне Острова.

Поверх этой стены тянулась темно-зеленая Корона леса. Похоже, что внутри на возвышении была вторая меловая стена, а затем третья, еще дальше от моря, так что Остров с этой стороны, казалось состоял из блестящих ярусов, поднимавшихся к какой-то неизвестной и, возможно, недоступной центральной цитадели. Валентин слышал о террасах Острова и считал их древними искусственными сооружениями, символическими метками подъема к посвящению. Но было похоже, что сам Остров состоит из природных террас, усугублявших его таинственность. Не стоило удивляться, что это место стало священным на Маджипуре.

Наморинта сказала:

— Выемка в утесе — Талис, куда причаливают корабли пилигримов. Это одна из двух гаваней Острова, вторая — Пуминор, на другой стороне. Но вы, наверное, и сами знаете, если вы пилигримы.

— У нас было мало времени, чтобы узнать, — ответил Валентин. — Мы неожиданно решились на паломничество.

— И останетесь до конца жизни на службе у Леди? — спросила она.

— На службе у Леди — да, — ответил Валентин, — но, я думаю, не здесь. Для некоторых из нас Остров — только остановка на долгой дороге.

Наморинта, казалось, была озадачена, но больше ни о чем не спрашивала.

Юго-западный ветер быстро донес "Королеву Родмента" до Талиса. Скоро перед ними выросла громадная меловая стена и отверстие в ней оказалось не выемкой, а гигантских размеров гаванью.

Тримаран вошел с полными парусами. Валентин стоял на носу и был охвачен благоговейным страхом при виде границ входа, потому что в углу У, форму которого имел Талис, утесы спускались в воду почти отвесно с высоты мили или больше, а в их основании была плоская полоса земли, граничившая с широким белым пляжем.

На одной стороне были верфи, пирсы и доки, казавшиеся карликовыми по сравнению с этим гигантским амфитеатром. Трудно было себе представить, как можно выйти из этого порта у подножия утеса вглубь Острова. Это была природная крепость.

В ней стояла тишина. В гавани не было ни одного судна, кругом царило спокойствие.

— Есть там кто-нибудь? — спросил Слит. — Кто нас встретит?

Карабелла закрыла глаза.

— Идти кругом до Нуминора или вернуться на архипелаг...

— Нет, — сказал Делиамбер. — Нас встретят. Бояться нечего.

Тримаран встал у свободного пирса.

Член команды спустил лодку, и они поплыли вперед.

Уверенность Делиамбера казалось неуместной. Там не было никого. Все было тихо. Они ждали, неуверенно переглядываясь.

— Давайте искать, — сказал наконец Валентин. — Лизамон, Кон, Залзан, осмотрите здание слева. Слит, Делиамбер, Виноркис, Шанамир — справа, Панделон, Тизи, Роворн, обогните пляж и посмотрите за ним.

Сам Валентин, Карабелла и мастер Корделин пошли вперед к подножию громадного утеса. Здесь начиналось нечто вроде тропы, которая шла под углом вверх почти вертикально к верхней части утеса и исчезала между двумя белыми шпилями. Чтобы подняться по этой тропе, нужно было иметь ловкость лесных братьев и нахальство горного козла, так решил Валентин.

Однако другой возможности, по-видимому, не было. Он заглянул в будку у начала тропы, но не нашел ничего, кроме нескольких плавучих саней, видимо служивших для подъема. Он вытащил один, поставил опорное седло на уровень грунта и сел, но не смог включить.

Он вернулся к пирсу. Почти все уже были там.

— Пусто, — сказал Слит.

Валентин посмотрел на Наморинту.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы отвезти нас на другую сторону?

— В Нуминор? Несколько недель. Но я туда не поеду.

— Мы заплатим, — сказали Валентин и Залзан Кавол.

Она равнодушно посмотрела на них.

— Мое дело — рыболовство. Начинается лов рыбы-колючки. Если я повезу вас в Нуминор, я пропущу этот лов и половину сезонного лова гиссуна. Вы не сможете оплатить мне это.

Шанамир достал монету в пять реалов, но капитан отвергла ее.

— Вы заплатили мне, чтобы я довезла вас от Родмент Грона сюда. За половину той платы я отвезу вас обратно. Это лучшее, что я могу сделать для вас. Через несколько месяцев снова пойдут корабли пилигримов, гавань оживет, и тогда, если вы захотите, я опять привезу вас сюда за те же деньги. Как бы вы ни решили, я к вашим услугам. Но я отчалю отсюда до наступления темноты, и пойду не в Нуминор.

Валентин обдумал ситуацию. Это еще неприятнее, чем быть проглоченным драконом, потому что оттуда он освободился довольно быстро, а это неожиданное препятствие сулило отсрочку на всю зиму, если не больше, в то время как Доминик Барджазед будет править в замке, рассылать новые законы, изменять историю и укрепляться в своем положении. Но что же делать? Он посмотрел на Делиамбера, но колдун, выглядевший спокойно, не дал совета. На эту стену им не вскарабкаться. Летать они не умеют. Значит, возвращаться на Родмент Грон?

— Ты не подождешь один день? — спросил он Наморинту. — За добавочную плату. Может, утром мы найдем кого-нибудь...

— Я далеко от Родмент Грона, — ответила она, и очень хочу увидеть его берега. Лишний час ожидания вам не даст ничего, а мне и того меньше. Не тот сезон: люди Леди не ждут никого и не придут сюда.

Шанамир слегка дернул Валентина за рукав.

— Ты Корональ Маджипура, — прошептал он. — Прикажи ей! Назови себя и заставь ее встать на колени!

Валентин улыбнулся и тихо ответил:

— Я думаю, что номер не пройдет. Я где-то оставил свою Корону.

— Так пусть Делиамбер заколдует ее!

Это было возможно, но Валентин не захотел. Наморинта была честной с ними и теперь имела право уйти, и, наверное, это было справедливо. А заставить ее уступить с помощью Делиамбера казалось ему отвратительным. Но, с другой стороны...

— Милорд Валентин! — крикнул издали женский голос. — Иди сюда!

Он посмотрел в дальний конец гавани.

Кричал Пандемон, плотник Гарцвела.

Она махала руками и звала. Он побежал к ней, остальные за ним.

Когда он подбежал, она повела его по мелкой воде вокруг каменного уступа, скрывавшего пляж поменьше. Там он увидел одноэтажное здание из розового песчаника — видимо, какой-то гробницы с эмблемой Леди — треугольник в треугольнике. Перед зданием был сад с цветущими кустами, расположенными симметричным узором красных, голубых, оранжевых и желтых цветов.

За садом ухаживали два садовника, мужчина и женщина. Они равнодушно смотрели на приближавшегося Валентина. Он неуклюже сделал им знак Леди, они ответили более умело.

— Мы пилигримы, — сказал он, — и нам нужно узнать дорогу к террасам.

— Вы приехали не вовремя, — сказала женщина.

У нее было широкое, бледное, морщинистое лицо. В ее голосе не чувствовалось ничего дружелюбного.

— Из-за нашего стремления служить Леди.

Женщина пожала плечами и вернулась к работе. Мужчина, крепкий, невысокий, с редкими седыми волосами, сказал:

— В это время года вам следовало бы ехать в Нуминор.

— Мы из Зимрола.

Появился слабый проблеск внимания.

— Вы прошли через драконьи ветры? Вам, наверно, нелегко пришлось?

— Были кое-какие трудные минуты, — сказал Валентин. — Но теперь они позади. Мы рады, что наконец достигли Острова.

— Леди позаботится о вас, — равнодушно сказал мужчина.

Он взялся за лопату.

Молчание быстро становилось пугающим.

Валентин спросил:

— Где дорога на террасы?

— Вы не сможете воспользоваться ею, — ответила женщина.

— А вы не поможете нам?

Снова последовало молчание.

— Это же недолго, — сказал Валентин. — Покажите нам дорогу, и мы больше не будем беспокоить вас.

— У нас здесь работа, — сказал мужчина.

Валентин облизал губы. Все шло плохо, а Наморинта, наверное, уже возвращается в Родмент Грон, бросив их в безвыходном положении. Он посмотрел на Делиамбера.

Его колдовское прикосновение может стать приказом. Делиамбер игнорировал намек.

Валентин подошел к нему и шепнул:

— Коснись их щупальцами и заставь помочь нам.

— Я думаю, — ответил Делиамбер, — что на этом священном Острове мое колдовство бессильно. Пользуйся своими чарами.

— У меня их нет!

— Попробуй, — сказал колдун.

Валентин снова подошел к садовникам.

Я Корональ Маджипура, — повторял он про себя, — я сын Леди, которой вы служите. Сказать вслух что-либо подобное садовникам было немыслимо, но он, возможно, сумеет передать это им силой своего духа. Он выпрямился и двинулся к центру своего "я", как делал это, готовясь жонглировать перед взыскательной аудиторией, и улыбнулся такой теплой улыбкой, от которой могли бы раскрыться почки на ветвях цветущих кустов. Через минуту садовники подняли глаза, увидели его улыбку и продемонстрировали ответ — реакцию удивления, растерянности и покорности.

Он омыл их сияющей любовью.

— Мы прошли тысячи миль, — ласково сказал он, — чтобы помочь обрести покой и мир Леди, и мы просим вас, во имя божества, которому вы служите, помочь нам. Нужда наша велика, и мы устали от странствий.

— У нас своя работа, — неуверенно сказала женщина.

— Мы не можем уйти, пока сад не ухожен, — промямлил мужчина.

— Сад цветет, — сказал Валентин, — и будет цвести несколько часов без вашей помощи. Помогите нам, пока не стемнело. Мы просим только показать нам дорогу, а Леди вознаградит вас за это.

Садовникам было явно не по себе. Они смотрели друг на друга, потом на небо, как бы прикидывая, не поздно ли. Наконец они хмуро встали, отряхнули песок с колен и пошли

к краю воды в мелкий прибой вокруг острия большого пляжа и вниз к подножию утеса, где шла вертикальная тропа к небу.

Наморинта была еще там, но уже готовилась к отплытию. Валентин подошел к ней.

— Мы глубоко признательны тебе за помощь, — сказал он.

— Вы остаетесь?

— Мы нашли путь на террасы.

Она улыбнулась с непритворным удовлетворением.

— Я не хотела бросать вас, но Родмент Грон зовет меня. Я желаю вам удачи в вашем паломничестве

— И я желаю тебе безопасного путешествия домой.

Он хотел отойти, но она удержала его.

— Еще одно. Когда женщина звала тебя, она назвала тебя Лорд Валентин. Что это значит?

— Просто шутка.

— Я слышала, что так зовут нового Короналя. Он стал править год или два назад.

— Да, — сказал Валентин, — но он черноволосый. Это была просто шутка, потому что я тоже Валентин. Счастливого плавания, Наморинта.

— Плодотворного паломничества, Валентин.

Он пошел к утесу. Садовники вытащили из будки несколько плавучих саней, установили их и жестом пригласили путешественников. Валентин сел в первые сани с Карабеллой, Делиамбером, Шанамиром и Коном. Садовница вошла в будку, где, как видно, находилось управление санями.

Сани тут же поднялись на воздушной подушке и поплыли. Начался страшный головокружительный подъем на белый утес.

Глава 8

— Вы прибыли, — сказал служитель Талинот Изолд, — на Террасу Оценки. Здесь вас взвесят. Когда настанет время идти дальше, ваша дорога приведет вас на Террасу Начала, затем на Террасу Зеркал, где вы встретитесь сами с собой. Если увиденное удовлетворит вас и ваших гидов, вы пойдете внутрь Второго Утеса, где вас ждет другая группа террас. Так вы дойдете до Террасы Поклонения. Затем, если над вами будет милость Леди, вы получите вызов во Внутренний Храм. Но я бы не надеялся, что это случится скоро. Я бы даже не надеялся, что это вообще может случиться. Но те, кто надеются достичь Леди, в конце концов, вероятно, доходят до нее.

Настроение Валентина упало. Он не только надеялся дойти до Леди, это было жизненно необходимо. Однако, он понимал, что имел в виду служитель. В этом священном месте паломник ничего не мог требовать, он подчинялся, от отказывался от требований, нужд и желаний, он уступал, если искал покоя. Здесь не место для Короналя. Главное в жизни Короналя — мудро пользоваться властью, если он способен к мудрости, но в любом случае — главное в жизни пилигрима — подчинение.

В этих противоречиях Валентин легко мог заблудиться, но иного выбора не было.

Тем не менее, они добрались до внешних окраин области Леди. На вершине утеса служители встретили их без всякого удивления. Видимо, они знали, что к ним поднимаются внесезонные паломники. Теперь их, выглядевших благочестиво и несколько глупо в мягкой бледной одежде пилигримов, собрали в длинном низком здании из гладкого розового камня, стоявшем у гребня утеса. Плиты из того же камня составляли большой полукруг для прогулок, тянувшийся, видимо, на большое расстояние вдоль кромки леса, венчавшего утес. Это была Терраса Оценки. Дальше шел лес. Другие террасы были далеко за ним.

В глубине, невидимый отсюда, поднимался Второй Утес. Третий Утес, насколько Валентин знал, был выше второго и находился в сотне миль где-то в глубине Острова, и это была священнейшая территория, где был Внутренний Храм, и где жила Леди. Несмотря на то, что Валентин прошел так много, казалось немыслимым, что он когда-нибудь одолеет эти последние сотни миль.

Быстро наступила ночь. Оглянувшись на круглое окно позади него, он увидел темневшее небо и широкую темную полосу моря. На гладкой поверхности воды виднелось пятнышко. Валентин надеялся, что это идет домой тримаран "Королева Родмент Грон", а дальше вольванты видят свои бесконечные сны, и морские драконы плывут к Великому Океану, а еще дальше — Зимрол с его городами, заповедниками и парками, фестивалями и миллиардами жителей. Для него многое осталось позади, но теперь он должен идти только вперед.

Он внимательно смотрел на Талинота Изолда, их первого здешнего гида, высокого, худощавого, с молочно-белой кожей и лысой головой, неизвестного пола. По росту и ширине плеч можно было предположить, что это мужчина. Но изящество лицевых костей, особенно хрупкий изгиб легкого выступа над странными синими глазами, создавали обратное впечатление.

Талинот Изолд объяснил им все: ежедневную рутину молитв, работы и медитации, систему толкования снов, устройство жилых помещений, диетические ограничения, исключавшие все вина и некоторые пряности, и многое другое. Валентин пытался запомнить, но тут было так много правил, требований, обязанностей и обрядов, что они перепутались у него в голове, и через некоторое время он оставил эти усилия, надеясь, что ежедневная практика поставит все на свои места.

Когда стемнело, Талинот Изолд повел их в зал обучения, мимо искрившегося каменного бассейна, где они вымылись, прежде чем надеть данную им одежду, и где должны были мыться дважды в день, пока находились на этой террасе. В обеденном зале им подали простую еду из супа и рыбы, безвкусную и непривлекательную даже для зверски голодных паломников. Обслуживали их новички, вроде них, но в светло-зеленой одежде. Большой зал был занят лишь частично — час обеда уже почти миновал, как сказал Талинот Изолд.

Валентин осмотрел всех пилигримов.

Они были разных рас, может, половина человеческого рода, но было много вруонов и гейрогов, скандаров, несколько лименов, были и хорты, а в дальнем конце маленькая группа су-сухирисов. Сеть Леди охватывала все расы Маджипура, кроме одной.

— Метаморфы когда-нибудь посещали Леди? — спросил Валентин.

Талинот Изолд ангельски улыбнулся.

— Если пьюривар придет к нам, мы должны принять его. Но они не участвуют в наших ритуалах. Они живут сами по себе, словно они одни на Маджипуре.

— Может, кто-то из них приходил в другом обличье? — предположил Валентин.

— Мы знали бы об этом, — спокойно ответил Талинот Изолд.

После обеда их развели по комнатам.

Это были отдельные комнаты, едва ли больше стенного шкафа, в напоминавшей муравейник квартире: постель, раковина, место для одежды и ничего больше. Лизамон сердито осмотрела свою комнату.

— Вина нет, меч отобрали, а теперь мне еще спать в этом ящике? Похоже, что я промахнулась, став пилигримом, Валентин.

— Успокойся, сделай усилие. Мы уйдем с Острова, как только сможем.

Он вошел в свою комнату, находившуюся между комнатами женщины-воина и Карабеллы.

Свет тут же потускнел. Он лег на койку и неожиданно заметил, что засыпает, хотя было еще рано. Сознание покинуло его, и он увидел Леди, бесспорно Леди Острова.

Валентин много раз видел ее во сне, ее ласковые глаза, черные волосы, цветок за ухом, оливковую кожу, но сейчас образ был резче и детальнее. Он рассмотрел мелкие морщины в углах глаз, крошечные зеленые камни в серьгах, узкую серебряную полоску над бровями. Во сне он протягивал к ней руки и говорил:

— Мать, я здесь, позови меня!

Она улыбалась ему, но не ответила.

Они были в саду, и вокруг цвели алабандины. Маленьким золотым инструментом она подстригала цветочные бутоны, чтобы оставшиеся цвели лучше. Он стоял рядом и ждал, когда она обернется к нему, но ее работа все продолжалась. Наконец она сказала, не глядя на него:

— Нужно быть очень внимательным к своему делу, чтобы хорошо его выполнять.

— Мать, я твой сын Валентин!

— Видишь, на каждой ветке пять бутонов. Оставь их, и они раскроются, но я уберу два здесь, один здесь, один там, и цветение будет великолепным.

Пока она говорила, бутоны развернулись, и запах алабандины наполнил воздух, а громадные желтые лепестки вытянулись, как тарелки, открыв черные тычинки и пестик. Леди слегка коснулась их, и в воздухе разлетелась пурпурная пыльца.

— Ты тот, кто ты есть, и всем им будешь, — сказала Леди.

Сон сменился. Леди уже не было, только колючие кусты махали ему жесткими руками, громадные птицы летали над ним.

Затем все смешалось.

Проснувшись, он должен был сразу же доложить своему толкователю снов, не Талиноту Изолду, а другому служителю, тоже лысому и тоже неопределенного пола, но, вероятно, женщине, Столинол. Эти служители были среднего уровня посвящения, как вчера узнал Валентин. Они вернулись со Второго Утеса, чтобы обслуживать новичков.

Толкование снов на Острове ничуть не напоминало действия Тизаны в Фалкинкине.

Не было ни наркотиков, ни совместного возлежания. Валентин просто пришел к толкователь нице и описал свой сон. Столинол спокойно слушала. Валентин заподозрил, что она имела доступ к его сну, когда этот сон длился, и теперь просто хочет сравнить отчет Валентина с собственным восприятием и увидеть, нет ли провалов и противоречий.

Поэтому Валентин точно передал сон, как помнил его, и сказал, что говорил во сне: — Мать, я твой сын Валентин. И при этом внимательно смотрел, какова будет реакция Столипоп. Но он мог с тем же успехом смотреть на меловой утес.

Когда он кончил рассказ, толковательница спросила:

— Какого цвета были алабандины?

— Желтые с черной серединой.

— Приятный цвет. В Зимроле алабандины алые, с желтой серединой. Какие тебе больше нравятся?

— Одинаково.

Столипоп улыбнулась.

— В Алханроле алабандины желтые, с черной серединой. Можешь идти.

И так каждый день: загадочное замечание, а если не загадочное, то могущее интерпретироваться по-разному, хотя интерпретации не предполагалось.

Столипоп была как бы хранилищем снов Валентина, она впитывала их, но не давала советов.

Валентин начал привыкать к этому.

Он стал привыкать и к ежедневной работе. Каждое утро он два часа работал в саду, полол, подрезал, окапывал, после обеда работал каменщиком, изучая искусство обтесывать плиты. Затем — долгие часы медитации. Тут им никто не руководил: просто посылали смотреть на стены.

Своих спутников он почти не видел, кроме как за совместным купанием утром и перед ужином, и разговаривали они мало.

Легко было войти в жизненный ритм этого места и отбросить все остальное. Тропический воздух, аромат множества цветов, благородный тон всего, что было здесь, успокаивали, размягчали, как теплая ванна.

Но Алханрол лежал в тысячах миль к востоку, а Валентин ни на дюйм не приблизился к своей цели, пока оставался на Террасе Оценки. Прошла уже неделя. Во время медитации Валентин предавался мечтам, как он соберет своих людей и удерет ночью, пройдет незаконно через Террасы Второго и Третьего Утеса и появится на пороге храма Леди. Однако он подозревал, что в таком месте, где сон — открытая книга, им далеко не уйти.

Это его раздражало. Он понимал, что раздражение не даст ему ничего, и учился расслабляться, снимать напряжение, очищать мозг от ненужных мыслей, и таким образом открывать путь призывному сну, которым Леди позовет его к себе.

Но и это не давало эффекта. Он дергал сорняки, обрабатывал теплую плодородную землю, носил ведра со строительным раствором, сидел, скрестив ноги, с совершенно пустой головой целыми часами во время медитации, и каждую ночь, ложась, молился, чтобы Леди позвала его, но ничего не происходило.

— Долго ли это будет продолжаться? — спросил он Делиамбера однажды в бассейне. — Пятая неделя, а может шестая — я уже сбился со счета. Сколько я должен здесь быть? Год? Два, три?

— С некоторыми пилигримами дело обстояло именно так, — ответил вроун. — Я разговаривал с одним хортом. Он служил в патруле при Лорде Вориаксе. Он провел здесь четыре года и, кажется, вполне смирился с тем, что останется тут навсегда.

— Ему не надо было никуда спешить. Гостиница тут достаточно приятная. Но...

— Важные дела на востоке, — закончил за него Делиамбер. — Однако, ты осужден оставаться здесь. В твоей дилемме парадокс, Валентин: ты отрекаешься от цели, но это отречение само по себе цель.

— Разве ты этого не понимаешь? Твоя толковательница наверняка понимает.

— Конечно, понимаю. Но что мне делать? Как я могу спокойно думать, что мне придется остаться здесь навеки.

— Нельзя быть уверенным. Но как только ты по-настоящему перестанешь беспокоиться, ты двинешься вперед. Но не раньше.

Валентин покачал головой.

— Это все равно, как если бы мое спасение зависело от того, что я никогда бы не вспомнил о джи-птицах. Как бы я ни старался не думать о них, они все время будут лезть мне в голову. Что мне делать, Делиамбер?

Других советов у Делиамбера не было.

На другой день Валентин узнал, что Шанамир и Виноркис продвинулись на Террасу Начала.

Прошло два дня, прежде чем Валентин и Делиамбер встретились снова. Колдун заметил, что Валентин плохо выглядит. Тот сказал с нескрываемым раздражением:

— А как я, по-твоему, должен выглядеть? Ты знаешь, сколько сорняков я выдрал, сколько плит обтесал, а Барджазед сидит в Горном Замке в Алханроле и...

— Спокойно, — мягко сказал Делиамбер, — это не похоже на тебя.

— Спокойно? Сколько я могу быть спокойным?

— Может быть, тут испытывают твое терпение. В этом случае, милорд, ты провалишь испытание.

Валентин задумался, а затем сказал:

— Я согласен с твоей логикой. Но, может быть, испытывают мою изобретательность? Делиамбер, пошли в мою голову призывный сон в эту ночь.

— Ты знаешь, что мое колдовство мало чего стоит на этом Острове.

— Ну, попробуй. Составь послание от Леди и введи его в мой мозг, а там увидим...

Делиамбер пожал плечами и коснулся щупальцами руки Валентина для передачи мысли. Валентин почувствовал слабый, далекий звон контакта.

— Твое внушение работает, — сказал он.

В эту ночь он увидел во сне, что плавает, как вольвант, в бассейне, прикрепленный к камням какой-то пленкой, растущей из его ног, и пытается освободиться, а в это время в ночном небе появляется улыбающееся лицо Леди. Она сказала:

— Иди ко мне, Валентин.

Пленка растаяла, он всплыл наверх и полетел с ветром к Внутреннему Храму.

Валентин передал этот сон Столинон.

Та равнодушно выслушала. На следующую ночь Валентин сказал, что видел тот же сон, и Столинон опять промолчала. В третий раз Валентин повторил то же и попросил толкования.

Столинон сказала:

— Толкование твоего сна таково: на чужих крыльях птица не летает.

Валентин покраснел и вышел.

Через пять дней Талинот Изолд сказал, что Валентину даровано разрешение перейти на Террасу Начала.

— Почему? — спросил Валентин Делиамбера.

— Почему? — переспросил вроун. — В духовном прогрессе это бесполезный вопрос. В тебе явно что-то изменилось.

— Но мой сон был незаконным!

— Может быть и законным, — сказал колдун.

Один из служителей повел Валентина пешком по лесной тропинке к следующей террасе. Дорога была запутанная, извилистая, иногда возвращавшаяся обратно, так что иногда казалось, они идут совсем не в том направлении. Валентин полностью утратил счет времени. Через несколько часов они вдруг оказались в громадном свободном пространстве. От розовых каменных плит террасы с правильными интервала-

ми шли пирамиды из темно-голубого камня в десять футов высотой.

Жизнь тут была в основном такой же — черная работа, медитация, встречи с толковательницей снов, аскетическая квартира, скудная пища. Но было также и начало священного обучения, по часу ежедневно, где принципы благоволения Леди объяснялись посредством эллиптических сравнений и круговых диалогов.

Сначала Валентин слушал все это нетерпеливо. Все казалось ему неопределенным и абстрактным. Ему трудно было сосредоточиться на таких туманных материях, потому что им владела политическая страсть — добраться до замка и устроить допрос правительству Маджипура. Но на третий день его поразило то, что служитель говорил о чисто политической роли Леди. Она была регулирующей силой, как понял Валентин, строительным раствором любви и веры, скрепляющим воедино центры власти на этой планете. Кроме того, она разработала свою магию снов-посланий.

Конечно, нельзя было поверить народному мифу, что она каждую ночь посылает сигналы миллиардам жителей, но было ясно, что ее спокойный дух смягчает и облегчает мир. Аппаратура Короля Снов посылает прямые и специальные сны, бичующие виновных и предупреждающие неуверенных, и послания Короля могут быть жестокими. Но как тепло океана усмиряет климат страны, так Леди смягчает грубые силы управления из Маджипура, и теология считает Леди воплощением божественной матери. Теперь Валентин понял метафору о разделении власти, которую изобрели древние правители Маджипура.

Теперь он все слушал с неослабевающим интересом. Он отбросил свое жадное желание двигаться вперед по террасам и решил научиться здесь большему.

На этой террасе Валентин был совсем одинок. Это было ново. Шанамир и Виноркис не попадались — может, их уже послали на Террасу Зеркал? — а остальные, настолько ему было известно, остальные — позади. Больше всего ему не хватало кипучей энергии Карабеллы и сардонической мудрости Делиамбера, но другие тоже стали частью его души за долгое и тяжелое путешествие через Зимрол, и не иметь их рядом было очень трудно. Его время как жонглера казалось давно миновало и никогда не вернется. Иногда в свободные минуты он рвал плоды с деревьев и бросал их хорошо знакомым методом, чтобы развлечь новичков и служителей. Один широкоплечий чернобородый мужчина по имени Фарсел особенно внимательно следил за жонглированием.

— Где ты научился этому искусству? — спросил он.

— В Пидруде, — ответил Валентин. — Я был в труппе жонглеров.

— Хорошая, наверное, была жизнь?

— Да, — сказал Валентин.

Он вспомнил возбуждение выступления перед темнолицым Лордом Валентином на арене Пидруде, на широких подмостках постоянного цирка в Долорне, и прочие незабываемые сцены прошлого.

— Этому можно научиться? — спросил Фарсел. — Или это врожденный дар.

— Любой научится, если у него быстрый глаз и умение сосредоточиться. Я учился всего две недели в прошлом году в Пидруде.

— Врешь! Наверняка всю жизнь жонглировал!

— До прошлого года — никогда.

— Тогда зачем ты взялся за это?

Валентин улыбнулся.

— Нужно было зарабатывать на жизнь, а в Пидруд на фестиваль Короналя приезжали странствующие жонглеры, и им нужны были лишние руки. Они меня быстро научили, и я мог бы научить тебя.

— Думаешь, у меня получится?

— Лови, — сказал Валентин.

Он бросил чернобородому один из крепких зеленых плодов.

— Перебрасывай его из руки в руку. Пальцы держи свободно. Тебе надо усвоить несколько основных положений и приемов, практиковаться, а потом...

— А чем ты занимался до жонглирования? — спросил Фарсел, перебрасывая плод.

— Бродяжничал, — сказал Валентин. — Держи руки вот так...

Он полчаса тренировал Фарсела, как Карабелла и Слит тренировали его самого в Пидруде. У Фарсела были быстрые руки и хорошие глаза, и учился он быстро, хотя и не так молниеносно, как в свое время Валентин. Через несколько дней он усвоил большую часть элементарных приемов и мог жонглировать, хотя и не так изящно. Он был весьма разговорчивым и не закрывал рта, пока перебрасывал плоды. Родился он, по его словам, в Ни-Мойе, много лет был торговцем в Пилиплоке, недавно пережил душевный кризис, который привел его в смущение и потому он направился в паломничество на Остров. Он рассказывал о своей женитьбе, о своих ненадежных сыновьях, о том, как выигрывал и проигрывал за игорным столом целые состояния. Он хотел знать все о

Валентине, о его семье, о его склонностях, о причинах, приведших к Леди.

Валентин отвечал на вопросы достаточно правдоподобно, а более неприятные обходил, быстро переключаясь на советы по искусству жонглирования.

В конце второй недели работы, учебы, медитации, периодов свободного времени, которое он проводил с Фарселом, Валентин вновь почувствовал неудержимое желание двигаться дальше.

Он не имел представления, сколько здесь террас — девять? девяносто? — но если он будет тратить столько времени на каждую, он и за тысячу лет не дойдет до Леди. Как-то надо было сократить процесс подъема.

Поддельные сны-вызовы, похоже, не срабатывали. Он попробовал повторить свой сон о дрейфе в бассейне Силимейн здешней толковательнице, но не произвел на нее никакого впечатления. Во время медитации он пытался достичь сознания Леди и умолял ее вызвать его, но и это оказалось бесполезным.

Он спросил тех, кто сидел рядом с ним за обедом, давно ли они на этой террасе.

Один сказал — два года, другой — восемь месяцев. Их это не тревожило.

— А ты? — спросил он Фарсела.

Фарсел ответил, что пришел за несколько дней до Валентина. В нем тоже не чувствовалось нетерпения.

— Куда спешить? Мы везде служим Леди, верно? Одна терраса так же хороша, как и другие.

Валентин кивнул, едва сдерживая недовольство.

В конце третьей недели он вдруг увидел Виноркиса, шедшего через поле, где Валентин работал. Но на большом расстоянии Валентин не был уверен, Виноркис ли это, а окрик тот не услышал бы.

На следующий день, жонглируя с Фарселом возле бассейна, он снова увидел Виноркиса на другой стороне площадки. Валентин извинился и бросил жонглировать. После стольких недель пребывания вдали от своих спутников он был рад увидеть хотя бы хорта.

— Значит, это ты проходил по полю? — спросил Валентин.

Виноркис кивнул.

— Я несколько раз видел тебя, милорд. Но терраса так велика, что я никак не мог подойти ближе. Когда ты прибыл?

— Через неделю после тебя. Кто еще из наших здесь?

— Вроде бы никого, — ответил хорт, — был Шанамир, но ушел дальше. Как я вижу, ты не утратил умения жонглировать, милорд. Кто твой партнер?

— Человек из Пилиплока. Быстрые руки.

— И язык тоже?

Валентин нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говорил ему что-нибудь о твоем прошлом, или о будущем, милорд?

— Конечно, нет!

Валентин уставился на хорта.

— Нет, Виноркис! Как могут быть шпионы Коронеля на Острове Леди?

— А почему бы и нет? Разве так трудно сюда проникнуть?

— Но почему ты подозреваешь...

— Прошлой ночью после того, как я мельком увидел тебя в поле, я пришел сюда и стал спрашивать о тебе. Один из тех, кого я спрашивал, был твой новый друг, милорд. Я спросил его, знает ли он тебя, и он тут же начал допрашивать меня: друзья ли мы с тобой, знал ли я тебя в Пидруде, почему мы пришли на Остров и так далее. Я не люблю, милорд, когда чужие задают вопросы, особенно здесь, где учат держаться в стороне от других.

— Может быть, ты излишне подозрителен, Виноркис?

— Может быть. Но в любом случае остерегайся, милорд..

— Я так и делаю. Он не узнал от меня ничего, кроме того, что уже знал, а именно — о жонглировании.

— Может, он уже слишком много знает о тебе, — угрюмо сказал хорт. — Но мы последим за ним, как он следит за тобой.

Известие, что даже здесь он, возможно под наблюдением, расстроило Валентина. Ведь здесь святилище! О, если бы рядом были Слит или Делиамбер!

Шпион может стать и убийцей, когда Валентин подойдет близко к Леди и таким образом явится угрозой для узурпатора.

Но Валентину казалось, что он так и не подойдет близко к Леди. Прошла еще неделя. Затем, когда он уже готов был поверить, что останется на Террасе Начала до конца своих дней, его вызвали с поля и сказали, чтобы он приготовился идти на Террасу Зеркал.

Глава 9

Третья Терраса была головокружительно прекрасна. Блеск ее напоминал Валентину Долорн. Она прилепилась к основанию утеса, неприступной вертикальной стеной, казавшейся абсолютным барьером против проникновения внутрь. Там были зеркала — громадные, грубо вырезанные плиты

олированного черного камня. Закрепленные в грунте вокруг террасы, они сияли внутренним светом.

Валентин первый раз критически взглянул на себя. Он искал следы усталости или потрясений, но ничего этого не видел: знакомый золотоволосый улыбающийся человек. Он риветственно махнул своему отражению и дружески подигнул ему, а через неделю перестал замечать его. Если бы му приказали не обращать внимания на зеркала, он вероно был бы в постоянном напряжении, невольно бросая туа взгляд и тут же отводя его, но никто не сказал ему, для акой цели здесь зеркала, и как он должен реагировать на то, поэтому он вскоре просто забыл о них.

Зеркала, как он понял много позже, были ключом к двиению вперед на Остров: эволюция духа изнутри, растущая пособность отличать и отбрасывать ненужное.

Здесь он был совсем одинок: ни Шанамира, ни Виноркиса, и Фарсела. Валентин внимательно приглядел ся к чернободому: если бы тот действительно был шпионом, он, без сонения, нашел бы возможность следовать за ним с террасы а террасу. Но здесь он не появился.

Валентин пробыл на Террасе Зеркал одиннадцать дней и тправился дальше с пятью другими новичками к краю Второго Утеса на Террасу Просвещения.

Отсюда открывался великолепный вид на первые три терасы, находившиеся далеко внизу. От Террасы Оценки вида была лишь узкая розовая линия на фоне темной зелени еса, Большая Терраса внушительно развертывалась на сединие нижнего плато, а Терраса Зеркал прямо внизу сверала, как миллион ярких погребальных костров в полуденом свете.

Теперь ему уже стало безразлично, как скоро он сможет родвигаться.

Время утратило значение. Он полностью вошел в здешний итм. Он работал на полях, слушал неторопливые лекции уховного обучения, проводил много времени в темном каенном здании — месте поклонения Леди — и спрашивал, удет ли ему дарован свет. Иногда он вспоминал, что намеевался быстро пройти к сердцу Острова и к женщине, коорая живет там, но теперь это не имело для него никакого начения.

Он становился истинным пилигримом.

За Террасой Просвещения находилась Терраса Цветов, за ей — Терраса Преданности, а затем Терраса Окружения. се они были на Втором Утесе, так же, как и Терраса Восождения — последняя ступень перед плато, где жила Леди. аждая из террас, как начал понимать Валентин, полностью

окружала Остров, так что на них в любое время мог бы находиться миллион почитателей, если не больше, но каждый пилигрим знал только крошечный участок целого, пока шел к центру. Сколько труда было положено, чтобы выстроить все это, сколько жизней было отдано на служение Леди! И каждый паломник шел в сфере молчания. Здесь не заводили дружеских отношений, не обменивались откровением, не обнимались любовники. Фарсел был единственным исключением из этого правила. Вообще, это место существовало как бы вне времени и в стороне от обычных ритуалов жизни.

В этой средней зоне Острова было меньше акцента на обучение, а больше тяжелой работы. Валентин знал, что, достигнув Третьего Утеса, он присоединится к тем, кто фактически несет по всему миру работу Леди. Теперь он понял, что большую часть посланий излучает не сама Леди, а миллионы ее передовых служителей Третьего Утеса, чей мозг и дух наполнены благоговением Леди. Но отнюдь не все достигают Третьего Утеса, очень многие старые служители десятилетиями остаются на Втором Утесе, выполняя административную работу, не надеясь и не желая продвигаться к более тяжелой ответственности Внутренней зоны.

В конце третьей недели на Террасе Посвящения Валентину было дано познать настоящий, безошибочный сон-вызов.

Он видел, что идет по оплавленной пурпурной равнине, которая так затемняла его сон в Пидруде. Солнце висело низко над горизонтом, небо было тяжелым и унылым, вдали виднелись две широкие горы, поднимавшиеся, как гигантские кулаки. В усыпанной камнями долине между горами виднелся последний красный отблеск солнца, необычный, масляный, зловещий свет.

На этой странно осветленной долине дул холодный сухой ветер и нес с собой вздыхающие, поющие звуки, мягкую меланхоличную мелодию. Валентин шел и шел, но горы не становились ближе, пески пустыни тянулись бесконечно, а он все шел, чтобы не угасла последняя искра света. Силы его слабели. Угрожающие миражи танцевали перед ним. Он видел Симонана Барджазеда, Короля Снов и его троих сыновей. Он видел призрачного дряхлого Понтифакса, хохотавшего на своем подземном троне. Он видел чудовищ, медленно ползающих по дюнам, и морды массивных дункаров, высунувшиеся из песка и нюхавшие воздух в поисках добычи. Кто-то шипел, звякал, шептал, насекомые собирались в мерзкие тучи, начинался дождь из сухого песка, забивавший глаза и ноздри. Валентин устал и готов был остановиться, упасть и лежать, пока песчаные дюны не закроют его, и только одно тянуло его вперед: в долине ходила улы-

бающаяся женщина — Леди, его мать, и он стремился вперед, как только увидел ее.

Он ощущал тепло ее присутствия, притяжение ее любви.

— Иди ко мне, Валентин, — шептала она.

Ее руки тянулись к нему через пустыню. Плечи его согнулись, ноги подкашивались. Он не мог идти, но знал, что должен.

— Леди, — шептал он, — я не могу больше. Я должен отдохнуть, уснуть!

Свет между горами стал теплее и ярче.

— Валентин, — звала она. — Сын мой!

Он с трудом удерживался, чтобы не закрыть глаза. Так заманчиво было лечь в теплый песок.

— Ты мой сын, — звучал голос Леди с невообразимо далекого расстояния. — Ты нужен мне.

Когда она сказала эти слова, он обрел новые силы и пошел быстрее, а затем легко побежал широкими шагами. Теперь расстояние быстро сокращалось. Валентин уже ясно видел ее на террасе из лилового камня. Она ждала его, протягивала к нему руки. Называла его имя, и голос ее звенел, как колокольчик в Ни-Мойе.

Он проснулся. Ее голос все еще звучал в его мозгу.

Наступил момент рассвета. В душу Валентина влилась удивительная энергия. Он встал, спустился к большому аметистовому бассейну, служившему для купания, и нырнул в холодную родниковую воду, затем побежал в комнату Минесипты, его толковательницы снов, плотной узкокостной особе с горящими черными глазами и худощавым лицом, и торопливо рассказал ей свой сон.

Минесипта молчала. Ее холодность как водой окатила красноречие Валентина, он вспомнил, как пришел к Столинопу на Террасе Начала с фальшивым сном-вызовом, и о том, как быстро Столинопу отмела этот сон. Но ведь этот — не фальшивый, тут не было Делиамбера.

Валентин медленно спросил:

— Могу я просить определения?

— У сна знакомые обертоны, — спокойно ответила Минесипта.

— И это все, что ты можешь сказать?

— А что бы ты хотел услышать?

Валентин сжал кулаки.

— Если бы кто-нибудь пришел ко мне за толкованием такого сна, я бы сказал, что это сон-вызов.

— Прекрасно.

— Ты согласна? А ты назвала бы его сном-вызовом?

— Если хочешь.

— Мое желание тут ни при чем, — раздраженно сказал Валентин. — Либо это сон-вызов, либо нет. Как ты думаешь?

Криво улыбнувшись, толковательница сказала:

— Я назову твой сон вызовом.

— И что же дальше?

— Дальше? У тебя есть утренние обязанности.

— Сон-вызов, как я понимаю, требует появления и движения к Леди.

— Да.

— Разве я не должен сейчас идти во Внутренний Храм?

Минесипта покачала головой

— Никто со Второго Утеса не идет во Внутренний Храм. Вот когда ты достигнешь Террасы Поклонения, сна-вызова будет достаточно. А сейчас — твой сон интересен, но он ничего не меняет. Иди и приступай к своим обязанностям, Валентин.

В нем кипела злоба, когда он выходил от нее. Он понимал, что был глуп, что простого сна недостаточно для переноса его через барьеры, отделявшие его от Леди, однако, он так надеялся... Он думал, что Минесипта всплеснет руками, радостно закричит и тут же пошлет его во Внутренний Храм, но ничего этого не случилось, его просто выставили из комнаты, и он страдал и злился.

Дальше было еще хуже. Через два часа, когда он возвращался с поля, его остановил служитель и резко сказал:

— Тебе приказано немедленно отправиться в гавань Талис, где новые пилигримы ждут твоего руководства.

Валентин остолбенел. Меньше всего он хотел возвращаться к исходной точке.

Он тут же вышел и пошел пешком один, от террасы к террасе, чтобы как можно скорее оказаться на Террасе Оценки. Ему выдали запас пищи и прибор, указывающий направление — наручный амулет, издававший тихий, высокий звук. Он оставил Террасу Оценки в середине дня, но пошел не к побережью, а вглубь, к Террасе Подчинения.

Решение это пришло неожиданно и действовало с непреодолимой силой. Он просто не мог позволить себе отвернуться от Леди. Идя по неразрешенному пути на этом высоко дисциплинированном Острове, он подвергал себя серьезному риску, но иначе поступить не мог.

Валентин обогнул край террасы, нашел травянистую тропинку и прошел наискосок через поле к главной дороге. Здесь он предполагал свернуть влево к внешним террасам, но, чувствуя, что будет слишком бросаться в глаза, повернул направо.

Скоро он оставил позади населенную часть террасы, и дорога из широкого полевого тракта сузилась до лесной тропы, сжатой со всех сторон.

Через полчаса он вышел на развилку дороги. Он наудачу свернул влево, но спокойный свист указывавшего дорогу прибора исчез. Когда Валентин вернулся и повернул направо, свист возобновился.

Полезный аппарат, — подумал Валентин.

Он шел ровным шагом до темноты, затем устроился в приятной роще возле ручья и позволил себе поесть немного сыра и нарезанного ломтиками мяса. Потом он уснул на влажной земле между двумя деревьями.

Первые проблески зари разбудили его.

Он потянулся, открыл глаза, быстро умылся в ручье. Сейчас позавтракаю и...

Он услышал позади себя треск: кто-то шел через кусты. Он бесшумно откатился за толстое дерево и осторожно выглянул.

Он увидел крепко скроенного чернобородого человека. Тот вылез из кустов и остановился, оглядываясь.

Это был Фарсел в одежде пилигрима, но с кинжалом за поясом.

Обоих мужчин разделяли какие-то двадцать пять футов. Валентин хмурился, прикидывая свои возможности, обдумывая тактику. Где Фарсел нашел кинжал на этом мирном Острове? Зачем он шел за Валентином, если не для того, чтобы убить?

Насилие было чуждо Валентину, но захватить Фарсела врасплох имело смысл. Валентин покачался назад и вперед, концентрируя мозг, как перед жонглированием, и выскочил из укрытия.

Фарсел крутнулся и выхватил кинжал.

Валентин резким движением ударил по руке Фарсела ребром ладони.

Рука Фарсела онемела, кинжал выпал, но в следующий миг могучие руки Фарсела сгребли Валентина.

Они стояли, сцепившись, лицом к лицу.

Фарсел был на голову ниже Валентина. Но шире в груди и в плечах. Он пытался повалить Валентина, но тот отбивался.

Вены на лбу обоих набухли, лица покраснели от напряжения.

— Это безумие, — пробормотал Валентин. — Уходи, я не собираюсь вредить тебе.

Фарсел в ответ крепче сжал Валентина.

— Кто тебя послал? — спросил Валентин. — Что тебе от меня надо?

Молчание. Мощные, как у скандара, руки неумолимо сдавливали Валентина. Он стал задыхаться. Боль слепила его. Он пытался раздвинуть локти и разорвать захват, но не получилось.

Лицо Фарсела безобразно исказилось от усилий, губы плотно сжались. Он медленно и постепенно валил Валентина на землю.

Сопротивляться этому захвату было невозможно. Валентин резко прекратил попытку и расслабился, как тряпичная кукла.

Удивленный Фарсел дернул его в сторону. Валентин согнул колени и не сопротивлялся, когда Фарсел швырнул его вниз. Валентин легко упал на спину с согнутыми ногами и, когда Фарсел яростно бросился на него, Валентин изо всей силы ударил его ногами в живот. Фарсел задохнулся и ошеломленно качнулся назад. Валентин вскочил, обхватил его сильными, тренированными многомесячным жонглированием руками, повалил на землю и прижал руками к коленям.

Как странно, думал Валентин, драться врукопашную, словно мы дети.

Это было похоже на сон.

Фарсел яростно смотрел на него и колотил ногами по земле, тщетно пытаясь скинуть Валентина с себя.

— Теперь говори, — сказал Валентин, — что все это значит? Ты пришел убить меня?

— Ничего я не скажу.

— Ты однако был очень болтлив, когда мы с тобой жонглировали.

— Это было раньше.

— Что мне с тобой делать? — спросил Валентин. — Если я тебя отпущу, ты снова нападешь на меня, если же буду держать — то сам задержусь.

— Долго ты меня не продержишь.

Фарсел снова попытался сопротивляться.

Сила его была огромной, но Валентин крепко держал его. Лицо Фарсела стало ярко-красным, жилы на голове вздулись, глаза горели злобой и отчаянием поражения. Некоторое время он лежал тихо, затем собрал все силы и рванулся вверх. Валентин не смог противостоять этому рывку. Настал момент, когда никто из них не управлял ситуацией.

Валентин скатился, а Фарсел изворачивался, чтобы навалиться на него. Валентин схватил Фарсела за толстые плечи и пытался опрокинуть его на спину, но тот оттолкнул его и нацелился пальцами ему в глаза. Валентин увернулся, а за-

:ем, не раздумывая, схватил Фарсела за жесткую черную бо-оду, дернул в сторону и ударил его головой о камень, вы-:тупавший из влажной почвы.

Фарсел глухо заворчал и затих.

Валентин вскочил, поднял валявшийся кинжал и встал над врагом. Он дрожал не от страха, а от напряжения, как дрожит тетива лука, отпустившая стрелу.

— Фарсел! — крикнул он, опустившись на колено.

Ответа не было. Мертв? Нет. Громадная грудная клетка медленно поднималась и опускалась, и Валентин услышал хриплое, прерывистое дыхание.

Валентин посмотрел на нож. Что теперь делать? Слит сказал бы — покончить с поверженным, пока он не встал. Нет, невозможно. Убить можно только при самозащите и, конечно, не потерявшего сознание противника, пусть тот и убийца. Убить разумное существо — значит всю жизнь иметь страшные сны. Но если уйти, Фарсел придет в себя и бросится за ним. Вот когда пригодилась бы птицеловная лиана! Валентин увидел другой сорт лианы с ветвями в палец толщиной, высоко на дереве. Несколькими сильными ударами ножа от оторвал пять больших ветвей и крепко связал Фарсела, который шевелился и стонал, но в себя не приходил. За десять минут Валентин спеленал его, как мумию, от груди до лодыжек, подергал — лиана держала крепко. Тогда он собрал свое имущество и поспешил уйти.

Дикое столкновение в лесу потрясло Валентина, оно доказывало, что его враг больше не довольствуется шпионажем, а хочет убить его. Раз это так, — думал он, — могу ли я еще сомневаться в правильности видений, сказавших мне, что я — Лорд Валентин?

Валентин плохо воспринимал концепцию преднамеренного убийства. Никто не может отнимать жизнь у другого. В мире, известном ему, это была основа. Даже узурпатор, столкнувший его с трона, не посмел убить его, боясь черных снов, которые обязательно придут. Но сейчас он, видимо, согласился пойти на этот страшный риск.

Если только Фарсел не решился на попытку убийства самостоятельно, в призрачной надежде на милость своих нанимателей, когда увидел, что Валентин идет к внутренней зоне Острова.

Это было темное дело. Валентин поежился. Идя широким шагом по лесным тропам, он не раз напряженно оглядывался, опасаясь снова увидеть преследующего его чернобородого.

Но преследователя не было. К концу дня Валентин увидел вдали Террасу Окружения, а за ней плоский белый пик Третьего Утеса.

Никто, казалось, не обращал внимания на спокойно идущего нелегального паломника.

Он вошел на Террасу Окружения с таким видом, словно имел полное право на это.

Терраса была общиной, богатой, с рядом величественных зданий из синего камня в восточном конце и рощей фруктовых деревьев с этой стороны. Валентин с полдюжины спелых басса-плодов положил в дорожный мешок и направился к бассейну, где смыл с себя дорожную пыль. Набравшись нахальства, он вошел в столовую и взял себе суп и тушеное мясо, затем также небрежно вышел и направился в дальний конец террасы. Уже наступала ночь.

Он снова уснул на импровизированной постели, часто просыпаясь с мыслью о Фарселе, а когда стало достаточно светло, встал и пошел дальше. Высоко над лесом поднималась ошеломляющая белая стена Третьего Утеса.

Он шел весь день, но словно бы и не приблизился к утесу. Пешком через эти леса он вряд ли делал больше пятнадцати или двадцати миль в день, а кто знает, сколько их до Третьего Утеса? Пятьдесят или восемьдесят? А сколько оттуда до Внутреннего Храма? Путешествие может занять не одну неделю. Но он шел вперед и шел даже еще быстрее.

На четвертый день Валентин подошел к Террасе Восхождения. Он ненадолго остановился, вымылся, выспался в тихой роще и утром пошел дальше, пока не достиг Третьего Утеса.

Он ничего не знал о механизме, управлявшем плавучими санями. Отсюда ему был виден маленький поселок-станция в несколько коттеджей, немногие служители работали в поле. Сани стояли у подножия утеса. Валентин подумал, не подождать ли темноты и тогда попробовать пустить сани в ход, но решил, что не стоит: лезть на такую страшную высоту без всякой помощи, пользуясь непонятным оборудованием, было слишком рискованно. Вынуждать служителей помочь было еще менее приятно.

Оставался еще один способ. Валентин привел в порядок свою запыленную одежду, принял самый что ни на есть авторитетный вид и степенно пошел к станции.

Группа служителей холодно посмотрела на него.

— Сани готовы к работе? — спросил он.

— У тебя дело на Третьем Утесе?

— Да.

Валентин улыбнулся самой ослепительной улыбкой, показывая также скрытую под улыбкой силу и полнейшую самоуверенность.

— Я Валентин из Алханрола, по особому вызову Леди. Там меня ждут, чтобы проводить во Внутренний Храм.

— Почему нам об этом не сказали?

Валентин пожал плечами.

— Откуда я знаю? Ясно, чья-то ошибка. Что же мне — ждать здесь, пока вам принесут бумаги? И Леди пусть ждет? Давайте вашу плавучую машину.

— Валентин из Алханрола, особый вызов Леди...

Служители задумались, покачали головами и переглянулись.

— Все это совершенно неправильно. Кто тебя будет там сопровождать?

Валентин сделал глубокий вздох.

— Встретить меня послана сама главная толковательница Тизана из Фалкинкина! — решительно объявил он, — она тоже должна ждать, пока вы тут возитесь? Вам придется отвечать перед ней за опоздание! А вы знаете, каков характер у главной толковательницы?

— Верно, — нервно согласились служители.

Они кивнули, словно такая особа действительно существовала, и гнев ее действительно был страшным.

Валентин понял, что выиграл. Быстрыми неторопливыми жестами он понукал служителей и через минуту уже сидел в санях и торжественно возносился на самый высокий и самый священный из трех Утесов Острова снов.

Глава 10

Воздух на вершине Третьего Утеса был чистым и холодным, потому что этот уровень Острова лежал на тысячу футов выше уровня моря, и здесь, в жилище Леди, пейзаж резко отличался от двух нижних ступеней. Деревья были высокими, гладкими, с игловидными листьями и симметрично расходившимися сучьями, а толстые глянцеватые листья и крепкие стебли кустарников имели субтропическую твердость. Посмотрев назад, Валентин не увидел океана, только заросший лесом Второй Утес и далеко внизу — Первый.

Дорога из красиво уложенных каменных плит шла от края Третьего Утеса к лесу.

Валентин без колебаний пошел по ней.

Он не представлял себе топографию этого уровня, знал только, что здесь много террас, и последняя из них — Терраса Поклонения, где ждали вызова Леди.

Он не надеялся незамеченным пройти весь путь до порога Внутреннего Храма, но он пройдет, сколько сможет, а когда его схватят как правонарушителя, он назовет свое имя и попросит, чтобы о нем сказали Леди, а остальное будет зависеть от ее милости и благорасположения.

Его остановили еще до того, как он дошел до внешнего края террасы.

Пять служителей в одежде внутренней иерархии — золотошитой с красной отделкой, вышли из леса и холодно преградили путь Валентину. Трое мужчин, две женщины, все не молодые.

Седая женщина с тонкими губами и темными внимательными глазами сказала:

— Я Лоривейд с Террасы Теней и от имени Леди спрашиваю тебя, как ты сюда попал?

— Я Валентин из Алханрола, — спокойно ответил он. — Я плоть от плоти Леди, и вы должны отвести меня к ней.

Это наглое утверждение не вызвало даже улыбки на лицах иерархов. Лоривейд сказала:

— Ты уверяешь, что ты родственник Леди.

— Я ее сын.

— Ее сына зовут Валентином и он Корональ на Горе Замка. Ты в своем уме?

— Передайте Леди, что ее сын Валентин пришел к ней через Внутреннее Море, через весь Зимрол, и что у него золотистые волосы. Больше я ничего у вас не прошу.

Мужчина рядом с Лоривейд сказал:

— На тебе одежда Второго Утеса. Тебе не позволено подниматься сюда.

Валентин ответил со вздохом:

— Я знаю. Я поднялся без разрешения, незаконно. Но у меня важнейшие официальные причины. Если мое сообщение быстро не дойдет до Леди, вы за это ответите.

— Мы не привыкли к угрозам, — сказала Лоривейд.

— Я не угрожаю, я только говорю о неизбежных последствиях.

Женщина справа от Лоривейд сказала:

— Он сумасшедший. Нам придется запереть его и заботиться о нем.

— И сделать замечание бригаде внизу, — сказал другой мужчина.

— Узнать, с какой он террасы, и как ему позволили уйти оттуда, — сказал третий.

— Я прошу только, чтобы вы передали мое сообщение Леди, — спокойно сказал Валентин.

Они окружили его и быстро повели по лесной тропе к тому месту, где были припаркованы плавучие сани и ожидало множество более молодых служителей. Видимо, они готовились к серьезным неприятностям. Лоривейд махнула одному служителю и отдала короткий приказ. Затем пять иерархов сели в сани и уплыли.

Служители подошли к Валентину и не очень вежливо стали толкать его к саням. Он улыбнулся и показал, что не будет сопротивляться, но его крепко держали и грубо втолкнули в сани. Сани поднялись, и животные, запряженные в них, по сигналу побежали к ближайшей террасе.

Это было место широких низких зданий и больших каменных площадок. Терраса Теней, и тени, давшие ей название, были здесь черными, как чернила, таинственными, всепоглощающими озерами мрака, тянувшимися в странно-значимом рисунке над абстрактными каменными изваяниями.

Но шествие Валентина по террасе было непродолжительным: его стражники остановились у приземистого здания без окон.

Искусно сделанная дверь беззвучно открылась от легкого прикосновения. Валентина втолкнули внутрь. Дверь закрылась, не оставив в стене никакого следа.

Он был в тюрьме.

Квадратная комната с низким потолком, почти пустая. Единственный тусклый светильник бросал зеленовато-желтый свет.

Здесь были очиститель, раковина, комод, матрац и больше ничего.

Передадут ли они Леди его сообщение?

Может быть, они оставят его здесь, пока проверят, как он попал на Третий Утес, и тогда островная бюрократия затянет дело на несколько недель.

Прошел час, другой, третий. Пусть его пошлют на допрос, только бы не эта тишина, скука, одиночество. Он считал шаги.

Нет, комната не квадратная: две стены на полтора шага длиннее других. Он искал очертание двери, но так и не нашел.

Подгонка была изумительной, просто чудо — Валентин не мог не восхититься.

Он придумывал диалог то с Делиамбером, то с Леди, то с Карабеллой, то с Лордом Валентином, но и это развлечение скоро надоело.

Он услышал слабый звук, повернулся и увидел отверстие в стене, в которое скользнул поднос. Ему дали печеной ры-

бы, горсть ягод цвета слоновой кости и чашу холодного красного сока.

— Благодарю, — сказал он громко.

Пальцы его ощупывали стену, ища место, откуда появился поднос.

Следов не было.

Он ел и снова придумывал диалоги, мысленно разговаривая со Слитом, с толковательницей Тизаной, с Залзаном Каволом, с капитаном Гарцвелом. Он спрашивал их об их детстве, о мечтах и надеждах, о вкусах, одежде. Через какое-то время он устал от этой игры и лег спать.

Спал он плохо, часто просыпался.

Сны были отрывочными. Через них проходили Леди, Фарсел, Король Снов, вождь мемаморфов, иерарх Лоривейд, но они только произносили непонятные, неразборчивые слова. Когда он окончательно проснулся, появился поднос с завтраком.

Прошел долгий день. Валентин никогда не знал такого бесконечного дня. Делать было абсолютно нечего. Он мог бы жонглировать тарелками, но они были настолько тонкими и легкими, что это было все равно, что жонглировать перьями. Он пытался жонглировать ботинками, но их было только два, и это было глупо.

Он стал жонглировать воспоминаниями, оживляя в памяти все, что произошло с ним, начиная с Пидруда, но перспектива делать это часами ужасала его.

Во вторую ночь Валентин сделал попытку общения с Леди. Он подготовил себя ко сну, но когда его мозг начал освобождаться от сознания, он постарался проскользнуть в промежуток между сном и бодрствованием в род транса. Это было тонким делом, потому что если он слишком сосредоточится, то полностью проснется, а если слишком расслабится, то уснет. Он долгое время балансировал на плавучей точке, жалея, что во время путешествия по Зимролу не выбрал случая научиться этому у Делиамбера.

Наконец он послал свой дух вдаль.

Мать!

Он представил себя, как его дух парит высоко над Террасой Теней, тянется от террасы к террасе, внутрь, к сердцу Третьего Утеса, к Внутреннему Храму, к комнате, где живет Леди Острова.

— Мать, это Валентин, твой сын. Мне надо многое сказать тебе и о многом спросить. Помоги мне добраться до тебя.

Валентин лежал неподвижно. Он был совершенно спокоен. В его мозгу, казалось, сиял чистый белый луч.

— Мать, я на Третьем Утесе в тюремной камере Террасы Теней. Я шел так долго, но теперь меня остановили. Пошли за мной, мать! Мать... Леди...

Он заснул.

Луч все еще сверкал. Валентин заметил первые звуки музыки сна, увертюры, первое ощущение контакта. Пришли видения. Он больше не был в тюрьме. Он лежал под холодными белыми звездами на громадной круглой платформе полированного камня, как бы на алтаре. К нему подошла женщина в белом платье, с блестящими черными волосами, встала рядом на колени, слегка коснулась его и сказала нежным голосом:

— Ты мой сын Валентин, и я признаю тебя своим сыном перед всем Маджипуром и призываю тебя.

И все. Проснувшись, он помнил только это.

Утром подноса с завтраком не было. Но, может быть, утро еще не настало, и он проснулся среди ночи? Проходили часы. Поднос не появлялся. Не забыли ли о пленнике?

Может быть, они хотят уморить его голодом?

Он почувствовал ужас. Он стал звать кого-то, но сам понимал, что это бесполезно.

Это место запечатано, как могила. Он угрюмо смотрел на старые подносы и наконец швырнул их к дальней стене. Он вспомнил радости пищи, сосиски лимена, рыбу, которую Кон и Слит жарили на берегу Стейча, вкус плодов двикка, пальмовое вино в Пидруде. Голод усиливался. Валентин испугался. Он уже не скучал, а боялся. Может быть, они держат совет и уже осудили его на смерть за его чрезмерное безумие?

Шло время. Прошло уже полдня.

Безумием было думать, что он прикоснется во сне к мозгу Леди. Безумием было думать, что он беспрепятственно войдет во Внутренний Храм и добьется ее помощи.

Безумием было думать, что он вернется в Горный Замок, если он вообще был там когда-нибудь. Он прошел полмира, подгоняемый только безумием, и теперь получит награду за свою самонадеянность и глупость.

Послышался уже знакомый слабый звук, но открылось не отверстие для еды, а дверь.

В камеру вошли два седоволосых иерарха. Они смотрели на него холодно и недовольно.

— Вы принесли мне завтрак? — спросил Валентин.

— Мы пришли, — ответил высокий, — чтобы проводить тебя во Внутренний Храм.

Он настоял на том, чтобы его сначала накормили — мудрое решение, потому что путешествие должно было растянуться на весь остаток дня — на животных, тянувших плавучий фургон. Иерархи сели по бокам Валентина.

Если он спрашивал название террасы, мимо которой они проезжали, они отвечали односложно, и только.

У Третьего Утеса было множество террас — Валентин сбился со счета после седьмой — и они были ближе друг к другу, чем террасы на других утесах: их разделяли лишь полоски леса. Эта центральная часть Острова, похоже, была деловым и населенным местом.

В сумерках они прибыли на Террасу Поклонения, в область спокойных садов и разбросанных низких зданий из белого камня.

Как и все остальные террасы, она была круглой, намного меньше других, поскольку это была внутренняя часть Острова.

Ее вероятно можно было обойти за час или два, в то время как для объезда террасы Первого Утеса понадобилось бы взять животных. Древние деревья с овальными розовыми листьями росли с правильными интервалами вдоль ее края. Между зданиями вилась беседка пышно цветущих лиан. Повсюду были внутренние дворы, украшенные стройными колоннами полированного черного камня и цветущими кустами.

Слуги Леди по двое и по трое, не спеша проходили по этим мирным местам. Валентина проводили в комнату, куда более уютную, чем предыдущая, с широкой и глубокой ванной, с приглашающей постелью, с окнами в сад, с корзиной фруктов на столе.

Иерархи оставили его одного. Он вымылся, пощипал фруктов и ждал следующих событий. Прошел час, или чуть больше.

Раздался стук в дверь, и мягкий голос спросил, хочет ли он ужинать. В комнату вкатилась тележка с самой существенной едой, какую он ел на Острове — жареное мясо, синие тыквы, фаршированные рыбой, чаша с чем-то холодным, напоминающим вино. Валентин с удовольствием поел. Потом он долго стоял у окна, глядя в темноту.

Он ничего не видел и не слышал. Он проверил дверь. Она была заперта. Значит он все еще пленник, хотя и в неизмеримо более приятном окружении, чем раньше.

Он спал крепко, без сновидений. Его разбудил лившийся в комнату поток солнечного света. Валентин вымылся. Тот

же скромный слуга принес на завтрак сосиски и запеченные розовые фрукты. Вскоре прошли два хмурых иерарха и сказали:

— Леди вызывает тебя.

Они провели его через изумительный красоты сад, потом по изящному мосту из чистого белого камня над темным прудом, где плавали золотые рыбы.

Впереди лежала удивительно ухоженная лужайка. В центре ее стояло одноэтажное здание, на редкость изящное по форме, с длинными узкими крыльями, которые вырастали, как звездные лучи, из круглого центра.

Вероятно, это и был Внутренний Храм, подумал Валентин. Он задрожал. Он шел — уже не помня, сколько месяцев — к этому месту, к порогу царившей здесь таинственной женщины и воображал, что это его мать.

И вот он наконец здесь. Но что, если все это окажется вздором, фантазией или ужасным заблуждением. Что, если Валентин вообще никто, желтоволосый бродяга из Зимрола, потерявший мать по какой-нибудь дурацкой случайности, и которому шутники забили голову бессмысленными амбициями?

Эта мысль была непереносимой. Если Леди оттолкнет, не признает его...

Он вошел в храм.

По-прежнему с иерархами по бокам Валентин долго шел по невозможно длинному холлу, где через каждые двадцать футов стояли мрачные воины. Затем он вошел во внутреннюю комнату, восьмиугольную, со стенами из прекраснейшего белого камня, с восьмиугольным бассейном в середине.

Утренний свет проходил через восьмигранную стеклянную крышу. В каждом углу комнаты стояла суровая фигура в одежде иерарха.

Валентин слегка растерянно осмотрел их по очереди и не увидел на их лицах приветствия, только неодобрительно поджатые губы.

Раздался легкий музыкальный звук.

Когда он смолк, в комнату вошла Леди Острова.

Она была очень похожа на ту, которую Валентин видел так часто во сне: женщина средних лет, обычного роста, со смуглой кожей, блестящими черными волосами, с теплым взглядом, с полными губами, поднятыми в уголках с улыбкой, с серебряной полосой на лбу и цветком с толстыми зелеными лепестками за ухом. Вокруг нее, казалось, была аура, нимб, излучение света и величия, как и приличествует власти Маджипура, и Валентин не был готов к этому: он надеялся только лишь на материнское тепло женщины, забыв,

что она королева, жрица, почти богиня. Он молча стоял перед ней, и она некоторое время изучала его с дальней стороны бассейна, устремив на него светлый, но проникающий взгляд. Затем она сделала резкий знак выйти — не ему, а иерархам.

Это сломало их ледяное спокойствие.

Они переглянулись, явно растерянные.

Леди повторила жест — легкий поворот запястья, и в ее глазах вспыхнуло что-то властное, почти устрашающее. Трое или четверо иерархов вышли из комнаты, остальные остались, как бы не в силах поверить, что Леди хочет остаться наедине с пленником.

На секунду показалось, что потребуется третий взмах рук, но тут самый старый и самый важный из иерархов с явным протестом протянул к ней дрожавшую руку, но под взглядом Леди рука опустилась, и все вышли.

У Валентина возник импульс упасть на колени. Он чуть слышно сказал:

— Я не имею понятия, как полагается демонстрировать повиновение, я не знаю, Леди, как я должен обращаться к тебе, не оскорбив тебя.

Она спокойно ответила:

— Вполне достаточно, Валентин, если ты назовешь меня матерью.

Эти спокойные слова ошеломили его.

Он сделал несколько шагов к ней и испуганно остановился.

— Это действительно так? — прошептал он.

— В этом нет никакого сомнения.

Он почувствовал как, запылали его щеки. Он стоял беспомощный, онемевший от ее благоволения. Она поманила его легким движением пальца, и он качнулся, как будто попал в океанский шторм.

— Подойди, — сказала она, — ты боишься? Подойди ко мне, Валентин!

Он пересек комнату, обошел бассейн и встал рядом с ней. Она взяла его за руку, и он ощутил прилив энергии, осязаемую пульсацию, сходной с той, которую он чувствовал, когда Делиамбер касался его с колдовскими целями, но неизмеримо более мощную, неизмеримо более пугающую. Он хотел освободить руку при этом приливе силы, но Леди держала ее и смотрела ему в глаза, как бы читая все его тайны.

— Да, — сказала она наконец — клянусь Божеством, адда. Твое тело чужое, но твой дух со мной. О, Валентин, что они сделали с тобой? Что они сделали с Маджипуром?

Она сжала его руки и притянула его к себе, и он оказался в ее объятиях.

Он чувствовал теперь, что она дрожит, не богиня, а только женщина-мать, обнимающая встревоженного сына. В ее объятиях он стал таким спокойным и умиротворенным, каким не был со дня своего пробуждения в Пидруде, и он цеплялся за нее, молясь, чтобы она не отпускала его.

Затем она отступила и, улыбаясь, осмотрела его.

— Во всяком случае, тебе дали красивое тело, ничуть не похожее на прежнее, но приятное на вид, сильное и здоровое. Могло быть хуже. Они могли сделать тебя старым, больным, калекой, но, я думаю, у них не хватило смелости. Они знали, что в дальнейшем сторицей заплатят за все свои преступления!

— Кто, мать?

Она, казалось, дивилась этому вопросу.

— Как кто? Барджазед и его выродок!

— Я ничего не знаю, мать, кроме того, что приходило ко мне во сне, да и это было туманным и неопределенным.

— И что ты знаешь вообще?

— То, что мое тело было отнято у меня, что каким-то колдовством Короля Снов я очутился возле Пидруда таким, каким ты меня видишь, что кто-то другой, вероятно, Доминик Барджазед правит теперь из Горного Замка. Но все это я знаю из самых недостоверных источников.

— Все это правда, — сказала Леди.

— Когда это случилось?

— В начале лета, когда был великий объезд Зимрола. Я не знаю, как это было сделано, но однажды ночью во сне я почувствовала рывок, как будто сердце планеты дало трещину. Я проснулась с сознанием, что случилось что-то чудовищно злое. Я послала свой дух к тебе, но не смогла достичь тебя. Там, где ты находился, была только тишина, пустота, однако, не та тишина, которая ударила меня, когда погиб Вориакс. Я чувствовала твое присутствие, но за пределами моей достигаемости, как бы за толстым стеклом. Однажды я спросила о Коронале. Мои люди сказали мне, что он в Тил-Омоне. Я спросила, здоров ли он, и мне ответили, что здоров и плывет к Пидруду. Но я не могла добиться контакта. Я послала свой дух во все концы мира, чего не делала много лет, но тебя нигде не было, и одновременно ты где-то был. Я растерялась и испугалась, но ничего не могла сделать, оставалось только искать и ждать. До меня дошли известия, что Лорд Валентин в Пидруде, и я видела его через все расстояния, и его лицо было лицом моего сына, но мозг его был

другим, и он был закрыт для меня. Я пыталась дать послание, но не смогла. Тогда я, наконец, начала понимать.

— И ты узнала, где я?

— Не сразу, они переключили твой мозг так, что он полностью изменился. Каждую ночь я посылала свой дух в Зимрол и искала тебя, пренебрегая всем остальным здесь, но ведь подмена Короналя, — дело нешуточное, и мне показалось, что я уловила проблеск твоей истинной сущности, фрагмент ее, а потом смогла установить, что ты жив, что ты на северо-западе Зимрола, но достичь тебя не могла. Оставалось ждать, пока ты не начнешь приходить в себя, пока их чародейство поблекнет, и твой истинный дух поправится хотя бы частично.

— Он и сейчас не вполне восстановился, мать.

— Я знаю. Но я уверена, что это излечимо.

— Когда ты наконец достигла меня?

Она на секунду задумалась.

— Это было возле гейрогского города Долорна, кажется, и я впервые увидела тебя через мозг других, которые увидели во сне правду о тебе. Я коснулась их мозга, отобрала и очистила то, что было в них, и увидела, что твой дух поставил на них свою печать, и что они лучше тебя знают о том, что случилось с тобой. Таким путем я очертила тебя кругом и смогла войти в твой мозг. С этого момента ты получал задание о своем прежнем "я", и я трудилась через все эти тысячи миль, чтобы вылечить тебя и привести ко мне, но все это было нелегко. Мир снов — трудная и изменяющаяся область, трудная даже для меня, и пытаться управлять ею — все равно, что писать на песке на берегу океана: прибой вернется и смоет почти все, и ты пишешь снова и снова. Но все-таки ты здесь!

— Ты знала, когда я достиг Острова?

— Да, я чувствовала твое приближение.

— И ты оставила меня тянуться с одной террасы на другую несколько месяцев!?

Она засмеялась.

— На внешних террасах миллионы пилигримов. Почувствовать тебя — одно дело, а точно определить — другое, куда более трудное. Кроме того, и ты не был готов прийти ко мне, и я — принять тебя. Я проверяла тебя, Валентин, следила за тобой издали, изучала, какая часть твоей души выжила, осталось ли в тебе что-нибудь от Короналя. Я должна была знать это до того, как увижу тебя.

— Много ли во мне осталось от Лорда Валентина?

— Большая часть, значительно большая, чем предполагали наши враги. Их схема плохо сработала. Они считали, что пе-

речеркнули тебя, но они лишь одурманили тебя и сбили с толку.

— Не разумнее ли было с их стороны убить меня сразу, а не пересаживать мой дух в другое тело?

— Разумнее, да, — ответила Леди. — Но они не рискнули, ты помазанник, Валентин, а эти Барджазеды суеверные скоты. Они рискнули свергнуть Короналя, но не убить, потому что боятся мести его духа. Их трусливое колебание теперь принесет крушение их планам.

— Ты думаешь, что я когда-нибудь смогу снова занять свое место? — тихо спросил Валентин.

— Ты в этом сомневаешься?

— У Барджазеда лицо Лорда Валентина, народ принимает его за Короналя. Он управляет всей мощью Горного Замка, а у меня всего десяток приверженцев, и меня никто не знает. Кто мне поверит, если я объявлю себя истинным Короналем? Много ли времени пройдет, прежде чем Доминик сделает со мной то же самое, что уже раз сделал в Тил-Омоне?

— У тебя есть поддержка Леди, твоей матери.

— У тебя есть армия?

Леди ласково улыбнулась.

— Нет, армии у меня нет, но я — власть Маджипура, а это не так уж мало. Я распространяю любовь и справедливость. И у меня есть это.

Она коснулась серебряного обруча на голове.

— Таким образом ты посылаешь послания?

— Да. Я могу достичь сознания любого во всем Маджипуре. У меня нет способности Барджазеда контролировать и управлять, пока это делают его приборы. Но я могу сообщить, могу влиять. И у тебя будет такой обруч, прежде чем ты уйдешь с Острова.

— И я спокойно пройду через Алханрол, неся гражданам послание любви, пока Доминик Барджазед не спустится с Горы и не вернет мне трон?

В глазах Леди сверкнуло что-то вроде злости, которую видел Валентин, когда она выгоняла иерархов из комнаты.

— Что ты говоришь? — резко спросила она.

— Мать...

— Да, они действительно изменили тебя! Тот Валентин, которого я родила и вырастила, не смирился бы с мыслью о поражении!

— И я не мирюсь, мать. Но все это выглядит таким непреодолимым, а я так устал. Да и вести войну против народа Маджипура, даже против узурпатора... Мать, с самых ранних времен Маджипура не было войны. И я нарушу мир?

Глаза ее были безжалостными.

— Мир уже нарушен, Валентин. На тебе лежит обязанность восстановить порядок в королевстве. Фальшивый Корональ правит почти год. Ежедневно выходят жестокие и глупые законы. Невинный наказан, виновный торжествует. Нарушается равновесие, установленное тысячелетия назад. Когда наш народ пришел сюда со Старой Земли четырнадцать тысяч лет назад, совершалось много ошибок, много страданий претерпели люди, прежде чем мы нашли способ управления. Начиная со времени первого Понтифакса мы стали жить без больших переворотов, а со времени Лорда Стиамота на планете царил мир. А теперь мир разорван, и ты должен привести все в порядок.

— Но если я не соглашусь с тем, что сделал Доминик Барджазед? Если втравлю Маджипур в гражданскую войну? Каковы будут последствия?

— Ты сам знаешь ответы на эти вопросы.

— Я хотел бы услышать их от тебя, потому что мое решение колеблется.

— Мне стыдно слышать от тебя такие слова.

— Мать, я испытал много страшного в этом путешествии, и это отняло у меня много сил. Разве я не имею права устать?

— Ты король, Валентин.

— Возможно, я был им, и возможно, буду снова. Но многое из моей королевской сущности украдено у меня в Тил-Омоне. Теперь я обычный человек. И даже короли подвержены усталости и упадку духа, мать.

Леди сказала более мягко:

— Барджазед еще не стал абсолютным тираном, потому что это может восстановить народ против него, и он все еще не уверен в своей власти, пока ты жив. Но он правит для себя и своей семьи, а не для блага Маджипура. Ему не хватает чувства справедливости, и он делает то, что только кажется полезным и целесообразным. Но с ростом его самоуверенности будут расти и его преступления, и Маджипур застонет под кнутом чудовища.

Валентин кивнул.

— Когда я не такой усталый, я тоже понимаю это.

— Представь также, что произойдет, когда умрет Тиверас Понтифакс, а это рано или поздно случится, и более вероятно, что это случится скоро.

— В Лабиринт войдет Барджазед и станет бессильным затворником. Ты это имеешь в виду?

— Понтифакс не бессилен, и ему не обязательно быть затворником. На протяжении твоей жизни был только Тиверас, и он становится все более старым и странным. Но Пон-

тифакс в полной силе — совсем другое дело. Что, если Барджазед станет Понтифаксом через пять лет? Удовлетворится он пребыванием в этой подземной норе, как теперь доволен Тиверас? Он будет править реально, Валентин.

Она пристально посмотрела на него.

— И кто, по-твоему, станет Короналем?

Валентин покачал головой.

— У Короля Снов три сына, — сказала Леди. — Минакс, старший, на днях получает трон в Суврейле. Доминик теперь Корональ и станет Понтифаксом, если ты позволишь ему это. Кого он выберет новым Короналем, как не своего младшего брата, Кристофа?

— Но это противоестественно, чтобы Понтифакс отдал Горный Замок собственному брату!

— Также противоестественно, чтобы Король Снов свергал законного Короналя, — сказала Леди.

Глаза его снова сверкнули.

— Послушай вот еще что: когда сменяются Коронали, сменяются и Леди Острова. Я буду доживать свои дни во дворце для отставных Леди на Террасе Теней, а кто придет во Внутренний Храм? Мать Барджазеда! Как видишь, они захватят все и будут править всем Маджипуром?

— Этого не должно быть, — сказала Валентин.

— Этого не должно быть.

— Что я должен сделать?

— Ты сядешь на корабль в моем порту Пуминор со своими людьми и с теми, кого я дам тебе, и поедешь в Алханрол, высадишься на мысе Стойенцар и отправишься в Лабиринт получать благословление Тивераса.

— Но если Тиверас сумасшедший...

— Он не совсем безумен. Он живет в непрерывном сне и очень странном, но я недавно коснулась его. Где-то в нем еще жив прежний Тиверас. Он сорок лет Понтифакс, а до этого долгое время был Короналем, и он знает, как надо править нашим королевством. Если ты сможешь добраться до него, если сумеешь показать ему, что ты настоящий Лорд Валентин, он окажет тебе помощь. Тогда ты пойдешь в Замок на Горе. Тебя пугает эта задача?

— Меня пугает только то, что я внесу хаос в Маджипур.

— Хаос уже существует. Ты внесешь порядок и справедливость.

Она приблизилась к нему, так что вся устрашающая мощь ее личности раскрылась ему, прикоснулась к нему рукой и сказала низким, страстным голосом:

— Я родила двух сыновей, и каждый, кто видел их в колыбелях, уже знал, что они предназначены быть королями.

Старший был Вориакс. Ты помнишь его? Думаю, что нет... пока. Он был великолепным, замечательным человеком, героем, полубогом. Его еще в детстве знали на Горе Замка. Он должен был стать Короналем, когда лорд Малибор станет Понтифаксом. Он был великолепен, но был и второй сын, Валентин, такой же сильный и великолепный, как Вориакс, но он не так сильно отдавался подвигам и спорту, как старший. Он был теплее душой и мудрее, он без слов понимал, что правильно, а что нет, в его душе не было жестокости, характер его был ровным и жизнерадостным, его все любили, уважали и говорили, что он был бы даже лучшим Короналем, чем Вориакс, но Вориакс был старшим, и выбрать должны были его, а Валентин мог быть только министром. Малибор не стал Понтифаксом, он преждевременно умер, охотясь на драконов, и эмиссары Тивераса пришли к Вориаксу и сказали: ты Корональ Маджипура, и первым, кто упал перед ним на колени и сделал знак горящей звезды, был его брат Валентин. И вот, Лорд Вориакс правил на Горе Замка, и правил хорошо, а я удалилась на Остров Снов, как полагалось, и восемь лет все было хорошо на Маджипуре, а затем произошло непредвиденное — Лорд Вориакс погиб преждевременно, как и Лорд Малибор. Его убила на охоте случайная стрела. Но оставался еще Валентин, и хотя редко бывало, чтобы брат Короналя становился Короналем после него, споров было мало, потому что все признавали его высокие качества. Таким образом в Замок вошел Лорд Валентин, а я, мать двух королей, осталась во Внутреннем Храме, радуясь сыновьям, которых я отдала Маджипуру, и была уверена, что правление Лорда Валентина послужит славе Маджипура.

Неужели ты думаешь, что я позволю Барджазедам долго сидеть там, где раньше сидел мой сын? Неужели ты думаешь, что я могу вынести вид лица Лорда Валентина, маскирующего подлую душу Барджазеда? О, Валентин, от тебя осталась только половина того, чем ты был раньше, даже меньше, чем половина, но ты снова будешь самим собой, и Горный Замок снова будет твоим, и судьба Маджипура не станет больше двигаться ко злу. И не говори мне, что боишься принести на планету хаос, хаос с нами. Ты — освободитель. Понимаешь?

— Понимаю, мать.

— Тогда пойдем со мной, и я сделаю тебя прежним.

Глава 12

Она увела его из восьмиугольной комнаты вниз по лестнице Внутреннего Храма, мимо застывших стражей и груп-

пы хмурых иерархов в маленькую светлую комнату, украшенную яркими цветами. Здесь был письменный стол из цельного куска сверкающего камня, низкая кушетка и несколько мелких предметов меблировки. Похоже, это был рабочий кабинет Леди. Она указала Валентину на сидение и достала из стола две маленькие фляжки.

— Выпей это вино залпом, — сказала она.

Она протянула ему одну фляжку.

— Вино? На Острове?

— Мы с тобой не паломники. Пей.

Вкус темного, пряного и сладкого вина был ему знаком: таким вином пользовалась толковательница снов, добавляя в него наркотик, чтобы мозг открылся мозгу. Леди выпила содержимое второй фляжки.

— Значит, будем делать толкование? — спросил Валентин.

— Нет. Это будет в бодрствующем состоянии. Я долго думала, как это устроить.

Она взяла со стола сияющий серебряный обруч, такой же, как у нее, и подала Валентину.

— Надень его на лоб, и пока не поднимешься в Замок на Горе, носи его постоянно, потому что он будет центром твоей мощи.

Валентин осторожно надел обруч на голову.

Обруч плотно лег на виски и возникло странное ощущение, хотя металлическая полоска была так тонка, что Валентин удивился, что чувствует ее. Леди подвинулась и погладила его густые длинные волосы.

— Золотые, — весело сказала она. — Никогда не думала, что буду иметь сына с золотыми волосами. Что ты чувствуешь сейчас?

— Немножко давит.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Как только ты привыкнешь к нему, давить перестанет. Ты еще чувствуешь наркотик?

— Только легкий туман в мозгу. — Я бы, наверное, уснул, если можно.

— Скоро тебе будет не до сна, — сказала Леди.

Она протянула к нему руки.

— Ты хороший жонглер, сынок? — неожиданно спросила она.

— Говорят, да.

— Хорошо. Завтра ты покажешь мне свое искусство. Я думаю, мне будет интересно. А сейчас встань и дай мне обе руки. Вот так.

Он несколько секунд держал ее узкокостные, но выглядевшие сильными руки.

Затем она быстрым решительным жестом переплела его пальцы со своими.

Это был как удар, и обруч сжался.

Валентин покачнулся и чуть не упал, но Леди крепко держала его. Ему показалось, что через основание его черепа прошло что-то острое, все вокруг завертелось, он не мог управлять своими глазами, сфокусировать их, и видел только отдельные расплывчатые образы: лицо матери, сверкавшую поверхность стола, яркие оттенки цветов, и все это пульсировало, билось и кружилось.

Сердце его колотилось, в горле пересохло, легкие были пустыми. Это было еще страшнее, чем оказаться в брюхе морского дракона. Ноги полностью изменили ему, он больше не мог стоять и опустился на колени, смутно сознавая, что Леди тоже стоит на коленях перед ним, что пальцы их все еще переплетены. Лицо ее было близко от его лица. Ужасный опаляющий контакт их душ не был нарушен.

Перед ним поплыли воспоминания. Он видел гигантское величие Горного Замка и раскинувшуюся на его вершине немыслимую громаду замка Короналей. Его мозг со скоростью молнии проносился по парадным комнатам с золочеными стенами и высокими сводчатыми потолками, по банкетным залам и совещательным палатам, по коридорам, широким, как площадь. Яркий свет ослеплял его. Он ощущал рядом с собой мужчину, высокого, мощного, самоуверенного, сильного, который держал его за руку, и женщину, тоже сильную, самоуверенную, державшую его за другую руку, и знал, что это его родители, и видел мальчика впереди — своего брата Вориакса.

— Что это за комната, отец?

— Это тронный зал Конфалума.

— А кто этот человек с длинными рыжими волосами, который сидит в большом кресле?

— Это Корональ Лорд Малибор.

— А что такое Корональ?

— Это король, Валентин, младший из двух королей, а второй — Понтифакс, который раньше был Короналем.

— Который?

— Вот тот, высокий, худой, с черной бородой.

— Его зовут Понтифакс?

— Его зовут Тиверас. Понтифаксом он зовется как наш король. Он живет недалеко от Стойенцара, но сегодня приедет сюда, потому что Лорд Малибор женится.

— А дети Лорда Малибора тоже будут Короналями?

— Нет, Валентин.

— А кто будет?

— Пока этого никто не знает, сынок.

— А я буду? Или Вориакс?

— Это может случиться, если вы будете мудрыми и сильными.

— О, я обязательно буду, отец!

Комната растаяла. Валентин увидел себя в другой комнате, такой же великолепной, но не столь большой, и сам он теперь был уже не мальчиком, а молодым человеком. И здесь был Вориакс со звездной Короной на голове и с каким-то одурманенным взглядом.

— Лорд Вориакс!

Валентин опустился на колени и поднял руки с растопыренными пальцами. Вориакс улыбнулся и махнул ему:

— Встань, брат. Тебе не пристало ползать передо мной.

— Ты будешь самым замечательным Короналем за всю историю Маджипура, Лорд Вориакс.

— Зови меня братом, Валентин. Я Корональ, но я по-прежнему твой брат.

— Долгой жизни тебе, брат! Да здравствует Корональ!

И все вокруг закричали:

— Да здравствует Корональ!

Но что-то изменилось, хотя комната была та же, Лорда Вориакса не было, а странная Корона была теперь на Валентине, и все встали перед ним на колени, махали в воздухе руками и выкрикивали его имя. Он с удивлением смотрел на них.

— Да здравствует Лорд Валентин!

— Благодарю вас, друзья мои. Я постараюсь быть достойным памяти моего брата.

— Да здравствует Лорд Валентин!

— Да здравствует Лорд Валентин! — тихо сказала Леди.

Валентин очнулся. Минуту он был еще дезориентирован и не понимал, почему он стоит на коленях, и где он, и кто эта женщина, лицо которой так близко от его лица. Затем он понял.

Он встал.

Он чувствовал себя полностью преображенным. Через его мозг проходили воспоминания: годы на горе замка, учеба, сухая история, перечень Короналей и Понтифаксов, целые тома конституционных знаний, экономический обзор провинций Маджипура, долгие знания с учителями с постоянный проверкой со стороны отца и матери, и другие, менее деловые минуты: игры, путешествия по реке, турниры, друзья Элидат, Стализейн и Тонигорн, легко льющееся вино, охота,

счастливое время с Вориаксом, когда они оба были в центре всеобщего внимания, принцы из принцев. И страшная весть о смерти Лорда Малибора в море, испуганный и радостный взгляд Вориакса, когда его нарекли Короналем, а затем, через восемь лет, делегация высоких принцев пришла к Валентину и предложила ему Корону брата...

Он вспомнил все до той ночи в Тил-Омоне, когда все оборвалось. После этого он знал только залитый солнцем Пидруд, камешки, летящие мимо него с обрыва, мальчика Шанамира, стоявшего рядом с ним со своими животными. Он мысленно смотрел на себя, и ему казалось, что он отбрасывает две тени: светлую и темную. Он смотрел сквозь иллюзорный туман мнимых воспоминаний, вложенных в него в Тил-Омоне, оглядываясь назад: в непроницаемую тьму в то время, когда он был Короналем и он знал, что теперь его мозг снова стал целым, каким был раньше.

— Да здравствует Лорд Валентин! — снова сказала Леди.

— Да, — сказал он, — я Лорд Валентин, и буду им снова. Мать, дай мне корабли. Барджазед уже слишком долго на троне.

— Корабли ждут в Нуминоре, и люди, преданные мне, будут служить тебе.

— Хорошо. А здесь надо собрать моих. Я не знаю, на каких они террасах, но их нужно найти быстро: маленького вроуна, несколько скандаров, хорта, голубокожего инопланетянина и еще несколько людей. Я дам тебе список имен.

— Мы найдем их, — сказала Леди.

— Спасибо, мать, что ты вернула мне меня самого.

— За что спасибо? Я дала тебе это начало. За это благодарности не требуется. Теперь ты родился вторично, Валентин, и если понадобится, я сделаю это и в третий раз. Но будем надеяться, что не придется. Твоя судьба теперь идет вверх.

Глаза ее весело блеснули.

— Ты покажешь мне вечером, как ты жонглируешь? Сколько мячей ты можешь держать в воздухе?

— Двенадцать.

— Ну, да, скажи правду.

— Меньше двенадцати, — признался он, — но больше двух. После обеда я устрою представление. И... знаешь что?

— Да?

— Когда я снова буду в Горном Замке, я устрою большой фестиваль. Ты приедешь с Острова и еще раз посмотришь, как я жонглирую на ступенях трона Конфалума. Обещаю. Да, на ступенях трона!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КНИГА ЛАБИРИНТА

Глава 1

Из порта Нуминор отплыли семь кораблей Леди с широкими парусами и высокими стройными мачтами под командой хорта Эйзенхарта, адмирала Леди, и несли пассажиров: Лорда Валентина Короналя, его первого министра Стифона Делиамбера вруона, его адъютантов Карабеллу из Тил-Омона и Слита из Нарабала, его военного адъютанта Лизамон Холтен, его полномочных министров Залзана Кавола сканда-ра, и Шанамира из Фалкинкина, и других. Флот направлялся в Стойен на конец Алханролского мыса Стойенцар, в дальней стороне Внутреннего Моря. Корабли уже не одну неделю были в море, подгоняемые западным ветром, который дул в этих водах поздней весной, но берега еще не было видно и не будет видно много дней.

Валентин нашел долгое путешествие приятным. Ему нужно было время, чтобы привыкнуть к своему восстановленному сознанию и обдумать, кем он был и кем надеется стать, а для этого — что может быть лучше великих просторов океана, где ничто, кроме узора облаков, не меняется, и время как бы застыло на месте? Валентин часами стоял у поручней флагманского судна "Леди Тийн" в стороне от своих друзей.

Личность, которой он когда-то был, нравилась ему: сильнее и тверже характером, чем Валентин-жонглер, но без отталкивающих качеств души, которые иной раз встречаются у правителей. Бывшее "я" Валентина казалось ему чересчур рассудительным, здравомыслящим и умеренным. Это был человек серьезный, не любящий шуток, понимающий природу ответственности и обязательства. Он был хорошо воспитан, как и полагается тому, кто всю жизнь проводил в подготовке к высокому положению, в основательном изучении истории, законодательств, управления и экономики, чуть меньше — литературы и философии и, насколько представлял Валентин, лишь поверхностно — математических и физических наук, которые были не в ходу на Маджипуре.

Обретение бывшего "я" было для Валентина как находка клада. Но он все еще не полностью соединился с другим "я" и имел тенденцию думать, "он" и "я", или "мы", вместо того, чтобы видеть себя единым целым. Но эта брешь с каждым днем уменьшалась. Слишком велик был вред, нанесенный мозгу Короналя в Тил-Омоне, чтобы теперь не было разрывов между Лордом Валентином и Валентином-жонглером.

Возможно, вдоль этой трещины навсегда останется рубец, но Валентин мог по желанию перешагнуть эту трещину и идти в любую точку своей прежней линии жизни, в детские годы или в короткое время своего царствования. И куда бы он ни заглянул, он видел такое богатство знаний, опыта, зрелости, о каком и не мечтал во время своих странствий. Он входил в эти воспоминания, как в энциклопедию, в библиотеку, и был уверен, что полное объединение с прежним "я" своевременно произойдет.

На девятую неделю путешествия на горизонте показалась тонкая зеленая линия суши.

— Стойенцар, — сказал адмирал Эйзенхарт. — Видишь, сбоку темное пятно? Это гавань Стойен.

Валентин изучал берег приближавшегося континента в подзорную трубу. Валентин-жонглер ничего не знал об Алханроле, кроме того, что это самый большой континент на Маджипуре, первым заселенный людьми, место огромной массы людей и потрясающих чудес природы и местопребывание правительства Маджипура, дом Короналя и Понтифакса.

Память Лорда Валентина знала много больше. Для него Алханрол означал Замок на Горе, самое по себе почти планету, на склонах которой можно было потратить всю жизнь и не успеть насытиться всеми чудесами пятидесяти городов. Алханрол — это Замок Лорда Малибора на Горе, потому что Валентин так называл его, когда был мальчиком, и сохранил эту привычку даже во время своего правления. Теперь он мысленно видел этот Замок, охватывающий вершину Горы, которая походила на многорукое существо, протянувшее свои скалы и пики и альпийские луга вниз — к громадным долинам. Замок со многими тысячами комнат, здание, которое как бы жило и добавляло по собственному желанию новые флигели и пристройки. Алханролом был также бугор над Лабиринтом Понтифакса, и сам подземный Лабиринт, полная противоположность Острову Леди. Леди жила во Внутреннем Храме на согретой солнцем и открытой ветрам высоте, окруженной кольцом открытых террас, а Понтифакс зарылся, как крот, глубоко под землю, в самую нижнюю часть своего королевства, окруженную кольцами Лабиринта. Валентин только однажды был в Лабиринте по поручению Лорда Вориакса много лет назад, но воспоминание о винтовых пещерах все еще было свежо.

Алханрол также означал шесть рек, сбегавших со склонов горы замка, и животные-растения Стойенцара, которых он скоро увидит, и деревья Треймона, и каменные руины Беласьерской равнины, которые, как говорят, существовали

еще до появления человека на Маджипуре. Тонкая линия на востоке стала шире, но все еще была едва заметна. Валентин ощутил всю обширность Алханрола, развертывавшуюся перед ним, как титанический свиток, и спокойствие, царившее в его мозгу во все время путешествия, сразу растаяло. Он жаждал как можно скорее высадиться на берег и начать поход к Лабиринту.

Он спросил Эйзенхарта:

— Когда мы достигнем суши?

— Завтра вечером, милорд.

— Тогда сегодня устроим праздник. Лучшее вино для всех и представление на палубе.

Эйзенхарт серьезно посмотрел на него.

Адмирал был аристократом среди хортов. Более стройный, чем большинство его соплеменников, он имел до странности сдержанные манеры, что Валентин находил несколько неприятным. Леди весьма высоко ценила адмирала.

— Какое представление, милорд?

— Немножко жонглирования. Мои друзья чувствуют ностальгическое желание снова заняться своим ремеслом. Вот как раз подходящий случай отпраздновать благополучное окончание нашего путешествия.

— Да, конечно, — сказал Эйзенхарт.

Он официально поклонился, но ему явно не нравились такие штучки на борту его флагмана.

Валентин предложил это из-за Залзана Кавола. Скандару было беспокойно на корабле, он часто двигал своими четырьмя руками в ритме жонглирования, хотя никаких предметов у него в руках не было. Ему было труднее, чем кому-либо другому, мириться с обстоятельствами похода через Маджипур. Год назад Залзан Кавол был королем в своей профессии, непревзойденным мастером жонглирования, со славой ехавшим из города в город в своем поразительном фургоне. Теперь же он был лишен всего: фургон сгорел в лесах Пьюрифайна, два брата остались там же, а третий — на дне океана. Он больше не отдает приказаний своим работникам, а вместо вечернего представления перед пораженной публикой, наполнявшей его карманы кронами, он идет теперь в кильватере Валентина от места к месту как второстепенный персонаж.

В Залзане Каволе копилась неиспользованная сила и энергия. Это было видно по его лицу и поведению, потому что в прежние времена его грубый характер выплескивался, а теперь стал как бы совсем мягким, и Валентин понимал, что это признак тяжелого внутреннего кризиса. Агенты Леди нашли Залзана на Террасе Оценки, где он неуклюже и

сонно выполнял черную работу и как бы покорился тому, что будет заниматься этим до конца жизни.

— Хочешь поработать с факелами и ножами? — спросил его Валентин.

Залзан Кавол просиял.

— Еще бы! А ты видел эти щепки?

Он указал на несколько здоровых дубин фута в четыре длиной, лежавших кучей возле мачты.

— Прошлой ночью, когда все спали, мы с Ирфоном практиковались с ними. Если твой адмирал не возражает, мы возьмем их вечером.

— Эти? Разве можно жонглировать такими длинными?

— Ты только получи разрешение адмирала, милорд, а вечером сам увидишь!

Все послеобеденное время труппа репетировала в большом пустом трюме. Это было впервые после Илиривойна, а с тех пор, казалось, прошла вечность. Однако, пользуясь импровизированным набором предметов, собранных скандарами, все быстро вошли в ритм.

Валентин с жаром смотрел на них.

Слит и Карабелла просто обменивались дубинками. Залзан Кавол, Роворн и Ирфон придумали замысловатый новый обмен вместо того, который пропал со смертью их трех братьев. На минуту показалось, что вернулись старые времена Фалкинкина или Долорна, когда ничто не имело значения, кроме как быть нанятыми на фестиваль или в цирк, и самое главное было держать координацию руки и глаза. Но те дни больше не вернутся. Теперь труппа ввязалась в политическую интригу со сменой власти, и никто из них не станет прежним. Эти пятеро обедали с Леди, делили жилье с Короналем, плыли на свидание с Понтифаксом. Они уже стали частью истории, даже если кампания Валентина не увенчается успехом. Но все-таки они снова жонглировали, как если бы жонглирование было смыслом их жизни.

Потребовалось много дней, чтобы собрать их всех во Внутреннем Храме. Валентин думал, что Леди и ее иерархам достаточно закрыть глаза, чтобы добраться до любого мозга на Маджипуре, но все оказалось не так просто: связь была неточной и ограниченной. Первым делом нащупали скандаров на внешней террасе. Шанамир был на Втором Утесе и по своей юношеской бесхитростности быстро продвигался. Слит, не юный и не бесхитростный, но тем не менее ухитрился попасть на Второй Утес, как и Виноркис. Карабелла была как раз перед ними на Террасе Зеркал, но ее по ошибке искали сначала в другом месте. Отыскать Кона и Лизамон оказалось просто, поскольку они внешне сильно отличались

от остальных пилигримов, но три бывших работника Гарцвела — Пандемон, Корделин и Тизм прямо-таки растворились в населении Острова, как невидимки, так что Валентину пришлось бы оставить их, если бы они все же не нашлись в последний момент. Труднее всего оказалось выследить Делиамбера. На Острове было много вруонов, некоторые из них тоже были мелкими колдунами, поэтому было много ошибок.

Флот готовился к отплытию, а Делиамбера все не было. Валентин в отчаянии разрывался между необходимостью двигаться вперед и нежеланием уехать без своего самого полезного советника, но тут вруон сам появился в Нуминоре, никак не объяснив, где он был и как прошел через весь Остров незамеченным. Итак, все собрались.

На Горе Замка Лорд Валентин имел свой круг приближенных, чьи лица и имена восстановить теперь в памяти было легко. Илидат, Стасилейн, Тонигорн были самыми близкими друзьями. Однако, хотя он чувствовал, что предан этим людям, все они стали очень далекими его душе. Ему гораздо ближе была эта случайно собранная во время странствий компания, и он раздумывал, как сумеет примирить эти две группы, когда вернется в Замок.

В одном, по крайней мере, он был уверен: в Замке его не ждали ни жена, ни невеста, ни даже сколько-нибудь заметная любовница, могущая оспаривать место Карабеллы рядом с ним. Как принц и как молодой Корональ, он жил, благодарение божеству, свободным от забот и привязанностей. И так нелегко будет сказать двору, что возлюбленная Короналя — простая женщина из нижнего города, странствующий жонглер, а если бы его сердце было отдано кому-то раньше, было бы совсем немыслимо требовать его обратно.

— Валентин! — окликнула его Карабелла.

Ее голос вывел его из задумчивости.

Он оглянулся. Она засмеялась и бросила ему дубинку. Он поймал ее, как его учили, между большим пальцем и остальными, так, чтобы головная часть ее была обращена к углу. Тут же прилетела вторая дубинка от Слита и третья от Карабеллы. Он засмеялся и послал дубинки кружиться над головой старым знакомым рисунком, бросал и ловил, а Карабелла хлопала в ладоши и тоже бросала и ловила. Как хорошо было снова жонглировать!

Лорд Валентин, великолепный атлет с быстрым глазом, ловкий во многих играх, но слегка прихрамывающий после давнего падения с лошади, не умел жонглировать.

Жонглирование было искусством простого Валентина. На борту этого корабля он нес теперь ауру величия, пришед-

шую к нему после того как мать излечила его мозг, и чувствовал, что его компаньоны держатся от него на почтительном расстоянии, но, тем не менее, пытаются по возможности видеть в нем прежнего Валентина из Зимрола. Поэтому ему было особенно приятно, что Карабелла так непочтительно швырнула ему дубинку.

Работать с дубинками ему тоже было приятно, даже когда он уронил одну, а пока поднимал, вторая стукнула его по голове, что вызвало презрительное фырканье Залзана Кавола.

— Сделай так вечером, — сказал скандар, — и будешь неделю без вина!

— Не бойся, — ответил Валентин, — я уронил ее только для практики. Вечером ты таких ошибок не увидишь.

Их и в самом деле не было. Весь корабельный народ собрался на палубе, когда зашло солнце. Эйзенхарт со своими офицерами занял платформу, откуда было лучше видно. Он позвал Валентина, предлагая ему почетное кресло, но тот с улыбкой отказался. Эйзенхарт растерянно посмотрел на него, но выражение его лица даже близко не соответствовало тому, каким оно стало через несколько минут, когда Шанамир, Виноркис и Лизамон ударили в барабаны и затрубили в трубы. Из люка показались жонглеры, и среди них — Лорд Валентин Корональ, который начал весело швырять дубинки, блюда и плоды, словно самый обыкновенный жонглер.

Глава 2

Если бы адмирал Эйзенхарт действовал по своему усмотрению, Валентину была бы устроена в Стойене пышная встреча, вроде фестиваля в Пидруде во время визита фальшивого Короналя, но Валентин, узнав о планах Эйзенхарта, тут же запретил это.

Он еще не был готов требовать трон, публично обвинить того, кто называл себя Лордом Валентином, или ждать какого-то почета от горожан.

— Пока я не получу поддержки Понтифакса, — твердо сказал он адмиралу, — я намерен спокойно идти и собирать силы, не привлекая внимания. Так что никаких фестивалей для меня в Стойене не будет.

Итак, "Леди Тийн" причалила сравнительно незаметно в этом большом порту на юго-западе Алханрола.

Хотя флот состоял из семи кораблей, а корабли Леди, достаточно известные в гавани Стойена, обычно не прибывали в таком количестве, все они вошли спокойно, без каких-либо особо вычурных флагов.

Портовая администрация почти не задавала вопросов: корабли явно прибыли по делам Леди, а ее дела были вне компетенции обычных чиновников.

Для подкрепления этого мнения адмирал в первый же день разослал агентов по району верфей покупать материал для парусов, пряности, инструменты и тому подобное.

Тем временем Валентин и его компания потихоньку поселились в скромном торговом отеле.

Стойен был преимущественно приморским городом — экспорт-импорт, склады, судостроение. Город с населением около пятнадцати миллионов тянулся на сотни миль вдоль края громадного мыса, отделявшего залив Стойен от основной части Внутреннего моря. Ближайшим портом был не Стойен, а Алейсор, в тысячах миль к северу, но в этот сезон, когда господствовавшие ветры вызывали течения, быстрее и легче было доплыть до Стойена, чем идти более коротким, но более трудным путем к Алейсору.

Пополнив запасы воды и продовольствия, они должны были плыть по спокойному заливу вдоль северного берега мыса Стойенцар в тропический Карсиден, а затем в Треймон, прибрежный город, расположенный недалеко от Лабиринта.

Стойен показался Валентину поразительно красивым. Весь мыс был плоским, едва двенадцати футов над уровнем моря в самых высоких точках, и жители города устроили удивительные платформы из кирпича, облицованного белым камнем, чтобы создать иллюзию холмов. Среди этих платформ не было двух одинаковых по вышине: одни едва достигали десяти футов, другие поднимались в воздух на сотни футов.

Весь район шел вверх гигантскими пьедесталами в несколько десятков футов высотой и более четверти мили шириной.

Некоторые значительные здания имели собственные платформы и стояли, как на ходулях, за окружающими их домами. Чередование высоких и низких платформ создавало потрясающий эффект.

Все, что выглядело явно механической причудой, смягчалось тропической растительностью, равной которой Валентин еще не видел. В основании каждой платформы росло множество деревьев с широкими кронами. Их ветви, переплетаясь, создавали непроницаемое покрывало. По стенам платформы спускались каскады лиан. Широкие скаты, шедшие с уровня улиц на платформы, были окаймлены бетонными ящиками с группами утесов и кустов, узкие листья которых поражали разнообразием расцветок. В больших

общественных парках города были собраны все наиболее поразительные растения.

Там были сады знаменитых одушевленных растений, которые вообще-то были растениями, поскольку жили, укоренившись на одном месте и питались с помощью фотосинтеза, но казались плотскими, потому что у них были трубчатые тела, качавшиеся и изгибавшиеся, руки, двигавшиеся в различном направлении, пристально смотревшие глаза. Хотя они получали достаточно питания от солнечного света и воды, они всегда были не прочь сожрать и переварить какое-нибудь мелкое живое существо, если удавалось его схватить. Элегантно рассаженные группы этих растений, окруженных низкой каменной стеной как с декоративной, так и с предупреждающей целью, были в Стойене повсюду. Валентин находил в них какое-то зловещее очарование. Он подумал даже, нельзя ли будет привезти такую коллекцию в Горный Замок.

— У меня от них мурашки по коже, — сказал Слит. — А тебе они нравятся, милорд?

— Не то что нравятся. Они своеобразны.

— Может, ты и тех, людоедских, привезешь?

— Конечно, — воскликнул Валентин.

Слит только застонал. Но Валентин не обратил на это внимания. Взяв за руки Слита и Карабеллу, он сказал:

— Каждый Корональ что-то добавлял к Замку: библиотеку, обсерваторию, парапет, оружейную палату, зал для обедов, палату трофеев, и с каждым правлением Замок рос, изменялся, становился богаче и сложнее. Я так недолго был Короналем, что не успел даже обдумать, что вложу в него. Но скажите, какой Корональ видел Маджипур так, как я? Кто путешествовал так далеко и с такими переживаниями? Чтобы отметить свои приключения, я соберу все странные растения, которые я видел: и плотоядных, и этих одушевленных, и деревья-пузыри, и пару деревьев двикка, и рощу огненных пальм, сенситивы и поющий папоротник — все чудеса, виденные нами. В Замке нет ничего подобного, лишь маленькая оранжерея, устроенная Лордом Конфалумом. А я расширю ее. Сад Лорда Валентина! Звучит, как по-вашему?

— Это будет чудесно, милорд, — сказала Карабелла.

Слит кисло заметил:

— Я не хотел бы гулять среди плотоядных растений ни в саду Лорда Валентина, ни в герцогствах Ни-Мойи и Пилиплока.

— Мы будем заставлять тебя делать это, — сказал Валентин.

Он засмеялся.

Но пока Валентин не поселится снова в Замке, не будет никаких прогулок и никаких садов. А он целую неделю бездельничает в Стойене, ожидая, пока Эйзенхарт пополнит запасы.

Три корабля, груженые нужными Острову товарами, собирались вернуться обратно, остальные пойдут следом за Валентином как тайный эскорт. Леди дала ему более сотни своих самых крепких телохранителей под командой грозного иерарха Лоривейд. Они не были воинами в буквальном смысле слова, потому что на Острове не бывало насилия после последнего вторжения метаморфов несколько тысяч лет назад, но это были компетентные и бесстрашные мужчины и женщины, преданные Леди и готовые отдать жизнь за восстановление гармонии в королевстве.

Они были ядром частной армии и первой такой военной силы, организованной на Маджипуре, если не считать древних времен.

Наконец флот был готов отплыть.

Первыми ушли корабли, возвращавшиеся на Остров. Они отплыли на северо-запад ранним утром второго дня. Остальные ждали до полудня морского дня и поплыли в том же направлении, но с наступлением темноты свернули на восток, в залив.

Длинный и узкий мыс Стойенцар выходил из центрального массива Алханрола, как колоссальный палец. На его южной морской стороне было нестерпимо жарко. На этом побережье, покрытом джунглями и заполненном насекомыми, почти не было поселений. Основная часть населения группировалась вдоль берега залива. Там были большие города через каждую сотню миль, а между ними непрерывная линия рыбачьих деревушек, мелких городков и фермерских округов. Сейчас здесь было начало лета, и на почти неподвижной воде залива лежала плотная дымка жары. Флот остановился на день в Карсидене, где берег сворачивал к северу, а затем тянулся к Треймону.

Валентин проводил много времени в своей каюте, осваивая обруч, данный ему Леди. Через неделю он овладел искусством впадать в легкий дремотный транс, и в то же время сознавать внешнее окружение.

В таком состоянии транса он мог входить в контакт с другими, мысленно пройти по кораблю и отметить ауру спящих, поскольку спящий мозг более уязвим для такого проникновения, чем бодрствующий. Он мог слегка коснуться сознания малознакомых, как например, плотника Панделон или иерарха Лоривейд, хотя и это было пока еще трудно, разве что короткими фрагментарными вспышками. А вот послать

сигнал в мозг не человеческого происхождения вообще не удавалось, даже когда дело касалось хорошо знакомых, вроде Залзана Кавола, Кона или Делиамбера. Но Валентин продолжал учиться и чувствовал, что его умение растет с каждым днем, как было когда-то с жонглированием. Да по существу это и был род жонглирования, потому что он также занимал положение в самом центре своего духа, не отвлекался на посторонние мысли и координировал все аспекты своего существа на толчке от контакта. К тому времени, когда "Леди Тийн" была около Треймона, Валентин продвинулся до уровня возможности поместить в чей-нибудь мозг начало сна с событиями и образами.

Он послал Шанамиру сон о Филкинкине, о пасущихся на лугах животных и спускающихся с неба громадных джорна-птицах.

Утром за столом мальчик описал в деталях свой сон, но сказал, что птицы были милофты, пожиратели падали, с оранжевым клювом и мерзкими синими когтями.

— Что означает такой сон, когда спускаются милофты? — спросил он.

— Может, ты плохо запомнил сон, — сказал Валентин, — я видел других птиц, скажем, джорна? Они служат добрым предзнаменованием.

Шанамир простодушно покачал головой.

— Если я не умею отличать джорну от милофты, милорд, то мне следует вернуться в Фалкинкин и чистить стойла.

Валентин отвернулся, чтобы скрыть улыбку и решил работать более тщательно над техникой послания образов.

Карабелле он послал сон о жонглировании хрустальными стаканчиками с золотым вином. Она рассказала об этом, описав форму стаканчиков. Слиту он послал он о саде Лорда Валентина, где было множество всяких растений, но хищных не было. Слит с восторгом описал сон и сказал, что если бы у Короналя в Замке был такой сад, он, Слит, был бы счастлив погулять в нем.

Сны приходили к Валентину. Почти каждую ночь Леди, его мать, издалека касалась его духа. Ее ясное присутствие проходило через его спящий мозг, как холодный лунный свет, успокаивало и ободряло. Он видел также былые дни в Замке, юношеские игры, друзей, брата Вориакса, учившего его обращению с мечом и луком, Лорда Малибора Короналя, который путешествовал по городам, расположенным на Горе, как некий великий сияющий полубог, и многое другое, выходившее из глубин его мозга.

Но не все сны были приятными. Накануне подхода "Леди Тийн" к Треймону Валентин увидел себя на берегу какой-то

затерянной бухты, поросшей низким кривым кустарником. Он пошел к Замку на Горе, высившемуся вдали, но на его пути оказалась стена выше белых утесов Острова Снов, и была она железной — такого количества металла не существовало на всем Маджипуре — темное, страшное железное кольцо, казалось, опоясывавшее весь мир от полюса до полюса, и Валентин был по одну сторону, а Замок на Горе по другую. Подойдя ближе, он заметил, что стена потрескивает, как электрифицированная, и от нее исходит низкое гудение, а когда он подошел совсем близко, то увидел в блестящем металле свое отражение, но лицо, смотревшее на него с этого страшного железа, было лицом Короля Снов.

Глава 3

Треймон был городом, славившимся по всему Маджипуру из-за деревьев-домов. На второй день после высадки Валентин пошел посмотреть на них в прибрежный район к югу от устья реки Трей.

Деревья-дома не приживались больше нигде, кроме как в наносной пойме реки. У них были короткие стволы, несколько напоминавшие двикка, но не такие толстые, с красивой, блестящей бледно-зеленой корой. Из их бочкообразного тела росли короткие ветви, вверх и наружу, а по ним вились лианы, закрепляясь во многих местах, образуя уютные чашеобразные укрытия.

Древесный народ Треймона устраивал жилища по своему вкусу, вытягивая гибкие ветви в форме комнат и коридоров и закрепляя их, а кора срасталась вместе. Из листьев готовили вкусный салат, пыльца душистых кремовых цветов была слабым наркотиком, синеватые плоды использовались поразному, а легко выжимавшийся сладкий сок служил вместо вина.

Каждое дерево жило тысячу лет, а то и больше. Семьи ревностно следили за ними.

На равнине было десять тысяч деревьев, все зрелые и все обитаемые. На окраине района Валентин увидел несколько молодых саженцев.

— Они недавно засеяны, — сказали ему, — чтобы заменить отмершие за последние годы.

— А что делает семья, когда ее дерево умирает?

— Идет в город, в так называемые траурные дома, пока не вырастет новое дерево. А это длится лет двадцать. Мы очень боимся этого, но подобное случается только в одном из десяти поколений.

— А нельзя вырастить эти деревья где-нибудь в другом месте?

— Ни на один дюйм дальше того места, где ты их видишь. Они растут только в нашем климате и только на этой почве. В любом другом месте они проживут год-два и зачахнут.

Валентин снова сказал Карабелле:

— А мы все-таки сделаем эксперимент. Интересно, дадут ли они нам немного этой драгоценной почвы для сада Лорда Валентина?

Она улыбнулась.

— Даже маленькое дерево-дом — хорошее место, куда ты можешь уйти, когда устанешь от правления, будешь сидеть в листве, вдыхать аромат цветов, срывать плоды. О, хорошо бы тебе иметь все это!

— Когда-нибудь я буду это иметь, — сказал Валентин, — и ты будешь сидеть там рядом со мной.

Карабелла испуганно взглянула на него.

— Я, милорд?

— Конечно. Кто же еще? Доминик Барджазед?

Он слегка коснулся ее руки.

— Ты думаешь, наше совместное путешествие кончится, когда мы достигнем моего Замка?

— Не будем сейчас говорить об этом, — сказала она строго.

От Трейона до Лабиринта было несколько недель пути на скоростной плавучей повозке. Лабиринт находился в центре южного Алханрола. Местность была в основном низинная, с плодородной красной почвой в речной долине и тощей песчаной серой вне ее, а по мере продвижения Валентина и его отряда поселения становились все более редкими. Иногда здесь шел дождь, но вода, казалось, тут же впитывалась в пористую землю. Климат был жарким, и иногда жара прямо давила. Они шли день за днем.

Теперь такое путешествие было для Валентина полностью лишено магии и таинственности. Он с грустью вспоминал, как месяцами ехал по Зимролу в элегантном фургоне Залзана Кавола. Тогда каждый день казался путешествием в неизвестное, со свежими впечатлениями на каждом повороте, остановками в удивительных городах, и возбуждением выступлений. А теперь? Все для него делалось адъютантами и помощниками. Он снова становился принцем, хотя и с очень скромным могуществом — всего лишь с сотней приверженцев, — и он вовсе не был уверен, что это ему нравится.

Через неделю пути ландшафт резко изменился: стал пустынным и неровным. Из сухой, глубоко изрезанной земли поднимались холмы с плоскими черными вершинами.

Из растений здесь были только чахлые кусты, темные, искривленные, с мелкими восковыми листьями, а на более высоких склонах — колючие заросли лунных кактусов, призрачно-белых, вдвое превышающих рост человека.

Маленькие длинноногие животные с рыжим мехом и короткими пышными желтыми хвостиками нервно шныряли вокруг, исчезая в горах при приближении каравана.

— Это начало пустыни Лабиринта, — сказал Делиамбер. — Скоро мы увидим каменные города древних.

В своей прошлой жизни Валентин подходил к Лабиринту с другой стороны, с северо-запада. Там тоже была пустыня и громадные руины города, но он спускался с Горы на речном судне и проехал мимо всех этих мертвых земель, окружавших Лабиринт, так что эта унылая отталкивающая зона была для него новой. Сначала он находил ее захватывающе странной, особенно при заходе солнца, когда безоблачное небо прочерчивалось гротескными полосами яркой окраски, а сухая почва казалась металлической. Но через несколько дней все это перестало ему нравиться, стало казаться тревожным, угрожающим. Было что-то в резком воздухе пустыни, что действовало неблагоприятно на его чувства.

Он никогда не бывал в пустыне, потому что их не было на Зимроле, да и нигде в хорошо обеспеченном водой Алханроле, кроме этого сухого участка. Условия пустыни здесь имели что-то общее с Суврейлом, который Валентин достаточно часто посещал во сне, и он не мог отогнать от себя непонятное и иррациональное ощущение, что едет на свидание с Королем Снов.

— Вот развалины, — сказал Делиамбер.

Сначала их трудно было отличить от скал пустыни. Валентин видел только темные монолиты, как бы раскиданные гигантской рукой по небольшому пространству в одну-две мили. Но постепенно он начал различать формы: вот кусок стены, вот основание какого-то циклопического дворца, а это — возможно, алтарь. Все было выстроено в титанических масштабах, только отдельные группы развалин, наполовину занесенные песком, были обычными невыразительными сторожевыми заставами.

Валентин велел каравану остановиться у одних особенно широко разбросанных развалин и с несколькими спутниками провел осмотр. Он осторожно притрагивался к камням, опасаясь, не совершает ли какого-нибудь святотатства. Камни были холодными, гладкими на ощупь, слегка инкрустированными наросшим желтым лишайником.

— Это работа метаморфов? — спросил он.

Делиамбер пожал плечами.

— Мы так думаем, но точно никто не знает.

— Я слышал, — заметил адмирал Эйзенхарт, — что эти города построены первыми человеческими поселенцами вскоре после высадки на планету и были разрушены во время гражданской войны, до того как Понтифакс Дворн организовал правительство.

— Записей, конечно, с тех времен не сохранилось, — сказал Делиамбер.

Эйзенхарт искоса посмотрел на вруона.

— Значит, ты другого мнения?

— Я? Я вообще не имею мнения о событиях, происходивших четырнадцать тысяч лет назад. Я не так стар, как вы полагаете, адмирал.

Иерарх Лоривейд сухо сказала:

— Мне кажется невероятным, чтобы первые поселенцы строились так далеко от моря и что они могли найти поблизости такие громадные каменные плиты.

— Значит, ты думаешь, что это города метаморфов? — спросил Валентин.

— Метаморфы — дикари, они живут в джунглях и пляшут, чтобы вызвать дождь, — сказал Эйзенхарт.

Лоривейд, недовольная вмешательством адмирала, ответила Валентину с явным раздражением:

— Я думаю, что это вполне возможно.

Затем она добавила, обращаясь к адмиралу:

— Не дикари, адмирал, а изгнанники.

А Валентин сказал:

— Правительству следовало бы организовать изучение этих руин, а может быть, это уже сделано? Нам нужно узнать как можно больше о дочеловеческих цивилизациях Маджипура, и если это места метаморфов, их следует взять под охрану.

— Развалины не нуждаются в другой охране, кроме той, которую они уже имеют, — внезапно произнес новый голос.

Валентин, вздрогнув, обернулся. Из-за монолита возникла страшная фигура — тощий, почти бесплотный человек лет шестидесяти-семидесяти, с горящими злобой глазами и тонким, широким, явно беззубым ртом, искривленным в насмешливой ухмылке? Он был вооружен длинным узким мечом, а одежда его целиком состояла из рыжего меха животных пустыни. На голове была шапка из толстого хвостового меха. Он снял ее широким жестом и низко поклонился. Когда он выпрямился, рука его легла на рукоять меча.

Валентин вежливо спросил:

— А мы в присутствии одного из таких охранников?

— Я не один, — ответил тот.

Из-за камней вышли еще с десяток таких же фантастических типов, столь же костлявых, так же одетых в меховые куртки и штаны с такими же немыслимыми шапками. У всех были мечи, и все, казалось, были готовы пустить их в ход. Затем появилась вторая группа, как бы материализовавшись из воздуха, а затем третья, большая — человек в тридцать.

В отряде Валентина было одиннадцать душ, в основном, безоружных. Все остальные остались в плавучих повозках в двухстах ярдах отсюда на шоссе. Пока они стояли, рассуждая о древней истории, их окружили.

— По какому праву вы вторглись сюда? — спросил лидер.

Валентин услышал легкое покашливание Лизамон и увидел напряженную позу Эйзенхарта. Он дал им знак успокоиться и сказал:

— Могу я узнать, кто ко мне обращается?

— Я герцог Насимонт из Вернек Грега, верховный Лорд Западных Границ. Вокруг меня ты видишь знатных людей моего герцогства, которые верно служат мне.

Валентин не помнил провинции под названием Западные Границы и такого герцога. Может быть, он забыл географию? Нет, не настолько же. Однако он решил не шутить с герцогом Насимонтом, а торжественно сказал:

— Мы не собирались вторгаться, ваша милость, проходя через ваши владения. Мы путешественники, едем в Лабиринт, у нас дело к Понтифаксу, а здесь, кажется, наиболее прямая дорога от Треймона.

— Верно. Но для вас было лучше ехать к Понтифаксу другой дорогой.

— Не мешай нам! — внезапно рявкнула Лизамон. — Знаешь ли ты, кто перед тобой?

Валентин с досадой щелкнул пальцами, чтобы великанша замолчала.

Насимонт мягко сказал:

— Это не имеет значения. Будь он хоть сам Лорд Валентин, он не пройдет здесь. В сущности, любой пройдет легче, чем Лорд Валентин.

— У тебя какая-то ссора с Лордом Валентином? — спросил Валентин.

Предводитель грубо захохотал.

— Корональ — мой самый главный враг.

— Ну, тогда ты восстаешь против всей цивилизации, потому что все обязаны повиноваться Короналю. Как ты можешь быть герцогом и не признавать авторитета Короналя?

— Этого Короналя, — ответил Насимонт.

Он медленно перешел пространство, отделявшее его от Валентина и остановился перед ним, не снимая руки с меча.

— На тебе хорошая одежда, от тебя пахнет городским комфортом. Ты, наверное, богат, живешь в большом доме где-нибудь на Горе, и слуги исполняют каждое твое желание. Что бы ты сказал, если бы в один прекрасный день все это у тебя отняли, и ты стал нищим?

— У меня был такой опыт, — сказал Валентин.

— А теперь у тебя целая кавалькада плавучих повозок и свита. Кто ты?

— Лорд Валентин Корональ, — без колебаний ответил Валентин.

Глаза Насимонта сверкнули яростью.

Казалось, он вот-вот вытащит меч, но он сдержался и сказал:

— Да, ты такой же Корональ, как я герцог. Ну, Лорд Валентин, твоя родня заплатит мне за мои потери, за то, что ты прошел через зону развалин, с тебя тысяча реалов.

— У нас нет такой суммы, — спокойно сказал Валентин.

— Тогда ты останешься с нами, пока твои лакеи не достанут денег.

Он сделал знак своим людям.

— Хватайте их и свяжите. Одного отпустим — вруона. Он будет посланником. Эй, вруон, скажешь тем, в повозках, что мы задержим этих, пока не уплатят тысячу реалов. Будем ждать месяц. Если ты вернешься с ополчением вместо денег, то имей в виду, что мы знаем эти холмы, а ваши офицеры — нет. И вы не увидите своих друзей живыми.

— Подожди, — сказал Валентин, когда люди Насимонта шагнули вперед. — Расскажи мне о ссоре с Короналем.

Насимонт нахмурился.

— Он прошел через эту часть Алханрола в прошлом году, возвращаясь из Зимрола. Я тогда жил в предгорьях горы Эберсинол, возле озера, выращивая рикку, фиол и милай, и мои плантации были лучшими в провинции, потому что шестнадцать поколений моей семьи занимались этим. Корональ и его отряд остановились у меня, как у наиболее способного оказать им гостеприимство. Он явился с сотней прихлебателей и слуг, со множеством придворных. Ртов было столько, что они могли съесть половину континента. За время от одного звездного дня до следующего они опустошили мои винные погреба, устраивали фестиваль в полях и вытоптали все посевы и спьяну подожгли мой дом, разрушили плотину на озере и затопили поля. Они разорили меня ради своих развлечений, а затем уехали, даже не зная, что сделали со мной, или не интересуясь этим. Все остальное теперь у ростовщиков, а я живу в скалах Вернок Грег благодаря Лорду Валентину и его друзьям. Это справедливо? Если ты хочешь

уйти из этих древних развалин, чужеземец, это будет стоить тебе тысячу реалов. Хотя я задержал тебя не по злобе, я перережу тебе глотку так же спокойно, как Лорд Валентин сломал мою плотину, если мне не принесут денег.

Он обернулся и приказал:

— Вяжите их!

Валентин глубоко вздохнул, закрыл глаза и, как учила его Леди, ввел себя в сон-бодрствование, в транс, который оживлял его обруч, и послал свой разум в темную, желчную душу верховного Лорда Западных Границ и затопил ее любовью.

Это потребовало много сил. Он покачнулся и положил руку на плечо Карабеллы, черпая ее энергию и жизненную силу и посылая ее Насимонту. Теперь он понял, какую цену платил Слит за слепое жонглирование: это вытягивало из него все жизненные силы.

Насимонт застыл на месте, его тело повернулось, глаза встретились со взглядом Валентина. Валентин, не ослабляя, держал его душу и омывал ее состраданием, пока железное негодование Насимонта не исчезло, как шелуха, и тогда Валентин влил в душу внезапно ставшего уязвимым человека видение всего того, что произошло с ним в Тил-Омоне, спрессовав все в одну головокружительную точку света.

Он разорвал контакт и, пошатнувшись, ухватился за Карабеллу, которая поддерживала его.

Насимонт уставился на Валентина, как человек, которого коснулось божество, а затем упал на колени и сделал знак горящей звезды.

— Милорд, — хрипел он едва слышно, — прости меня...

Глава 4

Присутствие в пустыне такого количества разбойников удивило и испугало Валентина, потому что в истории почти никогда не бывало подобной анархии на благополучном Маджипуре. Пугало также, что эти бандиты были ранее преуспевающими фермерами, теперь доведенными до нищеты грубым вмешательством Короналя. На Маджипуре не было принято, чтобы правители так беззастенчиво пользовались своим положением. Если Доминик Барджазед считает, что может вести себя таким образом и удержаться на троне, то он не только негодяй, но и дурак.

— Ты скинешь узурпатора? — спросил Насимонт.

— Со временем, — ответил Валентин. — До этого еще многое надо сделать.

— Я в твоем распоряжении, если могу пригодиться.

— Много еще разбойников между этими развалинами и входом в Лабиринт?

Насимонт кивнул.

— Много. В этой провинции входит в обычай бежать в холмы.

— Ты имеешь на них влияние, или твой титул герцога только для смеха?

— Они повинуются мне.

— Хорошо. Я попрошу тебя проводить меня до Лабиринта и предостеречь своих мародеров от нападения на нас.

— Сделаю, милорд.

— Но никому ни слова о том, что я поведал тебе. Относись ко мне просто, как к чиновнику Леди, посланному к Понтифаксу.

Слабый блеск подозрения мелькнул в глазах Насимонта. Он недовольно спросил:

— Почему я не могу объявить тебя истинным Короналем?

Валентин улыбнулся.

— В этих нескольких плавучих повозках вся моя армия. Я не могу объявить войну узурпатору, пока у меня не будет больших сил. Отсюда секретность, отсюда и мой визит в Лабиринт. Чем скорее я получу поддержку Понтифакса, тем скорее начнется кампания. Как скоро ты будешь готов?

— Через час, милорд.

Насимонт и его люди сели на передовую повозку вместе с Валентином.

Ландшафт становился все более голым.

Теперь это была темная, почти безжизненная пустыня, где под сильным горячим ветром поднимались пылевые смерчи. Иногда вдали от шоссе возникали люди в грубой одежде, группами по трое-четверо.

Они останавливались посмотреть на путешественников, но и только: никаких инцидентов не происходило. На третий день Насимонт предложил срезать путь к Лабиринту и тем сэкономить несколько дней.

Валентин согласился без колебаний, и караван свернул к огромному высохшему озеру, а затем поплыл над скверной дорогой, изрезанной оврагами, мимо ряда тупых гор из красного песчаника и, наконец, по широкому плоскогорью, которое, казалось, не имело никаких отличительных черт; кроме крупного песка и гравия до самого горизонта.

Валентин видел, как тревожно переглянулись Слит и Залзан Кавол, когда повозки оказались в этом унылом месте, и подумал, что они, наверное, шепчутся об измене и предательстве, но его вера в Насимонта не поколебалась. Он ка-

сался своим мозгом мозга предводителя бандитов через обруч Леди и чувствовал, что у того спокойно на душе.

День, и еще день путешествия в никуда, и Карабелла нахмурилась, иерарх Лоривейд стала еще угрюмее, а взамен Холтен оттянул Валентина в сторону и сказал спокойно, как бы говоря о пустяках:

— А что, если этот тип Насимонт нанят мнимым Короналем и получил плату, чтобы бросить тебя в таком месте, где тебя никогда не найдут?

— Тогда мы погибнем, и наши кости навеки останутся здесь, — ответил Валентин. — Но я не предаюсь беспокойству.

Все-таки в нем росло некоторое раздражение. Вспоминая искренность Насимонта, он не мог поверить, чтобы какой-то агент Барджазеда выбрал такой продолжительный метод избавления от Валентина, когда для этого достаточно было одного удара меча в развалинах метаморфов. И все же у него не было полной уверенности, что Насимонт знает, куда ехать. Здесь не было воды, и даже животные, способные питаться любой органической материей, худели, по словам Шанамира, и слабели, с трудом находя тощие кустики травы. В этом месте все было странно и не было надежды на избавление, но пробным камнем для Валентина был Делиамбер: колдун был весьма опытным и умелым в смысле самосохранения, а сейчас он выглядел спокойно.

Наконец Насимонт остановил караван в том месте, где две линии голых холмов сходились в узкий с высокими стенами каньон, и сказал Валентину:

— Ты думаешь, милорд, что мы сбились с пути? Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Валентин и несколько других пошли за ним к началу каньона — на расстоянии пятидесяти шагов. Насимонт показал на огромную долину, начинавшуюся от каньона.

— Смотри.

Долина была пустынной: громадное веерообразное пространство серого песка тянулось к северу и к югу по крайней мере на сто миль. Точно в середине долины Валентин увидел белый темный круг, тоже колоссального размера, слегка приподнятый над плоской поверхностью долины. Валентин вспомнил: это была огромная насыпь темной земли, покрывавшая Лабиринт Понтифакса.

— Послезавтра мы будем у Врат Лезвия, — сказал Насимонт.

Валентин вспомнил, что у Лабиринта было семь входов, устроенных на разных расстояниях вокруг громадного сооружения.

Когда он был там с поручением Вориакса, он вошел через Врата Вод с противоположной стороны, где с Горы через плодородные северо-восточные провинции спускалась река Глейг. Это был самый легкий путь к Лабиринту, и им пользовались высокие чиновники, когда у них было дело к министрам Понтифакса. Со всех других сторон Лабиринт окружала куда менее приятная местность, но все-таки более приемлемая, чем та, по которой только что проехал Валентин. Единственным утешением служило сознание, что он выйдет из Лабиринта в более удачную сторону.

Лабиринт занимал огромное пространство и поскольку состоял из многих уровней, расположенных по спирали, население его было неисчислимым. Сам Понтифакс занимал внутренний сектор, куда почти никто не имел доступа. Окружавшая его зона была областью правительственных министров, громадного количества преданных душ, всю жизнь остававшихся под землей и занимавшихся делами, которых Валентин не понимал.

Вокруг правительственной зоны много тысячелетий развивалась внешняя оболочка Лабиринта, путаница круговых проходов, населенных миллионами темных личностей: конторщиками, торговцами, нищими, карманниками, и бог знает кем еще, — своего рода мир в себе, куда никогда не проникали ни солнечное тепло, ни холодный свет луны, где всю красоту и чудеса Маджипура заменили бледные радости подземной жизни.

Наконец плавучие повозки добрались до Врат Лезвий.

Небольшое крытое отверстие давало доступ в уходивший в землю туннель. Впереди стоял ряд вделанных в бетон древних ржавых мечей. Он составлял барьер более символический, чем реальный, поскольку мечи были расставлены редко. Сколько же времени, — думал Валентин, — понадобилось, чтобы мечи заржавели в этом сухом климате?

Стражи Лабиринта ждали прямо за входом.

Их было семь — два хорта, гейрог, скандар, лимен и два человека, все замаскированные, как принято у официальных лиц Лабиринта. Маски были в основном символическими — лоскут блестящей желтой ткани закрывал нос и глаза, — но создавали эффект необычности, а это и требовалось.

Стражи молча и невозмутимо встали перед Валентином и его отрядом. Делиамбер сказал Валентину:

— Они попросят плату за вход. Такова традиция. Подойди к ним и изложи свое дело.

Валентин сказал стражам:

— Я Валентин, брат покойного Вориакса, сын Леди Острова, пришел просить аудиенции у Понтифакса.

Даже такое странное и вызывающее заявление не вызвало никакой реакции со стороны замаскированных. Гейрог сказал только:

— Понтифакс каждого к себе не допускает.

— Тогда я буду просить аудиенции у его главных министров, которые могут передать мое послание Понтифаксу.

— Их ты тоже не увидишь, — сказал один из хортов.

— В таком случае я обращусь к заместителям министров, или, если понадобится, к заместителям заместителей министров. Единственное, о чем я вас прошу — разрешить мне и моим спутникам пройти в Лабиринт.

Стражники посовещались между собой, тихо жужжа, видимо, с помощью какого-то прибора. Это был какой-то ритуал чисто механического свойства, поскольку они вряд ли слушали друг друга. Затем гейрог снова повернулся к Валентину.

— Каково твое приношение?

— Какое приношение?

— Входная плата.

— Назови, и я уплачу.

Валентин сделал знак Шанамиру, и тот достал кошелек, но стражники недовольно покачали головами, а некоторые даже отвернулись.

— Не деньги, — презрительно сказал гейрог. — Приношение.

Валентин опешил и растерянно обернулся к Делиамберу. Тот ритмично покачал щупальцами, как бы подбрасывая что-то. Валентин понял. Жонглирование!

— Слит, Залзан Кавол...

Из одной повозки достали дубинки и мячи. Слит, Карабелла и Залзан Кавол встали перед стражниками и по сигналу скандара начали жонглировать. Семеро замаскированных смотрели, неподвижные, как статуи. Все это казалось Валентину таким забавным, что он с трудом удерживался от смеха, но три жонглера выполняли свою работу строго и с большим достоинством, словно это был религиозный обряд. Они выполнили три полных рисунка обмена, разом остановились и поклонились стражам.

Гейрог чуть заметно кивнул — единственное одобрение представления.

— Можете войти, — сказал он.

Глава 5

Они провели повозки между лезвиями в нечто вроде вестибюля, темного и затхлого, из которого открывалась пока-

тая дорога. Они спустились вниз на небольшое расстояние — и путь им пересек изогнутый туннель, первое из колец Лабиринта.

Туннель был с высоким потолком, ярко освещенный, он вполне мог служить торговым городом: тут были ларьки, магазины, пешеходы и плавучие экипажи всех видов и размеров. Но при внимательном осмотре становилось ясно, что это не Пидруд, не Пилиплок и не Ни-Мойя. Люди на улицах были удивительно бледными, похожими на привидения, что говорило о жизни без солнца. Одежда была до крайности архаична по стилю, в тусклых, темных тонах. Многие были в масках — слуги чиновников Понтифакса. В общем контексте Лабиринта они были незаметны, и никто в толпе не обращал внимания на их маски.

Валентин подумал, что у всех, замаскированных и с открытыми лицами, было какое-то напряженное выражение, что-то странное вокруг глаз и рта. Снаружи, на свежем воздухе, под благодатными лучами солнца народ Маджипура улыбался легко и свободно, всем лицом, всей душой, а в этих катакомбах души были другими.

Валентин спросил Делиамбера:

— Ты знаешь дорогу?

— Нет. Но гидам легко найти.

— То есть?

— Останови повозку, выйди и оглянись растерянно, — сказал вруон. — Через минуту у тебя будет полно гидов.

Это заняло куда меньше минуты. Валентин, Слит и Карабелла вышли из повозки и к ним тут же подбежал мальчик лет десяти.

— Вам нужно осмотреть Лабиринт? Одна крона за весь путь.

— У тебя есть старший брат? — спросил Слит.

Мальчик посмотрел на него.

— Ты считаешь меня слишком маленьким? Тогда поезжайте одни. Через пять минут вы заблудитесь!

Валентин засмеялся.

— Как тебя зовут?

— Гиссан.

— Скажи, Гиссан, сколько уровней придется нам проехать, прежде чем мы доберемся до правительственного центра?

— Вы хотите ехать туда?

— А почему нет?

— Они там все чокнутые, — сказал мальчик.

Он усмехнулся.

— Работают, весь день перебирая бумаги, бормочут что-то и надеются продвинуться глубже. Заговори с ними — они да-

же не ответят. От такой работы у них и мозги не ворочаются. До них семь уровней: Дворы Колонн, потом Холл Ветров, Место Масок, Двор Пирамид, Двор Шаров, Арена, а затем Дом Записей. Я провожу вас туда, но не за крону.

— А за сколько?

— Полреала.

Валентин присвистнул.

— Зачем тебе столько денег?

— Я куплю матери плащ, зажгу пять свечей Леди и отведу сестру к врачу.

Мальчик подмигнул.

— А может быть, останется и мне что-то.

Во время этого разговора вокруг собралась толпа ребятишек не старше Гиссана, несколько юношей и взрослых.

Все они стояли плотным полукругом и напряженно следили, получит ли Гиссан работу. Все они молчали, но Валентин углом глаза видел, как они старались привлечь его внимание, маленькие вставали на цыпочки, чтобы казаться солиднее.

Если он откажет мальчику, тут же поднимется дикий хор голосов и лес машущих рук.

Но Гиссан, похоже, знал свое дело.

— Ладно, — сказал Валентин, — веди нас к Дому Записей.

— Все эти повозки — твои?

— Да.

Гиссан свистнул.

— Ты, стало быть, важный человек? Откуда ты?

— Из Замка на Горе.

— Я так и подумал, что ты важный. Но если ты едешь оттуда, как ты попал со стороны Врат Лезвий?

Мальчик был явно не глуп. Валентин сказал:

— Мы путешественники. Мы только что с Острова Снов.

— О!

Глаза мальчика округлились. Это была первая брешь в его небрежной улично-мудрой холодности. Без сомнения, Остров был для него, по-существу, мифическим местом, далеким, как звезды, и он помимо своей воли почувствовал благоговение перед особой, действительно побывавшей там. Он облизал губы.

— Как мне тебя называть?

— Валентин.

— Валентин, — повторил мальчик. Валентин из Замка на Горе. Приятное имя.

Он взобрался в первую повозку, и Валентин сел рядом. Мальчик спросил:

— Ты действительно Валентин?

— Да.

— Очень приятное имя, — снова сказал мальчик. — Ну, плати мне полреала, Валентин, и я покажу тебе Лабиринт.

Валентин знал, что полреала — это оплата нескольких дней работы искусного ремесленника, но спорить не стал. Ему казалось, что человеку его положения не пристало торговаться с ребенком. Возможно, Гиссан именно на это и рассчитывал.

Во всяком случае, гонорар обернулся ценным капиталовложением, потому что мальчик был экспертом в проходах Лабиринта и вел их с поразительной скоростью к нижним и внутренним кольцам.

Они спускались вниз по кругу, делая неожиданные повороты, срезая путь узкими, едва проходимыми переулками, спускались по скрытым скатам, которые, казалось, переносили их через немыслимые бездны пространства.

Чем ниже, тем темнее и запутаннее становился Лабиринт. Хорошо выглядел только внешний уровень, а окружности внутри него были темными и зловещими, с тускло освещенными коридорами, отходившими от главного во всех направлениях, со странными статуями и архитектурным орнаментом, смутно различавшиеся в мрачных сырых углах. Это место, по мнению Валентина, смущало дух, оно пахло заплесневевшей историей, имело холодную влажность невообразимой древности, без солнца, без воздуха — гигантская пещера забытого страшного мрака, где хмурые фигуры с жестким взглядом двигались по делам таким же таинственным, как и они сами.

Все ниже, ниже, ниже...

Караван спускался весь день. Ехали через Двор Колонн, где тысячи громадных серых столбов поднимались, как поганые грибы, и болота почти неподвижной маслянистой черной воды покрывали каменный пол на три-четыре фута глубиной. Проехали Дом Ветров, устрашающее место, где порывы холодного ветра непонятным образом проникали сквозь изящно вырезанные каменные решетки в стенах. Видели Место Масок — извилистый коридор, где на мраморных постаментах стояли лица без тел, с пустыми щелями глаз. Видели Двор Пирамид — целый лес многогранных остроконечных белых монолитов, стоявших так близко друг к другу, что между ними нельзя было пройти. Некоторые были правильными четырехгранниками, но большинство было странно вытянуто, скручено и выглядело зловеще. Ниже, на следующем уровне был прославленный Двор Шаров — сложное строение в полторы мили длиной, где находились сферические предметы — одни размером с кулак, другие — с гигантского

морского дракона. Они висели, неизвестно как подвешенные, и освещались снизу.

Гиссан указал на самый большой шар, под ним была могила архитектора — плита черного камня без надписи.

Ниже, ниже...

Во время своего первого визита Валентин ничего этого не видел. Из Врат Вод он быстро спустился по проходам, предназначенным лишь для Короналя и Понтифакса, в имперское логово и в сердце Лабиринта.

Если я опять стану Короналем, — думал Валентин, — когда-нибудь мне придется стать преемником Тивераса — Понтифаксом. Когда этот день настанет, я скажу народу, что не хочу жить в Лабиринте, а построю себе дворец в более приятном месте. Он сам улыбнулся этим мыслям. Интересно, сколько Короналей до него, увидев ужасную громаду Лабиринта, давали себе такие обещания? Однако, все они рано или поздно уходили от мира и обосновывались здесь.

Конечно, пока он молод и полон жизни, ему легко принимать такие решения, легко думать, что можно перевести резиденцию Понтифакса из Алханрола в какое-нибудь подходящее место на более молодом континенте — в Ни-Мойю, например, или в Долорн, и жить среди красоты и радости. Ему трудно было представить себе, что он добровольно заточит себя в этом фантастическом и отталкивающем Лабиринте. Но все Коронали поступали именно так — уходили из Замка в эту темную нору, когда наступало время.

Может быть, это и не так плохо, как кажется. Может, когда человек достаточно долго был Короналем, он рад случаю удалиться с высоты Замка на Горе. Ладно, — сказал себе Валентин, — в подходящее время можно будет обдумать и это.

Караван плавучих повозок сделал резкий поворот и спустился на уровень ниже.

— Арена, — торжественно объявил Гиссан.

Валентин уставился на громадное помещение, такое большое, что стен не было видно, только далекий свет шевелился в затемненных углах. Никаких опор для потолка не было видно.

Было просто поразительно, если подумать о чудовищном весе верхних уровней с бесконечными улицами и переходами, с миллионами жителей, зданиями, статуями и прочим, что ничем не укрепленный потолок арены выдерживает это колоссальное давление.

— Слушай, — сказал Гиссан.

Он вылез из повозки, приложил руку ко рту и пронзительно крикнул. Эхо вернуло крик резкими скачущими звуками, отражаясь от стен сначала громко, а потом постепенно

затихая. Мальчик крикнул еще раз, а затем с самодовольной усмешкой вернулся в повозку.

— Для чего служит это помещение? — спросил Валентин.

— Ни для чего.

— Совсем ни для чего?

— Просто пустота. Понтифакс Дизимол хотел иметь здесь большое пустое пространство. Здесь никогда ничего не происходит. Строить здесь что-либо не разрешается, даже если бы кто и захотел. Это просто место. Хорошее эхо, ты не находишь? Единственная достопримечательность. Ну, Валентин, сделай эхо!

— В другой раз.

Валентин с улыбкой покачал головой.

Чтобы проехать Арену, казалось, понадобится целый день. Они долго ехали, но не видели ни стен, ни колонн, словно путешествовали по открытой равнине, если не считать еле видимого потолка наверху.

Валентин даже не заметил момента, когда они выехали с Арены. Уже спустя некоторое время он осознал, что пол каким-то образом превратился в скат, и они постепенно опускаются на нижний уровень по уже знакомым кольцам Лабиринта. Пока они спускались по этому новому коридору, он становился все светлее, пока, наконец, не сделался таким же ярко освещенным, как верхний уровень с рынками и магазинами.

Вдали прямо перед ними поднимался высеченный экран с ярко освещенными цветными надписями.

— Мы дошли до Дома Записей. Дальше я не могу идти с вами.

Действительно, дорога заканчивалась пятиугольной площадью с этим громадным экраном впереди. Теперь Валентин видел, что этот экран — хроника Маджипура. На левой его стороне были записаны имена Короналей — такой длинный список, что Валентин едва мог разобрать верхние имена. На правой стороне — соответствующий список Понтифаксов. Возле каждого имени стояла дата правления.

Глаза Валентина пробежали по списку.

Здесь были сотни имен, некоторые знакомые — великие имена истории планеты: Стиамот, Таймин, Конфалум, Деккерет, Престимион, а другие — просто набор букв, ничего не значивший для Валентина.

Он читал эти имена, когда был мальчиком, в списке правителей, но ничего не знал о них, кроме того, что они когда-то — три, четыре, пять тысяч лет назад правили, прошли имперскую стадию и исчезли в истории. Лорд Спорифон, Лорд Скейл, — думал Валентин, — кто они? Какого цвета бы-

ли их волосы, в какие игры они играли, какие законы издавали, спокойно ли встретили свою смерть? Оказали ли какое-то влияние на жизнь миллиардов в Маджипуре? Некоторые, как видел Валентин, были Короналями всего несколько лет, а затем быстро уходили в Лабиринт заменить умершего Понтифакса, а другие правили в течение целого поколения.

Вот Лорд Мейк был Короналем тридцать лет, а потом еще двадцать лет Понтифаксом. Пятьдесят лет высшей власти! А кто знает теперь о Лорде Мейке и Понтифаксе Мейке?

Он посмотрел в конец списка? Лорд Тимерас, Лорд Малибор, Лорд Вориакс, Лорд Валентин...

Лорда Валентина, во всяком случае, должны были запомнить. На Маджипуре через много поколений будут рассказывать о черноволосом молодом Коронале, изменнически брошенном в тело блондина, и о захвате его трона сыном Короля Снов. Но что скажут о нем? Что он бесхитростный дурак, вроде Ариоха, который сам себя сделал Леди Острова? Что он был слаб и не сумел уберечь себя от зла? Что он перенес такое ошеломляющее падение и мужественно вернул себе свое место? Как будут рассказывать историю Лорда Валентина через тысячу лет? Стоя перед огромным списком Дома Записей, Валентин молился об одном: только бы не говорили о Лорде Валентине, что он героически отвоевал обратно свой трон, а потом пятьдесят лет правил слабо и беспомощно. Лучше уж оставить Замок Барджазеду, чем получить такую известность.

Гиссан потянул его за руку.

— Валентин!

Тот, вздрогнув, обернулся.

— Я оставляю тебя здесь, — сказал мальчик. — Люди Понтифакса скоро придут за тобой.

— Спасибо тебе, Гиссан, за все, что ты сделал. Но как ты вернешься обратно?

— Пешком.

Гиссан подмигнул.

— Это я тебе точно скажу!

Он остановился.

— Валентин...

— Да?

— У тебя случайно не было черных волос и бороды?

Валентин засмеялся.

— Ты думаешь, что я Корональ?

— О, я это знаю! Это написано на твоем лице. Только лицо у тебя не то.

— А что? Лицо неплохое, — сказал Валентин.

Он рассмеялся.

— Немного более добродушное, чем мое прежнее, может, даже более красивое. Я думаю, что я его оставлю. Полагаю, что тот, кому оно раньше принадлежало, теперь в нем не нуждается.

Мальчик широко раскрыл глаза.

— Значит, ты в другом облике?

— Вроде того.

— Я так и подумал.

Он вложил свою маленькую руку в руку Валентина.

— Ну, что ж, удачи, тебе, Валентин. Если ты когда-нибудь вернешься в Лабиринт, спроси меня, и я снова буду твоим проводником, и бесплатно. Запомни мое имя — Гиссан.

— До свидания, Гиссан.

Мальчик снова подмигнул и исчез.

Валентин повернулся к экрану истории.

Лорд Тиверас, Лорд Малибор, Лорд Вориакс, Лорд Валентин...

— А может, когда-нибудь — Лорд Гиссан? — подумал он. — Почему бы и нет? Мальчик, кажется, знает не меньше иных правителей, и у него, надо думать, хватило бы ума не пить одурманивающее вино Барджазеда. Я запомню его.

Глава 6

Из ворот в дальней стороне площади вышло три фигуры! Женщина хорт и двое людей в официально принятых в Лабиринте масках. Они неторопливо подошли к тому месту, где стояли Валентин, Слит и Карабелла и еще кто-то. Хорт внимательно оглядела Валентина.

— У тебя здесь дело? — спросила она.

— Мне необходимо получить аудиенцию у Понтифакса.

— Аудиенцию у Понтифакса? — повторила она с таким изумлением, словно Валентин просил пару крыльев или разрешения выпить океан.

Она засмеялась.

— Понтифакс не дает аудиенций.

— Ты его главный министр?

Она засмеялась еще громче.

— Здесь дом Записей, а не Двор Тронов. Здесь нет министров.

Три чиновника повернулись и направились обратно к воротам.

— Подождите! — крикнул Валентин.

Он скользнул в сонное состояние и послал им необходимое видение. В нем не было специфического содержания, а

лишь общий смысл того, что стабильность мира в опасности, что над самим чиновничьим аппаратом нависла страшная угроза, и что только он с друзьями может отвести силы хаоса. Чиновники продолжали путь, и Валентин удвоил интенсивность сообщения, пока не вспотел от усилий. Чиновники остановились. Хорт оглянулась.

— Что ты хочешь? — спросила она.

— Допусти нас к министрам Понтифакса.

Они стали шепотом совещаться.

— Что мы должны делать? — спросил Валентин у Делиамбера. — Жонглировать?

— Имей терпение, — прошептал он.

Валентин нашел это трудным делом, но придержал язык. Через некоторое время чиновники вернулись и сказали, что он и пять его спутников могут войти, а остальные должны ночевать на верхнем уровне.

Валентин нахмурился, но спорить с замаскированными явно не имело смысла. Он выбрал Делиамбера, Карабеллу, Слита, Эйзенхарта и Залзана Кавола.

— А как остальные найдут себе помещение? — спросил он.

Хорт пожала плечами. Это ее не касалось.

Откуда-то сбоку донесся чистый высокий голос:

— Не нужно ли кого-нибудь проводить на верхний уровень?

Валентин хихикнул.

— Гиссан? Ты все еще здесь?

— Я подумал, что могу понадобиться.

— Так оно и есть. Найди приличное место на внешнем кольце возле Врат Вод, где мои люди смогут остановиться и подождать, пока я здесь закончу свои дела.

Гиссан кивнул.

— Я попрошу только три кроны.

— Вот как? Тебе же все равно нужно подниматься наверх! И всего пять минут назад ты сказал, что в следующий раз ты не возьмешь ничего!

— Так то в следующий раз, — серьезно сказал мальчик, — а сейчас пока еще первый раз. Неужели ты лишишь бедного мальчишку его куска хлеба?

Вздохнув, Валентин сказал Залзану Каволу:

— Дай ему три кроны.

Мальчик прыгнул в головную повозку, и скоро весь караван развернулся и отправился в обратный путь. Валентин и его пятеро спутников прошли через Ворота Дома Записей.

Коридоры шли во всех направлениях. В скудно освещенных маленьких комнатках служащие низко склонялись над горами документов, воздух был сухой и затхлый. Общее впе-

чатление было еще более отталкивающим, чем на предыдущих уровнях. Валентин понял, что здесь был административный центр Маджипура, место, где велась реальная работа по управлению двадцатью миллиардами жителей планеты.

Неприятно было сознавать, что эти суетившиеся гномы, эти подземные жители осуществляют истинную власть над миром.

Он думал, что истинным Королем был Корональ, а Понтифакс — просто номинальный глава, поскольку именно Корональ командовал силами порядка, если где-то возникал хаос, в то время как Понтифакс оставался замурованным внизу и выходил из Лабиринта лишь в случаях величайшей государственной важности.

Теперь он уже в этом был не так уверен.

Сам Понтифакс, возможно, и был всего лишь свихнувшимся стариком, но ставленники Понтифакса, эти тысячи и тысячи серых чиновников в масках, в общей сложности могли иметь куда большую власть на Маджипуре, чем энергичный Корональ со своими помощниками. Здесь составлялись списки налогов, здесь налаживался торговый баланс между провинциями, координировался контроль провинций над шоссейными дорогами, парками, учебными и воспитательными заведениями и прочим. Валентин не был уверен, что настоящее централизованное управление возможно на такой громадной планете, как Маджипур, но, во всяком случае, основные формы этого управления существовали хотя бы как структурные контуры. Он понял, идя по внутренней части Лабиринта, что управление Маджипуром состоит отнюдь не в больших процессиях и сонных посланиях. Большая часть работы делается скрытыми здесь чиновниками.

И его захватил этот тяжелый труд.

Несколькими уровнями ниже Дома Записей находились помещения для официальных лиц провинций, посещавших Лабиринт по правительственным делам. Там Валентину предоставили скромную квартиру, где и оставили на следующие несколько дней.

Сдвинуться с этой точки, казалось, не было никакой возможности. Как Корональ, он, конечно, имел бы право требовать немедленного допуска к Понтифаксу, но он не Корональ в настоящем смысле этого слова, и такое требование вероятно вообще лишило бы его возможности действовать.

Порывшись в памяти, он вспомнил имена первых министров Понтифакса. Если с тех пор ничего не изменилось, у Понтифакса было пять полномочных официальных лиц, близких к нему: Горнкейст, главный спикер, Делифон, лич-

ный секретарь, Шинаам, чейрог, министр внешней торговли, Спилтрейв, министр по делам науки, личный врач Понтифакса, Нарамир, и толковательница снов, которая, как говорили, имела власти больше всех остальных, советница, выбравшая в Коронали Вориакса, а затем Валентина.

Добраться до любого из этих пятерых было так же трудно, как и до самого Понтифакса. Они, как и Тиверас, схоронились в глубинах, далекие, недоступные.

Способности Валентина управлять обручем, данным ему матерью, не простирались на установление контакта с незнакомым мозгом на неизвестном расстоянии.

Он скоро узнал, что два меньших, но все-таки значительных чиновника служили сторожами на центральных уровнях Лабиринта. Это были имперские мажордомы Дондак Саямир, су-сухирис, и Джитаморн Сол, человек.

— Но, — сказал Слит, поговоривший с управляющим домом для гостей, — эти двое уже год, как поссорились, и почти не соперничают. А тебе, чтобы попасть к министрам, надо согласие обоих.

Карабелла недовольно фыркнула:

— Мы потратим всю жизнь, собирая здесь пыль! Валентин, зачем мы вообще связались с Лабиринтом? Может, уйдем отсюда и отправимся прямо в Замок на Горе?

— Точно — моя идея, — сказал Слит.

Валентин покачал головой.

— Главное — поддержка Понтифакса. Так сказала Леди, и я с ней согласен.

— Для чего — главное? — спросил Слит. — Понтифакс спит под землей и ничего не хочет знать. Он, что, даст тебе армию? Да и вообще, существует ли он?

— Понтифакс имеет армию служащих и чиновников, — мягко сказал Делиамбер. — Для нас они были бы исключительно полезными. Они не воины, но управляют равновесием власти в нашем мире.

Слита это не убедило.

— А по-моему, надо поднять знамя горящей звезды и идти под звуки труб и барабанный бой через Алханрол, объявляя себя Короналем и рассказывая всему миру о плутнях Доминика Барджазеда. В каждом городе на пути ты завоюешь поддержку народа своим теплом и искренностью, а может быть, немножко обручем Леди. И пока ты будешь двигаться к Замку на Горе, десять миллионов пойдут за тобой, и Барджазед сдастся без боя.

— Приятная картина, — сказал Валентин, — но я думаю, что сначала пусть за нас поработает содействие Понтифакса,

прежде чем мы бросим открытый вызов. Я повидаюсь с двумя мажордомами.

В этот же день его проводили в штаб-квартиру Дондак-Саямир — на удивление унылый маленький офис в глубине путаницы крошечных служебных каморок. Валентин больше часа ожидал в тесном и шумном вестибюле, прежде чем его допустили к мажордому.

Валентин плохо представлял как обращаться к су-сухирис. Может, одна голова — Дондак, а другая — Саямир? Обращаться к обеим или только к той голове, которая разговаривает с тобой? Может, полагается переводить взгляд с одной головы на другую, пока говоришь?

Дондак-Саямир осмотрел Валентина как бы с высоты своего величия. В кабинете повисла напряженная тишина, пока четыре холодных глаза рассматривали посетителя.

Су-сухирис был стройным удлиненным существом, безволосым и гладкокожим, трубчатым по форме, с палкой-шеей, поднимавшейся на десять дюймов и имевшей на конце развилку для поддержки двух узких веретенообразных голов. Он держался с видом такого превосходства, словно должность мажордома Понтифакса была важнее самого Понтифакса.

Валентин знал, что это холодное высокомерие просто было свойством этой расы, су-сухирисы всегда выглядели величественными и надменными.

Наконец левая голова Дондака заговорила:

— Зачем ты пришел сюда?

— Я прошу аудиенцию у первых министров Понтифакса.

— Так написано в твоем письме. Какое дело у тебя к ним?

— Дело величайшей важности, государственное дело.

— Да?

— Вряд ли ты можешь рассчитывать, что я буду обсуждать это с кем-то ниже самого высокого уровня власти.

Дондак-Саямир бесконечно долго обдумывал сказанное. Он снова заговорил уже правой головой. Второй голос был много ниже первого.

— Если я зря потревожу верховных министров, мне будет плохо.

— Если ты воспрепятствуешь моему свиданию с ними, тебе будет еще хуже.

— Угрожаешь?

— Отнюдь. Скажу тебе только, что, если они не получат моей информации, последствия будут весьма серьезными для всех нас. Министры, без сомнения, рассердятся, узнав, что ты не допустил меня к ним.

— Я не один, — сказал су-сухирис. — Есть второй мажордом, и прошение такого рода мы должны одобрить оба. Ты еще не разговаривал с моим коллегой?

— Нет.

— Она сумасшедшая. Она намеренно и злобно отказывается сотрудничать со мной уже много месяцев.

Теперь Дондак-Саямир говорил обеими головами в тонах неполной октавы.

Эффект был крайне неприятный.

— Даже если я дам тебе свое согласие, она откажет, так что ты никогда не удивишь верховных министров.

— Нельзя ли как-нибудь обойти ее?

— Это невозможно.

— Если она блокирует законное дело, то...

— Это на ее ответственности, — ответил равнодушно су-сухирис.

— Нет, — сказал Валентин, — ответственность на вас обоих! Ты не можешь просто сказать, что из-за ее нежелания сотрудничать с тобой я не двинусь вперед, когда на карту поставлено само существование правительства!

— Ты действительно так думаешь? — спросил Дондак-Саямир.

Вопрос поставил Валентина в тупик.

То ли он относился к идее угрозы королевству, то ли к замечанию, что су-сухирис несет равную ответственность. После паузы он спросил:

— Что же ты посоветуешь?

— Возвращайся домой, — сказал мажордом, — живи счастливо и плодотворно, и оставь проблемы управления тем, чья судьба — распутывать их.

Глава 7

Ничего хорошего он не получил и у Джитаморн Сол. Второй мажордом был менее надменным, но не более сговорчивым.

Это была женщина лет на десять-двенадцать старше Валентина, высокая брюнетка делового, компетентного вида. На ее столе в кабинете, более веселом и привлекательном, хотя столь же маленьком, как и у су-сухириса, лежало прошение Валентина.

Она постучала несколько раз по письму и сказала:

— Ты не можешь увидеться с ними.

— Могу я узнать, почему?

— Потому что их никто не видит.

— Никто?

— Никто с внешней стороны. Теперь это не делается.

— Из-за разрыва между тобой и Дондак-Саямиром?

Джитаморн Сол поджала губы.

— Он идиот! Но даже если бы он как следует выполнял свою работу, тебе все равно не добраться до министров. Они не хотят, чтобы их беспокоили. На них лежит великая ответственность. Понтифакс стар, как тебе, наверное, известно, он мало занимается делами управления, поэтому на них, тех кто его окружает, ложится тяжелое бремя. Ты понимаешь?

— Но я должен их увидеть!

— Я не могу тебе помочь. Их нельзя тревожить даже по самым важным делам.

— А предположим, — медленно сказал Валентин, — что Корональ был свергнут, и в Замке сидит фальшивый правитель?

Она подняла маску и ошеломленно посмотрела на Валентина.

— Что ты хочешь этим сказать? Твое прошение отклонено.

Она встала и сделала быстрый жест.

— У нас в Лабиринте и так хватает сумасшедших, а тут еще приходят из...

— Подожди, — сказал Валентин.

Он вошел в состояние транса и вызвал силу обруча. Он потянулся к душе Джитаморн, коснулся ее, окутал своей душой.

Он не собирался раскрывать лишнее мелким служащим, но тут, похоже, не было альтернативы, он держал контакт, пока не почувствовал слабость и головокружение. Тогда он прервал его и быстро вернулся в нормальное состояние.

Она растерянно смотрела на него, щеки ее горели, глаза блуждали, грудь тяжело дышала. Заговорила она не сразу.

— Что это за фокус?

— Это не фокус. Я — сын Леди, и она сама научила меня искусству посланий.

— Лорд Валентин брюнет.

— Был. Теперь — нет.

— Ты хочешь, чтобы я поверила....

— Пожалуйста, — сказал он, вкладывая в это слово всю силу своего духа, — поверь мне. Все зависит от моего доклада Понтифаксу о случившемся.

Но ее подозрения были слишком велики. Она не преклонила колени, не сделала знака горящей звезды, в ней была лишь угрюмая растерянность. Ей явно хотелось, чтобы Валентин навязал этот рассказ кому-нибудь другому.

— Су-сухирис наложит вето на все, что бы я ни предложила, — сказала она наконец.

— Даже если я покажу ему то, что показал тебе?

Она пожала плечами.

— Его упрямство просто легендарно. Даже для спасения жизни Понтифакса он не согласится ни с одним моим предложением.

— Но это безумие!

— Именно. Ты говорил с ним?

— Да, он показался мне недружелюбным от гордости, но не сумасшедшим.

— Тебе бы пообщаться с ним подольше, прежде чем составить окончательное суждение.

— А если подделать его подпись, и я пройду так, чтобы он не знал?

Она была шокирована.

— Ты толкаешь меня на преступление?

Валентин пожал плечами.

— Преступление уже совершено, — и немалое, — сказал он ровным голосом. — Я, Корональ Маджипура, изменнически смещен. Твоя подпись жизненно необходима для моего восстановления. Неужели это не превышает все остальные пустяковые правила? Неужели ты не понимаешь, что я имею власть простить тебе нарушение правил?

Он наклонился к ней:

— Время не ждет. Замок стал домом узурпатора. Я бегаю между подчиненными Понтифакса вместо того, чтобы вести через Алханрол армию освобождения. Дай мне разрешение, и ты получишь вознаграждение, когда на Маджипуре снова будет порядок.

Она холодно посмотрела на него.

— Твой рассказ требует слишком большой веры. Что, если ты лжешь? Что, если ты подкуплен Дондаком?

— Клянусь, — простонал Валентин.

— Не надо. Такое вполне возможно. Это может оказаться ловушкой. Твоя фантастическая история и какой-то вид гипноза предназначены для того, чтобы погубить меня и дать су-сухирису высшую власть, которой он давно жаждет...

— Клянусь Леди, моей матерью, что я не лгу.

— Всякий преступник клянется чьей-нибудь матерью, но что толку?

Валентин заколебался, но затем взял Джитармон Сол за руки и пристально посмотрел ей в глаза. То, что он хотел сделать, было ему неприятно, но и все эти мелкие чиновники тоже чинили ему неприятности.

Придется пойти на несколько бесстыдный обман, иначе он навек запутается здесь.

Он сказал:

— Даже если бы Дондак-Саямир подкупил меня, я никогда бы не продал такую красивую женщину, как ты.

Она смотрела на него презрительно, но щеки ее окрасились румянцем.

— Поверь мне, — продолжал он. — Я — Лорд Валентин, и ты будешь одной из героинь моего возвращения. Я знаю, чего ты хочешь больше всего на свете, и ты получишь это, когда я снова вернусь в Замок.

— Ты знаешь?

— Да, — сказал он.

Он ласково похлопал ее по руке, теперь вяло лежавшей в его ладони.

— Ты хочешь быть единственным авторитетом во внутреннем Лабиринте, верно? Ты хочешь быть единственным мажордомом?

Она кивнула, как бы во сне.

— Так и будет, — сказал он. — Стань моей союзницей, и Дондак-Саямир будет лишен своего ранга за то, что преграждал мне дорогу. Станешь? Ты поможешь мне добраться до главных министров?

— Это трудно.

— Но возможно! Все возможно! Когда я снова стану Короналем, су-сухирис потеряет свой пост! Это я тебе обещаю!

— Поклянись!

— Клянусь! — горячо сказал Валентин.

Он чувствовал себя грязным и испорченным человеком.

— Клянусь всем, что для меня свято. Этого достаточно?

— Достаточно, — сказала она.

Ее голос чуть изменился.

— Но как это сделать? На пропуске должны быть обе подписи, а если будет моя, то он откажется поставить свою.

— Подпиши пропуск и дай мне. Я вернусь к су-сухирису и уговорю его подписать.

— Он ни за что этого не сделает.

— Я поработаю над ним. Я умею убеждать. Получив его подпись, я войду во внутренний Лабиринт и добьюсь того, что мне нужно. А вернусь я с полномочиями Короналя и смещу с поста Дондак-Саямира.

— Но как ты получишь его подпись? Он уже столько месяцев ничего не подписывает!

— Положись на меня.

Она достала из стола темно-зеленый кубик из какого-то гладкого блестящего материала и поместила его на короткое время в машину, которая бросила на него опаляюще-желтое пламя. Когда она снова достала кубик, поверхность его сияла новым блеском.

— Вот это твой пропуск. Но предупреждаю тебя, что без второй подписи он недействителен.

— Я получу ее, — сказал Валентин.

Он вернулся к Дондак-Саямиру. Су-сухирис неохотно встретил его, но Валентин был настойчив.

— Теперь я понимаю твое отвращение к Джитаморн Сол, — сказал он.

Дондак холодно улыбнулся.

— Она и тебе противна? Полагаю, что она отказала тебе.

— Нет, — сказал Валентин.

Он достал кубик и положил его перед мажордомом.

— Она дала мне его довольно охотно, зная, что ты мне откажешь, и ее разрешение окажется недействительным. А вот другой ее отказ меня сильно задел. Тебе это покажется глупым, — безмятежно сказал Валентин, — может быть, даже отталкивающим, но я был прямо поражен ее красотой. Должен сказать, что для человеческих глаз эта женщина исключительно привлекательна физически, она излучает эротическую силу, а это... Ну, ладно, неважно. Я потянулся к ней в наивном смятении и таким образом стал уязвимым, а она жестоко посмеялась надо мной. Она отнеслась ко мне с презрением, а это мне как ножом по важным местам. Как она могла быть такой безжалостной, такой надменной к чужаку, который только тем и виноват, что имел к ней такие горячие, глубоко страстные чувства?

— Ее красоты я не вижу, — сказал су-сухирис, — но ее холодность и высокомерие мне хорошо известны.

— Теперь я разделяю твою неприязнь к ней, — сказал Валентин. — Если пожелаешь, я предложу тебе свои услуги и мы вместе поработаем над тем, что погубит ее.

Дондак-Саямир задумчиво сказал:

— Да, возможно, это подходящий момент, чтобы скинуть ее. Но как?

Валентин постучал по кубику, лежавшему на столе.

— Поставь свою подпись на этот пропуск. Тогда я смогу войти во внутренний Лабиринт. Пока я буду там, ты начнешь официальное расследование об обстоятельствах, при которых меня пропустили, и заявишь, что ты не давал такого разрешения. Когда я вернусь, закончив свое дело с Понтифаксом, ты позовешь меня для проверки. Я скажу, что ты отказал мне, но я получил пропуск от Джитаморн Сол. Твое обвинение с моим свидетельством свалит ее. Ну, что скажешь?

Су-сухирис сунул кубик в машину, и сверкающий розовый жар перекрыл желтое пламя Джитаморн Сол. Теперь пропуск был по всем правилам. Валентин подумал, что вся

эта интрига была почти сродни замысловатости самого Лабиринта, но она сработала, и сработала успешно. Пусть теперь эти двое строят друг другу козни, а он пойдет к министрам. Вероятно, мажордомы будут разочарованы тем, как он выполнит свои обещания, поскольку он намеревался, если сможет, отстранить от власти обоих соперников. И все же он не чувствовал себя вполне безгрешным по отношению к тем, чья роль в управлении, видимо, состояла в том, чтобы препятствовать и возражать.

Он взял кубик у Дондак-Саямира и благодарно склонил голову.

— Да будет тебе вся власть и престиж, которых ты заслуживаешь, — сказал он и вышел.

Глава 8

Стражи внутреннего Лабиринта, казалось, были ошеломлены, что кто-то снаружи ухитрился получить разрешение на вход в их царство. Они подвергли кубик сканированию, с большой неохотой признали его законность и пропустили Валентина и его спутников.

Узкая тупоносая повозка быстро и бесшумно несла их по проходам этого внутреннего мира. Лабиринт бесконечно разветвлялся и кружился. Любой чужой быстро и безнадежно затерялся бы в тысячах изгибов, поворотов и перепутанных коридорах. Но повозка, как видно, плыла под каким-то тайным управлением по кратчайшей, хотя отнюдь не прямолинейной дороге вглубь, в кольца скрытых проулков.

На каждом контрольно-пропускном пункте Валентина допрашивали недоверчивые чиновники, почти неспособные понять, как это пришедший извне едет к министрам Понтифакса. Их бесконечные колкости были надоедливыми, но пустыми. Валентин размахивал своим кубиком-пропуском, как волшебным жезлом.

— У меня поручение высочайшей важности, — повторял он снова и снова, — и я буду говорить только с высшими чинами двора Понтифакса.

Вооружившись всем своим достоинством и правом командовать, он отметал все возражения, все увертки.

— Вам не станет хуже, если вы будете меня задерживать!

И вот наконец — Валентину казалось, что прошло сто лет с тех пор, как он вошел в Лабиринт через Врата Лезвий, — он очутился перед Шинааном, Дилифоном и Нарамир — тремя из пяти первых министров Понтифакса.

Они приняли его в темной холодной комнате, сделанной из громадных блоков черного камня, с высоченным потол-

ком и остроконечными арками. Это было неприятное, давящее помещение, больше похожее на подземную тюрьму, чем на совещательную комнату.

Войдя туда, Валентин почувствовал вес Лабиринта. Он был как бы прижат здесь, в этом царстве вечной ночи, под гигантским холмом земли и многими милями извилистых проходов. Это путешествие вглубь Лабиринта измучило его, как если бы он не спал несколько недель.

Валентин коснулся рукой Делиамбера, и вруон дал ему звенящий заряд энергии. Он взглянул на Карабеллу, и она послала воздушный поцелуй. Он посмотрел на Слита, и тот кивнул и ухмыльнулся. Он взглянул на Залзана Кавола, и гордый седой скандар сделал быстрое жонглирующее движение рукой, чтобы подбодрить его. Его спутники, его друзья, его оплот в этом долгом и удивительном путешествии поддерживали его.

Он посмотрел на министров.

Они были без масок и сидели рядом в креслах, величественных, как троны. Шинаам — министр внешних сношений, гейрог по происхождению, змееподобный, с холодными глазами и мелькавшим раздвоенным красным языком — был в центре. Направо от него сидел Дилифон, личный секретарь Тиверасса, хрупкая, призрачная фигура с белыми, как у Слита, волосами, увядшей пергаментной кожей и горевшими, как угли, глазами — из древней расы. По левую руку гейрога сидела Нарамир, имперская толковательница снов, стройная, элегантная женщина явно преклонного возраста, поскольку ее сотрудничество с Тиверасом восходило к тем временам, когда он был Короналем. У нее была гладкая, без морщин кожа, темно-рыжие волосы, пышные и блестящие. Только отстраненное, загадочное выражение глаз намекало на мудрость, опыт, накопленную за много десятилетий силу.

Валентин решил, что это какое-то колдовство.

— Мы прочитали твою петицию, — сказал Шинаам низким скрипучим голосом с легким шипением. — Нам трудно поверить в твою историю.

— Вы говорили с Леди, моей матерью?

— Мы говорили с Леди. Она признает тебя своим сыном.

— Она требует, чтобы мы сотрудничали с тобой, — сказал Дилифон надломленным голосом.

— Она явилась к нам в послании, — мягко, музыкально произнесла Нарамир. — Она поручает тебя нам и просит, чтобы мы оказали тебе помощь, на которую способны и которую ты потребуешь.

— И что дальше? — спросил Валентин.

— Существует возможность, — сказал Шинаам, что Леди обманута.

— Вы думаете, что я самозванец?

— Ты просишь нас проверить, — сказал гейрог, — что Корональ Маджипура был приведен младшим сыном Короля Снов в бессознательное состояние, извлечен из собственного тела, — что лишило его памяти, — и помещен в совершенно иное тело, удачно оказавшееся под руками, а узурпатор вошел в пустой корпус Короналя, сохранив собственное сознание. Мы находим, что в это очень трудно поверить.

— Существует искусство переносить дух из одного тела в другое, — сказал Валентин. — Вот прецедент.

— Нет прецедента, — возразил Дилифон, чтобы таким образом переносили Короналя.

— Однако, это случилось. Я — Лорд Валентин, милостью Леди вылечил свою память и прошу поддержки Понтифакса, чтобы он возвратил мне ответственность, которую возложил на меня после смерти моего брата.

— Да, — сказал Шинаам, — если ты тот, кем себя называешь, тебе, понятно, нужно вернуться в Горный Замок. Но как мы можем это знать? Это очень серьезное дело. Оно несет гражданскую войну. Как можем мы советовать Понтифаксу ввергнуть мир в агонию только на основании утверждения какого-то чужака, который...

— Свою мать я уже убедил в своей подлинности, — сказал Валентин. — Мой мозг был открыт ей на Острове, и она видела, кто я.

Он коснулся серебряного обруча на лбу.

— Как вы думаете, откуда я взял этот прибор? Это ее дар, из ее собственных рук, когда мы с ней были во Внутреннем Храме.

— В том, что Леди признала тебя и поддерживает, нет никакого сомнения, — спокойно заметил Шинаам.

— Но вы сомневаетесь в ее действиях?

— Мы требуем более веских доказательств, — сказала Нарамир.

— Тогда позвольте мне сейчас же дать послание, чтобы я мог убедить вас в справедливости моих слов.

— Как хочешь, — сказал Дилифон.

Валентин закрыл глаза и вошел в транс.

Из него со страстью и убеждением хлынул сияющий поток его существа. Однако, он чувствовал, что не способен преодолеть скептицизм министров Понтифакса.

Мозг гейрога был недоступен для Валентина — стена, такая же недоступная, как белые утесы Острова Снов.

Валентин ощущал лишь туманные проблески сознания за ысленным щитом Шинаама и не мог пробить его, хотя из-ивал в этот щит всю свою силу. Мозг дрожавшего старого Дилифона тоже был экранирован, а из-за того, что был по-истым, как соты, не представлял сопротивления. Валентин роходил через него, как сквозь воздух.

Валентину удалось ощутить контакт только с мозгом На-амир, но и то не очень сильный. Казалось, она пила его ду-у, впитывала все, что он давал, но все это пропадало в без-онных пещерах ее существа, так что он так и не добрался о центра ее духа.

Но он не отступал. С яростной силой он бросал весь свой ух, называя себя Лордом Валентином из Горного Замка и ребовал от них доказательств, что он кто-то другой. Он до-ел до глубины воспоминаний о матери, о короле-брате, о воем воспитании, о свержении в Тил-Омоне, о странствиях о Зимролу — обо всем, что сформировало человека, про-равшегося в недра Лабиринта за помощью. Он полностью тдавал себя, пока не выдохся, не оцепенел от истощения. Он повис на руках Слита и Карабеллы, как манекен, бро-енный владельцем.

Он вышел из транса, боясь провала.

Он дрожал от слабости, пот покрыл его тело, перед гла-ами все плыло, и дико болели виски. Он старался обрести илы, закрыв глаза, и глубоко дышал, а затем посмотрел на инистров.

Их лица были жесткими и сумрачными, глаза — холодны-и, неподвижными. Они выглядели надменными, презри-ельными и даже враждебными. Валентин вдруг испугался: ожет быть, эти трое — ставленники самого Доминика Бар-жазеда? Чего он может просить у своих врагов?

Он уверял себя, что это невозможно, что это порождение сталого мозга. Нельзя поверить, что заговор против него до-тиг самого Лабиринта.

— Ну? — хрипло спросил он. — Что вы теперь скажете?

— Я ничего не почувствовал, — сказал Шинаам.

— Я не убежден, — сказал Дилифон, — такие послания мо-ет дать любой колдун. Твои искренность и страстность мо-ут быть притворными.

— Я согласна — сказала Нарамир, — послание может быть ак настоящим, так и лживым.

— Нет! — закричал Валентин. — Я был широко открыт пе-ед тобой. Ты не могла не видеть.

— Недостаточно широко, — ответила Нарамир.

— Что ты имеешь в виду?

— Давай сделаем толкование сна вдвоем здесь, в этой комнате, при этих свидетелях. Пусть наши души станут поистине одним целым. Тогда я смогу оценить правдоподобность твоей истории. Согласен? Выпьешь наркотик со мной?

Валентин взглянул на своих спутников и увидел на их лицах отражение своей тревоги — у всех, кроме Делиамбера, выражение лица которого было пустым и нейтральным, словно он был в совершенно другом месте. Рискнуть? Сумеет ли он? Наркотик может лишить его сознания, сделать абсолютно уязвимым. Если эти трое связаны с Барджазедом и хотят сделать Валентина беспомощным, это самый удобный случай.

Предложение войти в его мозг исходит не от какой-то деревенской толковательницы, а от толковательницы Понтифакса, женщины по крайней мере столетнего возраста, хитрой и могущественной, прославленного мастера Лабиринта, контролирующей всех, включая самого Тивераса.

Делиамбер намеренно подал ему знак. Решение целиком лежит на Валентине.

— Да, — сказал он, — глядя ей в глаза. — Если ничего больше не может вас убедить, пусть будет толкование. Здесь. Сейчас.

Глава 9

Они, похоже, ожидали этого. Прислужники по сигналу принесли все необходимое: толстый ковер ярких цветов с темно-золотой каймой, высокий графин из белого полированного камня и две изящные фарфоровые чаши. Нарамир сошла с кресла, своими руками налила в чаши сонного вина и одну предложила Валентину.

Он взял чашу, но выпил не сразу. Однажды он также принял вино из рук Доминика Барджазеда, и от одного глотка все для него изменилось. Может ли он выпить сейчас, не опасаясь последствий? Кто знает, какое новое колдовство приготовлено для него? Где он проснется и в каком обличье?

Нарамир молча наблюдала за ним. Глаза толковательницы снов были непроницаемы, таинственны, пронзающи. Она улыбалась двусмысленной улыбкой, то ли ободряющей, то ли торжествующей. Он поднял чашу в коротком салюте и поднес к губам.

Эффект был мгновенным и неожиданным.

Валентин покачнулся. Туман и паутина окутали его мозг. Может, эта специя была много крепче, чем то, что давала ему Тизана в Фалкинкине. Какая-то дьявольская добавка Нарамир. Или он сам был сейчас более чувствителен — ус-

талый и истощенный от пользования обручем? Затуманенными глазами он увидел, что Нарамир выпила свое вино, бросила пустую чашу прислужнику и быстро сняла платье. Ее нагое тело было гибким, гладким, девичьим — плоский живот, стройные бедра, высокие груди. Валентин подумал, что это колдовство. Кожа ее имела глубокий коричневый оттенок. Почти черные соски уставились на Валентина, словно слепые глаза.

Он был уже слишком опьянен наркотиком, чтобы раздеться самому, это сделали руки его друзей. Он почувствовал холод и понял, что он голый.

Нарамир поманила его к ковру. Валентин подошел на подгибающихся ногах и она уложила его. Он закрыл глаза, представляя себе, что он с Карабеллой, но Нарамир ничуть не походила на Карабеллу.

Ее объятия были сухими и холодными, тело твердым, неэластичным. В ней не было ни тепла, ни вибраций. Ее юность была всего лишь хитроумной проекцией. Лежать в ее объятиях было все равно, что на ложе из гладкого холодного камня.

Всепоглощающее озеро тьмы окружало его, густая теплая маслянистая жидкость становилась все глубже, и Валентин легко уходил в нее, чувствуя, как она приятно скользит по его ногам, талии, по груди.

Он чувствовал, что его засасывает водоворот, как в тот раз, когда его заглотил морской дракон. Так легко и приятно было не сопротивляться, куда лучше, чем бороться. Так привлекательно, так маняще — отказаться от всякой воли, расслабиться, принять все, что может случиться, позволить лететь вниз. Он устал, он так долго боролся. Теперь он может отдохнуть и позволить черному прибою сомкнуться над ним. Пусть другие храбро сражаются за честь, за власть, за аплодисменты. Пусть другие...

Нет.

Вот чего они хотели: поймать его в ловушку собственной слабости и усталости. Он был слишком доверчив, слишком бесхитростен. Он ужинал с врагом, не зная этого, и был погублен. Он будет погублен еще раз, если откажется сейчас от усилий.

Сейчас не время погружаться в теплые черные озера.

Он поплыл наверх. Сначала это было трудно, потому что озеро было глубоким, а черная жидкость, липкая и тяжелая, сжимала его руки. Но после нескольких взмахов Валентин нашел способ сделать свое тело более угловатым — как режущее лезвие.

Он двигался все быстрее, руки и ноги работали согласованно. Озеро, которое искушало его забвением, теперь дало ему поддержку. Оно твердо держало его на плаву, пока он быстро плыл к дальнему берегу.

Солнце, яркое, безмерное, громадный пурпурно-желтый шар, бросало ослепительные лучи по воде, как огненный след.

— Валентин!

Голос был низкий, раскатистый, как гром. Валентин не узнал его.

— Валентин, почему ты так долго и упорно плывешь?

— Чтобы достичь берега.

— А зачем?

Валентин продолжал плыть. Он видел Остров, широкий белый пляж, заросли высоких деревьев, лианы, плотно опутавшие их вершины. Он плыл и плыл, но все не приближался к берегу.

— Вот видишь? — сказал громовой голос. — Нет смысла плыть дальше.

— Кто ты? — спросил Валентин.

— Я Лорд Спорифон, — сказал величественный голос.

— Кто?

— Лорд Спорифон Корональ, преемник Лорда Скоула, ныне Понтифакса. Я советую тебе отказаться от этой глупости. Чего ты надеешься достичь?

— Горного Замка, — ответил Валентин.

Он поплыл быстрее.

— Но Корональ — я!

— Я никогда не слышал о тебе.

Лорд Спорифон издал резкий визгливый звук. Гладкая маслянистая поверхность озера зарябила и пошла складками.

Валентин заставил себя двигаться вперед, пробиваться через завихрения руками и ногами.

Берег был уже близок. Валентин опустил ноги и почувствовал внизу песок, горячий, корчившийся, убегавший из-под ног, но не настолько сильно, чтобы помешать Валентину выбраться на берег. Он выполз на пляж и на секунду встал на колени.

Подняв глаза, он увидел бледного, худого человека, смотревшего на него печальными голубыми глазами.

— Я Лорд Гондимар, — тихо сказал человек, — Корональ из Короналей, которого никогда не забудут, а это — мои бессмертные спутники.

Он сделал жест, и берег заполнился мужчинами, очень похожими на первого, ничем не примечательными, незначительными.

— Это Лорд Стрейн, это Лорд Пракипин, Лорд Мейк, Лорд Скоул, Лорд Спорифон, великие и могущественные Короналн. Падай ниц перед ними!

Валентин засмеялся.

— Вы уже давно забыты!

— Нет!

Валентин указал на последнего в ряду.

— Ты, Спорифон, никто не помнит о тебе!

— Лорд Спорифон, будь любезен.

— А ты, Лорд Скоул, три тысячи лет начисто стерли твою славу.

— Ты ошибаешься. Мое имя записано в списке властителей.

Валентин пожал плечами.

— Это верно. Ну и что? Все вы — Лорд Пранкипин, Лорд Мейк, Лорд Гондимар — всего лишь имена, ничего больше. Только имена...

— Только имена, — как это, отозвались они тонкими, жалобными голосами.

Они стали уменьшаться, сжиматься, пока наконец на берегу не оказались крошечные существа, бегающие вокруг и выкрикивающие свои имена резкими голосами. Затем они исчезли, на их месте оказались маленькие белые шары, не крупнее жонглерских мечей. Валентин наклонился рассмотреть их и увидел, что это черепа. Он подобрал их и стал подбрасывать в воздух, ловить и снова бросать, и они летели сверкающим каскадом. Их челюсти щелкали и дребезжали. Валентин усмехался. Сколько он может жонглировать? Здесь было всего шесть. Но за все прошлые тысячелетия были сотни Короналей. Он мог бы жонглировать всеми. Он достал из воздуха самых великих — Конфалума, Престимиона, Стиамота, еще дюжину, сотню и бросал их и ловил. Никогда еще на Маджипуре не было такого искусного жонглирования. Но теперь это были уже не черепа: они превратились в сверкающие многогранные диадемы, в шары — тысяча имперских шаров, рассыпавших искрящийся свет во всех направлениях. Он безошибочно жонглировал ими, зная, какого правителя представлял каждый шар, — вот Лорд Конфалум, вот Лорд Спорифон, Лорд Деккерет — и всех их он бросал вверх, так что они составляли громадную перевернутую пирамиду света.

Все королевские особы Маджипура танцевали над ним и все возвращались к золотоволосому улыбавшемуся человеку, крепко стоявшему на горячем песке золотого пляжа.

Он поддерживал их всех. Вся история планеты была в его руках, и он помогал ей в полете.

Ослепительные диадемы составили наверху громадную горящую звезду света.

Не переставая жонглировать, Валентин пошел с пляжа по дюнам к плотной стене зарослей. Деревья расступились перед ним, освобождая ему путь — ярко-красную мощеную дорогу, ведущую вглубь Острова.

Вдали он увидел низкие серые холмы предгорья, переходившие в гранитные уступы, за которыми были зыбчатые пики гигантской горной цепи, тянувшейся до середины континента.

На самом высоком пике на страшной высоте раскинулись опорные стены Замка.

Валентин шел к нему, не переставая жонглировать. Мимо него по тропе проходили фигуры, уступали ему дорогу, махали, улыбались и кланялись. Лорд Вориакс, Леди, Понтифакс Тиверас — все они сердечно приветствовали его, и он тоже махал им, не уронив ни одной диадемы, не нарушив ясного рисунка жонглирования. Вот он уже в предгорье и поднимается вверх без усилий. Вокруг него собирается толпа — все его друзья и множество других: хорты, гейроги, вруоны, лимены, торговцы, фермеры, рыбаки, акробаты, герцог Насимонт, предводитель разбойников, Тизана, Джитаморн Сол и Дондак-Саямир, державшиеся за руки, орда пляшущих метаморфов, шеренга драконьих капитанов с гарпунами, лесные братья, раскачивающиеся на деревьях вдоль тропы, — все поют, смеются, провожая его в Замок Лорда Малибора, Лорда Спорифона, Лорда Конфалума, Лорда Стиамота, в Замок Лорда Валентина...

Замок Лорда Валентина...

Он уже почти там. Хотя горная дорога идет почти отвесно вверх, хотя густой туман низко стелется над ней, он идет дальше, ускоряет шаг, бежит, жонглируя сотнями блестящих сфер.

Он видит впереди три громадных огненных столба.

Подойдя ближе, он узнает их. Это Шинаам, Дилифон и Нарамир стоят бок о бок на его пути.

— Куда ты идешь? — спрашивают они хором.

— В Замок.

— В чей?

— В Замок Лорда Валентина.

— Кто ты?

— Спросите их, — говорит Валентин, показывая на толпу за собой. — Пусть они скажут вам мое имя?

— Лорд Валентин! — кричит Шанамир, первым приветствуя его.

— Он Лорд Валентин! — кричат Карабелла, Слит и Залзан Кавол.

— Лорд Валентин Корональ! — кричат метаморфы, драконьи капитаны и лесные братья.

— Это так? — спрашивают министры Понтифакса.

— Я Лорд Валентин, — отвечает он.

Он высоко подкидывает тысячу диадем, и они летят вверх, пока не скрываются во мраке, что живет между мирами, и оттуда медленно плывут вниз, мерцающие и искрящиеся, как снежные хлопья на склонах северных гор, и когда они касаются Шинаама, Дилифона и Нарамир, три министра тут же исчезают, оставив позади лишь серебряный блеск, и ворота Замка раскрываются.

Глава 10

Валентин проснулся.

Он почувствовал шерсть ковра под голым телом, увидел остроконечные арки, каменный потолок наверху.

Мир сна был еще так ясен, что Валентину на миг захотелось вернуться туда, а не оставаться в этом помещении с затхлым воздухом и темными углами. Но он сел и огляделся.

Его спутники сгрудились у задней стены, напряженные и испуганные.

Он повернулся в другую сторону, рассчитывая увидеть трех министров, снова восседавших на своих местах. Они были тут, но появилось еще два великолепных кресла, так что теперь перед Валентином сидели пятеро. Нарамир, уже одетая, сидела слева. В середине был круглолицый мужчина с широким тупым носом и темными глазами. Валентин узнал в нем Горнкейста, главного спикера Понтифакса. Рядом с ним сидел Шинаам, а крайнее правое кресло занимал незнакомый Валентину человек — тонкогубый, с резкими чертами лица, с серой кожей, иноземец.

Все пятеро строго смотрели на Валентина, словно были членами тайного судилища, собравшимися для вынесения приговора.

Валентин встал, не делая попытки одеться. Почему-то казалось, что перед этим судилищем положено стоять голым.

— Твой мозг ясен? — спросила Нарамир.

— По-моему, да.

— Ты проспал час. Мы ждали, когда ты проснешься.

Она указала на серокожего.

— Это Сиплтрейв, врач Понтифакса.

— Я так и подумал, — сказал Валентин.

— А этого человека ты, наверное, знаешь. Она указала на того, кто сидел в центре.

Валентин кивнул.

— Да, это Горнкейст. Мы встречались.

Широко улыбнувшись, он добавил:

— Только я тогда был в другом теле. Вы согласились с моим утверждением?

— Мы согласились с твоим утверждением, Лорд Валентин, — мелодичным голосом сказал Горнкейст. — Великое и удивительное преступление свершилось в этом мире, но все будет исправлено. Оденься. Тебе не пристало являться голым перед Понтифаксом.

Горнкейст возглавил процессию в имперский тронный зал. За ним шли Нарамир и Дилифон с Валентином посредине, Сиплтрейв с Шинаамом замыкали шествие. Спутникам Валентина не позволили идти.

Они шли через узкий, с высоким сводом туннель из сиявшего зеленоватого стекла, в глубине которого мелькали странные искаженные отражения. Туннель извивался спиралью в глубину с легким уклоном. Через каждые пятьдесят шагов туннель перегораживался бронзовой дверью.

Горнкейст прикасался пальцем к скрытой панели, и дверь бесшумно отходила, пропуская их в следующий отрезок туннеля. Наконец они дошли до двери, богато украшенной резным золотым символом Лабиринта, и выше него — имперской монограммой Тивераса. Валентин знал, что это было самое сердце Лабиринта, самая глубокая и центральная его точка. Когда от прикосновения Горнкейста эта последняя дверь отошла в сторону, они оказались в громадной светлой сферической комнате с круглыми стеклянными стенами, где на роскошном троне сидел Понтифакс Маджипура.

Валентин видел Понтифакса Тивераса пять раз: первый, когда Валентин был еще ребенком, а Понтифакс прибыл в Горный Замок на свадьбу Лорда Малибора, второй — через несколько лет на коронации Лорда Вориакса, через год — на свадьбе Вориакса, а четвертый — когда Валентин приехал в Лабиринт по поручению брата, а последний раз — три года назад, когда Тиверас приезжал на коронацию Валентина. Понтифакс и при первой встрече был уже стар: огромного роста, худой, отталкивающего вида человек с грубым угловатым лицом, с очень черной бородой и мрачными, глубоко сидящими глазами. Чем старше он становился, тем более страшными становились его характерные черты, и он уже

выглядел чем-то вроде трупа — негнущийся, медленно двигающийся, старый, засохший стебель человека, но, тем не менее, внимательный, знающий, все еще мощный духом, все еще излучающий ауру безмерной власти и величия. Но теперь...

Трон, на котором сидел Тиверас, был тот же, что видел Валентин при первом посещении: роскошное золотое сидение с высокой спинкой, к которому вели три широкие низкие ступени, но теперь этот трон был полностью заключен в шар голубоватого стекла, где тянулась широкая сложная сеть поддерживавших жизнь трубок, составлявшая как бы кокон.

Прозрачные трубки с цветными жидкостями, счетчики и шкалы, измерительные пластинки на щеках и лбу Понтифакса, провода, соединения и зажимы — все это выглядело дико и пугающе, хотя бы уже потому, что ясно говорило, что жизнь Понтифакса держалась не в нем самом, а в приборах, окружавших его.

— И давно он так? — прошептал Валентин.

— Система была разработана двадцать лет назад, — с явной гордостью ответил Сиплтрейв, — но только последние два года мы держим его в ней постоянно.

— Он в сознании?

— О, да, в сознании, — ответил врач. — Подойди ближе, посмотри на него.

Валентин неловко подошел и остановился в футе от трона, вглядываясь в удивительного старика в стеклянном пузыре.

Да, он видел, что свет еще горит в глазах Тивераса, бесцветные губы решительно сжаты.

Кожа на черепе Понтифакса стала совсем пергаментной, а длинная борода все еще на удивление черная, сильно поредела.

Валентин посмотрел на Горнквейста.

— Он узнает людей? Он говорит?

— Конечно. Дай ему время.

Глаза Валентина встретились с глазами Тивераса. Стояла страшная тишина.

Старик нахмурился, зашевелился и быстро провел языком по губам. Затем он издал дрожащий звук, вроде хныкающего стона.

Горнкейст сказал:

— Понтифакс приветствует своего возлюбленного сына Лорда Валентина Короналя.

Валентин подавил дрожь.

— Скажи его величеству, скажи ему, что его сын Лорд Валентин Корональ пришел к нему с любовью и почтением, как всегда.

Так было принято: никто никогда не говорил непосредственно Понтифаксу, а только через главного спикера, который должен был повторять, хотя практически этого не делал.

Понтифакс снова сказал что-то столь же неразборчиво.

Горнкейст сказал:

— Понтифакс выражает озабоченность беспорядком в королевстве. Он спрашивает, что планирует Лорд Валентин для приведения страны в должный вид.

— Скажи Понтифаксу, что я планирую идти к Горному Замку и призвать всех граждан к содействию. Я прошу его указания заклеймить Доминика Барджазеда как узурпатора и судить всех тех, кто поддерживает его.

Понтифакс издал более живые звуки, резкие и высокие, с сильнейшей энергией.

— Понтифакс хочет быть уверенным, — сказал Горнкейст, — что ты будешь избегать сражений и уничтожения людей, насколько это возможно.

— Скажи, что я предпочел бы взять Замок, не потеряв даже одной жизни с той или другой стороны, но не знаю, удастся ли это.

Раздались странные булькающие звуки.

Горнкейст растерянно прислушивался.

— Что он сказал? — шепотом спросил Валентин.

Главный спикер покачал головой.

— Не все сказанное его величеством можно перевести. Иногда он заходит в слишком далекие для нашего понимания области.

Валентин кивнул. Он с жалостью и даже с любовью смотрел на гротескного старика, запертого в шаре, который поддерживал в нем жизнь, и способного общаться только такими стонами. Более чем столетний, много десятилетий являющийся высшим монархом планеты, теперь лепечет и булькает, как младенец, и все-таки где-то в разлагающемся мозгу все еще тикает разум прежнего Тивераса, захваченного разрушением плоти. Смотреть на него теперь — означало понять конечную бессмысленность высшего титула: Корональ жил в мире обязанностей и моральной ответственности лишь для того, чтобы унаследовать права Понтифакса, и в конце концов исчезнуть в Лабиринте в старческом слабоумии. Интересно, часто ли Понтифаксы становятся пленниками своих спикеров, врачей и толковательниц снов, и легко ли отказаться от мира ради того, чтобы великое чередование

властителей привело бы на трон более жизнеспособного человека.

Теперь Валентин понял, почему система разделила исполняющего и управляющего, почему Понтифакс со временем уходит от мира в этот Лабиринт. Придет и его время спуститься сюда, но, может быть, по воле божества, это случится не скоро.

Он сказал:

— Скажи Понтифаксу, что Лорд Валентин Корональ, его приемный сын, сделает все, что в его силах, чтобы залечить трещину в ткани общества. Скажи Понтифаксу, что Лорд Валентин надеется на поддержку его величества, без которой не может быть скорой победы.

Сначала на троне было молчание, потом долгий, болезненный, неразборчивый поток звуков, повышавшихся и понижавшихся, как мелодия гейрогов. Горнкейст напряженно выхватывал то тут, то там обрывки смысла. Понтифакс замолчал, а смущенный Горнкейст сжал челюсти и прикусил губу.

— В чем дело? — спросил Валентин.

— Он думает, что ты Лорд Малибор, — удрученно ответил тот. — Он предупреждает тебя насчет риска выхода в море и охоты на драконов.

— Мудрый совет, — сказал Валентин, — но несколько запоздавший.

— Он сказал, что Корональ слишком ценная фигура, чтобы рисковать жизнью в таких развлечениях.

— Скажи ему, что я согласен, что если я снова попаду в Замок, я вплотную займусь моими задачами и буду избегать любых приключений.

Врач Сиплтрейв выступил вперед и сказал:

— Мы утомили его. Боюсь, что аудиенцию придется закончить.

— Еще минутку, — сказал Валентин.

Сиплтрейв нахмурился, но Валентин, улыбаясь, подошел к самому подножию трона, встал на колени, протянул руки к древнему существу в стеклянном пузыре, вошел в транс и послал Тиверасу свой дух с импульсами почтения и любви. Показывал ли кто-нибудь когда-нибудь любовь и привязанность страшному Тиверасу? Скорей всего, нет. Но много десятилетий этот человек был центром и душой Маджипура и теперь, сидя здесь, затерянный в безвременном сне управления и сознавая лишь иногда свою былую ответственность, он заслужил, чтобы его приемный сын и будущий преемник высказал ему любовь, и Валентин дал ее полностью, насколько позволила мощь обруча.

Тиверас как бы окреп, глаза его засияли, щеки чуть заметно покраснели.

Неужто эти дрожащие губы улыбнулись? Да!

Вне всякого сомнения, Понтифакс почувствовал волну тепла от Валентина, был рад этому и ответил.

Тиверас коротко сказал что-то плохо различимое.

Горнкейст сказал:

— Он говорит, что дарует тебе полную поддержку, Лорд Валентин.

Живи, старик, — думал Валентин, вставая и кланяясь. — Вероятно, тебе лучше бы уснуть вечным сном, но я желаю тебе долгой жизни, потому что у меня есть работа в Замке на Горе.

Он повернулся и сказал пяти министрам:

— Пойдемте. Я получил то, что мне нужно.

Они тихо вышли из тронного зала. Когда дверь за ними закрылась, Валентин спросил Сиплтрейва:

— Он должен еще долго жить так?

Врач пожал плечами.

— Почти неограниченно. Система отлично поддерживает его. Мы можем сохранить его, время от времени поддерживая систему, еще сто лет.

— Это необязательно, но хорошо бы ему остаться с нами еще лет двенадцать-пятнадцать. Вы можете это сделать?

— Рассчитывай на это, — сказал Сиплтрейв.

— Хорошо.

Валентин посмотрел в сиявший винтовой проход. Он достаточно долго пробыл в Лабиринте. Пора вернуться в мир солнца и ветра, живых вещей и уладить дело с Домиником Барджазедом. Он сказал Горнкейсту:

— Отведите меня к моим людям и приготовьте транспорт к внешнему миру. А перед отъездом я хотел бы детально изучить военные силы и вспомогательный персонал, которые вы можете представить в мое распоряжение.

— Слушаюсь, милорд, — сказал главный спикер.

Милорд. Это был первый показатель, который он услышал от министров Понтифакса. Главное сражение еще впереди, но Валентин, услышав это слово, почувствовал, что он как бы уже достиг Замка.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

КНИГА ЗАМКА

Глава 1

Подъем из глубин Лабиринта был произведен быстрее, чем спуск, потому что по бесконечной спирали спускался никому не известный авантюрист, лавировавший меж равнодушных чиновников, а наверх поднимался властитель королевства.

Теперь для него не было извилистых переходов с уровня на уровень, с кольца на кольцо через все хитросплетения Понтифиакской берлоги, Дома Записей, Арены и прочего. Он и его товарищи поднимались быстро и без задержек по проходу, предназначенному только для властей.

Уже через несколько часов они достигли внешнего кольца, гостиницы на краю подземного города. Как ни быстро они поднимались, но новости о личности Валентина дошли еще быстрее. Каким-то образом через весь Лабиринт шло известие, что здесь Корональ, таинственно измененный, но, тем не менее, Корональ, и когда Валентин вышел из имперского прохода, там уже собралась огромная толпа, разглядывавшая его, как невиданного девятиголового зверя.

Толпа молчала. Кто-то сделал знак горящей звезды, некоторые выкрикнули его имя, но основная масса только глазела.

Лабиринт был владением Понтифакса, и Валентин понимал, что преклонение перед Короналем будет где угодно на Маджипуре, но только не здесь. Благоговейный страх — да, почтение — да, но прежде всего — любопытство. Никакого воодушевления и приветственных жестов, которые наблюдал Валентин, когда поддельный Лорд Валентин ехал в церемониальной процессии по улицам Пидруда. Вот и хорошо, думал он.

Он не привык быть объектом поклонения, да и не стремился к этому. Вполне достаточно, даже более чем достаточно, что его теперь признали за того, кем он был на самом деле.

— Так ли легко будет в дальнейшем? — спросил он Делиамбера. — Просто ехать по Алханролу, объявляя себя настоящим Лордом Валентином, и все само придет в руки?

— Очень сомневаюсь. Барджазед носит облик Короналя. Он держит печати власти. Здесь, внизу, если министры Понтифакса сказали, что ты Корональ, граждане будут приветствовать тебя как Короналя. Скажи они, что ты Леди Ост-

рова, и здешние жители станут приветствовать тебя как Леди. Я думаю, что вне Лабиринта все будет по-другому.

— Я не хочу кровопролития, Делиамбер.

— Никто не хочет. Но кровь прольется, прежде чем ты снова сядешь на трон Конфалума. Этого не избежать, Валентин.

Валентин угрюмо сказал:

— Я, кажется, скорее оставил бы власть Барджазеду, чем совершил насилие на планете. Я хочу мира, Делиамбер.

— Мир будет, — сказал маленький колдун. — Но дорога к миру не всегда бывает мирной. Смотри, твоя армия уже собралась.

Валентин увидел вдалеке кучу народа, частью знакомого, частью нет. Здесь были не все, кто шел с ним в Лабиринт, но было также несколько сотен носивших цвета Понтифакса, уже собравшихся. Для чего это войско? У Понтифакса не было войск Гражданское ополчение? В любом случае — армия Лорда Валентина.

— Моя армия, — сказал Валентин.

Слово имело горький привкус.

— Армия откуда-то из времен Лорда Стиамота. Делиамбер, сколько тысяч лет прошло со времени последней войны на Маджипуре?

— Долгое время все было спокойно, — ответил вруон, — но, тем не менее, маленькие армии существуют: телохранители Леди, слуги Понтифакса... А как насчет рыцарей Короналя? Как ты их назовешь, если не армией? Они носят оружие, тренируются на полях Горного Замка. Кто они, Валентин? Лорды и Леди, забавляющиеся играми?

— Я именно так и думал, когда был одним из них.

— Пора думать по-другому, милорд. Рыцари Короналя составляют ядро военной силы, и только дурак может думать иначе. Ты неизбежно обнаружишь это, когда подойдешь ближе к горе.

— Неужели Доминик бросит моих собственных рыцарей в сражение против меня? — спросил Валентин.

Он был в ужасе.

Вруон холодно посмотрел на него.

— Человек, которого ты называешь Домиником Барджазедом, в данный момент Лорд Валентин Корональ, и рыцари Горного Замка клялись ему в верности. Ты забыл об этом? Может быть, ты сумеешь убедить их, что они клялись душе и разуму Лорда Валентина, а не его лицу и бороде. Но некоторые останутся верными тому, кого считают тобой и его именем поднимут мечи против тебя.

Противно было даже думать об этом.

После восстановления памяти Валентин не раз думал о своих компаньонах, благородных людях, с которыми он вырос и учился, чьи привязанность и дружба были главными в его жизни, до того как узурпатор разбил эту жизнь. Смелый охотник Илидат из Марвола, золотоволосый проворный Стасилейн, Тонигорн, отличный лучник, и многие другие — теперь для него только имена, теневые фигуры из далекого прошлого, однако же эти тени могут обрести жизнь, цвет и силу. Неужели они выступят против него? Его друзья, его любимые товарищи... что ж, если ему придется сражаться с ними за Маджипур, пусть будет так, но думать об этом не хотелось.

Он покачал головой.

— Может, удастся избежать этого. Пошли. Нам пора уходить отсюда.

Возле выхода, называемого Вратами Вод, он встретился со своими ликовавшими последователями и с офицерами, представленными ему министрами Понтифакса. Похоже, это была способная команда, явно радовавшаяся возможности покинуть мертвые глубины Лабиринта. Их лидером был невысокий, крепкого сложения человек по имени Ирманар, с тугими завитками рыжеватых волос и короткой кудрявой бородкой.

По своим габаритам, движениям и открытости он вполне мог бы быть братом Слита. Валентину он сразу понравился.

Ирманар сделал Валентину знак горящей звезды быстрым официальным жестом, тепло улыбнулся и сказал:

— Я буду рядом с тобой, милорд, пока ты не окажешься снова в своем Замке.

— Да будет легким путешествие на север, — сказал Валентин.

— Ты выбрал дорогу?

— На речном судне по Глейгу будет быстрее, или нет?

Ирнамар кивнул.

— В любое время года, кроме осени. Осенью идут дожди необычайной силы.

Он достал маленькую карту центрального Алханрола. На куске темной ткани блестящей красной краской были показаны округа от Лабиринта до Горного Замка.

— Видишь милорд, Глейг спускается с горы и впадает в озеро Рогойз, а его разлив появляется здесь и продолжается до Врат Вод. Как раз сейчас река вздулась и опасна от озера до Пендивейна. Я предлагаю идти по суше по крайней мере до Пендивейна, а там мы сможем погрузиться на корабль до верховьев Глейга.

— Разумно. Ты знаешь дорогу?

— Довольно хорошо, милорд.

Он ткнул пальцем в карту.

— Многое зависит от того, насколько сильно залита водой равнина Глейга, так ли сильно залита равнина, как об этом говорят. Я бы предпочел идти через долину Глейга вот таким образом, обогнув северную сторону озера Рогойз и не отходя далеко от реки.

— А если долина залита?

— Тогда пойдем более дальней дорогой. Но земля там сухая, неприятная, почти пустыня. Трудно будет с провиантом. И там мы окажемся слишком близко к этому месту.

Он показал на карте точку к северо-востоку от озера.

— Велализир? — спросил Валентин. — Руины? Почему тебя это смущает, Ирманар?

— Это нездоровое место, милорд, дурное. Там бродят духи, воздух заражен не отмщенными преступлениями. Мне не нравится то, что рассказывают от Велализере.

— С одной стороны у нас наводнение, с другой — развалины, населенные призраками. Здорово, а?

Валентин улыбнулся.

— А почему бы не пойти на юг от реки?

— На юг? Нет, милорд. Ты помнишь пустыню, через которую ты ехал от Треймона? На юге еще хуже! Ни капли воды, никакой еды, только песок и камни. Я скорее пойду прямиком через Велализер, чем по южной пустыне.

— Выходит, у нас нет выбора? Остается только долина Глейга. Будем надеяться, что она не очень сильно залита. Когда выступаем?

— Когда ты захочешь.

— Два часа назад, — сказал Валентин.

Глава 2

После полудня армия Лорда Валентина вышла из Лабиринта через Врата Вод. Эти ворота были широкими и обильно украшенными, как и полагалось правительственному входу. Жители Лабиринта собирались толпами, чтобы поглядеть, как выезжает Лорд Валентин со своими спутниками.

Как хорошо было снова видеть солнце, снова вдыхать настоящий воздух — не сухой, жестокий воздух пустыни, а мягкий, сладкий воздух низкой долины Глейга. Валентин находился в первой из длинной процессии плавучих повозок. Он приказал открыть в ней окна.

— Воздух здесь, как молодое вино, — воскликнул он. — Ирманар, как ты можешь жить в Лабиринте, зная, что находится здесь, снаружи?

— Я родился в Лабиринте, — спокойно ответил офицер. — Мой народ служил Понтифаксу в течение пятидесяти поколений. Мы привыкли к таким условиям.

— Значит, свежий воздух тебе неприятен?

— Почему неприятен?

Ирманар удивился.

— Нет. Я ценю его качества, милорд. Просто он... как бы это сказать? Он не необходим мне.

— А вот мне он необходим, — ответил Валентин.

Он засмеялся.

— Посмотри, как все кругом прекрасно!

— Осенние дожди несут жизнь этой долине, — сказал Ирманар.

— Значит, в этом году излишне много жизни, — заметила Карабелла. — Ты не знаешь, насколько сильно наводнение?

— Я послал разведчиков, — ответил Ирманар. — Скоро узнаем.

Караван шел вперед, по мирной, спокойной местности. Здесь Глейг не выглядел особенно неуправляемым. Вроде бы спокойный поток, думал Валентин. Правда, это была не сама река, а нечто вроде канала, устроенного тысячу лет назад, чтобы связать озеро Рогойз с Лабиринтом. Сам Глейг, как вспоминал Валентин, был куда более впечатляющим — быстрая, широкая, благородная река, но конечно, едва ли не ручеек по сравнению с могучим Зимром на другом континенте. В первое посещение Лабиринта Валентин плыл по Глейгу летом, причем сухим летом, и река была достаточно спокойной. Но сейчас совсем другой сезон, и Валентину не хотелось бы снова попасть в разлив, он хорошо помнил ревущий Стейч.

Если бы им податься немного на север, тогда все было бы в порядке, пусть даже пришлось бы проехать через развалины Велализера — и это не так плохо, хотя суеверный Ирманар не хотел этого.

В эту ночь Валентин впервые ощутил прямое противодействие узурпатора. Едва он уснул, как пришло послание от Короля, зловещее, сильное. Сначала он почувствовал тепло в голове. Жар быстро накапливался и превратился в пожарище, с яростной силой бившее в стенки черепа. Яркая игла света пронзила его душу. За лобной костью ощущался прилив агонизировавшей пульсации.

Вместе с этими ощущениями пришло нечто еще более болезненное. Его разум пропитало чувство вины и стыда, сознание провала и неудачи, обвинения, что он предал и обманул тех, кто выбирал его в правители.

Валентин принимал послание, пока мог терпеть. Затем он с криком проснулся, весь в поту, дрожащий, как бы избитый сном.

— Милорд! — шепотом окликнула его Карабелла.

Он сел, закрыв лицо руками. Он не мог сказать ни слова. Карабелла прижала его к себе и погладила по голове.

— Послание, — заговорил он наконец, — от Короля.

— Его уже нет, любимый, все прошло.

Она покачивалась, обняв его, и постепенно ужас и паника отступили.

— Плохое, — сказал он, — хуже чем в нашу первую ночь в Пидруде.

— Не могу ли я помочь?

— Не думаю. Они обнаружили меня, и теперь Король не оставит меня в покое.

— Это был просто страшный сон, Валентин...

— Нет. Это было послание от Короля, первое из многих.

— Я позову Делиамбера, — предложила она. — Может, он знает, что делать.

— Не уходи, Карабелла, не оставляй меня.

— Но сейчас все в порядке. Пока ты не спишь, посланий не будет.

— Не оставляй меня, — бормотал он.

Она погладила его, заставила лечь и пошла за колдуном. Тот выглядел расстроенным. Он коснулся Валентина, чтобы погрузить его в сон без сновидений.

На следующую ночь Валентин вообще боялся уснуть, но в конце концов сон пришел и снова принес послание, еще более ужасное, чем первое. В его мозгу кружились образы — пузыри света с отвратительными лицами, цветные шары, которые насмехались над ним и обвиняли его, серебряные копья жарких лучей били в него.

Затем вокруг него закружились метаморфы! Странные, текучие, они махали ему тонкими длинными пальцами, визгливо хохотали и называли его трусом, слабаком, дураком и простаком. Отвратительные масляные голоса нестройно пели детскую песенку:

У старого Короля Снов
Каменное сердце.
Он никогда не спит...

Смех, странная музыка, шепот за порогами слышимости... Пляшущие скелеты, мертвые братья скандара, призрачные, изувеченные, окликали его по имени...

Валентин заставил себя проснуться и несколько часов ходил по тесной повозке.

В следующую ночь пришло третье послание, хуже первых двух.

Что же мне делать? Не ложиться спать? — думал он.

Когда он сидел, бледный и измученный, к нему пришли Делиамбер и иерарх Лоривейд.

— Я слышала о твоих неприятностях, — сказала она. — Разве Леди не показала тебе, как защищаться обручем?

Валентин тупо смотрел на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Одна сила не может напасть на другую, милорд.

Она коснулась обруча на его голове.

— Он отгонит атаку, если ты будешь правильно пользоваться ими.

— А как?

— Когда ты готовишься ко сну, сплети вокруг себя стену силы. Проецируй свою личность, наполни воздух вокруг себя своим духом и никакое послание не заденет тебя.

— Ты научишь меня?

— Постараюсь, милорд.

В усталом и изможденном состоянии он сумел проектировать лишь тень силы, а не полные возможности Короналя, и хотя Лоривейд добрый час тренировала его, четвертое послание все-таки пришло, но оно было много слабее предыдущих, и Валентину удалось избежать его тяжелых эффектов, и он, наконец, погрузился в спокойный сон. Днем он чувствовал себя почти здоровым и много занимался обручем.

В последующие ночи послания приходили, но очень слабые, пробные, пытавшиеся отыскать отверстие в его броне. Валентин отражал их с растущей уверенностью. Он чувствовал напряжение постоянной бдительности, и это утомляло его. Затем было несколько ночей, когда он чувствовал, как щупальца Короля Снов пытались проникнуть в его спавшую душу, но он поддерживал свою защиту и вышел невредимым.

Они ехали вдоль низины Глейга еще пять дней, а на шестой явились разведчики Ирманара.

— Наводнение не такое сильное, как рассказывали, — сообщил Ирманар.

— Прекрасно, — одобрил Валентин. — Значит, будем двигаться к озеру и там берем корабль?

— Между нами и озером находятся вражеские силы, милорд.

— Силы Короналя?

— По-видимому, милорд. Разведчики сообщили только, что они поднялись на гребень Луманцар, чтобы посмотреть

на озеро и окружающую его равнину, и видели там расположение отрядов и значительной силы молиторов.

— Наконец-то война? — радостно закричала Лизамон.

— Нет, — сумрачно сказал Валентин. — До Горного Замка еще тысячи миль. Вряд ли мы можем начать сражение далеко от него на юге. К тому же, я надеюсь вообще избежать войны, или хотя бы отсрочить ее до последней минуты.

— Что будем делать, милорд?

— Пойдем, как шли, на север по долине Глейга, но свернем на северо-запад при любом движении этой армии в нашу сторону. Я имею в виду — обойдем ее, если возможно, и поплывем по реке, а они пусть сидят у озера и ждут, когда мы там появимся.

— Идем кругом?

Ирманар заморгал.

— Если я не ошибаюсь, Барджазед послал их охранять подступы к озеру. Они не пойдут за нами слишком далеко вглубь.

— Но там...

— Да, я знаю.

Валентин положил руку на плечи Ирманара и мягко сказал:

— Прости меня, друг, но я думаю, что мы сможем сделать обход по Велализиру.

— Я боюсь этих развалин, милорд, и не один я.

— Понятно. Но у нас есть могучий колдун и много храбрых людей. Что может пара призраков против Лизамон Холтен, Кона из Кайнимора, Слита, Карабеллы или Залзана Кавола? Позволим скандару немного покричать на этих призраков, и они будут бежать до самого Стойена!

— Милорд, твое слово закон, но я с детства слышал страшные рассказы о Велализере.

— Ты когда-нибудь бывал там?

— Нет, конечно.

— А знаешь кого-нибудь, кто был?

— Нет, милорд.

— Можешь ли ты точно знать об опасностях этого места?

— Нет, милорд.

— Но перед нами армия врагов и орда ужасных военных молиторов, верно? Мы не знаем, что сделают нам призраки, но зато отлично знаем, какие бедствия принесет война. Я считаю, что надо уклониться от битвы и попытать счастья с призраками.

— Я бы предпочел другой путь обхода, — сказал Ирманар.

Он пытался улыбнуться.

— Но я буду рядом с тобой, милорд. Даже если ты прикажешь мне идти пешком через Велализир безлунной ночью. Можешь быть уверен в этом.

— Я уверен, — сказал Валентин. — Мы выйдем невредимыми из Велализира, Ирманар. Можешь быть уверен в этом.

Пока что они продолжали идти в прежнем направлении. По мере их продвижения на север почва постепенно поднималась.

Скоро река лежала уже в ста футах ниже долины, как узкая светлая нитка, окаймленная густыми зарослями кустарника, а над дорогой теперь нависал край длинного гребня.

Ирманар сказал, что это гребень Лунцар, и с его вершины можно видеть местность на очень далекое расстояние.

Валентин, Слит, Делиамбер и Ирманар поднялись по краю гребня. Внизу лежали природные террасы, уровень за уровнем спускаясь от гребня к широкой равнине, центр которой занимало озеро Рогойз.

Озеро казалось огромным, как океан.

Валентин помнил, что оно большое, да и должно было быть большим, потому что Глейг собирал воду со всего юго-западного склона Горного Замка и нес ее в озеро, но таким огромным Валентин его не помнил.

Теперь ему стало понятно, почему городки по берегам озера строились на высоких сваях. Теперь эти города были уже не на берегу, а далеко в воде; нижние этажи домов, хотя дома и стояли на столбах, вероятно, были залиты водой.

— Очень высокая вода, — сказал он Ирманару.

— Да, почти вдвое выше обычного. Но, говорят, бывало и хуже.

— Где твои разведчики видели армию?

Ирманар осмотрел горизонт в подзорную трубу. Валентин подумал, что возможно, они ушли обратно на гору, а может разведчики ошиблись, и армии вообще здесь не было...

— Вон там, милорд, — сказал Ирманар.

Валентин взял трубу. Сначала он увидел только деревья и луга и потоки воды из переполненного озера, но Ирманар направил трубу, и Валентин увидел.

Невооруженному глазу солдаты показались бы скопищем муравьев неподалеку от озера, но это были не муравьи.

Тысяча отрядов стояла там лагерем, может, меньше, но все равно громадная армия, слишком большая для планеты, где было забыто само понятие войны. Она в несколько раз превосходила армию Валентина. Здесь же паслось около сотни молиторов — массивных бронированных животных, искусственно выведенных в древние времена. На Горе молиторов часто использовали как боевое оружие в рыцарских иг-

рах. Они двигались исключительно быстро на толстых коротких ногах и могли причинять большие разрушения, когда высовывали тяжелую голову из-под непробиваемого панциря, кусали, разрывали и давили.

Валентин видел, как они взрывали все поле сильными кривыми ногами, как они неуклюже носились взад и вперед, сталкиваясь и ударяя друг друга головами в тупой ярости.

Десяток этих животных, поставленных на дороге, блокирует ее лучше любой стены.

Слит сказал:

— Мы могли бы напасть неожиданно, послать один отряд навести беспорядок среди молиторов и обойти с другой стороны, пока...

— Нет, — возразил Валентин. — Сражаться было бы ошибкой.

— Если ты думаешь, милорд, — настаивал Слит, — что завоюешь Горный Замок, никого пальцем не тронув, то...

— Я знаю, что кровопролитие будет, — резко прервал его Валентин. — Но я хочу свести его к минимуму. Эти отряды внизу — армия Короналя, помни это, и помни, кто настоящий Корональ. Они не враги. Враг только Доминик Барджазед. Мы будем сражаться только тогда, когда нас вынудят, Слит.

— Значит, сменим дорогу? — хмуро спросил Ирманар.

— Да. Мы пойдем на северо-запад от Велализира, затем обогнем дальнюю сторону озера и пойдем по долине к Пондивейну, если нас там не ждет еще одна армия. У тебя есть карта?

— Только по долине и до половины пути к Велализиру. Дальше там пустыня, милорд, и карты мало что дают.

— Что ж, постараемся обойтись без карт, — сказал Валентин.

Когда караван пошел обратно к перекресткам, которые уводили от озера, Валентин подозвал к повозке разбойника герцога Насимонта.

— Мы направляемся к Велализиру, и, быть может, нам придется идти прямо через него. Тебе знакомы эти места?

— Я был там однажды, милорд, когда был молодым.

— Искал призраков?

— Искал сокровища древних, чтобы украсить свой дом в поместье. Нашел очень мало. Видимо, это место было уже давно и основательно разграблено.

— Значит, ты не боялся рыскать по городу призраков?

Насимонт пожал плечами.

— Я слышал легенды. Но я был молод и не боялся.

— Поговори с Ирманаром. Скажи ему, что ты был в Велализире и остался жив. Ты можешь проводить нас туда?

— Это было сорок лет назад, милорд, но я постараюсь.

Изучая заплатанные, неполные карты, данные Ирманаром, Валентин решил, что единственная дорога, которая не приведет их к опасной близости ожидавшей их армии, пройдет по краю разрушенного города, если не прямо через него. Валентин не жалел об этом. Развалины Велализира, как бы они ни пугали легковерных, были, по всем сведениям, благородного вида.

Кроме того, едва ли Доминик Барджазед поставит там отряды в ожидании Валентина.

Обход может оказаться выгодным, если фальшивый Корональ рассчитывает, что Валентин пойдет по дороге выше Глейга. Если путешествие по пустыне будет не слишком тяжелым, они, может быть, смогут держаться к северу от реки и воспользоваться преимуществом неожиданности, когда в конце концов повернут к Замку на Горе.

Пусть Велализир выпустит духов, если сможет, думал Валентин. — Лучше обедать с призраками, чем идти под гребнем Луманцар в зубы молиторов Барджазеда.

Глава 3

Дорога от озера шла через невероятно сухую территорию. Темная плодородная почва равнины сменилась легким кирпично— красным песком, где лишь в небольшом количестве росли кривые, колючие растения. Дорога постепенно поднималась к невысоким холмам, отделявшим район Рогойза от пустыни Велализирской равнины.

Ирманар послал разведчиков в надежде найти подходящую дорогу по той стороне холмов, которая была обращена к озеру, чтобы не приближаться к развалинам, но дороги там не было. Волей-неволей приходилось идти через холмы и спускаться в район, населенный духами.

Ближе к вечеру они начали спуск. Стали собираться тяжелые тучи, и закат протянулся по западной части неба, как громадное кровавое пятно. Перед наступлением темноты тройной луч темно-красного света прорезал тучи и осветил странным сиянием развалины Велализира.

Громадные блоки голубого камня устилали землю. Мощная стена монолитов в два, а в некоторых местах и в три ряда кладки шла больше чем на милю с западного края города, резко заканчиваясь грудой каменных кубов. Еще видны были контуры широко разбросанных зданий — целый форум дворцов, базилик и храмов, наполовину занесенных песком. На востоке поднимались шесть колоссальных островерхих, с узким основанием, поставленных в один ряд, ба-

шен и останки седьмой, которая, видимо, была разрушена с яростной энергией, потому что обломки лежали вокруг широкой дугой. Впереди, где горная дорога входила в город, были две широкие каменные платформы высотой восемь или десять футов и достаточно широкие для маневров солидной армии. Вдали Валентин увидел громадное овальное здание, возможно, арену, с высокими стенами, со множеством окон и грубым рваным проломом в одном конце. Масштабы всего, в том числе и пространства, поражали. По сравнению с этим местом безымянные руины с другой стороны Лабиринта, где обитал герцог Насимонт, казались самыми тривиальными.

Дневной свет исчез, разрушенный город стал более бесформенным и в темноте казался хаотическим нагромождением.

Насимонт сказал:

— Милорд, дорога идет между теми двумя платформами через группу строений позади них и вокруг шести пирамид с северо-восточной стороны. В темноте идти трудно, даже при лунном свете.

— Мы и не пойдем в темноте. Мы разобьем лагерь и будем ждать утра. Вечером я хочу посмотреть развалины, раз уж мы здесь.

Ирманар приглушенно кашлянул. Валентин посмотрел на маленького офицера, на его унылое лицо.

— Успокойся, — шепнул он. — Я думаю, духи позволят нам побыть здесь сегодня.

— Милорд, для меня это дело не предмет шуток.

— А я не шучу, Ирманар.

— Ты хочешь идти к развалинам один?

— Один? Нет, не думаю. Делиамбер, пойдешь со мной? Слит? Карабелла? Залзан Кавол? И ты, Насимонт, ты уже бывал здесь и не так боишься, как кто-либо из нас, пойдешь?

Главарь разбойников улыбнулся.

— Я в твоем распоряжении, Лорд Валентин.

— Хорошо. А ты, Лизамон?

— Конечно, милорд.

— Вот у нас группа из семи исследователей. После ужина пойдем.

— Восемь исследователей, милорд, — спокойно сказал Ирманар.

— Зачем...

— Милорд, я дал клятву быть рядом с тобой, пока Замок не станет твоим. Если ты идешь в мертвый город, я иду с тобой. Если опасность нереальна — бояться нечего, а если реальна - мое место рядом с тобой. Прошу тебя, милорд.

Ирманар, похоже, был абсолютно искренен. Лицо его было напряженным, но, как подумал Валентин, больше от опасений, что его не возьмут, чем от страха перед тем, что может скрываться в развалинах.

— Прекрасно, — согласился Валентин. — Отряд из восьми человек.

В этот вечер луна была почти полной, и в ее холодном свете город безжалостно демонстрировал воздействие тысячелетней заброшенности, которое не так бросалось в глаза при более мягком и фантастическом красном свете заката. У входа была полустертая табличка с почти неразборчивой надписью, что Велализир — королевский исторический заповедник, основанный указом Лорда Симинейва Короналя и Понтифакса Калинтейна.

Но они правили пять тысяч лет назад, и после них, как видно, указа не слишком придерживались. Камни двух громадных платформ растрескались, стали шероховатыми, в трещинах между плитами рос мелкий сорняк с клейкими стеблями. Он с неистощимым терпением раздвигал громадные блоки. В некоторых местах расстояние между блоками позволяло укорениться даже кустарнику. Еще одно-два столетия — и целый лес кустарника захватит платформы, и громадные квадратные плиты полностью скроются из вида.

— Все это следует расчистить, — сказал Валентин, — и восстановить руины, как они были до появления этой растительности. Как могли допустить такое пренебрежение?

— Об этом месте никто не заботится, — сказал Ирманар, — никто и пальцем не коснется.

— Из-за духов?

— Из-за метаморфов, — сказал Насимонт. — Эти развалины вдвойне прокляты.

— Почему?

— Разве ты не знаешь легенды, милорд?

— Нет. Расскажи.

— Когда Маджипуром правили метаморфы, Велализир был их столицей. Двадцать или двадцать пять тысяч лет назад это был самый крупный город на планете. В нем было два или три миллиона жителей и племена со всего Алханрола платили ему дань. На этих платформах устраивались фестивали, а каждую тысячу лет бывал особый фестиваль, который отмечался постройкой пирамиды, так что городу было по крайней мере, семь тысяч лет. Но в нем царило зло. Я не знаю, что именно метаморфы считали злом, но во всяком случае, оно здесь процветало. Это был главный город всякой мерзости. Жители провинции испытывали к нему отвращение, потом стали возмущаться и в один прекрасный

день выступили против города, сравняли с землей храмы и большую часть городских стен, уничтожили места, где творилось зло, а жителей города частью выслали и обратили в рабство. Мы знаем, что резни не было, потому что тут было полно зарытых сокровищ — я сам искал их, как тебе известно, — и если бы здесь оставались миллионы закопанных скелетов, они были бы обнаружены. Так что этот город был разрушен и покинут задолго до появления на Маджипуре людей, и на нем лежит проклятие. Реки, питавшие город, были отведены, и вся равнина стала пустыней. Пятнадцать тысяч лет никто не жил здесь, кроме призраков тех, кто умер при разрушении.

— Рассказывай дальше, — сказал Ирманар.

Насимонт пожал плечами.

— Больше я ничего не знаю, друг.

— О призраках, — сказал Ирманар. Знаете ли вы, сколько времени им суждено бродить здесь? До тех пор, пока метаморфы снова станут править Маджипуром, а мы сделаемся их рабами. Тогда Велализир снова выстроят на старом месте, и он будет больше, чем прежде, и снова станет столицей Изменяющих Форму, и души мертвых наконец будут освобождены от камней, которые держат их здесь.

— Ну, им еще долго предстоит цепляться за камни, — сказал Слит. — Нас двадцать миллиардов, а метаморфов — горсточка, да и та живет в джунглях. Какая это угроза?

— Они уже ждут восемь тысяч лет, — сказал Ирманар, — с тех пор как Лорд Стиамот сломил их сопротивление, и будут ждать еще столько же, если понадобится. Но они мечтают о возрожденном Велализире и не откажутся от своей мечты. Я иногда слышал во сне, как они рассуждают о том, когда башни Велализира поднимутся вновь, и это пугало меня. Вот почему я не хотел идти сюда. Я чувствую, как они следят за этим местом, чувствую вокруг нас их ненависть. Это как бы в воздухе, невидимое, но реальное...

— Значит, этот город для них одновременно проклят и свят, — сказала Карабелла. — Нам трудно понять, как работают их мозги.

Валентин сошел с тропы. Город пугал и восхищал его. Он пытался представить себе, каким был этот город, его величие и пышность. А что теперь? По камням прыгают ящерицы, сорная трава раздвигает плиты огромных церемониальных бульваров.

Двадцать тысяч лет! А на что была похожа Ни-Мойя двадцать тысяч лет назад, или Пидруд, или пятьдесят городов на склонах Горного Замка? Будет ли цивилизация, построившая их, длиться вечно, как говорят, длится цивилизация старой

матери-Земли, или когда-нибудь по развалинам Замка, Лабиринта, Острова Снов будут ходить толпы людей и гадать, какое значение имели эти руины для древних? Мы поработали достаточно хорошо, — думал Валентин, оглядываясь на тысячелетия мира и стабильности. — Но сейчас прорываются диссонансы, запланированный порядок вещей порушен, нельзя предсказать, что может случиться. Метаморфы, разбитые и изгнанные, чье несчастье заключалось в том, что они владели этой планетой, а ее захотел иметь другой, более сильный народ, эти метаморфы могут смеяться последними.

Он вдруг остановился. Что там за звук — шаги? И тень мелькнула на камнях.

Валентин пристально смотрел в темноту. Он подумал, что это ночное животное ищет пищу. Ведь у призраков нет тени, да и призраков здесь нет. Их вообще нет. Но все же...

Он осторожно сделал несколько шагов.

Слишком темно, слишком много упавших стен.

Он смеялся над Ирманором, но страхи офицера каким-то образом подействовали и на его воображение. Он думал о суровых таинственных метаморфах, скользящих между упавших зданий — привидениях, почти таких же старых, как само время, форма без тел, образов, без субстанции...

Затем раздались явственные шаги позади.

Валентин быстро обернулся. За ним бежал Ирманар, только и всего.

— Подожди, милорд!

Валентин остановился. Пальцы его, как ни странно, дрожали. Он заложил руки за спину.

— Ты не должен ходить один, — сказал Ирманар. — Я знаю, ты легко относишься к воображаемым мною опасностям, однако они все-таки могут существовать. Ради всех нас ты обязан заботиться о своей безопасности, милорд.

Подошли остальные, и все вместе молча шли через освещенные луной развалины. Валентин ничего не сказал о том, что видел и слышал. Конечно, это было какое-то животное. И очень скоро животные появились: вроде маленьких обезьянок, может, родственники лесных братьев.

Они, видимо, жили в упавших строениях.

Тут же в тени быстро мелькали ночные млекопитающие низшего вида — минтаны или дроли. Но, — думал Валентин, — разве могли обезьяны или дроли производить звуки, похожие на шаги?

Когда они шли мимо обломков базилики, Слит, шедший чуть дальше, вдруг рванулся обратно и сказал Валентину:

— Я слышал что-то странное вон там, сбоку.

— Привидение, Слит?

— Может быть. Или просто бандит.

— Или обезьянка, — легкомысленно сказал Валентин. — Я слышал всякие шорохи.

— Милорд...

— Ты заразился страхами Ирманара?

— Я думаю, мы ходим тут достаточно долго, милорд, — тихо сказал Слит.

Валентин покачал головой.

— Будем внимательно следить за темными углами. Здесь есть что посмотреть.

— Может, нам вернуться обратно, милорд?

— Не бойся, Слит.

Жонглер пожал плечами и отошел. Валентин вглядывался в темноту. Он ни в коей мере не недооценивал остроту слуха Слита, который жонглировал с завязанными глазами, руководствуясь только звуком, но уйти из этого места чудес только из-за того, что они слышали странные шаги — нет, не стоит торопиться.

Однако он шел осторожно. Пусть призраков и не существует, но в этом странном городе глупо действовать необдуманно.

Когда они рассматривали наиболее богато украшенное здание в центральном районе дворцов, Залзан Кавол, шедший впереди, вдруг резко остановился: у самых его ног упал откуда-то сверху камень.

Скандар выругался.

— Эти вонючие обезьяны..

— Нет, я думаю, это не обезьяны, — спокойно сказал Делиамбер. — Это был кто-то более крупный.

Ирманар осветил фонариком нависавший край соседнего строения. На мгновение стал виден силуэт вроде бы человека, но затем исчез. Лизамон бросилась к дальней стороне здания, за ней последовал Залзан Кавол, размахивая энергометом. Слит и Карабелла побежали с другой стороны. Валентин хотел было пойти за ними, но Ирманар схватил его за локоть и держал с поразительной силой, говоря извиняющимся тоном:

— Я не могу позволить тебе идти на риск, милорд, если мы не знаем?

— Стой! — послышался вдали бухающий голос Лизамон.

Затем послышались звуки какой-то возни, кто-то протопал по камням отнюдь не призрачным шагом. Валентину очень хотелось знать, что происходит, но Ирманар был прав: Коронолю Маджипура не положено бежать за неизвестным врагом в темноте незнакомого места.

Он услышал ругань, и визгливый крик боли. Почти тут же появилась Лизамон, таща человека с эмблемой горящей звезды Короналя на плече. Она обхватила его вокруг тела, и ноги его болтались дюймах в шести от земли.

— Шпион, — сказала она, — он прятался наверху и следил за нами. По-моему, их было двое.

— Где второй? — спросил Валентин.

— Удрал. Залзан Кавол, полезай за ним.

Лизамон бросила своего пленника на землю перед Валентином и прижала его ногой.

— Пусть встанет, — сказал Валентин.

Человек встал. Он выглядел испуганным. Ирманар и Насимонт быстро обыскали его. Оружия не было.

— Кто ты? — спросил Валентин. — Что ты здесь делал?

Ответа не было.

— Говори. Мы не сделаем тебе зла. У тебя на плече горящая звезда. Ты из армии Короналя?

Неизвестный кивнул.

— Ты послан следить за нами?

Незнакомец опять кивнул.

— Ты знаешь, кто я?

Человек молча уставился на Валентина.

— Ты умеешь говорить? У тебя есть голос? Скажи что-нибудь, все равно, что.

— Я... если я...

— Прекрасно. Говорить ты умеешь. Ну, ты знаешь, кто я?

Пленник ответил шепотом:

— Сказали, что ты хочешь украсть трон у Короналя.

— Нет, — сказал Валентин, — ты ошибаешься, парень. Вор тот, кто сидит сейчас в Замке. Я — Лорд Валентин, и требую от тебя преданности.

Человек смотрел на него растерянно, непонимающе.

— Сколько вас тут?

— Пожалуйста, господин...

— Сколько?

Наступило угрюмое молчание.

— Дай, я ему немного покручу руку, — предложила Лизамон.

— В этом нет необходимости, — сказал Валентин.

Он подошел ближе к струсившему человеку и мягко заговорил:

— Ты ничего этого не понимаешь, но со временем тебе все станет ясно. Я истинный Корональ, ты клялся служить мне, и теперь я требую ответа. Сколько вас здесь было?

На лице пленника отражались противоречивые чувства. Он медленно и неохотно ответил:

— Только двое, господин.
— Могу я верить этому?
— Клянусь Леди, господин!
— Двое? Ладно. Давно вы следите за нами?
— От Луманцара.
— С каким приказом?
Опять последовало колебание.
— Наблюдать за вашими передвижениями и утром сообщать в лагерь.
Ирманар нахмурился.
— Это значит, что второй тип уже на полпути к озеру.
— Ты думаешь? — сказал хриплый голос Залзана Кавола.
Скандар шагнул к ним и бросил перед Валентином тело второго человека со звездной эмблемой. Энергомет Залзана Кавола прожег в нем сквозную дыру.
— Я бежал за ним с полмили, милорд. Проворный, дьявол! Он легче меня: прыгал через кучи камней и начал отрываться. Я приказал ему остановиться, но он продолжал бежать. И пришлось...
— Закопай его где-нибудь, — отрывисто приказал Валентин.
— Милорд, я плохо сделал, что убил его?
— У тебя не было выбора, — сказал Валентин уже более мягким тоном. — Я хотел, чтобы ты поймал его, но ты не мог, так что выбора не было. Все в порядке, Залзан.
Валентин отвернулся. Убийство потрясло его, но ничего иного он не мог бы требовать. Этот человек умер только потому, что был предан Короналю — или тому, кого он считал Короналем.
Гражданская война получила свою первую жертву. Кровопролитие началось здесь, в городе мертвых.

Глава 4

Теперь уже никто не думал продолжать осмотр. Все вернулись в лагерь, взяв с собой пленника. Утром Валентин отдал приказ идти через Велализир и начать поворот на северо-восток.
Днем развалины не казались такими магическими, но все равно впечатляли. Трудно было понять, каким образом хилый и не пользовавшийся механикой народ мог сдвинуть эти гигантские плиты, но, возможно, тысячу лет назад метаморфы не отвергали механизмы.
Изменяющие Форму нынешние жители лесов Пьюрифайна, тростниковых хижин и грязных улиц были жалкими остатками расы, некогда правившей Маджипуром.

Валентин обещал вернуться сюда, когда его дело с Домиником Барджазедом будет закончено и детально обследовать древнюю столицу, очистить и реконструировать ее. Если удастся, он пригласит метаморфских вождей принять участие в этой работе, хотя сильно сомневался, что они пожелают сотрудничать. Но что-то нужно было сделать для общения двух планет.

— Если я снова буду Короналем, — сказал он Карабелле, — я намерен...

Они миновали пирамиды и выезжали из Велализира.

— Когда ты снова будешь Короналем, — поправила его Карабелла.

— Валентин улыбнулся.

— Да, когда я снова буду Короналем, я намерен изучить всю проблему метаморфов, и ввести их снова в плавный поток жизни Маджипура, если это возможно, даже дать им место в правительстве.

— Если они захотят.

— Я имею в виду — победить эту злобу. Я посвящу этому мое правление.

Все наше общество, наше удивительное и гармоничное королевство было основано на кражах и несправедливости, и мы унаследовали привычку не замечать этого.

Слит искоса посмотрел на него.

— Изменяющие Форму не использовали планету полностью. Их было двадцать миллионов на все это огромное пространство, когда наши предки пришли сюда.

— Но эта планета принадлежала метаморфам! — вскричала Карабелла. — По какому праву...

— Полегче, — сказал Валентин. — Не стоит спорить о нуждах первых поселенцев. Что сделано, то сделано, прошлого не вернешь, но в нашей власти изменить сегодняшнее положение.

Делиамбер сказал тихо, но так, что привлек внимание слушателей.

— Возможно, все теперешние затруднения в королевстве являются началом возмездия за подавление метаморфов.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Валентин.

Он был удивлен.

— Только то, что мы прошли долгий путь по Маджипуру, ничего не заплатив за первородный грех завоевателей. Как тебе известно, счет накачивает проценты. Теперь эта узурпация, зло, творящееся новым Короналем, стоящая перед нами война, смерть разрушение, хаос... Может быть, прошлое начинает наконец сводить с нами счеты.

— Валентин не имеет отношения к подавлению метаморфов, — возразила Карабелла. — Почему он должен страдать один? Почему именно его сбросили с трона, а не какого-то своевольного Короналя прошлого?

Делиамбер пожал плечами.

— Такие дела никогда не отличаются справедливостью. Почему ты думаешь, что наказан бывает только виновный?

— Божество...

— А почему ты считаешь Божество справедливым? За долгое время все ошибки выправляются, каждый минус уравнивается плюсом, колонки подсчитываются, итог оказывается правильным. Но все это за долгий промежуток времени. Мы живем короткое время, и тут многое часто бывает несправедливым. Компенсирующие силы вселенной приводят в порядок все счета, но в этом процессе разламывают как добро, так и зло.

— Более того, — сказал вдруг Валентин, — может быть, я выбран орудием этих компенсирующих сил, и мне необходимо было страдать, чтобы стать эффективным.

— В каком смысле?

— Если бы со мной ничего не случилось, я, вероятно, правил бы из Замка на Горе, как все прочие до меня, довольный собой, принимающий вещи, какими они есть, поскольку не видел бы в них ничего плохого. Но все эти приключения дали мне возможность посмотреть на мир, который я никогда бы не знал, оставаясь укрытым в Замке. Может быть, теперь я готов по-другому сыграть предназначенную мне роль...

Он помолчал.

— Все эти разговоры ни к чему. Первое, что нам надо сделать, это взять обратно Замок, а потом говорить о природе компенсирующих сил Вселенной и о тактике Божества.

Он оглянулся на разрушенный Велализир, проклятый город древних, хаотический, но великолепный на этой заброшенной пустынной равнине, затем отвернулся и молча стал смотреть на менявшийся пейзаж впереди.

Теперь дорога резко повернула к северо-западу, вверх по гряде холмов и спускалась в плодородную равнину Глейга у самого северного конца озера Рогойз.

Сейчас они находились в сотнях миль от лагеря армии Короналя.

Ирманар, встревоженный присутствием в Велализире двух шпионов, послал разведчиков проверить, не двинулась ли армия на север наперерез им. Валентин счел это разумным, но решил произвести и собственную разведку.

— Сделай так, чтобы я знал, где ожидает нас вражеская армия, — сказал он Делиамберу. Можешь?

Яркие золотые глаза вруона весело блеснули.

— Могу ли? Упряжное животное может есть траву? Морской дракон может плавать?

— Тогда сделай.

Делиамбер отошел, зашептал что-то и замахал щупальцами, свивая и переплетая их самыми замысловатыми узорами. Валентин подозревал, что большая часть колдовства Делиамбера была рассчитана на зрителей, что настоящая передача не зависит от размахивания щупальцами и произношения формул, а только бросок проницательного и сенситивного разума колдуна. Но так оно и должно быть. Пусть себе вруон делает маленький спектакль. Определенное количество работы напоказ было главной смазкой цивилизованной деятельности не только у колдунов и жонглеров, но и у Короналя, Понтифакса, Леди, Короля Снов, толкователь-ниц снов, учителей священных таинств, может быть, даже у таможенников провинциальных границ и продавцов сосисок на улице. Занимаясь делом, нельзя быть чрезмерно прямым и резким, надо прикрывать его магией, театральностью.

Делиамбер сказал:

— Отряды Короналя, похоже, остались там, где стояли лагерем.

— Вот и хорошо. Пусть торчат там подольше, ожидая, когда мы вернемся с нашей экскурсии по Велализиру. Ты можешь отметить другие армии к северу отсюда?

— На большом расстоянии не могу. Я чувствую присутствие рыцарских сил, собравшихся на Горном Замке, но они всегда там. Я определяю небольшие отряды там и тут в Пятидесяти Городах, но тоже ничего особенного. У Короналя времени хватает. Он сидит себе в Замке и ждет, когда ты подойдешь, а затем объявит великую мобилизацию. Что ты будешь делать, Валентин, когда миллионы воинов спустятся к тебе с Замка на Горе?

— Ты думаешь, я не задумывался над этим?

— Я знаю, что ты думал, но мало. Следует крепко подумать — наши сотни против их миллионов.

— Миллион — неудачная мера для армии, — сказал Валентин.

Он засмеялся.

— Жонглировать дубинками много легче, чем стволами двух деревьев. Тебя пугает то, что ждет нас впереди, Делиамбер?

— Нисколько.

— И меня тоже.

Конечно, это была бравада. Валентин сам понимал это. Боялся ли он? В полном смысле этого слова — нет. Смерть все равно придет рано или поздно, бояться ее глупо.

Валентин знал, что не очень боится смерти, потому что он стоял перед ней в лесу у Авандрейна, в быстринах Стейча, в брюхе морского дракона, в драке с Фарселом на Острове, и не испытывал того, что можно назвать страхом.

Если армия, ждущая его на Горе Замка, разобьет его малые силы и зарубит его самого — это, конечно, печально, как печально было бы разбиться на куски на порогах Стейча, но не эта перспектива не ужасала его.

Страх за собственную жизнь был куда менее значителен, чем страх за судьбу Маджипура. Если он, Валентин, погибнет — от неуверенности, глупости или просто неравенства сил, Замок останется в руках Барджазедов, и ход истории навеки изменится, пострадают миллиарды невинных. Предупредить это — великая ответственность, и Валентин чувствовал ее тяжесть. Если он героически погибнет, пытаясь подняться на Гору Замка, его испытаниям придет конец, но это станет началом агонии Маджипура.

Глава 5

Теперь они ехали через мирные сельские округа, по периметру громадного сельскохозяйственного пояса вдоль Горного Замка, снабжавшего продуктами Пятьдесят Городов. Валентин все время выбирал главные дороги. Время секретности прошло, караван бросался в глаза, скрыть его едва ли было возможно, да и наступило время, когда мир должен был узнать, что борьба за обладание Замком Лорда Валентина вот-вот начнется.

Мир уже начал узнавать об этом. Разведчики Ирманара, вернувшиеся из похода Пендивейта, что выше по Глейгу, принесли известия о первых контрмерах узурпатора.

— Между нами и Пендивейном нет армий, — доложил Ирманар, — но в городе объявлено, что ты мятежник, разрушитель, враг общества. Заявления Понтифакса в твою пользу, кажется, еще не объявлены. Горожан Пендивейна понуждают объединяться в отряды, чтобы защищать подлинного Короналя и истинный порядок вещей от твоих посягательств. И широко распространились послания.

— Какие?

Валентин нахмурился.

— От Короля Снов. Ты, видимо, не очень поддаешься ему по ночам, но Король присутствует в твоих снах и сулит тебе страшные последствия, если Корональ будет свергнут.

— Естественно, — пробормотал Валентин. — Король Снов работает для сына своей чудовищной энергией. Там, в Суврейле, наверное, день и ночь шлют послания, но мы повернем это против него, а, Делиамбер? Король Снов говорит народу о том, как ужасно скинуть Короналя. Прекрасно. Я хочу убедить народ именно в этом. Я хочу довести до него, что эта ужасная весть уже произошла на Маджипуре и что народ должен исправить это.

— И что Король Снов является заинтересованной стороной в этой войне, — сказал Делиамбер. — Мы должны сказать народу, что Король выигрывает от действий своего сына.

— Мы это сделаем, — горячо сказала Лоривейд. — С Острова идут сильные послания Леди. Они противодействуют ядовитым снам Короля. В прошлую ночь Леди пришла ко мне во сне и сказала, какое послание она пошлет. Это видение наркотизации в Тил-омоне, подмена Короналя. Она покажет народу твое новое лицо, Лорд Валентин, и окружит его сиянием Короналя, горящей звездой власти. И будет портрет фальшивого Короналя, как предателя, подлого и темного духом.

— Когда это произойдет? — спросил Валентин.

— Она ждет твоего одобрения.

— Тогда открой сегодня свой мозг Леди и скажи ей, что послания надо начинать.

Кон из Кайтимора сказал:

— Мне так странно все это! Война снов! Если бы я когда-нибудь усомнился в том, что я в чужом мире, эта стратегия убедила бы меня.

Валентин с улыбкой ответил:

— Лучше сражаться снами, чем мечами и энергометами, дружище. Мы стараемся победить убеждениями, а не убийством.

— Война снов, — растерянно повторил Кон. — У нас на Кайтиморе все по-другому. Но кто скажет, что лучше? Правда, я думаю, что здесь будут не только послания, но и сражения, прежде чем все будет как надо, Лорд Валентин.

Валентин печально посмотрел на синекожего.

— Боюсь, что ты прав.

Через пять дней они подошли к предместьям Пендивейна, известие об их приближении разнеслось по всей округе. Фермеры прекратили работу и таращили глаза на караван плавучих экипажей, а в наиболее населенных секторах на шоссе стояли толпы.

Валентин думал, что это хорошо.

Ни одна рука не поднялась против них.

Толпа смотрела с любопытством, но не угрожающе. Большего он не мог желать.

Но когда они были в дне пути от Пендивейна, передовой отряд вернулся с известием, что у западных ворот города идет вооруженный отряд.

— Солдаты? — спросил Валентин.

— Гражданское ополчение, — сказал Ирманар, — наскоро организованное, судя по виду. У них нет униформы, только повязки с эмблемой горящей звезды на рукавах.

— Великолепно. Горящая звезда посвящена мне. Я пойду к ним и попрошу их лояльности.

— Что ты наденешь, милорд? — спросил Виноркис.

Валентин растерянно указал на простую одежду, в которой приехал с Острова — белую тунику и блузу.

Хорт покачал головой.

— Ты должен быть одет богато и в короне. Я думаю, что это очень важно.

— Я не думал появляться слишком подчеркнуто. Если они увидят человека в короне, но не с лицом Лорда Валентина, которое они знают, их первой мыслью будет, что я узурпатор.

— Я думаю иначе, — возразил Виноркис. — Ты идешь к ним и говоришь, что ты истинный король. Но ты не похож на короля. Простая одежда и легкие манеры могут завоевать тебе друзей в спокойной беседе, но не перед собравшейся военной силой. Ты должен быть одет более впечатляюще.

— А я как раз надеялся на простоту и искренность, как действовал всегда, начиная с Пидрудa.

— Простота и искренность — это пожалуйста, но еще и корона, — сказал Виноркис.

— Карабелла, Делиамбер, что вы скажете?

— Небольшая подчеркнутость не повредит, — сказал врун.

— Это будет твое первое выступление с требованиями Замка, — сказала Карабелла, — и немного царственной пышности тебе не повредит.

Валентин засмеялся.

— Боюсь, что за время странствий я отвык от таких костюмов. Мысль о короне мне теперь кажется смешной. Вещь из изогнутого металла, напяленная на голову, немного драгоценностей...

Он остановился, видя, как они разинули рты.

— Корона, — продолжал он менее легкомысленным тоном, — только внешняя вещь, безделушка, украшение. На детей такие игрушки производят впечатление, но взрослые люди...

Он снова умолк.

— Милорд, — сказал Делиамбер, — помнишь ли ты, что почувствовал, когда в Замке тебе впервые надели корону?

— Признаюсь, у меня дрожь прошла по телу.

— Да. Пусть корона — детское украшение, глупая безделушка, но она также — символ власти, она выделяет Короналя из прочих, превращает просто Валентина в Лорда Валентина, наследника Лорда Престимиона, Лорда Конфалума, Лорда Стиамота. Мы живем этими символами. Милорд, твоя мать Леди многое вернула тебе, но в тебе еще очень много от Валентина-жонглера, и вообще это неплохо. Но сейчас, я полагаю, требуется больше экспрессивности и меньше простоты.

Валентин молча слушал Делиамбера и думал, что иногда нужно позволить себе некоторую театральность, чтобы добиться желаемого эффекта. Да, они правы, а он ошибался.

— Хорошо. Я надену корону, если ее можно изготовить своевременно.

Один из людей Ирманара быстро сделал для него корону из кусочков испорченного механизма плавучей повозки — единственного запасного металла, который был под рукой. Рассматривая эту поспешную импровизацию, Валентин подумал, что это работа мастера: места соединений не были грубыми, лучи горящей звезды были расположены на равном расстоянии друг от друга, внутренние орбиты были гладко закольцованы. Конечно, ее нельзя было сравнить с подлинной короной из семи различных драгоценных металлов с инкрустацией, с отшлифованными редкими камнями, с тремя сверкавшими камнями диниаба на лобной части. Но та корона, сделанная во время великого царствования Лорда Конфалума, вызывавшая восторг больше всех других атрибутов в императорской пышности, была сейчас далеко, а эта, заняв свое место на его голове, вероятно, магически окутается соответствующим величием. Валентин долго держал ее в руках. Он только вчера смеялся над такими вещами, однако сегодня он чувствовал перед этой короной некоторое благоговение.

— Милорд, — мягко сказал Делиамбер, — ополчение Пендивейна ждет.

Валентин кивнул, Он оделся во взятый взаймы пышный наряд: зеленую пару, принадлежавшую одному из товарищей Ирманара, желтый плащ, данный ему Эйзенхартом, тяжелую золотую цепь иерарха Лоривейд, высокие блестящие сапоги, отделанные белым мехом, позаимствованные у Насимонта.

Он не носил такой одежды с того злосчастного банкета в Тил-омоне, когда был в другом теле, и ему казалось странным быть одетым столь претенциозно. Не хватало только короны.

Он хотел было надеть ее, но резко остановился. Нравилось ему это или нет, но это был исторический момент: он надевает горящую звезду впервые в этом своем втором воплощении. И вдруг это событие показалось ему не столько маскарадом, сколько коронацией. Он беспокойно оглянулся вокруг.

— Я не должен сам надевать ее, — резко сказал он. — Делиамбер, ты мой первый министр. Сделай это.

— Милорд, я недостаточно высокого роста.

— Я встану на колени.

— Это не годится, — сказал вруон резко.

Валентин взглянул на Карабеллу, но она отступила, шепча с ужасом:

— Я же из простонародья, милорд!

— Причем тут...

Валентин тряхнул головой. Это начало ему надоедать. Он посмотрел на иерарха Лоривейд, величавую женщину с холодными глазами.

— Ты представительница Леди, моей матери, и ты высокого роста. Могу я просить тебя...

Но Лоривейд строго ответила:

— Милорд, корона дается Короналю властью Понтифакса. Самое подходящее, чтобы ее надел на тебя Ирманар, поскольку он самый высокий служащий Понтифакса среди нас.

Валентин вздохнул и повернулся с Ирманару.

— Полагаю, что это правильно. Ты сделаешь это?

— Это великая честь для меня, милорд.

Валентин протянул корону Ирманару и опустил обруч Леди как можно ниже. Ирманар, человек невысокого роста, взял корону обеими чуть дрожавшими руками, вытянул вверх и с величайшей осторожностью надел ее на голову Валентина.

Корона была как раз впору.

— Ну, — сказал Валентин — я...

— Лорд Валентин! Виват, Лорд Валентин!

Все упали перед ним на колени, делали знак горящей звезды и выкрикивали его имя, даже инопланетянин Кон.

Смущенный этим Валентин делал протестующие жесты, хотел сказать, что это не настоящая церемония, что это все только для того, чтобы произвести впечатление на горожан Пендивейна, но слова не шли, потому что он знал, что они

неискренние, что это импровизированное действие было фактически его второй коронацией. Он чувствовал холод в спине, дрожь и удивление.

Он стоял, простирая руки и принимая знаки почтения. Затем он сказал:

— Встаньте. Пошли. Пендивейн ждет нас.

Разведчики доложили, что ополчение и городские власти уже несколько дней стоят лагерем перед западными воротами Пендивейна, ожидая его прибытия. Но кто знает, каково настроение народа после столь долгого ожидания, и какой прием собираются оказать Валентину.

До Пендивейна оставался всего час езды. Они быстро ехали через леса и широкие луга, а затем через жилые округа с маленькими каменными домами с островерхими крышами из красной черепицы с населением в двенадцать миллионов. В основном город был торгово-промышленным складом, но через него шла в Пятьдесят Городов сельскохозяйственная продукция низин долины Глейга.

У ворот ждали по крайней мере десять тысяч ополченцев. Они заполнили дорогу, рассыпались по проулкам рыночной площади, приютившейся у внешней стены Пендивейна.

Они были вооружены энергометами, правда, в небольшом количестве, и более простым оружием. Передний край стоял напряженно, стараясь держаться по-солдатски, что для них было явно непривычным.

Валентин приказал каравану остановиться в нескольких сотнях ярдов от передней линии, чтобы между ополчением и ими было свободное пространство вроде буферной зоны.

Он вышел вперед. Справа от него шла иерарх Лоривейд в сверкавшем облачении высших служащих Леди, а слева — Ирманар с яркой эмблемой Понтифекса на груди. За Валентином шли Залзан Кавол и его устрашающие братья, позади них — Лизамон Холтен в полной боевой форме со Слитом и Карабеллой по бокам. Делиамбер сидел на плече великанши.

Медленно, легко, безошибочно величественным шагом Валентин вошел в открытое пространство. Горожане Пендивейна зашевелились, переминались с ноги на ногу, потирая грудь ладонями. Настала страшная тишина.

Валентин остановился в двадцати ярдах от передовой линии и сказал:

— Добрый народ Пендивейна, я законный Корональ Маджипура и прошу вашей помощи в возвращении мне того, что было даровано волею Божества и указом Понтифакса Тивераса.

Тысячи широко раскрытых глаз неотрывно смотрели на него. Он чувствовал себя совершенно спокойно.

— Я прошу выйти вперед герцога Хельмсторга и Редварда Хелигорна, мэра Пендивейна.

В толпе произошло движение, затем она расступилась, и вышел полный мужчина в синем с оранжевой отделкой мундире. Лицо его казалось серым — от страха или от напряжения. Черная перевязь мэра пересекала его широкую грудь. Он сделал несколько неуверенных шагов к Валентину, яростно сигналя за спиной, чтобы этого жеста не видели стоящие перед ним. Через минуту — пять или шесть муниципальных чиновников смущенно и неохотно встали позади мэра.

Толстяк сказал:

— Я Редвард Хелигорн. Герцога Хельмсторга вызвали в Замок Лорда Валентина.

— Мы уже встречались, мэр Хелигорн, — приветливо сказал Валентин. — Не помнишь? Это было несколько лет назад, когда Короналем был мой брат Лорд Вориакс, а я ехал в Лабиринте с поручением к Понтифаксу. Я остановился в Пендивейне и ты дал мне банкет в большом дворце на берегу реки. Помнишь, мэр Хелигорн? Было лето, засушливый год, река сильно обмелела, не то что нынче.

Хелигорн облизал губы и хрипло сказал:

— Да, тот, кто стал Лордом Валентином, был здесь в сухой год, но он был черноволосым и бородатым.

— Правильно. Мы имеем дело с колдовством страшной природы, мэр Хелигорн. Теперь в Горном Замке сидит предатель, а я был изменен и выкинут. Но я Лорд Валентин и властью горящей звезды, которую ты носишь на рукаве, требую, что ты принял меня как Короналя.

Хелигорн совсем растерялся. Ему явно хотелось бы находиться сейчас в любом другом месте, хоть в коридорах Лабиринта или в жарких пустынях Суврейла.

Валентин продолжал:

— Рядом со мной иерарх Лоривейд с Острова Снов, ближайшая наперсница моей матери, твоей Леди. Как ты думаешь, станет она обманывать тебя?

Иерарх сказала ледяным тоном:

— Это истинный Корональ, и Леди проявит высшую любовь к тем, кто поддержит его.

— А вот Ирманар, высший слуга Понтификса Тивераса, — сказал Валентин.

— Вы все слышали, — сказал Ирманар, — указ Понтифакса, что этого белокурого человека следует приветствовать как Лорда Валентина Короналя. Кто из вас выступит против указа Понтифакса?

Лицо Хелигорна выражало ужас. Вероятно, Валентину еще труднее было бы иметь дело с герцогом Хельмсторгом, поскольку тот был высокого происхождения и весьма надменным, и его вряд ли мог легко смутить человек в самодельной короне и с небольшим отрядом странно подобранных спутников, но Редварду Хелигорну, простому выбранному чиновнику, было гораздо труднее разобраться во всем этом. Он сказал невнятно:

— Был приказ из Замка Лорда Валентина, чтобы тебя схватить, связать и представить на суд.

— В последнее время из Замка Лорда Валентина было немало неразумных, несправедливых приказов, не так ли, мэр Хелигорн? — сказал Валентин. — Это приказы узурпатора, они ничего не стоят. Ты слышал голоса Леди и Понтифакса? Ты получал послания, требующие от тебя покорности мне?

— Были и другие послания, — прошептал Хелигорн.

— Да, от Короля Снов!

Валентин засмеялся.

— А кто узурпатор? Кто украл трон Короналя? Доминик Барджазед, сын Короля Снов! Теперь тебе понятны послания из Суврейла? Ты понимаешь теперь, что произошло в Маджипуре?

Валентин вошел в транс и затопил беспомощного Хелигорна полной силой своего духа, полным посланием наяву от Короналя.

Хелигорн зашатался. Лицо его пошло красными пятнами. Он отступил и ухватился за своих товарищей, чтобы удержаться на ногах, но те тоже получили волну от Валентина и сами едва устояли.

— Дайте мне поддержку, друзья, — сказал Валентин. — Откройте мне ваш город. Отсюда я пойду на завоевание Замка, и велика будет слава Пендивейна, первого города Маджипура, восставшего против узурпатора!

Глава 6

Так пал Пендивейн без единого выстрела.

Редвард Хелигорн преклонил колени перед Валентином и сделал знак горящей звезды, затем то же сделали его два заместителя. Внезапно тысячи людей стали оказывать знаки почтения и кричать, сначала без большого желания, а потом вполне уверенно:

— Валентин! Лорд Валентин! Да здравствует Лорд Валентин Кородаль!

Ворота Пендивейна открылись.

— Все так просто, — шепнул Валентин Карабелле. — Может быть, мы так дойдем до Замка на Горе? Испугать одного, двух жирных мэров и получить обратно трон без всяких возражений?

— Вряд ли, — ответила она. — Наверху тебя ждет Барджазед с телохранителями, а его не запугаешь словами и драматическими эффектами. Сражения неизбежны, Валентин!

— Пусть бы было только одно!

Она слегка коснулась его руки.

— Ради тебя хочу надеяться, что будет только одно, и небольшое!

— Не ради меня, а ради всего мира. Я не хочу, чтобы мой народ погибал, исправляя то, что принес нам Доминик Барджазед.

— Я не думала, что короли могут быть такими мягкосердечными, милый. Ты печален?

— Я боюсь грядущего.

— Грядущее — это обязательно борьба, победа и восстановление порядка. Если ты хочешь быть настоящим Короналем, помаши рукой своему народу, улыбнись и сгони с лица трагическую маску.

Валентин кивнул.

— Да, ты права.

Он взял ее за руку и быстро и нежно провел по ней губами. Повернувшись к толпе, выкрикивающей его имя, он поднял руки и принял приветствия.

Было до странности знакомо въезжать в большой город, где по сторонам бульваров собрались приветствовавшие его толпы.

Он как бы вспомнил сон — начало своей великой церемониальной поездки, как он плыл по реке в Алейсор на западном берегу, потом на Остров — преклонить колени перед матерью во Внутреннем Храме, потом большое морское путешествие в Зимрол. Народ приветствовал его в Пилиплоке, Велатисе, Нарабале. Парады, банкеты, возбуждение, пышность. Затем Тил-омон, где его тоже встречали приветственными криками. Он вспомнил, как был удивлен, что Доминик Барджазед, сын Короля Снов, приехал из Суврейла в Тил-омон, чтобы приветствовать его и почтить пиром. Барджазеды обычно оставались в своем прокаленном солнцем королевстве, сторонились человечества и заботились только о своих сонных машинах, отправлявших послания: поучающие, приказывающие или карающие. Банкет в Тил-омоне, бокал вина из рук Барджазеда и... город Пидруд, фальшивые воспоминания о детстве где-то на востоке Зимрола. И

вот, теперь, столько времени спустя на улицах большого города вновь выкрикивают его имя.

Очутившись в королевских апартаментах мэрии, Валентин вызвал к себе Хелигорна, все еще ошеломленного и растерянного, и сказал:

— Мне нужна флотилия речных судов, чтобы двигаться к источникам Глейга. Стоимость ее будет выплачена из имперской казны после моего возвращения.

— Слушаюсь, милорд.

— Сколько отрядов ты можешь мне дать?

— Каких отрядов?

— Ополчения, воинов, носителей оружия.

Лицо мэра выразило ужас.

— Мы в Пендивейне не знаем военного искусства, милорд.

Валентин улыбнулся.

— Никто на Маджипуре не знает военного искусства, благодарение Божеству. Однако, несмотря на наше миролюбие, мы сражаемся, если нам угрожают. Узурпатор угрожает всем нам. Разве ты не чувствовал жала новых непонятных налогов и непривычных указов в минувшем году?

— Конечно, но...

— Что? — резко спросил Валентин.

— Мы думали, что новый Корональ хочет показать свою власть.

— И вы спокойно позволяете давить на вас тому, кто должен служить вам?

— Милорд...

— Ладно. Ты много выиграешь, когда я приведу все в порядок. Ты это понимаешь? Дай мне армию, мэр Хелигорн, и храбрость народа Пендивейна будут воспевать в балладах тысячи лет.

— Я отвечаю за жизнь моего народа, милорд...

— Я отвечаю за жизнь еще двадцати миллиардов людей. Но без армии я слишком уязвим. С армией я выступлю как король: имперские силы идут рассчитываться с врагом. Понимаешь, Хелигорн? Собери народ, скажи, что должно быть сделано, и вызывай добровольцев.

— Слушаюсь, милорд, — ответил мэр трепеща.

— И смотри, чтобы добровольцы были в самом деле добровольцами!

— Будет сделано, милорд, — пробормотал Хелигорн.

Армия собралась быстрее, чем ожидал Валентин. Подбор, экипировка, провиант — вопрос дней. Хелигорн действительно старался — может быть, мечтал, чтобы Валентин как можно скорее уехал в другой район.

Народное ополчение, ранее собравшееся защищать Пендивейн от вторжения претендента, теперь составило ядро поспешно созданной преданной армии — тысяч двадцать мужчин и женщин. Город с тринадцатью миллионами жителей мог бы дать и больше, но Валентин не хотел опустошать Пендивейн. Он не забыл собственную аксиому, что легче жонглировать стволами двикка. Двадцать тысяч выглядели вполне приличной военной силой, и он уже давно разработал стратегию постепенного накопления поддержки. Даже колоссальный Зимр, как рассуждал Валентин, начинается с простых ручейков где-то в северных горах.

Все речные суда на пятьдесят миль в окружности были призваны для транспортировки армии. Громадная флотилия двинулась к северу под зелеными с золотым флагами Короналя.

Валентин стоял на носу флагманского корабля. Рядом с ним были Карабелла, Делиамбер, адмирал Эйзенхарт. Омытый дождем воздух был чист и приятен, добрый свежий воздух Алханрола дул с Горы Замка и создавал у Валентина ощущение, что он наконец-то идет домой.

Суда восточного Алханрола были более обтекаемы и менее вычурны, чем те, которые Валентин видел на Зимре. Большие, простые корабли, высокие и узкие, с мощными машинами, тянувшими суда против сильного течения Глейга.

— Быстрое течение, — заметил Валентин.

— Так и должно быть, — ответил Эйзенхарт.

Он указал на какую-то невидимую точку далеко на севере и высоко в небе.

— Глейг начинается на нижних склонах Горы. На протяжении нескольких тысяч миль в него впадает десять рек, и вся масса воды идет против нас, когда мы поднимаемся к истокам.

Моряк хорт улыбнулся.

— Когда подумаешь о встрече с такой силой, плавание в океане кажется детской игрой. Я никогда не понимал рек: узкие, быстрые... Нет, я предпочитаю открытое море, драконов и все такое — и я буду счастлив.

Но Глейг, хоть и быстрый, был приручен. Когда-то в нем были пороги и водопады, и сотни миль его не были пригодны для навигации. Четырнадцать тысяч лет человеческого присутствия на Маджипуре все изменили. Дамбы, шлюзы отводные каналы и другие средства заставили Глейг, как и все шесть рек, спускающихся с Горы, служить их хозяевам почти на всем пути.

Только внизу, где ровная долина позволяла реке разливаться, бывали некоторые затруднения, да и то только в период больших дождей.

Провинции вдоль Глейга тоже были спокойными: зеленая фермерская местность, прерываемая большими городскими центрами.

Валентин смотрел в пространство, щуря глаза от яркого света, и искал серую громаду Горного Замка, но на расстоянии двух тысяч миль не было видно даже Горы, как ни огромна она была.

Первым значительным городом вверх по реке после Пендивейна был Макропрозопос, известный своими ткачами и художниками.

Когда корабли подошли ближе, Валентин увидел, что порт украшен огромными эмблемами Короналя, видимо, поспешно вытканными.

— Что означают эти флаги? — задумчиво спросил Слит. — Открытую преданность черноволосому Короналю или капитуляцию перед тобой?

— Конечно, это уважение к тебе, милорд, — сказала Карабелла. — Они знают, что ты идешь вверх по реке, вот и повесили флаги, чтобы приветствовать тебя.

Валентин покачал головой.

— Я думаю, этот народ просто осторожничает. Если мои дела пойдут плохо, всегда можно сказать, что эти флаги — знак преданности черноволосому Короналю. Если же тот падет, город скажет, что признал меня следом за Пендивейном. Я думаю, мы не позволим им такой двусмысленности. Эйзенхарт!

— Да, милорд?

— Веди нас в гавань Макропрозопоса.

Для Валентина это было нечто вроде игры. Особой надобности причаливать не было, и он меньше всего хотел бы сражаться с ненужным городом так далеко от Горы, но важно было испробовать свою стратегию.

Проба произошла почти сразу. Он был еще далеко от берега, когда услышал крики:

Да здравствует Лорд Валентин!

Да здравствует Корональ!

Мэр города выбежал на пирс с приветствием и с дарами — тюками прекрасных тканей, изготовленных в его городе. Мэр считал лишним стрелять и драться, и охотно отдал восемь тысяч своих горожан для армии Валентина.

— В чем тут дело? — спросила Карабелла. — Может, они примут за Короналя любого, кто достаточно громко потребует трон и помашет несколькими энергометами?

Валентин пожал плечами.

— Это миролюбивый народ, спокойный, живущий хорошо и богато. Он тысячелетиями знал только процветание и хочет, чтобы оно продолжалось дальше. Мысль о вооруженном сопротивлении чужда им, вот они и сдались сразу же, как только мы вошли в гавань.

— Это так, — сказал Слит, — а если через неделю сюда приедет Барджазед, они столь охотно будут преклоняться ему?

— Вероятно. Но я пользуюсь моментом. Поскольку эти города присоединились ко мне, другие побоятся отказать мне в преданности. Немножко паники не помешает, верно?

Слит нахмурился.

— То, что ты делаешь сейчас, может сделать любой, и это мне не нравится. Что, если через год появится рыжий Лорд Валентин и скажет, что он настоящий Корональ? Что, если какой-нибудь лимен будет требовать, чтобы все вставали перед ним на колени, а своих соперников назовет колдунами? Этот мир сойдет с ума.

— Помазанный Корональ только один, — спокойно сказал Валентин, и народ этих городов, независимо от мотивов, поклоняется воле Божества. Когда я вернусь в Горный Замок, больше не будет ни узурпаторов, ни претендентов. Это я обещаю.

Однако про себя он признавал мудрость сказанного Слитом. Как хрупка, думал он, связь, объединяющая наше правительство! Только одна добрая воля поддерживает ее. Доминик Барджазед показал, что измена может уничтожить добрую волю, а запугивание тоже можно считать изменой. Но когда кончится этот конфликт, станет ли Маджипур прежним?

Глава 7

После Макропрозопоса были другие города, и все они, не тратя времени, признали власть светловолосого Лорда Валентина.

На это и надеялся Лорд Валентин. Эти речные жители не имели вкуса к войне, и ни один из этих городов не думал сражаться ради выяснения, кто из соперников истинный Корональ. Раз Пендивейн и Макропрозопос покорились, остальные быстро присоединились к ним. Но Валентин понимал, что эти города с той же готовностью сменят преданность, если увидят, что удача пришла к черноволосому Короналю.

Законность, помазание, воля Божества, — все это в реальном мире значит куда меньше, чем предполагают в Горном Замке.

Но все-таки лучше иметь хотя бы номинальную поддержку приречных городов, чем их насмешки над его требованиями. С каждого он взял рекрутов — немного, по тысяче с города, но армия его быстро росла, и он опасался, как бы она не оказалась слишком неповоротливой. Хотел бы он знать, что думает Доминик Барджазед о событиях вдоль Глейга. Может быть, он трусит, думая, что все двадцать миллиардов жителей Маджипура выступили против него? Или он просто тянет время, устраивая внутреннюю линию защиты, и готов ввергнуть всю планету в хаос, лишь бы не сдать Замок?

Путешествие по реке продолжалось.

Они были на подступах к громадному плато, и бывали дни, когда Глейг, казалось, поднимался перед ними вертикально стеной воды.

Все здесь было знакомо Валентину, потому что в юности он часто бывал в верховьях всех Шести Рек, охотился или рыбачил с Вориаксом или Илидатом, а то просто спасался ненадолго от сложностей своего воспитания. Его память восстановилась почти полностью, процесс извлечения продолжался и вид хорошо знакомых мест резко высветил образы прошлого, которые пытался стереть Доминик Барджазед. В городе Джерико, здесь, в верховьях Глейга, Валентин однажды всю ночь играл со старым вруоном и в бесконечные бросания костей проиграл кошелек, меч, верховое животное, свое благородное звание, все земли, кроме одного клочка болота, а затем все отыграл. Правда, он всегда подозревал, что его компаньон осторожно поворачивал вспять поток успеха, вместо того, чтобы радоваться победе.

Как бы то ни было, это был полезный урок. А в Гизельдорне, где население жило в войлочных палатках, он и Вориакс провели веселую ночь с черноволосой ведьмой, которая утром привела их в трепет, раскинув семена пингла на их будущее и объявила, что им обоим суждено стать королями. Вориакс был очень расстроен этим пророчеством, поскольку решил, что они должны будут править совместно, как совместно обнимали ведьму, а такое правление было неслыханным делом на Маджипуре. Им не пришло в голову, что Валентин может стать преемником Вориакса. А в Эмблиморне, самом юго-западном из пятидесяти городов, Валентин, тогда еще почти мальчик, скакал через лес, упал и сломал левую ногу. Обломки кости торчали наружу, и Илидат, как мог, поправил их, прежде чем удалось добраться за помощью. После этого осталась легкая хромота. Но теперь эта

нога, с удовольствием подумал Валентин, принадлежит Доминику Барджазеду, а тело, которое дали Валентину, не имеет никаких изъянов.

Все эти города и многие другие сдавались ему. Теперь под его знаменами было пятьдесят тысяч отрядов.

Эмблиморн был слишком далеко, чтобы армия могла путешествовать по воде. Река здесь стала лабиринтом притоков и каналов. Валентин послал Ирманара с тысячью воинов вперед — найти сухопутные экипажи.

Теперь силы Валентина были такими мощными, что Ирманар сумел отобрать практически все плавучие повозки в трех провинциях, причем без всяких возражений, так что в Эмблиморне целый океан экипажей ждал подхода основной армии.

Командовать такой большой армией Валентин в одиночку уже не мог. Его приказы шли через его военного маршала Ирманара к пяти высшим офицерам — Карабелле, Слиту, Залзану Каволу, Лизамон и Эйзенхарту, которые командовали дивизиями.

Шанамир, заметно выросший и окрепший, служил главным связным офицером.

— Мы готовы выступить, милорд, — доложил Шанамир. — Я отдам приказ?

Валентин кивнул.

— Прикажи первой колонне двинуться. Если мы выступим сейчас, то к полудню будем в Бимбеке.

— Есть, сэр.

— Да, вот еще что, Шанамир.

— Да, сэр?

— Я знаю, это война, но ты выглядишь слишком уж серьезным.

Шанамир покраснел.

— Но ведь это серьезное дело? Под нашими ногами земля Горного Замка!

Он, казалось, благоговел перед этим, фермерский сын из далекого Фалкинкина.

Валентин понимал его чувства. Зимрол, казалось, был в миллионах миль отсюда.

Валентин улыбнулся и сказал:

— Скажи, Шанамир, правильно ли я запомнил: сто весовых единиц составляют крону, десять крон — реал, а цена сосисок...

Шанамир смутился, потом фыркнул, стараясь удержаться от смеха, но в конце концов захохотал.

— Ох, милорд!

— Помнишь, в Пидруде, когда я хотел заплатить за сосиски пятидесятиреаловой монетой? Помнишь, как ты считал меня простаком? Легкодум, как ты говорил. Думаю, я действительно был тогда простаком.

— Это было так давно, милорд.

— Верно. Но, наверное, я все еще простак: лезу на Гору и пытаюсь вернуть себе тяжелую и ответственную работу управления. А может, и не простак? — Надеюсь, что нет. А ты не забывай почаще улыбаться. Иди, прикажи первой колонне выступать.

Мальчик выбежал. Валентин смотрел ему вслед. Как далек теперь Пидруд во времени и пространстве, в миллионах миль, миллионах лет! А ведь прошло всего полтора года с тех пор, как он стоял на гребне, смотрел на Пидруд и думал, что делать дальше. Шанамир, Слит, Карабелла, Залзан Кавол! Жонглирование на провинциальных сценах, ночевки на соломенных матрацах в грязных гостиницах... Какое же это было удивительное время, свободная, легкая жизнь, ничего более важного, чем быть нанятым в следующем городке, и уверенности, что дубинка не упадет на ноги, чего, кстати, ни разу не случилось. Как хорошо, что Залзан Кавол взял его к себе в труппу! Как хорошо, что Слит и Карабелла учили его своему искусству. Среди них был Корональ Маджипура, и никто этого не знал. Кто из них мог вообразить, что задолго до старости перестанет жонглировать, а будет генералом, ведущим армию освобождения на Замок на Горе.

Первая колонна выступила. Плавучие повозки шли вверх по нескончаемым склонам, лежавшим между Эмблиморном и Замком.

Пятьдесят городов Горы Замка располагались, как изюмины в пудинге, концентрическими кругами от пика Замка. По внешнему, самому большому кольцу шло двенадцать городов, так называемые Города Склона. Это были промышленные и торговые центры, и самый малый из них имел девять миллионов жителей. Города Склона, основанные десять или двенадцать тысяч лет назад, предпочитали оставаться архаичными по стилю: улицы их когда-то были распланированы рационально, но давно уже стали перегруженными и запутанными из-за беспорядочных изменений. Каждый город имел свою особую прелесть, прославленную по всем мире. Валентин был не во всех городах — не хватало времени, чтобы познакомиться со всеми, но многие посетил — Бимбек Восточный и Бимбек Западный с их башнями в милю высотой из сверкавшего хрустального кирпича. Форибл и его сказочный сад каменных птиц, Канзалейн с говорящими статуями. Между этими городами находились королевские парки, за-

поведники флоры и фауны, охотничьи зоны и священные гробницы. Все это простиралось на тысячи квадратных миль — достаточно места, чтобы цивилизация развивалась без толчеи и спешки.

На сто миль выше по Горе лежало кольцо девяти Свободных Городов. Среди ученых шли споры о происхождении этого названия, потому что на Маджипуре все города были свободными. Большинство ученых считали, что где-то при Лорде Стиамоте эти девять городов были освобождены от налогов в знак особой милости Короналя. И потом Свободные Города требовали такого освобождения, и им это часто удавалось.

Самым большим из Свободных Городов был Сти на реке того же названия, с тридцатимиллионным населением. Он был так же велик, как Ни-Мойя, а по слухам, даже больше. Валентину не верилось, что есть город, равный по пышности Ни-Мойе, но сам он ни разу не был в Сти, да и теперь не пройдет близко, поскольку Сти находился совсем в другой стороне.

Еще выше было одиннадцать Сторожевых Городов, все большие. Поскольку окружность Горы с высотой уменьшалась, Сторожевые Города располагались ближе друг к другу, чем нижние, и считалось, что через несколько столетий они сольются и опояшут среднюю часть Горы Замка.

Внутри этого кольца лежали девять Внутренних Городов. Эти города Валентин хорошо знал с детства. В Хеленксе он родился, в Сайперлите жил во время царствования Вориакса, потому что этот город был ближе всего к Замку. Высокий Морпин был его любимым местом в праздничные дни. Он часто приезжал туда кататься на зеркальных горах.

Ах, как это было давно!

Теперь, когда он силой вторгся на дороги Горы, он часто смотрел вдаль, в облачные высоты, надеясь хоть одним глазом увидеть Сайпермит, Хеленкс или Высокий Морпин. Но надеяться на это было рано. Дорога из Эмблиморна шла между Восточным и Западным Бимбеками, а затем вокруг зазубренного Гребня Норморк к городу Норморку, знаменитому своей внешней каменной стеной — имитацией великой стены Велализира. Бимбек Восточный принял Валентина как законного монарха и освободителя, в Западном же Бимбеке прием был заметно менее сердечным, хотя сопротивления не было: население явно не решило, выгодна ли городу эта удивительная борьба. В Норморке большие Ворота Деккерета были закрыты и запечатаны, возможно, впервые со времени их постройки. Это выглядело недружелюбным жестом, но Валентин предпочел интерпретировать это как декларацию

нейтралитета и проехал мимо, не делая попыток войти в город. Он думал, что легче просто не считать его врагом.

За Норморком дорога пересекала Барьер Толингар, который вовсе не был барьером, а был парком — сорок миль ухоженной элегантности для развлечения граждан трех городов. Каждое дерево, каждый куст в нем стриглись и обрезались самым различным способом. Ни одной кривой ветки, ни одного лишнего побега. Если бы все жители Замка на Горе работали тут садовниками, они не могли бы достичь такого совершенства круглосуточным тяжелым трудом.

Это было достигнуто программой контролируемого разведения растений четыре тысячи лет назад при Лорде Хевилбоне и последующих трех преемниках.

Эти растения сами формировались и придерживались симметрии форм. Секрет такого садоводческого волшебства давно был утерян.

Армия восстановления входила на уровень Свободных Городов. Стоя рядом с Валентином на вершине Барьера Толингар, Шанамир сказал:

— Я думал, что с Горы виден весь путь до Пидруда, а мы даже Лабиринт не видим! Поднимемся еще выше — больше увидим?

— Нет, — сказал Валентин. — Все, что ниже Сторожевых Городов, скрыто облаками. Иногда можно забыть о существовании всего остального на Маджипуре.

— Наверху, наверное, очень холодно? — спросил мальчик.

— Нет, не холодно. Так же, как здесь, даже теплее. Там постоянная весна, воздух мягкий и легкий, всегда цветут цветы.

— Но ведь Гора уходит в небо! Горы Кинтора не такие высокие, их и не сравнить с Горой Замка, но я слышал, что на их вершинах лежит снег, и иногда он остается на все лето. Замок, наверное, темен, как ночь, и холоден, как смерть.

— Нет. Машины древних творят вечную весну. Они уходят глубоко в Гору и вытягивают энергию — я не знаю как — и перерабатывают ее в тепло, свет, чистый воздух. Я видел эти машины в подземельях Замка. Это громадные металлические предметы — металла хватило бы, чтобы построить город, гигантские насосы, медные трубы...

— Где мы сейчас, Валентин? Близко?

— Даже полпути не прошли.

Валентин покачал головой.

Глава 8

Самая прямая дорога шла вверх через Свободные Города между Байбируном и Верхним Сонбрейком. Это было широкое, с легким подъемом плечо Горы. Когда они приближались к Байбируну, Валентин узнал от Гарцвела, теперь квартирмейстера, что армия нуждается в свежих фруктах и мясе. Самым разумным было возобновить запасы провианта на этом уровне, прежде чем начать подъем к Сторожевым Городам.

Байбирун имел двенадцать миллионов жителей и вытянулся вдоль стомильного гребня, нависавшего над Горой. К нему можно было подойти лишь с одной стороны — от Верхнего Сонбрейка через ущелье, такое узкое, что сотня воинов могла бы защитить его от миллиона. Валентин не удивился, что ущелье было занято, пожалуй, больше чем сотней воинов.

Ирманар и Делиамбер пошли на переговоры. Вернувшись, они сообщили, что отрядами в ущелье командует герцог Хайтлог, губернатор провинции, чьей столицей был Байбирун, и что он желает говорить с Лордом Валентином.

— Кто такой этот Хайтлог? — спросила Карабелла. — Ты его знаешь?

— Не очень близко. Он из семьи Тивераса. Надеюсь, у него нет причин бояться меня.

— Он может получить благодарность Доминика Барджазеда, если пристукнет тебя в этом проходе, — сказал Слит.

— Чтобы потом все ночи страдать во сне? — спросил Валентин.

Он засмеялся.

— Он, правда, любит выпить, но не убийца. Он из знатной семьи.

— Как и Доминик Барджазед, милорд.

— Даже сам Барджазед не рискнул убить меня, когда у него была такая возможность. Пошли, не будем терять времени.

Валентин пешком дошел до входа в ущелье, сопровождаемый Ирманаром, Эйзенхартом и Делиамбером. Их ждали герцог и трое его соратников.

Хайтлог был могучим, широкоплечим человеком с густыми седыми кудрями и цветущим мясистым лицом. Он внимательно разглядывал Валентина, как бы ища под внешностью этого светловолосого незнакомца душу истинного Короналя. Валентин салютовал ему, как полагалось Короналю приветствовать провинциального герцога, — прямым взглядом и повернутой наружу ладонью, и Хайтлог тут же ока-

зался в затруднении, явно не зная, как правильно среагировать. После небольшой паузы он сказал:

— Сообщалось, что ты Лорд Валентин, измененный колдовством. Если это так, я приветствую тебя, милорд.

— Поверь мне, Хайтлог, это так.

— Были послания насчет этого. Но были и противоположные.

Валентин улыбнулся.

— Послания Леди всегда правдивы, послания Короля Снов учитывают то, что сделал его сын. Ты получил инструкции из Лабиринта?

— Что мы должны признать тебя? Да. Но все-таки это странно. Если я не должен верить тому, что слышу из Замка, то почему я должен верить приказам из Лабиринта? Может, они поддельные.

— Здесь с нами Ирманар, высокий служащий твоего прадяди Понтифакса Тивераса. Он здесь не как пленник и может показать тебе печати Понтифакса.

Герцог пожал плечами. Глаза его сверлили Валентина.

— Непонятно, как Короналя можно было таким образом изменить. Если это правда — тогда все может быть правдой. Чего ты хочешь от Байбируна, милорд?

— Нам нужны фрукты и мясо. Нам еще осталось пройти сотни миль, а голодные солдаты — не самые лучшие.

Дернув щекой, Хайтлог сказал:

— Ты, конечно, знаешь, что ты в Свободном Городе.

— Знаю. Так что из этого?

— Может, кто и забывает о древних традициях, но мы в Свободных Городах придерживаемся их, и мы не обязаны снабжать правительство товарами иначе как по законно установленным ценам. Стоимость провианта для такой армии...

— Она будет оплачена полностью из императорской казны, — резко сказал Валентин. — Мы не просим у Байбируна даром ничего, даже стоимостью в пять весовых единиц.

— А императорская казна едет с тобой?

Валентин ответил с некоторой злостью:

— Императорская казна находится в Горном Замке, как это повелось со времен Лорда Стиамота. Когда я дойду до Замка и вышвырну узурпатора, я полностью расплачусь за все, что мы здесь купим. Разве Короналю более не оказывается кредита?

— Кредит Короналю существует, — осторожно сказал Хайтлог. — Но тут есть сомнения, милорд. Мы — народ бережливый, и какой позор падет на нас, если обнаружится, что мы дали кредит тому, кто предъявил нам фальшивые требования!

Валентин пожал плечами.

— Ты называешь меня милордом, а сам говоришь о сомнениях.

— Я не уверен. Признаюсь.

— Хайтлог, отойдем на минутку и поговорим наедине.

— Да?

— Отойдем на десять шагов. Не думаешь ли ты, что я вцеплюсь тебе в глотку, как только ты отойдешь от своих телохранителей? Я хочу сказать тебе кое-что, о чем ты, возможно, не хотел бы говорить перед всеми.

Герцог, недовольный и надутый, кивнул и отошел с Валентином. Валентин тихо сказал:

— Когда ты был в Горном Замке на моей коронации, ты сидел за столом рода Понтифакса и выпил четыре или пять фляжек молдемарского вина, помнишь? Вдрызг пьяный, ты встал, чтобы потанцевать, споткнулся о ногу своего кузена Илзандера и растянулся, а потом начал бы драку с ним, если бы я не оттащил тебя. Ну, ничего из этого тебе не знакомо? Откуда бы мне знать об этом, если бы я был обманщиком?

Лицо Хайтлога залилось краской.

— Милорд...

— Вот теперь ты сказал это с большим убеждением.

Валентин тепло похлопал герцога по плечу.

— Все в порядке, Хайтлог. Помоги мне, и когда приедешь в Замок праздновать мое признание, получишь еще пять фляжек доброго молдемарского. Надеюсь, ты будешь более осторожным, чем в тот раз.

— Милорд, чем я могу служить тебе?

— Я уже сказал. Нам нужны свежие фрукты и мясо. Мы рассчитаемся, когда я стану Короналем.

— Пусть будет так. Но станешь ли ты Короналем?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Наверху ждет армия, и немалая, милорд. Лорд Валентин, — я имею в виду того, кто зовется этим именем, — созывает сотни и тысячи горожан для защиты Замка.

— Где собирается армия?

— Между Эртсод Гренд и Бомбифейлом. Он стягивает ее во все Сторожевые Города и в города над ними. Реки крови потекут с Горы, милорд!

Валентин отвернулся и на миг закрыл глаза. Боль и отчаяние захлестнули его разум. Это было неизбежно, в этом не было ничего неожиданного, именно так он и предполагал с самого начала. Доминик Барджазед позволит ему пройти по нижним склонам, а на верхних подступах выставит мощную защиту, используя против Валентина его же собственных ко-

ролевских телохранителей, рыцарей высокого происхождения, с которыми Валентин рос.

На мгновение решимость Валентина снова исчезла. Стоит ли делаться второй раз Короналем ценою хаоса, кровопролития и агонии его народа? Может быть, такова была воля Божества, чтобы его, Валентина, скинули? Если он пойдет вопреки этой воле, не вызовет ли он этим такой страшный катаклизм на равнинах выше Эртсод Гренд, который оставит шрамы в душах всего народа, а его ночи будут наполнены снами мучительной вины, и его имя будет проклято навеки?

Он еще мог вернуться назад, мог отказаться от конфронтации с силами судьбы.

Нет!

Он уже вел эту борьбу с самим собой и победил, и не нужно начинать все снова.

Подложный Корональ — человек ограниченный и опасный, он занимает самое высокое место и правит грубо и противозаконно.

Этого нельзя допустить.

— Милорд! — окликнул Хайтлог.

Валентин повернулся к герцогу.

— Мысль о войне причиняет мне боль, Хайтлог.

— Она никому не нравится, милорд.

— Однако, приходит время, когда война становится неизбежной, чтобы не произошло худшего. Я думаю, сейчас именно такое время.

— Похоже, что так.

— Значит, ты признаешь во мне Короналя, Хайтлог.

— Просто претендент не мог бы знать, что я напился на коронации.

— Ты будешь сражаться рядом со мной у Эртсод Гренд?

— Конечно, милорд. Сколько отрядов ты возьмешь из Байбируна?

— Скажем, пять тысяч. Я не хочу иметь огромную армию.

— Пять тысяч воинов твои, милорд. Если хочешь, бери больше.

— Пять тысяч хватит, Хайтлог. Спасибо тебе, что ты веришь в меня. А теперь давай посмотрим запасы фруктов и мяса.

Глава 9

Стоянка в Байбируне было умышленно короткой — только чтобы Хайтлог успел собрать воинов и необходимый провиант. А затем путь вверх, вверх, вверх. Валентин ехал впереди со своими пидрудскими друзьями. Он радовался, видя

их благоговение и удивление, слыша, как ахает от восторга Карабелла, и даже Залзан Кавол что-то ошеломленно бормочет, когда перед ними развертывалась красота Горного Замка.

Чем выше они поднимались, тем чище и приятнее становился воздух, потому что они все ближе подтягивались к громадным машинам, поддерживающим на Горе вечную весну. Скоро стали видны контуры округов Сторожевых Городов.

Гора здесь была громадным серым гранитным щитом, развернувшимся в небе и исчезавшим в море облаков, которые скрывали верхние склоны. Небо было поразительно яркого голубого цвета, глубже по тону, чем над нижними землями Маджипура.

Валентин помнил, как ему нравилось это небо, как неприятно было спускаться вниз, в обычный мир обычных красок. У него захватило дух, когда он снова увидел это небо. Весь холм и гребень, казалось, были окружены искрившимся нимбом таинственного света. Даже пыль вдоль края шоссе казалась блестящей. Вдали можно было увидеть небольшие города-спутники, а высоко над ними — несколько крупных центров. Эртсод Гренд был прямо впереди. Его громадные черные башни отчетливо виднелись на горизонте.

Валентин смущенно отвернулся, глаза его вдруг увлажнились. Он похлопал по арфе Карабеллы и сказал:

— Спой мне.

Она улыбнулась и взяла арфу.

— Мы пели это в Тил-омоне. Гору Замка там считали выдуманным местом, романтической грезой.

Далеко на востоке есть страна,
Которую мы никогда не увидим,
Где чудеса растут на громадных пиках,
Блистающие города.
В Горном Замке живут Властители,
И герои целыми днями развлекаются.

Она замолчала, опустила арфу и отвернулась.

— В чем дело, дорогая?

— Ничего. Просто я забыла слова.

— Карабелла!

— Ничего, я же сказала!

— Прошу тебя...

Она повернулась к нему. В глазах ее стояли слезы.

— Это все так удивительно, Валентин, — прошептала она, — и так странно, так страшно...

— Удивительно — да, но не страшно.

— Это прекрасно, я понимаю. Я и представить себе не могла таких городов, таких гор, что составляют только часть одной большой Горы, и все прочие чудеса. Только...

— Что?

— Ты идешь домой, Валентин, к своим друзьям, родным, может, к любовницам. Как только мы выиграем войну, все они соберутся вокруг тебя, будут таскать по банкетам и празднествам, и...

Она замолчала.

— Я не хотела говорить тебе этого.

— Говори.

— Милорд...

— Не надо официальностей, Карабелла.

Он взял ее за руки и заметил, что Шанамир и Залзар Кавол отошли в другой конец фургона.

— Милорд, — сказала она отрывисто, — что будет с девушкой-жонглером из Тил-Омона, когда ты снова окажешься среди принцев и Леди в замке?

— Разве я давал тебе понять, что я тебя брошу?

— Нет, милорд, но...

— Зови меня Валентином. Что "но"?

Она покраснела и выдернула свою руку.

— Этот герцог Хайтлог вчера увидел, что ты обнял меня... Ты не видел его улыбки! Словно я просто игрушка, безделушка, которую в любое время можно выбросить.

— Я думаю, что ты слишком много лишнего прочла в его улыбке, — медленно сказал Валентин.

Он и сам заметил эту улыбку и был смущен. Он понимал, что для Хайтлога и других людей того же ранга Карабелла — всего лишь случайная наложница самого низкого происхождения, не заслуживающая ничего, кроме презрения. В его прежней жизни в Замке подобные классовые различия были в порядке вещей, но он давно уже был выкинут с Горы и на многое теперь смотрел иначе. Опасения Карабеллы были реальными.

Однако эту проблему следовало решать в свое время. Сейчас на первом плане было другое. Он ласково сказал:

— Хайтлог слишком налегает на выпивку, и душа его загрубела. Не обращай внимания. Ты будешь среди самых высших особ Замка, и никто не посмеет отнестись к тебе пренебрежительно. А теперь заканчивай песню.

— Ты любишь меня, Валентин?

— Да. Но когда у тебя красные и распухшие глаза, я люблю тебя меньше.

— Такое можно сказать ребенку, ты считаешь меня ребенком?

— Я считаю тебя женщиной, умной и привлекательной. Какого ответа ты ждешь?

— Что ты меня любишь. Без дополнений.

— Извини. Впредь я буду осторожнее в выражениях. Так ты будешь петь?

Она снова взяла арфу.

Все утро они поднимались наверх, за Свободные Города. Валентин выбрал Пайниторское шоссе, шедшее по пустой местности каменистых плато. Никто им не препятствовал.

— Они не станут пытаться остановить тебя, — сказал Хайтлог, — пока ты не подойдешь к Сторожевым Городам. Там они хотят захватить тебя.

— Там будет достаточно места, — сказал Валентин.

В главной долине он остановил свою армию и начал совещание с командирами. Разведчики принесли известия, свинцом легшие на плечи Валентина: огромнейшая армия заполнила широкую, в сотни квадратных миль равнину ниже Внутреннего Города Бомбифейл. В основном там была пехота, но были и плавучие повозки, и верховые отряды, и корпус молиторов — по крайней мере в десять раз больше того количества боевых зверей, что ждали на берегах Глейга. Но Валентин не показал уныния.

— Значит, их превосходство — двадцать к одному. Это неплохо. Жаль, что их не больше. Такая армия неповоротлива, и нам было бы легче жить.

Он постучал по карте.

— Они стоят здесь, на равнине Бомбифейла и, конечно, видят, что мы идем прямо к этой равнине. Они рассчитывают, что мы поднимемся к Проходу Перитол на западе равнины, и там поставят самую сильную охрану. А мы как раз и пойдем к Проходу Перитол.

Валентин услышал недовольный вздох Хайтлога, увидел удивленный взгляд Ирманара и спокойно продолжал:

— Они пошлют туда подкрепления. Как только они войдут в Проход, им будет трудно перегруппироваться и менять направление. А мы тут же повернем обратно, поднимемся прямо в середину их лагеря и пробьемся к самому Бомбифейлу. Выше него дорога на Верхний Морпин, которая приведет нас к Замку. Есть вопросы?

— А что, если между Бомбифейлом и Верхним Морпином нас ждет вторая армия? — спросил Ирманар.

— Спроси об этом, когда мы пройдем Бомбифейл. Есть еще вопросы?

Все молчали.

— Хорошо. Тогда вперед!

Еще день — и они въехали в большой зеленый пояс, окружавший Внутренние Города.

Теперь они были в облачной зоне, прохладной и влажной, где солнце едва было заметно сквозь постоянный туман. В этом влажном регионе растения, которые внизу были едва по колено человеку, вырастали до гигантских размеров, с листьями величиной с большое блюдо и черенками, как древесный ствол, и все это сверкало блестящими каплями росы.

Ландшафт здесь был сильно изрезанным: из глубоких долин резко поднимались горы, и дорога опасно вилась вокруг конических пиков. Выбор дороги стал весьма ограниченным: на западе непроходимые горы, похожие на клыки, на востоке — широкий и удобный склон Бомбифейлской Равнины, а впереди — ряд гигантских естественных ступеней с каменными стенами по бокам — Проход Перитол, где, если Валентин не ошибался, ждали отборные отряды узурпатора.

Валентин не спеша вел свою армию к Проходу. Четыре часа езды, ночлег, и с утра все сначала. В бодрящем воздухе Замка можно было ехать много быстрее, но Валентин подозревал, что враг следит за ними с высоты, и хотел дать ему больше времени для наблюдения и принятия мер.

На следующий день они ехали шагом, потому что уже видны были глубокие ступени Прохода. Делиамбер с помощью колдовства послал свой дух вперед и сообщил, что оборонительная армия действительно заняла проход, а вспомогательные отряды вытянулись к западу от Бомбифейлской Равнины, чтобы оказать ей поддержку.

Валентин улыбнулся.

— Теперь уже недолго. Они в наших руках.

За два часа до темноты он отдал приказ разбить лагерь на лугу. Фургоны были поставлены защитной стеной, фуражиры пошли собирать сучья для костров, квартирмейстеры начали раздавать ужин. Когда наступила ночь, был дан неожиданный приказ ехать дальше, оставив горящие костры и часть фургонов на месте.

Валентин чувствовал, как в нем поднимается возбуждение. Он видел, как снова загорелись глаза Карабеллы, как потемнел старый шрам на щеке Слита. Это были незабываемые часы напряжения перед событиями, которые вот-вот произойдут.

— В прежние дни, — сказала Карабелла, — ты наверное глубоко изучил военное искусство, раз придумал такой маневр.

Валентин засмеялся.

— Военное искусство было забыто меньше чем через сто лет после смерти Лорда Стиамота. Я ничего не знаю о войне, Карабелла.

— А как же...

— Догадался. Случайность. Гигантское жонглирование, которое я делаю на ходу.

Он подмигнул.

— Только никому не говори об этом. Пусть думают, что их полководец гений.

В облачном небе не было видно звезд, и свет луны был слабым. Армия Валентина двигалась к Бомбифейлской Равнине, освещая путь световыми шарами.

Делиамбер сидел в глубоком трансе рядом с Валентином и Ирманаром, ища впереди барьеры и препятствия. Валентин молчал.

Он чувствовал себя удивительно спокойным.

Да, думал он, это действительно гигантское жонглирование. Теперь он, как раньше в труппе, двинулся в то спокойное место в центре своего сознания, где он обрабатывал информацию о постоянно меняющемся рисунке событий, по существу даже ничего не зная в тот момент о них. Все делалось в свое время, с одним только ясным знанием эффективной последовательности.

За час до рассвета они дошли до места, где дорога поворачивала вверх ко входу на равнину. Валентин снова созвал командиров.

— Только три приказа: держаться плотной формацией, не отнимать жизнь без необходимости, пробиваться вперед. Сегодня завтракаем в Бомбифейле, а ужинаем завтра в Замке Лорда Валентина!

Глава 10

Настал момент, которого давно страшился Валентин: он должен был вести граждан Маджипура против граждан Маджипура поставить на карту кровь своих друзей по странствиям против крови людей своей юности. Но теперь этот миг настал, и Валентин был твердым и спокойным.

В сером свете зари вторгшаяся армия прокатилась по краю равнины, а в утреннем тумане Валентин впервые увидел легионы противника. Равнина, казалось, была заполнена черными палатками. Всюду были солдаты, повозки, животные, молиторы — хаотическая война.

Силы Валентина построились клином: самые храбрые и преданные в передних фургонах фаланги, отряды герцога Хайтлога — в середине, а тысячи ополченцев из Пендивейна,

Макропрозопоса и других городов Глейга составляли арьергард более значительный по массе, чем по храбрости.

В армии освобождения присутствовали все расы Маджипура — скандары, вруоны, целая орда лименов, множество хортов и гейрогов, даже небольшой элитарный корпус су-сухирисов. Сам Валентин ехал в одной из трех точек передней части клина, но не в центральной: там Ирманар готовился нанести главный удар контрнаступлению узурпатора.

Повозка Валентина была в правом крыле, Эйзенхарта — в левом, а сразу за ними вели колонны Слит, Карабелла, Залзан Кавол и Лизамон.

— Вперед! — закричал Валентин.

Битва началась.

Повозка Ирманара рванулась вперед, затрубили рога, вспыхнуло освещение. Валентин двинулся следом и взглянул в дальний конец поля, увидел, что Эйзерхарт держит равнение. Плотным клином они врезались на равнину, и сразу же основная масса защитников рассыпалась в беспорядке. Передний край сил узурпатора рухнул с пугающей резкостью, словно это была намеренная стратегия. Отряды в панике бросались, сталкивались, путались, хватались за оружие или просто искали спасения. Громадная равнина пошла волнами беспорядочно метавшихся фигур, не имевших ни вождя, ни плана. Вторгшаяся фаланга шла вперед через эти волны.

Произошел небольшой обмен огнем: выстрелы энергометов освещали ландшафт, но руководство вражескими силами, видимо, слишком растерялось, чтобы создать защиту, а атаковавший клин, прорвавшийся вперед, не нуждался в уничтожении противника.

Делиамбер сказал:

— Они растянуты огромным фронтом миль на сто, если не больше. Это даст нам время сконцентрироваться. После первой паники они снова сгруппируются и нам будет труднее.

Так и было.

Неопытное гражданское ополчение, набранное Домиником Барджазедом в Сторожевых Городах, могло растеряться, но ядро защитной армии составляли рыцари Горного Замка, тренированные в военных играх, если не в технике самой войны, и теперь они собирались со всех сторон вокруг небольших клиньев, глубоко врезавшихся в них. Каким-то образом подогнали взвод молиторов, и они отступали теперь с флангов Эйзенхарта, щелкая челюстями и хватая когтями. С другой стороны кавалерийский полк отыскал своих животных и тоже построился, а Ирманар попал под заградительный огонь энергометов.

— Держать построение! — крикнул Валентин. — Двигаться вперед!

Они все еще продвигались, хотя намного медленнее. Если вначале армия Валентина врезалась в гущу врагов, как горячий нож в масло, то теперь она как бы пробивалась сквозь земляную стену.

Многие повозки были окружены, некоторые из них остановлены. Валентин мельком увидел, что Лизамон пешком пробивается сквозь толпу защитников, расшвыривая их в стороны, как прутья.

Три гигантских скандара тоже вышли на поле и устроили страшную резню своими многочисленными руками, в каждой из которых было какое-то оружие.

Противники окружили повозку Валентина, но водитель дернул ее назад и резко повернул кругом, раскидывая вражеских солдат.

Вперед, вперед...

Повсюду лежали тела убитых. Как глупо было надеяться, что завладеть Горным Замком можно без кровопролития.

Уже, наверное, сотни погибших, сотни раненых. Валентин нахмурился, но стрелял и стрелял.

— Валентин, Лорд Валентин!

Крик был общим, но выходил из глоток воинов обеих сторон, и каждая сторона имела в виду своего Лорда Валентина.

Теперь движение, казалось, было полностью блокировано. Защитники перешли в контратаку, словно не были готовы напасть первыми и позволили армии Валентина пробиться вперед, а теперь перегруппировались, собрались с духом и приняли подобие стратегии.

— Похоже, что у них новое руководство, милорд, — сказал Ирманар. — Теперь их командиры держат мощный контроль и жестоко пришпоривают солдат, чтобы они шли на нас.

Вперед выступил строй молиторов, за ним шли в громадном количестве отряды узурпатора, но тупоумные неуправляемые животные причиняли больше затруднений своим объемом, чем зубами и когтями.

Многие офицеры Валентина выскочили из повозок и яростно сражались, в то время как отряды старались прикрыть их. Валентин и сам хотел выйти, но Делиамбер приказал ему остаться.

— Твоя особа священна, — резко сказал он. — В рукопашном бою воины обойдутся без тебя.

Валентин нахмурился. Он сознавал логику Делиамбера, но презирал ее.

Тем не менее он подчинился.

— Вперед! — крикнул он в черный костяной рог полевого коммуникатора.

Но двигаться вперед они не могли. Тучи защитников собирались со всех сторон и теснили назад армию Валентина. Новые силы узурпатора сконцентрировались неподалеку от Валентина. Да, какой-то новый полководец, — думал Валентин, — сильный и знающий полевой командир сплотил еще недавно пребывавшие в панике отряды.

— Милорд, — крикнул Ирманар, — видишь холм направо? За ним вражеский командный пост. Там их генерал в гуще сражения.

— Я хочу взглянуть на него, — сказал Валентин.

— Милорд, — продолжал Ирманар, — мы должны сосредоточить атаку здесь и убрать его, прежде чем он добьется большего преимущества.

— Да, конечно, — растерянно пробормотал Валентин.

Он прищурился, вглядываясь.

— Да, вот он — высокий, выше Валентина, широкий рот, проницательные темные глаза, тяжелая масса блестящих черных волос, заплетенных в косу. Он казался удивительно знакомым.

Да, конечно, это был Илидат. Как можно было забыть хоть на миг друга юности, казавшегося иногда даже ближе брата Вориакса, Илидата, близкого Валентину по способностям и характеру, Илидата, которого все, даже сам Валентин, считали следующим возможным Короналем.

Илидат руководит вражеской армией.

Илидат — опасный полководец, которого надо устранить.

— Милорд, — сказал Ирманар. — Мы ждем приказа.

Валентин вздохнул.

— Окружите его, — сказал он, — нейтрализуйте, возьмите в плен, если удастся.

— Мы можем открыть огонь...

— Он должен остаться живым, — резко сказал Валентин.

— Милорд...

— Я сказал — живым.

— Слушаюсь, милорд, — неуверенно ответил Ирманар.

Для него враг был только врагом, а этот генерал принесет немало ущерба, если не будет быстро убит.

Валентин с тревогой и напряжением следил, как Ирманар собрал отряд и повел его к лагерю Илидата. Приказать, чтобы Илидата оставили в живых — дело простое, но как проследить за этим в разгаре битвы. Валентин больше всего боялся, чтобы кто-то из преданных ему офицеров не повел туда отряд. Знать, что Илидат в опасности, что Илидат должен

пасть, чтобы армия освобождения шла вперед — это было ужасно!

Валентин встал. Делиамбер сказал:

— Ты не должен...

— Должен, — ответил Валентин.

Он выскочил из фургона, пока вруон не наложил на него свои чары.

С земли ничего не было видно: все носились вокруг, не отличишь друзей от врагов, кругом суматоха, крики.

Общий вид сражения, который Валентин видел из фургона, здесь не был различим. Валентину казалось, что отряды Ирманара отошли в сторону, а в направлении поста Илидата идет хаотическая битва.

— Милорд, — окликнул его Шанамир, — тебе нельзя быть на виду. Ты...

Валентин отмахнулся от него и двинулся в гущу сражения.

События снова изменились. Теперь казалось, что Ирманар сосредоточил атаку на лагере Илидата. Вторгшиеся пробились и снова привели врага в смятение.

Рыцари и горожане отступали, разбегались кругами, пытаясь уклониться от безжалостного наступления, а где-то впереди ядро защитников твердо сплотилось вокруг Илидата.

Только бы он остался живым! — молился Валентин. Победа, казалось, была уже в руках Валентина, но цена ее будет слишком велика, если за нее придется заплатить смертью Илидата.

Валентин увидел впереди Лизамон и Кона. Они прорубали тропу, чтобы по ней прошли другие, шедшие за ними. Кон смеялся, словно всю жизнь ждал этой минуты для применения своей силы.

Синекожий пришелец получил удар в грудь. Он пошатнулся. Лизамон подхватила его и осторожно опустила на землю.

— Кон! — закричал Валентин и бросился к нему.

Даже на расстоянии было видно, что Кон ранен смертельно. Он задыхался, худое, с резкими чертами лицо посерело, глаза потускнели. Увидев Валентина, он пытался сесть.

— Милорд, — сказала великанша, — тебе здесь не место.

Валентин наклонился над раненым.

— Кон!

— Все в порядке, милорд. Так я и знал — была причина, чтобы я приехал на вашу планету. Одно плохо: я не побываю на банкете в честь победы...

Валентин поддерживал чужеземца за костлявые плечи, но жизнь уходила быстро и спокойно. Его долгое путешествие пришло к концу. Он наконец нашел цель и покой.

Валентин выпрямился и оглянулся. Его окружал кордон людей, и кто-то — кажется, Слит — дергал его, чтобы отвести в безопасное место.

— Нет, — сказал Валентин, — я буду сражаться...

— Не здесь, милорд. Ты хочешь разделить судьбу Кона? Что будет с нами, если ты погибнешь? Вражеские отряды идут к нам из Прохода Перитол. Скоро битва станет еще яростнее. Тебе нельзя быть здесь.

Валентин понимал это. Доминика Барджазеда не было на сцене, не следовало быть и Валентину. Но как может он сидеть в фургоне, когда другие умирают, когда Кон, даже не из их мира, отдал жизнь за Валентина, когда любимый друг Илидат в опасности? Валентин качнулся в нерешительности. Слит выпустил его и тут же позвал Залзана Кавола. Скандар был неподалеку, с мечами в трех руках и энергометом в четвертой. Держа защитников на почтительном расстоянии, он пробился к Валентину. Валентин вдруг подумал, что скандар может просто утащить его силой и сказал:

— Подожди. Предполагаемый наследник в опасности. Я приказываю тебе следовать за мной.

Слит и Залзан Кавол опешили.

— Какой наследник.

— Идите за мной. Я приказываю!

— Милорд, — сказал Залзан Кавол, — твоя безопасность...

— Это не единственно важная вещь. Слит, иди слева, Залзан — справа.

Они были слишком растеряны, чтобы оказать сопротивление. Валентин позвал также и Лизамон. Под охраной друзей он быстро пошел к переднему краю вражеской армии и закричал изо всех сил:

— Илидат!

Голос его разнесся далеко, и звук этого мощного рева на миг остановил битву. За неподвижными воинами Валентин увидел Илидата, и глаза их встретились.

— Илидат из Морвела, — снова закричал Валентин, — приходи на переговоры!

— Кто зовет меня? — послышался ответ.

Толпа между Валентином и Илидатом снова раздалась. Валентин протянул руки к хмурой фигуре и хотел было что-то сказать, но решил, что слова слишком неоправданны сейчас, поэтому он быстро вошел в транс и бросил Илидату через расстояние полную силу своего духа в образах, спрессованных в долю секунды.

Два мальчика едут верхом по лесу... Толстый корень протянулся, как змея, через тропинку. Животное споткнулось, мальчик упал...

Треск, острая белая кость вылезла сквозь разорванную кожу...

Второй мальчик спешился и испуганно присвистнул, увидя повреждение...

Валентин больше не мог держать мысленно образы. Контакт прервался. Валентин в изнеможении отступил и вернулся к реальности.

Илидат растерянно смотрел на него.

Они словно были сейчас вдвоем на поле, а все, что делалось вокруг, было просто шумом.

— Да, — сказал Валентин, — ты знаешь меня, Илидат, только не в этом теле.

— Валентин?

— Он самый.

Они пошли друг другу навстречу.

Кольцо отрядов обеих сторон окружило их молча и заинтересованно.

Их разделяло несколько шагов, когда оба они остановились и неуверенно приняли боевую позу, словно дуэлянты. Илидат ошеломленно разглядывал Валентина.

— Разве это возможно? — спросил он наконец. — Неужели существует такое колдовство?

— Мы вместе ездили в лес под Эмблиморном, — сказал Валентин. — Я никогда не испытывал такой боли, как в тот день. Помнишь, как ты ставил сломанную кость на место и сам плакал, будто это была твоя нога?

— Откуда ты это знаешь?

— А потом я не мог ходить несколько месяцев, и ты, Тонигорн и Стасилейн рыскали по Горе без меня. Хромота у меня так и осталась.

Валентин засмеялся.

— Доминик Барджазед украл у меня эту хромую ногу вместе с моим телом. Кто еще из близких ему мог рассчитывать на такую милость?

Илидат потряс головой, как бы сбрасывая паутину сна.

— Колдовство!

— Да. А я — Валентин.

— Валентин в Замке. Я виделся с ним вчера, он вызывал меня, разговаривал о старых временах, о наших развлечениях...

— Это украденные воспоминания, Илидат. Он шарил в моем мозгу. Ты ничего необычного не заметил в нем за последний год?

Валентин пристально посмотрел в глаза Илидата, и тот отвел взгляд, как бы боясь колдовства.

— Тебе не казалось, что твой Валентин стал задумчивым, таинственным?

— Да, но я думал, что его сделали таким заботы управления.

— Но все-таки ты уловил разницу, перемену?

— Да, легкую. Некоторую холодность, отчуждение...

— Ты все еще не можешь признать меня?

— Валентин? — прошептал Илидат недоверчиво. — Это действительно ты в чужом теле?

— Именно. А тот, который в Замке, обманул и тебя, и весь мир.

— Это так странно...

— Брось сомнения, Илидат!

Валентин широко улыбнулся, протянул к Илидату руки и обнял, как друга. Илидат оцепенел, тело его стало деревянным. Затем он оттолкнул Валентина и отступил, дрожа.

— Не бойся меня, Илидат.

— Ты слишком много хочешь от меня. Поверить в такое...

— Поверь.

— Я и так уже поверил... Тепло твоих глаз, твоя улыбка, твои воспоминания...

— Поверь мне до конца, — настаивал Валентин. — Леди, моя мать, шлет тебе свою любовь. Ты снова увидишь ее в Замке, когда мы будем праздновать мое возвращение. Поверни свои отряды, мой дорогой друг, присоединяйся ко мне, и мы вместе пойдем на Гору.

Лицо Илидата выражало борьбу, губы шевелились, мускулы на щеке дергались.

Он молча смотрел на Валентина и наконец сказал:

— Пусть это безумие, но я верю тебе, Валентин. Я присоединяюсь к тебе, но да поможет тебе Божество, если ты обманул меня.

— Обещаю тебе, что ты не раскаешься.

Илидат кивнул.

— Я пошлю гонцов к Тонигорну.

— Где он?

— Он охраняет Проход Перитола от твоего предполагаемого нападения. Стасилейн тоже там. Я горевал, что меня оставили командовать здесь, поскольку думал, что пропущу всю битву. О, Валентин, неужто это правда ты? Золотые волосы, невинные глаза...

— Да, я настоящий Валентин. Помнишь как Вориакс заставил нас полировать его колесницу, которую мы испачкали?

Оба засмеялись и дружески тыкали друг друга кулаками.

— Но где же ты был?

Илидат вдруг нахмурился.

— Что с тобой было в течение этого года? Ты не болел?

— Это очень долгая история, — серьезно ответил Валентин. — Сейчас не время и не место рассказывать. Надо остановить сражение, Илидат. Невинные граждане умирают за Доминика Барджазеда. Мы не можем допустить этого. Собирай свои отряды и поворачивай их обратно.

— Это не так легко сделать?

— Отдай приказ. Передай другим командирам. Убийство надо остановить. А затем поедем вместе к Бомбифейлу, а оттуда мимо Верхнего Морцина к Замку.

Глава 11

Валентин вернулся в свою повозку, а Илидат исчез в растрепанном строю защитников. От Ирманара Валентин узнал, что во время переговоров его люди сильно продвинулись вперед, по-прежнему держась плотным клином, и привели большую, но бесформенную армию мнимого Короналя в почти полный беспорядок. Клин продолжал расширяться, а беспомощные отряды противника уже не имели ни воли, ни желания сдерживать его. С исчезновением лидерства и крепкого боевого духа Илидата защитники оказались дезорганизованными.

Но остановить битву почти не было возможности. Сотни и тысячи воинов хлынули беспорядочным потоком на Бомбифейлскую Равнину, и еще тысячи бежали из Прохода, и обуздать всю эту массу просто не было возможности. Валентин увидел звездное знамя Илидата где-то в середине поля и понял, что он пытается связаться со своими офицерами и призвать их к лояльности, но армия вышла из-под контроля, и солдаты гибли напрасно.

Все это камнем легло на сердце Валентина, но он не мог ничего сделать. Он дал сигнал Ирманару усилить движение вперед.

Через час началась странная трансформация битвы. Клин Валентина шел вперед, почти не встречая сопротивления, а вторая фаланга под предводительством Илидата шла с востока с той же легкостью.

Остатки гигантской армии, занимавшей равнину, были таким образом разделены.

Скоро эти бесполезные орды остались далеко в тылу Валентина, а двойная колонна вошла в верхнюю половину равнины, откуда начинался подъем к Бомбифейлу, самому старому и самому красивому из Внутренних Городов. Когда они

поднялись по склону, небо стало ярче, и воздух теплее, поскольку они начали выходить из облачного пояса на нижние склоны зоны вершин, которые вечно купались в лучах солнца.

Бомбифейл уже был виден, он возвышался над ними, как видение древней роскоши: громадные зубчатые стены из оранжевого песчаника с большими гранеными плитами голубого сипара, привезенного с берегов Великого Океана во времена Лорда Пинстора, и величественными игольчатыми башнями, стройными и изящными, стоявшими с правильными интервалами на зубцах стен.

Душа Валентина преисполнилась радостью. Сотни миль к Горе Замка были уже позади. До Замка оставалось меньше дня пути. И хотя он еще чувствовал по ночам далекие угрожающие приступы послания Короля Снов, они лишь слегка задевали край его духа. Его любимый друг Илидат поднимался с ним, Стасилейн и Тонигорн тоже ехали, чтобы присоединиться к нему.

Как хорошо было смотреть на шпили Бомбифейла и знать, что впереди! Холмы, ограничивавшие город вдали, чистая трава лугов, красный камень горной дороги от Бомбифейла до Верхнего Морпина, усыпанные цветами поля, связывавшие шоссе Калантен с южным крылом Замка — он знал все эти места лучше, чем свое здоровое, но все-таки не вполне привычное новое тело. Он был почти дома.

Но что дальше?

Уладить дело с узурпатором, восстановить порядок... Задача была так страшна, что Валентин не знал, с чего начать. Его не было в Замке почти два года. Законы, изданные Домиником Барджазедом, нужно будет проверить и скорее всего отменить.

Была еще одна проблема, над которой он доселе просто не задумывался: как вести своих спутников в имперскую службу? Он должен был найти посты власти для Делиамбера, Слита, Залзана Кавола и других. Надо думать и об Илидате и прочих, занимавших центральное положение при его дворе. Не мог же он сместить их только потому, что вернулся из ссылки с новыми любимцами. Это было очень сложно, но он надеялся, что сумеет уладить все, не вызвав недовольства...

Делиамбер вдруг резко сказал:

— Боюсь, что нас ждут новые неприятности, и немалые.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты видишь какие-нибудь перемены в небе?

— Да. Оно стало ярче, когда мы вышли из пояса облаков.

— Посмотри внимательнее, — сказал Делиамбер.

Валентин посмотрел наверх.

Небо изменилось, — легкое затемнение, как перед грозой, ни одного облачка, только странный и зловещий оттенок серого наползал на голубизну.

Знамена, ранее колыхавшиеся на легком западном ветерке, склонились к югу под внезапным сильным порывом ветра с вершины.

— Погода меняется, — сказал Валентин. — Может, дождь пойдет? Ну, а нам-то что?

— Ты когда-нибудь видел внезапные перемены погоды в этой части Горы?

— Нет, вообще...

Валентин нахмурился.

— Этого никогда не было.

— Милорд, почему в этом районе такой благословенный климат?

— Потому что им управляют из Замка громадные машины...

Он замолчал, пораженный ужасной мыслью.

— Вот именно, — сказал Делиамбер.

— Нет, это немыслимо!

— Подумай, милорд. Гора уходит высоко в холодную ночь космоса. В Замке над нами прячется испуганный человек, изменой захвативший трон. Он видит, что большая часть его верных генералов перекинулась на сторону врагов. Непобедимая армия беспрепятственно поднимается на вершину Горы. Как может он уберечься от нее? Выключить машины, чтобы этот мягкий воздух замерз в наших легких, чтобы в полдень настала ночь, и мрак вакуума обрушился на нас, чтобы Гора снова стала безжизненной, как десять тысяч лет назад. Посмотри на небо, Валентин, посмотри на знамена на ветру!

— Но на Горе миллиарды жителей! — закричал Валентин. — Если он выключит машины, он убьет вместе с нами и себя тоже, если он не нашел какого-то способа запечатать Замок от наступления холода.

— Ты думаешь, его заботит теперь собственная жизнь? Он пропал в любом случае. Но таким способом он унесет с собой не только тебя, но и всех из Замка. Посмотри на небо, Валентин, видишь, как оно темнеет?

Валентин дрожал от ярости, Доминик Барджазед желает уничтожить все города Горы в этом чудовищном катаклизме, убить матерей с детьми, фермеров на полях, торговцев в лавках, миллионы и миллионы невинных, которые никак не участвуют в этой борьбе за Замок. Зачем эти убийства? Только чтобы излить свою ярость, теряя то, что никогда ему не

принадлежало по праву! Валентин смотрел на небо, надеясь, что это какой-то природный феномен.

Глупо надеяться! Делиамбер был прав: погода на Горе никогда не была природным феноменом.

— Мы еще далеко от Замка, — сказал Валентин.

Он был в тревоге.

— Сколько времени пройдет, прежде чем наступит зима?

Делиамбер пожал плечами.

— Когда погодные машины были построены, милорд, прошло много месяцев, прежде чем воздух достаточно уплотнился, чтобы поддерживать жизнь на этих высотах. Машины работали день и ночь, однако это заняло много месяцев. Ломать — не строить, но все-таки, я думаю, это произойдет не сразу.

— Сможем ли мы вовремя достичь Замка и остановить уничтожение?

— Как знать, милорд.

Валентин приказал остановить повозку и собрал своих офицеров. Фургон Илидата еще до зова спешил к Валентину: видимо, Илидат тоже заметил что-то тревожное. В воздухе ощущался лишь слабый намек на похолодание, но и этого было достаточно, чтобы понять — что-то происходит неладное.

Илидат подбежал к Валентину и указал на темнеющее небо.

— Милорд, безумец делает самое ужасное!

— Я знаю. Мы тоже заметили перемену.

— Тонигорн уже близко, а Стасилейн едет со стороны Банглекода. Мы должны как можно быстрее двигаться к Замку.

— Думаешь, успеем? — спросил Валентин.

— Постараемся.

Илидат холодно улыбнулся.

Собрались озадаченные Слит, Карабелла, Лизамон, Эйзенхарт, Ирманар.

Эти чужие на Горе люди, вероятно, заметили перемену погоды, но не вывели из этого мрачных заключений. Они встревоженно смотрели то на Валентина, то на Илидата, чувствуя, что происходит нечто непонятное, но не понимая, что именно. Валентин объяснил.

— Остановки в Бомбифейле не будет, — добавил он. — Едем прямо к Замку мимо Верхнего Морпина и нигде не останавливаемся.

Он посмотрел на Ирманара.

— Я полагаю, что возможна паника среди людей. Не допусти ее. Объясни всем, что мы будем спасены, если вовремя достигнем Замка, что единственная надежда на скорость.

Понятно? От нее зависит жизнь миллиарда граждан, в том числе и наша.

Глава 12

Подъем на Гору был вовсе не таким радостным, как ранее воображал Валентин.

После победы на Бомбифейлской Равнине с него как бы свалился тяжкий груз, потому что он не видел больше препятствий на своем пути. Он думал о безмятежном путешествии к Внутренним Городам, о триумфальном банкете в Бомбифейле, о том, как Барджазед трясется от страха в ожидании его прихода в Замок, о захвате узурпатора, о своем восстановлении. Но все эти приятные мечты разлетелись. Армия в отчаянной спешке поднималась вверх. Небо с каждой минутой становилось темнее, ветер с вершины крепчал, воздух стал более сырым и едким. Что думают об этих переменах в Бомбифейле, Перитоле и выше, в Хеленксе и Морпине, да и в самом Замке?

Конечно, все понимают, что было сделано нечто ужасное, если вся прекрасная Гора Замка страдает от непривычных порывов холодного ветра, и день вдруг обращается в ночь. Но понимают ли они, какое бедствие обрушивается на них?

А как народ в самом Замке? Пытается ли добраться до погодных машин, которые выключил их сумасшедший Корональ, или узурпатор забаррикадировал проход к машинам, и смерть равно поразила всех?

До Бомбифейла было теперь рукой подать. Валентин сожалел, что проедет мимо, потому что его армия сражалась и теперь нуждалась в отдыхе. Но теперь они остановятся, они останутся в нем навеки.

Так что, вверх и вверх сквозь надвигавшуюся ночь. Как ни старались они ехать быстро, для Валентина все казалось медленным, потому что он представлял себе толпы на площадях городов, хаотические толпы перепуганных людей, смотревших в небо и кричавших — Лорд Валентин, спаси нас! Они не знали, что черноволосый человек, к которому они обращаются, виновник их гибели. Он мысленно видел, как жители Горы миллионами хлынут на нижние уровни в безнадежных, бесплодных усилиях избежать смерти. Он представлял себе, как языки пронизывающего ветра лижут непорочно-прекрасные растения Барьера Толингера, замораживают каменных птиц Форбила, губят элегантные сады Сти, превращают в лед каналы Хикмара. Это чудо — Гора Замка создавалась восемь тысяч лет, а безумец с холодной и подлой душой уничтожит ее в одно мгновение.

Стены и башни Бомбифейла, прекрасные даже в этом гаснувшем свете, манили к себе Валентина, но он проехал мимо, торопясь дальше по ступеням горной дороги, вымощенной древними плитами красного камня.

Повозка Илидата была справа от него, Карабеллы — слева, чуть позади ехали Слит, Залзан Кавол, Ирманар, Лизамон, а за ними все отряды, собранные Валентином в его долгом путешествии. Все спешили за своим Лордом, но понимали, что наступает миг апокалипсиса, когда монументальное зло готово восторжествовать, и только мужество, храбрость и скорость могут блокировать его победу.

Валентин сжал кулаки и пытался силой воли заставить повозку двигаться быстрее.

Делиамбер, сидевший рядом, уговаривал его успокоиться. Но как быть спокойным, когда воздух Горы уходит молекула за молекулой, и тьма ночи захватывает все вокруг?

— Видишь деревья вдоль дороги с малиново-золотыми цветами? — сказал Валентин. — Они были посажены четыре тысячи лет назад. Когда они цветут, в Верхнем Морпине устраивается фестиваль, и тысячи людей танцуют на дороге между ними. Видишь — листья уже съежились и почернели. Они никогда не знали такой низкой температуры, а холод еще только начинается. Что будет с ними через восемь часов? Если даже такой холод губит листья, что будет в настоящий мороз и снег? Снег на Горе Замка, и даже хуже, чем снег... когда исчезнет воздух. А все останется нагим под звездами!

— Мы еще не пропали, милорд! Что за город над нами?

— Верхний Морпин, город развлечений, где происходят игры.

— Думай об играх, которые будут здесь в следующем месяце, милорд, в честь твоего возвращения.

Валентин кивнул.

— Да, — сказал он без тени иронии, — я буду думать об играх, о смехе, о вине, о цветах на деревьях, о птицах. Нельзя ли заставить этот фургон ехать быстрее, Делиамбер?

— Он плавучий, а не летающий. Наберись терпения. Замок уже близок.

— Еще несколько часов, — угрюмо сказал Валентин.

Он старался сохранить душевное равновесие. Он вспоминал Валентина-жонглера, простоватого парня, который похоронен теперь где-то внутри него, который отрабатывал только что выученные приемы, сводя себя до уровня руки и глаза. Держись в центре своей души, помни, что жизнь — игра, путешествия, короткие развлечения, что Коронали могут па-

дать в реки, что их могут сожрать морские драконы, высмеять в пантомиме метаморфы.

Ну и что? Довольно слабое утешение.

Это неудача одного человека, довольно тривиальная в глазах Божества, хотя этот человек и был королем. А здесь — угроза миллиарду невинных людей и произведениям искусства, Горе, возможно, единственной во всем космосе.

Верхний Морпин поднимался справа сияющим плетением. Фантастический город игр, чудес и грез, город, сплетенный из золотой проволоки, как думал в детстве Валентин, когда смотрел на чудесные здания Верхнего Морпина. Сейчас он глянул и быстро отвернулся. До Замка осталось десять миль, сущий пустяк.

— Как называется эта дорога? — спросил Делиамбер.

— Большое Калинтанское Шоссе. Я тысячу раз проезжал по нему в город развлечений и обратно. Поля, окружающие его, засеяны таким образом, что в любой день года что нибудь да цветет, и всегда в приятном сочетании красок. А сейчас, видишь, все цветы свернулись и повисли.

— Их можно будет высадить снова, если холод их уничтожит. Эти растения не так нежны, как ты думаешь.

— Я чувствую холод на них, как будто на собственной коже.

Теперь они были на вершине Горы так высоко над равнинами Алханрола, как будто достигли другой планеты.

Все здесь заканчивалось фантастическим взлетом островерхих пиков и утесов.

Вершина целилась в звезды как бы сотнями копий, и среди этих изящных каменных шпилей поднимался круглый бугор высочайшего места, где Лорд Стиамот устроил свою имперскую резиденцию восемь тысяч лет назад в честь победы над метаморфами, и с тех пор каждый Корональ отмечал свое правление добавочными залами, пристройками, зубчатыми стенами и парапетами. Замок тянулся на тысячи акров, город в себе, лабиринт более запутанный, чем берлоги Понтифакса.

Совсем стемнело. Холодные безжалостные звезды горели над головой.

— Наверное, воздух уходит, — прошептал Валентин, — и скоро придет смерть.

— Это просто ночь, а не бедствие, — ответил Делиамбер. — Мы ехали весь день, и ты не заметил как прошло время.

— А воздух?

— Он становится более холодным и разреженным, но он еще не ушел.

— Время еще есть?

— Есть...

Они проехали последний поворот. Валентин хорошо его помнил: поворот шоссе взлетал резкой дугой вокруг Горы, и ошеломленный путешественник впервые видел перед собой Замок.

Валентин еще не видел Делиамбера таким изумленным.

— Что это за здание, Валентин? — тихо спросил колдун.

— Это Замок.

Да, это был Замок Лорда Малибора, Замок Лорда Вориакса, Замок Лорда Валентина. Ниоткуда нельзя было увидеть его весь целиком, или хотя бы сколько-нибудь значительную его часть, но отсюда был виден достаточно внушительный сегмент Замка, блиставший миллионами огней.

Страх Валентина испарился. Лорд Валентин мог не печалиться относительно Замка Лорда Валентина. Теперь он дома, и какая бы рана ни была нанесена, она скоро будет залечена.

Калинтанское шоссе заканчивалось площадью рядом с южным крылом Замка. Она представляла собой огромное открытое пространство, вымощенное кусочками зеленого фарфора с золотой горящей звездой в центре. Валентин вышел из фургона и собрал своих офицеров. Дул пронзительный холодный ветер.

— Здесь есть стража у ворот? — спросила Карабелла. — Или нам придется вести осаду?

Валентин улыбнулся и покачал головой.

— Стражи нет. Кто и когда вторгался в Замок Короналя! Мы просто проедем через вот эту арку. Но внутри мы можем снова встретиться с вражескими отрядами.

— Стража Замка в моем подчинении, — сказал Илидат, — и я буду иметь с ней дело.

— Хорошо. Держитесь вместе, уповайте на Божество, а утром отпразднуем победу!

— Да здравствует Лорд Валентин! — закричал Слит и все остальные.

Валентин поднял руки как в знак признательности, так и для восстановления тишины.

— Праздновать будем завтра, а сегодня даем бой, и я надеюсь, последний!

Глава 13

Какое странное ощущение — вновь пройти под Аркой и увидеть перед собой всю пышность Замка!

Мальчиком он играл на этих бульварах и улицах, терялся в бесконечных проходах и коридорах, благоговейно взирал на стены и башни, ограды и своды. Юношей на службе у своего брата Лорда Вориакса он жил в Замке в Пенитор Корте, где имели резиденцию высокие официальные лица, и много раз гулял по парапету Лорда Оссира, любуясь зрелищем Верхних Городов. Короналем он занимал самые внутренние зоны Замка. Он с наслаждением прикасался к древним камням Башни Лорда Стиамота, проходил через тронный зал Лорда Конфалума, изучал звезды в Обсерватории Лорда Кинникена и размышлял о том, что он сам сделает в Замке в последующие годы. И вот теперь, он снова здесь и только сейчас осознал, как он любит это место — не за то, что оно было символом власти и императорского величия, а главным образом потому, что это была ткань веков, живая, дышащая ткань истории.

— Замок наш! — радостно закричал Илидат.

Армия Валентина вошла в неохраняемые ворота.

Но, — думал Валентин, — по всей Горе идет смерть и все жители умрут через несколько часов.

Слишком много времени прошло с тех пор, как атмосфера начала меняться.

Усиливающийся холод, тяжело легший на Гору Замка, нигде не был так заметен, как в самом Замке. Его обитатели, уже ошеломленные и испуганные событиями гражданской войны, стояли, как восковые фигуры, в то время как отряды Валентина врывались в Замок. Некоторые, более практичные или быстрее соображающие, кричали:

— Да здравствует Лорд Валентин!

Основная же масса при виде золотоволосого незнакомца вела себя так, словно они уже начали замерзать.

Отряды атаковавших быстро и точно двигались к указанным Валентином целям.

Герцог Хайтлог и его воины хлынули по периметру Замка, чтобы нейтрализовать любые враждебные силы. Эйзенхарт и шесть отрядов жителей долин стали закрывать многочисленные ворота Замка, чтобы никто из приверженцев узурпатора не смог ускользнуть. Слит и Карабелла со своими отрядами пошли наверх к императорским холлам внутреннего сектора, чтобы захватить правительственные посты. Сам Валентин с Илидатом и Ирманаром и их объединенными силами спустился по спиральному мощеному проходу к подземелью, где находились погодные машины. Остальные отряды под командой Насимонта, Залзана Кавола, Шанамира, Лизамон и Гарцвела растекались по всему Замку в по-

исках Доминика Барджазеда, который мог скрываться в любой из тысяч комнат.

В конце мощеного спуска Валентин остановился, потому что плавучие повозки не могли двигаться дальше, и быстро пошел пешком. Нос, губы и уши немели от холода, сердце сильно билось, легкие тяжело работали в разреженном воздухе.

Подземелье было почти незнакомо ему, он был здесь всего раз или два, и то очень давно, но Илидат, похоже, знал дорогу.

По коридорам, по бесконечным пролетам широкой каменной лестницы — в высокую арку, мерцавшую вдали. Воздух заметно охлаждался, неестественная ночь плотнее охватывала Гору.

Перед ними оказалась громадная деревянная дверь, обитая толстыми металлическими полосами.

— Выломать! — приказал Валентин. — Прожечь, если нужно!

— Подожди, милорд, — сказал тихий, дрожащий голос.

Валентин быстро оглянулся. Из прохода в стене вышел гейрог и неуверенными шагами подошел.

— Хранитель погодных машин, — пробормотал Илидат.

Гейрог выглядел почти мертвым.

Он растерянно переводил взгляд с Илидата на Ирманара, с Ирманара на Валентина, а затем упал к ногам Валентина.

— Милорд, Лорд Валентин, спаси нас! Машины выключены!

— Ты можешь открыть дверь?

— Да, милорд. Контрольный пост в этом проходе, но внутри командуют отряды, они выкинули меня. Что они сделали там, милорд? Что с нами будет?

Валентин поднял трясущегося гейрога.

— Открой дверь.

— Слушаюсь, милорд. Минутку...

Скорее вечность, — подумал Валентин.

Послышался устрашающий звук подземного механизма, и тяжелый деревянный барьер со скрипом и стоном начал отходить в сторону.

Валентин хотел первым ворваться в отверстие, но Илидат грубо схватил его за руку и оттащил назад. Валентин хлопнул по дрожавшей руке, словно это было надоедливое насекомое, но Илидат держал его крепко.

— Нет, милорд, — резко сказал он.

— Пусти, Илидат.

— Пусть это будет стоить мне головы, Валентин, но я не пущу тебя туда. Отойди в сторону.

Валентин оглянулся на Ирманара, но не нашел поддержки.

— Гора замерзает, милорд, а ты задерживаешь нас, — сказал Ирманар.

— Я не позволю...

— Отойди! — приказал Илидат.

— Я Корональ!

— А я отвечаю за твою безопасность. Не обижайся, милорд, но внутри вражеские солдаты, отчаянный народ, защищающий последний оплот власти узурпатора. Увидит тебя какой-нибудь снайпер, и вся наша борьба окажется напрасной. Отойдешь сам, Валентин, или я должен буду оттолкнуть тебя с дороги?

Валентин раздраженно уступил и сердито смотрел, как Илидат и отряд копьеносцев прошли мимо него внутрь. Почти сразу же послышались звуки сражения: крики, энергоразряды, стоны. Хотя люди Ирманара стерегли Валентина, он раз десять пытался ворваться в подземелье, но они держались стойко. Затем пришел посланец от Илидата и сообщил, что первое сопротивление сломлено, что они идут вглубь, что там баррикады, ловушки, засады вражеских солдат через каждые сотни ярдов. Валентин сжимал кулаки. Как это ужасно — быть слишком священным и не иметь возможности рискнуть своей шкурой, пока вокруг кипит война за его трон! Он решил войти внутрь — пусть Илидат замолчит.

— Милорд!

К нему бежал задыхающийся посланец с другого конца коридора.

— В чем дело? — спросил Валентин.

— Меня послал герцог Насимонт. Мы нашли Доминика Барджазеда. Он забаррикадировался в Обсерватории. Герцог просит тебя придти быстрее.

Валентин кивнул. Это было лучше, чем стоять без дела. Он сказал первому посланцу:

— Скажи Илидату, что я пошел наверх. Ему дается разрешение добраться до погодных машин любым способом, какой он найдет лучшим.

Едва Валентин пошел по проходам, как появился помощник Гарцвела и сказал, что узурпатор в Пинтор Корте, а еще через несколько минут пришло известие от Лизамон, что она преследует Доминика по спиральному проходу, ведущему к бассейну Лорда Симинейва.

В главном холле Валентин нашел Делиамбера, очарованно следившего за действиями военных.

Рассказав вруону о противоречивых рапортах, Валентин спросил:

— Может, он находится сразу в трех местах?

— Скорее всего, нет, — ответил колдун, — если только он не един в трех лицах, в чем я сомневаюсь. Но я чувствую его присутствие, темное и сильное.

— В каком именно месте?

— Трудно сказать. Его враждебная жизненная сила такова, что отражается от любого камня Замка, и эхо сбивает меня с толку. Но теперь, мне кажется, я больше не боюсь.

— Лорд Валентин!

Это был новый посланец. У него было знакомое лицо: густые сросшиеся брови, легкая доверчивая улыбка. Это был Тонигорн, второй ближайший друг детства Валентина, теперь один из главных министров королевства. Он смотрел на незнакомца проницательными глазами, как бы пытаясь обнаружить за странной внешностью настоящего Валентина. Рядом с ним был Шанамир.

— Тонигорн! — воскликнул Валентин.

— Милорд, Илидат сказал мне, что ты изменился, но я не думал...

— Я кажусь тебе чужим с этим лицом?

Тонигорн улыбнулся.

— Привыкнем, милорд. Но это потом. Я принес хорошие новости.

— Увидеть тебя снова — уже хорошая новость.

— Я принес лучшую. Предателя нашли.

— За последние полчаса я слышал уже три раза, что он в трех различных местах.

— О тех рапортах я ничего не знаю, но мы его нашли.

— Где?

— Он забаррикадировался во внутренних комнатах. Последним его видел слуга, старый Канзимир, преданный до конца. Он видел, как тот трясется и в ужасе бормочет что-то невнятное, и понял, наконец, что перед ним не Корональ. Изменник закрыл все помещения от тронного зала до гардеробных и сидит там один.

— Да, это действительно хорошие новости!

Валентин обернулся к Делиамберу.

— Твое колдовство подтверждает это?

Делиамбер пошевелил щупальцами.

— Я чувствую злобное, ожесточенное присутствие в том величественном здании.

— Императорские комнаты, — сказал Валентин.

Он повернулся к Шанамиру.

— Пошли известие Слиту, Карабелле, Залзану Каволу и Лизамон. Я хочу, чтобы они были со мной, когда мы пойдем туда.

— Слушаю, милорд.

— Кто эти люди, которых ты назвал? — спросил Тонигорн.

— Друзья по странствиям, друг. За время моей ссылки они стали мне очень близки.

— Тогда они будут близки и мне, милорд. Кто бы они ни были, я буду любить их, раз ты их любишь.

Тонигорн плотнее запахнул плащ.

— Что за холод! Когда он кончится? Илидат сказал, что погодные машины...

— Да...

— Их можно восстановить?

— Илидат там. Кто знает, какой ущерб нанес им Барджазед? Будем надеяться на Илидата.

Валентин посмотрел на возвышающийся перед ним внутренний дворец и прищурился, как бы стараясь увидеть сквозь благородные каменные стены бессовестное существо, спрятавшееся за ними.

— Этот холод удручает меня, Тонигорн. Излечение теперь в руках Божества и Илидата. Пошли, посмотрим, нельзя ли выкурить это насекомое из его гнезда.

Глава 14

Момент финальной встречи с Домиником Барджазедом был уже близок. Валентин быстро шел вглубь и вверх через удивительные, хорошо знакомые комнаты.

Эта сводчатая постройка была архивом Лорда Престимиона, где этот великий Корональ собирал музей истории Маджипура.

Валентин улыбнулся при мысли поместить свои жонглерские дубинки рядом с мечом Лорда Стиамота и осыпанным драгоценностями плащом Лорда Конфалума. Вот поднимается в головокружительном взлете стройная, кажущаяся хрупкой сторожевая башня, построенная Лордом Ариохом — поистине странная конструкция, указывающая, пожалуй, на значительно большие странности, проявленные Ариохом, когда он был на пути к Понтификату. Там двойной атриум с бассейном в центре — часовня Лорда Кинникена, примыкающая к прекрасному бело-кафельному залу резиденции, где останавливалась Леди, когда она посещала своего сына. А вот стеклянная крыша оранжереи Лорда Конфалума, личная слабость этого обожающего помпу монарха, помещение, где были собраны нежные растения со всего Маджипура. Валентин молил судьбу, чтобы растения пережили эту ночь зимнего холода, потому что он мечтал в ближайшее время

пройтись между ними и снова увидеть чудеса, которые он встречал в лесах Зимрола и на побережье Стойенцара.

Еще выше, через бесконечный лабиринт коридоров, лестниц, галерей, туннелей, все дальше и дальше...

— Мы умрем не от холода, а от старости, прежде чем доберемся от Барджазеда! — ворчал Валентин.

— Теперь уже скоро, милорд, — сказад Шанамир.

— Не так скоро, как мне хочется.

— Как ты его накажешь, милорд?

Валентин посмотрел на мальчика.

— Наказать? Какое наказание может быть за то, что он сделал? Посадить на три дня на хлеб и воду? Можно ли наказать Стейч за то, что он выбросил нас на камни?

Шанамир оторопел.

— Совсем не наказывать?

— В твоем понимании наказания — нет!

— Убить, чтобы впредь не делал зла?

— Тоже нет, — сказал Валентин. — Но сначала нужно его найти, а уж потом подумаем, что с ним делать.

Через полчаса Валентин стоял перед сердцем Замка — огороженными стеной имперскими комнатами, не самыми древними, но наиболее священными. У ранних Короналей здесь были правительственные залы, но потом их заменили более богатыми и впечатляющими помещениями великих правителей последнего тысячелетия и устроили тут роскошное место власти в стороне от других запутанных лабиринтов Замка. Самые высокие государственные церемонии проводились в этих роскошных помещениях с высокими сводами, и вот теперь одно-единственное презренное существо затаилось за древними массивными дверями с огромными тяжелыми резными болтами.

— Ядовитый газ, — сказала Лизамон. — Накачать через стены одну канистру и прихлопнуть его там.

— Да! — горячо поддержал ее Залзан Кавол. — Просунуть в эти трещины тонкую трубочку, и газ, каким в Пилиплоке убивают рыбу, поработает внутри.

— Нет, — сказал Валентин, — Мы возьмем его живым.

— А как, милорд? — спросила Карабелла.

— Можно выломать двери, — прогудел Залзан Кавол.

— Ломать двери Лорда Престимиона, которые сооружались тридцать лет, чтобы вытащить мошенника из укрытия? — спросил Тонигорн. — Милорд, затея с ядом, по-моему, лучше. Нам нельзя терять времени.

— Мы не можем действовать, как варвары. Никаких отравлений здесь не будет.

Валентин взял руки Карабеллы и Слита и поднял их.

— Вы жонглеры с хорошо работающими пальцами, и ты тоже, Залзан Кавол. Не воспользоваться ли вам этими пальцами для других целей?

— Открыть замки, милорд? — спросил Слит.

— Вроде того. В эти комнаты есть множество выходов. Может, не все они с засовами. Идите и ищите путь в обход барьеров, а я пока попробую другой способ.

Он подошел к гигантской золоченой двери, на каждом квадратном дюйме которой были вырезаны рельефные сцены правления Лорда Престимиона и его прославленного предшественника Лорда Конфалума, и положил руки на тяжелые бронзовые ручки, как бы намереваясь открыть дверь одним крепким поворотом.

Он стоял так довольно долго, выбросив из своего мозга все, что напряженно кипело вокруг. Он попытался войти в спокойное место в центре своей души, но встретил мощное сопротивление.

Его мозг вдруг наполнился бившей через край ненавистью к Доминику Барджазеду.

За этой громадной дверью находился человек, скинувший Валентина с трона, пославший его в странствия, правивший его именем грубо и неправедно, и что хуже всего, совершенно чудовищно и непростительно собиравшийся уничтожить миллиард невинных, ни о чем не подозревающих граждан, когда его планы начали рушиться.

За это Валентин ненавидел Доминика Барджазеда и за это стремился уничтожить его.

Пока он стоял, вцепившись в ручки двери, его мозг наполнили образы жестокого насилия. Он видел Доминика Барджазеда, истекающего кровью и вопящего так, что было слышно в Пидруде. Он видел Доминика Барджазеда, прибитого к дереву оперенными стрелами. Он видел Доминика Барджазеда, падающего под градом камней.

Он видел...

Валентин дрожал от силы собственной ярости. Но никто в цивилизованном обществе не снимает заживо кожу с врага, никто не поворачивает свою злобу в насилие — даже над Домиником Барджазедом.

Как, думал Валентин, я могу управлять миром, если не могу справиться с собственными эмоциями? Он знал, что пока в его душе кипит эта злоба, он также не пригоден править миром, как и сам Доминик Барджазед! Нужно бороться с этими чувствами. Биение крови в висках, дикая жажда мести — все это должно уйти, прежде чем он сделает хоть одно движение к Доминику Барджазеду.

Валентин боролся с собой. Он расслабил сжатые мышцы, глубоко вдохнул холодный воздух и постепенно напряжение ушло. Он нашел то место в своей душе, куда так неожиданно вошло горячее вожделение мести, и очистил его. Вот теперь он мог двинуться в спокойное место в центре своей души и задержаться в нем, и чувствовать, что в замке только двое — он и Доминик Барджазед, и дверь — единственный барьер между ними.

Овладеть собой — самая малая победа, все остальное должно еще последовать.

Он воззвал к власти серебряного обруча Леди, вошел в транс и послал силу своего духа врагу.

Валентин не послал сон мести и кары: это было бы слишком явно, слишком дешево, слишком легко. Он послал нежный сон любви и дружбы, и печали о том, что случилось. Такое послание могло только удивить Доминика Барджазеда. Валентин показал ему головокружительно-прекрасный город развлечений Верхний Морпин и их двоих, идущих рядом по авеню Облаков, дружески разговаривающих, улыбающихся, спорящих о различиях между ними, пытающихся сгладить расхождения и опасения.

Это был рискованный путь. Доминик мог подвергнуть Валентина насмешкам и презрению, если не поймет мотивов поведения Валентина. Но и действовать на Барджазеда угрозами и яростью тоже было безнадежно. Может быть, мягкий путь вернее приведет к победе?

Такое послание требовало больших резервов духа, поскольку наивно было предполагать, что Доминика Барджазеда можно обольстить ложью, и если бы любовь Валинтина не была искренней, послание было бы просто глупым.

Валентин не знал, сможет ли он найти в себе любовь к человеку, сделавшему столько зла, однако же нашел и послал ее.

Закончив, Валентин взялся за ручки двери, восстановил силы и стал ждать какого-либо знака изнутри.

Неожиданно пришло послание: мощный взрыв ментальной энергии, вылетевший из имперских комнат подобно яростному горячему суврейлскому ветру. Валентин почувствовал опаляющий взрыв глумливого отказа Доминика Барджазеда. Барджазед не нуждался ни в любви, ни в дружбе. Он послал недоверие, ненависть, злобу, презрение, воинственность, декларацию войны.

Удар был весьма интенсивным. Валентин даже удивился, что Барджазед способен на послания. Наверняка тут дейст-

вовала какая-то машина его отца, какое-то колдовство Короля Снов

Но это было уже неважно. Валентин крепко стоял в иссушающей силе энергии, посланной ему Домиником Барджазедом.

Затем он послал второе послание, настолько же мягкое и искреннее, насколько послание Доминика было грубым и враждебным. Он послал сон прощения, полного забвения. Он показал Доминику Барджазеду гавань, флотилию суврейльских кораблей, ожидающих его возвращения в землю его отца, большой парад, где Валентин и Доминик едут вместе в колеснице в порт для церемонии отплытия, стоят на набережной, смеются, прощаются — два добрых друга, имевших полную власть и теперь расставшихся по-хорошему.

В ответ пришел сон смерти, уничтожения, ненависти, отвращения.

Валентин медленно потряс головой, стараясь очистить ее от лившейся к нему ядовитой грязи. В третий раз собрав силы, он стал готовить послание врагу. Он не хотел опускаться до уровня Барджазеда и все еще надеялся победить его теплом и добротой, хотя любой сказал бы, что глупо даже пытаться. Валентин закрыл глаза и сосредоточился на серебряном обруче.

— Милорд!

Женский голос пробился сквозь сосредоточенность Валентина, как раз, когда он входил в транс.

Вмешательство было резким и болезненным. Валентин повернулся с несвойственной ему злостью. Он был так потрясен неожиданностью, что не сразу узнал голос Карабеллы. Она испуганно попятилась.

— Милорд, — слабо произнесла она. — Я не знала...

Он овладел собой.

— В чем дело?

— Мы нашли способ открыть дверь.

Валентин закрыл глаза. Тело его облегченно расслабилось. Он притянул к себе Карабеллу и сказал:

— Веди меня туда.

Карабелла повела его по коридорам с древними драпировками и толстыми коврами.

Она шла уверенно, что было удивительно для него, потому что она никогда не бывала здесь.

Они пришли к той части имперских комнат, которой Валентин не помнил — к служебному входу где-то за тронным залом, маленькому, скромному помещению. Слит, стоя на плечах Залзана Кавола, влез до половины во фрамугу и про-

изводил какие-то манипуляции на внутренней стороне двери.

Карабелла сказала:

— Мы открыли таким образом три двери, эта четвертая. Еще минуту...

Слит вытащил голову и оглянулся, пыльный, ухмыляющийся, явно довольный собой.

— Открыто, милорд!

— Вот это здорово!

— Мы войдем и схватим его, — сказал Залзан Кавол. — Где ты будешь ждать его, милорд?

— Нет, — сказал Валентин. — Туда войду я один.

— Ты, милорд? — недоверчиво спросил Залзан Кавол.

— Один? — спросила Карабелла.

Слит, явно оскорбленный, закричал:

— Милорд, я не позволю...

Он умолк, испугавшись своих слов.

Валентин мягко сказал:

— Не бойтесь за меня. Есть вещи, которые я должен делать сам, без помощи. Отойди назад. Я приказываю не входить, пока не позову.

Они смущенно переглянулись. Карабелла начала что-то говорить, но замолчала. Залзан рыкнул и беспомощно развел всеми четырьмя руками. Валентин толкнул дверь и вошел в какой-то вестибюль, видимо, кухонный проход, едва ли знакомый Короналю. Он осторожно прошел через него и очутился в зале, обитом парчой, — комнате для одевания. Позади была Часовня Деккерета, а дальше — судейский зал Лорда Престимиона, громадная сводчатая комната с великолепными окнами матового стекла и канделябрами работы лучших мастеров Ни-Мойи. За ним был Тронный зал с громадным троном Конфалума. Где-то в этих апартаментах Валентину предстояло найти Доминика Барджазеда.

Комната для одевания была пуста и выглядела так, словно ею не пользовались много времени. Каменная арка в Часовню Деккерета не была закрыта. Валентин прошел туда, никого не увидел и пошел дальше по короткому изогнутому коридору с ярким, зеленым с золотом, мозаичным орнаментом к судейскому залу. Глубоко вздохнув, он открыл дверь.

Сначала он подумал, что громадное помещение пусто. Горел только один из больших канделябров, и то в дальнем конце, тускло освещая зал. Валентин посмотрел направо и налево по рядам деревянных полированных скамеек, на занавешенные альковы, в которых позволялось скрываться

принцам и герцогам, пока над ними вершился суд, на высокий трон Короналя.

Он увидел фигуру в имперской одежде, стоящую в тени стола советника у подножия трона.

Глава 15

Из всех странностей, происшедших во время ссылки, самым странным было стоять меньше чем в сотне футов от человека с бывшим его, Валентина, лицом. До этого Валентин однажды видел поддельного Короналя во время фестиваля в Пидруде и чувствовал тогда, сам не зная почему, что взгляд Короналя пачкает его и вытягивает из него энергию, но это было до того, как Валентин снова обрел память. Теперь он видел в слабом свете высокого сильного чернобородого мужчину с жестокими глазами, одетого, как принц, и вовсе не испуганного, бормочущего в страхе, а встречающего его с холодной спокойной угрозой.

Неужели и я так выглядел раньше, — думал Валентин. — Таким равнодушным, ледяным, недоступным? Потом он подумал, что за то время, пока Доминик Барджазед владел его телом, чернота души узурпатора проступила на его лице и изменила черты Короналя выражением болезненной ненависти.

Валентин привык к своему нынешнему добродушному, жизнерадостному новому лицу и теперь, глядя на свое бывшее лицо, не ощущал желания получить его обратно.

— Я сделал тебя красивым, верно? — сказал Барджазед.

— А себя — куда меньше, — сердечно ответил Валентин. — Зачем ты хмуришься, Доминик. Это лицо более известно улыбкой.

— Ты слишком много улыбался, Валентин. Ты был слишком уступчивым, слишком мягким, слишком легкой души, чтобы править.

— Значит, ты так обо мне думал?

— Не только я, но и многие другие. Как я понимаю, ты стал бродячим жонглером.

— Мне нужно было ремесло, раз ты отнял мое прежнее существование. Жонглирование мне понравилось.

— Не удивительно.

Голос Доминика Барджазеда гулко раздавался в пустом зале.

— Ты всегда умел развлекать других. Я советую тебе вернуться к жонглированию, Валентин. Печать и власть — моя.

— Печати твои, но власть — нет. Твоя стража сбежала от тебя. Сдавайся добровольно, Доминик, и мы вернем тебя в земли твоего отца.

— А как насчет погодных машин, Валентин?

— Они снова включены.

— Вранье! Глупое вранье!

Доминик Барджазед быстро повернулся и распахнул высокое окно. Порыв холодного воздуха ворвался так быстро, что Валентин на другом конце зала почувствовал его почти сразу.

— Машины охраняются моими самыми доверенными лицами, не твоими, а моими, привезенными из Суврейла. Они будут охранять машины до тех пор, пока я не прикажу включить их, и если вся Гора Замка почернеет и погибнет, не дождавшись этого приказа, пусть так и будет. Ты хочешь этого?

— Этого не будет.

— Это будет, — сказал Барджазед, — если ты останешься в Замке. Уходи. Я дарую тебе безопасный спуск с Горы и бесплатный переезд в Зимрол. Жонглируй в западных горах, как в прошлом году, и забудь свои глупости насчет трона. Я Лорд Валентин Корональ.

— Доминик...

— Мое имя — Лорд Валентин. А ты — бродячий жонглер из Зимрола. Уходи и займись своим ремеслом.

— Это звучит заманчиво, Доминик, — беспечно ответил Валентин. — Мне нравилось выступать, больше нравилось, чем все остальное, что я делал в жизни. Но судьба требует, чтобы я нес бремя правления, невзирая на мои личные желания. Пойдем.

Он сделал шаг к Барджазеду, второй, третий.

— Пойдем отсюда. Я покажу рыцарям Замка, что мятеж кончен, и планета возвращается на истинный путь.

— Не подходи!

— Я не хочу вредить тебе, Доминик. В каком-то смысле я даже благодарен тебе за мой исключительный опыт, за все, что никогда не случилось бы со мной, если бы...

— Назад! Ни шагу дальше!

Валентин продолжал идти вперед.

— Я благодарен тебе также за то, что ты избавил меня от досадной хромоты, которая лишала меня некоторых развлечений.

— Ни шагу!

Теперь их разделяло не более десяти футов. Рядом с Домиником Барджазедом находился стол с принадлежностями судейского зала: три тяжелых бронзовых подсвечника, им-

перская держава и скипетр. Барджазед с яростным криком схватил обеими руками подсвечник и дико швырнул его в голову Валентина. Валентин проворно шагнул в сторону и точным движением руки поймал на лету тяжелый предмет. Барджазед швырнул второй подсвечник. Валентин поймал и его.

— Давай еще один, — сказал он. — Я покажу тебе, как жонглируют.

Лицо Барджазеда исказилось, он задыхался и шипел от злости. И к Валентину полетел третий подсвечник. Первые два уже легко кружились в воздухе, перелетая из одной руки Валентина в другую, и ему не составляло труда схватить на лету третий и пустить его следом за другими в воздух, создавая перед собой сияющий каскад. Он весело жонглировал, смеялся, подбрасывая их все выше. Как приятно было снова жонглировать, снова пользоваться старыми навыками, рукой и глазом.

— Смотри, — сказал он. — Вот так. Мы можем научить тебя, Доминик. Только научись расслабляться. Ну, брось мне еще и скипетр, и державу тоже. Я могу работать пятью предметами, а может, и большим числом...

Жонглируя, он шел к Барджазеду, а тот пятился, широко раскрыв глаза и капал слюной на бороду.

Вдруг Валентин резко остановился и покачнулся от послания, ударившего его со страшной силой. Подсвечники покатились по темному деревянному полу.

Последовал второй удар, затем третий.

Валентин еле удержался на ногах. Игра с Барджазедом кончилась, началась какая-то новая схватка, которой Валентин не понимал. Он рванулся вперед, намереваясь схватить противника, прежде чем неведомая сила ударит его снова.

Барджазед отступил, подняв дрожащие руки к лицу. От него ли пришло это нападение, или в комнате прятался его союзник?

Валентин отпрянул, когда эта неуловимая невидимая сила ударила его в мозг снова.

Он пошатнулся, прижал ладони к вискам и попытался собраться с мыслями. Схватив Барджазеда, он удержится сам, повалит его, сядет на него и призовет на помощь.

Он рванулся вперед и схватил за руку лже-Короналя. Доминик завыл и вырвался.

Валентин хотел прижать его к стене, но Доминик с диким воплем страха и отчаяния метнулся мимо него и побежал, ковыляя, через комнату. Он нырнул в один из альковов и закричал:

— Отец, помоги мне!

Валентин подбежал и откинул занавеску.

Он отступил, ошеломленный. В алькове прятался старик могучего сложения, черноглазый, смуглый, с блестящим золотым обручем на лбу. В руке он держал какой-то прибор из кости и золота с ремешками, застежками и рычагами. Это был Симонан Барджазед, вдруг очутившийся здесь, в судейском зале Короналя.

Это он посылал леденившие мозг послания, чуть не сбившие с ног Валентина.

Сейчас он хотел послать еще одно, но его отвлекал сын, истерически цеплявшийся за него и умолявший о помощи.

Валентин понял, что одному тут не справиться, и громко закричал:

— Слит, Карабелла! Залзан Кавол!

Доминик Барджазед всхлипывал и стонал. Король Снов пнул его, как надоедливую собачонку. Валентин осторожно пробрался в альков, надеясь выхватить у старого Симонана эту ужасную сонную машину, пока он не нанес с ее помощью большого ущерба.

Как только Валентин потянулся к ней, произошло нечто еще более ошеломляющее: контуры лица и тела Симонана Барджазеда стали расплываться, изменяться, превращаться во что-то чудовищно-странное, угловатое, тонкое. Глаза скосились внутрь, нос стал просто бугорком, губы почти исчезли.

Метаморф.

Не Король Снов, а поддельный, маскарадный король, изменяющий Форму, пьюривар, метаморф...

Доминик Барджазед в ужасе завизжал, отскочил от странной фигуры и бросился на пол у стены, дрожа и причитая. Метаморф посмотрел на Валентина с нескрываемой ненавистью и со страшной силой запустил в него сонным аппаратом. Валентин отстранился, но недостаточно: машина легко ударила его в грудь, и в этот момент метаморф проскочил мимо него, стремительно пронесся через зал к открытому окну, перемахнул через подоконник и исчез в ночи.

Глава 16

Бледный, потрясенный Валентин повернулся и увидел, что зал полон народа: Слит, Карабелла, Делиамбер, Тонигорн и множество других, поспешно вбегающих из узкого вестибюля. Он указал на Доминика Барджазеда, скорчившегося в жалком состоянии шока и коллапса.

— Тонигорн, поручаю тебе заняться им. Отведи его в безопасное место и присмотри, чтобы ему не повредили.

— Понитор Корт, милорд, самое безопасное место. Дюжина вооруженных людей будет все время охранять его.

Валентин кивнул.

— Хорошо. Не оставлять его одного. И вызови к нему врача: он перенес чудовищный испуг, и это, я думаю, не пройдет бесследно.

Он посмотрел на Слита.

— Дружище, не принесешь ли ты фляжку вина? Я и сам пережил тут несколько странных моментов.

Слит протянул ему фляжку. Рука Валентина так дрожала, что он чуть не пролил вино, поднося флягу ко рту.

Несколько успокоившись, он подошел к окну, через которое выпрыгнул метаморф.

Где-то далеко внизу, футах в ста, если не больше, горели фонари. Несколько фигур во дворе окружили нечто, покрытое плащом.

Валентин отвернулся.

— Метаморф, — растерянно сказал он. — Не сон ли это? Я видел, как здесь стоял Король Снов, и вдруг он превратился в метаморфа и выпрыгнул в окно.

Карабелла тронула его за руку.

— Милорд, не хочешь ли отдохнуть? Замок взят.

— Метаморф, — снова удивленно повторил Валентин. — Как это могло случиться?

— Метаморфы были и в зале погодных машин, — сказал Торнигорн.

— Что? Кто это сказал?

— Милорд, Илидат только что вернулся из подземелья с удивительным рассказом.

Тонигорн махнул рукой, и из толпы вышел сам Илидат, усталый, в запачканном плаще и разорванном костюме.

— Милорд!

— Как машины?

— Они невредимы и снова дают теплый воздух, милорд.

Валентин облегченно вздохнул.

— Хорошо! Там были метаморфы?

— Зал охранялся отрядами в униформе личной стражи Короналя, — сказал Илидат. — Мы приказали им сдаться, но они не подчинились даже мне. Тогда мы стали сражаться с ними и уложили их, милорд.

— Другого выхода не было?

— Не было, милорд. Умирая, они изменялись...

— Все?

— Да, они были метаморфами.

Валентин вздрогнул. Странность на странности в этом кошмарном перевороте!

Он чувствовал, как его охватывает безмерная усталость. Машина жизни крутится снова, Замок принадлежит ему, фальшивый Корональ — пленник, мир спасен, порядок восстановлен, угроза тирании устранена, и все-таки есть еще новая тайна, а он так страшно устал...

— Милорд, — сказала Карабелла, — пойдем со мной.

— Да, — глухо сказал он, — мне надо немного отдохнуть.

Он слабо улыбнулся.

— Отведи меня, милая, на кушетку в комнате для одевания. Я часок посплю. Ты не помнишь, когда я спал последний раз?

Карабелла взяла его под руку.

— Кажется, несколько дней назад.

— Недели, месяцы назад. Но все равно, не давай мне спать больше часа.

— Хорошо, милорд.

Он упал на кушетку. Карабелла укрыла его покрывалом, погасила свет, и Валентин позволил усталому телу расслабиться.

Через его мозг проносились яркие образы: Доминик Барджазед вцепился в колени старика, Король Снов злобно отталкивает его и орудует той странной машиной, а затем — быстрое изменение, и на Валентина смотрит лицо пьюривара. Страшный крик Доминика, метаморф, бросающийся к открытому окну. Все это снова и снова проносилось в измученном мозгу Валентина.

Наконец, он уснул.

Спал он не час, как намеревался, а несколько больше. Он проснулся от яркого золотого утреннего света.

Все тело болело. Сон, — думал он, — дикий смущающий сон. Нет, не сон.

— Отдохнул, милорд?

Карабелла, Слит, Делиамбер следили, охраняли его сон. Он улыбнулся.

— Отдохнул. И ночь прошла. Что произошло?

— Ничего особенного, — сказала Карабелла, — кроме того, что воздух нагревается. Замок ликует. Вниз по Горе идет известие о переменах, пришедших на планету.

— Метаморф, который бросился из окна, разбился насмерть?

— Конечно, милорд.

— На нем была одежда и регалии Короля Снов и один из его приборов. Как это случилось?

— Я могу только предполагать, милорд, — сказал Делиамбер. — Я разговаривал с Домиником Барджазедом. Он сошел с ума и поправится не скоро, если вообще поправится. Он рассказал мне только кое-что. В прошлом году его отец, Король Снов, тяжело заболел, и все думали, что он вот-вот умрет. Ты в это время был еще на троне.

— Но я ничего не слышал об этом.

— Они об этом не извещали. Но он был очень плох, и тогда в Суврейле появился новый врач откуда-то из Зимрола, якобы обладавший большими знаниями. Действительно, Король Снов чудесным образом выздоровел, можно сказать, восстал из мертвых. Вот тогда, милорд, Король Снов и вбил в голову сына мысль устроить тебе ловушку в Тил-омоне и сместить с трона.

Валентин задохнулся.

— Врач-метаморф?

— Да, но принявший вид человека высшей расы. Я думаю, он взял облик Симонана Барджазеда и держал его, пока неистовое сражение в судейском зале не заставило измененную форму заколебаться и упасть.

— А Доминик? Он тоже...

— Нет, милорд. Он настоящий Доминик, и вид того, кого он считал отцом, покалечил его мозг. Но именно метаморф толкнул его на узурпацию, и легко догадаться, что другой метаморф заменил бы Доминика как Короналя.

— А метаморфские стражники повиновались приказам лже-Короля Снов, а вовсе не Доминика. Тайная революция, так, Делиамбер? Захват всей власти не семьей Барджазеда, а Изменяющими Форму.

— Боюсь, что так, милорд.

— Это многое объясняет, — сказал Валентин, глядя в пространство, — и вносит еще больше беспорядка.

— Милорд, — сказал Слит, — нужно разыскать тех, кто скрывается среди нас и истребить, а остальных запереть в Пьюривайне, где они не смогут причинять вреда.

— Полегче, дружище, — сказал Валентин. — Ты ненавидишь живых метаморфов, верно?

— Не без причин.

— Да, возможно. Ну, что ж, мы их разыщем, чтобы не было тайных метаморфов, прикидывающихся Понтифаксом, Леди или даже работником в стойлах. Но я думаю, что мы должны установить контакт с этим народом и вылечить их от злобы, если это удастся, иначе Маджипур втянется в бесконечную войну.

Он встал и поднял руки.

— Друзья, у нас впереди много работы, но первым делом — праздник! Слит, назначаю тебя распорядителем празднования моего возвращения, устройства банкетов и развлечений, приглашения гостей. Пошли известие всем в Маджипуре, что все хорошо, или почти хорошо, и что Валентин снова на троне!

Глава 17

Тронный зал Конфалума был самым большим из всех помещений Замка, роскошным, величественным залом с яркой позолотой, прекрасными гобеленами, полом из шелковистого дерева с гор Кинтора. Там происходили самые важные императорские церемонии, но такое зрелище Тронный зал видел редко.

Высоко на громадном многоступенчатом Троне Конфалума сидел Лорд Валентин Корональ, слева на троне чуть пониже сидела Леди, его мать, вся в белом, а направо на троне такой же высоты, что у Леди, сидел Горнкейст, главный спикер Понтифакса: Тиверас прислал его вместо себя, а перед ними выстроились герцоги, принцы и рыцари королевства в таком ансамбле, какого не бывало со времен самого Лорда Конфалума — верховные Лорды из далекого Зимрола, из Пидруда, Тил-омона, Нарабала, герцог-гейрог из Долорна, великие герцоги Пилиплока и Ни-Мойи из пятидесяти других городов Зимрола, из сотен городов Алханрола, кроме пятидесяти из Горы Замка.

Но не все, заполнившие зал, были герцогами и принцами, был и более скромный народ — Гарцвел-скандар, Кордилейн, парусный мастер, Панделон, плотник, Виноркис-хорт, торговец шкурами, мальчик Гиссан из лабиринта, Тизана, толковательница снов из Фалкинкина и многие другие, рангом не выше этих, стояли среди вельмож, и лица их сияли.

Лорд Валентин встал, отсалютовал матери, ответил на салют Горнкейста и поклонился, когда раздались крики:

— Да здравствует Корональ!

Когда настала тишина, он сказал:

— Сегодня мы даем большой фестиваль в честь восстановления всеобщего благосостояния и полного порядка. У нас есть для вас предложение.

Он хлопнул в ладоши, и вошли двенадцать музыкантов под предводительством Шанамира.

Рога, барабаны, трубы заиграли приятную веселую мелодию.

За ними вошли жонглеры в костюмах редкой красоты, впору хоть принцам: впереди Карабелла, за ней Слит, а потом грубые косматые Залзан Кавол и его два брата.

Они несли жонглерский инвентарь всякого рода: мечи, ножи, серпы, факелы, яйца, тарелки, ярко раскрашенные дубинки и много других вещей.

Дойдя до середины зала, они встали на свои позиции лицом друг к другу по лучам воображаемой звезды.

— Подождите, — сказал Лорд Валентин. — Тут есть еще одно место!

Он опустился по ступеням трона Конфалума и остановился на третьей снизу.

Он улыбнулся Леди, подмигнул Гиссану и махнул Карабелле, которая кинула ему свой меч.

Он ловко поймал его, она бросила второй и третий, и он начал жонглировать ими на ступенях трона, как обещал Леди на Острове Снов.

Это было сигналом к началу жонглирования. Воздух сиял от множества предметов, некоторые, казалось, летали сами по себе. Мир еще не видел жонглирования такого качества, Лорд Валентин был в этом уверен.

Через несколько минут он сошел со ступеней трона, вошел в группу и радостно смеялся, обмениваясь серпами и факелами со Слитом, скандарами и Карабеллой.

— Как в старые времена, — сказал Залзан Кавол. — Но ты, милорд, теперь работаешь еще лучше.

— Публика вдохновляет меня, — ответил Лорд Валентин.

Залзан Кавол был в ударе.

Он прямо из воздуха выхватил яйца, тарелки и дубинки, его четыре руки беспрерывно двигались и каждую схваченную вещь он бросал Лорду Валентину, а тот без усилия принимал их, жонглировал ими и перебрасывал Слиту или Карабелле, и в ушах его звучала похвала зрителей — не просто льстивая, это было ясно.

Да, вот это была жизнь! Как в старые времена, даже лучше!

Он засмеялся, поймал сверкающий меч и высоко подбросил его.

Илидат считал, что Короналю неприлично делать такие вещи перед принцами королевства, и Тонигорн был того же мнения, но Лорд Валентин не согласился с ними, добродушно заметив, что ему плевать на этикет. Теперь он видел, как они смотрят, раскрыв рты, со своих почетных мест на это поразительное зрелище.

Однако он понимал, что пора оставить это поле действий.

Он поочередно перекидал все предметы, которые поймал, и отступил.

Дойдя до первой ступени трона, он остановился и позвал Карабеллу.

— Пойдем со мной и станем зрителями, — сказал он.

Щеки ее залились краской, но она, не колеблясь, избавилась от дубинок, ножей и подошла к трону.

Лорд Валентин взял ее за руку и вместе с ней поднялся.

— Милорд, — прошептала она.

— Ш-ш-ш. Это очень серьезное дело. Осторожно, не споткнитесь.

— Я споткнусь? Я? Жонглер?

— Прости, Карабелла.

— Я прощаю тебя, Валентин.

— Лорд Валентин.

— Значит, теперь будет так, милорд?

— Не всегда. Когда мы вдвоем — нет.

Они поднялась на верхнюю ступеньку.

Их ждало двойное сидение, сияющее зеленым и золотым бархатом.

Лорд Валентин стоял, вглядываясь в толпу.

— Где Делиамбер? — шепотом спросил он. — Я его не вижу!

— Его не привлекают эти дела, — сказала Карабелла, — и он, наверное, уехал на время праздника. Колдуны скучают на фестивалях, а жонглирование его никогда не интересовало, ты сам знаешь.

— Ему полагалось бы находиться здесь.

— Когда он тебе понадобится, он вернется.

— Надеюсь. Давай сядем.

Они заняли свои места на троне.

Внизу жонглеры показывали свои лучшие трюки, казавшиеся чудом даже Лорду Валентину, хотя он знал их тайную подоплеку.

Глядя на них, он чувствовал странную печаль, потому что теперь сам отстранился от группы жонглеров, отошел, чтобы подняться на трон.

Это было серьезным изменением в его жизни.

Он понимал, что жизнь бродячего жонглера, свободная и радостная, кончена, что на него снова навалилась всей тяжестью ответственность власти, которой он не хотел, но от которой не мог отказаться.

Это его огорчало.

Он сказал Карабелле:

— Когда-нибудь, когда двор будет смотреть в другую сторону, мы потихоньку соберемся все и покидаем дубинки. Как, Карабелла?

— Наверное, да, милорд. Я хотела бы этого.

— Мы вообразим, что мы где-то между Фалкинкином и Долорном, нас пригласят в Постоянный Цирк, мы найдем гостиницу и...

— Милорд, ты только посмотри, что делают скандары! Просто глазам не веришь! Так много рук — и все в работе!

Лорд Валентин улыбнулся.

— Я попрошу Залзана Кавола показать мне, как это делается в ближайшие дни, когда у меня будет время.

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

ПРОЛОГ

Через два года после воцарения на троне Властителя Валентайна что-то перевернуло душу мальчишке Хиссайну, служке в Доме Записей Лабиринта Маджипура. Он шесть месяцев вел инвентаризацию архивов сборщиков налогов — бесконечный перечень документов, в который никто никогда не заглядывал, — и выглядело так, что этой работой он будет заниматься и следующий год, и два, и три. Она не имела значения, как понимал Хиссайн, да и кому могли потребоваться отчеты провинциальных сборщиков налогов, живших во времена Властителя Деккерета, или Властителя Калинтайна, или даже давнего Властителя Стиамота? Документы были свалены беспорядочной кучей, несомненно по какой-то причине, и теперь злой рок избрал Хиссайна разбирать их. Он отлично видел, насколько бесполезна и бессмысленна его работа, разве что можно было получить великолепный урок географии огромного Маджипура. Сколько провинций! Сколько городов! Три колоссальных материка разделялись и подразделялись на тысячи муниципальных единиц, каждая с многомиллионным населением. И за время работы сознание заполняли названия Пятидесяти Городов Замка-Горы, огромных городских округов Зимроэля, таинственных поселений в пустынях Сувраэля, провинциальных столиц, всего выросшего за время четырнадцатитысячелетнего процветания Маджипура на планете: Пидрайд, Нарабал, Ни-Моуа, Алэйсор, Стойон, Пилиплок, Пендивэйн, Амблеморн, Толигай. Миллионы названий! Но потом ему это надоело.

Его вдруг охватило нетерпение, ожидание чего-то лучшего. А послушание никогда не было его натурой.

Рядом с пыльной маленькой комнатушкой в Доме Записей, где Хиссайн разбирал и изучал свою груду налоговых отчетов, находилось нечто гораздо более интересное — Счетчик Душ, доступ к которому был закрыт для всех, кроме самых высокопоставленных, да и то говорили, не для всех. Хиссайн кое-что знал об этом месте, он вообще много знал о Лабиринте, даже о запрещенных местах. "Дом Записей, — говорил он слушателям, еще когда в восьмилетнем возрасте болтался на улицах огромного подземного города и нанимался в проводники к приезжим ради кроны-другой, — таит в себе комнату, где хранятся миллионы мыслезаписей-воспоминаний. Поднимаешь капсулу, вкладываешь ее в щель специального устройства, и внезапно становишься тем, кем оставлена запись, и живешь во времена Властителя Конфалума или Властителя Симинэйва, или сражаешься вместе с Властителем Стиамотом против Метаморфов. Но только попасть

в ту комнату почти невозможно". И это действительно было почти невозможно, но Хиссайн думал, размышлял и прикидывал, не удастся ли пробраться туда под предлогом поисков дат для своих розысков в налоговых архивах. А потом пожить жизнью современников самых величайших и удивительных событий Маджипура.

И постепенно мечта его начала обретать реальность. Он знал, где находятся печати для документов в Доме Записей, и потихоньку снабдил себя всеми необходимыми пропусками. И как-то поздним полднем, с пересохшим горлом и звоном в ушах, направился по ярко освещенным кривым коридорам.

Давным-давно уже он не испытывал подобного состояния, а маленьким бродяжкой он вообще его не испытывал, но его оцивилизовали, обучили, дали работу. РАБОТУ! РАБОТУ! РАБОТУ! ОНИ! КТО ОНИ? Он, Венценосец еще в те времена, когда скитался по планете, лишенный своего тела и трона захватчиком Барджазидом, он пришел в Лабиринт, где Хиссайн сделался его проводником, и каким-то образом почувствовал в нем истинного венценосца, и это стало началом конца бродяжки Хиссайна.

Потом Хиссайн узнал, что Властитель Валентайн отправился к Замку-Горе, и Барджазид повержен, а потом, во время второй коронации, Хиссайн вдруг очутился, Дивине знает, почему, на этой церемонии в Замке Властителя Валентайна. Никогда раньше он не покидал Лабиринта, не бывал на солнечном свете, не ездил на государственном флотере по Долине Клайна, минуя города, известные ему лишь по сновидениям, а потом гора — тридцатимильная масса земли, взметнувшаяся ввысь, и сам Замок; грязный мальчишка стоял рядом с Венценосцем и перешучивался с ним. Венценосец восхищался умом и энергией мальчишки, его предприимчивостью. Прекрасно. И Хиссайн стал протеже Венценосца. Прекрасно! Он вернулся в Лабиринт и был назначен на должность в Дом Записей, уже не так прекрасно. Хиссайн терпеть не мог чиновников, эти лица-маски идиотов, плодящих бумаги в кишках Лабиринта, а теперь, как любимец венценосца, он сам стал таким же. Он-то считал, что будет по-прежнему водить по Лабиринту приезжих, а вместо этого!.. ОТЧЕТ СБОРЩИКА ДОХОДОВ ОДИННАДЦАТОГО ОКРУГА ПРОВИНЦИИ НАТАНАЛА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА ЦАРСТВОВАНИЯ ВЛАСТИТЕЛЯ ОССЬЕРА И ПОНТИФЕКСА КИННИКЕНА. Хиссайн надеялся, что Венценосец вспомнит о нем и призовет к себе на службу в Замок-Гору, и тогда его жизнь будет иметь какое-то значение в жизни Маджипура, но Венценосец, кажется, забыл о нем, как и следовало ожидать. У него целый мир с двадцати- или тридцатимиллиардным населением, и какое ему дело до маленького

мальчишки в Лабиринте?! Хиссайн боялся, что вся жизнь его теперь пройдет в поисках среди пыльных бумаг...

Но все-таки здесь был Счетчик Душ.

Даже если он никогда не выберется из Лабиринта снова, он сможет — если никто ему не помешает — странствовать в сознании давно умерших людей, разведчиков, первопроходцев, воинов, даже Венценосцев и Понтифексов. Это немного утешало.

Он вошел в небольшой вестибюль и предъявил пропуск дежурившему тусклоглазому хджорту.

Хиссайн заготовил поток объяснений: особое поручение венценосца, важнейшее историческое исследование, необходимость в корреляции демографических дат, и еще много чего похожего было готово сорваться с его языка. Но хджорт только сказал:

— Знаешь, как обращаться с механизмом?

— Плохо. Лучше покажи мне.

Отвернув некрасивое бородавчатое лицо с бесчисленными подбородками, хджорт поднялся на ноги и повел Хиссайна внутрь, где указал на шлем и ряд кнопок:

— Контрольная консоль. Вставишь вот сюда отобранные капсулы записей и будешь сидеть. Не забудь погасить свет, когда будешь уходить.

И все? Такая секретная машина, так тщательно охраняемая!

Хиссайн остался один с записями воспоминаний тех, кто жил когда-либо на Маджипуре.

Не все, конечно, оставляли запись, но один из десяти, примерно, делали это, обычно лет в двадцать. Хиссайн знал, что их миллиарды в хранилищах Лабиринта. Он положил руки на консоль. Пальцы дрожали.

С чего начать?

Он хотел познать все. Он хотел пересекать леса Зимроэля с первопроходцами, побывать у Метаморфов, переплывать под парусами Великое Море, охотиться на морских драконов в Родамаунском Архипелаге и... и... и... Он дрожал от неистового томления. С чего начать? Он изучал кнопки. Он мог набрать дату, место, определенную личность, но выбрать за четырнадцать тысяч лет... Из далекого прошлого он знал только о Великом Властителе Стиамоте. Минут десять он сидел, не шевелясь, почти парализованный. Потом выбрал наобум. Континент — Зимроэль, время — царствование Венценосца Властителя Бархольда, жившего даже раньше Стиамота, личность — ...любая. Да, любая!

Маленькая блестящая капсула возникла на консоли.

Трепеща от предвкушаемой неизведанности Хиссайн вложил ее в выходное отверстие и надел шлем. В ушах разда-

лись потрескивающие звуки. Неясные, смазанные полосы — синие, зеленые и алые — побежали перед глазами под закрытыми веками. Работает? Да! Да! Он ощутил присутствие чужого разума! Кто-то, кто умер девять тысяч лет назад, но... сознание... ее? да! ее! она была женщиной, юной женщиной, — наполняло Хиссайна до тех пор, пока он не перестал быть уверен, Хиссайн он или Тесме из Нарабала..

И он с радостью освободил себя от понимания того, что живет, мыслит и чувствует, и позволил чужой душе овладеть собой.

ТЕСМЕ И ЧАУРОГ

1

Уже шесть месяцев Тесме жила в хибарке, которую построила своими руками в густых тропических джунглях в полудесятке миль к востоку от Нарабала; в местечке, куда не долетали морские ветры, и тяжелый сырой воздух цеплялся за все, как меховой саван. Раньше ей никогда не доводилось делать все своими руками, и поначалу она поражалась, как это здорово, когда срезала тонкие стволы с макушками молоденьких деревьев, обдирала золотистую кору и вбивала скользкие острые концы в мягкую влажную землю, затем переплетала их вместе с лозами и лианами, а сверху крепила пять громадных ветвей врааммы, сделав кровлю. Не архитектурный шедевр, но дождь внутрь не попадал и о холодах можно было не беспокоиться. За месяц стволы сиджании разрослись и забрали по своим наружным концам всю кровлю побегами новых кожистых листьев прямо под потолком, а связывающие их виноградные лозы тоже продолжали жить, отправляя вниз мягкие красные усики, искавшие и находившие богатую плодородную почву, так что дом теперь стал живым, с каждым днем делаясь все более уютным и надежным, поскольку лианы со временем становились крепче, и Тесме это нравилось. Здесь, как и в Нарабале, ничто не умирало надолго, и воздух был таким же теплым, и солнце таким же ярким, и дожди такими же обильными, и все быстро преображалось само по себе, с буйной, жизнерадостной легкостью тропиков.

Одиночество тоже переносилось легко по сравнению с Нарабалом, где ей хотелось очень многого и где жизнь пошла как-то вкривь и вкось: слишком много внутренних неурядиц, слишком много суматохи, шума, друзей, отправившихся в путешествия, любовников, ставших врагами. Ей было двадцать пять лет, и нужно было приостановиться, оглянуться на прошлое, сменить жизненный ритм, пока ее не

растрясло по пустякам. Джунгли подходили для этого идеально. Она рано вставала, купалась в маленьком естественном пруду, завтракала, собирая ягоды с лоз токки, затем гуляла, пела, читала стихи и сочиняла их, проверяла ловушки — нет ли пойманных животных, — взбиралась на деревья и высоко вверху омывалась солнцем в гамаке из лиан, снова купалась, разговаривала сама с собой и отправлялась спать с заходом солнца. Поначалу она думала, что нечем будет заняться, и ей все вскоре наскучит, но ошиблась: дни были заполнены до предела и всегда оставалось несколько задумок на завтра.

Она также думала — вначале, — что раз в неделю будет возвращаться в Нарабал купить кое-что, подобрать новые кубики и книги, заглянуть иной раз на концерт или игрище, или даже навестить семью или некоторых приятелей. И действительно — в город она ходила довольно часто. Но дорога была жаркая и душная, и к тому же отнимала полдня, и по мере того, как Тесме привыкала к уединению, она находила Нарабал все более шумным и суматошным, а удовольствие, получаемое от походов, все меньшим.

Люди там глазели на нее. Она знала, что ее считали эксцентричной, чуть спятившей дикаркой всегда, а теперь сравнивали с живущей самой по себе обезьяной, прыгающей по вершинам деревьев; и таким образом промежутки между ее визитами в город становились все длиннее. Она ходила туда теперь лишь в случае крайней необходимости. До того дня, когда она наткнулась на чаурога, она не была в Нарабале по меньшей мере пять недель.

Она бродила утром по болотистому подлеску, собирая душистые желтые фанжи; мешочек был почти полон, и она подумывала о возвращении, когда случайно заметила в нескольких ярдах от себя что-то необычное — существо с какой-то блестящей, отливающей металлом серой кожей и трубчатыми конечностями, неуклюже вытянулось на земле под большим деревом-сиджайлом. Оно напоминало ей хищную рептилию, погубившую ее отца и брата в Парабальском проливе, — гладкую, длинную, медленно двигающуюся тварь с кривыми когтями и большими ровными зубами. Но, осторожно подобравшись ближе, Тесме заметила, что существо своей массивной круглой головой, длинными руками и крепкими ногами отдаленно напоминает человека. Она было сочла его мертвым, но, стоило ей подойти ближе, существо шевельнулось и сказало:

— У меня повреждена двигательная функция. Я был глуп и поплатился за это.

— Можешь пошевелить руками или ногами? — спросила Тесме.

— Руками? Да. Сломана одна нога и, возможно, спина. Помоги мне.

Она нагнулась, рассматривая его получше. Да, оно походило на рептилию со сверкающей чешуей и гладким жестким телом. Глаза были зеленые, холодные и совершенно немигающие. Волосы выглядели странной густой массой черных завитушек, которые медленно вились сами по себе. Язык был змеевидный, ярко-алый и раздвоенный, он безостановочно мелькал взад и вперед между бесплотных губ.

— Кто ты? — спросила она.

— Чаурог. Знаешь о нас что-нибудь?

— Конечно, — кивнула Тесме, хотя по настоящему знала совсем мало. За прошедшее столетие несколько не человеческих рас обосновалось на Маджипуре, целый зверинец инородцев, приглашенных сюда Венценосцем Властителем Меликандом, поскольку людей не хватало для столь огромной планеты. Тесме слышала о четырехруких, о двуглавых, о крошечных существах со щупальцами и о чешуйчатых чужаках со змеиными языками и змеящимися волосами, однако до сих пор никто из инородцев не забирался так далеко к Нарабалу, городу на громадном расстоянии от цивилизации. Значит, это чаурог? Странное существо, подумала она. Тело почти человеческое, тем не менее, не человеческое. Чудовищная, по-настоящему кошмарная тварь, хотя и не особо пугающая.

Она посочувствовала чаурогу, — заблудиться так далеко от чего-либо похожего на него на Маджипуре! К тому же он ранен. Что ей теперь делать? Пожелать всего хорошего и бросить на произвол судьбы? Жестоко. Отправиться в Нарабал и организовать спасательную экспедицию? На это уйдет по меньшей мере дня два. Тащить к себе в хижину и выхаживать, пока не выздоровеет? Это казалось самым подходящим. Но что будет с ее уединением? И как ухаживать за чаурогом? Да и хочет ли она действительно брать на себя такую ответственность? Рисковать? Он чужак, и она понятия не имеет, чего ждать от него.

— Я — Висмаан, — сказал чаурог.

Было ли это именем, или титулом, или же просто описанием своего состояния? Она не спрашивала. Она сказала:

— Меня зовут Тесме. Я живу в джунглях, час ходьбы отсюда. Как, по-твоему, сможем мы туда добраться?

— Дай мне опереться на тебя, и я попробую идти. Но... ты достаточно сильная?

— Наверное.

— Ты женщина, я прав?

Тесме носила только сандалии. Она засмеялась, чуть коснувшись груди и ягодиц, и кивнула:

— Женщина.

— Я так и подумал. Я мужчина, и слишком, наверное, тяжел для тебя.

Мужчина? Место между ногами у него было гладким и бесполым, как у машины. Хотя, подумала она, может быть, у чаурогов сексуальные принадлежности расположены в иных местах. И если они рептилии, ее грудь ни о чем ему не говорила. Странно, что он вообще спросил.

Она опустилась рядом на колени, не понимая, как ему удастся встать и идти со сломанной ногой. Он положил руки ей на плечи. Прикосновение заставило ее вздрогнуть: кожа казалась прохладной, жесткой, сухой и гладкой, словно он носил доспехи. Это не было неприятно, просто необычно. От него исходил сильный запах, болотистый, с чуть заметным привкусом меда. Трудно понять, как она не заметила его раньше — очевидно, ее поразила неожиданность случившегося. Но теперь на запах нельзя было не обратить внимания. Сначала она почувствовала, как неприятно напряглись мускулы, хотя спустя несколько минут это перестало ее беспокоить.

— Держись ровно, — предупредил чаурог. — Я навалюсь на тебя.

Тесме пригнулась, упершись руками и коленями в землю, и, к ее удивлению, чаурог довольно легко вытянулся вверх своеобразным извивающимся движением, на мгновение навалившись на спину девушки между лопаток. Она задохнулась. Затем он, шатаясь, выпрямился, ухватился за свешивающуюся лиану. Она расставила ноги, готовясь подхватить его, если он будет падать, но он устоял.

— Нога сломана, — объяснил он. — Спина повреждена, но не сломана.

— Сильно болит?

— Болит? Нет, мы почти не чувствуем боли. Проблема в функционировании. Нога не держит меня. Может, ты найдешь мне крепкую палку?

Тесме оглядывалась вокруг в поисках чего-нибудь, что он мог бы использовать, как костыль, и почти сразу заметила жесткий надземный корень, тянувшийся к земле с лесного полога. Гладкий черный корень был толстым, но ломким, и она гнула его во все стороны, пока не отломила кусок ярда в два. Висмаан крепко сжал его, обхватил второй рукой Тесме и осторожно перенес тяжесть на поврежденную ногу. Тесме показалось, что его запах изменился, стал резче, с привкусом уксуса, без меда. Несомненно — от напряженной ходьбы. Боль, вероятно, была не такая слабая, как он хотел ее уверить. Но в любом случае он справлялся.

— Как ты сломал ногу? — спросила она.

— Я взобрался на дерево, хотел осмотреть местность, а оно не выдержало моего веса.

Он кивнул на тонкий блестящий ствол высокой сиджайл. Нижняя ветвь футах в сорока над головой была сломана и держалась только на лоскутке коры. Тесме с удивлением подумала, как он вообще уцелел, свалившись с такой высоты, а секундой спустя изумилась еще больше, подумав, как ему удалось взобраться на сорок футов по тонкому гладкому стволу.

— Я хочу обосноваться здесь и заняться земледелием. У тебя есть ферма?

— В джунглях-то? Нет. Я просто тут живу.

— С мужчиной?

— Одна. Я выросла в Нарабале, но решила на время побыть в одиночестве. — Они добрались до мешка с калимборнами, который она выронила, когда заметила лежавшего на земле чужака. Тесме забросила его себе на плечо. — Можешь оставаться у меня, пока твоя нога не заживет. Только до моей хижины добираться придется весь день. Ты уверен, что сможешь идти?

— Я ведь иду сейчас, — сказал он.

— Если захочешь отдохнуть, скажи.

— Потом. Не сейчас.

И действительно, прошло около получаса медленной, болезненной, хромающей ходьбы, прежде чем он попросил остановиться, но даже тогда он остался стоять, привалившись к дереву, пояснив, что не стоит заново производить весь сложный процесс вставания с земли. Тесме он казался и бесстрастным, и чуть встревоженным, хотя невозможно было прочесть что-либо по его неизменному лицу и немигающим глазам. Единственным указателем проявления эмоций был для нее мелькающий раздвоенный язык, только она не знала, как истолковать эти непрерывные стремительные движения. Через несколько минут они снова тронулись в путь.

Медленный шаг угнетал ее — его вес давил на плечи, и она чувствовала, как сводит судорогой мышцы и как протестуют мускулы, пока они с чаурогом пробираются по джунглям. Говорили они мало. Он, кажется, изо всех сил старался удержаться на ногах, а Тесме сосредоточилась на дороге, отыскивая удобные проходы и стараясь избегать ручьев и густого подлеска, которые он не смог бы одолеть. Когда они прошли полпути до хижины, начался теплый дождь, после которого они окунулись в горячий липкий туман. Она уже изнывала от усталости, когда показалась ее хибарка.

— На дворец совсем не похоже, — заметила Тесме, — но мне хватает. Ложись тут.

Она подвела его к своей постели из листьев зании. Он сел, испустив тихий, еле слышный свистящий звук.

— Хочешь чего-нибудь перекусить? — поинтересовалась Тесме.

— Не сейчас.

— Или пить? Нет? Понимаю, тебе надо немного отдохнуть. Я выйду, а ты лежи спокойно.

— Я все равно не буду спать, — сказал Висмаан.

— Не понимаю, причем...

— Мы спим только часть года, обычно — зиму.

— И бодрствуете все оставшееся время?

— Да, — кивнул он. — В этом году мой спящий цикл завершился. Я понимаю, что это отличается от человека...

— Сильно отличается, — согласилась Тесме. — В любом случае я оставлю тебя — отдыхай. Ты, должно быть, страшно устал.

— Я бы не хотел выгонять тебя из твоего дома.

— Ничего, — ответила Тесме и шагнула наружу. Дождь начался снова. Знакомый, почти успокаивающий дождь, моросящий по нескольку часов за каждый долгий день. Она вытянулась на насыпи из мягкого упругого мха, позволяя теплым дождевым струям омывать усталое тело.

Гость в доме, подумала она. Да еще и чужак. А почему бы и нет? Чаурог казался нетребовательным, равнодушным, спокойным даже в несчастье. Повреждение у него явно было более серьезным, чем он был готов признать, поскольку даже такое относительно недолгое путешествие через лес измотало его. В таком состоянии ему не одолеть путь до Нарабала. Тесме, правда, могла сама сходить в город и договориться с кем-нибудь насчет флотера, чтобы перевезти чаурога, но такая мысль ей не понравилась. Никто не знал, где она живет, и она совсем не хотела приводить сюда кого-нибудь. С некоторым смущением она вдруг поняла, что вовсе не хочет, чтобы чаурог уезжал, а наоборот, ей хочется удержать его тут и ухаживать, пока он не восстановит силы. Она сомневалась, чтобы кто-нибудь еще в Нарабале дал приют чужаку, и это наполняло ее приятным ощущением собственной порочности и возможностью подняться над узколобыми привычками родного города. Год-два назад она слышала много перешептываний об иномирянах, поселившихся на Маджипуре. Люди опасались и недолюбливали рептилеобразных чаурогов, гигантских, неуклюжих волосатых сканда-ров, маленьких хитроумцев со щупальцами — вронов, кажется, — и прочих причудливых созданий; и пусть пока чужаков еще не видели воочию в отдаленном Нарабале, враждебная почва для них была уже вполне подготовлена. Только дикой и эксцентричной Тесме, подумала она, ничего не стоит подобрать инородца и выхаживать его, кормя с ложечки лекарствами и супом, или что там дают чаурогам со сломанными ногами? Она не имела никакого понятия, как ухаживать за ним, но это ее не останавливало. Ей вдруг при-

шло в голову, что за всю жизнь она вообще никогда ни о ком не заботилась: не было ни удобного случая, ни возможности. Как на самую младшую в семье, на нее никто никогда не возлагал никакой ответственности. Она не была замужем, не рожала детей, даже не держала домашних животных, не говоря уже о том, что несмотря на все ее бурные бесчисленные любовные истории, ее никогда не влекло навестить заболевшего возлюбленного. И теперь она понимала, почему решилась оставить чаурога у себя в хижине — ведь одна из причин, по которой она сбежала из Нарабала в джунгли, заключалась в том, чтобы преодолеть в себе не нравящиеся ей черты в своем характере.

Она решила поутру отправиться в город, разузнать, если удастся, что необходимо для лечения чаурогов, и купить лекарств и подходящей провизии.

2

После долгого перерыва она вернулась в хижину. Висман спокойно лежал на спине там, где она его оставила, вытянув руки вдоль тела. Он, казалось, вообще не шевелился, если исключить нескончаемое змеившееся скручивание его волос. Спит? После его объяснений? Она подошла поближе и всмотрелась в странную массивную фигуру на постели. Глаза его были открыты, и она видела, что они следят за ней.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Не очень. Прогулка через лес оказалась тяжелее, чем я думал.

Она приложила ладонь к его лбу. Твердая чешуйчатая кожа на ощупь казалась холодной. И нелепость ее жеста заставила ее улыбнуться. Откуда ей знать, какая нормальная температура у чаурогов? Впадают ли они в жар вообще, а если и да, то что ей из этого? Рептилии они или нет? Поднимается ли температура у рептилий во время болезни? Внезапно ей вообще показалось нелепым свое желание ухаживать за существом из иного мира.

— Почему ты трогаешь мой лоб? — поинтересовался он.

— Мы так делаем, когда человек болен. Учти, если у тебя жар, у меня тут нет никаких медикаментов. Ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю — поднимается жар?

— Ненормальная температура тела? Да. У меня она сейчас высокая.

— Больно?

— Немного. Но главное в том, что мои системы дезорганизованы. Можешь ты принести мне воды?

— Конечно. А ты не голоден? Что ты обычно ешь?

— Мясо. Вареное или жареное. Фрукты. Овощи. И побольше воды.

Она принесла воды. Висмаан с трудом присел — он казался гораздо слабее, чем тогда, когда хромал через джунгли, видимо, все больше страдал от болезненного перелома — и осушил чашу тремя большими глотками.

Как зачарованная, она смотрела на яростное мелькание раздвоенного языка.

— Еще, — попросил он, и она налила вторую чашу. Кувшин почти опустел, и она вышла наполнить его из ручья. Заодно она сорвала несколько ягод токки и принесла с собой. Он подержал одну из сочных сине-белых ягод в вытянутой руке, словно лишь так мог должным образом рассмотреть ее, и покатал на пробу между пальцами. Руки у него были почти человеческие. Тесме обратила внимание, что на каждой есть по одному большому пальцу, зато ногтей совсем не было, а только поперечные чешуйчатые перепонки, тянувшиеся до двух первых фаланг.

— Как называется этот фрукт? — спросил он.

— Токка. В Нарабале их лозы растут повсюду. Если тебе понравятся, я принесу еще сколько хочешь.

Он осторожно попробовал. Затем язык его замелькал еще быстрее, и он жадно доел остаток ягоды и потянулся за второй. Лишь тогда Тесме вспомнила репутацию токки как средства, усиливающего половое влечение, но отвернулась, пряча усмешку, и ничего не сказала. Он назвался мужчиной, стало быть, у чаурогов есть секс, но как они им занимаются? Внезапно по какой-то прихоти она представила, как самец-чаурог испускает струю семенной жидкости из некоего скрытого отверстия в ванную, куда погружаются самки оплодотворяться. Действенно, но не очень романтично, подумала она, в то же время желая узнать, поступают ли они так, и действительно ли оплодотворение у них происходит раздельно, как у некоторых рыб и змей.

Она приготовила для него еду из токки, поджаренных калимборнов и небольшого многоногого нежно-ароматного хиктияна, которого поймала сетью в ручье. Вино у нее кончилось, но недавно она открыла сок, забродивший после двух дней на открытом воздухе, большого красного дерева, чье название она не знала, и дала ему немного.

Аппетит у него был как у здорового. После она спросила, не осмотреть ли его ногу, и он согласился.

Перелом был где-то посередине широкой части бедра. Толстая опухоль выделялась под чешуйчатой кожей. Она легонько ощупала ее кончиками пальцев. Он издал еле слышный свист, но больше ничем не выказывал, что она делает ему больно. Тесме показалось, что что-то движется внутри

его бедра. Сломанные концы костей? Я знаю так мало, уныло подумала она, о чаурогах, об искусстве исцеления, вообще обо всем.

— Будь ты человеком, — пробормотала она, — мы использовали бы машину, чтобы посмотреть перелом, свели бы вместе сломанные кости, и оставили бы до полного заживления. У твоих сородичей ничего подобного не практикуется?

— Кости срастутся сами, — отозвался Висмаан. — Я свел их вместе сокращением мышц, и буду держать так, пока они не срастутся, только мне придется лежать несколько дней, чтобы кости не разошлись. Можно мне остаться у тебя?

— Конечно. Оставайся, сколько понадобится.

— Ты очень добра.

— Завтра я пойду в город. Тебе что-нибудь нужно?

— У тебя есть развлекательные кубики? Музыка? Книги?

— Здесь почти ничего нет. Могу завтра принести.

— Пожалуйста. Ночи будут очень долгими, если лежать без сна. Мой народ — большой любитель развлечений.

— Я принесу, что найдется, — пообещала Тесме.

Она дала ему три кубика: игровой, для подборки цветовой композиции, и симфонический, — и занялась послеобеденной уборкой.

Ночь пала рано, как всегда здесь, близко к экватору. Она услышала легкий шелест дождя снаружи. Обычно она немного читала, пока не становилось совсем темно, а потом ложилась спать. Но нынче ночью все изменилось. Загадочное существо заняло ее постель, и ей пришлось устраивать себе новое ложе на полу, да и все эти разговоры, в которые она вступала впервые за много недель, — все заставляло держаться напряженно и немного настороже. Сам Висмаан, казалось, с головой ушел в кубики.

Она вышла наружу, нарвала с пузырчатого кустарника две охапки листьев, потом еще одну, и уложила их на полу, возле двери. Затем, подойдя к чаурогу, она поинтересовалась, может ли еще что-либо сделать для него. Тот в ответ лишь коротко покачал головой, не отрываясь от кубиков. Она пожелала ему доброй ночи и легла на импровизированную постель. Та оказалась вполне удобной, даже больше, чем она ожидала. Но уснуть было невозможно. Она ворочалась с боку на бок: чувство стесненности и неудобства в присутствии чужака не давало покоя. И еще запах чаурога, острый и пронизывающий. За весь день она как-то притерпелась и перестала обращать на него внимание, но теперь, лежа в темноте со взвинченными нервами, она воспринимала его, как бесконечно повторяющийся звук трубы. Время от времени она присаживалась и всматривалась сквозь темноту в Висмаана, лежавшего неподвижно и молча. Но в конце кон-

цов сон постепенно овладел ею, и она задремала, пока звуки нового утра не разбудили ее привычной мелодией множества писков и криков, и первый свет не просочился в открытую дверь. Она проснулась, ничего не понимая, как это с ней часто случалось, когда она крепко спала в незнакомом месте. Несколько минут она не могла сообразить, где она, но потом вспомнила.

Он наблюдал за ней.

— Ты провела ночь без отдыха. Мое присутствие тебя тревожит.

— Ничего, я привыкла. Как ты себя чувствуешь?

— Не очень, но уже начинаю поправляться. Я чувствую, как внутри идет процесс заживления.

Она принесла ему воды и тарелку фруктов. Затем вышла во влажный туманный рассвет и быстро скользнула в пруд. Когда она вернулась в хижину, запах вновь поразил ее с новой силой: контраст между свежим утренним воздухом и резким запахом чаурога внутри хижины был разителен.

Одеваясь, она сказала:

— Я вернусь из Нарабала только к ночи. Ты как, продержишься один?

— Если оставишь пищи и воды, чтобы я мог дотянуться. И что-нибудь почитать.

— Почти ничего нет. Но я принесу. Надеюсь, день у тебя пройдет спокойно.

— Возможно, заглянет какой-нибудь гость?..

— Гость? — обескуражено воскликнула Тесме. — Кто? Что еще за гость? Никто сюда не придет. Или хочешь сказать, что с тобой был еще кто-то и он начнет тебя искать?

— Нет-нет, со мной никого не было. Я подумал, может быть, твои друзья...

— У меня нет друзей, — торжественно объявила Тесме. И сразу же ей эти слова показались глупыми, полужалобными и мелодраматичными. Но чаурог ничего не сказал, и, пряча свое смущение, она принялась тщательно затягивать ремнем мешок.

Он молчал до тех пор, пока она не собралась идти, потом поинтересовался:

— Нарабал красив?

— Разве ты его не видел?

— Я шел с другой стороны, из Тил-Омона. В Тил-Омоне мне рассказывали, как красив Нарабал.

— Ничего особенного, — ответила Тесме. — Лачуги. Грязь на улицах. Повсюду растут виноградные лозы, опутывая дом за год целиком. Тебе говорили в Тил-Омоне? Ну, над тобой подшутили. Жители Тил-Омона не выносят Нарабал. Это города-соперники. Два главных тропических порта. Если

кто-то в Тил-Омоне расхваливает красоты Нарабала, он просто лжет.

— Но для чего?

Тесме пожала плечами.

— Откуда я знаю? Может, чтобы убрать тебя подальше от Тил-Омона. В любом случае, в Нарабале нечего смотреть. Тысячу лет назад он, возможно, и был чем-то, но теперь это просто грязный город.

— Все же я надеюсь повидать его. Когда моя нога окрепнет, ты мне покажешь его?

— Разумеется, — кивнула она. — Почему бы и нет? Но ты будешь разочарован, уверяю тебя. А теперь я пойду. Я хочу добраться до города, пока еще прохладно.

3

Она быстро, представляя на ходу, как войдет однажды в город с чаурогом, шла по тропе. Интересно, как на это отреагируют в Нарабале? Начнут забрасывать их камнями или навозом? Будут тыкать пальцами и ржать, а заодно и поносить ее, когда она начнет здороваться со знакомыми? Вероятно. Чокнутая Тесме, станут судачить, привезла в город инородца; не занимаются ли они в джунглях непотребством? Да, да. Тесме улыбнулась. Забавно будет пройтись по Нарабалу с Висмааном. И она попробует, как только он сможет одолеть долгую дорогу через джунгли.

Сама дорога была просто грязной неухоженной тропкой, отмеченной зарубками на деревьях да редкими короткими просеками, быстро зарастающими во многих местах. Но за время путешествия по джунглям она овладела искусством находить дорогу, и редко надолго теряла тропу. Поздним утром она добралась до отдаленных плантаций, и вскоре увидела и сам Нарабал, карабкающийся вверх по одному склону холма и сбегающий вниз к морю по противоположному.

Тесме не знала, для чего кому-то понадобилось основывать тут город — в самой западной точке Зимроэля. Какая-то задумка Властителя Меликанда, того самого Венценосца, что допустил поселение чужаков на Маджипуре, способствуя развитию западного континента. Да, в царствование Властителя Меликанда, в начале царствования, на Зимроэле в ужасающем одиночестве находилось всего два города фактически — географические названия, созданные первыми человеческими поселенцами на планете раньше, чем стало ясно, что центром жизни Маджипура стал другой континент — Алькантроэль. На северо-западе Зимроэля тогда располагался Пидрайд, город с чудесным климатом и отличной естест-

венной гаванью, а дальше по восточному побережью находился Пилиплок, где обосновались охотники на морских драконов. Теперь к ним добавились два пограничных поста: Ни-Моуа, воздвигнутая на одной из самых больших внутренних рек континента, и Тил-Омон, стоявший на краю тропического пояса западного побережья; к тому же существовало несколько поселений в центральных горах, да ходили слухи, что чауроги строят свой город в тысяче миль к востоку от Пидрайда.

И еще был Нарабал, тут, на дождливом юге, на краю континента, окруженный морем. Здесь, если стоять у края Нарабальского пролива и долго смотреть на воду, то постепенно с ужасом начинаешь ощущать все эти тысячи миль, лежащие за спиной, и тысячи миль океана, отделяющего тебя от Алькантроэля, где находятся другие города. В юности Тесме пугалась мысли, что она живет в месте, столь далеком от центра цивилизации — как на другой планете — и иной раз и Алькантроэль, и те процветающие города казались ей просто мифом, а подлинным центром вселенной был Нарабал. Она никогда нигде не бывала, нигде, кроме него, и не надеялась побывать. Слишком велики были расстояния. Единственным городом в пределах досягаемости являлся Тил-Омон, но и до него было не близко, и те, кто бывал там, рассказывали, что он сильно похож на Нарабал, только меньше дождей, и солнце постоянно висит в небе докучливым пытливым зеленоватым глазом.

В Нарабале она повсюду ощущала на себе любопытствующие взоры. Каждый раз, когда она оборачивалась, то замечала, что все пристально пялятся на нее, словно она заявилась в город голой. Все знали ее — дикую Тесме, сбежавшую в джунгли, — ей улыбались, махали, расспрашивали, как идут дела, а за этим обычным добродушием были глаза — внимательно-пристальные, враждебные, сверлящие ее с неподдельным интересом и старающиеся разгадать, что у нее на душе. "Почему ты презираешь нас? Почему ты нас чуждаешься? Почему ты делишь дом с отвратительным чужаком?" и она улыбалась в ответ, махала рукой и говорила вслух: "Рада увидеться с вами снова", "Все отлично", а про себя отвечала их пронизывающим глазам: "Я никого не презираю, мне просто нужно было уйти, и чаурогу я помогла потому, что мне, возможно, за это воздастся", но они не понимали.

Никто не заходил в ее комнату в материнском доме. Она сложила в мешок книги и кубики и отыскала аптечку с лекарствами, которые, по ее мнению, могли сгодиться Висмаану. Здесь были антивоспалительные средства для ускорения заживления ран, жаропонижающие, и многое другое — вероятно, все бесполезное для чужака, но она полагала, что

стоит попробовать. Тесме бродила по дому, ставшему для нее каким-то непривычным, несмотря на то, что она прожила здесь всю жизнь. Деревянные полы вместо разбросанных листьев, настоящие прозрачные стекла на шарнирах, чистильщик, настоящий механический чистильщик с кнопками и рукоятками — все эти миллионы цивилизованных вещей и приспособлений, выдуманных человечеством так много тысяч лет назад в другом мире, от которых она сбежала жить в свою маленькую хижину с живыми ветвями, растущими по стенам...

— Тесме?

Она удивленно оглянулась. В дверях стояла ее сестра Мирифэйн, ее близняшка; та же манера говорить, то же лицо, те же длинные тонкие руки и ноги, те же прямые черные волосы. Только на десять лет старше ее и на десять лет более примирившаяся со своей жизнью. Замужняя работающая женщина, мать. Тесме всегда страдала при виде Мирифэйн. Словно смотрелась в зеркало и видела себя на десять лет старше.

— Мне кое-что нужно, — нехотя объяснила Тесме.

— А я надеялась, что ты решила вернуться домой, — сказала Мирифэйн.

— Зачем?

Мирифэйн ответила привычной проповедью о возобновлении нормальной жизни, возвращении в общество и о полезном труде. В конце она сказала:

— Мы упустили тебя.

— Может быть, — ответила Тесме, — но я делаю то, что нужно мне. — Она немного помолчала. — Рада была повидать тебя, Мирифэйн.

— По крайней мере, ты останешься на ночь? Мать скоро вернется, она будет рада, если ты пообедаешь с нами.

— Мне еще далеко идти. Я не могу тратить здесь много времени.

— Знаешь, ты хорошо выглядишь. Загорелая, окрепшая... По-моему, отшельничество тебе на пользу.

— По-моему, тоже.

— Думаешь еще пожить в одиночестве?

— Мне нравится, — ответила Тесме. Она начала завязывать мешок. — Как у вас?

Мирифэйн пожала плечами.

— По-прежнему. Только я на время отправляюсь в Тил-Омон.

— Счастливо.

— Хочу вырваться из нашей заплесневелой зоны и отдохнуть. Холтас согласился поработать там с месяц над проектами постройки новых городов в горах — приходится обеспечивать жильем всех этих инородцев, что начинают прибывать. Он хочет взять с собой меня и детей.

— Инородцев? — переспросила Тесме.

— Ты разве не знаешь?

— Расскажи.

— Ну, иномиряне, что живут на севере, начинают проникать сюда. Есть один вид, вроде ящериц с руками и ногами, они хотят развивать фермы в джунглях.

— Чауроги?

— А, так ты слышала? И еще одно племя, напыщенное и воинственное, с лягушачьими рожами и темно-серой кожей. Холтас говорит, что они сейчас заняли все мелкие должности в Пидрайде, вроде клерков и писцов, ну и прочих, а теперь начинают наниматься сюда, и Холтас и кое-кто из архитекторов собираются спроектировать для них поселения внутри страны.

— Значит, они не будут вонять в прибрежных городах?

— Что? А, ну, я думаю, часть из них все равно тут осядет. Никто не знает, сколько их будет, но по-моему, наши вряд ли согласятся на большое число иммигрантов в Нарабале да и в Тил-Омоне тоже...

— Да, я вижу, — кивнула Тесме. — Ну, передавай привет, пойду обратно. Надеюсь, ты приятно отдохнешь в Тил-Омоне.

— Тесме, пожалуйста...

— Что, пожалуйста?

Мирифэйн сказала с досадой:

— Ты такая резкая, такая далекая и холодная! Мы не виделись уже несколько месяцев, а ты еле терпишь мои расспросы, и смотришь на меня с таким раздражением. Почему ты злишься, Тесме? Разве я тебя когда-нибудь обижала? Почему ты такая?

Тесме знала, что бесполезно снова все объяснять. Никто не понимал ее, никто, и меньше всего те, кто уверял, что любит ее. Стараясь говорить мягче, она ответила:

— Назови это запоздалым переходным возрастом, Мири, или возмужанием юности. Ты очень хорошо относишься ко мне. Но только зря, я все равно уйду. — Она чуть коснулась пальцами руки сестры. — Может, я загляну еще на днях.

— Надеюсь.

— Только скоро не ждите. Передай всем привет от меня, — сказала Тесме и вышла.

Она торопливо и напряженно шла по городу, боясь встретиться с матерью или с кем-нибудь из старых знакомых, особенно бывших любовников. Она украдкой оглядывалась, как вор, и не раз быстро ныряла в переулки, заметив того, кого не хотела видеть. Встречи с сестрой было достаточно. Пока Мирифэйн не сказала, что она ясно выказывает раздражение, Тесме не сознавала этого. И Мири была права — да. Тесме чувствовала, что остатки раздражения еще кипят внутри

нее. Эти люди, эти унылые маленькие людишки со своим ничтожным честолюбием, со своими маленькими страхами и маленькими предрассудками, замкнувшиеся в череде своих бессмысленных дней — они приводили ее в ярость. Чумой рассеяться по Маджипуру, сгрызая не нанесенные на карту леса и загаживая необъятный океан, основывая грязные города среди удивительной красоты и никогда не задаваться какой-либо целью. Слепые, нерассуждающие натуры — это было хуже всего. Никогда они не посмотрят на звезды и не спросят, что это такое. А ведь именно это волновало человечество на Старой Земле, заставляя превращать в копию материнского мира тысячи захваченных планет. Имеют ли звезды хоть какое-нибудь значение для человечества Маджипура? Наверное, Старая Земля все еще для них что-то значит и кажется прекрасной, лишившись за прошедшие столетия серой скучной шелухи и накипи, и, несомненно, Старая Земля далеко ушла от Маджипура, который за ближайшие пять тысячелетий станет ее отражением с раскинувшимися на сотни миль городами, всеобщей торговлей, грязью в реках, истребленными животными и бедными, обманутыми Меняющими Форму, повсюду загнанными в резервации, — со всеми старыми ошибками, принесенными в девственный мир. Тесме это поражало до глубины души, заставляя кипеть от бешенства. Она считала, что все дело от путаницы личных целей, расстроенных нервов и отсутствия любовника, но затопившая ее ярость возникла вдруг от недовольства всем человеческим миром. Ей хотелось схватить Нарабал и сбросить в океан. К сожалению, она не могла этого сделать, не могла ничего изменить, не могла ни на мгновение приостановить то, что они называли распространением цивилизации. Все, что она могла — это вернуться в джунгли к сплетающимся лианам, влажному сырому воздуху, пугливым животным болот, к хижине, к увечному чаурогу, который сам был частью затопляющего планету прилива, но был и тем, о ком она заботилась, кого даже лелеяла, потому что остальным ее сородичам он не нравился, пожалуй, они даже ненавидели его, и она, заботясь о нем, отличалась от них.

Голова болела, мускулы лица стали жесткими, будто одеревенев, она понимала, что идет, сгорбясь, словно неся на плечах всю тяжесть жизни, от которой отреклась. Она сбежала из Нарабала так быстро, как только смогла. Но еще часа два, пока она не свернула на тропку в джунглях и не почувствовала, как спадает напряжение, последние городские окраины маячили позади. Она остановилась у знакомого озера и долго плавала в его прохладной глубине, избавляясь от последней городской гнили, а после, не надевая одежды, а

лишь набросив ее на плечи, нагая, направилась через джунгли к хижине.

4

Висмаан лежал в постели и, кажется, ни разу не шевельнулся, пока ее не было.

— Как тебе, лучше? — поинтересовалась Тесме. — Как ты один справлялся?

— Очень спокойный день. Нога только чуть больше опухла.

— Давай, взгляну.

Она осторожно ощупала ногу. Та казалась слегка одутловатой, и он чуть дернулся, когда Тесме дотронулась до опухоли, что, по-видимому, означало, что боль очень сильная, если верить утверждению Висмаана, что к боли чауроги нечувствительны. Тесме задумалась, — возможно, стоило отправить чаурога в Нарабал, но он выглядел необеспокоенным, а она сомневалась, что доктора в городе знают что-нибудь о психологии и анатомии чужаков. Кроме того, она хотела, чтобы он остался здесь. Тесме распаковала лекарства, принесенные из дома, и дала ему антивоспалительное и жаропонижающее, затем приготовила на обед фрукты и овощи. До наступления темноты она успела проверить ловушки на краю лесной поляны, и обнаружила в них несколько небольших зверушек — маленького сгимойна и пару минтансов. Она привычно свернула им шеи — в самом начале ее отшельничества ей было ужасно тяжело это делать, но ей требовалось мясо, а никто не стал бы убивать за нее и для нее — и разделала тушки для огня. Она приготовила костер, подвесила мясо и вернулась внутрь.

Висмаан забавлялся одним из кубиков, которые она принесла ему, но отложил в сторону, едва она вошла.

— Ты ничего не рассказала о визите в Нарабал, — заметил он.

— Я была там недолго. Взяла, что нужно, поболтала немного с сестрой и ушла — одно расстройство. Только в джунглях себя хорошо и почувствовала.

— Ты сильно ненавидишь то место.

— А оно того и заслуживает. Эти унылые надоедливые люди, эти безобразные, зажатые со всех сторон маленькие здания... — она пожала плечами и покачала головой.

— Да, сестра говорила, что закладываются какие-то новые города на континенте для иномирян, потому что их много переселяется на юг. В основном, чаурогов, и еще каких-то, с серой кожей и...

— Хджорты, — подсказал Висмаан.

— Мне все равно, — отмахнулась Тесме. — Мири говорила, что они любят работать клерками и писцами. По-моему, они устраиваются во внутренних провинциях лишь потому, что никто не хочет допускать их в Тил-Омон или в Нарабал.

— Странно, а я никогда не замечал недоброжелательства людей, — заметил чаурог.

— В самом деле? Может быть, просто не обращал внимания? Предрассудков на Маджипуре хватает.

— Мне не совсем понятно, у вас строже и иначе. Вот на севере, я убежден, затруднений нет. Ты была на севере?

— Нет.

— Жители Пидрайда встретили нас очень радушно.

— Правда? Я слышала, будто чауроги построили себе город где-то к востоку от Пидрайда у большого раскола. Если в Пидрайде у вас было все так хорошо, зачем куда-то переселяться?

— Вместе с нами людям жить не очень-то удобно, — спокойно заметил Висмаан. — Ритм нашей жизни сильно отличается от вашего. Наша привычка спать, например. Да и самим нам жить трудно в городе, который засыпает на восемь часов каждую ночь, когда сами мы бодрствуем. Есть и другие различия. Вот мы и создали Дэлорн. Я надеюсь, что ты когда-нибудь увидишь его. Он изумительно красив, отстроен целиком из белого камня, сияющего внутренним светом. Мы очень гордимся им.

— Почему же тогда тебе там не понравилось?

— Мясо не сгорит? — осведомился он.

Она покраснела и выскочила наружу, едва успев сорвать обед с вертела. Чуть нахмурясь, она нарезала мясо и подала его вместе с токкой и фляжкой вина, которое принесла днем из Нарабала. Неуклюже приподнявшись, Висмаан принялся за еду.

Немного погодя, он сказал:

— Я прожил в Дэлорне несколько лет. Но там очень засушливая местность, а я жил на нашей планете в теплом и сыром краю, как в Нарабале. Вот я и хотел найти плодородную землю. Мои далекие предки были землевладельцами, и я подумывал вернуться к их занятию, а когда услышал, что в тропиках Маджипура можно снимать урожай шесть раз в год, и имеется множество свободной земли, то отправился сюда.

— Один?

— Да, один. У меня нет жены, хотя я и собираюсь завести ее, как только поселюсь здесь.

— И будешь продавать выращенный урожай в Нарабале?

— Да. В моем родном мире едва ли найдется какая-нибудь невозделанная земля, но и то ее еле-еле хватает, чтобы про-

кормить нас. Большую часть продуктов питания мы к себе ввозим. Поэтому Маджипур так сильно влек нас к себе. Это гигантская планета со столь малочисленным населением, большей частью дикая и ждущая развития. Я счастлив здесь. И думаю, ты не права насчет своих соседей-горожан: вы, маджипурцы, сердечный и приветливый народ, учтивый, законопослушный и опрятный.

— Даже так? Хмм... стоит кому-нибудь пронюхать, что я живу с чаурогом, все будут шокированы.

— Шокированы? Почему?

— Потому что ты чужак. Потому что ты рептилия.

Висмаан издал странный фыркающий звук. Смеялся?

— Мы не рептилии. Мы теплокровные и так же, как и вы, растим детей.

— Ну, как рептилии.

— Внешне, пожалуй. Но я настаиваю, что близок к млекопитающим.

— Близок?

— Разве что мы откладываем яйца. Но ведь есть и млекопитающие, поступающие так же. Вы ошибаетесь, считая...

— Это несущественно. Люди воспринимают вас как рептилий, а человек издревле не терпел змей. Боюсь, из-за этого всегда будут недоразумения между нами и вами. Это идет еще с давних времен на Старой Земле. Кроме того... — она спохватилась, что чуть было не ляпнула о его запахе. — Кроме того, — повторила она неуклюже, — вы немного пугаете.

— Неужели больше, чем огромные лохматые скандары? Или су-сухирисы с двумя головами? — Висмаан повернулся к Тесме и уставился на нее глазами без век. — Я думал, ты скажешь, что тебе самой неудобно с чаурогом, Тесме.

— Нет.

— Предубеждений, о которых ты говоришь, я никогда не замечал. И вообще, впервые слышу о них. Мне лучше уйти, потому что я тебя расстраиваю.

— Нет-нет, ты совершенно неправильно меня понял. Я хочу, чтобы ты остался здесь. Я хочу помочь тебе. Я совершенно не боюсь тебя, и ни к чему в тебе не отношусь с предубеждением. Я только пытаюсь объяснить тебе, что почувствуют люди в Нарабале, то есть, это я полагаю, что они могут почувствовать, и ... — она сделала долгий глоток из фляжки. — Я не знаю, как нам справиться со всем этим. Извини. Лучше поболтаем о чем-нибудь другом.

— Конечно.

Но она заподозрила, что обидела его или, по меньшей мере, расстроила. Несмотря на холодную отчужденность иномирянина он, казалось, был очень проницателен, и может быть, он был прав, может быть, наружу прорвалось ее соб-

ственное предубеждение, ее собственные предрассудки. Вполне понятно, подумала она, что, запутавшись в отношениях с людьми, я просто не способна больше заботиться о ком-либо, о человеке или о чужаке, и потому многочисленными мелочами показываю Висмаану, что мое гостеприимство просто прихоть, неестественная и почти вынужденная, таящая в себе недовольство его присутствием здесь. Но так ли это? Она все меньше и меньше понимала себя, словно взрослела. И тем не менее, правдой было то, что она не хотела, чтобы он чувствовал себя здесь незваным гостем. И решила в будущем показать, что заботится о нем искренне.

Этой ночью она спала лучше, чем предыдущей, хотя все еще не привыкла спать в куче листьев пузырчатого кустарника на полу в присутствии постороннего, и каждые несколько часов она просыпалась и всматривалась через темноту в сторону чаурога, и каждый раз видела его, занятого развлекательными кубиками. Он не замечал ее. Она пыталась представить, каково это — спать один раз в три месяца, а оставшееся время бодрствовать. Она подумала, что это самое чуждое в нем. И каково ему лежать часами, не в состоянии ни встать, ни уснуть, чтобы забыться от боли, и заниматься чем угодно, лишь бы отвлечься, лишь бы убить время — что может быть более мучительным? И тем не менее, его настроение не менялось, оставалось таким же спокойным, мирным, бесстрастным. Неужели таковы все чауроги? Неужели они никогда не пьянеют, не ссорятся, не бранятся на улицах, не ругаются с женами? Но ведь они не люди, напомнила она себе.

5

Утром она мыла чаурога до тех пор, пока его чешуя не заблестела, затем поменяла постель. Накормив его, она провела день, как обычно. Но, блуждая в джунглях, она чувствовала себя виноватой за то, что пока она бродит по лесу, он лежит неподвижно в хижине и гадает, когда она вернется и расскажет ему что-нибудь или просто втянет в разговор и развеет скуку. Но в то же время она понимала, что если будет непрерывно торчать у его постели, то они быстро исчерпают все темы и начнут действовать друг другу на нервы, пока же у него есть с десяток развлекательных кубиков, которые помогут отвлечься. И, возможно, он предпочитает большую часть времени проводить в одиночестве. И уж во всяком случае, одиночество нужно ей самой, теперь даже больше, раз она делит хижину с чужаком, и потому она этим утром отправилась на длительную прогулку, собирая заодно для обеда ягоды и коренья. К полудню пошел дождь, и она

присела под деревом-врамма, чьи широкие листья хорошо укрывали от струй. Она прикрыла глаза и постаралась ни о чем не думать: ни о страхах, ни о хлопотах, ни о воспоминаниях, ни о чауроге, ни о семье, ни о бывших любовниках, ни о своей невезучести, ни об одиночестве. Мир и покой наконец воцарились в ее душе.

В последующие дни она привыкла к чужаку. Он оказался неприхотливым и нетребовательным, развлекался кубиками и стоически переносил свою неподвижность. Он редко спрашивал о чем-либо или сам заводил разговор, но всегда дружелюбно отвечал на ее расспросы и охотно рассказывал о своем родном мире — убогом и страшно перенаселенном — и о своей жизни там, о своих мечтах обосноваться на Маджипуре и о волнении, когда впервые увидел эту прекрасную, усыновившую его планету. Тесме пыталась представить его волнение однажды: может быть, его волосы поднялись дыбом, вместо того, чтобы медленно свиваться завитушками, или его эмоции выражаются изменением запаха?

На четвертые сутки он впервые поднялся. С ее помощью он выпрямился и, опираясь на ее плечо и здоровую ногу, осторожно попробовал коснуться больной ногой пола. Она внезапно почувствовала, как изменился его запах, став более резким, нечто вроде обонятельной дрожи, — и уверилась в том, что именно так чауроги выражают свои эмоции.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она. — Слабость?

— Она не выдерживает моей тяжести. Но излечение идет хорошо. Еще несколько дней, я думаю, и я смогу встать. Пойдем, помоги мне немного пройтись, а то у меня тело ослабло от долгого ничегонеделания.

Он оперся на нее, и они вышли наружу, где он начал медленно прохаживаться взад и вперед, осторожно прихрамывая. Эта недолгая прогулка, кажется, освежила его. Тесме с удивлением осознала, что ее опечалил этот первый признак выздоровления, поскольку он означал, что скоро — через неделю или две — он достаточно окрепнет, чтобы уйти, а она не хотела этого. ОНА НЕ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ОН УХОДИЛ! Это внезапное понимание было настолько странным, что изумило ее до глубины души. Снова жить отшельницей, с наслаждением спать в своей постели и бродить по лесу, не заботясь ни о каких гостях, делать, что вздумается, избавиться от раздражающего присутствия чаурога — и тем не менее, тем не менее, тем не менее, она чувствовала подавленность и беспокойство при мысли, что он скоро покинет ее. Как странно, думала она, как необычно и как похоже на меня!

Теперь они гуляли несколько раз в день. Он все еще не мог наступать на сломанную ногу, но с каждым разом двигался все легче. Наконец, он объявил, что опухоль спала и

кость явно срослась. Он начал заводить разговор о ферме, которую хотел основать, о видах на урожай, о расчистке джунглей.

Однажды днем в конце первой недели Тесме, возвращаясь из экспедиции по сбору калимборнов с луга, где она впервые наткнулась на чаурога, остановилась проверить ловушки. Большинство оказались пустыми или с обычными мелкими зверушками, но в одной (в кустарнике за водоемом) что-то неистово колотилось, и когда она подошла, то увидела, что поймала билантона — самое большое животное, когда-либо попадавшее в ее западню. Билантоны водились по всему западному Зимроэлю — изящные, быстрые, небольшие животные с острыми копытами, хрупкими ножками и крошечными перевернутыми ручками хвостов. Но здесь, у Нарабала, они были просто гигантскими, вдвое больше утонченных северных сородичей. Здешние билантоны доставали до запястья человека и ценились за нежное и ароматное мясо. Первым побуждением Тесме было выпустить создание: слишком большим оно казалось, слишком красивым, чтобы его убивать. Она научилась резать мелких животных, придерживая их одной рукой, но тут было совсем другое. Большое животное, выглядевшее чуть ли не разумным, благородным, несомненно ценившим свою жизнь со всеми надеждами и нуждами, поджидавшее, возможно, подругу. Тесме сказала себе, что она дура. И дрелси, и минтансы, и сигимоны так же стремились жить, как рвется сейчас жить этот билантон, а она убивала их, не колеблясь. Она понимала, что не стоит одухотворять животных, когда даже в свои цивилизованные дни она охотно и с удовольствием ела их мясо, если их убивала другая рука. И уж тем более, ей нет дела до осиротевшей подруги билантона.

Подойдя ближе, она поняла, что билантон в панике сломал одну из крупных ног, и на мгновение у нее мелькнула мысль наложить ему шину и оставить у себя, как любимца. Но это было бы еще более нелепо. Она просто не в состоянии усыновлять каждую увечную тварь из джунглей. Чтобы наложить шину, ей необходимо осмотреть его ногу, а билантон вряд ли будет вести себя спокойно, и если ей даже удастся каким-то чудом справиться, он сбежит при первом же удобном случае. Глубоко вздохнув, она подошла сзади к бившемуся животному, схватила его за нежную морду и свернула длинную грациозную шею.

Разделка туши оказалась делом более тяжелым и кровавым, чем она ожидала. Она ожесточенно кромсала и резала, как ей показалось, несколько часов, до тех пор, пока Висмаан не окликнул ее из хижины, спрашивая, чем она занята.

— Готовлю обед, — отозвалась она. — Сюрприз. Будет большое угощение. Жаркое билантона.

Она тихонечко хихикнула, подумав, что это прозвучало, как у доброй жены, когда та готовит филе, а муж лежит в постели, ожидая обеда.

В конце концов, неприятная работа была сделана. Она поставила мясо коптиться на медленном дымном огне, а сама отправилась мыться, набирать токку и корни гамбы, затем открыла фляжки с вином, которые принесла из Нарабала. Обед был готов с приходом темноты, и Тесме чувствовала гордость за содеянное.

Она ожидала, что Висмаан набросится на еду без комментариев в своей обычной флегматичной манере, но нет: она впервые заметила оживление в его лице, какие-то новые искорки в глазах да и язык мелькал как-то по другому. Она решила, что теперь лучше разбирается в его чувствах. Он с воодушевлением грыз мясо, похваливая вкус и мягкость, и просил еще и еще. Каждый раз подавая ему, она накладывала и себе, пока не пресытилась.

— К мясу очень хороша токка, — заметила Тесме, вкладывая сине-белые ягоды в рот.

— Да, очень приятно, — спокойно подтвердил он.

Наконец она больше не могла не только есть, но даже и просто смотреть на еду. Она положила остатки так, чтобы они были доступны его протянутой руке, допила последний глоток вина и, вздрогнув, засмеялась, когда несколько капель пролилось на подбородок и груди. Потом она вытянулась на листьях. Голова у нее кружилась. Она лежала лицом вниз, поглаживая пол и слушая все продолжавшееся чавканье. Наконец, чаурог тоже насытился, и все стихло. Тесме ждала, но сон не приходил. Голова кружилась все сильнее и сильнее, до тех пор, пока ей не начало казаться, будто ее швыряет по какой-то ужасной центробежной дуге на стену хижины. Кожа горела, соски грудей набухли и воспалились.

Я слишком много выпила, подумала она, и съела слишком много токки, по меньшей мере ягод дéсять. Яростный сок кипел теперь в ней.

Она не желала спать одна, скорчившись на полу.

С преувеличенной осторожностью Тесме встала на колени, замерла на мгновение, и медленно поползла к кровати. Она до боли всматривалась в чаурога, но в глазах туманилось, и она различала лишь общие его очертания.

— Ты спишь? — прошептала она.

— Ты ведь знаешь, что я не буду спать.

— Конечно, конечно. Я как-то отупела.

— Тебе плохо, Тесме?

— Плохо? Нет, не очень. Ничего особенного, разве что... как бы это... — она колебалась. — Я пьяна, понимаешь? Понимаешь, что значит быть пьяным?

— Да.

— Мне не нравится на полу. Можно я лягу с тобой?

— Если хочешь.

— Я буду очень осторожна. Я не хочу задевать твою больную ногу. Покажи, какая.

— Она почти зажила, Тесме, не беспокойся. Ложись здесь.

Она почувствовала, как его рука взяла ее за запястье и потянула вверх. Она поднялась и легла рядом на бок, чувствуя чешуйчатую кожу от груди до бедра, такую прохладную и такую гладкую. Она несмело потерла рукой его тело. Как отлично выделанная кожа для чемодана, подумала она, надавив пальцами и ощущая могучие мускулы под жестким покровом. Запах его изменился, стал резким, пронизывающим.

— Мне нравится твой запах, — пробормотала она.

Она зарылась лбом в его грудь и плотно прижалась к нему. Много месяцев, почти год, она не была ни с кем в постели, и было хорошо чувствовать так близко чужое тело. Даже чаурога, подумала она, даже чаурога. Просто прикоснуться к кому-нибудь, почувствовать близость. Это так хорошо — чувствовать.

Он дотронулся до нее.

Она не ожидала этого. Все их отношения складывались так, что она заботилась о нем, а он покорно принимал ее услуги. Но внезапно его рука — прохладная, жесткая, чешуйчатая, гладкая — прошлась по ее телу, легко скользнула по груди, проследовала ниже к пояснице, задержалась на бедрах. Что это было? Неужели Висмаан решил заняться с ней любовью? Она подумала о его теле, лишенном сексуальных принадлежностей, как у машины. Он продолжал гладить ее. Это очень непонятно, подумала она, и сверхъестественно. Даже для Тесме. Совершенно необъяснимо, сказала она себе, он не человек, а я...

А я очень одинока.

И очень пьяна.

Она надеялась, что он будет лишь гладить ее. Но вдруг одна его рука скользнула вокруг ее плеч и легко и нежно приподняла ее, перекатывая на себя, и бережно опустила, и она почувствовала бедрами несомненно выступающую твердую плоть мужчины. Что? Неужели его пенис таился где-то в чешуе, и он выпустил его, когда подошло время? И он...

Да.

Он, казалось, знал, что нужно делать. Пусть он чужак, при первой встрече с которым она не могла определить, мужчина он или женщина, но он явно понимал теорию любовных игр людей. На мгновение, когда она почувствовала, как его пенис входит в нее, ее поглотил ужас и отвращение, страх, что он повредит ей или причинит боль, и где-то в глубине сознания билась мысль, что это карикатурно и чудо-

вищно, это совокупление женщины с чаурогом, то, чего никогда не случалось за всю историю вселенной. Ей отчаянно захотелось вырваться и убежать в ночь. Но она была слишком пьяна, слишком кружилась голова, а потом она осознала, что он вовсе не повредил ей, и что пенис его скользит внутрь и наружу, как какой-то размеренный часовой механизм, а ее лоно трепещет от затопившего его наслаждения, заставляя ее дрожать и всхлипывать, наваливаясь на его гладкий, жесткий...

Она пронзительно закричала в момент оргазма, а после лежала, свернувшись, на его груди, трепеща, немного хныкая и мало-помалу успокаиваясь. Теперь она протрезвела. Она понимала, что сделала, и это изумило ее, даже больше, чем изумило. Знали бы в Нарабале! Чаурог — любовник! И наслаждение было таким сильным! Но вот получил ли он какое-нибудь удовольствие? Она не посмела спросить. Как узнать, бывает ли у чаурогов оргазм? Есть ли у них вообще такое понятие? Ей захотелось узнать, занимался ли он раньше любовью с женщинами, и она снова не посмела спросить. Он был не очень искусен, но определенно более ловок, чем некоторые из тех мужчин, которых она знала, хотя, что бы это ни было — экспериментировал ли он с ней, или просто его чистый ясный разум вычислил анатомические потребности, она не знала, и сомневалась, что когда-нибудь узнает.

Он ничего не сказал. Она прижалась к нему и вплыла в беззвучный тихий сон, каким не спала уже неделю.

6

Утром она чувствовала себя необычно, но не раскаивалась. Они не говорили о том, что произошло между ними ночью. Он играл кубиками, она на рассвете ушла поплавать, вымыть похмелье из головы, затем убрала остатки вчерашнего пиршества, приготовила завтрак, а после отправилась в длительную прогулку на север к небольшой мшистой пещере, где просидела большую часть утра, вспоминая плоть прижатого к ней тела, прикосновение его рук к ее бедрам, бешеную дрожь сотрясавшего ее экстаза. Она не могла сказать, что находит его привлекательным, — раздвоенный язык, волосы, как живые змеи, чешуя по всему телу — нет, нет, случившееся прошлой ночью не имеет ничего общего с его физической привлекательностью, подумала Тесме. Но тогда почему это случилось? Вино и токка, сказала она себе. И одиночество, и готовность восстать против общепринятых ценностей горожан Нарабала. Отдаться чаурогу, поняла она, — лучший способ бросить вызов всему тому, во что верят эти люди. Но с другой стороны, подобный поступок те-

ряет смысл, если о нем не узнают. И она решила взять Висмаана с собой в Нарабал, как только он сможет вынести дорогу.

После случившегося они делили постель каждую ночь. Поступать иначе казалось нелепо. Но ни на вторую ночь, ни на третью, ни на четвертую они не занимались любовью. Они лежали рядом, не касаясь друг друга, и не разговаривали. Тесме готова была отдаться, если бы он потянулся к ней, но он не делал этого, а сама она предпочитала не навязываться.

Молчание между ними становилось для нее все тягостнее, но она боялась нарушить его, опасаясь услышать то, чего не хотела слышать: что ему не по вкусу их любовные игры, или, что он смотрит на свершившееся совокупление, как на непристойное и неестественное, которое позволил себе только один раз, и то только потому, что она оказалась слишком настойчивой, или что он понимает, что по-настоящему она не испытывает к нему страсти, а просто воспользовалась им, дабы дойти до конца в своей непрекращающейся войне против всяких условностей.

К концу недели, измучившись накапливавшимся беспокойством и напряжением, и страдая от невысказанной неопределенности, Тесме рискнула прижаться к нему, когда легла вечером в постель, позаботившись, чтобы это выглядело как случайность, и он с готовностью легко обнял ее, не колеблясь, приняв в свои объятия. Потом они одни ночи занимались любовью, другие — нет, но всегда это происходило случайно и ненамеренно, почти обыденно, и как-то непроизвольно, после чего она засыпала. Каждый раз, отдаваясь, она получала огромное наслаждение. Чуждость его тела она вскоре перестала замечать.

Теперь он уже ходил без ее помощи, и упражнялся каждый день. Сначала с ее помощью, затем самостоятельно, он обследовал краешек джунглей, поначалу передвигаясь осторожно и с опаской, но вскоре шагал уже свободно, лишь слегка прихрамывая. Купания, кажется, способствовали выздоровлению, и он часами плескался в маленьком прудике Тесме, досаждая громварку, жившему у берега в грязной норке, — эта старая тварь украдкой выбиралась из своего местечка и разваливалась у воды, подобно выпотрошенному, промокшему и покрытому грязью мешку с колючками. Он мрачно глазел на чаурога и не возвращался в воду, пока тот купался.

Тесме утешала его нежными зелеными ростками, которые выдергивала в ручье и до которых громварку было не добраться на своих маленьких лапках.

— Когда же ты покажешь мне Нарабал? — спросил однажды Висмаан дождливым вечером.

— Могу завтра, — ответила она.

Ночью она чувствовала необычное возбуждение и настойчиво прижималась к нему, желая отдаться.

Они вышли в путь с первыми проблесками дождливого рассвета, уступившему скоро яркому сиянию солнца.

Тесме шла осторожно, не спеша, и хотя казалось, что чаурог вполне выздоровел, она все равно двигалась медленно, и Висмаану было нетрудно идти за ней. Она заметила, что безудержу болтает, называя ему каждое дерево или животное, на какие они натыкались, рассказывая немного из истории Нарабала, потом о своих братьях и сестрах и о знакомых в городе. Ей страстно хотелось показаться им с Висмааном — ГЛЯДИТЕ, ВОТ МОЙ ЛЮБОВНИК-ИНОВЕРЕЦ! Я СПЛЮ С ЧАУРОГОМ! И когда они подошли к окраинам, она принялась внимательно оглядываться, надеясь увидеть знакомых, но едва ли можно было встретить кого-либо на окраинных фермах, а местных она не знала.

— Видишь, как на нас уставились? — шепнула она Висмаану, когда они очутились в более населенных кварталах. — Они тебя боятся, считают предтечей некоего нашествия, и гадают, что я с тобой делаю и почему так любезна.

— Я ничего такого не вижу, — сказал Висмаан. — Они проявляют любопытство, да. Но я не замечаю ни страха, ни враждебности. Может быть, потому, что я плохо разбираюсь в мимике человеческих лиц? Правда, я считал, что узнал людей вполне достаточно, чтобы разобраться.

— Подожди, и увидишь, — обнадежила Тесме. Она не хотела признаться себе, что могла немного преувеличить, даже более, чем немного.

Они находились уже почти в центре Нарабала, и кое-кто глазел на чаурога с удивлением и любопытством, да, но почти сразу же отводил пристальный взгляд, а остальные просто улыбались и кивали, как будто идущее по улицам существо из иного мира для них — самая обыденная вещь. Действительно, враждебности она не заметила никакой, и это ее разозлило, мягкая приветливость людей, этих вежливых, дружелюбных людей, была вовсе не тем, чего она ожидала. Даже когда они наконец повстречали знакомых — Канидора, закадычного приятеля ее старшего брата, еннимонта Сиброу, державшего маленькую гостиницу в порту, и женщину из цветочной лавки, — те выказали такое же радушие, как и все прочие, даже когда Тесме сказала:

— Это Висмаан, он живет у меня последнее время.

Канидор улыбнулся, словно всегда знал Тесме как содержательницу гостиниц для чужаков, и завел разговор о новых городах для чаурогов и хджортов, которые планировал для застройки муж Мирифэйн.

Владелец гостиницы протянул ладонь и общительно тряхнул руку Висмаана, пригласив его отведать вина к себе домой, а цветочница все твердила:

— Как интересно, как интересно, мы надеемся, что вам понравится наш небольшой городок.

Тесме вдруг почувствовала снисходительность к их жизнерадостности, словно они набрались от нее дикости, и теперь принимают и соглашаются с ней во всем без опасений, без удивления, без комментариев. Возможно, они просто неверно истолковали суть ее отношений с чаурогом и думают, будто он просто поселился у нее. Интересно, возникнут ли у них те чувства, которых она ждет, если она прямо выложит, что они любовники? Что лоно ее принимало его пенис? И что они сотворили то, что было невозможно между человеком и чужаком? Скорее всего, нет. Вероятно, даже если они с чаурогом лягут и совокупятся на площади Понтифекса, то и это не расшевелит город, хмуро подумала Тесме.

Понравился ли город Висмаану? Ей было трудно определить его реакцию. Они поднимались по одним улицам, спускались по другим, миновали строившуюся площадь, лавку портного, проходили вдоль маленьких кривобоких домишек, утопавших в садах.

Тесме ощущала разочарование и неодобрение в его молчании и, несмотря на всю свою неприязнь в Нарабалу, ей захотелось защитить его. Несмотря ни на что, это было новое поселение, одинокий форпост в глухом закоулке второразрядного континента, насчитывающего всего несколько поколений.

— О чем ты думаешь? — спросила она наконец. — Нарабал не производит на тебя впечатления?

— Ты же предупреждала, чтобы я не ждал слишком многого.

— Тут даже более уныло, чем я тебе обещала.

— Нет, просто он кажется маленьким и недоработанным, — сказал Висмаан. — Он таким смотрится после Пидрайда, и...

— Пидрайду уже тысячи лет!

— ...Дэлорна, — закончил он. — Дэлорн удивительно прекрасен даже сейчас, когда только начал строиться. Но, разумеется, белый камень, который там используют...

— Да, — согласилась Тесме, — Нарабал тоже планировали построить из камня, поскольку тут слишком влажный климат и дерево гниет, только пока еще ничего не сделали. Когда возрастет население, можно будет устроить каменоломню в горах, и уж тогда создать что-нибудь прекрасное по-настоящему. И вот, лет через пятьдесят-сто, хорошенько потрудившись, и то, если у нас будут работать те гиганты-чужаки...

— Скандары, — подсказал Висмаан.

— Да, скандары. Послал бы нам Венценосец тысяч десять скандаров...

— Тела скандаров покрыты густой шерстью, им будет тяжело в здешнем климате, но, несомненно, они поселятся здесь, как и су-сухирисы и многие из влажной страны чаурогов, вроде меня. Со стороны вашего правителя очень смелый шаг — впустить к себе иномирян в таком количестве.

— Другие планеты не такие большие, — отмахнулась Тесме.

— Я как-то слышала, что невзирая даже на все наши колоссальные океаны, земли на Маджипуре в три или четыре раза больше, чем в любом населенном мире. Или что-то вроде того. Мы счастливы, обладая столь большой планетой, где, однако, нормальная гравитация, так что, здесь могут жить и люди, и гуманоиды. Естественно, мы платим за это высокую цену тем, что почти не имеем тут тяжелых элементов, но зато... о, привет! — тон ее резко изменился, голос чуть дрогнул. Стройный, очень высокий молодой человек со светлыми волосами столкнулся с ней, появившись из банка на углу, и стоял теперь, глядя на нее, разинув рот.

Это был Раскелорн Юлван, любовник Тесме последние четыре месяца ее жизни в городе, непосредственный виновник ее бегства в джунгли. Меньше всего она хотела встретить в Нарабале именно его, но уж столкнувшись с ним лицом к лицу, она после секундного замешательства, сказала, беря инициативу в свои руки:

— Ты хорошо выглядишь, Раскелорн.

— И ты. Жизнь в джунглях тебе на пользу.

— На пользу. Это счастливейшие месяцы в моей жизни. Раскелорн, это мой друг Висмаан, он жил со мной несколько последних недель. С ним произошло несчастье, когда он подыскивал землю для фермы неподалеку отсюда, он сломал ногу, упав с дерева, а я на него наткнулась.

— Представляю, — спокойно сказал Раскелорн. — На мой взгляд, он находился в превосходных условиях. — Он повернулся к чаурогу. — Рад с вами встретиться, — сказал он так, будто был действительно рад.

Тесме сказала:

— Он из Пидрайда, климат там мало похож на наш. Говорит, что у нас в тропиках скоро поселятся много его соплеменников.

— Я тоже слышал, — с усмешкой кивнул Раскелорн, и добавил: — Земля у нас удивительно плодородная. Посеешь семена перед завтраком, а к ночи уже получишь вино. Так уверяют все, так что, это, должно быть, правда.

Легкость и непринужденность его речи взбесили ее. Разве он не понимает, что эта чешуйчатая змея, этот иномирянин,

этот чаурог занял его место в ее постели? Отчаянно напрягаясь, она попыталась передать правду бывшему любовнику, мысленно представляя себя в объятиях чужака, показывая, как его руки мнут ее груди и бедра, как мелькает его небольшой, алый раздвоенный язык по ее закрытым глазам, ее соскам, ее лону. Но это было бесполезно — Раскелорн мог читать в мыслях не больше ее. "Он мой любовник, — думала Тесме, — он обладает мною, меня все время тянет к нему, и я не могу дождаться возвращения в джунгли, чтобы оказаться с ним в постели". Но все это время Раскелорн стоял, улыбаясь, и вежливо болтал с чаурогом, обсуждая возможности выращивания ниука, глейны и стагги в здешних краях, и о посеве семян в болотистых районах, и лишь после долгого перерыва перевел взгляд на Тесме и осведомился — так безмятежно, словно интересовался, какой нынче день недели, намерена ли она жить в джунглях и дальше.

Она со злостью посмотрела на него:

— Хочешь знать, почему я предпочитаю жить в джунглях?

— Удивляюсь, как ты обходишься без элементарных удобств?

— Зато я никогда не была так счастлива.

— Хорошо, я рад за тебя, Тесме. — Еще одна вежливая улыбка. — Приятно было повидаться с вами. До новой встречи, — попрощался он с чаурогом и ушел.

Тесме сжигала ярость: он не заметил, равнодушно не заметил, что она отдается чаурогу. Ему безразлично, отдается ли она чаурогу, скандару или громварку в пруду! Она хотела оскорбить его или, по крайней мере, шокировать, а он был лишь просто вежлив. Вежлив! Должно быть, он, как и все остальные, обманывался насчет их настоящих взаимоотношений с Висманом. Для них, наверное, было просто непостижимо, что женщина готова предложить свое тело рептилии-иномирянину, и они не то что не думали, даже мысли не допускали...

— Ну как, насмотрелся на Нарабал? — спросила она.

— Вполне. Здесь нечего смотреть.

— Как твоя нога? Дойдем обратно?

— Разве тебе ничего не нужно сделать в городе?

— Ничего такого, — ответила она. — Я хочу уйти.

— Тогда пойдем, — кивнул чаурог.

Все же нога, казалось, доставляла ему какое-то беспокойство — мышцы, видимо, сводило судорогой, что делало пешую прогулку затруднительной для любого, но, по привычке, он не жаловался и следовал за ней к тропинке в джунглях. Время было не самое удачное, солнце висело почти прямо над головой, и тяжелый влажный воздух давил на плечи — первый признак скапливающихся туч, которые вскоре после полудня разрядятся дождем.

Они шли медленно, часто останавливаясь, хотя ни разу он не признался, что устал. Уставала сама Тесме и заявляла, будто хочет показать ему то геологическое напластование, то необычайное дерево, то еще что-нибудь.

Происшедшее в Нарабале было для нее катастрофой. Надменный, вызывающий, непослушный презрительный Нарабал. Она привела в город своего любовника-чаурога, желая гордо покрасоваться перед случайными жителями, а они не обратили на них никакого внимания. Неужто они отупели настолько, что не в состоянии угадать правду? Или намеренно смотрели на нее сквозь пальцы, решив не доставлять ей удовольствия? И какую нетерпимость она видела раньше в горожанах Нарабала? Почему она считала, будто они боятся соседства чужаков? Все были так очаровательно приветливы с Висмааном, так дружелюбны. Возможно, мрачно подумала Тесме, предубеждения существуют только в ее воображении и она неверно истолковывает замечания других людей? В таком случае, отдаваться чаурогу было глупостью. Это сработало впустую и не достигло цели в той личной войне, которую она вела против своих сограждан. Просто необычайный, нелепый и непреднамеренный случай.

Ни она, ни чаурог не разговаривали во время долгого, длительного, медленного и неудобного возвращения через джунгли.

Когда они добрались до хижины, он сразу вошел внутрь, а она торопливо выкупалась, проверила ловушки, нарвала ягод, затем взяла вещи и тут же бросила, забыв, что хотела с ними сделать.

Наконец она вошла в хижину и сказала:

— Я думаю, тебе лучше уйти отсюда.

— Хорошо, — кивнул он. — Сейчас?

— Скоро стемнеет. А ты уже отшагал нынче много миль.

— Я не хочу беспокоить тебя. Я пойду сейчас.

Даже теперь она была не в состоянии прочесть его чувства. Удивлен он? Обижен? Зол? Она не могла понять. Он не попрощался, просто повернулся и ровным шагом направился в джунгли.

Тесме провожала его взглядом, в горле у нее пересохло, сердце колотилось, пока он не исчез за низко висящими лианами; она еле сдержалась, чтобы не кинуться следом. Но он ушел и скоро спустилась тропическая ночь.

Она тщательно приготовила себе обед, но ела мало, размышляя, как он сидит в темноте, дожидаясь утра. Они даже не попрощались. А ведь она могла бы немного пошутить, предостерегая его держаться подальше от высоких деревьев, или он мог бы поблагодарить ее за все, что она для него сделала, но вместо этого она просто выгнала его, и он спокойно

шел. Он чужой, подумала она, и пути его чужды ей. И все е, когда они были вместе в постели и он дотрагивался до ее и втягивал ее тело на себя...

Ночь тянулась, бесконечная и длинная. Она лежала, жавшись, на постели, которую они так недавно делили вме-ге, слушая бормотание ночного дождя, стучавшего по ши-оким синим листьям, заменившим хижине крышу, и впер-ые с тех пор, как она очутилась в джунглях, она почувст-овала боль одиночества. До этой минуты она не одозревала, как много значила для нее причудливая паро-ия на семейную жизнь, которую они разыгрывали здесь с аурогом, и которая теперь кончилась, и она снова была од-а, и даже более одинока, чем прежде. А он был где-то сна-ужи и сидел в темноте, не спавший и не укрытый от дождя.

Я влюбилась в чужака, сказала она себе с удивлением. Я любилась в чешуйчатую тварь, не сказавшую мне ни одно-о нежного слова, не задававшую никаких вопросов, и ушед-ую, не сказав ни слова, ни спасибо, ни до свидания. Она ежала, бодрствуя, несколько часов, напряженное тело ныло г долгой дневной ходьбы. Она подтянула колени к груди и олго лежала так, а затем просунула руку между бедер и ерла там до тех пор, пока не наступил миг оргазма; она за-охнулась, издав чуть слышный стон, и погрузилась в сон.

7

Утром она проснулась, проверила ловушки и собрала за-грак, а потом бродила по всем знакомым тропам возле хи-ины. Никаких признаков, указывавших на присутствие ча-рога, она не заметила.

К середине дня ее настроение немного улучшилось, а в олдень она уже снова радовалась жизни, но к наступлению очи, когда подошло время обедать в одиночестве, она щутила, как вновь подступает хандра. Но она терпела. Она оиграла немного кубиками, которые принесла для него из ому, и в конце концов, уснула, а следующий день прошел же лучше, и следующий тоже. И так шли дни...

Постепенно жизнь Тесме возвращалась в свое русло. ольше она не встречала чаурога, и он стал мало-помалу ус-ользать из ее сознания. Дни шли, складывались в недели диночества, вновь даря радость отшельничества, или это ей азалось? — Но иной раз ее пронизывали резкие и болезнен-ые воспоминания о нем: при виде билантона в зарослях, ли обломанной ветки, или громварка, сидящего у воды, и огда она понимала, что все еще тоскует по нему. Она бро-ила по джунглям, описывая все расширяющиеся круги вок-

руг хижины, не вполне понимая зачем, пока, наконец, не призналась себе, что ищет его.

Она искала его больше трех месяцев.

Однажды она заметила признаки поселения на юго-востоке: расчищенные, виднеющиеся вдали две или три вершины холмов, и направилась прямо в ту сторону, перебравшись через большую, не известную ей раньше, реку, где за чащей болотных деревьев оказалась недавно основанная ферма.

Притаившись у начала поля, Тесме увидела чаурога — это был Висмаан, она была уверена в этом, — удобрявшего поле богатым черным перегноем. Страх вдруг сжал душу, заставив задрожать. А если это другой чаурог? Нет-нет, она была убеждена, что это он. Она даже убедила себя, будто замечает небольшую хромоту. Она быстро пригнулась, опасаясь показаться ему. Что она скажет? Почему забралась так далеко в его поисках после того, как прогнала его? Она двинулась к зарослям кустарника и уже совсем было подошла к нему, но потом собралась с духом и окликнула его по имени.

Он замер и огляделся вокруг.

— Висмаан? Я здесь, это я — Тесме.

Щеки ее пылали, сердце бешено стучало. На одно мрачное мгновение она решила, что это чужак, незнакомый чаурог, и извинения были уже готовы сорваться с ее губ. Но стоило ему шагнуть к ней, как она поняла, что не ошиблась.

— Я заметила расчищенную долину, и подумала, что это, должно быть, твоя ферма, — сказала она, выходя из-под свешивающихся до самой земли ветвей. — Ну, как ты живешь, Висмаан?

— Отлично. А ты?

Она передернула плечами.

— Как обычно. Но ты тут сотворил удивительное... всего-то несколько месяцев, а смотри сколько сделано!

— Да, — кивнул он, — мы здорово потрудились.

— Мы?

— Мы с подругой. Идем, я вас познакомлю и покажу тебе, чего мы достигли.

Его спокойные слова околдовали ее. Возможно, он хотел заменить ими то негодование или обиду за то, что она выгнала его? Возможно, он мстил так, обуздывая свою злость? Но скорее всего, подумала она, он не испытывает обиды и не собирается мстить. И взгляд его на все происшедшее между ними, вероятно, совсем не такой, как у нее. Не забывай, нельзя забывать, что он чужак, сказала она себе.

Она поднялась за ним по невысокому склону, перепрыгнув через дренажную канаву, обошла небольшое поле, явно недавно засеянное.

На вершине холма, полускрытый буйно разросшимся огородом, стоял дом, из обтесанных бревен сиджайлы, не очень-то отличавшийся от ее хижины, но побольше и как-то более угловатый. Отсюда было видно всю ферму, занимавшую три склона невысокого холма. Тесме поразилась, как много он успел — казалось невозможным расчистить все это, поставить дом, подготовить поле к посеву и даже начать сеять, и все за несколько месяцев. Она помнила, что чауроги не спят, но разве им не требуется отдых?

— Турном! — позвал Висмаан. — У нас гостья, Турном.

Тесме заставила себя оставаться спокойной. Лишь теперь она поняла, что пришла взглянуть на чаурога потому, что больше не хотела жить одна, потому что где-то в глубине ее таилась полуосознанная прихоть помочь ему устроить ферму и разделить с ним жизнь так же, как делила постель, связать себя с ним по-настоящему. На мгновение она даже представила себе возможность помечтать, как они с ним веселятся где-нибудь на празднике или в Дэлорне, на встрече с его соплеменниками. Все это глупо, она понимала, но с упорным безумием верила в такую возможность до тех пор, пока он не сказал про свою подругу. Теперь она с трудом заставила себя держаться спокойно и приветливо.

Из дома вышел чаурог, почти такой же высокий, как Висмаан, с такими же блестящими чешуйками и змеящимися волосами. Между ними было только одно различие, но существенное: второго чаурога украшали свисающие цилиндрические груди, с десяток или больше, каждая с темно-зеленым соском.

Тесме вздрогнула. Висмаан говорил ей, что чауроги млекопитающие, и доказательство этого было сейчас невозможно опровергнуть, хотя на ее взгляд, груди не столько подчеркивали ее принадлежность к млекопитающим, сколько заставляли казаться таинственным и непостижимым гибридом. С глубокой неловкостью Тесме смотрела то на одного, то на другого чужака.

— Это та женщина, о которой я рассказывал тебе, — сказал Висмаан. — Она нашла меня, когда я сломал ногу. Тесме, это моя подруга Турном.

— Добро пожаловать, — торжественно объявила женщина-чаурог.

Тесме пробормотала что-то о работе, которой им еще следует заняться на ферме. Она хотела лишь одного сейчас — бежать, но у нее не было такой возможности: она зашла навестить соседей по джунглям, и те хотели показать ей все подробно.

Висмаан пригласил ее зайти в дом. А что дальше? Чашка чаю, стакан вина, немного токки и жареный минтанс? Вряд ли внутри дома есть что-нибудь, кроме стола, немногочисленной посуды.

Войдя, Тесме поняла, что не ошиблась, только вдобавок ко всему предвиденному в дальнем углу на трехногом табурете стоял любопытный плетеный ящик с высокими стенками. Взглянув на него, Тесме тут же отвела взгляд, машинально подумав почему-то, что не стоит особо любопытствовать, но Висмаан взял ее под локоть и предложил:

— Подойди. Взгляни.

Она шагнула вперед.

Это был инкубатор. В гнездышках из мха лежало десять или девять кожистых круглых яиц, ярко-зеленых, с большими овальными пятнами.

— Наш первенец появится меньше чем через месяц, — похвалился Висмаан.

У Тесме закружилась голова. Почему-то именно это откровение подлинной чуждости иномирян ошеломило ее, как ничто другое: ни холодный взгляд немигающих глаз, ни змеящиеся волосы, ни прикосновение чешуи к ее обнаженным бедрам, ни внезапное поражающее проникновение его члена в ее лоно. Яйца! Детеныши! А в груди Турном уже копится молоко, чтобы кормить их. Тесме как наяву увидела десяток маленьких ящериц, вцепившихся в бесчисленные груди, и ужас захлестнул ее. Один миг она стояла неподвижно, даже не дыша, а затем выскочила из дома и бросилась вниз по холму через дренажные канавы и маленькое поле, с запозданием осознав, что поле засеяно...

8

Она не знала, сколько прошло времени, пока Висмаан не появился у ее двери. Время тянулось расплывчатым потоком еды, сна и слез; возможно, прошел день, возможно два, неделя, прежде чем затем появился он, заполнив головой и плечами вход в хижину, и позвал ее по имени.

— Чего ты хочешь? — спросила она, не двигаясь.

— Поговорить. Я хочу сказать тебе кое-что. Почему ты сбежала так внезапно?

— Разве дело в этом?

Он наклонился к ней. Рука его легонько легла на ее плечо:

— Тесме, я в долгу перед тобой.

— За что?

— Когда я ушел отсюда, я не поблагодарил тебя за все, что ты для меня сделала. Мы с Турном долго обсуждали, из-за чего ты убежала, и она утверждает, что ты рассержена на меня. Но я не понимаю, почему. Мы с ней перебрали все возможные причины, и лишь в конце она спросила, поблагодарил ли я тебя за помощь. Но я не знал, что это нужно сде-

лать. И я пошел к тебе. Прости мою грубость, Тесме, мое неведение.

— Хорошо, я тебя простила, — сказала она приглушенно. — Теперь ты уйдешь?

— Посмотри на меня, Тесме.

— Лучше не буду.

— Пожалуйста. — Он потянул ее за плечо.

Она угрюмо обернулась к нему.

— У тебя влажные глаза, — сказал он.

— Иногда они меня не слушаются.

— Ты все еще сердишься? Почему? Я прошу тебя понять, что я не невежлив. чауроги не выражают благодарность так, как люди. Но позволь мне это сделать. Я верю, что ты спасла мне жизнь. Ты очень добрая. Я всегда буду помнить, что ты сделала для меня, пока я был беспомощен. Плохо, что я не сказал тебе этого раньше.

— И плохо, что я тебя выгнала, — пробормотала она низким голосом. — Только не проси объяснить, почему я так сделала. Все очень запутано. Я прощу тебе то, что ты не поблагодарил меня, если ты простишь меня за то, что я тебя прогнала.

— Мне не за что тебя прощать. Моя нога зажила, и настало время, как ты и подсказала, и я пошел своей дорогой. Я нашел землю для фермы.

— И это было совсем не трудно, так?

— Да, конечно.

Она поднялась на ноги и встала к нему лицом.

— Висмаан, почему ты занимался со мной сексом?

— Потому что ты, кажется, хотела этого.

— И только?

— Ты была несчастлива и не могла уснуть в одиночестве. Я надеялся, что это успокоит тебя, и пытался по-дружески помочь из сострадания.

— Ах, вот как...

— Я верил, что доставляю тебе удовольствие, — заметил он.

— Да. Да. Это доставляло мне удовольствие. Но ведь ты не хотел меня?

Его язык замелькал так, что она решила, будто это соответствует человеческому удивлению.

— Нет, — ответил он. — Ты — человек. Как же я могу испытывать желание к человеку? Мы разные, Тесме. На Маджипуре нас зовут чужаками, но для меня чужак ты, разве не так?

— Я полагаю, так.

— Но я хотел помочь тебе. Я желал тебе счастья. В этом смысле я желал тебя. Понимаешь? И я навсегда останусь

твоим другом. Я надеюсь, ты навестишь и разделишь щедрые дары нашей фермы?

— Я... да, да, я приду...

— Хорошо. Тогда я пойду, но сначала...

Тяжеловесно, с достоинством он притянул ее к себе и обнял могучими руками. И вновь она ощутила необычайную гладкую жесткость его чешуйчатой кожи, вновь небольшой алый язык метался по ее векам, целуя. Он обнимал ее долго. Потом отпустил и сказал:

— Я не смогу забыть тебя, Тесме.

— И я.

Она стояла в дверях, наблюдая, как он исчезает у пруда. Ощущение легкости, мира и тепла пронизало ее душу. Она сомневалась, что когда-либо решится навестить Висмаана и Турном и их вылупившихся ящериц, но все было правильно, Висмаан понял. Тесме начала собирать свое имущество и укладывать в мешок. Стояла еще середина утра и можно было спокойно идти в Нарабал.

Она добралась до города после полудня.

Прошел год с тех пор, как она покинула город, и много месяцев, когда была здесь в последний раз. Ее удивили перемены, которые она нашла теперь: город заполнила гудящая суета, повсюду росли новые здания, в проливе стояли корабли, улицы шумели. Город, казалось, был захвачен чужаками: множество чаурогов, хджортов, сотни гигантских четырехруких скандаров, целая круговерть странных существ, занятых своими делами. Тесме с трудом добралась до дома матери, где застала обеих сестер и брата Далкана. Они глазели на нее с изумлением, чуть ли не со страхом.

— Я вернулась, — сказала она. — Я знаю, что выгляжу, как дикий зверь, но нужно просто привести в порядок волосы, надеть новую тунику, и я снова стану человеком.

Она переехала жить к Раскелорну Ювалу спустя несколько дней, а в конце года они поженились. Иногда она думала признаться ему в том, что произошло между ней и чаурогом, но не решалась, и постепенно случившееся когда-то стало постепенно забываться, стало казаться ей не столь важным, как и то, — откроется ли она, или нет. Она открылась, наконец, десять или двенадцать лет спустя, во время обеда в одном из новых ресторанов в квартале чаурогов в Нарабале за жарким из билантона; она много выпила, слишком много золотистого вина, и слишком сильно навалились на нее старые воспоминания. В конце своей исповеди она сказала:

— Ты хоть что-нибудь подозревал?

И он ответил:

— Я понял это сразу, едва увидел тебя с ним на улице. Но какое это имеет значение?

Довольно долго потом Хиссайн не подходил к Счетчику Душ. Проникновение в прошлое оказалось слишком сильным и болезненным ударом.

Помимо всего прочего, ему приходилось заниматься и делами. За полтора года он покончил с налоговыми документами, и так ловко, что ему тут же всучили новую работу в Хранилище Записей — обзор распределений в группах коренного населения Маджипура. Хиссайн знал, что у Властителя Валентайна какие-то затруднения с Метаморфами (несколько лет назад произошло жуткое происшествие — заговор Метаморфов сверг его с трона), и Хиссайн припоминал, что во время своего пребывания на вершине Замка-Горы среди сильных мира сего, ему довелось услышать о планах Венценосца о более полном вовлечении Меняющих Форму в жизнь планеты, если такое возможно. И Хиссайн подозревал, что те статистические данные, которые он запрашивал, имеют некое отношение к великой стратегии Венценосца, и это доставляло ему искреннее удовольствие.

И заодно давало повод для иронических улыбок, поскольку он был достаточно проницателен, чтобы осознать, что произошло с уличным оборвышем Хиссайном. Сей ловкий и проворный мальчишка к юности превратился в выучившегося и остепенившегося человека, чиновника, а ведь прошло всего семь лет с тех пор, как на него пал Венценосный взор. Да, думал он, четырнадцатилетним навсегда не останешься; пришло время покинуть улицы и стать полноправным членом общества. Но все равно он испытывал некоторое сожаление об утраченном детстве, о том мальчишке, каким был. Правда, кое-что от того проказливого мальчишки до сих пор кипело в нем, кое-что, но хватало и этого. Еще он вдруг обнаружил, что стал глубоко задумываться над общественным строем Маджипура, над организацией межрасовых политических сил и над понятием, подразумевающим ответственность; каким образом различные племена сохраняют гармоничный союз — чувством взаимных обязательств? Четыре могущественные силы планеты — Понтифекс, Венценосец, Властительница Острова Снов и Король Снов, — как, удивлялся Хиссайн, как они ухитряются управлять, и хорошо управлять, всем огромным и сложным миром? Даже в их глубоко консервативном обществе, где почти ничего не изменилось за прошедшие тысячелетия, гармония власти казалась сверхъестественной, а равновесие сил — неким божествен-

ным вдохновением. У Хиссайна не было обычного наставника, не было никого, к кому бы он мог обратиться с просьбой объяснить эту загадку, но зато у него был Счетчик Душ и жизнь людей прошлого, способная предоставить нужные знания. И потому Хиссайн, вновь подделав пропуск, прошел стражу и вновь начал подбирать ключи, отыскивая теперь в минувшем не просто удивительное или забавное, но и понимание развития политических сил своей планеты. "Каким серьезным молодым человеком ты заделался", — сказал он себе, пока разноцветный ослепительный свет пробивался в его сознание душой давно умершего человека.

1

Сувраэль лежал подобно сверкающему мечу поперек южного горизонта — стальная полоса тускло-красного цвета, — мерцая и пульсируя от жары. Деккерет, стоявший на носу грузового судна, на котором совершил долгое и утомительное путешествие через море, ощутил, как кровь быстрее заструилась в жилах. Наконец-то Сувраэль! Страшное место, отвратительный континент, бесплодная и жалкая земля, до которой осталось еще несколько дней плавания, — кто знает, какие ужасы ждут его там? Но он готов. Деккерет верил, что в Сувраэле, как и в Замке-Горы, что бы ни произошло, все к лучшему. Ему было двадцать лет, он был высок, полноват, с короткой шей и невероятно широкими плечами. Шло второе лето славного царствия Властителя Престимиона при великом Понтифексе Конфалуме.

Предпринятое путешествие к пылающим водам бесплодного Сувраэля было для Деккерета актом искупления. Он, поначалу едва ли осознав весь позор случившегося, совершил серьезный проступок, когда охотился в болотах Кантора в далеком северном краю, и какое-то искупление казалось ему необходимым. Он понимал, что жест сей романтичный, на публику, но не мог ни простить себя, ни преодолеть. И если не впасть в романтику в двадцать лет, то когда? Конечно, не через десять-пятнадцать лет, когда он будет прикован к колеснице судьбы, уютно устроившись при дворе Властителя Престимиона, где ждет его неизбежная и легкая карьера. А сейчас Сувраэль должен очистить его душу, и плевать на последствия!

Его друг, наставник и товарищ по охоте в Канторе Акбалик так и не смог его понять, хотя Акбалик, конечно, не романтик, а кроме того, ему далеко за двадцать. Как-то ночью ранней весной в неухоженной горной таверне после нескольких фляжек золотистого вина Деккерет объявил о сво-

ем решении, и Акбалик разразился грубым фыркающим хохотом:

— Сувраэль? — выкрикнул он. — Ты осудил себя слишком строго. Нет вообще такого вонючего греха, что заслуживал бы прогулки на Сувраэль!

Но Деккерет, уязвленный снисходительностью приятеля, медленно покачал головой:

— Зло пятном лежит на мне. Я сниму его с души жарким солнцем.

— Лучше отправляйся в паломничество на Остров Снов и попроси благословенную Властительницу исцелить твою душу.

— Нет, только Сувраэль.

— Почему?

— Я хочу убраться подальше от наслаждений Замка-Горы, — объяснил Деккерет, — хочу сменить самое приятное место Маджипура на мрачную и отвратительную Пустыню Бешеных Ветров. Умерщвление плоти, Акбалик, поможет мне искренне раскаяться. Я хочу прочувствовать боль — понимаешь? — до тех пор, пока сам не прощу себя. Вот так.

— Вот так. Но коли ты собрался умерщвлять плоть, умерщвляй ее до конца; предлагаю тебе не снимать ее, пока будешь слоняться под Сувраэльским солнцем. — Ухмыляющийся Акбалик ткнул пальцем в плотную мантию из черного меха Канторов, которую носил Деккерет.

Деккерет расхохотался:

— В умерщвлении тоже не стоит преступать границ, — заметил он и потянулся за вином.

Акбалик был вдвое старше Деккерета и, разумеется, находил его желание смешным, но, даже пьяный, не отступил.

— Может, я попробую тебя отговорить?

— Бесполезно.

— Ведь это пустая трата времени, — тем не менее продолжал Акбалик. — Перед тобой карьера. Имя твое сейчас часто повторяется в Замке-Горы. Властитель Престимион отзывается о тебе в наилучших выражениях, как о многообещающем молодом человеке, обладающем характером и обязанном подниматься по служебной лестнице — все черты самого Престимиона в юности: правит-то он давно. Потому-то он и привечает тебя. А ты тут, среди полей Кантора... забудь о Сувраэле, Деккерет, и возвращайся со мной в замок. Венценосец устроит твое будущее. На Маджипуре сейчас доброе царствие, и приятно будет провести его среди сильных мира сего. Кой демон несет тебя на Сувраэль? Ведь никто не знает о... э... твоем грехе?..

— Я знаю.

— Ну, пообещай никогда больше не повторять этого, и все.

— Не так-то все просто, — ответил Деккерет.

— Потратить впустую год-два жизни, если вообще не потерять ее — бессмысленное и безумное путешествие...

— Не бессмысленное. И не бесполезное. Все не так, Акбалик. Я связался с людьми Первосвященного и получил официальное назначение. Мне поручено навести кое-какие справки. Не звучит, правда? Последнее время Сувраэль не поставляет ни скот, ни квоты мяса, и Понтифекс хочет знать, почему. Понимаешь? Карьера моя не прервется даже теперь, хотя ты и считаешь мою поездку глупостью.

— Значит, ты все уже решил?

— На следующий Четвертый день я отплываю. — Деккерет протянул товарищу руку. — Я уезжаю по меньшей мере года на два. Встретимся после на Горе, скажем, года через два на играх в день зимы в Верхнем Морпине, а?

Спокойные серые глаза Акбалика с минуту смотрели прямо в глаза Деккерета.

— Я буду там, — медленно произнес он. — Обещаю.

Разговор произошел всего несколько месяцев назад, но Деккерету, ощущавшему знойное дыхание южного континента, доносившееся до него над бледно-зелеными водами Внутреннего Моря, казалось, что это было невероятно давно, а поездка — нескончаемо долгой. Начало путешествия было довольно приятным — спуск по горам к большой провинциальной столице Ни-Моуа, а затем поездка на речной барже вниз по Зимру до портового города Пилиплока на восточном побережье материка. Там он поднялся на борт грузового судна, самого дешевого, которое сумел найти, приписанного к Сувраэльскому городу Толигаю, а потом все долгое лето на юг, на юг, на юг в душной маленькой клетушке, расположенной прямо под сложенными в кипы высушенными детенышами морских драконов, а когда корабль вошел в тропики, дни преподнесли такую жару, какой он в жизни не видел, а ночи были не намного лучше, а команда — в большинстве лохматые скандары — посмеивалась и убеждала наслаждаться прохладой, пока можно, потому что настоящая жара будет в Сувраэле. Но он жаждал страдания, и хотя желание его было уже с лихвой удовлетворено, он покорно ждал худшего.

2

Любое плавание кончается, даже бесконечное. Жаркий ветер с юга усиливался день ото дня до тех пор, пока палуба не раскалилась до такой степени, что по ней невозможно стало пройтись босиком, и скандары чуть ли не ежечасно скоблили ее швабрами. А потом вдруг пышущая жаром мас-

са затемнила горизонт и распалась на береговую линию и пасть гавани... Они, наконец, добрались до Толигая.

Толигай крабом цеплялся к низкому горному гребню вдоль моря. Здания были плоскими и квадратными, из обожженного солнцем оранжевого кирпича, с простыми щелями вместо окон и редкими деревцами вокруг, среди которых преобладали жутковатого вида угловатые пальмы с голыми стволами и крошечными лиственными кронами высоко над головой.

Сейчас, в полдень, улицы были почти пусты. Морской ветер разбивал водяные брызги и песок о потрескавшиеся камни мостовой.

По наивности Деккерет считал, что сможет сразу сойти на берег, но все оказалось не так-то просто. Судно стояло на якоре больше часа в ожидании портовых чиновников — трех мрачных хджортов, которые должны были прибыть на борт. Затем последовали долгий санитарный осмотр, проверка грузовой декларации и долгое препирательство по поводу оплаты стоянки в доке; и, наконец, пассажир сошел на берег.

Носильщик-чаурог подхватил багаж Деккерета и осведомился о названии гостиницы. Деккерет объяснил, что нигде не заказывал места и поинтересовался, где можно остановиться.

Змееподобное существо с высовывающимся языком и черными мясистыми волосами, извивающимися, как клубок змей, ответило холодно-насмешливым взглядом, сказав:

— Все зависит от платы. Деньги у вас есть?

— Немного. Могу предложить три кроны за ночлег.

— Маловато. На это купишь только соломенный тюфяк да паразитов на стенах.

— Как раз по мне, — кивнул Деккерет.

Чаурог, казалось, оторопел, насколько мог выглядеть оторопевшим чаурог.

— Вам там не понравится, господин. Я по вашему виду вижу, что вы господин.

— Возможно. Но у меня тощий кошелек, так что рискну поспать с клопами.

Но в действительности гостиница оказалась не столь уж скверной, как он опасался: древняя, убогая, грязная и унылая — да, но таким же выглядело все окружающее, а отведенная комната показалась Деккерету чуть ли не дворцом после корабельной каморки, к тому же в ней не было вони от туш морских драконов — только сухой резкий привкус воздуха Сувраэля, похожий на затхлость осушенной тысячи лет назад фляги с вином. Деккерет дал чаурогу полкроны, за что не получил обычной благодарности, и распаковал свои нехитрые пожитки.

День клонился к вечеру, когда он вышел из гостиницы.

Одуряющий зной почти не спал, но хлесткий режущий ветер дул уже не столь яростно, и на улицах сейчас было больше народу. И все тот же мрачный город. Подходящее место для искупления. Он чувствовал отвращение к некрасивым пустым фасадам кирпичных зданий; с ненавистью глядел на окружающее и скучал по мягкой свежести родного Норморка, раскинувшегося на нижнем склоне Замка-Горы. Почему, удивлялся он, кто-то решил поселиться здесь, когда имеются гораздо более приятные места на континенте? Что за очерствление души заставляет несколько миллионов маджипурцев бичевать себя ежедневной суровостью жизни в Сувраэле?

Представительство Первосвященного располагалось на пустой и огромной площади, выходящей к гавани. Полученные указания призывали Деккерета побывать там и, вопреки позднему уже часу, он нашел представительство открытым: как оказалось, все жители Толигая пережидали день в домах, избегая жары и перенося все дела на поздний вечер.

Ему пришлось обождать немного в передней, украшенной большими белыми портретами царствующих Властителей: Понтифекса Конфалума, нарисованного в фас и глядевшего великодушно, но подавляющего своим величием, и молодого Венценосца Властителя Престимиона — в профиль, — в чьих глазах светились ум и энергия. Маджипур расцвел под его правлением, подумал Деккерет. Еще мальчишкой он видел Конфалума, тогда Венценосца, чей двор находился в красивейшем городе Бомбифэйле на вершине Горы. Деккерет помнил, как ему хотелось кричать от радости при виде спокойного, излучающего силу, Венценосца. Несколько лет спустя Конфалум стал Понтифексом и переселился в подземные тайники Лабиринта, а Престимион был избран Венценосцем. Он был совершенно не похож на прежнего Властителя: в равной степени производящий впечатление, он отличался более стремительной, энергичной силой. И во время грандиозного шествия по пятидесяти городам Горы он углядел в Норморке юного Деккерета и приблизил его к себе. В той непредсказуемой поездке к нему присоединилось много рыцарей, обучавшихся в верхних городах. Эпохальным событием казались Деккерету великие перемены в его жизни, наступившие с той поры. В восемнадцать лет ему выпал фантастический шанс подняться за один день к трону Венценосца, а затем... затем был и несчастный отдых в горах Зимроэля, и теперь, когда ему едва за двадцать, он нервничал в пыльном вестибюле представительства Первосвященного в скучном городе мрачного Сувраэля и испытывал ощущение, что у него вообще нет будущего, только бесплодная череда бессмысленно прожитых лет.

Невысокий и пухлый, раздраженный хджорт появился в дверях и объявил:

— Старший Управляющий Колатор Ласгия сейчас вас примет.

Титул был звучным, но владельцем его оказалась стройная темнокожая женщина не старше Деккерета, которая внимательно оглядела его большими ласковыми глазами. Она небрежно сделала знак Первосвященности, отвечая на приветствие, и приняла верительные грамоты.

— Инитэйт Деккерет, — прочитала она вслух. — Поручено расследовать и навести справки... подразумевает... провинция Кантора... так... я не понимаю, Инитэйт Деккерет, вы в службе Венценосца или Понтифекса?

— Я в службе Властителя Престимиона, в самой низшей ступени, но когда я был в Канторской провинции, у службы Первосвященного возникла нужда в человеке для расследования кое-чего в Сувраэле, а потом местные официалы узнали, что я все равно собираюсь сюда, и сделали мне предложение, хоть я и не отношусь к службе Понтифекса...

С легким шлепком бросив бумаги Деккерета на крышку стола, Колатор Ласгия перебила его сбивчивые объяснения вопросом:

— Вы все равно собирались сюда? Могу я узнать, зачем?

Деккерет вспыхнул:

— Это мое личное дело, если позволите.

— А какие дела, — продолжала она, — вызвали к Сувраэлю столь вынужденный интерес моих братьев из Кантора? Или мое любопытство и в данном случае неуместно?

Деккерет почувствовал себя неуютно.

— Это связано с дисбалансом в торговле, — ответил он, с трудом выдерживая ее холодный пронзительный взгляд. — Кантор является производственным центром и поставляет свою продукцию в Сувраэль в обмен на скот; последние два года поставки блейсов и маунтов из Сувраэля неуклонно снижались, и сейчас экономику Кантора трясет. Производственникам трудно оказывать Сувраэлю такой большой кредит.

— Для нас это не ново.

— Необходимо осмотреть здешние пастбища, — сказал Деккерет. — Необходимо также сделать все возможное, чтобы поставки скота увеличились как можно скорее.

— Хотите вина? — внезапно предложила Колатор Ласгия.

Деккерет по традиции считался с гостеприимством; пока он что-то невнятно бормотал, женщина достала две фляжки золотистого вина, ловко сорвала пробки и протянула одну Деккерету. Вино было холодным и ароматным.

— Вино из Кантора, — заметила женщина. — А насчет дисбаланса в торговле Сувраэля, Инитэйт, ответ в том, что в по-

следний год Понтифекса Принкипина Сувраэль поразила страшная засуха. Спросите, какая разница между засушливым годом и обычным? Но разница есть, Инитэйт, и значительная — от засухи пострадали округа, где выращивают скот, так что у нас не было возможности его прокормить, и пришлось забить столько, сколько смог принять рынок, а большую часть оставшегося продать фермерам в восточном Зимроэле. Немного времени спустя — как раз, когда Властитель Конфалум перебрался в Лабиринт — снова пошли дожди, и в саваннах начали расти травы, но на восстановление поголовья потребуется несколько лет. Потому-то торговый дисбаланс и продолжался так долго, но теперь, смею вас уверить, все входит в норму. — Она холодно улыбнулась. — Что ж, я рада, что могу уберечь вас от неудобств неинтересной поездки во внутренние округа.

Деккерет вдруг почувствовал, что весь покрылся потом.

— Как бы там ни было, старший Управляющий, я обязан побывать на пастбищах.

— Вы не узнаете ничего больше того, что я вам сейчас сказала.

— Я не хотел бы быть непочтительным, но в моем поручении особо подчеркнуто, чтобы я лично проверил все.

— Поездка на пастбища, — заметила Колатор Ласгия, — доставит вам много хлопот, я уж не говорю об обычных физических неудобствах и опасностях. На вашем месте я бы осталась в Толигае, пользовалась бы теми удовольствиями, которые тут имеются, и занималась бы теми личными делами, что привели вас на Сувраэль, а по прошествии времени, я бы проконсультировалась в нашем представительстве и написала отчет об инспекции, после чего вернулась бы в Кантор.

У Деккерета мгновенно расцвели подозрения. Филиал представительства, в котором она служила, не всегда сотрудничал со службой Венценосца, к тому же она довольно прозрачно намекнула на что-то, происходящее в Сувраэле, и хотя поручение было всего лишь предлогом для его поездки сюда, он все-таки хотел в дальнейшем продвигаться по службе, а если позволить старшему Управляющему Понтифекса легко себя надуть, это впоследствии могло обернуться дурной услугой. Теперь он пожалел, что согласился испить вина, но, скрывая смущение, сделал несколько учтивых глотков и сказал:

— Честь не позволяет мне воспользоваться вашим советом.

— Сколько вам лет, Инитэйт?

— Я родился на двадцатый год царствования Властителя Конфалума.

— Да, тогда понятно, что ваше чувство чести еще обострено. Пойдемте, взглянете на карты. — Она резко встала. Она оказалась выше, чем он ожидал, почти его роста. Чер-

ные и густые завитки волос испускали тонкий аромат, пробивавшийся даже сквозь сильный винный запах. Она коснулась стены, и карта Сувраэля в бриллиантовой оправе появилась перед глазами.

— Вот Толигай, — сказала она, постучав по северо-западному углу континента. — Выпас скота здесь. — Она указала на ленту, начинавшуюся в шести-семи милях от берега и грубым кольцом огибавшую пустыню в сердце Сувраэля. — Из Толигая, — продолжала она, — к пастбищам ведут три дороги. Вот одна из них. В данное время разрушена песчаными бурями, и безопасно двигаться по ней невозможно. Вот это — вторая. Здесь у нас кое-какие затруднения с Меняющими Форму бандитами, и она так же закрыта для путников. Третья лежит здесь, у Кавагского прохода, но этой дорогой не пользуются уже давно, и рука огромной пустыни начинает вторгаться сюда. Теперь вы видите сами.

Деккерет произнес как можно мягче:

— Но если все дороги между выпасами и основным портом Сувраэля разрушены, действительно ли недостаток пастбищ подлинная причина прекращения поставок скота?

Женщина засмеялась:

— Есть ведь и другие порты, откуда корабли вывозят продукцию в подобных ситуациях.

— Следовательно, если я попаду в такой порт, то оттуда смогу добраться до пастбищ?

Она вновь постучала по карте.

— В прошлом году центром экспорта скота стал порт Нати-Корвин. Но он расположен на востоке Альханроэльского побережья, в шести тысячах миль отсюда.

— Шесть тысяч...

— И торговых связей между Нати-Корвином и Толигаем почти нет. Где-то раз в год корабль ходит от одного города в другой. А с наземными путями дела обстоят еще хуже, чем с дорогами до выпасов: от Толигая пришлось бы добираться до Кэнгиза, — она показала городок, отстоящий от Толигая на пару тысяч миль, — а дальше — кто знает? Континент наш негусто заселен.

— Получается, что возможности добираться до Нати-Корвина нет? — заключил Деккерет с удивлением.

— Почему же? Одна есть. Нужно лишь сесть на корабль до Стойона в Альханроэле, а уж оттуда добираться до Нати-Корвина. Это займет не больше года. К тому времени, когда вы снова доберетесь до Сувраэля, неувязки, которые вы прибыли расследовать, скорее всего прекратятся. Еще вина, Инитэйт?

Он с трудом заставил себя взять фляжку. Услышанное поразило его. Еще один страшный вояж через Внутреннее Море?! Вновь проделать все это? Весь этот обратный путь до

родного Альханроэля, только за тем, чтобы в третий раз перебраться через океан, уже к противоположной оконечности Субраэля, и после, вероятно, узнать, что дороги в глубь страны тем временем закрылись там, и... нет, нет! Искупление не заходило так далеко. Лучше уж вообще не заниматься делом, чем подвергать себя такому испытанию. Пока он колебался, Колатор Ласгия сказала:

— Час поздний, а ваши дела необходимо подробно обсудить. Отобедайте со мной, Инитэйт?

И ее поразительно темные глаза внезапно заблестели.

В компании старшего Управляющего Колатор Ласгии Деккерет открыл, что жизнь в Толигае не так уж мрачна и уныла, как показалось ему на первый взгляд. Она на флотере отвезла его в гостиницу — он заметил ее отвращение к этому "отелю" — и предложила отдохнуть, выкупаться и быть готовым через час.

Сгущались медные сумерки, и за какой-то час небо стало совершенно черным, разрываемое лишь изредка немногочисленными чужими созвездиями да светлым полумесяцем у нижнего края горизонта — слабым намеком на одну из лун.

Колатор Ласгия заехала за ним в точно назначенное время. Взамен официальной туники она надела нечто вроде прицепленной к плечам сети, и выглядела очень соблазнительной.

Деккерет немного удивился: он пользовался успехом у женщин, но, насколько он помнил, он ничем не дал понять, будто интересуется ею — ничего, кроме обычного уважения, и тем не менее, ее одежда явно предполагала ночную близость. Почему? Очевидно, не из-за его неотразимых умственных и физических данных, да и никаких политических выгод она не могла от него получить. Оставалось одно — здесь был мрачный и скучный аванпост на чужом континенте, где жизнь местных обитателей была унылой и мрачной, а он был молодым странником, который мог своей юностью развлечь молодую женщину. Он понимал, что его используют, но не находил в этом ничего дурного. После стольких месяцев, проведенных в море, он и сам был не прочь испробовать удовольствия.

3

Они обедали в саду какого-то частного ресторана на окраине города, красиво и столь обильно украшенном знаменитыми живыми растениями стейензара и прочими цветущими чудесами, что Деккерет невольно начал прикидывать, сколько скромных водных запасов Толигая

используется для поддержания этой струи расцвета. За остальными, довольно удаленными друг от друга, столиками сидели сувраэльцы в красивых нарядах, и Колатор Ласгия кивала то одному, то другому, но к ним никто не подошел, хотя многие с любопытством разглядывали Деккерета. Здесь же стояло небольшое одноэтажное здание, изнутри которого тянул прохладой освежающий ветерок, словно там работала некая удивительная и непонятная машина древних, сестра тех, что создавали восхитительную атмосферу Замка-Горы.

Деккерет наслаждался прохладой впервые за много недель. Превосходный обед состоял из чуть ферментированных фруктов и нежных, сочных спинок бледно-зеленых рыб вкупе с отличным сухим вином из Амблеморна, способным украсить стол и в покоях Венценосца.

Женщина много и непринужденно пила, и Деккерет следовал ее примеру. Глаза их оживились, заблестели, холодность официального разговора в представительстве исчезла. Он узнал, что она уже десять лет возглавляет здешнее отделение, и что сама она уроженка влажного и буйного Нарабала на западном континенте, что в службу Понтифекса она вступила еще девочкой, что живет в Сувраэле уже десять лет.

— Вам здесь нравится? — спросил Деккерет.

Она пожала плечами:

— Привыкла. Можно привыкнуть ко всему.

— Сомневаюсь, чтобы я смог. Для меня Сувраэль просто мучительное место, нечто вроде чистилища.

Колатор Ласгия кивнула:

— Точно.

Глаза ее на мгновение вспыхнули. Деккерет не решился спросить ее, но что-то подсказывало ему, что у них много общего. Он вновь наполнил чаши и позволил себе дразняще-холодную понимающую улыбку.

— Вы ищете здесь очищения? — спросила она.

— Да.

Она обвела рукой щедрый сад, фляжки с вином, блюда с недоеденными деликатесами.

— Не скажу, чтобы вы выбрали удачно.

— Обед с вами не входил в мои планы.

— В мои тоже, но по провидению Дивине все вышло так, а не иначе. — Она наклонилась поближе. — Что вы будете делать? Отправитесь в Нати-Корвин?

— Не знаю. Честно говоря, меня не прельщает столь тяжелая поездка.

— Тогда послушайтесь моего совета: останьтесь в Толигае, до поры до времени, а после напишете отчет. По-моему, это самое разумное.

— Нет. Я должен ехать.

На ее губах заиграла насмешка.

— Какое трудолюбие! Только как это сделать? Дороги закрыты.

— Вы упоминали о Кавагском проходе. По-моему, это лучше, чем бандиты и песчаные бури. Попробую нанять караван, вернее, проводника.

— В пустыню?

— Если придется.

— Что ж, пустыню посещают довольно часто, — усмехнулась Колатор Ласгия. — Только лучше выбросьте эту затею из головы.

— Спасибо, но нет.

— Хорошо. Мы пойдем куда-нибудь?

Выходя из прохладного сада на душную улицу, Деккерет ощутил что-то вроде шока — настолько резким оказался контраст между жарой и прохладой за столом.

Но быстро усевшись во флотер, они скоро очутились в другом саду. Здесь не было погодной установки, но был бассейн, и, сбросив одежду, женщина устремилась в его прохладу.

Потом они лежали в объятиях на постели из травы, и он падал куда-то в глубину, а когда снова выбрался наружу, солнце уже висело в небе.

Он повернулся к женщине и, вспомнив ее вчерашние слова, спросил:

— Расскажи мне об этой посещаемой пустыне. Там что, являются духи?

— Не смейся.

— Хорошо. Но все-таки?

— Там в сны вторгаются призраки и похищают их. Похищают душу радости, оставляя только страх. Днем они поют, завлекая, и уводят с пути своей музыкой.

— И в это верят?

— За столько лет многие, кто вошел в пустыню, погибли.

— Хм... крадущие сны призраки!

— Не смейся, — повторила она.

— Будет о чем рассказать, когда вернусь в Замок-Горы.

— Если вернешься.

— Но ты же говоришь, погибают не все?

— Да. Но только когда идут большие караваны.

— Ну, я-то пойду один.

— Ты погибнешь. — Она прижалась к нему, поцеловала в плечо. — Забудь о пустыне. Останься здесь.

— Нет.

Деккерету не верилось в правдивость рассказов о призраках. Он уже принял решение.

Бедра Колатор Ласгии прижались к его бедрам, и он забыл обо всем.

Потом они наскоро окунулись в бассейн, и она привезла его в свой дом, где угостила завтраком из фруктов и вяленой рыбы.

Внезапно, когда время уже близилось к полудню, она спросила:

— Ты должен ехать? Но почему?

— Я не могу объяснить, но это нужно мне самому.

— Хорошо. В Толигае есть один негодяй, который частенько рискует забираться вглубь Кавагского прохода и оставаться в живых, то есть, это он так заявляет. Если набить его ройялами, он несомненно согласится стать проводником. Его зовут Варджазид, и если ты не передумаешь, я свяжусь с ним и попрошу помочь тебе.

4

Имя "Негодяй" подходило к Варджазиду в самый раз. Тщедушный, не заслуживающий на вид уважения коротышка в старом коричневом плаще, оборванной одежде и поношенных кожаных сандалиях. На шее у него болталось старинное, неудачно подобранное ожерелье из костей морского дракона. Губы его были тонкими, а в глазах сиял лихорадочный блеск, кожа загорела до черноты под солнцем пустыни. На Деккерета он смотрел с таким видом, будто прикидывал тяжесть его кошелька.

— Если я соглашусь взять вас с собой, — проговорил он абсолютно невыразительным голосом, — то первым делом вы дадите мне обязательство, освобождающее меня от всякой ответственности перед вашими наследниками, даже за вашу гибель.

— У меня нет наследников, — заметил Деккерет.

— Значит, перед родственниками. Я не желаю, чтобы меня притягивали к ответу служба Понтифекса, ваш отец или старшая сестра, потому что вы сгинули в пустыне.

— Разве вы сами сгинули в пустыне?

Варджазид, казалось, был сбит с толку.

— Нелепый вопрос.

— Вы несколько раз ходили в пустыню, — упорствовал Деккерет, — и возвращались живым. Так? Стало быть, если вы знаете свое дело, то выберетесь живым и на этот раз. Так же и я: если я погибну, вы погибнете тоже, и у моей семьи претензий к вам не возникнет.

— Да, но я могу противостоять похитителям снов, — сказал Варджазид. — Все это я уже проверил и испытал. Вам же необходимо осознать, с чем придется столкнуться.

Деккерет нанимал на службу Варджазида, попивая круто заваренный напиток из какого-то сильнодействующего сока кустарника барханов. Они сидели на корточках на выдубленных шкурах чаусов в заплесневелой задней комнатушке торговой лавки, принадлежащей племяннику Варджазида. Очевидно, семья — или клан — Варджазидов была велика. Деккерет машинально отхлебывал крошечными глотками напиток. Чуть погодя он сказал:

— А кто они — похитители снов?

— Не могу сказать.

— Случаем, не Меняющие Форму?

Варджазид пожал плечами.

— Они не лезли ко мне со своей родословной. Меняющие Форму, чауроги, броны, люди — откуда я знаю? Очень похоже на голоса во сне. Да, в пустыне определенно есть племена Меняющих Форму, которые живут свободно, и кое-кто из этого рассерженного народа наверняка таит злые умыслы, и вполне возможно, что они владеют искусством проникновения в сознание... ну, вроде как изменяют свои тела. А может быть и нет...

— Хм, если две из трех дорог Толигая перекрыли Меняющие Форму, то у войск Венценосца здесь есть работа.

— Это не мое дело.

— Меняющие Форму — племя покоренных, и нельзя позволить им нарушать ежедневную нормальную жизнь Маджипура.

— Но вы только предполагаете, что похитители снов — это Меняющие Форму, — кисло заметил Варджазид. — Сам я в этом далеко не уверен. Да мне и неважно, кто такие похитители снов. Важно лишь то, что благодаря им земля за Кавагским проходом опасна для путников.

— Тогда почему вы идете?

— Вряд ли я когда-нибудь сумею ответить на такой вопрос, — пробормотал Варджазид. — Иду, потому что есть причины. Но я не похож на других, и вернусь живым.

— А кто-нибудь еще сумел выйти из пустыни живым?

— Сомневаюсь. Вернее, не знаю. Как сомневаюсь и в том, сколько погибло с тех пор, как впервые услышали о похитителях снов. Даже в лучшие времена пустыня была опасна. — Варджазид помешал напиток. — Раз вы идете со мной, я защищу вас, как сумею. Но гарантировать вашу безопасность я не могу. Вот почему я прошу вас дать мне законную подписку освобождения от ответственности.

— Если я оформлю такую бумагу, она будет чем-то вроде разрешения на мою смерть. Что тогда помешает вам прикончить меня через десять минут после выхода из города, ограбить мой труп и свалить все на похитителей снов?

— Клянусь Властительницей, я не убийца! Я даже не вор!

— Вполне возможно, но бумагой, гласящей, что в моей гибели нельзя никого винить, можно искусить и совершенно честного человека и заставить его перешагнуть через все моральные препоны.

Глаза Варджазида вспыхнули от ярости. Он сделал такой жест, словно намеревался оборвать разговор.

— Эта дерзость переходит уже всякие границы, — буркнул он, вставая и отодвигая чашку. — Ищите себе другого проводника, коли так боитесь меня.

Деккерет, продолжая сидеть, спокойно ответил:

— Я сожалею о своих предположениях и прошу видеть в моей позиции только точку зрения путешественника в дальней и совершенно чужой стране, который настойчиво ищет помощи от абсолютно незнакомого человека, чтобы проводить его в место, где происходят непостижимые вещи. Приходится быть осторожным.

— Если сильно осторожничать, лучше нанять корабль до Стойона и вернуться к легкой жизни Замка-Горы.

— Я снова прошу вас быть моим проводником. За хорошую плату, но без этого дурацкого похоронного свидетельства. Во сколько вы оцениваете свои услуги?

— Тридцать ройялов, — ответил Варджазид.

Деккерет громко хмыкнул, словно получил удар под дых. Цена оказалась чуть меньше стоимости проезда от Пилиплока до Толигая. Тридцать ройялов — годовой заработок для таких, как Варджазид. Чтобы расплатиться, Деккерету потребуется подписать долговое обязательство. Первым его порывом было отказаться с рыцарским презрением и предложить десять ройялов, но он тут же понял, что тогда лишится всякого преимущества в торговле за расписку, освобождающую проводника от всякой ответственности. Если же начать скаредничать насчет цены, Варджазид просто закончит разговор. И он немедленно произнес:

— Так и быть. Но без письменного обязательства.

— Хорошо, без обязательства, раз вы настаиваете.

— Как будем расплачиваться?

— Половину сейчас, половину утром во время отъезда.

— Десять ройялов сейчас, — бросил Деккерет, — и десять при отъезде. Последние десять по возвращении в Толигай.

— Тогда треть моего заработка будет только условной, раз станет зависеть от того, выживите ли вы в поездке. Помните, что я не могу вам этого гарантировать.

— Что ж, возможно, мое выживание будет более вероятным, если я придержу треть платы до конца поездки.

— Да, от рыцаря Венценосца стоило ожидать надменности. Мы почему-то слишком доверяем друг другу. Вряд ли совместное путешествие доставит нам удовольствие.

— Я не имел в виду ничего непочтительного, — заметил Деккерет.

— Зато вы хотите оставить меня на милость вашей семьи, если вы погибнете, а сами смотрите на меня, как на обычного головореза, или в лучшем случае, как на разбойника, и прямо ощущаете потребность расплачиваться так, чтобы у меня возникло как можно меньше соблазнов вас прикончить! — выпалил со злобой Варджазид. — К тому же, пусть ваша надменность и зависит от возраста, юный рыцарь, даже скандары, охотники на морских драконов, по-моему, гораздо вежливее. А ведь я вовсе не стремлюсь наниматься к вам на службу, и не собираюсь унижаться, помогая вам, и...

— Подождите.

— У меня есть еще дела.

— Пятнадцать ройялов сейчас, — предложил Деккерет, — и пятнадцать, когда выступим.

— Вы действительно думаете, что я убью вас в пустыне?

— Я излишне подозрителен только потому, что не хочу показаться слишком наивным, — усмехнулся Деккерет. — Разумеется, все сказанное мною нетактично. Приношу свои извинения и прошу вас поступить ко мне на службу.

Варджазид молчал.

Деккерет вытащил из кошелька три пятиройяловые монеты. Две были старой чеканки с портретами Понтифекса Принкипина и Властителя Конфалума. На третьей, блестящей и новенькой, были выгравированы профили Конфалума, теперь уже Понтифекса, и нового Венценосца Властителя Престимиона на обратной стороне. Деккерет протянул деньги Варджазиду. Тот выбрал блестящую монету и с огромным любопытством осмотрел ее.

— Таких я еще не видел, — произнес он. — Звать племянника, чтобы он определил, настоящая она или нет?

Это было слишком.

— Вы считаете меня заезжим фальшивомонетчиком! — взревел Деккерет, вскакивая на ноги и нависая над тщедушным человечком. Ярость клокотала в нем, он шагнул вперед и замахнулся.

И только тут до него дошло, что лицо Варджазида осталось совершенно спокойным и бесстрастным. Он улыбнулся и взял две оставшиеся монеты из трясущейся от гнева руки Деккерета.

— Выходит, вам тоже не по нутру беспочвенные обвинения, юный рыцарь? — засмеялся Варджазид. — Итак, договорились. Вы больше не ждете, что я убью вас за Кавагским проходом, а я не буду отправлять ваши деньги на проверку.

Деккерет устало кивнул.

— Но как бы там ни было, путешествие действительно рискованное, — продолжал Варджазид, — и уповать на безопасное возвращение не стоит.

— Пусть так. Когда выезжаем?

— На закате Пятого дня. Из города выйдем через врата Пинитева. Вы знаете, где это?

— Найду, — кивнул Деккерет. — Значит, Пятый день, на закате. — И он протянул коротышке руку.

5

Пятый день наступил через три дня. Деккерет не жалел о задержке — она дарила ему четыре ночи с Колатор Ласгией, вернее, он так думал, но вышло по-иному. В представительстве, куда зашел вечером Деккерет после разговора с Варджазидом, не оказалось ни ее, ни записки, и долго еще он, расстроенный, бродил по городу после прихода ночи. В конце концов он вернулся к себе и перекусил пресной и абсолютно безвкусной едой в гостинице, все еще надеясь, что Колатор Ласгия чудом вдруг возникнет в дверях и мгновенно унесет его отсюда. Но она не появилась. Спал он неспокойно и тяжело, сознание преследовали воспоминания о ее гладкой коже, небольших твердых грудях, жадных чувственных губах. А на рассвете пришел сон, неясный и непонятный, в котором она, Варджазид и какие-то хджорты с бронами исполняли сложный танец в непокрытых крышей, занесенных песком каменных развалинах, а затем он погрузился в здоровый сон и проспал до полудня, до Дня Моря, когда весь город уже укрылся от палящего зноя.

Позднее, в более прохладные часы, он вновь прогулялся до представительства и, снова не найдя ее, скоротал вечер так же бесцельно, как и предыдущий. Ложась спать, он возбужденно просил Властительницу Острова Снов послать ему образ Колатор Ласгии. Но Властительница далека от подобных вещей, и в эту ночь он получил только обычный успокаивающий и ободряющий сон — возможно, и дар благословенной Властительницы, а возможно, и нет, — в котором он пребывал под соломенной крышей хижины на берегу Великого Моря под Тил-Омоном и откусывал маленькие кусочки от сладкого багряного фрукта, и брызжущая струя сока окрашивала его щеки.

А когда он проснулся, то нашел поджидавшего за дверью хджорта из службы представительства, пригласившего его навестить Колатор Ласгию.

Вечером они пообедали вместе и снова отправились к ней на виллу, где провели ночь любви, накинувшись друг на друга, словно не виделись несколько месяцев.

Деккерет пока не спрашивал, почему она не встречалась с ним две минувшие ночи, но когда энергичные и свежие, несмотря на бессонную ночь, они завтракали, запивая блюда золотистым вином и сидя на мягкой шкуре гихорна, она сказала:

— Как бы я хотела быть с тобой всю неделю, но по крайней мере, мы хоть последнюю ночь смогли провести вместе. Теперь ты отправишься в Пустыню Украденных Снов с моими поцелуями на губах. Заставила я тебя забыть остальных женщин?

— Ты знаешь ответ.

— Это хорошо. Ведь ты, может быть, уже никогда не познаешь женщину, зато твоя последняя женщина была самой лучшей, а это посчастливилось немногим.

— Ты так убеждена, что я погибну в пустыне?

— Оттуда возвращались очень немногие, — ответила она. — Шансов снова увидеть тебя у меня очень мало.

Деккерет чуть вздрогнул — не от страха, просто он понял, что двигало Колатор Ласгией; две ночи она избегала его, а третью наполнила ненасытными ласками потому, что верила, будто он вскоре погибнет, и испытывала особое удовольствие быть его последней женщиной. Хотя, если он скоро погибнет, ей следовало бы провести с ним и две минувшие ночи, но, очевидно, подобные тонкости лежали за пределами ее понимания. Он учтиво попрощался, не зная, встретятся ли они снова, даже если он захочет: слишком много загадочной и опасной непостоянности таилось в ней.

Незадолго до заката он был у врат Пинитева в юго-восточной части города. Он бы не удивился, если бы Варджазид расторг их соглашение, но нет, флотер уже ждал за изрытыми оспинами старых ворот, и маленький человечек стоял, облокотившись о корпус у места водителя. Его сопровождали трое: брон, скандар и худощавый жесткоглазый юноша, очевидно, его сын.

Повинуясь жесту Варджазида, четырехрукий гигант скандар забрал у Деккерета два прочных мешка, пробил их ярлыком и поставил в багажник флотера. До Деккерета внезапно дошло, что это не скандар, а скандарша.

— Ее зовут Кэймак Грэп, — представил ее Варджазид. — Говорить она не может, но далеко не глупа. Она служит у меня много лет, с тех пор, как я подобрал ее полумертвую,

с отрезанным языком в пустыне. Брона зовут Серифэм Рейнэйлион, и он частенько много болтает, зато знает тропки в пустыне лучше кого бы то ни было в городе.

Деккерет обменялся кратким приветствием с маленьким существом, сплетавшим и расплетавшим свои щупальца.

— И мой сын — Динитак, он также будет сопровождать нас, — закончил Варджазид. — Хорошо отдохнули, Инитэйт?

— Вполне, — ответил Деккерет. Он проспал большую часть дня после бессонной ночи.

— Двигаемся мы в основном по ночам, — продолжал Варджазид, — а днем, в самое пекло, устраиваем бивак. Итак, я должен провести вас через Кавагский проход и Пустыню Украденных Снов до начала пастбищ вокруг Кэзин Кора, где вам нужно навести какие-то справки у пастухов, и вернуться с вами в Толигай, так?

— Да, — кивнул Деккерет.

Но Варджазид не сделал никакого движения, чтобы сесть во флотер. Деккерет нахмурился, но затем понял. Он вынул из кошелька три большие пятиройяловые монеты — старой, принкипинской чеканки, и третью блестящую монету Властителя Престимиона — и подал Варджазиду, который отделил новую монету и протянул своему сыну.

— Новый Венценосец, — сказал Варджазид. — Знакомься. Теперь часто будешь видеть его лицо.

— И царствие его будет славным, — заметил Деккерет. — Он превзойдет величием даже Властителя Конфалума. Грядет волна нового процветания северного континента; Властитель Престимион человек энергичный и решительный, с честолюбивыми планами.

Варджазид сказал, пожав плечами:

— Происходящее на северном материке значит здесь очень мало, и едва ли процветание Альханроэля или Зимроэля будет иметь значение для Субраэля. Но мы рады, что Дивине благословила нас новым добрым Венценосцем. Может быть, он будет иногда вспоминать, что его земля на юге, где живут его подданные. Ладно, отправляемся, время настало.

6

Врата Пинитева четко разделяли город и пустыню: с одной стороны район безликих невысоких растянутых вилл, окруженных стенами, с другой — только бесплодная пустошь за городским периметром. Ничто не нарушало пустоту пустыни, кроме дороги, широкого, вымощенного булыжником тракта, что неторопливо вился вверх к гребню горной цепи, окружавшей Толигай.

Жара была нестерпимой, правда, к ночи в пустыне стало заметно прохладней, чем днем, но все равно палило до изнеможения. Хотя огромное пылающее око солнца скрылось, оранжевые пески, излучая накопленный за день жар, мерцали и шипели с напряженностью раскаленной печки. Дул сильный ветер. С наступлением темноты Деккерет заметил, что направление ветра изменилось — он дул теперь из сердца континента, но разница между морским и береговым ветром оказалась невелика: оба являли собой угнетающие потоки сухого раскаленного воздуха, не приносящего облегчения.

В чистой сухой атмосфере свет звезд и луны был необыкновенно ярок. Так же хорошо различался жар от земли — странное призрачно-зеленоватое сияние, поднимавшееся беспорядочными лоскутами с откосов по сторонам дороги, и Деккерет заинтересовался им.

— Это от растений, — объяснил брон. — Они светятся внутренним светом в темноте. Между прочим, прикосновение к такому растению всегда болезненно, а зачастую и смертельно.

— А как их отличать при дневном свете?

— Они похожи на изношенные куски старой веревки, измочаленной погодой, и растут связками в расщелинах скал. Правда, не все растения такой формы опасны, но вы лучше сторонитесь от всех.

— Да, всех остальных тоже, — поддержал брона Варджазид. — Растения в пустыне хорошо защищены, иной раз самым неожиданным образом. Каждый год наш сад преподносит нам какую-нибудь новую неожиданность.

Деккерет кивнул. Он не собирался тут прогуливаться, но если придется, он возьмет за правило не дотрагиваться ни до чего.

Флотер был старым и тихоходным, что особенно проявлялось на крутой дороге, он не спеша катил через светлую ночь. Между собой спутники почти не разговаривали. Скандарша вела машину, брон устроился подле нее и время от времени делал замечания о состоянии дороги. В заднем отделении молча сидели оба Варджазида, предоставив Деккерету в одиночестве рассматривать нарастающую мрачность адского пейзажа.

Он сказал себе, что должен пересмотреть свои критерии и оценить красоту этой пустыни, пока она не парализовала все его чувства, отыскать красоту в угрожающей угловатости окружающего, в истрепанных растениях, сияющих бледно-зеленым светом по ночам; найти красоту в острой, грубой бесплодности. Что такое красота, спросил себя Деккерет, если не познание увиденного? Почему луг гораздо красивее

голой пустыни? Говорят, красота зависит от взгляда смотрящего, поэтому перевоспитывай свои глаза, Деккерет, чтобы безобразие этой земли не убило тебя.

Он попытался заставить себя полюбить пустыню. Он выбросил из головы такие слова, как "бесплодность", "мрачность", "отталкивающий", словно выдирал когти дикого зверя, и приказал себе смотреть на окружающий пейзаж как на мягкий и утешительный, заставляя себя восхищаться четкими пластами незащищенных каменных граней и огромными выемками высохших водоемов, вызывая в себе восторг от истрепанного, избитого ветрами кустарника. С уважением поглядывал на небольших зубастых тварей, время от времени перебегавших дорогу. И чем дальше флотер продвигался в ночь, пустыня все менее и менее становилась ненавистной для него. Затем он стал равнодушен к ней, и, наконец, поверил, что действительно видит в ней красоту; а за час до рассвета он вообще перестал думать об этом.

Утро пришло внезапно: копье оранжевого света пробило стену гор с запада, и ярко-красная огненная ветвь поднялась над противоположным краем горной цепи, а следом солнце, чей желтый лик оказался чуть более окрашенным бронзово-зеленым цветом, чем в северных широтах, вспыхнуло в небе, как взлетевший шар. И в тот же миг Деккерета пронзила острая боль воспоминаний о Колатор Ласгии: ему очень захотелось узнать, где встречает она рассвет и с кем, и, отгоняя эту мысль, он повернулся к Варджазиду.

— Нынче ночь прошла без призраков. Или в этой части пустыни они не появляются?

— Они появляются за Кавагским проходом, — отозвался маленький человечек, — там, где начинаются настоящие трудности.

Первые ранние часы нарождавшегося дня они продолжали ехать. Динитак наспех соорудил грубое подобие завтрака из сухарей и кислого вина. Деккерет задремывал время от времени, но в судорожно дергавшемся флотере уснуть было невозможно. Неужели они будут ехать весь день? Он не спрашивал. Но как только усталость сделалась невыносимой, Кэймак Грэп развернула машину влево к небольшому тупичку дороги, и остановилась.

— Первая дневка, — объяснил Варджазид.

Там, где кончался тупичок, высокий бок скалы возвышался над дорогой, образуя нечто вроде ниши, перед которой, защищенное тенью в это время дня, находилось довольно обширное песчаное пространство, очевидно, не раз использовавшееся для стоянок. У основания скалы Деккерет заметил небольшое темное пятно — вода в этом месте загадочным образом просачивалась из-под земли. Для ручейка ее было не-

достаточно, но усталые путники с радостью приветствовали ее в этой страшной пустыне. Место было превосходным.

Скандарша и юный Варджазид вытащили соломенный тюфяк из отделения флотера и расстелили его на песке. Наступал полдень. Они поели сушеного мяса, кисловатых фруктов и теплых лепешек, после чего, не говоря ни слова, оба Варджазида, брон и скандарша растянулись на тюфяках и мгновенно уснули.

Деккерет остался один. Горы круто вздымались над головой с юга; до Кавагского прохода, видимо, оставалось недалеко. А что потом?

Он попробовал уснуть, но досаждали нежелательные образы: Колатор Ласгия парила над его тюфяком так близко, что он мог бы схватить ее и прижать к себе, но она вдруг отскочила и растворилась в жарком тумане; в тысячный раз он видел себя в лесных болотах Кантора, гоняющимся за добычей, прицеливающимся. Он отогнал и это видение, и обнаружил себя карабкающимся по громадной стене Норморка, прохладный ветерок наполнял легкие.

Но это были не послания, а просто болезненные, фантасмагоричные и беглые воспоминания. Сон не шел долгое время, зато когда он пришел, то был глубоким, кратким и без сновидений.

Разбудили его странные звуки — напевная звенящая музыка в отдалении, неясные, но отчетливые шумы каравана со множеством путников. Ему слышался звон колокольчиков, гул барабанов. Какое-то время он еще лежал, вслушиваясь и стараясь понять. Потом сел, проморгался и огляделся вокруг. Подступали сумерки. Он проспал самую жаркую часть дня, и тени теперь тянулись с противоположной стороны. Четверть его спутников уже поднялись и складывали свои матрацы.

Деккерет напряг слух, пытаясь определить направление, откуда исходили звуки. Но казалось, они исходят отовсюду и ниоткуда. Ему припомнились слова Колатор Ласгии о поющих днем призраках пустыни, сбивающих с толку путников и уводящих их с дороги своими музыкой и пением.

— Что это за звуки? — обратился он к Варджазиду.

— Звуки?

— Вы разве не слышите? Голоса, колокольцы, барабаны, шаги...

Варджазид выглядел удивленным.

— Вы имеете в виду песни пустыни?

— Песни призраков?

— Можно сказать и так. Или просто звуки, идущие с гор. Грохотание цепей, удары гонгов. Похоже?

— Не знаю, — мрачно отозвался Деккерет. — У меня на родине нет никаких призраков. Но это не звуки гор.

— Вы уверены, Инитэйт?

— Что это не звуки гор и не призраки?

— Хм...

Динитак Варджазид, стоявший рядом, вмешался в разговор, обратившись к Деккерету:

— Неведомое всегда тревожит. Но тут вы, по-моему, чувствуете больше любопытство, чем страх. И могу удовлетворить ваше любопытство. Дневной жар спал. Скальные утесы и пески отдают тепло, являя контраст с прохладой, и издают звуки — те колокольцы и барабаны, что вы слышите. Здесь нет призраков.

Старший Варджазид сделал резкий жест. Парень тут же отошел.

— Не хотите, чтобы он объяснил мне? — осведомился Деккерет. — Предлагаете мне считать, будто это призраки?

Варджазид ответил с улыбкой:

— А мне все равно. Верьте во что хотите; вы еще встретите предостаточно призраков по ту сторону прохода, уверяю вас.

7

Весь вечер Дня Звезды они поднимались по серпантину дороги, и к полуночи добрались до Кавагского прохода. Воздух здесь оказался прохладнее, они находились в нескольких тысячах футов над уровнем моря, и воинственные ветра приносили некое облегчение от зноя и духоты. Проход был широкой и поразительно глубокой выемкой в склоне Горы. Наступило утро дня солнца, когда они миновали его и начали спуск к Великой Пустыне.

Деккерет был поражен открывающимся впереди видом. В ярком лунном свете он увидел картину беспримерного бесплодия, по сравнению с которой земли, лежавшие по другую сторону прохода, казались роскошным садом. Насколько та пустыня была скалистой, настолько эта была песчаной — настоящий океан барханов, нарушаемый то тут, то там пятнами твердой, усыпанной гравием, земли.

Все утренние часы они ехали вниз к огромному центральному плато, и в первых проблесках дневного света Деккерет заметил нечто странное далеко внизу: скальный клочок чернильной тьмы резко выделялся на груди пустыни. По мере их приближения пятно превращалось в оазис, распадаясь на рощицу тонкоствольных деревьев с длинными ветвями и наполненными фиолетовым цветом листьями. Оазис стал местом второй дневки. Следы на песке неопровержимо указы-

вали, что здесь уже неоднократно отдыхали путники. Более того, под деревьями валялось множество осколков, а в чистом сердце рощи стояло что-то вроде грубого подобия навеса из наваленных кучами камней, увенченных старыми высохшими сучьями. Чуть дальше между деревьями кружил маленький солоноватый ручеек и обрывался в небольшой стоячий водоем, зеленый от водорослей. А маленькая тропка, начинавшаяся от него, вела ко второму водоему, видимо, питаемому ручьем, полностью бегущим под землей, чьи воды были абсолютно чистыми, без примесей. Между двух бассейнов Деккерет увидел любопытное сооружение: семь поставленных кругом каменных столбиков высотой по пояс образовывали двойную арку. Он осмотрел их.

— Работа Меняющих Форму, — пояснил Варджазид.

— Капище Метаморфов?

— Скорее, алтарь. Мы знаем, что Меняющие Форму часто бывают в оазисе. Мы находили тут маленькие подарки пьюриверов своему богу: молитвенные палочки, обрывки перьев, небольшие искусно сплетенные чаши.

Деккерет беспомощно уставился на деревья, словно ожидая, что они тут же превратятся в диких аборигенов. Он мало общался с уроженцами Маджипура, этими побежденными и изгнанными туземцами, и то, что он знал о них, было в основном слухами и выдумками, основанными на страхе, невежестве и чувстве вины. Некогда они жили в больших городах — Альханроэль, например, усеивали их руины, — и в школе Деккерет видел нарисованные изображения самого большого из них, и самого знаменитого — Веласосиера, расположенного неподалеку от Лабиринта Понтифекса; но города эти умерли тысячи лет назад, а с приходом человека и прочих племен, местные пьюриверы были силой оттеснены в самый мрачный край планеты, в основном, в огромную лесистую резервацию на Зимроэле, где-то юго-восточнее Кантора. Вдобавок к своим скудным познаниям Деккерет видел настоящих Метаморфов всего два раза: хилые существа с зеленоватой кожей и совершенно невыразительными лицами, хоть они и меняли одну форму на другую с поразительной легкостью. И он мог только гадать, не является ли маленький брон или сам Варджазид затаившимся Метаморфом.

Он тряхнул головой, отгоняя дикие мысли, и сказал:

— Интересно, как удается Меняющим Форму или кому бы то ни было выживать в пустыне?

— Они народ изобретательный. Приспособились.

— И много их здесь?

— Кто знает! Я натыкался несколько раз на их группы человек по пятьдесят, по семьдесят. Вероятно, есть и другие,

хотя, возможно, я встречал одних и тех же, только в разных обличиях.

— Странный народ, — пробормотал Деккерет, лениво потерев отшлифованный камень, венчающий ближайший столбик алтаря. С молниеносной быстротой Варджазид схватил Деккерета за запястье и отвел его руку.

— Не прикасайтесь к ним!

— Почему? — удивился Деккерет.

— Это святыня.

— Для вас?

— Для тех, кто воздвиг их, — раздраженно ответил Варджазид. — Мы относимся к ним с уважением и чтим магию, которая может здесь заключаться. В здешних местах никто не навлекает на себя месть соседей случайно.

Подкрепившись такой же грубой пищей, что и в первый день, они, когда зной достиг своего сводящего с ума полуденного пика, растянулись на соломенных тюфяках.

В третий раз за всю жизнь Деккерет спал днем, и организм начинал привыкать к такой перемене. Он закрыл глаза, вверяя душу возлюбленной Властительнице Острова Снов, святой матери Властителя Престимиона, и почти сразу погрузился в сон.

На сей раз пришло послание.

Он уже не помнил, как и когда получал послания. Для него, как и для всех на Маджипуре, послания являлись основной частью бытия, ночным наслаждением, успокаивавшим разум, указаниями, очищением души, руководством и нахлобучкой, и многим другим. Каждый с детства обучался восприятию посланий во сне, наблюдению и запоминанию их, соотношению их с бодрствующими часами. И всегда благосклонная вездесущность Властительницы Острова Снов воспаряла над принимающим послание, помогая ему познать состояние своей души, причем, связь она поддерживала со всеми миллиардами жителей огромного Маджипура одновременно.

Деккерет увидел себя поднимающимся на горный кряж, через который они недавно перевалили. Он был один на один с невероятно огромным солнцем, заполонившим половину неба, но жара почему-то не тревожила его. Крутой склон, как он мог видеть, обрывался прямо за гребнем вниз, вниз, вниз, растягиваясь, казалось, на сотни миль, а над собой он видел ревущий, дымящийся котел — вздымающийся кратер вулкана, где пузырями лопалась красная магма. Невероятный водоворот подземных сил не пугал его. Наоборот, его тянул к себе этот странный шум так, что он стремился погрузиться в его глубину, поплавать в расплавленном жаре. Он начал спускаться бегом, оскальзываясь, часто пролетал

несколько метров, а приблизившись, увидел лица в трепещущей лаве: Властитель Престимион, Понтифекс, Варджазид, Колатор Ласгия и Метаморфы, чьи странные таинственные полускрытые образы плясали по краям. Могущественные фигуры изнемогали от жара в центре вулкана, и Деккерет рванулся к ним. Возьмите меня к себе, я здесь, я пришел! — кричал он, пока не осознал, что все фигуры исчезли, оставив один огромный белый лик, в котором он узнал возлюбленное лицо Властительницы Острова Снов, чей вид глубоко и сильно внес блаженство в его душу, ведь прошло много месяцев с той поры, когда Властительница последний раз являлась ему.

И теперь во сне он видел сон, и он ждал завершения, соединения своего сна с посланием Властительницы, и он готов был принести себя в жертву вулкану, чей образ нес в себе некое откровение правды, мгновение познания, ведущее к радости. Но затем некая странность пересекла сон, подобно какой-то развернувшейся вуали. Цвета поблекли, лица смазались. Он решил бежать вниз к краю горной стены, но теперь часто спотыкался, падал, обдирая руки и колени о раскаленные скалы пустыни, и вдруг напрочь потерял направление, двигаясь в сторону, вместо того, чтобы двигаться вниз, и был не в состоянии продвинуться просто вперед. На мгновение он был на грани восторга, но как-то не смог полностью погрузиться в него, и только огорчался, ощущая тяжесть и шок. Легкость исчезла, яркие цвета сменились всеобъемлющей серостью, и всякое движение прекратилось; он стоял, оцепенев на лицевом склоне горы, жестко всматриваясь вниз в мертвый кратер, чей вид заставлял его вдруг затрепетать и лечь, подтянув колени к груди, и он лежал, рыдая, пока не проснулся.

Он заморгал и сел. В голове стучало, глаза слезились, ломило грудь и плечи. Это было не послание. Даже самые ужасные послания не оставляли таких горьких осадков смущения и страха. Был еще день, и ослепительное солнце висело над макушками деревьев. Возле него лежали Кэймак Грэп и брон, чуть поодаль — Динитак Варджазид. Они спали. Старшего Варджазида нигде не было видно.

Деккерет перевернулся и прижался щекой к горячему песку у матраца, пытаясь снять напряжение. Что произошло во сне что-то дурное, что-то не то, он понимал это. Какая-то темная сила вмешалась в послание, похитив радость и дав взамен боль. Не в этом ли суть похитителей снов пустыни? Но тогда это были похитители снов.

Он сжался, чувствуя себя грязным, выпотрошенным, опустошенным, желая знать только одно — неужели все сны бу-

дут такими по мере их продвижения в пустыню? Не станет ли еще хуже?

Спустя какое-то время он снова уснул. Сны пришли — случайные, смазанные обрывки без ритма и узора, они не досаждали. Когда он проснулся, день близился к концу, и звуки пустыни — песни призраков — бились в ушах, бормоча и звеня далеким смехом. Чувствовал он себя намного более уставшим, чем если бы он не спал вовсе.

8

Никто из попутчиков не показал вида, будто что-то тревожило их сны. Они встретили проснувшегося Деккерета каждый на свой манер: огромная скандарша молча, брон с любезным жужжащим щебетом свернул щупальца, оба Варджазида короткими кивками. Если они и поняли, что их товарища навестили мучительные сны, то ничем этого не выказали.

После "завтрака" старший Варджазид наскоро посоветовался с броном относительно маршрута на эту ночь, и затем они вновь нырнули в темноту, озаренную лунным светом.

Притворюсь, будто ничего необычного не случилось, решил Деккерет, и не дам им понять, что уязвим для призраков.

Но его решение просуществовало недолго. Когда флотер пересекал район высохших озер, где тысячами вздымались странные серо-зеленые каменистые горбы, Варджазид внезапно повернулся к Деккерету и спросил, нарушив долгое молчание:

— Хорошо спали?

Деккерет понял, что ему не удалось скрыть усталость.

— Приходилось отдыхать и лучше, — пробормотал он.

Блестящие глаза Варджазида безжалостно сверлили его.

— Сын говорит, что вы стонали во сне, сильно ворочались и прижимали колени к груди. Вы почувствовали прикосновение похитителей снов, Инитэйт?

— Я просто чувствовал присутствие тревожащей силы в своих снах. Было ли это прикосновение похитителей снов, я не знаю.

— Опишите мне свои ощущения.

— Вы сами похититель снов, Варджазид! — огрызнулся Деккерет, разозлившись. — С какой стати я должен открывать перед вами душу? Мои сны — это мои сны.

— Тише, тише, добрый рыцарь, я не имел в виду ничего обидного и не хотел бы навязываться вам.

— Тогда...

— Но я отвечаю за вашу безопасность. И если демоны этой безводной земли проникли в вашу душу, в ваших же интересах рассказать мне.

— Демоны?

— Демоны, призраки, фантомы, недовольные Метаморфы — кто бы ни был, — нетерпеливо произнес Варджазид. — Существа, которые грабят сны уснувших путников. Приходили они к вам или нет?

— В снах было мало радости.

— Прошу вас, расскажите.

Деккерет тихо вздохнул.

— Я получил послание Властительницы — мирное и радостное. Но постепенно суть его менялась, понимаете? Послание помрачнело и стало бессвязным, лишенным всякой радости, и закончилось просто отвратительно.

— Да, — кивнул Варджазид, — это призраки. Прикосновение к сознанию, вторжение в сон, разрушение его и выкачивание энергии.

— Вид вампиризма, — усмехнулся Деккерет. — Существа таятся в засаде, поджидая в пустыне путников, а потом высасывают из них все жизненные силы?

Варджазид улыбнулся в ответ:

— Вы основываетесь лишь на догадках. Я бы не делал таких поспешных выводов, Инитэйт.

— А вам самим доводилось чувствовать их присутствие в своих снах?

Коротышка как-то странно посмотрел на Деккерета.

— Нет, никогда.

— Никогда? У вас что, иммунитет?

— По-видимому, так.

— А ваш сын?

— О, несколько раз его охватывало. Как правило — здесь. Один раз в пятьдесят поездок, но, видимо, невосприимчивость не передается по наследству.

— А скандарша и брон?

— У них бывало, — кивнул Варджазид, — но редко. К тому же они находят это неприятным, но не смертельным.

— Однако, кое-кто умер от прикосновения похитителей снов.

— В основном — предположительно, что именно от этого, — заметил Варджазид. — Большинство путешественников, проходивших этим путем до недавнего времени, рассказывали, что видели необычные сны. Некоторые из них сбивались здесь с пути и не возвращались. Откуда нам знать, есть связь между этим и разрушенными снами?

— Вы очень осторожный человек, — усмехнулся Деккерет, — не хотите выносить окончательных решений?

— Я прожил довольно долгую жизнь, в то время, как многие опрометчивые смельчаки уже вернулись в источник Дивине.

— По-вашему, просто выжить — наивысшее достижение?

Варджазид рассмеялся:

— Речь истинного рыцаря Замка! Нет, я считаю, жить — значит не просто уклоняться от смерти. Но выжить — это счастье, Инитэйт, а смерть и гибель — это не достижение.

Деккерету не хотелось продолжать. Кодексы ценностей посвященного рыцаря, и такого типа, как Варджазид, едва ли сравнимы. Кроме того, было что-то хитроватое и скользкое в аргументах Варджазида. Деккерет помолчал, потом ответил:

— Меня волнует одно: станут ли сны еще хуже?

Варджазид пожал плечами.

К тому времени, когда ночь поблекла и подошло время подыскивать место для стоянки, Деккерет вдруг понял, что готов и даже с нетерпением ждет встречи с призраками сна.

Дневку они устроили на ровной площадке, где основную массу песка сдуло к одной стороне очищающими ветрами, оголив скальное основание: вдобавок к порывистым ветрам сухой воздух пустыни жутко растрескал ее, а солнце словно содрало все остальное. Где-то за час до полудня они стали готовиться ко сну.

Деккерет спокойно опустился на соломенный тюфяк и без страха послал свой дух на тонкий краешек того, что могло прийти.

И сразу увидел сон. Он снова в Толигае, но теперь город необычно изменился, став местом безликих вилл и пышных садов, хотя зной по-прежнему остался тропическим. Он шел, переходя с одного бульвара на другой, восхищаясь изяществом архитектуры и пышностью деревьев. Одеяние его было обычной зеленой с золотым мантией Венценосца, и при встречах с горожанами Толигая, прогуливающихся в сумерках, он изящно отвешивал поклоны в обмен на знак звездного взрыва, которым они приветствовали власть Венценосца. Потом к нему приблизилась стройная фигурка его любовницы Колатор Ласгии. Она улыбалась. Подхватив его под руку, она повлекла его к каскадам фонтанов, чьи прохладные струи били в воздух, и там, сбросив одежду, они выкупались, и, поднявшись из душистого бассейна, прошли, едва касаясь земли, в сад. Она без слов подтолкнула его в тенистую аллею, отделенную от дорожки кругом близко посаженных деревьев с дугообразными стволами и широкими листьями. Она шла чуть впереди него — мучительно ускользающая фигурка, плывущая в каком-то дюйме от его руки, постепенно увеличивающая расстояние между ними сначала

до фута, потом до нескольких ярдов. Поначалу казалось, что он легко догонит ее, но это ему не удавалось, и, двигаясь все быстрее и быстрее, он старался уже просто не упустить ее из виду. Ее нежная, оливкового цвета кожа блестела в первом лунном свете, она часто оглядывалась назад с ослепительной улыбкой, кивками приглашая его поторопиться. Но он не мог догнать ее. Теперь она опережала его почти на всю длину сада. С нарастающим отчаянием он рванулся к ней, но она растворилась, исчезла, и возникла так далеко, что теперь он с трудом различал игру мускулов под ее гладкой нагой кожей; помчавшись вперед, пересекая одну садовую дорожку за другой, он вдруг начал сознавать повышение температуры, неожиданную и стойкую перемену в воздухе; откуда-то здесь, ночью, поднялось солнце и с полной силой обрушилось ему на плечи. Деревья поникли и завяли, листья опали. Сам он с трудом удерживался на ногах. Колатор Ласгия превратилась в пятнышко на горизонте, все еще подзывающая к себе, все еще улыбающаяся, но она становилась все меньше и меньше, а солнце все поднималось, делаясь сильней, более испепеляющим, высушивая все вокруг, куда могло дотянуться. Сад обернулся местом голых сучьев и потрескавшейся иссохшей земли. Страшная жажда охватила его, и когда он заметил фигуры, скрывающиеся в засаде позади покрытых волдырями почерневших деревьев, — Метаморфы, твари, полные хитрого коварства, не придерживающиеся одной какой-нибудь застывшей формы, а колышущиеся и плывущие в сводящем с ума потоке разных обликов, — он закричал им, испрашивая хоть глоток воды, но получил в ответ лишь легкий звенящий смех. Он пошатнулся. Свирепый пульсирующий свет в небесах начал сжигать его. Он чувствовал, как кожа твердеет, трескается, хрустит, ломается. Еще один миг, и он обуглится. Что стало с Колатор Ласгией? Куда делись улыбающиеся, кланяющиеся горожане, приветствовавшие его знаком звездного взрыва? Сейчас он видел сад. Он был в пустыне и, шатаясь, брел по знойной печке, где даже тени пылали. Теперь в нем поднялся настоящий ужас. Даже во сне он ощущал болезненный жар, и какая-то часть его рассудка следила за этим с нарастающей тревогой, опасаясь, как бы сила сновидения не оказалась слишком велика и не смогла бы повредить физическому состоянию тела наяву. О таких вещах рассказывали: люди погибали во сне, пораженные силой могучих посланий или обычных сновидений. И хотя это шло вразрез с заученной с детства истиной, хотя он знал, что обязан досмотреть даже наиужаснейший из снов, а не обрывать его преждевременно, чтобы увидеть окончательное откровение, он решил проснуться ради собственной безопасности; он попытался не от-

кладывая, и не сумел. Он упал на колени, дергаясь на раскаленном песке и вглядываясь с необычной ясностью в загадочных крошечных насекомых с золотистыми туловищами, шедших к нему одной колонной по краю одного из барханов. Они добрались до него; муравьи с безобразно раздутыми челюстями, и каждый чуть поворачиваясь, поднимал свое туловище и кусал, впиваясь челюстями и не отпуская, так что в одну неуловимую долю секунды насекомые покрыли всю его кожу. Он сметал их с себя и никак не мог стряхнуть: их клещи держали намертво, даже когда он отрывал головы от тел. Песок вокруг почернел от обезглавленных тел, но все равно их было слишком много, они растекались по телу, как плащ, а он с силой все стряхивал и стряхивал их, пока не воздвиг вокруг себя настоящую гору, но все равно еще больше муравьев вцеплялось в него своими челюстями. Он устал сметать их. К тому же, в этом живом плаще оказалось прохладнее. Они защищали его от солнечного жара, и хотя сами жалили и жгли его своими укусами, но не так болезненно, как солнечные лучи.

Неужели сон никогда не кончится? Он попытался взять его под контроль, обернуть нарастающий поток прибывающих муравьев в струю холодной чистой воды, но не смог, ничего не произошло, и он вновь соскользнул в кошмар, продолжая устало ползти по песку.

И постепенно начал сознавать, что уже не спит.

Не было границы между сном и пробуждением, которую он бы обязательно заметил, — только внезапное и полное понимание, что глаза открыты. И два основных сознания (спящего наблюдателя и страдающего Деккерета) слились в одно. Но тем не менее, он находился в пустыне под страшным полуденным солнцем. И он был наг. Кожу чувствительно саднили царапины и волдыри. И были муравьи. Крошечные муравьи действительно карабкались по его ногам, поднимаясь до колен, вцепляясь в кожу. Сбитый с толку, он подумал, что, наверное, метался во сне, но сразу отказался от этой мысли: он не мог уйти так далеко во сне в настоящую пустыню, а он, похоже, находился чуть ли не в ее центре. Он встал, стряхнув муравьев, и посмотрел в сторону лагеря.

И не увидел его. Значит, действительно, он бродил во сне голый, по обжигающей наковальне открытой пустыни, и заблудился. Это все еще сон, подумал он с яростью, и сейчас я проснусь в тени флотера Варджазида! Но пробуждения не произошло. Теперь Деккерет понял, как погибали люди в Пустыне Украденных Снов.

— Варджазид! — закричал он. — В а р д ж а з и д !

9

Крик эхом отдался в дюнах. Он закричал снова, потом второй раз, третий, но слышал лишь дрожащий собственный голос, оставшийся без ответа. Сколько он мог продержаться? Час? Два? Без воды, без укрытия от солнца. Даже без одежды. На непокрытую голову изливал свой жар огромный пылающий глаз в небе. Стояла самая жаркая часть дня. Окружающий пейзаж повсюду выглядел одинаково — плоская мелкая чаша, выбитая жаркими ветрами. Он пошел было по своим следам, но следы оборвались через несколько ярдов — дальше начиналась твердая и скалистая поверхность. Лагерь мог находиться где угодно, скрытый возвышавшимися барханами. Он еще раз позвал на помощь, и опять не услышал ничего, кроме эха. Возможно, если бы ему удалось подыскать подходящий бархан, он мог бы успеть закопаться по шею и продержаться до тех пор, пока не спадет жара, а в темноте попытаться отыскать лагерь по костру. Но таких барханов он тут не видел. Как бы поступил в таком положении Властитель Стиамот, подумал он, или Властитель Тимин, или один из великих воинов прошлого? И что мог сделать он сам? Просто умереть? Глупо. Он все поворачивался, исследуя горизонт. Ни одной путеводной нити, ни единого признака, куда пойти. Передернув плечами, он опустился в месте, где не было муравьев. Не было здесь и слоя песка, зарывшись в который, он мог бы попытаться спасти себя. Не было и силы духа, которая, несмотря ни на что, помогла бы ему выжить. Он утратил себя во сне и умрет, как и предсказывала Колатор Ласгия. Единственное, что у него осталось — это характер: он умрет без слез, гнева и стенаний. Может быть, на это уйдет час, может быть, меньше. Но это очень важно — умереть с честью.

И он стал ждать прихода смерти.

Но вместо нее пришел — через десять минут, полчаса, час, он не знал — Серифэм Рейнэйлион. Брон, как мираж, появился с востока, медленно, с трудом направляясь к Деккерету, нагруженный двумя флягами воды. Подойдя ярдов на сто, он помахал щупальцами и окликнул:

— Вы живы?

— Более или менее. Вы настоящий?

— Самый настоящий. Мы вас полдня ищем. — Резинистое щупальце маленького существа порывисто сунуло в руки Деккерету флягу с водой. — Держите. Глотните-ка, только немного. Немного! Вы слишком измождены, и захлебнетесь, если станете пить с жадностью.

Деккерет с трудом справился с порывом осушить фляжку одним глотком. Брон был прав, нужно было пить умеренно,

не спеша, иначе могло стать плохо. Он капнул чуть-чуть в рот, подержал на языке, прополоскал горло и, наконец, проглотил. Потом сделал еще один осторожный глоток, затем глоток побольше. В голове немного закружилось. Брон кивнул на фляжку. Деккерет встряхнул ее и отпил снова, подержав воду за щеками.

— Далеко отсюда лагерь? — спросил он наконец.

— Минут десять ходьбы. У вас хватит сил идти самому, или мне сходить за остальными?

— Я дойду сам.

— Тогда идемте.

Деккерет кивнул.

— Сейчас, еще один глоток.

— Берите фляжку и пейте, сколько хотите. Если устанете, скажите мне, отдохнем. Не забывайте, мне вас не унести.

Брон медленно направился к невысокому песчаному гребню в пятистах футах на востоке. Пошатываясь от слабости и головокружения, Деккерет последовал за ним и с удивлением понял, что гребень совсем не так полог и низок, как казалось, — что-то произошло с глазами. Он возвышался над головой футов на тридцать, скрывая два более низких бархана вдали. Флотер стоял у подножия самого дальнего.

В лагере был лишь один Варджазид. Он взглянул на Деккерета с презрительной досадой и сказал:

— Решили прогуляться днем?

— Во сне. Меня все-таки поймали ваши похитители снов. Словно заклятие. — Деккерета начало трясти — солнечные ожоги стали жечь тело. Он лег у флотера и накрылся легкой рубашкой. — Когда я проснулся, то не увидел лагеря. Я был уверен, что погибну.

— Еще полчаса, так бы и вышло. Вы и так уже высохли на две трети. Счастье, что мой мальчишка проснулся и заметил, что вас нет.

Деккерет плотнее закутался в одежду.

— Значит, вот как здесь погибают. Уходят во сне днем.

— И так тоже.

— Я в долгу перед вами. Вы спасли мне жизнь.

— Хм, жизнь вам спасают с тех самых пор, как мы миновали Кавагский проход. Вы бы уже погибли раз пятьдесят. Но если хотите кого-то благодарить, благодарите брона. Он-то по-настоящему потрудился, разыскивая вас.

Деккерет кивнул:

— А где ваш сын? И Кэймак Грэп? Тоже меня ищут?

— Уже возвращаются, — ответил Варджазид, указывая на только что появившихся из-за бархана скандара и мальчишку. Ни на кого не глядя, скандарша опустилась на свой тю-

фяк. Динитак Варджазид лукаво улыбнулся Деккерету и сказал:

— Приятно прогулялись?

— Не очень. Я сожалею о причиненных вам хлопотах.

— Ничего. Только вот что теперь делать?

— Может быть, привязывать меня, пока я сплю?

— Или придавливать тяжелыми валунами, — предложил Динитак, зевая во все горло. — Лучше постарайтесь оставаться на месте, хотя бы до захода солнца.

— Я попробую, — сказал Деккерет.

Но снова уснуть оказалось невозможно. Невозможность получить утешение здорового сна, подумал Деккерет, гораздо хуже гибели в пустыне, потому что умирать приходится только раз, а сны человек видит постоянно. Не связаны ли такие сны с пустынной бесплодностью Сувраэля? Деккерет знал, что когда послание исходит от Властительницы, его внимательно изучают (если необходимо — с помощью тех, кто поднаторел в искусстве толкования снов), поскольку в них таятся знания, жизненно важные для надлежащего поведения человека. Но эти послания, вернее, просто сны, вряд ли исходили от Властительницы. Казалось, они направлялись какой-то темной силой, зловещей и деспотичной, более пригодной брать, чем давать. Меняющие Форму? Возможно. Что, если какое-то их племя сумело раздобыть, несмотря на огромные расстояния, отделяющие их от Острова Снов, один из механизмов, благодаря которым Властительница может достичь глубин сознания любого из своей паствы, и, теперь скрываясь в засаде в жарком сердце Сувраэля, они грабят путников? Воруют их души? Лишают жизненной силы тех, кто украл их мир?

Когда удлинились полуденные тени, он почувствовал, что начинает задремливать и соскальзывать в сон. Он боролся, боясь невидимых захватчиков душ, и отчаянно старался держать глаза открытыми, глядя в темнеющее пространство и вслушиваясь в гудящие и бормочущие звуки пустыни, но так и не мог перебороть естественную усталость измученного тела. Он погрузился в сон, не в послание от Властительницы или от неведомой темной силы, а просто в сон. А потом кто-то потряс его за плечо — брон, с трудом узнал Деккерет. Соображал он медленно, в голове шумело, губы потрескались, спина болела. Наступила ночь, и его спутники готовились к отъезду, сворачивая лагерь.

Брон подал Деккерету чашу с каким-то освежающим густым бледно-зеленым напитком, и он осушил ее одним глотком.

— Вставайте, — сказал брон. — Пора ехать.

10

Пустыня снова изменилась, сделавшись темно-красной и грубой. Очевидно, здесь случались гигантские землетрясения. Земля была изломана и перемешана с колоссальными плитами каменистого ложа, нагроможденных друг на друга под невероятными углами громадными кучами. Через эту зону хаоса вел только один путь — широкое русло давно высохшей реки, чье песчаное ложе петляло долгим и приметным изгибом между разломанных и растрескавшихся скал. В небе повисла полная луна, и свет ее по яркости почти не уступал дневному. Пейзаж не менялся и после того, как флотер одолел несколько миль, хотя казалось, будто машина застыла на одном месте. Деккерет повернулся к Варджазиду:

— Сколько нам еще добираться до выпасов?

— Пустыню от пастбищ отделяет ущелье. Оно вон там. Варджазид указал на юго-восток, где терялось высохшее речное русло меж двух высившихся скалистых пиков, торчавших из земли, словно кинжалы. — Там, за Маннеракским ущельем, климат совершенно иной. К дальней стороне горного кряжа по ночам подкатываются морские туманы с запада, и земля там зеленая, вполне пригодная для выпасов. Утром мы доберемся до ущелья, через день пройдем его, а к Дню Моря вы будете отдыхать в Цузун-Каре.

— А вы? — поинтересовался Деккерет.

— У нас с сыном есть еще кое-какие дела. Мы вернемся за вами позже. Сколько вам надо — три дня, пять?

— Пять дней вполне достаточно.

— Хорошо. А потом поедем обратно.

— Этим же путем?

— Другого нет, — ответил Варджазид. — Вам, наверное, уже объяснили в Толигае, что остальные дороги закрыты к пастбищам, кроме этого пути через пустыню. Почему вы его боитесь? Из-за снов? Но если вы не станете бродить во сне по пустыне, вам нечего опасаться.

Замечание выглядело разумным. Он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы пережить поездку, но вчерашний сон оказался слишком мучительным, и он без особой радости ждал следующего.

Когда они на другое утро разбивали лагерь, Деккерет с тревогой ждал наступления сна. В первый час отдыха он заставлял себя не спать, вслушиваясь в потрескивание скал, накалявшихся полуденным солнцем, до тех пор, пока усталость не окутала сознание темным облаком. Он уснул.

И едва сон охватил его, он понял, что это только начало, ведущее к чему-то еще более страшному.

Сначала пришла боль — ноющая, острая боль, затем, без какого-либо намека, взрыв ослепительного света в голове заставил его закричать :: стиснуть виски. Но агонизирующий спазм быстро прошел, и он ощутил мягкое присутствие Колатор Ласгии, успокаивающей его и баюкающей на своей груди. Она качала его, что-то бормоча, и утешала до тех пор, пока он не открыл глаза и не сел, оглядываясь по сторонам, и не увидел, что он не в пустыне и вообще не в Сувраэле. Вместе с Колатор Ласгией они находились на какой-то прохладной поляне в лесу, где гигантские деревья с абсолютно прямыми стволами, покрытыми желтой корой, поднимались на непостижимую высоту, и быстрый поток, усеивая все брызгами, метался и ревел почти под ногами. За потоком земля резко опускалась, открывая далекую долину, и в дальнем ее конце высилась огромная, серая с белым зубцом снежной вершины Гора, в которой Деккерет мгновенно узнал один из девяти больших пиков Канторских Болот.

— Нет, — пробормотал он, — я не хочу!

Колатор Ласгия засмеялась, и звенящий ее смех показался ему зловещим, похожим на звуки пустыни в сумерках.

"Но это сон, милый друг, и тебе придется принять его".

"Ладно, но я не хочу возвращаться в болота Кантора. Посмотри, как все изменилось! Мы на Зимре, неподалеку от огромной излучины реки. Видишь? Ни-Моуа сверкает перед нами".

Он действительно видел огромный город, белый на фоне зеленых холмов. Но Колатор Ласгия покачала головой.

"Это не город, любовь моя. Это только северный лес. Чувствуешь ветер? Прислушайся к песне потока. Иди сюда, стань на колени, зачерпни падающие на землю иглы. Ни-Моуа далеко, и мы здесь на охоте".

"Прошу тебя, давай побудем в Ни-Моуа".

"В другой раз", — ответила Колатор Ласгия.

И он не смог переубедить ее. Магические башни Ни-Моуа задрожали, сделались прозрачными и исчезли, и остались лишь деревья с желтой корой, прохладный ветерок, звуки леса. Деккерет вздрогнул. Он был пленником своего сна и не мог сбежать.

И теперь, небрежно приветствуя его, появились пятеро охотников в грубо пошитых куртках из шкур хайгусов, протягивающих ему оружие — короткие тупые трубки энергометов и трехгранные кинжалы, чьи длинные лезвия немного загибались на концах. Он покачал головой, но один из охотников подошел ближе, насмешливо усмехаясь ему, оскалив белые зубы. Деккерет узнал лицо — это была она — и со стыдом отвернулся. Это она погибла тогда в болотах Кантора тысячу лет назад. Если бы только она была сейчас не

здесь, подумал он, сон можно было бы стерпеть. Какая дьявольская пытка — заставлять его пережить все снова!

"Возьми у нее оружие", — сказала Колатор Ласгия.

"Я не хочу... Я..."

"Глупо. Думаешь, во сне желания уважают? Сон — твое собственное желание. Возьми оружие".

Деккерет решился. Похолодевшими пальцами он принял кинжал, энергомет и убрал их в надлежащие места на поясе. Охотники одобрительно заулыбались, ворча что-то на хриплом северном наречии, а затем, пригнувшись, помчались длинными скачками по берегу; Деккерет поневоле побежал следом, сперва неуклюже, потом с более плавной грацией, сопровождаемый Колатор Ласгией, легко выдерживающей его шаг. Ее черные волосы развевались вокруг лица, глаза горели от возбуждения. Они свернули налево в сердце леса, петляя в поисках добычи.

Добыча! Деккерет разглядел трех стимов с белой шерстью, сияющих, как фонари в глубине леса. Животные тревожно крались, взрывая землю. Они учуяли пришельцев, но пока не собирались оставлять свою территорию; огромные твари, наверное, самые опасные из всех диких зверей Маджипура, быстрые, сильные и хитрые — ужас северных земель. Деккерет вытащил кинжал. Убить стимов из энергометов — даже не развлечение, просто убийство, к тому же, сильно пострадает ценный мех. Почетнее всего подобраться ближе и действовать ножом, предпочтительней кинжалом. Только так охотник заслужит славу.

Загонщики смотрели на него. Выбери себе одного, просили они. Деккерет кивнул. Средний, указал он. Охотники заулыбались. Они что-то знали, о чем не сообщили ему. Так было и в тот раз: такое же едва скрываемое презрение лесовиков к господам, избалованным и алчущим смертельно опасных развлечений, тем более, что подобные развлечения оканчивались зачастую плохо. Деккерет держал кинжал наготове. Стимы, что рыскали за деревьями, были невероятно громадными, с огромными тяжелыми ляжками; ни один человек не справился бы с ними в одиночку и только с холодным оружием. Но поворачивать назад было нельзя — Деккерет сознавал, что намертво прикован к данному судьбой сну. Раздались звуки охотничьих рогов и свист загонщиков. Стимы, рассерженные и встревоженные необычными звуками, завертелись, обдирая когтями деревья, и, сделав круг, больше из отвращения, чем от страха, пустились бежать.

Теперь наступило время.

Деккерет знал, что сейчас загонщики прогонят дальше двух отвергнутых животных, оставляя одного избранного, но не смотрел ни вправо, ни влево. В сопровождении Кола-

тор Ласгии и охотницы, давшей ему оружие, он ринулся вперед, начиная погоню, так как стим в центре бывшего Прайда с ревом и треском помчался через лес. Плохо. Хоть люди и быстрее, стимы легче продирались через подлески, и он мог потерять добычу в этой беспорядочной погоне. Лес здесь немного расступался, но стим рвался в заросли, и вскоре Деккерет обнаружил, что борется с молодыми деревцами, лианами и мелким кустарником, едва успевая следить за удаляющимся белым призраком лесов. Захваченный одним-единственным чувством, он вырвался из объятий чащи и побежал, прокладывая дорогу мачете. Все было ужасно знакомым, вроде старой избитой шутки, особенно, когда до него дошло, что стим петляет по зарослям, будто собирается напасть сам...

И спящий Деккерет знал, что такой случай скоро представится, когда обезумевший зверь случайно наткнется на охотницу и отшвырнет ее, а Деккерет, не ожидающий такого и потому не сумевший помешать, умчится вперед, продолжая погоню и оставив женщину лежать там, где она лежала, так что когда затаившаяся большеротая пожирательница падали высунется из норы и начнет рвать охотнице живот, рядом не окажется никого, способного защитить ее, и лишь позже, когда будет время вернуться за раненой, он пожалеет в своем бездушии о том, что позволил себе не обратить внимания на падение человека, ради него выслеживающего добычу. А после — стыд, вина, бесконечные самообвинения. Да, ему предстояло пережить все это снова, во сне, в цепенящем зное Сувраэля ... или нет?

Нет. Это было бы слишком просто для всеобщего языка снов, и в густом тумане, внезапно окутавшем Деккерета, он увидел, как стим вдруг развернулся и хлестнул охотницу, сбив ее с ног, но женщина поднялась, выплюнув несколько окровавленных зубов, и расхохоталась, и погоня продолжалась — точнее, вернулась к своей начальной стадии, а после стим вдруг вырвался из гущи леса и ударил самого Деккерета, вышибая кинжал из его руки, грозно взревел перед последним ударом, но не нанес его; а сцена вновь и вновь менялась, и теперь уже Колатор Ласгия лежала под опускающейся лапой, пока Деккерет беспомощно дрожал рядом, не способный шевельнуться. Затем жертвой снова стала охотница, потом Деккерет, и — совсем уж неожиданно и невероятно — старший Варджазид, а после него — Колатор Ласгия. Деккерет смотрел, не отводя глаз, и голос под его локтем произнес:

"В чем дело? Все мы — и жизнь наша, и смерть — принадлежим Дивине. Возможно, для тебя тогда было важнее не упустить добычу".

Деккерет огляделся. Голос принадлежал охотнице, и звук его поразил Деккерета. Сон начал сбивать с толку. Он попытался проникнуть в его тайну, напрягая свою волю.

Теперь он видел Варджазида, стоящего неподалеку на темной лесной прогалине. Стим снова рвал охотницу.

"Такова правда?" — спросил Варджазид.

"Наверное, да. Я не видел".

"А что вы делали?"

"Продолжал погоню. Я не хотел лишаться добычи".

"Вы его убили?"

"Да".

"А потом?"

"Вернулся обратно и нашел ее. Так..."

Деккерет помотал головой. Гнусный пожиратель падали уже оседлал женщину. Колатор Ласгия, улыбаясь, стояла рядом, скрестив руки.

"А после?"

"Подошли остальные. Они похоронили ее, затем мы сняли шкуру со стимов и вернулись в лагерь".

"Дальше".

"Кто вы? Почему вы меня спрашиваете?"

Деккерет на один миг увидел себя под клыкастым рылом пожирателя падали.

"Вам было стыдно?" — спросил Варджазид.

"Конечно. Я поставил охотничий азарт над человеческой жизнью".

"Вы не могли знать, что она ранена".

"Но я чувствовал. И ведь видел, но просто не позволил себе смотреть, понимаете? Я знал, что ей плохо, и ушел".

"А кто позаботился о ней потом?"

"Я".

"Даже так?"

"Да".

"Вы чувствуете себя виноватым?

"Конечно".

"Вы виновны юностью, глупостью, воспитанием".

"Разве вы мой судья?"

"Да, — сказал Варджазид. — Взгляните на мое лицо". — Он дернул шрам на своем лице и надул щеки, и его продубленная пустыней кожа начала трескаться и лицо сморщилось, как маска, и соскользнуло, открыв под собой иное лицо, искаженное отвратительной ухмылкой, дергающееся от конвульсивного хохота. И Деккерет узнал его — это было его лицо!

11

В тот же миг Деккерета пронизало такое ощущение, будто игла жесточайшего света пробила ему голову. Подобной боли он еще никогда не испытывал — внезапная и нестерпимая игла пылала в голове с чудовищной силой. И этот, вспыхнувший в сознании свет высветил для него всю его глупую мальчишескую романтику, единственную виновницу драмы, выдумавшую трагедию для него самого в поисках очищения от греха, который вовсе не был грехом, если исключить снисходительность к себе. В разгаре агонии Деккерет услышал вдали удар огромного гонга, и сухой, режущий слух, дьявольский хохот Варджазида, а затем, рванувшись изо всех сил, он вырвался из сна и перевернулся на бок, дрожащий и ошеломленный, все еще испытывая боль, хотя она уже таяла, уходя с последними остатками сна.

Он попытался встать, и обнаружил, что завернут в густой пахнувший мускусом мех, словно стим прижал его к своей груди. Могучие руки сжимали его. Четыре руки, осознал он, и когда окончательно стряхнул с себя остатки сна, то понял, что лежит в объятиях гигантской скандарши Кэймак Грэп. Вероятно, он бился и кричал во сне, а когда попытался встать, она решила, что кошмар продолжает мучить его, и не дала ему подняться. Она держала его с такой силой, что чуть не трещали ребра.

— Все в порядке, — пробормотал он, с трудом открыв рот, плотно прижатый к серой шерсти. — Я не сплю.

Она продолжала держать его.

— Вы... меня... задушите...

Он с трудом дышал. В своей заботе она могла убить его в материнских объятиях. Деккерет вырывался, отталкивая ее, даже бил. Извиваясь, он как-то ухитрился сбить ее с ног, и они рухнули на землю. Она оказалась под ним, и в последнее мгновение руки ее разжались, позволив Деккерету откатиться в сторону. Согнувшись, он поднялся на колени, все тело его болело. Выпрямляясь, он увидел стоящего у флотера Варджазида, который поспешно снимал со лба какой-то механизм — нечто вроде изящной, похожей на корону, диадемы — и прятал его в потайное отделение машины.

— Что это? — выкрикнул Деккерет.

Варджазид выглядел необычно взволнованным.

— Ничего. Просто игрушка.

— Дайте-ка посмотреть.

Варджазид подал знак. Краем глаза Деккерет заметил, что Кэймак Грэп поднимается на ноги и снова тянется к нему. Но прежде чем тяжеловесная скандарша поднялась, Деккерет отскочил в сторону и стрелой помчался вокруг фло-

тера к Варджазиду. Коротышка продолжал возиться со своим приспособлением. Деккерет, нависнув над ним, как над ним самим только что нависала скандарша, быстро схватил его за руку и заломил ее за спину, после чего выхватил механизм из флотера и осмотрел.

Теперь проснулись все. Брон уставился вытаращенными глазами на происходящее, а юный Динитак выхватил нож и крикнул:

— Отпусти его!

Деккерет рывком развернул Варджазида, прикрываясь им, как щитом.

— Скажи сыну, чтобы убрал нож, — приказал он.

Варджазид молчал.

— Или он уберет нож, или я сломаю тебе руку! — он сдавил посильнее. — Выбирай!

Низким голосом Варджазид отдал приказ. Динитак воткнул нож в песок почти у самых ног Деккерета. Деккерет чуть шагнул вперед, поднял нож и отбросил его за спину, потом покачал механизм перед лицом Варджазида. Это была вещица из золота, хрусталя и слоновой кости, тщательно и со вкусом отделанная, с непонятными проводами и завязками.

— Что это? — повторил он.

— Я ведь сказал — игрушка. Пожалуйста, отдайте... отдайте, а то вы ее сломаете.

— И каково назначение этой игрушки?

— Она развлекает меня во сне, — хрипло пробормотал Варджазид.

— Каким образом?

— Она усиливает сны и делает их интереснее.

Деккерет поднес механизм поближе к глазам.

— А если я надену его на себя, он и мои сны усилит?

— Вы только сами себе навредите, Инитейт.

— Ну-ну, расскажи-ка, что эта штука делает для тебя?

— Это очень трудно объяснить, — ответил Варджазид.

— А ты потрудись, подыщи слова. Как ты оказался в моем сне, например? Ты не имел никакого отношения к столь щепетильному посланию.

Коротышка пожал плечами и неловко сказал:

— Я был в вашем сне? Да откуда мне знать, что происходило в вашем сне? Такое вообще невозможно.

— Да? А я думаю, твой механизм помог тебе туда проникнуть и узнать, что я вижу.

Варджазид ответил угрюмым молчанием.

— Опиши-ка его действие, — продолжал Деккерет, — или я его просто сломаю.

Сильные пальцы Деккерета стиснули одну из самых хрупких на вид частей непонятного приспособления. Варджазид судорожно сглотнул, тело его напряглось.

— Ну? — подстегнул Деккерет.

— Да, вы правильно угадали. Это... Это позволяет мне проникать в спящее сознание.

— Вот как? Где же ты достал такую вещь?

— Я сам его придумал и совершенствовал много лет.

— Значит, эта штука вроде машин Властительницы Острова Снов?

— Не совсем. Моя сильнее. Властительница может лишь говорить с сознанием, я же могу читать сны и управлять как их образованием, так и спящим сознанием.

— И ты придумал его сам, а не украл на Острове Снов?

— Сам, — пробормотал Варджазид.

Деккерета захлестнула волна ярости. На мгновение ему захотелось раздавить механизм и отдубасить Варджазида до крови. Воспоминание о всех полуправдах, недомолвках и прямой лжи, которые скармливал ему коротышка, и то, как за время поездки он вмешивался в его сны, как бесцельно расстраивал и лишал его целительного отдыха, как подмешивал ложные страхи, мучения и неуверенность в подаренные послания Властительницы вызывало почти убийственный гнев. Сердце бешено колотилось, в горле пересохло, глаза застлала красная дымка, рука его на локте Варджазида сжималась до тех пор, пока коротышка не взвыл, сильнее и сильнее...

Нет.

Деккерет достиг некоей внутренней вершины своего гнева, продержался там мгновенье и, перевалив через пик, спустился по обратной шкале к спокойствию. Постепенно он вновь обрел хладнокровие. Он все еще сжимал руку Варджазида. Он отпустил его, отшвырнув к флотеру. Тот, зашатавшись, вцепился в изогнутый борт машины. Все цвета исчезли с его лица. Он нежно потер посиневшую руку и взглянул на Деккерета со смешанным чувством ужаса, боли и негодования.

Деккерет внимательно изучал любопытный инструмент, мягко дотрагиваясь кончиками пальцев до изящных и сложных частей конструкции, затем потянулся водрузить его себе на лоб.

— Не надо! — выдохнул Варджазид.

— А что случится? Думаешь, сделаю себе хуже? Я справлюсь.

— Справитесь. И сами же себе навредите.

Деккерет кивнул. Он не сомневался, что Варджазид лжет, но не стал уличать его. Немного помолчав, он спросил:

— Выходит, в пустыне нет никаких Метаморфов — похитителей снов?

— Да, — прошептал Варджазид.

— Есть только ты. Ты проводил опыты над сознанием спящих путников, так?

— Да.

— И доводил их до смерти.

— Нет! — взвизгнул Варджазид. — Я не хотел никого убивать. Они сами умирали от испуга, от того, что ничего не могли понять, от того, что убегали в пустыню или терялись в своих снах, как и вы...

— Но умирали они потому, что ты вмешивался в их сознание.

— Кто может быть в этом уверен? Некоторые умерли, некоторые нет. Я никому не желал смерти. Вспомните, когда вы исчезли, мы вас старательно искали.

— Да, потому что я нанял тебя ради своей же безопасности, и об этом знают в Толигае, — произнес Деккерет. — А других ни в чем неповинных путников ты грабил издавна, разве не так?

Варджазид промолчал.

— Ты знал, что люди погибают в результате твоих опытов, но продолжал экспериментировать.

Так же молча Варджазид пожал плечами.

— Сколько ты этим занимаешься?

— Несколько лет.

— Но зачем?

Варджазид отвел взгляд.

— Я уже как-то говорил вам, что никогда не отвечаю на подобные вопросы.

— Даже если я сломаю твою машину?

— Вы все равно не сломаете.

— Конечно, — сказал Деккерет. — На, бери.

— Что?

Деккерет протянул ему руку с лежавшим на ладони механизмом.

— Возьми.

— Вы не убьете меня? — вздрогнул Варджазид.

— Разве я судья? Вот если я поймаю тебя еще раз, когда ты будешь его испытывать на мне, то убью, будь уверен. А так — нет. Убийство не по мне. У меня на душе и так уже есть один грех. К тому же ты должен провести меня обратно в Толигай, или ты забыл?

— Конечно, конечно. — Варджазид был явно ошеломлен милосердием Деккерета.

— Хотя убить тебя стоило, — пробормотал Деккерет.

— Но послушайте... — начал Варджазид. — Я вмешивался в ваши сны...

— Ну?

— Я хотел понять вас.

— Хм...

— Я.. Вы не хотите отомстить?

Деккерет покачал головой.

— Ты позволил себе слишком вольно обойтись со мной и рассердил меня, но теперь гнев прошел, и я не хочу тебя наказывать. — Он наклонился поближе к коротышке и сказал низким угрожающим тоном: — Я пришел в Сувраэль полный расстройства и вины, в поисках очищающих физических страданий. Глупости! Физические страдания лишь укрепляют тело и силу и совсем немного значат для душевных ран. Ты же дал мне кое-что другое. Ты и твоя игрушка. Хоть ты и мучил меня во снах, но ты держал зеркало моей души и я видел себя и свою сущность. Ты хорошо видел мой последний сон, Варджазид?

— Вы были в лесу... На севере...

— Да.

— Вы охотились. Одного из ваших загонщиков ранил зверь, да?

— Продолжай.

— И вы оставили ее. Вы продолжили погоню за добычей, а потом, когда вернулись, было уже поздно, и вы обвинили себя в ее гибели. Я ощущал в вас чувство огромной вины, и чувствовал исходящую от вас силу.

— Да, — кивнул Деккерет. — Это вина, которую мне предстоит нести всю жизнь. И нельзя ничего сделать для нее теперь. — Поразительное спокойствие вдруг охватило его. Он ни в чем не был уверен, исключая то, что во сне он, наконец, встал лицом к лицу с событиями в Канторском лесу и взглянул на то, что он там сотворил и чего не сделал. Но понимая это, он не мог выразить словами, что глупо мучить себя всю жизнь за один беспечный поступок, и что наступил момент отбросить самобичевание и заняться делом. И теперь он простил себя. Он приехал в Сувраэль ради искупления, и каким-то образом получил его, за что должен был благодарить Варджазида.

— Возможно, я мог бы спасти ее, — продолжал он, — а возможно, и нет. Смерть есть смерть, да, Варджазид? И я должен служить не мертвым — живым. Едем. Разворачивай флотер, мы возвращаемся в Толигай.

— Но... а как же с вашим визитом на пастбища?

— Идиотское поручение. Недопоставки мяса! Вопрос уже решен. Так что, едем в Толигай.

— А там?

— Ты поедешь со мной в Замок-Горы, покажешь свою игрушку Венценосцу.

— Нет! — в ужасе выкрикнул Варджазид. Впервые с тех пор, как они познакомились, он по-настоящему перепугался. — Прошу вас...

— Отец? — окликнул его Динитак.

Под палящими лучами солнца парнишка здорово загорел, лицо его казалось совсем черным. И надменным.

— Отец, поезжай в Замок-Горы, пусть все увидят, что ты сделал.

Варджазид облизнул пересохшие губы.

— Я боюсь...

— Нечего бояться, наступает наше время.

Деккерет переводил взгляд с одного Варджазида на другого.

Старик внезапно оробел и как-то съежился, зато парень совершенно преобразился. Он чувствовал, что происходит историческое событие, перестановка могущественных сил, которые он едва понимал.

Варджазид сказал хрипло:

— А что будет со мной в Замке-Горы?

— Не знаю, — ответил Деккерет, — вполне возможно, что твою голову выставят на всеобщее обозрение на шпиле башни Властителя Симинэйва, а может быть, ты займешь место среди великих сил Маджипура. Случиться может все, что угодно, откуда мне знать? — он понимал, что ведет себя неосмотрительно, потому что ему была безразлична судьба Варджазида и он не испытывал ненависти к коротышке, а только какую-то порочную благодарность за то, что тот помог ему справиться с собой. — Все зависит от Венценосца. Но одно я знаю точно — ты едешь со мной со своей машиной. Все, разворачивай флотер!

— Но день еще не кончился, — сказал Варджазид, — еще слишком жарко.

— Ничего, выдержим. Едем, и побыстрее! Нужно успеть захватить в Толигае корабль. К тому же в городе есть женщина, с которой я хочу увидеться до отплытия.

12

Это произошло в юности того, кто стал впоследствии Властителем Деккеретом при Понтифексе Престимионе. И юный Динитак Варджазид стал первым повелителем Суврaэля и владыкой душ всех спящих Маджипура, именуемым отныне Королем Снов.

Это входило в укоренившуюся привычку. Душа Хиссайна была открыта для всего, а Счетчик Душ был ключом к безграничному миру нового восприятия. Он, один из жителей Лабиринта, получал особое ощущение мира, пусть немного неясное и нереальное, вроде названий на картах. Только мрак и закрытость Лабиринта имели сущность, все прочее — туман. Но в то же время Хиссайн теперь побывал на всех континентах, пробовал необычную пищу, видел жуткие пейзажи, испытывал холод и жару, и через все это он пришел к более всестороннему пониманию сложного окружающего мира, что, как он подозревал, имели очень немногие. Он возвращался и возвращался к Счетчику Душ, но больше не подделывал пропуск: он настолько часто бывал в архивах, что все лишь приветствовали его кивками и без слов пропускали внутрь, где в его распоряжении были миллионы "вчера" Маджипура. Часто он задерживался здесь всего на несколько минут, пока определял, что не найдет сегодня ничего нового, чтобы двигаться дальше по дороге знаний. Иногда с утра он в быстрой последовательности вызывал и обрывал по восемь, десять, пятнадцать записей. Разумеется, он знал, что каждая душа таит в себе целый мир, но не каждый такой мир одинаково интересен. Так он искал и искал душу, способную открыть для него что-то новое, и делал иной раз неожиданные находки и открытия, например, о человеке, полюбившем Меняющего Форму.

Излишество изгнало художника Териона Нисмайла из хрустальных городов Замка-Горы в мрачные леса западного континента. Всю жизнь он прожил среди чудес Горы, путешествуя, согласно требованиям своей профессии, по пятидесяти городам, и каждые несколько лет менял роскошь одного города на чудеса другого. Он родился в Дэндилмире, и на первых его полотнах запечатлелись сцены Сверкающей Долины, буйные и страстные от вложенного в них пыла юности. Затем он прожил несколько лет в поразительном Кэнзилэйне, городе Говорящих Статуй, потом во внушающем благоговение Сти, от одного предместья которого до противоположного было не меньше трех дней пути, побывал в Халанксе, расположившемся почти у окраины замка, и пять лет провел в самом замке, где создавал картины о придворной жизни Венценосца Трэйма. Его полотна высоко ценились за холодную сдержанность, изящество и совершенство форм, отражающих высшую степень совершенства пятидесяти городов. Но тем не менее, красота этих мест со временем перестала трогать душу и чувства художника, и когда Нисмай-

лу стукнуло сорок лет, он начал сравнивать совершенство с застоем, и не мог глядеть на свои самые знаменитые работы. Душа требовала непредсказуемости, преобразования.

Высшей критической точки, наибольшей глубины кризиса он достиг в садах Толингарского барьера, удивительном парке, раскинувшемся между Дэндилмиром и Стипулом. Венценосец заказал ему набор картин о садах, чтобы украсить беседку из ползучих растений, встроенную у края Замка. И Нисмайл услужливо проделал далекое путешествие вниз по склонам колоссальной Горы, прошел миль сорок по парку, выбирая подходящее место для работы, и установил мольберт на Казкаском мысе, где горизонтальная линия тянулась вдаль гигантскими зелеными, симметрично пульсирующими завитками. Он бывал здесь еще мальчишкой. На всем Маджипуре нельзя было найти места более безмятежного и опрятного. Толингарские сады составляли растения, росшие в удивительной чистоте и опрятности, руки садовников не касались их, чтобы постричь кусты и ветви, они сами росли в грациозной симметрии, регулируя промежутки между собой и подавляя всю близлежащую траву. Когда они роняли листья или считали необходимым избавиться от засохшей ветви, внутренние ферменты быстро разлагали сбрасываемый материал, превращая его в полезный компост. Этот сад основал Властитель Ховидбов более ста лет назад. Его преемники — Кэнэтэ и Властитель Сирран продолжили и расширили программу генетически управляемых преобразований, и уже в царстве Властителя Трэйма задумка была завершена — так окружающее, казалось, застыло в навечно прекрасном. Это было само совершенство, которое и решил запечатлеть Нисмайл.

Он стоял перед пустым холстом, глубоко и спокойно втягивая легкими воздух, как всегда, когда готовился войти в транс. А потом в одно мгновение дух его, отрешившись от грозящего сознания, впитал в себя тот единый миг уникальности видимой сцены психофизическим восприятием. Он обвел взглядом нежные холмы в зарослях кустарника с изящными иглами листвы, и волна бунтарской ярости захватила его. Он затрепетал, пошатнулся и чуть не упал. Этот замерший пейзаж, это место, чистое и прекрасное, этот непогрешимый и бесподобный сад — все это не нуждалось в нем. Все это само по себе было неизменным, как картина, так же безупречно застыв в своем невидимом ритме до конца времен. Как страшно! И как ненавистно! Нисмайл пошатнулся, прижав ладони к вискам. Он услышал тихий удивленный шепот сопровождающих, и когда открыл глаза, то увидел, что все в ужасе смотрят на почерневший, покрывшийся пузырями холст.

— Снимите! — закричал он и отвернулся. Все сразу пришло в движение, люди суетились, а в центре их группы замер Нисмайл, похожий на статую. Когда он вновь смог заговорить, то сказал спокойно:

— Передайте Властителю Трэйму, что я не смог исполнить его поручение.

За день он купил в Дэндилмире все необходимое и отправился в долгое путешествие вниз к обширным и жарким заливным лугам реки Иоайн, там сел на баржу и долго-долго плыл по медлительным водам Алэйсора, порта на западном побережье Альханроэля, откуда после недельного ожидания добрался кораблем до Ниминора — Острова Снов, где прожил месяц. Затем он устроился на корабль паломников, шедший в Пилиплок, город на диком материке Зимроэле. Он был убежден, что Зимроэль не будет угнетать ни изящной красотой, ни совершенством. Здесь насчитывалось всего восемь-девять городов, скорее всего небольших — и простые пограничные поселения, а все внутренние земли континента оставались дикими и малоисследованными, куда Властитель Стиамот переселил Метаморфов после их окончательного поражения четыре тысячи лет назад. Человек, уставший от цивилизации, мог бы восстановить душевные силы в таком окружении.

Нисмайл не питал иллюзий и ждал, что Пилиплок окажется грязной дырой, но к его удивлению город был древним и большим, выстроенным по невообразимо четкому математическому плану. Такого безобразия, никоим образом не освежающего душу, он не потерпел и двинулся на речной барже вверх по Зимру. Он оставил позади огромную Ни-Моуа, прославленную даже среди обитателей других материков, но в городе под названием Верф он, подчинившись порыву, покинул баржу, нанял фургон и отправился в леса на юге. Забравшись настолько глубоко в глухомань, что нигде не осталось и следа цивилизации, он поставил хижину возле быстрой темной речки; к тому времени прошло три года, как он покинул Замок-Горы. Всю поездку он держался особняком, заговаривая с другими только по необходимости, и не писал совсем.

Здесь он почувствовал, что постепенно начинает излечиваться. Все в окружающем мире казалось незнакомым и удивительным. В Замке-Горы с его управляемым климатом царствовала бесконечная весенняя свежесть, искусственный воздух был чистым и сухим, и дожди шли по заранее расписанным планам. Но теперь он находился в туманном и сыром дождливом лесу с губчатой и плодородной почвой, где деревья росли в такой хаотичной путанице, какой он не мог и представить, когда стоял у Толингарского барьера. Он но-

сил минимум одежды, методом проб и ошибок познавал, какие плоды, ягоды и коренья пригодны в пищу, придумал плетеную запруду, облегчившую ловлю гибких красных рыб. Часами бродил он по густым джунглям, смакуя не только необычную красоту, но и радость самих прогулок. Часто он пел громким срывающимся голосом, чего никогда не делал в Замке-Горы. Иногда он начинал было готовить холсты, но убирал их, так и не прикоснувшись; сочинял поэму с прочувствованными словами и пел ее стройным высоким деревьям, опутанным лианами. Правда, время от времени ему хотелось узнать, что происходит во дворе Властителя Трэйма и не нанял ли Венценосец другого живописца украшать беседку, но такие мысли приходили не часто.

Он утратил счет времени. Четыре, пять, возможно, шесть недель минуло — он не мог бы сказать — прежде чем он увидел первого Метаморфа.

Встреча произошла на болотистой лужайке в двух милях вверх по речке от его хижины. Нисмайл бродил там, собирая алые сочные луковицы земляных лилий, которые, как он недавно узнал, если размять и запечь, очень вкусны. Росли они глубоко, и он выкапывал их руками, извозившись в земле до плеч. Он поднял грязное лицо, вытаскивая набранную пригоршню луковиц, и заметил спокойно наблюдавшую за ним фигуру ярдах в десяти.

Он никогда не видел Метаморфов. Уроженцы Маджипура были навечно изгнаны со столичного континента Альханроэля, где провел свои детские годы Нисмайл. Но он знал, как они выглядели, и узнал это высокое, хрупкое, желтокожее существо, остролицее, с косящими внутрь глазами, еле заметным носом и волокнистыми, резинистыми волосами бледно-зеленого оттенка. На Метаморфе был лишь кожаный пояс с коротким острым кинжалом из какого-то отшлифованного черного дерева у бедра. С жутким достоинством Метаморф стоял, балансируя на хрупкой длинной ноге, обернув вокруг нее другую. Он выглядел зловещим и мягким одновременно, угрожающим и смешным. Подумав, Нисмайл решил не тревожиться.

— Привет, — сказал он. — А я луковицы собираю.

Метаморф не ответил.

— Я Терион Нисмайл, был художником в Замке-Горы. У меня тут хижина вниз по реке.

Так же молча Метаморф продолжал смотреть на него. На его лице промелькнуло странное выражение. Затем он повернулся и скользнул в джунгли, почти мгновенно растворившись в них.

Пожав плечами, Нисмайл продолжал выкапывать луковицы.

Через неделю-две он встретил второго Метаморфа (или, возможно, того же самого), на этот раз, когда сдирал кору с лианы, делая канат для ловушки на билатона. Метаморф безмолвно возник перед Нисмайлом, как призрак, и принялся созерцать его в том же одноногом положении, что и в прошлый раз. Нисмайл опять попытался вовлечь его в разговор, но, как и тогда, ничего не вышло, и загадочное существо вновь начало исчезать в лесу действительно подобно призраку.

— Подожди! — позвал Нисмайл. — Я хочу поговорить с тобой, я... — Но он уже остался один.

Несколько дней спустя, собирая дрова для костра, он снова почувствовал, что его пристально разглядывают. Он сразу заговорил:

— Я поймал билатона и испек его. Мяса больше, чем мне нужно. Может, разделишь со мной обед?

Метаморф улыбнулся, вернее, на лице его мелькнуло что-то вроде улыбки, хотя, это могло быть и что-то другое — и словно отвечая, вдруг превратился в зеркальное отражение самого Нисмайла, коренастого и мускулистого, с черными проницательными глазами и темными волосами до плеч. Нисмайл заморгал, задрожав, потом, узнав, улыбнулся, решив принять это как некую форму разговора, и сказал:

— Поразительно! Ни разу еще не видел. Идем, часа через полтора мясо будет готово, а мы пока поболтаем. Ты понимаешь наш язык? Или нет? — было очень необычно разговаривать со своим двойником. — Скажи что-нибудь? Тут есть где-то неподалеку ваше поселение? Пьюривер, — поправился он, вспомнив, как сами Метаморфы называют себя, — ваш поселок где-то здесь, в джунглях? — повторил Нисмайл, жестикулируя. — Пойдем к хижине, посидим у костра. У тебя нет вина? Единственное, чего мне недостает, так это доброго крепкого вина вроде того, что делают в Майдемаре. Ну скажи же хоть что-нибудь! — но Метаморф ответил лишь гримасой, возможно, означавшей усмешку, исказившей второе лицо Нисмайла, и превратив его в нечто неприятное и странное, после чего Меняющий Форму мгновенно вернулся в свой естественный облик и неторопливой плывущей походкой удалился.

Нисмайл надеялся, что он вернется с фляжкой вина, но в тот день больше его не видел. Любопытные существа, подумал он. Или их рассердило, что он поставил хижину на чужой территории, или они держат его под надзором из боязни, что он является авангардом человеческих переселенцев? Странно, но он совсем не боялся за себя, хотя в большинстве своем Метаморфы были недоброжелательными и чуждыми. Многочисленные повествования рассказывали о Метамор-

фах, о их набегах на приграничные поселения людей, о том, что народ Меняющих Форму таил ненависть к тем, кто захватил их мир, лишил их законных прав на планету и загнал в джунгли. Но Нисмайл знал себя как человека доброй воли, никогда не причинявшего вреда другим, желающего, чтобы его оставили в покое и позволили жить своей жизнью, и он воображал, будто какие-то неуловимые чувства дадут понять Метаморфам, что он им не враг. Он хотел стать им другом. Он истосковался по дружеской беседе после столь долгого одиночества, и хотел поделиться своими мыслями с этим необычным народом, он мог бы написать кого-нибудь из них. Позднее он снова подумал о возвращении к искусству, и испытал необычный душевный подъем. Несомненно, он отличался сейчас от того несчастного человека, каким был в Замке-Горы, и отличие это само по себе должно было сказаться на его творчестве. В течение последующих нескольких дней он репетировал речь, которую придумал, чтобы завоевать доверие Метаморфов. Со временем, рассуждал он, они могли стать друзьями, беседовать...

Но шли дни, а он не видел ни одного Метаморфа. Он бродил по лесу и не встречал никого. Он решил, что слишком торопил события и вспугнул их. Это его расстроило.

Однажды в сырой и теплый день через несколько недель после того, как он в последний раз видел Метаморфа, он купался в холодной и глубокой запруде, образованной естественными валунами в полумиле ниже хижины, когда заметил бледную стройную фигуру, быстро пробирающуюся сквозь густую беседку синелистого кустарника на берегу. Он выскочил из воды.

— Подожди! — закричал он. — Пожалуйста.. Не бойся!.. Не уходи!..

Фигура исчезла, но Нисмайл, бешено продираясь сквозь подлесок, снова увидел ее через несколько минут совершенно случайно у гигантского дерева с красной корой.

Пораженный, Нисмайл замер — это был человек, женщина. Стройная, юная и нагая. С густыми каштановыми волосами, узенькими плечами, небольшой высокой грудью, яркими глазами, она, казалось, совершенно не боялась его, лесовика, который слишком очевидно наслаждался полученной нежданной радостью встречи. Пока он собирался с мыслями, она неторопливо оглядела его и сказала со смехом:

— Какой ты исцарапанный! Разве ты не умеешь бегать по лесу?

— Я не хотел, чтобы ты ушла.

— Ну, далеко я бы не ушла... знаешь, я долго за тобой следила, пока ты меня заметил. Ты из хижины, правильно?

— Да-а, а ты? Где ты живешь?

— Здесь и там, повсюду, — прозвучал ответ. Он смотрел на нее в изумлении. Красота ее восхищала, бесстыдство потрясало. Ему подумалось, что она вполне может оказаться галлюцинацией. Откуда она взялась? Что делает одна обнаженная девушка в этих дебрях?

Девушка?

Конечно, нет, дошло до него с внезапной краткой горечью ребенка, жаждавшего во сне сокровища, обретшего его, и проснувшегося. Вспомнив, как легко Метаморф стал его отражением, Нисмайл понял, что это просто какая-то шалость, маскарад. Он пристально изучал ее, выискивая признаки Метаморфа: следы желтоватой кожи, острые выпирающие скулы, косящие глаза. Он выискивал эти следы на бесстыдно-веселом лице, но тщетно. Во всех отношениях она выглядела человеком. И тем не менее... Поскольку встретить здесь кого-нибудь из соплеменников было просто-напросто невероятно, а кого-нибудь из Пьюриверов вполне возможно, то...

Он не хотел верить в это, и решил воспринимать возможный обман сознательно и доверчиво, в надежде со временем больше поверить в то, кем она выглядела.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Сэрайс. А тебя?

— Нисмайл. Где ты живешь?

— В лесу.

— Значит, тут неподалеку поселок?

Она дернула плечом:

— Я живу одна. — Она подошла к нему. Он почувствовал, как напрягаются его мускулы по мере ее приближения. В животе что-то екнуло, кожу словно обожгло — и она легонько коснулась порезов от ветвей на его руках и груди. — Больно?

— Начинает болеть. Я их промою.

— Да, пожалуй. Давай, вернемся к запруде. Я знаю тропку получше той, по которой ты мчался, сломя голову. Иди за мной.

Она отошла в сторону, раздвинула лопухи густой заросли папоротников, открыв узкую, но хорошо утоптанную тропинку. Она грациозно рванулась вперед, и он побежал следом, восхищаясь легкостью ее движений, игрой мышц спины и ягодиц. Он нырнул в воду секундой позже нее, взметнув фонтаны брызг. Холодная вода успокоила саднящие царапины. Когда они вышли из воды, его властно потянуло привлечь ее к себе и обнять, но он не посмел. Они растянулись на поросшем мхом берегу. В глазах ее сверкало озорство, недоброе озорство.

— Моя хижина недалеко, — сказал он.

— Я знаю.

— Не хочешь заглянуть туда?

— В другой раз, Нисмайл.

— Хорошо, в другой так в другой.

— Откуда ты? — поинтересовалась она.

— Я родился близ Замка-Горы. Знаешь, где это? Я был придворным живописцем Венценосца, но не обычным — я пишу душой. Понимаешь, это... как бы переносишь душой картину на холст... я могу показать. Я смотрю на что-нибудь внутренним взором, проникаю в его суть и схватываю душу увиденного своим подсознанием, затем впадаю в транс, почти засыпаю, преобразую увиденное в что-то свое и переношу на холст. Он помолчал. — Это лучше видеть.

Она, кажется, почти не слушала его.

— Ты хочешь ко мне прикоснуться, Нисмайл?

— Да. Очень.

Густой и мягкий мох на ощупь напоминал толстый ковер. Она подкатилась к нему, и рука его нависла над ее телом, и тогда он заколебался: он был убежден, что она Метаморф и играет с ним в какую-то извращенную игру Меняющих Форму, и наследие тысячелетнего страха и ненависти поднялось в нем. Он страшился ее прикосновения, боялся найти ее кожу липкой и отвратительной, какой, по его мнению, должна быть кожа Метаморфов. Также он боялся, что она изменится, обернется чуждой тварью, когда будет покоиться в его объятиях. Глаза ее приблизились, губы раскрылись, язычок дразняще мелькнул за белыми зубами, как змеиный. — она ждала. В ужасе он заставил свою руку лечь на ее грудь. Кожа ее была теплой и упругой, чувственной плотью женщины-человека — насколько он смог узнать после стольких лет одиночества. С тихим вскриком она прижалась к нему. На один пугающий миг безобразный образ Метаморфа мелькнул в сознании — угловатый, длиннорукий, длинноногий, безносый, но он с силой отмел его прочь и, приподнявшись, лег и вдавился в ее сильное гибкое тело.

Долгое-долгое время спустя они лежали бок о бок, умиротворенные, сцепив руки и ничего не говоря. Даже когда пошел легкий грибной дождь, они не шевельнулись, позволяя быстрым острым каплям свежестью омывать свои тела. Наконец он открыл глаза и обнаружил, что она смотрит на него с сильным любопытством.

— Я хочу нарисовать тебя, — сказал он.

— Нет.

— Не сейчас. Завтра. Ты придешь ко мне в хижину, и...

— Нет.

— Я уже несколько лет не пробовал писать. Для меня очень важно начать сызнова. И я очень хочу написать тебя.

— А я очень этого не хочу, — ответила она.

— Пожалуйста!

— Нет, — повторила Сэрайс мягко, откатилась от него и встала. — Рисуй джунгли, запруду. Только не рисуй меня, Нисмайл, хорошо?

Неторопливым жестом он дал понять, что согласен.

— Теперь я пойду, — сказала она.

— Скажи, где ты живешь?

— Я уже говорила. Здесь и там. В лесу. Почему ты задаешь такие вопросы?

— Я не хочу терять тебя, а если ты исчезнешь, откуда мне знать, где искать тебя?

— Но я ведь знаю, где тебя найти, — засмеялась Сэрайс. — По-моему, этого хватит.

— Ты придешь завтра ко мне в хижину, да?

— Да.

Он взял ее за руку и потянул к себе. Но теперь уже колебалась она. Тайна ее стучала в висках. Она не сказала ничего, кроме своего имени. С трудом верилось, будто она, как и он, в одиночестве живет в джунглях и бродит по ним из прихоти, но он сомневался, что сумеет отыскать и указать ей несоответствие между ее словами и действительностью. И все-таки самое вероятное объяснение — она Метаморф, впутавшийся по непонятной причине в связь с человеком. Он всеми силами сопротивлялся этой мысли, но был слишком здравомыслящим, чтобы отвергнуть ее напрочь. С другой стороны, она выглядела как человек, чувствовала как человек, вела себя как человек. Неужели Метаморфы столь далеко заходят в своих перевоплощениях? Его тянуло спросить прямо, выложить свои подозрения, но это было просто глупо — она и так ничего не сказала, и ясно, что не ответит. И он оставил все вопросы при себе. Она мягко высвободила руку, улыбнулась, послала ему воздушный поцелуй и, шагнув к окаймляющим тропу папоротникам, исчезла из виду.

Весь следующий день Нисмайл прождал ее в хижине. Она не пришла, и это почти не удивило его. Встреча их казалось сном, фантазией, интермедией вне времени и пространства. Он даже не надеялся увидеть ее снова. К вечеру он достал из привезенного с собой мешка холст и натянул его, думая, что сможет запечатлеть открывавшийся из окна хижины вид, когда сумерки окрасят воздух. Он долго изучал пейзаж, проверил вертикаль стройных деревьев относительно тяжелой горизонтальности густых зарослей желтых ягодных кустов, и в конце концов покачал головой и убрал холст. Ничто в окружающем не нуждалось в перенесении на картину. Он решил утром подняться вверх по речке за луг к более обещающей сцене, где мясистые красносочные побеги торчали, как резиновые шипы из глубоких расщелин и скал.

Но утром нашелся предлог отложить поход, а днем показалось, что уже поздно. Тогда он принялся за работу в своем крошечном садике, куда он пересаживал некоторые кусты, чьи ягоды или зелень употребил в пищу, и провозился несколько часов. После полудня молочная мгла окутала лес. Он вошел в хижину, а через несколько минут в дверь постучали.

— Я надеялся, — сказал он ей.

Лоб и брови Сэрайс покрывали бусинки туманной влаги.

— Я обещала, — тихо сказала она, — и пришла.

— Вчера, — напомнил Нисмайл.

— Вот это — за вчерашний день, — она засмеялась и вытащила из-под одежды фляжку. — Ты любишь вино? Я нашла немного. Пришлось, правда, порядочно пройти, чтобы достать его. Вчера.

Это было молодое темное вино, щекотавшее искорками язык. Фляжка была без ярлыка, но Нисмайл полагал, что это какое-то вино, не известное в Замке-Горы. Они выпили все, причем, он выпил гораздо больше девушки — она наполнила его чашу снова и снова — и когда вино кончилось, они нетвердыми шагами вывалились наружу и занялись любовью на холодном и сыром берегу речки, после чего задремали.

В начале ночи она разбудила его и отвела в постель. Они провели на ней ночь, а утром она не выказала никакого желания уйти. Они сходили к запруде и начали день с купания, потом снова занимались любовью на толстом ковре из мхов, а после она провела его к древесному исполину с красной корой, где он впервые ее увидел, и показала гигантский желтый плод, упавший с одной из чудовищных ветвей. Нисмайл с сомнением оглядел его. Плод раскололся, показывая алую мякоть, усеянную большими поблескивающими черными зернами.

— Двикка, — сказала она. — Сейчас мы добудем питье. Она разделась и сложила в платье большие куски плода, которые они отнесли к хижине, где и позавтракали. Почти до полудня они пели и смеялись. На обед они нажарили рыбы, наловив ее в плетеной запруде Нисмайла, а позже, когда они лежали рука в руке, любуясь приходом ночи, она задавала тысячи вопросов о его прошлой жизни, о картинах, детстве, путешествиях, о Замке-Горы, о пятидесяти городах, Шестиречье, о дворе Венценосца Властителя Трэйма, о замке Венценосцев и его неисчислимых залах. Вопросы лились из нее нескончаемым потоком, новый обгонял предыдущий, пока Нисмайл еще отвечал. Любопытство ее было неистощимым и не давало ему возможности узнать что-нибудь о ней самой, да он и сам сомневался, что она ответит.

— Что мы будем делать завтра? — спросила она.

Так началась их связь. В первые дни они почти ничего не делали, только ели, пили, купались, занимались любовью да жевали опьяняющие кусочки плода двикки. Наконец он перестал бояться, что она исчезнет так же внезапно, как появилась. Поток ее вопросов иссяк, но сам он так и не решился расспросить ее.

Он никак не мог избавиться от навязчивой мысли, будто она Метаморф, и за лживой ее красотой таится чужое и безобразное лицо. Мысль эта особенно часто поражала его, когда он ласкал прохладные и свежие гладкие бедра или груди. Как он ни отбрасывал подозрения, они не покидали его. В этой части Зимроэля не было человеческих поселений, и казалось слишком невероятным, чтобы девушка — несмотря на все подозрения, она оставалась для него девушкой — избрала, как и сам он, жизнь отшельника. Гораздо более вероятно, думал Нисмайл, что она родилась здесь, что она одна из Меняющих Форму, которые скользят подобно призракам по этим сырым джунглям. Когда она засыпала, он иногда рассматривал ее в тусклом лунном свете, отыскивая места, где терялся человеческий облик, но ничего не мог найти — она оставалась человеком, и все равно он не мог избавиться от подозрений.

К тому же, не в характере Метаморфа было искать компании человека или выказывать к последнему дружелюбие. Для большинства людей Маджипура Метаморфы являлись призраками минувшей эпохи, нереальными и легендарными. Для чего кому-то из них нарушать его уединение, предлагать себя в убедительной подделке для любви, рьяно стараться расцветить ему день и ласкать ночью? Иной раз ему мерещилось, будто Сэрайс в темноте возвращается в свой естественный облик и, поднимаясь над ним спящим, вонзает сверкающий кинжал в горло, мстит за преступления его предков. Но он понимал, что подобные фантазии — дурость. Захоти Метаморфы убить его, им бы не потребовалось изобретать столь запутанные шарады.

Нелепо было верить, будто она Метаморф, и так же нелепо было не верить в это.

В конце концов, откинув все сомнения, он решил вновь вернуться к своему искусству, и в один необычно ясный и солнечный день он вытащил Сэрайс на скалу сочного красного цвета, прихватив пустой холст. Она зачарованно смотрела за его приготовлениями.

— Ты рисуешь только сознанием? — спросила она.

— Только им. Я фиксирую сцену в душе, преобразую и... Увидишь сама.

— А ничего, что я смотрю? Я ничего не испорчу?

— Конечно, нет.

— Но если еще чье-нибудь сознание вмешается?

— Этого не случится. Холсты настроены на меня. — Он посмотрел сбоку, поправил подрамник, отошел на несколько футов. В горле вдруг пересохло, руки дрожали. Прошло столько лет, сохранился ли у него этот дар? И техника? Он выровнял по прямой линии холст и коснулся его, пока предварительно, сознанием. Сцена была хорошей, живой и необычной, цвета сильно контрастировали между собой — превосходная композиция. Массивная скала с жутковатыми мясистыми растениями, на кончиках ветвей которых цвели крошечные желтые чашечки, испещренный солнечным светом лес — да, да, это поддается, это поможет перенести на холст суть окружающих густо переплетенных джунглей...

Он прикрыл глаза. Вошел в транс. И перенес картину на холст.

Сэрайс тихонько вскрикнула от удивления.

Нисмайл почувствовал, что весь покрыт потом. Он пошатнулся, с трудом сохраняя дыхание. Мгновение спустя он вновь обрел над собой контроль и взглянул на холст.

— Как красиво! — прошептала Сэрайс.

Но он был потрясен увиденным. Эти головокружительные линии, смазанные и полосатые цвета, тяжелое сильное небо, угрюмой петлей приклеенное к горизонту — ничего похожего на сцену, которую он хотел запечатлеть, и что гораздо тревожнее, ничего похожего на предыдущие работы Териона Нисмайла. Мрачная, болезненная картина, испорченная непреднамеренным диссонансом.

— Тебе не нравится? — удивилась Сэрайс.

— Я совсем не это пытался передать.

— Ну и что? Все равно, удивительно создавать так картины, тем более, такую прекрасную...

— По-твоему, она прекрасна?

— Конечно. А разве не так?

Он посмотрел на Сэрайс. Это? Прелестно? Что это лесть? Или у нее просто нет вкуса? Невежество? Неужели она искренне восхищается тем, что он сотворил? Этой необычной, мучительной картиной, мрачной и чуждой...

ЧУЖДОЙ!

— Тебе не нравится? — Она уже не спрашивала — утверждала.

— Я не писал около четырех лет. Наверное, нужно начинать медленно и постепенно.

— Это я испортила, — перебила Сэрайс.

— Ты? Глупости!

— Мое сознание вмешалось, мое видение вещей.

— Я ведь говорил тебе, что холсты настроены только на меня. Я могу стоять среди многотысячной толпы, и никому не удастся повлиять на мою работу.

— Но, может, я как-то отвлекаю тебя?

— Вздор!

— Я пойду, прогуляюсь, рисуй пока один.

— Не стоит. Пойдем-ка лучше домой, искупаемся, перекусим и еще кое-чем займемся, а?

Он снял с подставки холст и скатал его. Однако, слова ее подействовали на него сильнее, чем он сам признал бы. Несомненно, нечто странное вмешалось в создание картины. А вдруг это она каким-то образом испортила работу? Что, если скрытая душа Метаморфа наполнила своей сущностью его сознание, заставив воспринять чуждые цвета?..

Они молча шли вниз по течению реки, и когда добрались до луга земляных лилий, где Нисмайл встретил первого Метаморфа, он сболтнул, не подумав:

— Сэрайс, я хочу тебя кое о чем спросить.

— Да?

Теперь он уже не мог остановиться.

— Ты не человек, да? Ты действительно Метаморф?

Она уставилась на него, щеки ее заалели.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— Я — Метаморф? — она не очень убедительно рассмеялась. — Что за дикая мысль!

— Ответь мне, Сэрайс. Посмотри мне в глаза и ответь.

— Какая глупость, Терион.

— Пожалуйста, ответь.

— Ты хочешь, чтобы я доказала, что я человек? Но как?

— Я хочу, чтобы ты сказала мне, человек ты или что-то другое?

— Я человек, — сказала она.

— Я могу этому верить?

— Не знаю. Я тебе ответила. — Глаза ее весело блеснули. — Или я чувствую не как человек? Веду себя не по-человечески? Неужели я похожа на подделку?

— Может, я просто не могу подметить различий.

— Но с чего ты взял, будто я Метаморф?

— Только Метаморфы живут в здешних джунглях, — ответил он. — И логично... хотя, даже... — он сбился. — Ладно, я получил ответ. Дурацкий вопрос, и я дурак.

— Странный ты! Ты ведь должен рассердиться на меня. Ты ведь думаешь, что я испортила твою картину.

— Нет.

— Ты не умеешь лгать.

— Ну хорошо. Что-то испортило мою работу. Я не знаю, что. Я собиралась писать не это.

— Тогда напиши другую.

— Да. Позволь мне написать тебя.

— Я тебе уже говорила, я не хочу, чтобы меня рисовали.

— Мне это очень нужно. Мне необходимо увидеть свою душу, а я могу только так...

— Рисуй двикку, Терион, хижину.

— Но почему не тебя?

— Мне не хочется.

— Это не ответ. Что тут такого?

— Пожалуйста, Терион.

— Ты боишься, что я увижу тебя на холсте такой, какой ты себе не нравишься? Так? Или, что я получу иной ответ на вопрос, если напишу тебя?

— Пожалуйста.

— Позволь мне написать тебя.

— Нет.

— Но почему? Скажи, почему?

— Не могу, — ответила она.

— Тогда и отказать ты не можешь. — Он вытащил холст из мешка. — Здесь, на лугу, сейчас. Подойди, Сэрайс, встань у реки. Это быстро, всего минута...

— Нет, Терион.

— Если ты меня любишь, ты мне не откажешь.

Столь грубый шантаж потряс его самого и рассердил ее. Он заметил зловещий огонек в глазах девушки, какого никогда не замечал раньше. Она сказала холодно и ровно:

— Не здесь, Терион. У хижины. Рисуй меня там, если настаиваешь.

За весь оставшийся путь они не сказали ни слова. Он старался забыться. Ему казалось, что он вырвал ее согласие силой, будто изнасиловал ее, и почти желал отдать назад ее уступку. Но... не спеша подготовил холст.

— Где мне встать? — осведомилась она.

— Где хочешь. У речки, у хижины.

Вялой походкой она подошла к хижине, посмотрела на Нисмайла — тот кивнул и удрученно принялся прохаживаться перед холстом, готовясь войти в транс. Сэрайс сердито смотрела на него полными слез глазами.

— Я люблю тебя! — выкрикнул он вдруг и погрузился в транс; последнее, что он видел, прежде чем закрыть глаза, была Сэрайс, замершая возле хижины, но теперь она уже не казалась унылой — плечи ее расправились, глаза засверкали, вспыхнула улыбка. Когда он вновь открыл глаза, картина была готова, а девушка робко глядела на него из дверей хижины.

— Ну, как? — спросила она.

— Иди сюда, посмотрим вместе.

Она подошла. Они вместе стали рассматривать картину, а минуту спустя рука Нисмайла обняла плечи девушки. Она задрожала и крепко прижалась к нему.

На картине, на фоне зубчатых, хаотичных, сталкивающихся красных, оранжевых и розовых цветов была женщина с человеческими глазами, но ртом и носом Метаморфа.

Она спокойно сказала:

— Теперь ты узнал, что хотел.

— Значит, на лугу была ты? И в те два раза тоже?

— Да.

— Почему?

— Ты заинтересовал меня, Терион, и я захотела узнать о тебе побольше. Я никогда не видела таких, как ты.

— Я все равно не верю, — прошептал он.

Она кивнула на картину.

— Но этому ты веришь, Терион?

— Нет! Нет!

— Теперь ты получил ответ.

— Я знаю, ты человек! Картина лжет!

— Нет, Терион.

— Докажи! Изменись, изменись сейчас же! — он отпустил ее и чуть шагнул назад. — Давай!. Меняйся!

Она печально взглянула на него. Потом без какого-либо ощутимого перехода превратилась в его копию, как делала уже однажды. Нисмайл получил окончательный ответ. На щеке начала биться жилка. Он смотрел, не мигая, и она изменилась снова, превратившись на сей раз во что-то ужасное и чудовищное: кошмарный, испещренный оспинами серый шар с отвислой кожей, глазами-блюдцами и загнутым черным клювом. Потом она стала Метаморфом, повыше его, с полной грудной клеткой и невыразительными, почти начисто отсутствующими чертами лица. Потом она вновь стала Сэрайс: водопад каштановых волос, изящные руки, стройные ноги, сильные бедра.

— Нет, — воспротивился он. — Нет, и не надо больше подделок.

Она вновь превратилась в Метаморфа. Нисмайл кивнул.

— Да, так лучше. Оставайся такой, это гораздо красивее.

— Красивее, Терион?

— Для меня ты красива и такая, настоящая. Обман всегда отвратителен.

Он потянулся к ее руке, на ней оказалось шесть пальцев, очень длинных и узких, без ногтей и суставов, кожа была молочной и чуть глянцеватой — и все. Он ожидал большего.

Он провел рукой по ее стройному, практически бесплотному телу. Она стояла, не шевелясь.

— Теперь я уйду, — сказала она наконец.

— Останься. Живи со мной.

— Даже теперь?

— Даже теперь. В своем настоящем облике.

— Ты действительно хочешь?

— Да, да, — кивнул он. — Останься.

— Когда я в первый раз пришла к тебе — сказала она, — я хотела не только узнать тебя, но и вредить. Ты наш враг, Терион. И род твой навсегда останется нашим врагом. Но когда мы стали жить вместе, я больше не могла найти причины, чтобы ненавидеть тебя. Тебя! Ты особенный, понимаешь?

Это голос Сэрайс шел из чужих уст. Как странно, мелькнуло у него в голове, как похоже на сон.

— И я захотела остаться с тобой, — продолжала она. — И играть свою роль вечно. Но игра окончилась, и все равно я хочу остаться с тобой.

— Тогда останься, Сэрайс.

— Только если ты действительно этого хочешь.

— Я сказал тебе, да.

— Я не страшу тебя?

— Нет.

— Нарисуй меня еще раз, Терион, покажи мне любовь в своей картине, тогда я останусь.

Он рисовал ее день за днем, пока не кончились холсты, и развешивал картины в хижине: Сэрайс у двикки, Сэрайс на лугу, Сэрайс в молочном вечернем тумане. У него не было возможности готовить новые холсты, хотя он и пытался. Они ходили в дальние походы, и она показывала ему новые деревья и цветы, животных джунглей, зубастых ящериц и зарывающихся в землю золотых червей, зловещих и неуклюжих аморфобсов, спящих днем в грязных мутных озерцах. Они мало разговаривали друг с другом — время ответов на вопросы миновало, и слова больше не были нужны.

День шел за днем, неделя за неделей, здесь в нескончаемом лете, трудно подсчитать время. Может быть, прошел месяц, шесть. Они никого не встречали. В джунглях было полно Метаморфов по ее словам, но те держались где-то поодаль, и он надеялся, что они оставят их в покое навсегда.

Однажды под мелким моросящим дождем он отправился проверить ловушки, и когда через час вернулся, то понял, что произошло что-то страшное. Едва он приблизился, из хижины выскочили четверо Метаморфов. Он чувствовал, что один из них Сэрайс, но не мог сказать, какой.

— Подождите! — закричал он, когда они проходили мимо, и побежал следом. — Что вы от нее хотите? Куда вы ее уводите?

На какую-то долю секунды один из Метаморфов заколебался, и Нисмайл увидел девушку с каштановыми волосами, но лишь на мгновение, и снова четверо Метаморфов скользнули призраками в глубину джунглей. Дождь разошелся сильней, высыпала тяжелая туманная мгла, отрезав видимость. Нисмайл замер на краю еще чистого пространства, крича сквозь дождь и шум реки. Ему почудилось, что он услышал плач, но могли быть и звуки джунглей. Преследовать Метаморфов в густом белом тумане было просто невозможно.

Больше он никогда не видел ни Сэрайс, ни какого-либо другого Метаморфа. Одиночество теперь было совсем нестерпимым, и одно время он даже надеялся, что пьюриверы нападут на него в лесу и убьют своими короткими отполированными кинжалами. Но ничего подобного не происходило. И когда стало ясно, что живет он теперь в своего рода карантинной зоне, отрезанной не только от Сэрайс — если она еще была жива, — но вообще от всех Метаморфов, он не мог больше оставаться здесь. Он собрал картины с изображением Сэрайс, заботливо закрыл хижину и пустился в долгое и опасное путешествие-возвращение к цивилизации.

Оставались недели до его пятидесятилетия, когда он добрался до Замка-Горы. За время его отсутствия, как он узнал, Властитель Трэйм сделался Понтифексом, а новым Венценосцем стал Властитель Вилдивар, питавший мало симпатий к искусствам. Нисмайл снял студию на набережной в Сти и снова занялся живописью. Работал он только по памяти, создавал мрачные и тревожные сцены из жизни джунглей, где часто таились в засадах Метаморфы. Подобные работы были не всем по душе в бодром и веселом мире Маджипура, и поначалу у Нисмайла было всего несколько покупателей. Однако, со временем его работы попали к Герцогу Камрайну, который начал уставать от солнечной безмятежности и совершенства местных живописцев. Благодаря покровительству Герцога, картины Нисмайла вошли в моду, и в последующие годы его жизни всегда был рынок, готовый принять любую его работу.

Ему подражали очень многие, но никогда — удачно. О нем писались многочисленные эссе и биографии.

"Ваши картины такие буйные, непокорные и необычные, — сказал ему один школяр. — Вы придумали какой-то новый способ работы?"

— Я работаю только по памяти, — объяснил Нисмайл.

— Наверное, больно вспоминать такое?

— Не совсем, — ответил Нисмайл. — Все мои работы предназначены для того, чтобы помочь мне заново познать радость жизни, время любви, время счастья и радостей самых драгоценных дней в моей жизни. — Он смотрел сквозь школяра в дальние туманы, густые и мягкие, как шерсть, которые окутывали заросли высоких стройных деревьев, окруженных перепутанной сетью лиан.

ВОРОВКА В НИ-МОУА

К концу седьмого года вторичного воцарения на престоле Властителя Валентайна — Лабиринта достигла весть, что Венценосец скоро прибудет с визитом — весть, заставившая сердце Хиссайна забиться сильнее. Увидит ли он Венценосца? Вспомнит ли о нем Властитель Валентайн? Один раз Венценосец вызвал его в Замок-Горы, когда состоялась его вторая коронация, конечно же, он помнит кое-что о мальчишке, который...

А может быть, и нет, решил Хиссайн. Возбуждение спало, он вновь вернул себе холодный самоконтроль. Конечно, если он, что совершенно невероятно, попадется на глаза Венценосцу, то тот вспомнит его, но чтобы сам Властитель Валентайн поинтересовался им — такое вообще сверхъестественно. Скорее всего, Венценосец спустится вниз, а затем покинет Лабиринт, никого не увидев, кроме Понтифекса. Говорили, что он устраивает грандиозное шествие к Алэйсору, а потом к Острову Снов (хочет повидаться с матерью), и обязательно остановится в Лабиринте в такой поездке. Но Хиссайн догадывался, что Венценосцу вовсе не по душе Лабиринт, встретивший его так неприветливо, когда он вновь поднимался в свой замок. И знал, что Понтифекс Тупверас скорее мертвый, чем живой, не способный уже разговаривать, потерявшийся в непроницаемых снах внутри кокона, поддерживавшего его существование. Он скорее символ, чем человек, который должен был быть похоронен много лет назад, но тлеющему в нем огоньку жизни не давали угаснуть, чтобы продлить царствование Властителя Валентайна. Что, по мнению Хиссайна, было хорошо не только для Венценосца, но и для всего Маджипура. Но это уже не его ума дело.

Он вернулся к Счетчику Душ, продолжая лениво размышлять над грядущим визитом Венценосца, и так же лениво вытянул новую запись из записей горожан Ни-Моуа. Казалось, она ничего не обещает, и Хиссайн чуть было не сунул ее обратно, но тут ему захотелось просто посмотреть великий город другого континента. Ради Ни-Моуа он позво-

лил жизни маленькой лавочницы поглотить себя, и скоро уже не жалел об этом.

1

Мать Иньянны, как и бабушка, содержала в лавку в Велатхусе, и, было похоже, что такая же судьба уготована и ей. Ни мать, ни бабушка не обижались на такую жизнь, но Иньянна — ей исполнилось девятнадцать и она была единственной наследницей — чувствовала, что лавка слишком тяжелое бремя для ее плеч, невыносимо давящий горб. Она часто подумывала продать ее и попытать счастья в каком-нибудь городе подальше отсюда: в Пилиплоке, Пидрайде или даже в величественной столице провинции Ни-Моуа далеко на севере, о которой говорили, будто она превосходит всякое воображение. Того, кто ее не видел.

Но времена были скучные, дела шли не очень, и Иньянне пока не попадались охотники приобрести ее лавку, а кроме того, Велатхус, пусть даже и опостылевший, был родиной для многих поколений ее семьи, и покинуть его просто так было нелегко. Каждое утро она подымалась с рассветом, выходила на маленькую, облицованную камнем террасу и умывалась в каменном чане с дождевой водой, которую специально собирала и хранила для купанья, потом одевалась, завтракала сушеной рыбой с вином, спускалась по лестнице и открывала лавку.

Торговала она самыми обыденными товарами: застежками для одежды, глиняными горшками с южного побережья, бочонками с пряностями и прессованными фруктами, кувшинами с вином, острыми ножовками Нарабала и дорогостоящими вырезками мяса морских драконов, сверкающими изящными фонариками, сделанными в Нарабале, и многим подобным. Помимо ее лавки, в Велатхусе было еще десяток точно таких же, и ни одна особо не процветала. После смерти матери Иньянне приходилось разбираться в счетах, изобретательно управляться с покупателями, мыть полы и полировать прилавки, заполнять правительственные бланки и разрешения на торговлю — и она устала от всего этого. Но что толку? Она была ничем не примечательной девушкой в ничем не примечательном дождливом пригорном городке, и никогда по-настоящему не уповала на какие-либо перемены в ближайшем будущем, да и позже.

Покупателей-людей было немного. За десятилетия этот район Велатхуса заполнили хджорты и лимены... и Метаморфы, поскольку Пьюрифэйн — резервация Метаморфов — находилась сразу за горной цепью на север от города и значи-

тельное число Меняющих Форму просачивалось в город. Она считала все само собой разумеющимся и неизбежным, даже Метаморфов, обычно больше всего заставляющих тревожиться. Лишь об одном сожалела Иньянна, что мало видела среди покупателей своих соплеменников, и потому, хоть и была высокой, стройной и привлекательной, выглядевшей чуть ли не мальчишкой, с вьющимися рыжеватыми волосами и поразительно зелеными глазами, она с трудом находила любовников, и никогда не встречала кого-нибудь, с кем могла бы разделить жизнь.

Однажды после полуденного дождя в лавку вошли два путника, первые покупатели за весь день. Один был невысоким и толстым — этакий огрызок человека, зато второй — бледным, тощим и длинным, с костлявым лицом, угловатым и бугристым, похожий на некую горную тварь. Оба носили тяжелые белые туники с ярко-оранжевыми кушаками, а покрой одежды наводил на мысль о больших городах севера. Они оглядели помещение быстрыми презрительными взглядами так, что было видно, — они привыкли к иному уровню торговли. Потом коротышка осведомился:

— Вы Иньянна Форлэйн?

— Я.

Он спросил по бумажке, которую держал в руке.

— Дочь Форлэйн Хаурон, дочери Хаурон Иньянны?

— Вы правы. Могу я спросить...

— Наконец-то! — воскликнул длинный. — Наконец этот давний след привел куда надо! Знали бы вы, сколько мы вас искали! Пришлось рекой подниматься до Кантора, потом огибать Дэлорн, перебираться через проклятые Горы — тут когда-нибудь бывают солнечные дни? — а потом ходить из дома в дом, от лавки к лавке по всему Велатхусу. И расспросы, расспросы...

— Вы меня искали?

— Если сумеете удостоверить свое происхождение, то вас.

Иньянна пожала плечами.

— У меня есть документы. Но какое у вас дело?

— Давайте познакомимся, — сказал коротышка, — я Безан Ормус, а моего товарища зовут Стойг. Мы официалы в штате Понтифекса Тупвераса из бюро по наследству в Ни-Моуа. — Из богатого отделанного кошелька Безан Ормус достал связку бумаг, целеустремленно перебрал их и продолжал: — Ваша бабушка была старшей сестрой некой Сэлин Иньянны, которая на двадцать третий год Понтифекса Кинникена при Венценосце Властителе Оссере поселилась в городе Ни-Моуа, где вышла замуж за Хелмиота Кавона, третьего двоюродного брата Герцога.

Иньянна в изумлении смотрела на них.

— Я ничего не знаю об этом.

— Ничего удивительного, — кивнул Стойг. — Это было несколько поколений назад. Сомневаюсь, чтобы обе ветви вашей семьи поддерживали связь, принимая во внимание разделявшее их богатство.

— Бабушка никогда не упоминала ни о каких богатых родственниках в Ни-Моуа, — заметила Иньянна.

Безан Ормус откашлялся и порылся в бумагах.

— Вполне возможно. У Хелмиота Кавона и Сэлин Иньянны родилось трое детей. Старшая девочка, унаследовала семейное состояние. Она погибла в результате несчастного случая на охоте довольно молодой, и богатство перешло к ее единственному сыну Кавону Диламэйну, бездетному и умершему в десятый год Понтифекса Тувераса, то есть десять лет назад. С той поры, пока велись поиски наследников, имущество оставалось без хозяина. Три года...

— Выходит, я наследница?

— Ну да, — вежливо подтвердил Стойг, широко улыбаясь.

Иньянна, давно понявшая, куда клонится разговор, тем не менее, поразилась. Ноги вдруг задрожали, губы и рот пересохли, сбитая с толку, она нечаянно смахнула на пол дорогую вазу, сделанную в Альханроэле. Смутившись, она взяла себя в руки и сказала:

— И что же мне предстоит наследовать?

— Огромный дом под названием Ниссиморн Проспект на северном берегу Зимра в Ни-Моуа и три поместья в долине Стейши, которые сданы в аренду и приносят прибыль, — ответил Стойг.

— Мы вас поздравляем, — сказал Безан Ормус.

— И я вас поздравляю, — откликнулась Иньянна, — с успехом девятилетних поисков, благодарю вас. А сейчас, если вы не хотите чего-нибудь купить, прошу вас пройти со мной и показать ваши бумаги, свидетельства и...

— Вы скептик, — заметил Безан Ормус, — но все правильно. Мы явились с фантастической историей, и вы вправе отнестись к нашему рассказу с недоверием. Но смотрите, — мы из Ни-Моуа. Неужели бы мы потащились за тысячи миль в Велатхус пошутить с лавочницей? Теперь взгляните сюда. — Он развернул связку бумаг и протянул Иньянне. Она приняла их подрагивающими руками и осмотрела. Картина большого особняка и подборка документов о наследстве и генеалогии, бумаги с печатью Понтифекса и вписанным в них ее именем...

Она смотрела, ошеломленная.

Потом спросила слабым голосом:

— Что я должна теперь делать?

— Порядок совершенно обычный, — вам следует написать и зарегистрировать письменное показание под присягой, что вы действительно Иньянна Форлэйн, а также подписать обязательство на уплату налога с имущества с накопленных доходов, раз уж вы вступаете во владение. Еще вы должны уплатить гонорар за регистрацию вашего вступления во владение наследством. Если хотите, можем помочь.

— Гонорар за регистрацию?

— О, всего несколько ройялов.

— Я могу их выплатить из доходов с полученного имущества?

— К сожалению, нет, — покачал головой Безан Ормус. — Деньги необходимо уплатить до того, как вы вступите во владение наследством, и, разумеется, вы не получите доступа к доходам с поместий до тех пор, пока не зарегистрируете официально свои права, так что...

— Формальность, конечно, досадная, — перебил его Стойг, — но пустячная, если смотреть в будущее.

2

Все говорили, что гонорар за регистрацию составит двадцать ройялов. Для Иньянны это была огромная сумма, почти все ее сбережения, но просмотр документации показал, что один только доход с ферм составляет девятьсот ройялов в год, а ведь еще были другие доходы — с особняка, капитала...

Безан Ормус и Стойг оказывали неоценимую помощь в оформлении всех формальностей. Весь день они просидели в маленькой конторке, приводя в порядок ее дела, скрепляя документы производящей впечатления печатью Понтифекса. Потом она пригласила их отпраздновать событие в таверне у подножия холмов несколькими флягами вина. Там Стойг настойчиво отталкивал руку Иньянны, желая расплачиваться сам. Они наслаждались отменным вином из Пидрайда по полкроны за фляжку. Иньянна поражалась его расточительности — сама она обычно пила вино намного дешевле, — но потом вспоминала о грядущем богатстве, и когда фляжка опустела, заказала еще одну.

В переполненной таверне сидели в основном хджорты и лимены, было несколько скандаров, и чиновники с севера выглядели несколько непривычно среди всех этих не людей. Время от времени, то один, то второй зажимали носы, будто их беспокоил запах чужаков. Иньянна старалась их развеселить разговором о том, как она благодарна, что они разыскали ее в этом забытом Дивине Велатхусе.

— Но ведь это наша работа, — протестовал Безан Ормус. — В этом мире мы служим Дивине, внося свою лепту в хитросплетения жизни. Закон и справедливость требуют, чтобы владелец вступил во владение особняком и принадлежащими ему землями. На нас лишь пала приятная обязанность исполнить это.

— Все верно, — согласилась Иньянна, подливая в бокалы вина и чуть ли не кокетливо подавая их то одному, то другому. — Но ради меня вы перенесли тяготы большого путешествия, и я всегда буду вам обязана. Я закажу еще фляжку?

Было совсем темно, когда они наконец покинули таверну. В свете висевших на небе лун горный хребет, опоясывающий город, вернее, вытянутые клыки великого Конгарского кольца, казались зубчатыми колоннами черного льда в холодном блеске. Иньянна показала гостям ночлежку, притулившуюся с краю площади Деккерета, и в винном опьянении даже пригласила их к себе на ночлег. Но те, очевидно, не стремились к этому, и они распрощались.

Чуть пошатываясь, она поднялась к своему дому и вышла на террасу подышать ночным воздухом. В голове били молоточки. Слишком много вина, слишком много болтовни, слишком много неожиданных вестей. Она смотрела на свой городок, обводя его взглядом. На эти небольшие с оштукатуренными стенами домишки, крытые черепицей, парочку обтрепанных парковых полос, несколько площадей и особняков, на Герцогский ветхий дворец, примыкавший к городу с востока, на дорогу, поясом окружавшую город — она видела все это с холма над склонами Велатхуса. Прощай! Теперь в ее жизнь вторглось чудо, и казалось нестерпимым провести здесь хоть один лишний час, когда ждет сияющая Ни-Моуа... Ни-Моуа! Ни-Моуа!

Спала она беспокойно и урывками...

Утром встретилась с Безаном Ормусом и Стойгом в нотариальной конторе позади банка и вытрясла из своего кошелька полновесные ройялы, большей частью старые, некоторые очень старые, с изображениями Кинникена, Тимина, Оссера и даже времен царствия великого Конфалума. Взамен ей выдали один лист бумаги: расписку, извещавшую об уплате двадцати ройялов, которые официалы Безан Ормус и Стойг обязались уплатить за регистрацию передачи наследства. Ей объяснили, что все остальные документы пока останутся у них для утверждения старшим Управляющим службы Понтифекса, для того, чтобы они обрели силу. Но сама она может отправляться в Ни-Моуа и вступать во владение имуществом.

— Приглашаю вас в гости, — величаво сказала Иньянна, — в свои поместья, когда вы захотите.

— О, нет, — мягко произнес Безан Ормус. — Едва ли стоит таким, как мы, надоедать мистрисс из Ниссимор Проспект. Но мы понимаем ваши чувства и благодарим за приглашение.

Иньянна пригласила их отобедать, но Стойг ответил, что им необходимо ехать, работа не ждет, нужно разыскать еще других наследников в Нарабале, Тил-Омоне и Пидрайде. Пройдет много месяцев, прежде чем они увидят своих родных в Ни-Моуа. И это означает, спросила она, вдруг встревожившись, что регистрация о передачи наследства не произойдет, пока они не завершат свою поездку?

— Не совсем так, — объяснил Стойг. — Мы сегодня же ночью отправим ваши бумаги с посыльным в Ни-Моуа. Там все сделают. Вам дадут знать из нашего Бюро... Ну, скажем недель через семь-девять.

Она проводила их до гостиницы и подождала снаружи, пока они соберутся, потом смотрела, как они усаживаются во флотер, и махала вслед, стоя посреди улицы, пока они ехали к шоссе, ведущему на юго-западное побережье. Затем снова открыла лавку.

В полдень заглянули двое покупателей, один приобрел на восемь весов гвоздей, другой попросил три ярда искусственного атласа по шестьдесят весов за ярд, так что, доход за весь день не принес и двух крон. Ну и что? Скоро она будет богатой.

Прошел месяц, вести из Ни-Моуа не приходили. Потом еще месяц такого же молчания.

Терпение, державшее Иньянну в Велатхусе девятнадцать лет, было терпением безнадежности и неизбежности. Но теперь ей грозили большие перемены, и терпения у нее не осталось. Она нервничала, металась, делала пометки в календаре.

Лето, с практически ежедневными дождями, подошло к концу, и началась сухая живительная осень, когда листья деревьев огненно сверкают в подножиях холмов. И ни одной весточки. Из Ни-Моуа ни слова. Иньянна вспомнила о двадцати ройялах, и страх постепенно начал примешиваться к раздражению в се душе. Она отметила свое двадцатилетие в одиночестве, немного выпив кислого вина и воображая, как бы повеселилась в такой день в Ниссимор Проспект. Почему же нет ответа? Несомненно, Безан Ормус и Стойг, как и обещали, послали документы в службу Понтифекса и, видимо, бумаги ее пылятся в чьем-то столе, дожидаясь своей очереди.

В конце концов, накануне дня зимы Иньянна решила отправиться в Ни-Моуа и лично заняться своими делами.

На поездку требовались немалые деньги, а у нее осталось лишь небольшое количество из ее сбережений. Ей пришлось взять деньги под залог своей лавки у семейства хджортов. Десять ройялов. Сошлись на том, что хджорты будут торговать ее товарами, но выручку брать себе, если же доходы покроют долг прежде, чем она вернется, они будут продолжать торговать от ее имени и выплатят впоследствии арендную плату. Договор удовлетворил, в основном, хджортов, но Иньянну это не заботило. Она знала, только никому не говорила, что больше никогда не увидит ни лавки, ни этих хджортов, ни самого Велатхуса. Ее заботило лишь одно — добраться до Ни-Моуа.

Путешествие было немаленькое. Самый короткий путь от Велатхуса до Ни-Моуа лежал через Пьюрифэйн — земли Меняющих Форму, а соваться туда было опасно и опрометчиво. Иньянне пришлось воспользоваться длинным кружным путем на запад через проход Стиамота, затем необходимо было подняться по длинной и широкой долине, так называемой Дэлорнской трещине, со стенами в милю высотой.

Но в Дэлорне она провела всего полдня, пока садились новые пассажиры, а флотер готовился к следующему этапу путешествия. И, день спустя, когда они миновали леса между Дэлорном и Мазадоном, она вдруг поняла, что не уверена, видела ли Дэлорн на самом деле или во сне.

С той поры удивительное окружало ее постоянно: места с багряным воздухом и деревьями выше холмов, заросли поющих папоротников. Потом потянулась длинная вереница скучных не отличимых друг от друга городов: Кунтион, Мазадон, Тагобар... Пассажиры садились и выходили, водители флотера менялись, примерно, каждые девятьсот миль, и только Иньянна, девочка из захолустного городка, продолжала ехать, разглядывая мир с замирающим сердцем. Изредка попадались гейзеры, горячие озера и прочие терминальные чудеса, и, наконец показался город в центре континента, огромный город Кантор, от которого по реке был прямой путь до Ни-Моуа. Зимр напоминал море, потому что с одного его берега было просто невозможно разглядеть другой невооруженным глазом. Иньянна знала только горные речки, быстрые и узкие, и они не подготовили ее к огромной извивающейся массе темной воды, которая была Зимром.

По груди этого монстра Иньянна плыла теперь недели, минуя Верф, и Стрэйн, и Лагомэнфикс и еще пятьдесят городов, чьи названия ей ни о чем не говорили. Баржа стала для нее целым миром. В долине Зимра времена года почти не отличались друг от друга, и легко было потерять

ощущение уходящего времени. Казалось, стоит весна, хотя она знала, что должно быть лето, и позднее лето, поскольку в путешествие она пустилась более полугода назад. Возможно, поездка никогда не кончится, возможно, самой судьбой ей назначено ехать с места на место, ничего не испытывая и приближаясь к бесконечности. Все было хорошо. Она стала забывать себя. Где-то вдали осталась ее лавка, молодая женщина Иньянна Форлэйн — все растворилось в нескончаемом движении.

Но однажды в каком-то сотом из новых городов начали проглядываться берега Зимра, а потом на борту баржи сделалось оживление, и все бросились к поручням, вглядываясь в туманную даль. До Иньянны доносилось бормотание: "Ни-Моуа, Ни-Моуа!.." И она поняла, что ее путешествие подошло к концу.

3

У нее хватило сметки понять, что оценить Ни-Моуа в первый же день все равно, что считать звезды. Это была столица провинции в двадцать раз больше Велатхуса, раскинувшаяся по обоим берегам необъятного Зимра, и она чувствовала, что можно прожить здесь всю жизнь и все равно не обойтись без карты. Очень хорошо. Она решительно запретила себе восхищаться чрезмерностью всего увиденного. Она завоюет город постепенно, шаг за шагом, а этим хладнокровным решением начнется ее преображение в настоящую уроженку Ни-Моуа.

Но как бы там ни было, предстояло еще сделать первый шаг. Баржа причалила, кажется, к южному берегу Зимра. Подхватив небольшой чемоданчик, Иньянна смотрела на колоссальную поверхность воды — Зимр здесь разбухал от впадения нескольких больших притоков и —она видела как бы несколько городов на берегу. Какой из них — Ни-Моуа? Где находится представительство Понтифекса? Как ей отыскать свои поместья и особняк? Светящиеся знаки указывали на паромы, но пункты их назначения ничего ей не говорили: Гимбелия, Истмоу, Стрилэйн и Набережная Виста. В конце концов она решила, что это пригороды или... районы, потому что не было ни одного знака, указывающего на паром до Ни-Моуа.

— Заблудились? — произнес тонкий ехидный голос.

Иньянна обернулась и увидела девушку года на два-три моложе ее самой с измаранным лицом и волосами, причудливо окрашенными в лавандовый цвет. Гордость, или скорее, застенчивость слишком явно принять чужую помощь заста-

вила Иньянну резко покачать головой и отвернуться с заалевшими щеками.

— За окном билетной кассы справочное, — сказала девушка и исчезла в толпе спешивших на паромы пассажиров.

Иньянна влилась в очередь к справочному и, постояв немного, добралась до кабинки, где нажала контакт.

— Справочное, — раздался голос.

— Представительство Понтифекса, Бюро по наследованию, — сказала Иньянна.

— Такое Бюро не зарегистрировано.

Иньянна нахмурилась.

— Тогда представительство службы Понтифекса.

— 653, Прогулочная Родамантская, Стрилэйн.

Немного встревожившись, она купила билет на паром до Стрилэйна — крона, двадцать весов. У нее осталось ровно два ройяла, которых, возможно, хватит прожить недели две в столь дорогом городе. А после? Ты наследница, сказала она себе, и поднялась на борт парома. Но все равно ее не покидало чувство тревожного удивления — почему не значится в списке справочного — Бюро по наследству?

Был полдень. Паром, дав гудок, спокойно скользнул от пирса. Иньянна вцепилась в поручень, всматриваясь в удивительный город на противоположном берегу, где здания сияющими белыми башнями с плоскими крышами поднимались этажами к краю нежно-зеленеющих холмов на севере. Карта была вмонтирована в опору возле трапа на нижнюю палубу. Иньянна внимательно изучала ее: Стрилэйн оказался центральным районом, начинавшимся от пристани парома, которая и называлась Ниссимор. Люди Понтифекса говорили, что ее владения находятся на северном берегу, следовательно, это должно быть в самом Стрилэйне, где-нибудь в парковой зоне Набережной к северо-востоку. Гимбелия была западным поместьем, отделенным от Стрилэйна многочисленными мостами через приток Зимра. Истмоу располагался на востоке. С юга текла река Стейша, такая же широкая, как сам Зимр, и города по ее берегам назывались...

— В первый раз здесь? — это снова была девушка с лавандовыми волосами.

Иньянна нервно улыбнулась.

— Да. Я из Велатхуса, провинция...

— Ты, кажется, меня боишься?

— Я? С чего бы?

— Не знаю. Я не кусаюсь и даже не собираюсь тебя облапошить. Зовут меня Лилэйв, я воровка на большом базаре.

— Кто?

— Вполне законная профессия. И уважаемая. Правда, патент нам не дают, но и сильно не мешают, и у нас все как

в настоящей гильдии. Я сейчас из Лэгомэндина, толкала похеренные шмотки своему дяде. Ты мне почему-то понравилась. Я что, выгляжу слишком распущенной?

— Нет, — улыбнулась Иньянна. — Просто, я долго ехала одна, и, наверное, разучилась разговаривать с людьми. — Она заставила себя улыбнуться еще раз. — Ты в самом деле воровка?

— Да, но не карманник. Слушай, ты так взволнована! Как тебя зовут?

— Иньянна Форлэйн.

— Хм, у меня раньше не было знакомых Иньянн. И ты проделала весь путь от Велатхуса до Ни-Моуа? Зачем?

— Получить наследство, — объяснила Иньянна. — Имущество сына бабушкиной сестры. Особняк Ниссимор Проспект на северном...

Лилэйв хихикнула. Она попыталась сгладить это, и щеки ее надулись, тогда она закашлялась, прикрывая рот рукой и трясясь от смеха. Правда, она быстро взяла себя в руки и выражение откровенного веселья на ее лице сменилось нежной жалостью.

— Значит, ты из семьи Герцога? Я приношу свои извинения, госпожа, за столь вольное обращение к вам.

— Семьи Герцога? Нет, конечно. С чего ты...

— Ниссимор Проспект — владение Галайна, младшего брата Герцога.

Иньянна покачала головой.

— Нет, бабушкиной сестры...

— Дурочка, к тебе даже в карман лезть не стоит, кто-то его уже обчистил.

Иньянна вцепилась в свой чемодан.

— Нет. — Усмехнулась Лилэйв. — Я хочу сказать, что тебя облапошили, если ты думаешь, будто стала владелицей Ниссимор Проспект.

— Я сама видела бумаги с печатью Понтифекса. Два человека лично доставили их из Ни-Моуа в Велатхус. Может быть, я деревенщина, но не такая дура, чтобы пуститься в такую даль без доказательств. Я подозревала, да, но я видела официальные документы. Я даже заплатила двадцать ройялов налога за регистрацию, и все бумаги были подписаны.

— Ты где остановилась в Трилэйне? — перебила ее Лилэйв.

— Я еще не думала. В гостинице, наверное.

— Побереги кроны, они тебе понадобятся. Мы устроим тебя у себя на базаре, а утром навестишь прокторов. Может, они сумеют тебе вернуть что-нибудь из потерянного.

Итак, она стала жертвой мошенников, как и подозревала с самого начала. Хотя эта распущенная девчонка, убеждала себя Иньянна, эта похваляющаяся базарная воровка просто не доверяет тем, кто живет рядом с ней, и оттого видит обман повсюду, даже там, где его нет. Иньянна понимала, что уверять себя в этом глупо, но было бессмысленно сразу стенать и плакать, возможно, несмотря ни на что, она все-таки имеет какое-то отношение к семье Герцога, или просто Лилэйв смутилась от своего панибратства с богатой женщиной. Но даже если она действительно свалилась в Ни-Моуа по дурости, то все же она здесь, в Ни-Моуа, а не в Велатхусе, а это сам по себе приятный факт.

Когда паром ошвартовался у пирса, Иньянна впервые увидела вблизи центр Ни-Моуа: сияющие белые башни подходили почти к самому краю воды, они вздымались так круто и резко, что казались неустойчивыми, и с трудом верилось, что они не рухнут в реку.

Спускалась ночь. Огни сияли повсюду. Иньянна оставалась спокойной, как во сне, перед городскими красотами. Я дома, твердила она себе снова и снова. Я дома, этот город — мой дом, и я чувствую себя здесь, как дома. И все-таки, несмотря на это, она старалась держаться поближе к Лилэйв, пока они пробирались через толпы прибывших и поднимались по проходу на улицу.

В воротах пристани стояли три огромные металлические птицы с драгоценными камнями вместо глаз — гихорны — и широко распростертыми крыльями. Приглядевшись, Иньянна поняла, что гихорн только один; вторым был большой и глупый длинноногий хазенмарл; третью птицу с громадным сумчатым клювом, изогнутым, как серп, Иньянна не знала.

— Герб города, — объяснила Лилэйв, перехватив взгляд Иньянны. — Ты их повсюду увидишь. Идиотская затея, да еще с драгоценностями вместо глаз.

— И никто их не украл?

— Была бы у меня сила, я бы их повыковыривала. Но вообще-то они тысячи лет приносят счастье и, болтают, будто без них Метаморфы восстанут, вышвырнут нас, башни рухнут, ну и прочий вздор.

— Но если в легенды верят, почему эти алмазы не украдут?

Лилэйв рассмеялась коротким фыркающим смехом:

— Кто же их купит? Какой торговец не знает, откуда они, да и Король Снов начнет терзать, пока не взвоешь. Я лучше карман цветными стеклами набью, чем глазами птиц Ни-Моуа. Идем сюда! — она открыла дверцу маленького город-

ского флотера, стоявшего за воротами пристани, и толкнула Иньянну на сиденье. Устроившись рядом, она быстро простучала код на кассе флотера, и маленький экипаж тронулся с места. — Поблагодари своего родственника, что не идешь сейчас пешком, — ухмыльнулась она.

— Что? Кого?

— Галайна, брата Герцога. Я расплатилась его кодом: его разузнали в прошлом месяце, и многие из наших ездят свободно по городу, правда, до тех пор, пока счета за поездки не попадут к его секретарю, тогда код сменят. Но до тех пор... понимаешь?

— Видимо, я очень наивна, — отозвалась Иньянна. — Я до сих пор верю, что Властительница и Король Снов видят наши прегрешения и шлют послания, не располагающие к таким поступкам.

— Так ведь и мы верим, — крикнула Лилэйв. — Убей кого-нибудь, и ты узнаешь Короля Снов! Но сколько народу на Маджипуре? Восемнадцать миллиардов? Тридцать? Пятьдесят? И ты думаешь, у Короля есть время заниматься каждым, кому взбредет бесплатно прокатиться на флотере?

— Ну...

— Или теми, кто всучивают разным дурочкам чужие дворцы?

Щеки Иньянны вспыхнули, она резко отвернулась.

— Куда мы едем? — спросила она тихо.

— Уже приехали. Большой Базар. Вылезай.

Иньянна вышла за Лилэйв на широкую площадь, огражденную с трех сторон невысокими башенками, а с четвертой приземистым низким зданием, к фасаду которого вело множество мелких каменных ступенек. Сотни, если не тысячи горожан в красивых белых туниках Ни-Моуа, целой рекой вытекали из-под арки здания, увенчанной тремя гербовыми птицами.

— Пидрайдские ворота, — сказала Лилэйв, — а вообще здесь тринадцать входов и выходов. Сам базар занимает пятнадцать квадратных миль под землей, правда, не очень глубоко, похоже на Лабиринт, да? Он под улицами центрального района, кстати, сюда можно попасть и из некоторых зданий. Можно сказать, город в городе. Наши живут тут сотни лет. Мы потомственные воры. Без нас торговцам пришлось бы хуже.

— Я держала лавку в Велатхусе. Там нет воров, да по-моему, у нас в них особой нужды и не было, — сухо отозвалась Иньянна, пока они спускались по ступенькам к воротам большого базара.

— Здесь по-другому, — заметила Лилэйв.

Базар тянулся во все стороны путаницей пассажей, сводчатых ниш, проходов, тоннелей и галерей, ярко освещенных, разделяющихся и подразделяющихся на бесконечные маленькие лавки. "Небо" над головой было затянуто желтой искрящейся тканью, светящейся собственным внутренним светом. Одно это поразило Иньянну больше, чем все, что ей уже довелось здесь увидеть: она сама недавно продавала в лавке искристую ткань по три ройяла за рулон, а такого рулона едва-едва хватало на отделку небольшой комнаты. Душа ее дрогнула перед мыслью о пятнадцати квадратных милях этого материала, а в уме она тщетно пыталась прикинуть стоимость. Да, подобные излишества можно было встретить только смехом.

Они шли внутрь. Одна маленькая улочка, казалось, ничем не отличалась от предыдущей, и на каждой суматоха, суета у лавок с фарфором, с материей, столовыми принадлежностями, одеждой, фруктами и мясом, зеленью и лакомствами; повсюду винные палатки и лавки со специями, галереи с драгоценностями; везде продавали жареную колбасу и сушеную рыбу и прочие закуски. Лилэйв знала точно, куда сворачивать на развилках, какой из бесчисленных одинаковых проходов ведет куда нужно; она шла решительно и быстро, лишь время от времени задерживаясь, чтобы приобрести на обед то кусок рыбы, то фляжку вина, которые мастерски стягивала с прилавков. Несколько раз торговцы замечали ее проделки, но лишь улыбались.

Заинтригованная, Иньянна спросила:

— Почему они не возмущаются?

— Они меня знают. Я ведь тебе говорила, нас, воров, здесь уважают. Мы им необходимы.

— Не понимаю.

— Мы поддерживаем на Базаре порядок. Никто не ворует тут кроме нас, а мы берем лишь самое необходимое, и к тому же не пускаем сюда залетных любителей. Каково бы им пришлось, если бы каждый из десяти в этих толпах набивал бы свою сумку краденым товаром. А мы их останавливаем. Сколько нас, известно всем. Понимаешь, мы вроде сборщиков налогов... стой! — последние слова ее относились не к Иньянне — к мальчишке лет двенадцати, черноволосому и скользкому, как угорь, который рылся среди охотничьих ножей в открытом ящике прилавка. Быстрым рывком Лилэйв поймала мальчишку за руку, и тем же движением схватила щупальце брона, стоявшего в нескольких футах в тени. Иньянна услышала, как она заговорила низким пронзительным голосом, но не могла разобрать ни слова; стычка мгновенно завершилась, и брон с мальчишкой улизнули.

— Что случилось? — не поняла Иньянна.

— Ножи таскали. Мальчишка передавал их брону. Я им предложила убраться, и поскорее, или мои братья отрежут брону щупальца и накормят ими мальчишку.

— Неужели такое делают?

— Нет, конечно, но ведь они-то этого не знают. Им известно, что лишь уважаемые и известные воры крадут на базаре. Мы здесь, как прокторы и... ведь здесь мы живем. Ты мой гость.

5

Лилэйв жила в комнате, отделанной белым камнем, которая была одной из цепочки в семь или восемь таких же комнат, расположенных под частью большого базара, отданной торговцам сырами и маслом. Потайная дверца и веревочная лестница вели в подземные помещения, и в ту минуту, когда Иньянна начала спускаться вниз, дверца захлопнулась, отрезав невыносимый шум и гул базара, и лишь приятный запах красного стойвизарского сыра, пронизывавший каменные стены, напоминал о том, что находится над головой.

— Наша берлога, — объявила Лилэйв, просвистела какую-то мелодию, и из комнат появились люди, оборванные, плутоватые, тощие, очень похожие на Лилэйв, будто вылепленные по одной копии.

— Мои братья Силэйн и Ханэйн, — принялась перечислять Лилэйв. — Моя сестра Медилл Фарэйн. Мои двоюродные братья Авэйн и Атэйн. А это мой дядя Агормэйл, глава нашего клана. — Дядя, это Иньянна Форлэйн из Велатхуса, которой продали Ниссимор Проспект два плута за двадцать ройялов. Я ее встретила на барже, она поживет у нас и будет вором.

Иньянна задохнулась.

— Я...

Агормэйл напыщенно сделал жест благословения.

— Будьте одним из нас. Вы можете носить мужскую одежду?

Сбитая с толку, Иньянна сказала:

— Да, но я не...

— У меня есть младший брат, он тоже в нашей гильдии, но живет в Авендройне среди Меняющих Форму и не был в Ни-Моуа несколько лет. Вы возьмете его имя и займете его место. Так, пожалуй, проще... Дайте-ка мне ваши руки. — Она послушно протянула руки. Ладони его были влажными и мягкими. Он посмотрел в ее глаза и произнес низким напряженным голосом: — Ваша настоящая жизнь только начи-

нается. Все, что происходило прежде, было только сном. Теперь вы — вор, и ваше имя Калибай.

Он моргнул и добавил:

— А двадцать ройялов совсем недорого за Ниссимор Проспект.

— Это была лишь плата за регистрацию наследства, — сказала Иньянна. — Они уверяли меня, будто я должна получить наследство от бабушки.

— Ну, если так, вы устроите нам грандиозное празднество за гостеприимство, согласны? — Аргомэйл засмеялся. — Авэйн, вина! Сидэйн, Хавэйн, найдите одежду дяде Калибаю. Эй, кто-нибудь, музыку! Покажем нашу жизнь новичку. Медилл, постели гостю. — Маленький человечек, важно приплясывая, отдавал приказания...

Иньянна, пораженная его неистовой энергией, приняла чашу с вином, позволила примерить к себе тунику одному из братьев Лилэйв, с трудом пытаясь удержать в памяти поток имен.

В комнате теперь собрались прочие местные обитатели, в основном — люди, а также три серолицых хджорта и, к изумлению Иньянны, двое высоких молчаливых Метаморфов. Хоть она и привыкла иметь дело с ними в своей лавке, Иньянна не ожидала, что семья Лилэйв ютится с загадочными туземцами под одной крышей. Но, подумала она, может быть, воры-Метаморфы и сами считаются париями среди своих сородичей, и потому помогают остальным гильдиям воров.

Импровизированная вечеринка продолжалась несколько часов. Воры, кажется, соперничали между собой, стараясь привлечь ее внимание: ей дарили маленькие безделушки, рассказывали сплетни, приглашали танцевать. Бывшей лавочнице раньше воры представлялись естественными врагами, но эти люди, оборванные и отвергнутые, были дружелюбны и открыты. Иньянна и в мыслях не держала присоединиться к их профессии, но понимала, что судьба могла отнестись к ней гораздо хуже, чем просто ввергнуть в племя Лилэйв.

Спала она урывками и несколько раз просыпалась, не понимая, где находится, но в конце концов усталость взяла свое, и она погрузилась в глубокий сон. Обычно ее будил рассвет, но он не заглядывал в эту пещеру, и когда она проснулась, мог быть любой час дня или ночи.

Лилэйв улыбнулась ей.

— Должно быть, ты ужасно устала? Я долго спала?

— Ну, пока не выспалась.

Иньянна огляделась — вокруг были следы вечеринки: пустые фляжки, чаши, тарелки, предметы туалета, не было

только воров. Они на утреннем промысле, объяснила Лилэйв. Она показала Иньянне, где можно умыться и привести себя в порядок, после чего они поднялись по веревочной лестнице и окунулись в водоворот большого базара.

День был такой же оживленный, как и предыдущий, но теперь все казалось менее сказочным — и ткань не такая яркая, и атмосфера не так заряжена электричеством. Обычный, хоть и большой, переполненный толпой рынок — сегодня он не казался Иньянне загадочной вселенной.

Они немного задержались, чтобы украсть еды на завтрак с трех-четырех прилавков, причем, Лилэйв занималась этим откровенно бесстыдно, и походя смеялась над смущением Иньянны, которая только уверовала еще больше, что ей никогда не сделаться воровкой. А затем, продолжая шагать по невероятно путаным Лабиринтам базара, они вдруг вырвались на чистый живительный воздух открытого мира.

— Мы вышли из Пилиплокских ворот, — заметила Лилэйв. — Отсюда ближе всего до представительства Понтифекса.

Путь оказался недолгим, но ошеломляющим: вокруг, в каждом уголке, таились новые чудеса. На одном из великолепных бульваров Иньянна обратила внимание на поток яркого сияния, словно второе солнце тянувшийся из мостовой. Лилэйв объяснила, что это начинается Хрустальный бульвар, сияющий днем и ночью, когда освещается фонарями. С другой улицы она увидела то, что могло быть только дворцом Герцога Ни-Моуа, устроившегося на востоке города в месте, где Зимр резко поворачивается, загибаясь к югу. Он выглядел копьем, и стеклянным, и каменным одновременно, покоящимся на многочисленных колоннах, огромный даже на таком большом расстоянии, окруженный парком, казавшимся настоящим ковром зелени. Еще один поворот, и Иньянна увидела нечто похожее на распущенную стеклянно-хрустальную паутину неведомого насекомого, подвешенную над необъятно широкой аллеей. "Паутинная Галерея, — хмыкнула Лилэйв. — Тут товары по карману только богачам. Может, и ты когда-нибудь будешь сорить ройялами в здешних лавках... Вот и пришли — Прогулочная Родамаунтская. Сейчас разузнаем о твоем наследстве".

Улица круто заворачивала к безликим башням одинаковой высоты, а потом шла в противоположную сторону к невысоким, зато огромным зданиям, очевидно, правительственным учреждениям. Иньянна была подавлена столь сложнейшим комплексом контор, и она могла бы несколько часов пробродить снаружи в смущении, но Лилэйв, относившаяся без какого-либо смущения к правительству, быстро расспросила кое-кого и повела Иньянну внутрь по коридорам, почти

не уступавшим запутанностью Лабиринту Большого Базара; в конце концов, Иньянна обнаружила, что сидит в большом и ярко освещенном зале и следит за мелькающими именами на световом табло. Через полчаса появилось и ее имя.

— Там Бюро по наследству? — спросила она, когда они входили.

— Нет, — буркнула Лилэйв. — Это прокторы. Если кто и сумеет тебе помочь, то только они.

Хджорт с угрюмым обрюзгшим лицом и выпученными глазами, как у всех его соплеменников, попросил изложить суть дела, и Иньянна, поколебавшись сначала, многоречиво выложила свою историю: приехавшие из Ни-Моуа, наследство, двадцать ройялов.

Хджорт облокотился на стол и принялся тереть щеки, вращая своими огромными шарообразными глазами. Когда Иньянна закончила, он взял расписку и задумчиво пробежался толстыми пальцами по гребню печати Понтифекса. Потом мрачно сказал:

— Вы уже девятнадцатая наследница Ниссиморн Проспект, приехавшая за этот год в Ни-Моуа. И боюсь, будет еще больше. Гораздо больше.

— Девятнадцатая?

— По нашим сведениям. Другие могут и не решиться надоедать прокторам рассказом о мошенниках.

— Мошенники? — повторила Иньянна. — Но как же так? Они мне показывали документы, генеалогическое древо, бумаги с моим именем — неужели они проделали такой путь от Ни-Моуа до Велатхуса, чтобы только выманить у меня двадцать ройялов?

— Почему же только у вас, — отозвался хджорт. — Скорее всего, в Велатхусе обнаружатся еще трое-четверо наследников Ниссиморн Проспект, да пятеро в Нарабале, семеро в Тил-Омоне и десяток в Пидрайде — создать генеалогическое древо да подделать документы труда не составит. Двадцать ройялов от одного, тридцать от другого, приятное времяпровождение, коли вы не живете на одном месте.

— Но ведь это незаконно!

— Разумеется, — согласился хджорт.

— И Король Снов...

— Накажет их, можете быть уверены, правда, не сильно, да и мы наложим штраф, когда арестуем. Кстати, вы нам окажете огромную помощь, если составите их описание.

— А мои двадцать ройялов?

Хджорт пожал плечами.

— Значит, нет надежды их вернуть? — настойчиво продолжила Иньянна.

— Никакой.

— Но тогда я теряю все.

— От имени Понтифекса я приношу самые искренние соболезнования.

И это было все.

Выйдя, Иньянна резко бросила Лилэйв:

— Покажи мне Ниссиморн Проспект.

— Но ты убедилась...

— Что он не мой? Конечно. Но я хочу его увидеть. Я хочу знать, что мне продали за двадцать ройялов.

— Зачем тебе это?

— Пожалуйста, — повторила Иньянна.

— Хорошо, идем, — согласилась Лилэйв.

Они снова сели во флотер, как вчера на пристани, и Лилэйв набрала маршрут. Широко раскрытыми глазами Лилэйв смотрела вокруг, пока маленький экипаж нес их по величественной Ни-Моуа. В теплом полуденном солнце все казалось омытым светом, и город пылал, но не холодной красотой хрустального Дэлорна, а трепещущим, чувственным великолепием, отражающимся от каждой омытой белым цветом стены.

Лилэйв вкратце описала знаменитые места, по которым они проезжали. "Музей Миров, — говорила она, указывая на огромное строение, увенчанное тиарой, — Тут хранятся сокровища тысяч планет, даже кое-что со Старой Земли. А это Палата Колдовства, здесь все о магии и сновидениях. Никогда тут не была. А там — видишь трех птиц, символ города, на фронтоне? — Городской Дворец, там живет гражданский мэр".

Они свернули к подножию у реки.

— В этой части гавани плавучие рестораны, — продолжала Лилэйв, обводя панораму широким жестом. — Девять из них как настоящие маленькие островки. Говорят, на каждом подают блюда отдельной провинции Маджипура. Когда-нибудь мы там закусим, в каждом из девяти, а?

Иньянна печально улыбнулась.

— Приятно об этом помечтать.

— Не грусти, у нас впереди жизнь, долгая и всякая, а жизнь у вора вполне приличная. В свое время я побродила по всем улицам Ни-Моуа, да и сейчас могу шляться куда и когда захочу, а ты будешь ходить со мной. Между прочим, в Гимбелии есть Парк Мифических чудищ, там всякие твари, что вымерли давным-давно: сигимонсы и галвары, димилионы и все такое прочее. А еще Дом Оперы, где играет оркестр — слыхала о нашем оркестре? Тысяча инструментов, ничего подобного во всей вселенной, и еще... О, нам сюда!

Они вышли из флотера. Они стояли у речной насыпи, и перед ними лежал Зимр, величайшая река на свете, такая

широкая в этой части, что с трудом можно было разобрать противоположный берег, и смутно-смутно проглядывалась зеленая линия Ниссиморна на горизонте. Слева Иньянна увидела забор из металлических копий в два человеческих роста высотой, отстоящих друг от друга на восемь-десять футов и соединенных газовой, почти невидимой паутиной, издающей глубокий и зловещий гул. За этой оградой раскинулся удивительно красивый сад с прореженными изящными кустами в золотых, бирюзовых и алых цветах; лужайки были так аккуратно и коротко подстрижены, что можно было разглядеть тянувшиеся из почвы корни. Чуть подальше земля сада начинала подниматься, сам особняк стоял на скальном выступе, вздымаясь над гаванью, — это был поразительной величины дворец, белостенный по обычаю Ни-Моуа, в который вложили душу и легкость, типичные для здешней архитектуры. Ниссиморн Проспект показался Иньянне самым красивым зданием, какое она видела в Ни-Моуа. И это то, что она думала унаследовать! Она засмеялась. Потом побежала вдоль ограды, замерла и снова принялась рассматривать огромный дом, и смех ее лился, словно кто-то сказал ей подлинную правду вселенной, правду, содержащую тайну всех истин, что неизбежно вызывало взрыв смеха.

Лилэйв бежала за ней, прося ее остановиться, но Иньянна вновь сорвалась с места, как одержимая. Наконец, она очутилась у парадных ворот, где двое слоноподобных скандаров в безупречных белых ливреях стояли на страже, выразительно скрестив руки на груди.

Иньянна продолжала хохотать. Скандары нахмурились.

Лилэйв, подбежав сзади, дергала Иньянну за рукав, понуждая убраться, пока не начались неприятности.

— Подожди, — попросила Иньянна, задыхаясь от смеха, и подошла к скандарам. — Вы на службе Галайна?

Они молча смотрели на нее.

— Передайте своему хозяину, — безмятежно продолжала Иньянна, — что была Иньянна из Велатхуса, осматривала дом, но, к сожалению, не смогла зайти отобедать. Благодарю вас.

— Идем, — прошептала Лилэйв настойчиво.

Гнев начал сменять равнодушие на волосатых лицах огромных стражей. Иньянна грациозно отсалютовала им, вновь согнулась от смеха, кивнула Лилэйв, и они бегом рванулись обратно к флотеру.

6

Прошло довольно много времени, прежде чем Иньянна вновь увидела в Ни-Моуа свет солнца — теперь она жила жизнью вора в глубинах Большого Базара. Поначалу она и не думала осваивать ремесло Лилэйв и ее семейства, но практичный взгляд на вещи вскоре заставил ее пересмотреть нравственные устои. Она не могла вернуться в Велатхус, даже и не хотела, после того, как впервые увидела Ни-Моуа. Ничего не ждало ее дома, кроме торговли клеем да гвоздями, поддельным атласом и фонарями из Тил-Омона. Но чтобы оставаться в Ни-Моуа, нужно было искать себе средства на жизнь, а она ничего не умела, разве что торговать, но чтобы торговать и открыть лавку, необходим капитал, которого у нее не было. И довольно скоро, после того, как последние деньги были истрачены (она не собиралась жить на милостыню новых друзей, приютивших ее в своем обществе, а иных перспектив у нее не было), ей стала казаться вполне приемлемой воровская жизнь. Пусть она и чужда ее природе, но теперь, ограбленная мошенниками, Иньянна смотрела на вещи немного по-иному, чем раньше. В конце концов она решилась надеть мужскую одежду — рост у нее был довольно высокий, костюм она носила, хоть и неуклюже, но вполне правдоподобно, чтобы сойти за мужчину, — и вот под именем Калибая, младшего брата главаря Агормэйла, она вступила в гильдию воров.

Лилэйв стала ее наставницей. Три дня Иньянна ходила за ней по пятам по Базару и внимательно следила, как девушка с лавандовыми волосами легко снимает с прилавков товар тут и там. Кое-какие приемы оказались довольно грубыми, как, например, примерить плащ в лавке и вдруг исчезнуть в толпе. Некоторые трюки выглядели фокусами, ловкостью рук, а иные требовали тщательно разработанного плана. И еще была обязанность — пресекать действия воров-любителей. Дважды за три дня Иньянна видела, как это делает Лилэйв — рука на запястье, холодный гнев в глазах, резкий шепот, и в результате страх, извинения, поспешное бегство нарушителей. Иньянна сомневалась, что у нее когда-нибудь хватит смелости поступить так же. Это казалось ей трудней, чем само воровство, а ведь она вовсе не была уверена, что сумеет заставить себя воровать.

На четвертый день Лилэйв объявила:

— Принеси мне фляжку с молоком морского дракона и пару фляжек с золотистым вином Пилиплока.

— Но ведь они стоят ройял за штуку! — пробормотала перепуганная Иньянна.

— Не может быть!

— Может, лучше начать с колбас?

— Стянуть редкое вино не так уж трудно, — заметила Лилэйв, — и значительно более выгодно.

— Я не готова...

— Ты просто так думаешь. Ты же видела, как это делается, и можешь сделать сама. Боишься ты зря, Иньянна, у тебя душа вора.

— Как ты можешь так говорить! — с ожесточением воскликнула бывшая лавочница.

— Тише, тише, я имела в виду только приятное.

Иньянна кивнула:

— Пусть так, но ты ошибаешься.

— По-моему, ты себя просто недооцениваешь, — сказала Лилэйв. — Кое-какие черты в твоем характере лучше видны со стороны. Я их заметила, когда ты любовалась Ниссиморн Проспект. Вперед: принеси мне фляжки Пидрайдского золотистого и драконьего молока. Хватит болтовни! Ты воровка в нашей гильдии, и нынче твой задел.

Не было возможности избежать этого. Но не было и причины рисковать, проделывая это в одиночку. И Иньянна попросила Атэйва составить ей компанию. Они вместе отправились на Проход Оссера, где с важным видом вошли в винную палатку — два молодых повесы, решивших купить себе немного радости.

Иньянну охватило странное спокойствие. Она выбросила из головы все мысли, не относящиеся к делу, как-то: нравственность, частная собственность или боязнь наказания, тем более, что раньше она была лавочницей, а сейчас хотела пощипать собрата по профессии, и не стоило усложнять ситуацию философскими колебаниями.

За прилавком стоял чаурог: ледяные, никогда не мигающие глаза, чешуйчатая кожа, змеящиеся волосы. Иньянна, стараясь, чтобы голос звучал по возможности проникновенно, поинтересовалась стоимостью молока морского дракона в прозрачном сосуде, в то время, как Атэйв копался среди бутылок с дешевым красным вином. Чаурог назвал цену. Иньянна всем видом показала, что шокирована. Чаурог пожал плечами. Иньянна взяла лежавшую сверху на сложенных фляжках прозрачную емкость и, хмурясь, начала рассматривать бледно-голубую жидкость, потом сказала:

— Оно темнее, чем обычно.

— Оно меняется год от года. И у разных драконов молоко разное.

— Но считается, что все должно соответствовать стандарту.

— Результат соответствует, — бросил чаурог с видом, равнозначным человеческому злобному взгляду под деланной

улыбкой. — Несколько глотков, человек, и ты сможешь трудиться целую ночь.

— Дайте-ка мне минуту подумать, — попросила Иньянна. — Ройял сумма немалая, независимо от того, какой будет результат.

Это был знак Атэйву. Тот обернулся.

— И эта дрянь из Мазадона действительно стоит три кроны штука? Я уверен, что последние недели ее продают по две.

— Если найдете по две, покупайте по две, — ответил чаурог.

С хмурым видом Атэйв потянулся, немного наклонившись, словно собирался поставить бутылку на полку, но покачнулся и свалил целый штабель фляжек. Чаурог зашипел от гнева. Атэйв, бормоча извинения, неуклюже попытался поставить все на место, и уронил еще больше. Чаурог встревоженно вскрикнул. Он бросился к товарам, но они с Атэйвом только мешали друг другу. В то же мгновение Иньянна, запихав фляжку с драконьим молоком под тунику, прибавила к ней две фляжки золотистого и со словами: "Я, пожалуй, поищу где-нибудь подешевле", — вышла из палатки.

Она с трудом заставила себя не бежать, хотя щеки ее пылали и она была уверена, что все прохожие видят в ней воровку, лавочники вот-вот поднимут шум да и сам чаурог сейчас выскочит следом. Она заставила себя спокойно дойти до угла, где свернула налево и оглянулась на мирный проход, и прошла дальше, направляясь к рядам с маслами и сырами, где ее поджидала Лилэйв.

— На, — сказала Иньянна. — Они жгут мне грудь.

— Отлично сработано, — обнадежила ее Лилэйв. — Выпьем нынче ночью золотистого в твою честь.

— И драконьего молока?

— Сохрани его, — серьезно посоветовала девушка. — Выпьешь его с Галайном в ночь, когда тебя пригласят на обед в Ниссиморн Проспект.

Ночью Иньянна несколько часов лежала с открытыми глазами, боясь, что сон принесет послание, а с посланием и наказание. Вино выпили, но фляжка драконьего молока лежала у нее под подушкой, и она испытывала желание выскользнуть наружу и вернуть ее чаурогу, — сказывались поколения предков-лавочников. Воровка, думала она, воровка, воровка, я стала воровкой в Ни-Моуа. Почему я так поступила, по какому праву? По праву, — ответила она себе, такому же, по какому та парочка украла мои двадцать ройялов. Но при чем здесь чаурог? Если они украли у меня, а я пользуюсь тем же способом красть у него, он что, тоже пойдет воровать? Прости меня, Властительница, подумала она,

Король Снов истерзает мою душу. Но в конце концов, она не могла не спать вечно, и уснула. Пришедшие сны были снами чудесными и величавыми, и она скользила бестелесно над городскими аллеями, над Музеем Миров, над Палатой Колдовства и Ниссиморн Проспект, где ее принял в объятия брат Герцога. Сон смутил ее, она ни в коем случае не могла видеть в нем наказание. Где же нравственность? Это шло против всего, во что она верила. Получалось так, словно сама судьба предназначила ей быть воровкой. Все, что произошло с ней за минувший год, подводило к этому. Так, может, по воле Дивине она стала тем, кем стала. Иньянна улыбнулась своим мыслям. Какой цинизм! Она не может противиться судьбе!

7

Она крала часто и ловко. Первый страх риска попасться прошел через несколько дней. Она свободно расхаживала по Большому Базару, иногда с кем-нибудь, иногда одна, прибирая все, что плохо лежит. Это было так легко, что начинало казаться почти не похожим на преступление, тем более, что Базар был всегда переполнен — население Ни-Моуа, говорили, составляет тридцать миллионов жителей и, казалось, все они находились на Базаре одновременно. Здесь шумели, торговались, спорили, и Иньянна с удовольствием вносила свою лепту в реку этого бытия.

Большая часть добычи у нее не задерживалась. Профессиональный вор редко хранил у себя что-нибудь, кроме еды, и почти все трофеи немедленно продавались. Эта обязанность лежала на хджортах. Их было трое — Бьорк, Ханх и Мозинхант — и они входили в широко раскинутую цепь скупщиков краденого, состоявшую в основном из их соплеменников; скупщики быстро и оптом вывозили краденое с Базара, а после продавали товары по законным каналам, и зачастую те возвращались к тем же торговцам, у которых были украдены. Иньянна быстро постигла, какие вещи нудно и можно красть, а какие нет.

Поскольку Иньянна была новичком, ей легко было действовать. Не все торговцы Большого Базара благодушно относились к гильдии воров, некоторые знали в лицо Лилэйв, Атэйва, Сидэйна и остальных и приказывали им убираться из своих лавок, едва те там появлялись. Но молодой человек Калибай был неизвестен никому, и Иньянна могла бы обирать лавки в здешнем столпотворении еще несколько лет, прежде чем ее начали бы узнавать.

Опасность подстерегала не столько от владельцев лавок, сколько от воров других семейств Базара. В лицо они ее пока

не знали, а глаза у них были намного больше, чем у торговцев, и трижды за первые десять дней ее хватали за руку. Сначала было страшно почувствовать чужую руку на своем запястье, но она никогда не терялась, оставалась спокойной и говорила просто: "Вы нарушаете договоренность. Я Калибай, брат Агормэйла", и слова действовали мгновенно. После третьего случая ее больше не беспокоили.

Но решиться самой на такие действия оказалось гораздо сложнее. Сначала она не умела отличать законных воров от любителей, и не решалась хватать крадущего за руку. Она удивительно легко научилась замечать кражи, но если рядом не было кого-нибудь из клана Агормэйла, чтобы посоветоваться, то ничего не предпринимала. Разумеется, постепенно она начала узнавать многих законных представителей гильдии, хотя все равно почти каждый день замечала новую фигуру, роющуюся среди товаров, и наконец, через несколько недель она решилась, думая, что если наткнется на законного вора, то всегда может извиниться. Суть системы заключалась в том, чтобы не просто красть, но и охранять, и она понимала, что отлынивает от обязанностей.

Первой ее задержанной оказалась угрюмая девушка, воровавшая зелень; говорить Иньянне ничего не пришлось, поскольку девушка в ужасе выронила все и улетучилась. Следующим оказался старейший вор, дальний родственник Агормэйла, который любезно разъяснил Иньянне ее ошибку, зато третий оказался любителем, но не испугался и отвечал на увещевания Иньянны руганью и невнятными угрозами. Иньянна холодно ответила, что семь человек следят за ними и немедленно вмешаются в случае затруднений, после чего испарился и этот. Зато дальше она не испытывала сомнений и действовала спокойно и уверенно.

Само по себе воровство не тревожило ее совесть после первого раза. Но в глубине души она ждала мести Короля Снов, считая, что погрязла в грехах, и когда, еще не заснув, закрывала глаза, кошмары и мучения лихорадили душу, но то ли Король Снов не считал мелкие кражи грехом, то ли он и его помощники наказывали за более тяжкие преступления, то ли у него просто не хватало на нее времени, но по каким бы то ни было причинам он не посылал ей посланий. Правда, иногда она видела дурные вести с обожженного и бесплодного Сувраэля, — но в этом не было ничего необычного, поскольку время от времени он появлялся в снах у каждого, и это ничего не означало. Иногда также Иньянна видела благословенную Властительницу Острова Снов, нежную мать Венценосца Властителя Малибора, и ей казалось, будто она печально покачивает головой, словно говоря, что горько разочарована своей девочкой Иньянной. Но выше сил Власти-

тельницы упрекать тех, кто сбился с праведного пути. При таком отсутствии нравственных поправок Иньянна быстро приучилась смотреть на новую профессию как на что-то обычное.

Со временем она взяла в любовники Сидэйна, старшего брата Лилэйв. Ростом он был ниже Иньянны и так костляв, что обниматься с ним в постели было небезопасно. Но человек он был мягкий и задумчивый, сносно игравший на карманной арфе и певший старинные баллады чистым воздушным тенором. Чаще всего они отправлялись теперь на дело вместе, и она находила его самым приятным спутником. Пришлось, правда, произвести некоторую перестановку спальных мест в логове Агормэйла, чтобы проводить ночи вместе, но остальные смотрели на это милостиво.

Иногда они катались на лодке, подъезжая к Ниссиморну, а иногда спускались по Зимру до устья Стейши, по которой, если подняться выше, можно было попасть на территорию Метаморфов. Но такое путешествие заняло бы слишком много времени, и они добирались лишь до маленькой рыбачьей деревушки лименов, к югу от Ниссиморна, где покупали свежей рыбы и устраивали пикник на пляже, плавали и лежали под солнцем. Или безлунными вечерами шли на Хрустальный Бульвар, где вращавшиеся фонари бросали на мостовую поразительный вечно изменчивый свет. Еще одним их любимым местом стала Паутинная Галерея — балкон в милю длиной, повисший высоко над улицами, где находились самые дорогие магазины Ни-Моуа, о которых говорили, что они самые лучшие из всех, имеющихся на Зимроэле и даже в Замке-Горы. Когда они собирались туда, Иньянна и Сидэйн наряжались в самые богатые одежды, которые позаимствовали в лучших лавках Большого Базара — не подделываясь, разумеется, под аристократов, но все же наряды были на разряд выше тех, в которых они щеголяли в повседневной жизни. Иньянна снимала костюм Калибая и надевала легкое женское платье и, легко касаясь кончиками пальцев руки Сидэйна, величественно прогуливалась по Галерее, предаваясь приятным мечтам, пока они рассматривали драгоценности, украшенные перьями маски или шлифованные амулеты и металлические безделушки, только за одну из которых пришлось бы выложить пару пригоршней блестящих ройялов, целое состояние. Иньянна знала, что ни одна из этих вещей никогда не будет принадлежать ей. Воровать, почти не опасаясь, можно было на Большом Базаре, но не здесь.

И в одну из таких прогулок по Паутинной Галерее Иньянна попалась на глаза Галайну, брату Герцога.

8

Она, конечно, и не заметила, что произошло. В мыслях ее не было ничего, кроме невинного флирта. Была полночь позднего лета, и она надела самое легкое свое платье из материи, казавшейся легче паутинки. Они с Сидэйном зашли в магазинчик, где торговали резьбой по кости морских драконов, поглядеть на необычные, с ноготь величиной, шедевры капитанов-скандаров, вырезавших за время долгих путешествий мельчайшие до неправдоподобия переплетения и красивые завитки на кости, когда четыре человека в мантиях, по которым сразу угадывались аристократы, вошли внутрь. Сидэйн сразу стих в уголке, понимая, что и одежда, и манера ее носить, и стриженые волосы говорят, что он здесь не ровня никому. Но Иньянна, сознавая, что линии ее тела и холодный блеск зеленых глаз могут возместить отсутствие необходимых манер, дерзко осталась у прилавка. Один из вошедших взглянул на фигурку в ее руке и сказал:

— Купив ее, вы не прогадаете.

— А я не собираюсь ничего покупать, — отозвалась Иньянна.

— Могу я взглянуть?

Она опустила фигурку в его ладонь, и в тот же миг ее глаза бестрепетно встретились с его взглядом. Он улыбнулся, но сразу перевел внимание на резную фигурку, карту-глобус Маджипура, собранную из бесчисленных прилаженных друг к другу кусочков кости. Минутой спустя он бросил владельцу:

— Сколько?

— Дарю, — в тон ему отозвался высокий и суровый чаурог.

— В самом деле? Ну и я вам тоже, — и незнакомец сбросил игрушку в ладонь пораженной Иньянны. Улыбка его стала еще шире.

— Вы из Ни-Моуа? — спросил он.

— Я живу в Стрилэйне, — ответила Иньянна.

— Вы часто обедаете в плавучем ресторане Нарабала?

— Когда есть настроение.

— Отлично. Не заглянете ли вы туда завтра вечером? Там будет еще кое-кто, кому не терпится продолжить знакомство.

Скрывая замешательство, Иньянна чуть наклонила голову. Незнакомец с поклоном отвернулся, затем купил три маленькие безделушки, бросил на прилавок мешочек с монетами, и все четверо вышли. Иньянна с изумлением смотрела на изящную фигурку в руке. Сидэйн, возникнув из тени, шепнул:

— Она стоит два десятка ройялов! Продай ее снова хозяину.

— Нет, — отрезала она и повернулась к хозяину. — Кто это был?

— Разве вы с ним не знакомы?

— Иначе я бы не спрашивала.

— Да, да... — чаурог испустил тихий свистящий звук. — Его зовут Дюранд Ливолк, постельничий Герцога.

— А те трое?

— Двое на службе у Герцога, а их товарищ — брат Герцога Галайн.

— О! — прошептала Иньянна. Она протянула резной шарик хозяину. — Можно повесить его на цепочку?

— Одну минуту.

— А цена цепочки будет ему соответствовать?

Чаурог подарил ей долгий прикидывающий взгляд.

— Цепочка лишь прилагается к резьбе, — сказал он наконец, — а поскольку сувенир подарен, то с цепочкой будет так же. — Он подобрал изящные золотые звенья к маленькому шарику и упаковал безделушку в коробочку.

— По меньшей мере двадцать пять ройялов с цепочкой, — бормотал пораженный Сидэйн, когда они вышли. — Иньянна, давай зайдем в другой магазин и продадим?

— Это подарок, — холодно ответила она. — Я надену его завтра вечером, к обеду на Нарабальском островке.

Она не могла пойти на обед в платье, которое носила вечером, а чтобы найти другое, такое же нарядное и воздушное, пришлось потратить два часа на следующее утро в лавках Большого Базара. Наконец, она наткнулась на одно, скрывающее наготу чисто символически, однако, окутывающее тело тайной. Она надела его к обеду на Нарабальском островке, глобус висел на цепочке, покоясь в ложбинке между грудей.

В ресторане ее ждали. Сошедшая с парома, она была встречена темным и сосредоточенным броном в герцогской ливрее, проводившим ее сквозь буйную зелень листвы, виноградных лоз и папоротников в тенистую беседку, уединенную и душистую, находившуюся в той части островка, которая была отрезана густой растительностью от основной площади ресторана. Здесь, за мерцающим столом из полированной древесины ее ждали трое; виноградные лозы образовывали шатер над головой, и с их толстых стеблей свешивалась гирлянда гигантских шаров синих цветов. За столом сидели Дюранд Ливолк, подаривший ей резную безделушку, стройная и темноволосая женщина, такая же гладкая и лоснящаяся, как стол, и человек вдвое старше Иньянны, хрупкого телосложения, с тонкими поджатыми губами и мягкими

чертами лица. Все трое были одеты столь роскошно, что Иньянне сделалось неловко за свои лохмотья. Дюранд Ливолк встал и подошел к ней со словами:

— Вы сегодня прелестнее, чем тогда. Идемте, я представлю вам своих друзей. Моя приятельница, госпожа Тискорна, и...

Изящный человек встал.

— Галайн из Ни-Моуа, — сказал он просто мягким и невыразительным голосом.

Иньянна смутилась, но лишь на мгновение. Она-то решила, что постельничий хочет ее для себя, теперь же до нее дошло, что Дюранд Ливолк просто залучал ее для герцогского брата. Негодование на миг полыхнуло в ней, но сразу угасло. Что тут оскорбительного? Многим ли молодым женщинам довелось обедать на Нарабальском островке с братом Герцога? И если кому-то покажется, что ее используют, пусть так.

Место ей приготовили рядом с Галайном. Она села, и брон мгновенно подал поднос с ликерами, все совершенно незнакомое; она выбрала наугад один с привкусом горных туманов, и сразу же начало покалывать щеки и в голове зазвенели колокольчики. Начался легкий дождь, стуча по блестевшим широким листьям деревьев и виноградным лозам, но ни капли не проникло в беседку. Буйная зелень тропиков на этом островке выращивалась под искусственными дождями, имитирующими климат Нарабала.

— У вас есть здесь любимые блюда? — осведомился Галайн.

— Полагаюсь на ваш вкус.

— Благодарю. У вас иное произношение, чем в Ни-Моуа.

— Я из Велатхуса, — объяснила Иньянна, — и приехала сюда только в прошлом году.

— Мудрое решение, — заметил Дюранд Ливолк. — А можно узнать, что побудило вас к этому?

Иньянна рассмеялась.

— По-моему, не стоит рассказывать эту историю сейчас.

— У вас очень милый выговор, — сказал Галайн. — Мы здесь редко вспоминаем о Велатхусе. Красивый город?

— Едва ли.

— Угнездился в Конгаре, хотя... наверное, красиво, когда со всех сторон величественные горы?

— Может быть. Но, прожив там всю жизнь, не обращаешь внимания на величие. Хотя, возможно, даже Ни-Моуа покажется клеткой тому, кто здесь родился и вырос.

— Где вы живете? — поинтересовалась Тискорна.

— В Стрилэйне, — ответила Иньянна, а затем с проворством, — крепкий ликер давал себя знать — добавила: — На Большом Базаре.

— На Большом Базаре? — переспросил Дюранд Ливолк.

— Да, под рядами с сыром.

— И по каким же причинам, — сказала Тискорна, — вы избрали это место своим домом?

— Ну, — беспечно произнесла Иньянна, — там ближе всего до моей работы.

— В молочных рядах? — воскликнула Тискорна. В голове ее слышались нотки ужаса.

— Вы меня не так поняли. Я работаю на Базаре, но не торгую. Я — воровка.

Слово слетело с губ молнией, ударившей в вершину горы. Иньянна перехватила внезапный испуганный взгляд Галайна, обращенный к Дюранду Ливолку, и лицо последнего налилось кровью. Но они были аристократами и вели себя соответственно. Галайн первым оправился от удивления, и холодно улыбнувшись, сказал:

— Я всегда верил, что профессия накладывает отпечаток. В вашем случае это грация и остроумие. — Он коснулся своим бокалом Иньянны. — Я приветствую вора, открыто заявляющего, что он вор. Такая честность отсутствует у многих честных людей.

Вернулся брон, неся большую фарфоровую чашу, полную бледно-голубых ягод, казавшихся восковыми, с белыми кончиками. Иньянна узнала токку — излюбленное лакомство Нарабала, — которая, как говорили, горячит кровь и расширяет сосуды. Она взяла несколько ягод, Тискорна предусмотрительно выбрала одну, Дюранд Ливолк зачерпнул пригоршню, Галайн тоже. Иньянна обратила внимание, что последний ест ягоды с семенами, утверждая, что так полезнее. Тискорна отщипывала кусочками.

Затем пошли вина, кусочки пряной рыбы, устрицы, плавающие в собственном соку, грибные салаты и, наконец, вырезка ароматного мяса из ноги гигантского билатона, как пояснил Галайн. Иньянна ела помаленьку, пробуя всего понемножку.

Немного погодя подошли жонглеры-скандары и устроили чудесное представление с факелами, кинжалами, булавами, заслужив горячие аплодисменты присутствующих. Галайн протянул грубым четырехруким существам блестящую монету — пять ройялов, заметила изумленная Иньянна. Потом вновь начался дождь, хотя на них не упало ни капли, а еще позже, когда по второму кругу отведали напитки, Дюранд Ливолк и Тискорна извинились и оставили Галайна с Иньянной в одиночестве сидеть в туманной мгле.

— Вы действительно воровка? — спросил Галайн.

— Действительно. Но это произошло случайно, а вообще-то я владею лавкой в Велатхусе.

— И что же произошло?

— Я потеряла все, благодаря обману, и без денег явилась в Ни-Моуа, а здесь попала к ворам, оказавшимися людьми умными и симпатичными.

— А теперь попали к еще большим ворам, — заметил Галайн. Вас это не тревожит?

— Разве вы считаете себя вором?

— Я занимаю высокое положение лишь по стечению обстоятельств, только потому, что удачно родился. Я не работаю, разве что помогаю брату, когда понадобится, и живу в роскоши, невообразимой для большинства людей. Но ничего этого я не заслужил сам. Вы видели мой дом?

— Я его хорошо изучила. Снаружи, конечно.

— Если хотите, можете осмотреть и изнутри... сегодня.

Иньянна мельком подумала о Сидэйне, ждавшем ее в белой комнате под сырными рядами.

— Почему бы и нет, очень хочу, — кивнула она. — И когда увижу, расскажу вам небольшую историю обо мне, Ниссиморн Проспект и о том, как я попала в Ни-Моуа.

— Это будет очень интересно, я уверен. Мы едем?

— Да, — улыбнулась Иньянна. — Только вас не затруднит сперва остановиться у Базара?

— Впереди целая ночь, — ответил Галайн. — Нам некуда торопиться.

Одетый в ливрею брон освещал им путь сквозь буйную зелень сада до причала островка, где Галайна ждал личный паром, доставивший их на берег. Пока они высаживались, был подогнан флотер, и Иньянна быстро очутилась на площади у Пидрайдских ворот. "Я только на минуту", — прошептала она, и в призрачном платье сразу растворилась в толпе, даже в этот час заполнявшей Базар. Она спустилась в подземное логово. Воры уже собрались за столом и играли в какую-то игру в кости. Они одобрительно загудели и зааплодировали при ее величественном появлении, но она ответила лишь быстрой улыбкой и отвела в сторону Сидэйна.

— Я сейчас ухожу, — тихо сказала она, — на всю ночь. Ты меня прощаешь?

— Не всякой женщине дано поразить воображение постельничего Герцога.

— Не постельничего Герцога, — усмехнулась Иньянна, — а брата Герцога.

Она легонько коснулась губами Сидэйна, стоявшего с остекленевшими от изумления глазами.

— Затем снова пойдем в Парк Мифических Чудищ, ладно? — Она еще раз поцеловала его, зашла в спальню и достала из-под подушки фляжку с молоком дракона, где прятала ее несколько месяцев.

Возвращаясь, она задержалась у игрового стола, наклонилась поближе к Лилэйв и развела руками, показывая фляжку. Глаза у девушки сделались круглыми. Иньянна подмигнула и сказала:

— Помнишь, для чего я ее берегла? Ты хотела, чтобы я выпила ее с Галайном, когда попаду в Ниссиморн Проспект, и вот...

Девушка глядела на нее с раскрытым ртом. Иньянна подмигнула ей еще раз, поцеловала и вышла.

Гораздо позже, глубокой ночью, когда она достала фляжку и предложила ее Галайну, ее вдруг охватила паника, не нарушает ли она какой-нибудь этикет, предлагая средство для усиления полового влечения брату Герцога, подразумевая его бессилие. Но Галайн не выказал никакой обиды. Он спокойно принял ее дар, спокойно разлил бледно-голубую жидкость в фарфоровые чаши со столь тонкими стенками, что они казались почти прозрачными, и вложил одну в ее руку, вторую поднял сам. Молоко дракона оказалось необычным и горьким на вкус. Иньянна с трудом проглотила его, но выпив, она сразу ощутила нарастающий жар, запульсировавший в бедрах. Галайн улыбнулся. Они находились в Оконном Зале Ниссиморн Проспекта, где единая полоса окаймленного золотом стекла открывала трехсотшестидесятиградусный обзор гавани Ни-Моуа и далекого южного берега реки. Галайн коснулся переключателя. Огромное окно потемнело, круглое ложе поднялось внезапно из пола. Он лег на него и притянул Иньянну к себе.

9

Стать любовницей брата Герцога было достаточно для честолюбия воровки с Большого Базара. Иньянна не питала иллюзий относительно своей связи с Галайном. Дюранд Ливолк выбрал ее для него, наверное, углядев что-то в ее глазах, волосах или в том, как она держала себя. Галайн же, видимо ожидавший, что она окажется женщиной не столь низкого статуса, нашел что-то интригующее в связи с женщиной с самого дна общества, и потому-то она получила вечер на Нарабальском островке и ночь в Ниссиморн Проспект; приятное, хотя и краткое исполнение мечты. Она знала, что утром вернется на Большой Базар, и память о случившемся останется навсегда. Вот так.

Но не совсем.

Они не спали всю ночь — то ли, гадала она, это действие молока дракона, то ли он всегда так неистощим в любви — и на рассвете, обнаженные, прошли по величественному зда-

нию, и он показывал ей свои богатства, а позже, когда они завтракали на балконе, повисшем над садом, он предложил прогуляться по своему парку в Истмоу. И в конце концов вышло так, что это не было приключением на одну ночь. Сначала она подумывала отправить на Базар весточку Сидэйну, что не вернется днем, но потом поняла, что Сидэйну это совершенно не нужно. Он и так истолкует ее молчание правильно. Правда, она не хотела бы причинять ему боль, но с другой стороны, она не была и его собственностью, так, вульгарная связь. А у нее сейчас происходило великое событие в жизни, и когда она вернется на Большой Базар, то сделает это не ради Сидэйна, а просто потому, что приключение закончится.

Так и случилось, что она провела шесть дней с Галайном. Днем они катались на его великолепной яхте, или гуляли в его саду, куда привозили лишние экспонаты из Парка Мифических Чудищ, или просто сидели на балконе Ниссиморн Проспекта, любуясь солнечной колеей, тянувшейся через весь континент от Пилиплока до Пидрайда. А к ночи начинались праздничные пиршества, иной раз на одном из плавучих островков, иной раз огромном Городском Дворце, а один раз в Палатах самого Герцога.

Ростом Герцог был не ниже Галайна, но гораздо крупнее и намного старше. Манеры его были утомительны для окружающих и совсем не мягкие. Тем не менее, с Иньянной он держал себя любезно, ни разу не позволив себе намекнуть, что брат его спутался с уличной девкой с Большого Базара. Иньянна как бы плыла сквозь эти вечера, бесстрастно воспринимая все окружающее, будто видела сон. Выказывать страх, она понимала, было грубо и неприлично. Требовать равенства — еще хуже. Она избрала для себя поведение спокойной сдержанности, и это оказалось лучше всего. Через несколько дней ей казалось вполне естественным сидеть за одним столом с высшими сановниками города, вернувшимися недавно из Замка-Горы со сплетнями о Венценосце Властителе Малиборе и его окружении, или с теми, кто рассказывал об охотах в северных болотах с Понтифексом Тупверасом в ту пору, когда он был еще Венценосцем при Понтифексе Оссере, или с теми, кто приехал из Внутреннего Храма после встречи с Властительницей Острова Снов.

Она так непринужденно чувствовала себя в компании великих, что обратись к ней кто-нибудь с вопросом: "А как вы, госпожа, провели последние месяцы?", она бы легко ответила: "Как и положено воровке с Большого Базара". Но подобных вопросов не возникло. На таком уровне общества не потворствуют праздному любопытству.

И потому, когда на седьмой день Галайн поинтересовался, не хочет ли она вернуться на Большой Базар, она не стала спрашивать, пресытился ли он ее обществом или просто устал. Он взял ее в любовницы на время, и время это теперь истекло. Что же, эту неделю она никогда не забудет.

И все-таки возвращение оказалось ударом. Роскошный флотер доставил ее от Ниссиморн Проспекта к Пидрайдским воротам Большого Базара и служанка Галайна держала в руках узелок с подарками, которые преподносил ей любовник за время их совместного проживания в течение недели.

После того, как флотер исчез среди городских улиц, Иньянна окунулась в неистовый хаос Большого Базара и словно очнулась после долгого и колдовского сна. Пока она шла между переполненными покупателями рядами лавок, палаток и магазинчиков, никто не окликнул ее. Ведь ее знали как Калибая, а сейчас она была одета в женское платье. Она молча шла через кружившую толпу, омытая еще аурой аристократичности, и с каждой минутой угнетенно чувствовала, что теряет ее. Сон кончился, она снова живет по-настоящему.

Сегодня вечером Галайн обедает с гостем, Герцогом Мазадона, а завтра они отправятся рыбачить на яхте вверх по Стейше, потом... что будет потом, она не знала, но знала, что стащит сегодня фляжку сладкого вина и напьется.

На мгновение на глазах навернулись слезы. Она заставила их исчезнуть, говоря себе, что это глупо, и нужно не жаловаться на возвращение из Ниссиморн Проспекта, а радоваться, что провела такую неделю.

В комнате не оказалось никого, кроме хджорта Вьорка и одного из Метаморфов. Они лишь кивнули, когда Иньянна появилась в подземной берлоге. Она прошла к себе и переоделась в костюм Калибая. Но сразу вернуться к воровству она пока была не в силах. Она спрятала мешочек с драгоценностями и безделушками, подаренными Галайном, под свою постель. Продав их, она легко могла бы жить, не занимаясь воровством года два, но она не собиралась этого делать. Завтра, решила Иньянна, она выйдет на Базар, а сегодня, — и она уткнулась в подушку, — она снова отдастся Сидэйну.

Слезы вновь навернулись на глаза, и на этот раз она выплакалась, потом встала, чувствуя себя намного спокойнее, умылась и принялась ждать появления остальных.

Сидэйн приветствовал ее с благородной невозмутимостью: никаких расспросов, никакого намека на обиду, никаких инсинуаций. Он с улыбкой взял ее руки в свои, довольный, что она вернулась, и предложил глоток только что украденного вина из Альханроэля, рассказал пару случаев, приключившихся на Базаре, пока ее не было. Иньянна ста-

ралась понять, не испытывает ли он препятствия, зная, что последним мужчиной, ласкавшим ее тело, был брат самого Герцога? Но нет, он потянулся к ней ласково и без колебаний, едва они очутились в постели, и его тощее костлявое тело навалилось на нее.

На следующий день после работы они поехали в Парк Мифических Чудищ, где впервые увидели госсималя Клайга, настолько тонкого, что он казался невидимым сбоку. Они смеялись и дурачились.

Но остальные воры стали относиться к Иньянне с каким-то страхом, поскольку знали, где она была и чем занималась. Одна Лилэйв осмеливалась говорить с ней прямо, и только она спросила:

— Что он увидел в тебе?

— Откуда я знаю? Это было как сон.

— Я думаю, это справедливо.

— Ты о чем?

— Тебя ведь обманули, а так ты хоть как-то возместила свою обиду. Дивине и добра, и зла одинаково. — Лилэйв рассмеялась. — Ты вернула свои двадцать ройялов?

Иньянне пришлось признать, что это так. Однако, долг, как оказалось, еще не был полностью оплачен. На следующий День Звезды, когда она ходила по разменным рядам, снимая лишние монеты то тут, то там, она вдруг поразилась чужой руке на своем запястье, удивляясь дураку-вору, не узнавшему ее. Но это была Лилэйв. Лицо ее пылало, глаза сделались круглыми.

— Беги скорей домой! — выдохнула она.

— Что случилось?

— Там ждут два брона. Тебя зовет Галайн, и они говорят, чтобы ты собрала все свои вещи, потому что больше не вернешься на Большой Базар.

10

Так случилось, что Иньянна Форлэйн, бывшая лавочница в Велатхусе и бывшая воровка на Большом Базаре, поселилась в Ниссиморн Проспекте с Галайном из Ни-Моуа. Галайн ничего не объяснял, и она не просила объяснений. Он хотел ее, и этого было достаточно. Первые несколько недель она ждала, что однажды утром он попросит ее вернуться на базар, но ничего не происходило, и по прошествии времени, она перестала об этом думать. Теперь, куда бы ни направлялся Галайн, она находилась рядом: и на охоте на гихорнов в Болотах Зимра, и в Вечном Цирке ослепительного Дэлорна, и в Канторе на празднестве Цезарей, и даже в загадочном

Пьюрифейне, где Галайн по поручению брата обследовал земли Меняющих Форму. Она, прожившая безвыездно в сыром Велатхусе двадцать лет жизни, считала само собой разумеющимся сопровождать всюду своего мужчину, однако, никогда не забывалась, никогда не теряла иронии, с которой относилась к столь необычной перемене в своей жизни.

Она не удивилась даже, когда обнаружила, что сидит за столом возле самого Венценосца. Властитель Малибор прибыл в Ни-Моуа, объезжая Маджипур и желая показать жителям западного континента, что они так же дороги ему, как и альханроэльцы. Герцог задал пиршество, и Иньянна оказалась по правую руку Венценосца, слева от нее сидел Галайн, сам Герцог с женой заняли места напротив Властителя Малибора. Иньянна еще в школе заучивала имена: Стиамот, Конфалум, Престимион, Деккерет... Мать частенько рассказывала ей, что в день ее рождения в Велатхус пришла весть о смерти Оссера и о том, что ставший новым Понтифексом Властитель Тупверас избрал Венценосцем некоего Малибора из Бомбифэйла, широколицего мужчину с широко расставленными глазами и тяжелыми бровями. Но то, что такие люди, как Понтифекс или Венценосец действительно существуют, всегда казалось ей нереальным, а тут ее локоть находился в каком-то дюйме от локтя Венценосца, и она поражалась, какой это массивный и дорогой человек, чей лик чеканили на всех монетах.

Она разумно предполагала, что разговор Венценосца будет идти о положении дел в провинции, но Властитель Малибор болтал, в основном, об охоте: что он забрался так далеко, чтобы добыть голову редкого зверя, что только в этом недоступном месте можно добыть этого зверя, и так далее, и так далее, и что он строит новый Тропический зал в Замке, и что через год-два он вернется в Замок, и что им с Галайном следует побывать у него в гостях, и что Тропический зал закончат к тому времени, и что он всем понравится, и что все увидят там страшных зверюг, созданных искусными таксидермистами Замка-Горы.

Иньянне было скучно, однако, она заставила себя вежливо слушать и даже два-три раза сделала удачные замечания.

На рассвете, когда они вернулись в Ниссиморн Проспект и готовились лечь, Галайн сказал ей:

— Венценосец собирается устроить охоту на морских драконов. Он хочет отыскать дракона, похожего на колосса Властителя Кинникена, футов в триста длиной.

Уставшая донельзя Иньянна передернула плечами.

— А что, в его Тропическом зале найдется место и для морского дракона?

— Для головы и крыльев, наверняка. Но шансов добыть их у него немного. Того дракона видели всего четыре раза после Властителя Кинникена. Правда, если Венценосец его не отыщет, он удовольствуется другим.

— И здесь у него есть шанс?

Галайн кивнул.

— Но охота на морских драконов дело опасное, и лучше бы ему не пытаться. Однако, он уже заполучил каждую тварь, ползающую по суше. В общем, к концу недели мы едем в Пилиплок.

— Мы?

— Венценосец просил меня сопровождать его на охоту, — с унылой усмешкой объяснил Галайн. — Сначала он хотел пригласить герцога, но брат отказался, сославшись на дела в провинции. Тогда он попросил меня. Отказаться не мог.

— Я поеду с тобой? — спросила она.

— Вряд ли это получится.

— О, — произнесла она совершенно спокойно и, помолчав, спросила: — Когда ты вернешься?

— Обычно охота длится не меньше трех месяцев, пока не кончится сезон южных ветров, да еще добираться до Пилиплока, снаряжать судно и само возвращение... Месяцев семь-девять, наверное. К весне вернусь.

— Понимаю.

Галайн лег к ней и прижал к себе.

— Это будет очень долгая разлука для меня, клянусь тебе.

Она хотела сказать — неужели ты не можешь отказаться? Или, может, я смогу поехать с тобой? — но понимала, что это ничего не даст. И она не протестовала. Она обняла его, и они занимались любовью до самого восхода солнца,

Накануне отъезда в Пилиплок, где стояли в гавани корабли охотников на драконов, Галайн позвал ее в свой кабинет на верхнем этаже Ниссиморн Проспекта и протянул толстую пачку документов.

— Что это? — спросила она, не решаясь взять.

— Наш брачный договор.

— Шутка неумная, господин.

— Это не шутка, Иньянна, совсем не шутка.

— Но...

— Я хотел обсудить все с тобой зимой, но тут возникла эта проклятая поездка за драконом, и у меня не остается времени. Вот и пришлось поторопить события. Для меня ты не просто любовница, и эти бумаги узаконивают нашу связь.

— Разве наша любовь нуждается в узаконивании?

— Я отправлюсь в рискованную и дурацкую поездку, из которой, естественно хочу вернуться живым, но в море моя

судьба будет в руках Дивине. Как у любовницы у тебя нет прав на наследство, но как у моей жены...

Иньянна была ошарашена.

— Но если риск так велик, лучше откажись от поездки.

— Ты знаешь, что это невозможно. Придется рискнуть. Но я хочу тебя обеспечить. Посмотри бумаги, Иньянна.

Она долго смотрела на документы, разбитые на многочисленные пункты, но ничего не видела в изящной каллиграфии письма. Жена Галайна? Ей это казалось чудовищным, переходящим все границы. И все же, все же...

Он ждет. Она не может отказать ему.

Утром он уехал с Венценосцем в Пилиплок, и весь день унылая и смущенная Иньянна бродила по коридорам и комнатам Ниссиморн Проспекта. Вечером ее пригласил на обед Герцог, на следующий вечер Дюранд Ливолк со своей дамой сердца заманили ее на Нарабальский островок. Затем приглашения следовали одно за другим, так что не оставалось ни минуты свободного времени, и месяцы летели один за другим. А потом пришла весть об огромном драконе, напавшем на корабль Властителя Малибора и отправившем его на дно Великого Моря. Погибли и Венценосец, и все, кто находился с ним на корабле. Некий Вориакс был провозглашен новым Венценосцем. И по завещанию Галайна Иньянна вступила в полное владение его имуществом, и в частности особняком Ниссиморн Проспект.

11

Когда закончился траур и настало время заняться устройством собственных дел, она вызвала одного из управляющих и распорядилась большую сумму денег в виде дара доставить на Большой Базар и вручить вору Агормэйлу и членам его семьи. Так она давала понять, что не забыла их.

— Передадите мне их точные слова, которые они скажут, когда будут получать кошельки, — наказала она управляющему, надеясь, что воры пошлют ей теплый привет о совместно прожитых днях. Но ни один не сказал ничего интересного — все просто благодарили госпожу Иньянну, кроме одного человека по имени Сидэйн, который наотрез отказался от подарка, несмотря на все уговоры.

Иньянна печально улыбнулась и раздала двадцать ройялов, не принятых Сидэйном, детям на улицах, после чего больше не имела никаких дел с ворами Большого Базара и никогда не бывала там.

Несколько лет спустя во время прогулки по лавкам Паутинной Галереи она обратила внимание на двух подозри-

тельно выглядевших мужчин в магазинчике с безделушками, вырезанными из кости морских драконов. Их движения, и то, как они переглядывались, заставляли думать, что это воры, собирающиеся в удобный момент обчистить лавку. Присмотревшись, она поняла вдруг, что видела их раньше — и невысокого коротко остриженного, и второго, бледного с шишковатым лицом. Она сделала жест сопровождающим, и те спокойно и быстро окружили парочку.

Иньянна сказала:

— Один из вас — Стойг, второй называет себя Безаном Ормусом, правда, я не помню, кто из вас кто. Зато все остальные детали нашей встречи я помню очень подробно.

Борн тревожно переглянулся с товарищами.

— Господа, — сказал высокий, — вы ошибаетесь. Меня зовут Елакон Мирц, а моего друга — Тануз.

— Сейчас, может быть. Но в вашу бытность в Велатхусе вас звали по-другому. Вижу, вы сменили мошеннические проделки на обычное воровство. Расскажите-ка мне, сколько еще наследников Ниссиморн Проспекта вы отыскали, прежде чем закончить?

Теперь в их глазах читалась откровенная паника. Они, кажется, прикидывали шансы прорваться к двери мимо людей Иньянны, но это было бессмысленно, тем более, что стража Паутинной Галереи заметила происходящее и собралась у входа снаружи.

— Мы честные торговцы, госпожа, — сказал низенький дрожащим голосом.

— Вы неисправимые мерзавцы, — отрезала Иньянна. — Посмейте только еще раз отрицать, что я вас не знаю, и я отправлю вас на каторжные работы!

— Госпожа...

— Говорить правду, — предупредила Иньянна.

— Мы признаем обвинение. Но это было давно. Если мы оскорбили вас, то готовы полностью возместить убытки.

— Оскорбили? — Иньянна расхохоталась. — Скорей уж сослужили великую службу. Я вам только благодарна. Я, Иньянна Форэйн, лавочница из Велатхуса, которую вы надули на двадцать ройялов, теперь стала Иньянной из Ни-Моуа, владелицей Ниссиморн Проспекта по воле Дивине. — Она кивнула стражникам: — Отведите эту парочку к прокурорам и скажите, что доказательства я представлю позже, но прошу отнестись к ним снисходительно — месяца на три исправительных работ или что-нибудь подобное. После я возьму их себе на службу. — Она махнула рукой, и их увели. Иньянна повернулась к хозяину лавки. — Я сожалею о происшедшем. Значит, эти резные гербы города стоят десять рой-

ялов за штуку? А что вы скажете о тридцати ройялах, если добавить резьбу вот по этим кругам...

ВОРИАКС И ВАЛЕНТАЙН

Из всего, что узнал Хиссайн, история Иньянны Форлэйн больше всего тронула его сердце. Отчасти потому, что жила она в его время, и мир ее не казался таким чуждым, как мир художника или Тесме. Но главная причина заключалась в том, что чувства Хиссайна были созвучны чувствам современницы из Велатхуса, поскольку и та начинала практически с нуля, лишившись практически всего, но тем не менее, достигла могущества, величия и богатства. Старая истина: Дивине помогает тем, кто помогает себе сам, а Иньянна своими делами, вернее, отношением к делам, внушала уважение. Конечно, счастье ей улыбнулось — она привлекла внимание нужного человека в нужный момент, но разве у других не может быть так же? Во всяком случае, Хиссайн, сам оказавшийся в нужное время в нужном месте, когда Властитель Валентайн несколько лет назад скитался по Лабиринту, верил в это. Но мог ли он рассчитывать на что-нибудь выше места писца? Да! Пусть ему уже восемнадцать и делать карьеру кажется поздно — перед ним пример Иньянны Форлэйн. Почему Властитель Валентайн не может послать за ним в любую минуту, Властитель Валентайн, прибывший в Лабиринт с неделю назад? Он может вызвать его и сказать: "Хиссайн, ты уже достаточно послужил в этом грязном месте. Хочешь жить у меня в Замке-Горы?" Разумеется, да, но он пока не слышал подобных предложений от Венценосца и вряд ли услышит. Несмотря на свою богатую фантазию, он никогда не тешил себя несбыточными мечтами. Поэтому он продолжал исполнять свою работу и осмысливать то, что познал в Счетчике Душ, а потом принялся искать в хранилище запись Властителя Валентайна. Это была наглость. Он понимал, что опасно искушать судьбу: он бы не удивился, если бы вспыхнул свет, зазвенела тревога и стража схватила бы юного наглеца, без малейшего почтения проникшего в душу самого Венценосца. Так что больше всего его удивило, что механизм выдал ему запись Властителя Валентайна, сделанную очень давно. Хиссайн не колебался...

Их было двое, широкоплечих, высоких и сильных, с черными блестящими глазами; держались они так, что сразу было видно — они братья. Но они были разными. В одном осталось еще что-то мальчишеское, и это было видно не только по чуть заметной поросли бородки и гладкому лицу, но и не-

кой теплоте и озорству в его глазах. Старший казался более сдержанным, более суровым, более властным, словно нес на плечах какое-то бремя, наложившее на него отпечаток. Так оно и было: ему, Вориаксу из Халанкса, старшему сыну Канцлера Дамандайна, еще в детстве было прилюдно сказано, что он станет Венценосцем. Еще было предсказано, что после брата Валентайн займет место, но сам Валентайн не питал никаких иллюзий относительно этого — обычные комплименты младшему сыну высокопоставленного лица. Вориакс был старше на восемь лет, и, вне всяких сомнений, если кто и отправится в Замок-Горы, это будет Вориакс. Их отец, Канцлер Дамандайн, был одним из ближайших советников Властителя Тупвераса и тоже мог претендовать на роль следующего Венценосца, но когда Властитель Тупверас стал Понтифексом, он провозгласил Венценосцем Малибора, правителя Бомбифэйла, города у подножия Горы. Никто не возражал, несмотря на то, что Малибор, человек довольно резкий, более интересовался охотой и развлечениями, нежели был озабочен тяжким бременем власти. Валентайн тогда еще не родился, но Вориакс рассказывал ему, что отец никогда ничем не выдал разочарования, когда трон получил посторонний человек, хотя он подходил для него лучше всего.

Валентайну очень хотелось знать, поступит ли Вориакс столь же благородно, если ему откажут в венце звездного взрыва вопреки всем обещаниям, и провозгласят Венценосцем кого-нибудь из высокопоставленных особ — Елидата, например, или Морвойла, или Тунигорна. Иногда Валентайн тайком произносил их имена, чтобы услышать на слух: Властитель Елидат, Властитель Тунигорн, Властитель Морвойл, Властитель Вориакс и даже — Властитель Валентайн. Но подобного рода фантазии были глупыми и редко приходили на ум. Валентайн не желал занимать место брата, но очень хотел, чтобы именно Вориакс сделался Венценосцем, когда придет время Малибору стать Понтифексом.Но сейчас сложная путаница дворцовых перестановок была далека от Валентайна. Они с братом находились на отдыхе у подножья Горы. Это была давно откладываемая поездка, так как в позапрошлом году во время путешествия со своим другом Елидатом в лесах пигми под Амблеморном Валентайн получил ужасный перелом ноги, и лишь недавно оправился. Это был последний длительный отдых Валентайна, поскольку ему исполнилось семнадцать лет и предстояло войти в группу княжичей, из которой обычно набирались Венценосцы и правители городов, а там предстояло учиться многому, после чего начиналась бесконечная работа.

Он ехал с Вориаксом, который под благовидным предлогом — присматривать за братом, удрал от своих обязанностей

в Замке и радовался этому, как мальчишка. От семейного дворца в Халанксе до ближайшего города удовольствий Верхнего Морпина можно было добраться на Колеснице Джаггернауна по силовым тоннелям, но Валентайну хотелось прокатиться на зеркальных катках. Он высказал свое пожелание, намекнув, что хотел бы испытать сломанную ногу; по лицу Вориакса он понял, что тот сомневается, сумеет ли Валентайн справиться, но был слишком тактичен, чтобы высказывать сомнения вслух.

Когда они неслись вниз, Вориакс держался возле Валентайна, подстраховывая брата. Валентайну это не понравилось, и он отъехал на несколько шагов. Вориакс не отставал; так продолжалось до тех пор, пока Валентайн не оглянулся.

— Боишься, что я шлепнусь?

— Совсем не боюсь.

— Тогда чего прилип? Сам боишься грохнуться? — Валентайн расхохотался. — Не волнуйся, я успею тебя подхватить.

— Какой ты всегда рассудительный, брат, — улыбнулся Вориакс в ответ. А затем катки развернули зеркала, и больше не оставалось времени для шуток. Какое-то мгновение Валентайн чувствовал себя неловко (зеркальные катки не для калек, а после перелома осталась легкая, но приводящая в ярость, хромота), он быстро ухватил ритм и выпрямился, великолепно балансируя даже на самых бешеных виражах, и когда, крича во все горло, пролетел мимо Вориакс, то заметил, что тревога исчезла с лица брата. Тем не менее, суть эпизода заставила Валентайна о многом подумать, пока они спускались до Тентага, где любовались празднеством деревенских танцев, а потом до Эрсад Гранда, Минимэйла и через Гимкандэйл до Фьюрибла, города каменных птиц. Обычно, пока они ждали начала скольжения зеркальных катков, Вориакс держался с братом, как любящий страж, и его забота о безопасности Валентайна казалась последнему чрезмерной и неуместной, но он понимал, что Вориаксом движет братская любовь, и не корил его.

После Фьюрибла они миновали Бимбак Восточный и Бимбак Западный, задержавшись в обоих городах, чтобы полюбоваться двойными башнями в милю высотой, вид которых заставлял даже самых чванливых чувствовать себя ничтожными муравьями, и за Бимбаком Западным они пересели на маунтов и выбрали путь, ведущий к Амблеморну, где десять бешеных потоков сливались, образуя могучую реку Кланг. На нижнем склоне Горы со стороны Амблеморна находилось плоское пространство в несколько миль в поперечнике с плотной меловой почвой, и деревья тут не превышали роста человека и толщины девичьего запястья. Именно здесь, в лесу пигми с Валентайном и случилось несчастье в позапрош-

лом году. Он тогда слишком сильно пришпорил маунта там, где этого делать не стоило: коварные корни здесь выдавались над землей. Маунт оступился, и Валентайн упал. Нога застряла, согнувшись между двух тонких, но неподатливых деревьев, чьи стволы закостенели за тысячелетия; шли казалось, месяцы мучений и боли, пока кость медленно ломалась пополам — и целый год бытия его юности исчез из жизни. Зачем они вернулись сюда теперь? Вориакс пробирался по странному лесу так осторожно, словно искал спрятанные сокровища. Наконец он повернулся к Валентайну и сказал:

— Место кажется зачарованным.

— Объяснение простое. Корни деревьев не могут глубоко проникать в эту поганую твердую почву, и потому тянутся даже вверх, цепляясь во все, что попадается, и все равно умирают от истощения, и питаются...

— Да, я знаю, — холодно заметил Вориакс. — Я не сказал, что это место очаровывает, я сказал, оно кажется зачаровывающим, и даже целый легион колдунов-бронов не сумеет сотворить что-либо такое же безобразное. Однако, я рад возможности еще раз увидеть все это. Поедем дальше?

— Хитрец.

— Я? Я просто...

— ...Предлагаю проехать там же, где я сломал ногу.

Румяное лицо Вориакса покраснело еще больше.

— Я не думаю, что ты упадешь снова.

— Конечно, не думаешь. Но думал, будто я могу так подумать. Ты ведь веришь, что преодолеть страх означает идти прямо на то, чего боишься, вот и подводишь меня к мысли еще раз проехать здесь, чтобы избавиться от робости, какую этот лес мне будто бы внушает. Вроде бы прямо противоположное тому, как ты опекал меня на зеркальных катках, хотя, по сути — то же самое.

— Ничего не понял, — пробурчал Вориакс. — Тебя, наверное, лихорадит.

— Еще чего! Так едем?

— Нет.

Сбитый с толку Валентайн стукнул кулаком по ладони.

— Ты же только что сам предлагал!

— Да, — согласился Вориакс, — предлагал. Но ты обвиняешь меня в хитрости, а сам полон непонятного гнева и вызова, и если мы поедем по лесу, пока ты в таком состоянии, ты наверняка свалишься опять, и еще что-нибудь сломаешь. Заворачивай, едем в Амблеморн.

— Вориакс...

— Поехали!

— Я сам хочу проехать через лес. — Валентайн не сводил глаз с брата. — Сам! Ты поедешь со мной или будешь ждать здесь?

— С тобой, конечно.

— Теперь не забудь напомнить мне быть внимательным и смотреть под ноги, потому что там могут оказаться предательские корни.

Вориакс раздраженно дернул щекой. Он вздохнул.

— Ты не ребенок и я не стану тебе ничего говорить. И кроме того, если бы я думал, что ты нуждаешься в таких советах, я бы просто не пустил тебя.

Он пришпорил маунта и помчался вниз по узкой тропке между деревьев пигми.

Валентайн мгновенно последовал за ним, стараясь не отставать. Ехать было тяжело — повсюду подстерегали угрожающие ветви и корни, вроде тех что сбили его в прошлый раз, когда он здесь ехал с Елидатом, но теперь его маунт твердо ступал по земле и не было нужды натягивать поводья. И хотя воспоминание о падении оставалось ярким, Валентайн не испытывал никакого страха, он просто держался внимательнее и знал, что если упадет и на этот раз, то последствия будут уже не такими катастрофическими. Еще он удивлялся сам себе, что так отреагировал на заботу Вориакса. Наверное, он стал слишком обидчив и слишком чувствителен, раз с такой горячностью восстал против опеки старшего брата, а ведь тот готовился помочь, ему все равно придется брать на себя ответственность за всех и за каждого, особенно за младшего брата. Обдумав все это, Валентайн решил защищаться менее рьяно.

Миновав лес, они въехали в Амблеморн, старейший из городов Замка-Горы, древнейшее местечко путаных улиц и увитых виноградом стен. Отсюда двенадцать тысяч лет назад началось покорение Горы, отсюда совершились первые рискованные вылазки на совершенно голый безвоздушный нарост тридцатимильной высоты, торчавший из почвы Маджипура. Тому, кто всю жизнь прожил в пятидесяти городах среди вечной благоухающей весны, трудно представить время, когда Гора была пустой и необитаемой. Но Валентайн знал историю первых подъемов на титанические склоны, во время которых первопроходцы подняли на вершины механизмы, вырабатывающие тепло и воздух для всей Горы; знал он и о том, как преобразовывалась Гора за проходившие столетия в место подлинной красоты, и увенчалась наконец небольшим зданием, воздвигнутым Властителем Стиамотом восемь тысяч лет назад, которое со временем неузнаваемо преобразилось, превратившись в колоссальный и непостижимый Замок, где царствовал сейчас Властитель Ма-

либор. Они с Вориаксом замерли в благоговении перед монументом в Амблеморне с древней, вырезанной по дереву, надписью:

"Выше все было бесплодно".

Сад удивительных деревьев-халэтинг окружал подножье из полированного черного монумента, взметнувшегося ввысь.

Двое суток они провели в Амблеморне, после чего спустились по Долине Клайга к местечку под названием Чиселдорн. Там на краю мрачного и густого леса в поселке жили несколько тысяч человек, переселившихся сюда из больших городов Горы. Они жили в шатрах, сотканных из черной шерсти диких блавсов, которые паслись на заливных лугах у небольшой речки и делились помаленьку своими шкурами со своими соседями. Кто говорил, будто они чародеи и колдуны, кто уверял, будто они бродячее племя Метаморфов, сумевшее избежать древнего изгнания своего рода с Альханроэля, и которое вынуждено теперь постоянно носить человеческий облик; правда же, подозревал Валентайн, заключалась в том, что народ этот просто отвратительно себя чувствовал в мире торговли и наживы, каким был Маджипур, и это заставляло их жить своей отдельной общиной.

Поздним полуднем они с Вориаксом добрались до холма, с которого увидели лес Чиселдорна, и сразу за ним деревню черных Шатров. Лес выглядел неприветливо: низкие и толстоствольные деревья-пингла с прямыми ветвями, росшими под самыми разными углами, тесно переплетались, образуя плотный балдахин, не пропускавший свет. А десятистенные шатры деревни, занимавшие обширнейшие пространства, походили на огромных насекомых необычной, но строго геометрической формы, замерших на мгновение перед тем, как продолжить свою неостановимую миграцию через местность, к которой были совершенно безразличны. Валентайн всегда испытывал большое любопытство к Чиселдорнскому лесу и его жителям, но сейчас, когда он добрался сюда, он почему-то уже не так страстно стремился проникнуть в их тайны.

Он смотрел на Вориакса и увидел на лице брата те же сомнения.

— Что будем делать? — спросил он.

— Ну, по-моему, лагерь разобьем здесь, а поутру съездим в деревню, поглядим, какой прием нам там окажут.

— Неужели ты думаешь, что на нас нападут?

— Нападут? Сильно сомневаюсь. По-моему, они миролюбивее многих наших знакомых. Просто, к чему навязываться на ночь глядя, раз и сами мы не хотим? Почему не уважить их стремление к одиночеству? — Вориакс указал на песча-

ную косу у реки. — Как, по-твоему, может, поставим лагерь здесь?

Они спешились, пустили маунтов пастись, распаковали мешки и принялись готовить ужин. Когда они собирали хворост для костра, Валентайн заметил:

— Если бы Властитель Малибор охотился за какой-нибудь тварью в здешних местах, интересно, что бы он подумал насчет уединенности здешних жителей, вернее, что бы подумали они.

— Ничто бы не помешало Властителю Малибору охотиться.

— Точно. И философские мысли его никогда не переполняют. Я думаю, ты будешь гораздо лучшим Венценосцем, Вориакс.

— Не говори глупостей.

— Это не глупости, а здравое мнение. Любой согласится, что Малибор профан в государственных делах. И когда ты...

— Замолчи, Валентайн!

— Ты будешь Венценосцем, — убежденно произнес Валентайн. — К чему притворяться? Это наверняка произойдет, и скоро. Тупверас очень стар. Малибор переберется в Лабиринт через год-другой и, несомненно, провозгласит нового Венценосца; так как человек он не глупый, то...

Вориакс ухватил Валентайна за руку и сжал ее, в глазах его читалось раздражение.

— Такая болтовня добром не кончится. Прошу тебя, перестань!

— Только одно...

— Я больше не желаю слышать измышлений на тему, кто будет Венценосцем.

Валентайн согласно кивнул.

— Нет, не измышления, а вопрос брата к брату. Я почти все об этом думаю. Я больше не стану говорить, что ты будешь Венценосцем, но я очень хочу узнать — хочешь ли ты сам быть Венценосцем? Хочешь ли ты сам нести такое бремя на своих плечах?

После долгого молчания Вориакс ответил:

— От этого бремени никто не сможет отказаться.

— Но ты хочешь?

— Если судьба предопределит его мне, разве я смогу сказать нет?

— Ты уклоняешься от ответа. Посмотри, какие мы сейчас: богатые, счастливые, свободные. И никакой ответственности, как при дворе. Мы можем делать все, что нравится, ехать, куда заблагорассудится, например, на Остров Снов или на Зимроэль поохотиться на Канторских Болотах — все, что угодно! Лишиться всего этого ради венца звездного взрыва?

Возможности ставить подписи под указами? Совершать грандиозные шествия со всеми этими публичными речами и выступлениями, и в один прекрасный день упокоиться на дне Лабиринта — стоит ли, Вориакс? Неужели ты хочешь этого?

— Какой ты еще мальчишка! — вздохнул Вориакс.

Валентайн сник. Опять та же снисходительность! Но чуть погодя он понял, что заслужил ее сам своими ребячьими вопросами. Он успокоился и сказал:

— Ничего, когда-нибудь и я возмужаю.

— Да, но для этого тебе еще многое предстоит.

— Несомненно. — Он промолчал. — Хорошо. Ты признаешь неизбежность царствования, если Венценосцем провозгласят тебя. Но хочешь ли ты стать им? Действительно ли ты стремишься к этому, или просто склад характера и чувство долга заставляют тебя готовиться занять трон?

— Я, — медленно начал Вориакс, — готовлю себя не для трона, а на определенную роль в правительстве Маджипура, между прочим, так же, как и ты, и... да, дело здесь и в складе характера, и в чувстве долга сына Верховного Канцлера, Дамандайна, как и тебя тоже. Если мне предложат трон, я приму его с гордостью и буду нести эту ношу, как сумею, но я никогда не стремился царствовать, и очень мало размышлял на эту тему. А вообще я нахожу наш разговор утомительным и бесцельным, и прошу тебя собирать хворост молча.

Он посмотрел на Валентайна и со вздохом отвернулся.

Вопросы расцветали в Валентайне, как алабендисты летом; он подавил их, поскольку заметил, как у Вориакса подрагивают губы, и понял, что тот наглухо замкнулся. Вориакс подбирал и складывал сухие ломкие ветви с усердием, совсем не нужным для подобного занятия. Валентайн больше не пытался пробить броню брата, хотя и не узнал практически ничего из того, что хотел узнать. Правда, по отпору брата он заподозрил, что тот все-таки действительно желал царствовать и с увлечением предавался мечтам. А почему бы и нет? Нет ничего дурного в стремлении завоевать всеобщую любовь и славу, что несомненно, и произойдет с Вориаксом, когда он станет Венценосцем.

Он принес в лагерь связку хвороста и принялся разводить костер. Вориакс вернулся следом. Он упорно молчал, и холодок отчуждения пробежал между братьями к великому огорчению Валентайна.

Он хотел бы извиниться, но это было невозможно: он никогда не просил прощения за содеянное у Вориакса, как и Вориакс у него. Конечно, он и сейчас мог бы заговорить с братом совершенно свободно, но... этот холодок было тяжело переносить, и если он не исчезнет, то отравит им весь отдых.

Валентайн торопливо искал возможность восстановить прежние отношения и вскоре нашел — в детстве это срабатывало.

Он подошел к Вориаксу, который в угрюмом молчании нарезал мясо на ужин, и предложил:

— Может, поборемся?

Вориакс вздрогнул.

— Что?

— Вот, захотелось размяться.

— Ну, так заберись на дерево и попляши на ветвях.

— Всего пару схваток.

— Чушь!

— Почему? Или, если я тебя припечатаю, твое достоинство сильно оскорбится?

— Валентайн!

— Ну, ладно, ладно, прости. — Валентайн пригнулся, став в борцовскую позу и вытянув руки. — Ну, пожалуйста, пару схваток, разомнемся перед ужином!

— У тебя нога только-только срослась.

— Но ведь срослась. Можешь бороться в полную силу, не бойся.

— А если треснет кость, а от нас день пути до города с врачевателями?

— Давай, — нетерпеливо подстегнул Валентайн. — Чего ты медлишь? Покажи лучше, на что ты еще способен! — Он пригнулся, хлопнул в ладоши и сделал вид, будто собирается укусить Вориакса за нос. Тот не выдержал и, вскочив на ноги, бросился на Валентайна.

Что-то было не так. Они боролись довольно часто с той поры, как Валентайн подрос достаточно, чтобы быть партнером Вориаксу, и он знал все уловки брата, все его хитрости. Но сейчас он боролся, казалось, с совершенно незнакомым человеком. Словно какой-то Метаморф схватился с ним в облике Вориакса. Но нет, виновата нога, понял Валентайн. Вориакс сдерживался, не выкладывался в полную силу, был заботлив и осторожен, он снова относился к нему снисходительно. С внезапно вспыхнувшей яростью Валентайн сделал выпад, и, хотя в первые минуты этикет предписывал только проверять противника, ухватив Вориакса, перебросил его через себя, заставив опуститься на колени. Вориакс выглядел изумленным. Валентайн, собравшись с силами, придавил плечо брата к земле. Вориакс подобрался и рванулся вверх, в первый раз использовав всю свою громадную силу, правда, он чуть не лег на землю, но выскользнул из захвата Валентайна, перекатился и вскочил на ноги.

Они осторожно принялись кружить вокруг друг друга.

— Вижу, я тебя недооценивал, — произнес Вориакс. — Твоя нога, должно быть, в полном порядке.

— Вот именно, я уже много раз тебе говорил. Я просто чуть прихрамываю, и только. Ну, давай еще раз!

Он снова пригнулся.

Они сцепились, плотно прижав друг друга, так что ни один не мог пошевелить руками, и стояли, как показалось Валентайну, час или больше, хотя, наверное, прошли минуты две. Затем он отжал Вориакса назад на несколько дюймов, но тот поднатужился и проделал с Валентайном то же самое. Они пыхтели, тяжело дыша, и улыбались друг другу. Валентайн только порадовался улыбке брата; она означала, что они снова друзья, что холодок между ними растаял и Вориакс простил его. В этот миг он просто обнимал брата вместо того, чтобы бороться с ним, но стоило ему чуть расслабиться, Вориакс пригнулся, вырвался и швырнул его на землю, придавив коленом живот и навалившись руками на плечи. Валентайн боролся изо всех сил, но долго продержаться в таком положении не мог. Вориакс неуклонно прижимал его плечи книзу, и в конце концов, припечатал к прохладной сырой земле.

— Твоя взяла, — пробормотал Валентайн, задыхаясь. Вориакс убрал колено и растянулся рядом. Оба расхохотались. — Но в следующий раз я тебе не сдамся.

Внезапно Валентайн услышал аплодисменты, доносившиеся издали.

Он сел, уставившись в сгущающиеся сумерки, и увидел стройную женскую фигуру с необычайно длинными и прямыми черными волосами, стоящую на опушке леса. Глаза у нее были яркими и мерцающими, губы полными, а непривычного покроя одежду составляли только сшитые между собой лоскуты из выдубленной кожи. Валентайну она показалась довольно старой — где-то под тридцать.

— Я наблюдала за вами. — Она приблизилась к ним без каких-либо опасений. — Сначала я думала, что вы деретесь по-настоящему, но потом поняла, что вы просто дурачитесь.

— Боролись мы по-настоящему, — буркнул Вориакс, — но и дурачились тоже. Я Вориакс из Халанкса, а это мой брат Валентайн.

Она посмотрела сначала на одного, потом на другого.

— Да, конечно, братья. А я Тэнанда из Чиселдорна. Могу предсказать ваши судьбы.

— Значит, ты ведьма? — осведомился Валентайн.

В глазах ее вспыхнули веселые огоньки.

— Пожалуй, ведьма. Что еще?

— Тогда предскажи нам судьбу, — согласился Валентайн.

— Подожди, — остановил его Вориакс, — лично мне колдовство не по душе.

— Просто, ты слишком здравомыслящий, — заметил Валентайн. — Ну что тут плохого? Побывать в Чиселдорне, городе колдунов, и не узнать свою судьбу! Чего ты боишься? Это же игра, Вориакс, просто игра! — Он шагнул к ведьме. — Поужинай с нами.

— Валентайн...

Валентайн бросил дерзкий взгляд на брата и засмеялся.

— Я сохраню тебя от зла, не бойся! — И тоном ниже добавил: — Мы так долго путешествовали одни, брат. Я просто изголодался по компании.

— Я вижу, — проворчал Вориакс.

Но ведьма была привлекательной, Валентайн настойчив, и в конце концов, Вориакс не стал возражать против ее присутствия. Он приготовил третью порцию мяса для гостьи, а та на минуту исчезла в лесу, вернулась с фруктами пинглы и показала, как их жарить, чтобы темный сок пропитал нежное мясо. Немного погодя, после ужина Валентайн почувствовал, что голова у него кружится, но усомнился, чтобы это произошло от двух глотков вина. Скорее всего, виноват был сок пинглы. В голове мелькнула мысль о вероломстве, но он сразу отбросил ее — охватившее его головокружение было приятным и даже возбуждающим, и он не нашел в нем ничего дурного. Он взглянул на Вориакса, ожидая, что брат, более подозрительный по природе, уже охвачен смутными страхами, но тот оставался спокойным и веселым — если вообще заметил воздействие сока, — он громко смеялся, потом наклонился к ведьме и что-то сказал. Подумав, Валентайн положил себе еще мяса. Ночь опустилась на лес, окутав темнотой все вокруг костра, звезды резко пылали в небе, освещая его вместе с тоненькой лучиной луны. Валентайну почудилось, будто он слышит отдаленный звон и нестройное пение, хотя прежде ему казалось, что до Чиселдорна слишком далеко, чтобы звуки могли пробиться через густой лес.

Он решил, что это воображение, взбудораженное соком фруктов.

Пылал костер. Воздух сделался прохладнее, и они сбились в кучку, тесно прижавшись друг к другу все трое, и то, что сначала было невинным, после невинным не было. Пока они сидели так, Валентайн обратил внимание на глаза брата — тот ему подмигнул, как бы говоря: "Мы мужчины, брат, и нынче ночью получим удовольствие".

Валентайну приходилось делить женщин с Елидатом или Стасилэйном во время веселого кувыркания втроем в постели для двоих, но никогда — с Вориаксом, таким сознательным, таким благодарным, чем всегда восхищался Валентайн.

Чиселдорнская ведьма сбросила свои кожаные лоскуты и показала стройное гибкое тело в свете костра. Валентайн опасался, что плоть ее покажется отталкивающей, поскольку она была немного стара для него, старше даже Вориакса на пару лет, но теперь видел, что подобные опасения глупы и объяснялись только его неопытностью — она показалась ему прекрасной сейчас. Он тянулся к ней и наткнулся на руку Вориакса у нее на бедре. Он игриво шлепнул по ней, будто смахивая насекомое.

Братья рассмеялись, и в их глубокий смех вплелся серебристый смех Тэнанды, и все трое повалились на росистую траву.

Валентайн никогда не знал такого неистовства, как той ночью. Какой бы наркотик ни заключался в соке пинглы, он своим действием освобождал от всех запретов и дарил неистощимую энергию; с Вориаксом, видимо, происходило то же самое. Ночь превратилась в ряд обрывочных образов, не связанных между собой. То он лежал, вытянувшись, с головой Тэнанды на коленях и поглаживал ее волосы, пока женщину обнимал Вориакс, и слушал их смешанное прерывистое дыхание со странным удовлетворением, то он покоился меж бедер ведьмы, а Вориакс был где-то рядом, но он не мог сказать где. То Тэнанда вдруг оказывалась между ними, лежа животом на одном, пока второй лежал на ней сверху, то они бегали по речке и плескались и хохотали, и бежали, нагие, греться к костру, и вновь занимались любовью: Валентайн и Тэнанда, Вориакс и Тэнанда, Валентайн и Тэнанда и Вориакс, и плоть просила плоти до тех пор, пока серый предутренний свет не развеял мрак.

Все трое проснулись, когда солнце пылало высоко в небе. Многое из случившего ночью исчезло из памяти Валентайна, но, как и Вориакс, он был свеж и бодр. А улыбающаяся обнаженная ведьма лежала между ними.

— Теперь, — предложила она, — может, поговорим о ваших судьбах?

Вориакс издал тяжкий вздох и закашлялся, но Валентайн быстро сказал:

— Да-да! Можешь пророчествовать.

— Помогите мне собрать зерна пинглы, — попросила она.

Они были разбросаны повсюду — блестящие, черные орешки с красными пятнышками на кожице. Валентайн собрал с десяток, и даже Вориакс подобрал несколько. Они отдали их Тэнанде, тоже набравшей с пригоршню, и она принялась их катать в кулаках и бросать на землю, словно игральные кости. Пять раз она бросала их, подбирала и бросала снова. Потом взяла их в сложенные ладони и вывела ими круг, оставшиеся выложила внутри круга и долго

всматривалась в них, показавшись вдруг Валентайну сразу и напряженной и постаревшей.

— Вам обоим уготована высокая судьба, — сказала она наконец. — Но этого мало. Семена гласят большее. Вас обоих ждет опасность.

Вориакс отвернулся, нахмурившись.

— Вы не верите, да, — продолжала Тэнанда. — Но это так, вам угрожает опасность. — Ты, — она указала на Вориакса, — должен опасаться леса, а тебе — она взглянула на Валентайна, — следует держаться подальше от воды, океана, — Она нахмурилась, — и еще многого; судьба твоя загадочна, и я не в силах прочесть ее ясно. Линия твоей судьбы ломается, но ты не умрешь, просто случатся большие перемены и какое-то перевоплощение... — Она покачало головой. — Не могу, это сбивает меня с толку. — Мда... — протянул Вориакс. — Опасайся леса, опасайся воды. Все равно, что опасайся, чего хочешь. Вздор!

— Вы будете Венценосцем, — перебила его Тэнанда.

Вориакс прерывисто задышал, на лице его проступили красные пятна гнева.

Валентайн улыбнулся и хлопнул брата по спине.

— Вот видишь?

— Вы также будете Венценосцем.

— Что? — Валентайн задохнулся от удивления. — Что за глупости! Твои зерна лгут!

— Если ты так, — пробормотала Тэнанда. Она собрала рассыпанные зерна и быстро швырнула их в речку, потом натянула на бедра свою кожаную юбочку из лоскутков. — Два Венценосца, и я провела ночь с обоими! Вы заглянете в Чиселдорн, ваши будущие Величества?

— Наверное, нет, — произнес Вориакс, не глядя на нее.

— Значит, мы больше не увидимся. Прощайте.

И она быстро направилась к лесу. Валентайн махнул ей рукой, но ничего не сказал, только беспомощно сжал пальцами воздух; минуту спустя она исчезла из виду. Он повернулся к Вориаксу, который со злостью затаптывал угольев костра. Вся радость после ночного разгула исчезла.

— Ты был прав, — сказал Валентайн. — Не стоило позволять ей пророчествовать. Лес! Океан! И дурацкое утверждение, будто мы оба станем Венценосцами!

— Что она имела в виду? — задумчиво протянул Вориакс. — Что мы разделим трон, как делили ее тело нынче ночью?

— Этого не будет, — сказал Валентайн убежденно. — Как не было ничего подобного за всю историю Маджипура. Глупость!

— Если я стану Венценосцем, — продолжал Вориакс, не обращая внимания на слова брата, — то как им можешь стать ты?

— Ты меня не слушаешь, — заметил Валентайн. — Я ведь сказал — глупость! Не обращай внимания. Она просто обычная дикарка, которая напоила нас ночью. В ее пророчестве нет ни грамма правды.

— Но она сказала, что я буду Венценосцем...

— И скорее всего так и будет. Ну и что? Просто случайно угадала.

— А если нет? Если она гениальная провидица?

— Тогда ты точно будешь Венценосцем.

— А ты? Если она сказала правду обо мне, то и твое предсказание должно сбыться.

— Нет. — Валентайн покачал головой. — Пророчество, как обычно, загадочно и двусмысленно. Тэнанда имела в виду что-то другое, а не дословно смысл. Ты будешь Венценосцем, брат, и это понятно, но, по-моему, в этом есть еще какой-то смысл.

— Меня это пугает, Валентайн.

— Что ты станешь Венценосцем? Что тут страшного? Чего ты боишься?

— Делить трон с братом...

— Этого не будет, — перебил Валентайн. Он поднял валявшуюся на земле одежду, отделил вещи Вориакса и протянул их ему. — Помнишь, что я говорил тебе вчера? Я не понимаю, к чему стремиться обладать троном, и я тебе не соперник... — Он сжал руку брата. — Послушай, ты ужасно выглядишь. Неужели болтовня лесной ведьмы так на тебя подействовала? Я клянусь тебе, когда ты будешь Венценосцем, я буду служить тебе и никогда не стану соперником. Клянусь нашей матерью, будущей Властительницей Острова Снов! И не принимай близко к сердцу того, что было нынче ночью, ничего этого нет.

— Может быть, и нет, — протянул Вориакс.

— Наверняка нет, — возразил Валентайн. — Ну что, поедем отсюда?

— Да, пожалуй.

— По крайней мере, тело у нее восхитительное, а?

Вориакс рассмеялся.

— Что да, то да. Мне даже жаль, что больше не удастся ее обнять. Ладно, хватит, я сыт по горло и ею и этим местом. Проедем по Чиселдорну или нет?

— Проедем, — кивнул Валентайн. — А какие города тут еще неподалеку?

— Ближайший Джеррик, там полным-полно бронов. Митрипонд, Кайли. Я думаю снять в Джеррике жилье и повеселиться несколько дней.

— В Джеррик так в Джеррик.

— Да, в Джеррик. И не говори мне больше о Венценосце и царствованиях, Валентайн.

— Обещаю — ни слова. — Валентайн засмеялся и обнял Вориакса. — Брат, я несколько раз за нашу поездку думал, что теряю тебя, но теперь вижу — все хорошо.

— Мы никогда не потеряем друг друга, какие бы расстояния нас ни разделяли, — сказал Вориакс. — Едем, брат. Надо только упаковать вещи, и... в Джеррик!

Больше они никогда не заговаривали о ночи, проведенной с лесной ведьмой и о тех странных вещах, которые она напророчествовала.

Пять лет спустя, когда Властитель Малибор сгинул во время охоты на морских драконов, Вориакс был провозглашен Венценосцем, чему никто не удивился, и Валентайн был первым, кто преклонил колени перед ним.

Со временем Валентайн постепенно начал забывать мрачное пророчество Тэнанды, только не мог забыть вкуса ее поцелуев и ее гибкое тело. Но все же иногда он вспоминал ее слова. Два Венценосца? Но каким образом? Только один человек мог быть Венценосцем и восседать на троне, увенчав голову венцом звездного взрыва. Валентайн радовался за брата и оставался тем, кем был, и таким же, каким был.

Только через несколько лет он понял, в чем скрытый смысл пророчества, который заключался не в том, что они будут царствовать совместно с братом, а в том, что после Вориакса он займет его место на троне, хотя никогда прежде не было на Маджипуре, чтобы в таких случаях брат наследовал брату. Но когда он понял это, было уже поздно — Вориакс погиб на охоте в лесу, и Валентайн, оставшись без брата, в благоговении и изумлении поднялся по ступеням Трона Конфалума.

ЭПИЛОГ

Этот эпилог, эти последние минуты, которые какой-то писец впоследствии прибавил к записи самого Валентайна, ошеломили Хиссайна. Довольно долго он сидел неподвижно, затем встал и, словно во сне, принялся убирать комнату. Образы бурной лесной ночи кружились в сознании: размолвка братьев, ясноглазая ведьма, обнаженные тела, пророчество... Да, два Венценосца! И Хиссайн подсматривал за обоими в са-

мые интимные минуты жизни! Он испытывал огромное смущение, и подумал, что настало время отдохнуть от Счетчика Душ; сила его воздействия иногда поражала до глубины души, и стоило, наверное, переждать несколько месяцев. Руки его тряслись, когда он шагнул к двери.

Час назад его пропустил к Счетчику обычный чиновник, пухлый и большеглазый человек по имени Пенагорн. Он еще не сменился с дежурства и до сих пор сидел за столом, но рядом с ним высокий и сильный человек в зелено-золотой форме службы Венценосца. Он сурово оглядел Хиссайна и сказал:

— Могу я взглянуть на ваш пропуск?

Хиссайн остолбенел. Вероятно, они давно знали о его незаконном копании в Счетчике Душ и просто ждали, когда он совершит тягчайшее преступление: проиграет личную запись Венценосца.

— Мы вас искали, — сказал человек в форме. — Пожалуйста, идите за мной.

Хиссайн молча повиновался.

Они вышли из Дома Записей, миновали огромную площадь и очутились у входа на нижние уровни Лабиринта в зале для ожидания флотеров, а затем вниз, вниз, в таинственное царство, где он ни разу не был. Он сидел неподвижно и оцепенело. Казалось, весь мир сжался до размеров флотера, пока тот накручивал спиральные уровни Лабиринта. Где они сейчас? Это ли место — Тронный Двор, откуда правят миром советники Понтифекса? Хиссайн не знал, а спросить не осмеливался, сами сопровождающие не проронили ни слова. Ворота следовали за воротами, проход следовал за проходом, уровень за уровнем, и наконец флотер замер. Его вывели из кабины и провели в ярко освещенную комнату. Шесть человек в зелено-золотой форме встали у него по бокам.

Скользнув в нишу, открылась дверь, и светловолосый человек в простой белой мантии шагнул внутрь. Хиссайн подскочил:

— Господин!..

— Ну-ну, можно и без этикета, Хиссайн. Ты ведь Хиссайн, не так ли?

— Да, господин, только я вырос.

— Восемь лет прошло, действительно... Ростом ты почти такой же, а уже мужчина. Глупо, конечно, но я представлял тебя все еще мальчишкой. Тебе сейчас восемнадцать?

— Да, господин.

— А сколько было, когда ты впервые забрался в Счетчик Душ?

— Значит, вы знаете, господин, — пробормотал Хиссайн, уставившись под ноги.

— А тогда, помнишь, тебе было двенадцать. Мне рассказывали о тебе. Я ведь следил за тобой все эти годы. Потом мне сообщили, что ты пробрался к Счетчику Душ, и я представил себе мальчишку, увидевшего великое множество вещей, которые вряд ли увидел бы.

Щеки Хиссайна горели. Мысли бились в голове потоком. На языке вертелись слова: "Час назад, господин, я видел, как вы с братом забавлялись с длинноволосой ведьмой из Чиселдорна", но, разумеется, он бы скорее умер, чем ляпнул такое вслух. И в то же время он был уверен, что Властитель Валентайн отлично знает об этом, и это угнетало его до невозможности. Он не смел поднять глаза, убеждая себя, что этот высокий светловолосый человек не Валентайн из записи, но понимал, что только обманывает себя. Пусть тот, черноволосый и темнокожий Валентайн был перенесен колдовством в это тело, но личность его оставалась той же самой, и Хиссайн подсматривал за ним, и эту правду не скроешь!

Хиссайн подавленно молчал.

— Что ж, — произнес Властитель Валентайн, — ты всегда был торопыгой. Кстати, Счетчик показал тебе то, что ты увидел бы и сам.

— Он показал мне Ни-Моуа, господин, — еле слышно возразил Хиссайн, — Сувраэль, города Замка-Горы, джунгли Нарабала...

— Места — да. Географию. В таких случаях Счетчик неоценим. Но географию души ты должен познавать сам. Да посмотри на меня, я не сержусь.

— Нет?

— К Счетчику Душ тебя допускали по моему приказу. Правда, не для того, чтобы ты глазел на Ни-Моуа или подсматривал за людьми. Я хотел, чтобы ты мог понять настоящий Маджипур, охватить его, впитать в себя. Это было твое обучение, Хиссайн. Я прав?

— Да, господин, там было так много, что мне хотелось узнать...

— И ты узнал?

— Не все. Ничтожную часть.

— Очень жаль. Для тебя. Потому что больше ты к Счетчику не попадешь.

— Господин?.. Вы меня наказываете?

Венценосец загадочно улыбнулся.

— Наказываю? Как сказать. Ты покинешь Лабиринт и не вернешься сюда очень долго, даже после того, как я стану Понтифексом, а день этот настанет еще не скоро. Я призываю тебя к себе на службу, Хиссайн. Твое обучение закон-

чилось, а у меня есть для тебя дело. Ты уже взрослый. — Венценосец помолчал. — Твоя семья здесь?

— Да, господин, мать и две сестры.

— Нуждаться они не будут. Попрощайся с ними, уложи вещи, мы уезжаем через три дня.

— Через три дня...

— Да, в Алэйсор. Предстоит еще одно шествие. Потом отправимся на Остров Снов, ну, а после заглянем на Зимроэль. Месяцев семь-восемь поездка продлится, я думаю. Ты будешь при мне, в свите двора.

Венценосец снова улыбнулся.

— И последнее, я снова пришлю за тобой завтра утром. Нам ведь нужно о многом поговорить.

Хиссайн низко поклонился, а когда снова поднял голову, Властителя Валентайна в комнате уже не было.

Так сбылась несбыточная мечта.

Он вновь последовал за своим эскортом по длинным коридорам, ярко освещенным тоннелям, поднимаясь с уровня на уровень, пока его не доставили до Дома Записей.

Хиссайн стоял, не зная, что делать. Идти сейчас домой он не мог. Слишком многое произошло за сегодняшний день. И многое нужно было обдумать.

Он повернулся и направился наверх, к далекому Устью Лезвий.

Была ночь. Долгое-долгое мгновение он стоял, не в силах ни думать, ни чувствовать.

Звезды начали меркнуть.

Я буду жить в Замке-Горы, подумал он, я буду в свите Венценосца, и кто знает, что будет дальше?

Больше он думать не мог.

Пришли первые лучи света, а затем могучий свет озарил небо, предвещая восход, и вся земля заполнилась им.

Он не двигался. Теплое солнце Маджипура коснулось его лица.

Солнце... солнце... яркое, пылающее солнце, Мать Миров. Он протянул к нему руки. Он обнял его. Он смеялся и пел.

Затем повернулся и в последний раз вошел в Лабиринт.

СОДЕРЖАНИЕ

Замок Лорда Валентина. *Роман* 4
Хроники Маджипура 418

Литературно-художественное издание

Роберт Силверберг. Замок Лорда Валентина. Хроники Маджипура. Фантастические романы.

Редактор *П. Ульяшов*
Художник *А. Штыхин*

Сдано в набор 18.03.93. Подписано к печати 26.04.93. Формат 60x 90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Балтика. Усл. печ. л. 36,0. Уч.-изд. л. 37,1.
Тираж 100 000 экз. Заказ 3824. Цена договорная.

Книжное издательство "Смядынь". 214000. Смоленск, ул.Б.Советская, 12/1.
МП "Ада". 123308. Москва, ул.Мневники, 10/1.

Книга печатается по заказу фирмы «Настя», имеющей авторское право.

Смоленский полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Качество печати соответствует качеству представленных издательством оригиналов

